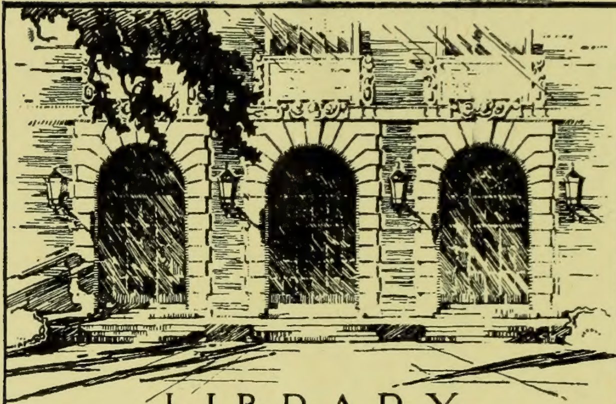

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО И ДОПОЛНИЛЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Ю. О. ШРЕЙЕРЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 марта 1866 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Капонерской, № 7/2.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ жизни каждаго народа совершаются такія событія, которыя оставляютъ почти неизгладимый слѣдъ во всѣхъ дальнѣйшихъ судьбахъ его. Въ этомъ отношеніи едва ли не самый разительный примѣръ представляетъ Польша. Въ западной Европѣ въ помощь католицизму явился знаменитый орденъ іезуитовъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи тоже явленіе встрѣчаемъ въ Польшѣ и Литвѣ. Здѣсь іезуиты нашли обширное поле для своей дѣятельности. Протестантизмъ потерпѣлъ чувствительный ударъ и, вообще, присутствіе іезуитовъ вызвало сильное религіозное движеніе и доходившую до фанатизма религіозную нетерпимость. Въ этомъ религіозномъ пламени суждено было сгорѣть государственному тѣлу Польши, уже ослабленному политическимъ неустройствомъ. Дѣятельность іезуитовъ, ихъ громадное вліяніе на общество, извѣстны всѣмъ и каждому. Одолѣвъ протестантизмъ, они напрягли всѣ свои усилія для истребленія другаго, болѣе опаснаго соперника — православія. Между нимъ и католицизмомъ возникла борьба съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Хотя орденъ впослѣдствіи de facto былъ уничтоженъ, но начала, внесенныя имъ въ польскую жизнь, необыкновенно живучи и, въ извѣстной степени, сохранились и до нашихъ дней. Вотъ почему періодъ времени съ конца пятнадцатаго до конца семнадцатаго столѣтія, въ которомъ самымъ крупнымъ фактомъ

есть господство іезуитовъ, представляетъ, при изученіи историческихъ событій Польши, особый, весьма важный интересъ. Въ настоящій томъ „**Исторіи польскаго народа**“ вошелъ именно этотъ періодъ времени. Въ своемъ мѣстѣ, въ примѣчаніи, мы сочли долгомъ указать на вполнѣ безпристрастный взглядъ автора на іезуитовъ. Вообще же мы вынуждены повторить сказанное въ предисловіи къ I тому. Г. *Шмиттъ* вовсе не щеголяетъ живыми, занимательными разсказами, изяществомъ изложенія. Онъ прежде всего заботится объ исторической истинѣ и выставляетъ факты, отнюдь не задаваясь мыслью—понравится ли это его соотечественникамъ или нѣтъ. Русскіе читатели могутъ только упрекнуть его въ краткости. Двѣ эпохи — самозванцевъ и *Богдана Хмѣльницкаго* изложены, конечно, не съ такою подробностью, какой вправѣ требовать русскій читатель. Впрочемъ въ этомъ отношеніи русская читающая публика обезпечена, имѣя къ своимъ услугамъ прекрасные труды гг. *Соловьева* и *Костомарова.*

Юлій Шрейеръ.

С.-Петербургъ, 15-го марта 1866 г.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчьпосполитая (съ 1496 по 1648 годъ).

Открытіе Новаго Свѣта или Америки вызвало во всемъ западѣ Европы необыкновенное движеніе, которое вмѣстѣ съ рѣшительнымъ переворотомъ въ наукахъ и изобрѣтеніемъ книгопечатанія, имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ общественныя отношенія. Мысль человѣческая, освободясь отъ связывавшихъ ее доселѣ узъ схоластики, смѣло вступила въ борьбу со всѣми стѣснявшими ее предразсудками. Повсюду начало обнаруживаться болѣе живое сознаніе такихъ заблужденій, которыя сдѣлались особенно рѣзкими послѣ пораженія гусситовъ. Многіе просвѣщенные правители и богословы того времени порицали господствовавшіе предразсудки и неумѣстность гоненія за вѣру, а потому такимъ реформаторамъ, каковы были Мартинъ Лютеръ въ Германіи, Цвингль въ Швейцаріи и Кальвинъ во Франціи, было не трудно найти приверженцевъ во всѣхъ слояхъ польскаго общества. Новыя мнѣнія и ученія прививались повсюду, распространялись съ необыкновенною быстротою и возбудили многолѣтнюю борьбу, въ которой затрогивались самые животрепещущіе вопросы. Желая съ большимъ успѣхомъ вліять на убѣжденія народовъ, всѣ реформаторы писали на отечественномъ языкѣ, что сильно содѣйствовало развитію словесности. Это движеніе умовъ отозвалось и въ Польшѣ, гдѣ все живое прививалось всегда, какъ нельзя лучше. Шест-

надцатое столѣтіе, къ изложенію событій котораго мы теперь приступаемъ, составляетъ въ исторіи Польши, подобно какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, весьма важную эпоху.

Очевидное стремленіе Яна Ольбрахта къ любоначалію вызвало могущественную оппозицію землевладѣльцевъ, часто приглашавшихся на съѣзды. На сеймѣ въ Піотрковѣ (1496) состоялось прежде всего рѣшеніе, что отнынѣ, передъ каждымъ сеймомъ, должны собираться сеймики, на которыхъ и воеводства будутъ избирать своихъ пословъ или представителей, снабжая ихъ точною инструкціею; и что, затѣмъ, законодательная власть находится въ рукахъ короля, но совмѣстно съ сеймомъ. Этимъ опредѣлились не только составъ, но и положеніе сейма, при соучастіи котораго королю предстояло съ этихъ поръ завѣдывать важнѣйшими дѣлами Рѣчипосполитой. Шляхта одержала рѣшительную побѣду и сдѣлалась положительно первенствующимъ сословіемъ, изображавшимъ въ лицѣ своемъ весь народъ. Между тѣмъ большинство жителей утратило свою гражданскую равноправность, и, частію даже личную независимость.

Уже на съѣздѣ въ Левочѣ, Янъ Ольбрахтъ проектировалъ съ братьями общій походъ противъ турокъ. Валахію предполагалось занять для Сигизмунда. Первое намѣреніе не состоялось за недостаткомъ средствъ, къ его осуществленію. И другой, тайно составленный планъ, также былъ отложенъ въ долгій ящикъ и къ выполненію его было приступлено едва тридцать лѣтъ спустя. Подъ предлогомъ похода противъ турокъ, безпрестанно тревожившихъ, со стороны Киліи и Бѣлграда, польскаго вассала валахскаго воеводу Стефана, король потребовалъ набрать ополченіе со всего государства и назначилъ сборнымъ пунктомъ Львовъ. Онъ вызвалъ также прусскаго магистра Іоанна Тифена и мазовецкихъ князей, а брата Александра пригласилъ принять участіе въ войнѣ. Не дождавшись мазовецкихъ отрядовъ и крестоносцевъ, король съ одними коронными войсками двинулся (26 іюня 1497) изъ Львова, а къ воеводѣ отправилъ пословъ съ приказаніемъ готовиться къ войнѣ. Хитрый валахскій воевода объявилъ, что только появленіе

короля подъ стѣнами Бѣлграда, найдетъ его готовымъ къ бою, ибо преждевременнымъ вооруженіемъ онъ навлекъ бы на себя преждевременное же нападеніе превосходнаго въ силахъ непріятеля. Между тѣмъ король, вмѣсто того, чтобы избрать кратчайшую дорогу въ Килію или Бѣлградъ, направился прямо въ Валахію, и войску велѣлъ подступить къ Сучавѣ, такъ какъ посолъ воеводы, извѣщеннаго венгерцами о настоящей цѣли похода, прибѣгнулъ къ угрозамъ. Поляковъ было около 80,000, но не смотря на такую цифру, осада тянулась довольно долго. Стефанъ тревожилъ осаждающихъ безпрестанными вылазками и затруднялъ подвозъ припасовъ для людей и лошадей. При содѣйствіи пословъ венгерскаго и чешскаго короля Владислава заключено перемиріе и поляки снялись съ позиціи. Въ лѣсахъ Буковины Стефанъ напалъ (26 окт.) на возвращавшихся во свояси поляковъ и хотя ему не удалось исполнить своего намѣренія и уничтожить все войско, но тѣмъ не менѣе онъ нанесъ ему значительный уронъ и продолжалъ тревожить его во время отступленія. Прибытіе отряда литовцевъ остановило его дальнѣйшее преслѣдованіе. Но онъ успѣлъ еще окружить 600 мазуровъ *) и крестоносцевъ, и перебить ихъ всѣхъ до одного. И такъ весь походъ, не смотря на то, что былъ предпринятъ съ значительными силами, имѣлъ весьма печальныя послѣдствія. Шляхта, лишившись многихъ храбрыхъ товарищей, упрекала короля въ томъ, что онъ преднамѣренно повелъ дѣло къ явной погибели польскаго войска.

Желая отмстить королю за его походъ, Стефанъ вторгнулся (въ маѣ 1498) вмѣстѣ съ татарами и турками въ польскія земли и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, опустошалъ ихъ огнемъ и мечемъ до самой Вислы и, кромѣ всякаго рода добычи, захватилъ тысячи плѣнниковъ. Паническій страхъ обуялъ всю Польшу: принялись, съ неимовѣрною поспѣшностію укрѣплять Краковъ. Король заключилъ (1 іюля), въ видахъ общей обороны, союзъ съ

*) Мазурами собственно назывались жители Мазовіи—страны расположенной по обоимъ берегамъ Вислы и заключавшей въ себѣ воеводства—мазовецкое, равское и плоцкое.

братомъ Владиславомъ, но не устранилъ однакожъ этимъ нашествія татаръ на русскія земли. Получивъ извѣстіе о вторженіи ихъ, онъ велѣлъ малопольскому ополченію собраться подъ Сандомиромъ, а самъ поспѣшилъ (7 авг.) въ лагерь. Но татары успѣли безпрепятственно захватить множество плѣнныхъ и добычи, а ополченіе, причинивъ не мало вреда собственной странѣ, разошлось по домамъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, турки, въ числѣ 70,000, вторгнулись (въ концѣ нояб.) въ галицкую Русь, отмѣчая каждый свой шагъ огнемъ и мечемъ. За рѣшительнымъ отсутствіемъ оборонительныхъ средствъ въ краѣ, съ непріятелемъ завязали борьбу самыя стихіи. Преждевременные сильные морозы и большіе снѣга стоили жизни бо̀льшей половинѣ турецкаго войска, и когда остатки возвращались домой черезъ Валахію, Стефанъ до того безпощадно уничтожалъ ихъ, что едва 10,000 успѣло переправиться обратно черезъ Дунай.

Страшное опустошеніе страны заставляло прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Стараніями короля собрались въ Краковѣ венгерскіе, литовскіе и валахскіе уполномоченные. Послѣ долгихъ совѣщаній и споровъ, заключенъ, наконецъ (19 апрѣля 1499), наступательно-оборонительный союзъ противъ общихъ враговъ и Сигизмунду отданы силезскія княжества — опавское и глоговское. Вскорѣ прибыло посольство отъ царя Іоанна Васильевича III, съ которымъ, также послѣдовало соглашеніе о мирѣ.

Казалось, что Польша отдохнетъ теперь послѣ всѣхъ перенесенныхъ бѣдствій и направитъ, наконецъ, свои силы въ иныя стороны. Орденъ крестоносцевъ не очень охотно выполнялъ условія торунскаго мира, и постоянно мечталъ о возстановленіи своего прежняго блеска и могущества. Еще при жизни Тифена, который хотѣлъ добровольно сложить съ себя званіе магистра, предполагалось возвести въ этотъ санъ одного изъ германскихъ князей и уже были открыты переговоры съ саксонскимъ домомъ. Во время валахскаго похода, Тифенъ умеръ въ Львовѣ (29 авг. 1497) и тогда приступили къ исполненію этого проекта. Послѣ долгихъ переговоровъ, братъ саксонскаго курфирста Фридриха, согласился записаться въ число

крестоносцевъ, и затѣмъ, не медля, былъ избранъ (29 сент. 1498) въ магистры. Тщетно убѣждалъ его нѣсколько разъ Янъ Ольбрахтъ принести ленную присягу. Фридрихъ рѣшительно уклонялся отъ этого и, даже, ссылался на положительное запрещеніе императора Максимиліана. Пришлось силою оружія заставить непокорнаго вассала, не соблюдавшаго ни одного изъ условій торунскаго мира, выполнить лежавшія на немъ обязательства. Но прежде нежели дѣло дошло до этого, Волынь, белзская и люблинская земли подверглись (въ іюнѣ 1500) страшному нашествію татаръ, а царь Іоаннъ Васильевичъ III, по внушеніямъ Максимиліана, началъ войну съ Литвою. Король поспѣшно выступилъ съ своими придворными дружинами противъ татаръ, но не успѣлъ ихъ настигнуть. Безнаказанность нашествія придала татарамъ отваги: они вторглись снова (сент.) еще съ бо̀льшими силами, разсыпали свои опустошительныя орды не только по польской и литовской Руси, но даже и по сандомирской области. Они могли дѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, что воеводы — ленчицкій, Петръ Мышковскій *) и сандомир-

*) Въ польской исторіи упоминается нерѣдко о родѣ Мышковскихъ. Читателямъ, быть можетъ, любопытно узнать, какимъ образомъ составилась сложная фамилія потомка упоминаемаего здѣсь Мышковскаго—бывшаго начальника гражданскаго управленія въ царствѣ Польскомъ, маркиза Александра Велепольскаго. Дозволяемъ себѣ удовлетворить этому любопытству. Петръ Мышковскій, о которомъ говорится въ текстѣ, щедро надѣленный церковными имѣніями, и пріобрѣвъ большое состояніе, купилъ обширныя помѣстья у извѣстнаго въ польской исторіи семейства Олесницкихъ. Главнымъ пунктомъ этихъ помѣстій былъ древній *Пинчовъ*, близь Кракова. Петръ Мышковскій имѣлъ много родственниковъ, но избралъ изъ нихъ одного—роднаго своего племянника *Сигизмунда Мышковскаго*. Это былъ молодой человѣкъ, который, какъ гласитъ традиція, отличался прекрасною наружностью и образованіемъ. Проведя дѣтство при блестящемъ дворѣ Сигизмунда-Августа, владѣя главнѣйшими европейскими языками, онъ былъ, какъ говорится, образцомъ d'un parfait gentilhomme. Его-то и назначилъ Петръ Мышковскій единственнымъ наслѣдникомъ всего своего состоянія, испросивъ надлежащимъ путемъ утвержденіе Пинчова майоратомъ за родомъ Мышковскихъ. Сигизмундъ Мышковскій, по смерти дяди, долго путешествовалъ по Италіи. Тамъ онъ подружился съ принцемъ *Альфонсомъ Феррари*, изъ дома Гонзаго, и послѣдній, желая укрѣпить эту связь, испросилъ у папы Павла III грамоту на титулъ маркиза для всѣхъ владѣльцевъ пинчовской ординаціи. Въ завѣщаніи епископа Петра Мышковскаго подробно описанъ порядокъ наслѣдованія майоратомъ, который, въ случаѣ пресѣченія рода Мыш-

скій, Николай Каменецкій, не рѣшались аттаковать ихъ съ своими дружинами. Король выступилъ снова (14 сент.) противъ хищныхъ татаръ во главѣ своей дружины и войскъ крестоносцевъ, но и на этотъ разъ было поздно. Крестоносцы же, выступая изъ Кракова противъ татаръ, предварительно расчитались съ краковскими евреями, перебивъ изъ нихъ 20 человѣкъ.

Также неудачно шли дѣла Александра съ Россіею. Не чувствуя себя въ силахъ одолѣть съ собственнымъ войскомъ могущество Іоанна Васильевича III, онъ вызвалъ наемные отряды, составленные изъ поляковъ, чеховъ и моравовъ. Но значительныя издержки не принесли ему ни малѣйшей пользы, потому что русскіе, дойдя до Смоленска, вернулись домой прежде прибытія наемниковъ, которые принялись хозяйничать въ Литвѣ, какъ въ странѣ непріятельской. Великій князь вынужденъ былъ, какъ можно поспѣшнѣе удалить ихъ изъ Литвы, для огражденія своихъ подданныхъ отъ грабежей. Іоанну было тѣмъ легче воевать съ Литвою, что онъ былъ въ союзническихъ отношеніяхъ съ германскимъ императоромъ Максимиліаномъ (что впрочемъ не много приносило ему выгоды), а также съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и валахскимъ воеводою Стефаномъ. Согласно заключенному договору крымцы дѣлали безпрестанные набѣги на польскую и литовскую Русь. Польшѣ представился весьма благопріятный случай укротить Менгли-Гирея, когда ханъ золотой орды, Шахъ-Ахматъ, искавшій его гибели, заключилъ союзъ съ Яномъ Ольбрахтомъ и Александромъ. Но оба не съумѣли извлечь пользы изъ этого союза. Янъ Ольбрахтъ дурно

ковскихъ, долженъ былъ перейти къ потомкамъ сестры епископа, бывшей въ замужествѣ за графомъ Яномъ Велёпольскимъ. Такимъ образомъ, полный титулъ Сигизмунда Мышковскаго былъ слѣдующій *Сигизмундъ де-Мировъ, маркизъ Гонзаго, пинчовскій ординатъ*; а когда наступило предусмотрѣнное епископомъ пресѣченіе рода, и майоратъ достался его правнуку Велёпольскому, владѣльцы Пинчова носили титулъ — *маркизъ Гонзаго де-Мировъ Мышковскій, графъ Велёпольскій.* Бывшій начальникъ гражданскаго управленія въ царствѣ, графъ Александръ Велёпольскій, носитъ такой-же титулъ на основаніи вышеприведенныхъ документовъ, признанныхъ императоромъ Александромъ I. Сыновья маркиза ограничиваются для краткости одною родовою фамиліею *графовъ Велёпольскихъ.* *Прим. перевод.*

поступилъ съ сыномъ бывшаго валахскаго воеводы Петра—Ильею который имѣлъ притязаніе на верховную власть въ Валахіи, а живя въ Польшѣ, расчитывалъ на помощъ короля. Когда былъ заключенъ миръ съ Стефаномъ, послѣдній потребовалъ отъ короля на піотрковскомъ сеймѣ (въ мартѣ 1501) выдачи Ильи. Требованіе было оскорбительно, а потому Янъ Ольбрахтъ не могъ согласиться на него въ присутствіи сейма. Не желая однако раздражить дерзкаго Стефана, онъ прибѣгнулъ, во избѣжаніе хлопотъ, къ весьма низкому средству. Подъ предлогомъ, будто-бы Илья поддѣлывалъ письма за его подписью, онъ велѣлъ его, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ вельможъ, казнить въ Чховѣ, въ присутствіи пословъ Стефана.

Упрямство магистра крестоносцевъ Фридриха, который, ни подъ какимъ видомъ, не давалъ ленной присяги, до того вывело изъ терпѣнія Яна Ольбрахта, что онъ рѣшился понудить его къ тому оружіемъ. Остановившись въ Торунѣ, онъ подвезъ тяжелыя орудія и ожидалъ войска. Магистръ, и теперь, на приглашеніе не медля принести ленную присягу, хотѣлъ войти въ переговоры, но его уполномоченнымъ объявили, что онъ долженъ безусловно выполнить свои ленныя обязательства. За магистра хотѣло ходатайствовать посольство брата, саксонскаго курфирста, но не могло добиться аудіенціи, ибо король занемогъ и вскорѣ скончался (17 іюня 1501). Смерть Яна Ольбрахта почти ни въ комъ не пробудила сожалѣнія.

Тотчасъ же по привезеніи въ Краковъ тѣла покойнаго короля, на сеймикахъ открылись совѣщанія объ избраніи преемника. Часть малополянъ, подъ вліяніемъ короннаго маршала Петра Кмиты, желала возвести на престолъ венгерскаго и чешскаго короля Владислава и отправила даже къ нему посольство, будто бы, отъ имени всего народа; другіе желали имѣть королемъ Сигизмунда; нѣкоторые держали сторону Александра. Съ такими различными мнѣніями собрались избиратели на сеймъ въ Піотрковѣ, куда прибыло посольство и отъ Александра. Партія Владислава составляла здѣсь значительное меньшинство и когда литовскіе послы ловко изобразили выгоды, которыя доставитъ возобновленіе вѣчнаго союза съ Лит-

вою, присутствующіе единогласно избрали королемъ Александра. При этомъ было выговорено, что прежніе договоры съ Литвою, о совокупномъ избраніи короля, остаются въ полной силѣ и что, сверхъ того, за исключеніемъ судопроизводства, уставы, составляемые на общихъ сеймахъ, должны быть обязательны въ обѣихъ странахъ. Литовскій совѣтъ долженъ былъ все это подкрѣпить присягою, чтобы, разъ навсегда, устранить возможность разрыва между обоими народами. Съ этими условіями, и съ приглашеніемъ на престолъ, отправилось въ Литву торжественное посольство. Александръ, не медля, прибылъ (20 ноября) въ Краковъ, въ сопровожденіи вооруженной свиты, числомъ до 1,400 человѣкъ. Передъ коронаціею явилось (7 декабря) отъ Шахъ-Ахмета посольство съ извѣщеніемъ, что ханъ съ многочисленнымъ войскомъ стоитъ на берегахъ Днѣпра, терпитъ большой недостатокъ, а потому требуетъ, какъ можно скорѣе, подкрѣпленій отъ Польши и Литвы, чтобы общими силами напасть на Менгли-Гирея. Король отпустилъ пословъ съ обѣщаніемъ, тотчасъ же послѣ коронаціи, снарядить войско. Но коронація совершилась (12 декаб.), а король и не думалъ о своемъ обѣщаніи. Между тѣмъ голодъ и холодъ до того сокрушили полчища Шахъ-Ахмета, что собственная его жена съ частью войска убѣжала къ Менгли-Гирею, который вскорѣ одержалъ надъ нимъ побѣду въ генеральномъ сраженіи подъ Кіевомъ. Послѣ пораженія, Шахъ-Ахметъ хотѣлъ прибѣгнуть къ поддержкѣ султана, но его предупредили, что турки замышляютъ выдать его Менгли-Гирею, и потому онъ бѣжалъ въ Кіевъ. Отсюда его отправили въ Вильно, гдѣ онъ долженъ былъ выждать пріѣзда короля, но тайно бѣжалъ отсюда. Его настигли въ дорогѣ и отдали подъ болѣе строгій надзоръ. Короновавшись, король хотѣлъ совершить тотъ же обрядъ и надъ женою своею Еленой, которая съ этою цѣлію прибыла (въ февралѣ 1502) въ Краковъ. Всѣ происки оказались напрасными: католическое духовенство упорно отказывалось короновать Елену, какъ послѣдовательницу восточной церкви. Въ это время получена была вѣсть, что царь Іоаннъ готовится къ войнѣ. Александръ назначилъ своего брата Фридриха, намѣстникомъ, а самъ поспѣшилъ

(въ маѣ) въ Литву. Собравъ, не медля, значительное войско, онъ двинулся противъ русскихъ, осаждавшихъ Смоленскъ. Этою поспѣшностію, онъ предотвратилъ войну, ибо русскій царь, отступивъ съ своими войсками, согласился на шести-лѣтнее перемиріе. За то татары вторглись въ коронныя владѣнія, и разсыпали свои орды до самой сандомирской области. Фридрихъ велѣлъ ополченію собраться въ Корчинѣ, а самъ, въ сопровожденіи свиты и горсти охотниковъ, выступилъ тотчасъ же въ походъ, но прежде нежели поляки успѣли сосредоточиться, татары захватили множество плѣнныхъ и добычи; всякое преслѣдованіе оказалось безуспѣшнымъ.

Кардиналъ-архіепископъ гнѣзненскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, епископъ краковскій — Фридрихъ, бывшій намѣстникомъ въ Польшѣ, предавался всякаго рода разврату и, получивъ вслѣдствіе этого дурную болѣзнь, умеръ (14 марта 1503). Его смерть, въ отсутствіе короля, постоянно жившаго въ Литвѣ, причинила государству чувствительный ущербъ: татары опустошили значительную часть Руси, а валахскій воевода Стефанъ захватилъ безъ сопротивленія Покуце. Коронный совѣтъ наряжалъ частыя посольства къ королю, упрашивая его прибыть во-что-бы-то ни стало, тѣмъ болѣе, что кончина Конрада мазовецкаго, не пережившаго смерти двухъ малолѣтнихъ сыновей — Януша и Станислава, — а равно и разныя общественныя дѣла требовали его присутствія. Александръ прибылъ, наконецъ (въ концѣ октября), на сеймъ въ Люблинъ, гдѣ было рѣшено: собрать налогъ для содержанія наемнаго войска, чтобы воевать со Стефаномъ, и держать татаръ въ почтительномъ разстояніи. Это войско дѣйствительно отняло Покуце (1504), чему благопріятствовала смерть Стефана. Татары, видя готовность поляковъ дать отпоръ, не рѣшались дѣлать набѣги на коронныя земли.

Прусскій магистръ Фридрихъ не принесъ еще королю и коронѣ ленной присяги, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ носилъ этотъ санъ и былъ побуждаемъ къ тому не только королемъ, но и папою Юліемъ II. Такое упорство поддерживалъ Максиміліанъ прямымъ запрещеніемъ и обольстительными обѣщаніями помощи въ случаѣ, еслибъ вздумали принуждать Фридриха силою оружія.

Не желая долѣе сносить дерзости своего ленника, король собрался (весною 1504) въ Пруссію, а магистру приказалъ немедленно явиться въ Мальборгъ и принести, наконецъ здѣсь должную присягу. Но прежде нежели король прибылъ въ Мальборгъ, Фридрихъ уѣхалъ на сеймъ въ Германію, а своимъ уполномоченнымъ поручилъ оправдать себя передъ королемъ и сказать, что, будучи приглашенъ императоромъ на означенный сеймъ, для обсужденія мѣръ къ сокрушенію могущества турокъ, онъ не могъ не принять этого приглашенія. Присяга снова отложена въ долгій ящикъ, а король, порѣшивъ дѣла польской Пруссіи, уѣхалъ (лѣтомъ) на сеймъ въ Піотрковъ. Независимо отъ другихъ важныхъ дѣлъ, на этомъ сеймѣ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о Мазовіи. Согласно договору съ покойнымъ Конрадомъ, только черское княжество должно было достаться его сыновьямъ, а остальныя владѣнія полагалось возвратить коронѣ. Теперь передали обоимъ его сыновьямъ и потомкамъ, въ мужскомъ колѣнѣ, Мазовію, въ тѣхъ границахъ, какъ она находилась подъ властію Конрада, съ оговоркою, что въ случаѣ пресѣченія мужскаго потомства, вся Мазовія переходитъ во владѣніе короны, а дочерямъ, будетъ дано приданое. Въ случаѣ включенія Мазовіи въ коронныя земли, жителямъ была обезпечена ненарушимость правъ и льготъ, какими они пользовались въ правленіе своихъ князей. Сеймъ долженъ былъ также обсудить средства на счетъ удовлетворенія наемнаго войска, которое, возвратившись изъ валахскаго похода, требовало жалованія, а между тѣмъ довольствовалось на счетъ духовныхъ помѣстій.

По смерти Стефана, правителемъ Валахіи сдѣлался его сынъ Богданъ. Его послы явились въ Краковъ просить руки сестры короля, Елисаветы. Не желая быть женою одноокаго Богдана, княжна медлила рѣшительнымъ отвѣтомъ. Во время вторичнаго пребыванія пословъ Богдана, умерла мать Елисаветы и это дало основательный поводъ отложить все дѣло по случаю траура. Король обѣщалъ выдать за него сестру, если только онъ перейдетъ со всѣмъ народомъ въ лоно латинской церкви и, какъ вѣрный ленникъ короны, будетъ воевать противъ турокъ и татаръ, вмѣстѣ

съ другими христіанскими государями. Договоръ не состоялся, потому что Богданъ не хотѣлъ отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ.

Устроивъ кое-какъ коронныя дѣла, король поспѣшилъ (въ началѣ 1505) въ Брестъ на Бугѣ на съѣздъ съ литовскими магнатами, для усмиренія тамошнихъ безпорядковъ, возбужденныхъ Михаиломъ Глинскимъ. Александръ почти во всемъ полагался на его мнѣнія. Раздраженные литовцы съ отвращеніемъ переносили такое вліяніе Глинскаго, даже обвиняли его въ желаніи овладѣть, при содѣйствіи русиновъ, великимъ княжествомъ. Извѣстіе, что король отнялъ лидское староство у литовца и велѣлъ передать его родственнику Глинскаго — Дроздѣ, окончательно взволновало умы. Магнаты отложили однако это дѣло до его пріѣзда. Видя въ этомъ личность, Глинскій жаловался королю на своихъ главныхъ противниковъ, и въ числѣ прочихъ на виленскаго епископа Табора, трокскаго воеводу Яна Забржезинскаго и гетмана Станислава Кишку. Дѣло дошло до того, что Александръ помышлялъ даже о казненіи помянутыхъ лицъ. Предвидя такой опасный исходъ, они съѣхались въ Брестъ, но не входили въ замокъ, а стараніями короннаго канцлера Ласкаго, успѣли отклонить короля отъ насильственнаго поступка. Не смотря на то, Забржезинскій лишился воеводства, а остальныхъ обвиненныхъ король не допустилъ въ совѣтъ. На съѣздъ былъ вызванъ изъ Вильно и Шахъ-Ахметъ. Александръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, принялъ весьма радушно и затѣмъ взялъ съ собой на сеймъ въ Радомъ. Здѣсь-то ханъ развернулся: жаловался, что его заманили изъ-за Волги, не дали обѣщанной помощи, и тѣмъ самымъ накликали на него бѣду, а теперь держатъ узникомъ въ Вильнѣ. Упреки были весьма основательны, но всю вину свалили на него самого. Брату его Козаку дозволили отправиться за Волгу, за новымъ войскомъ, а его самого отослали въ Троки на свободное жительство, впредь до прибытія брата, взявъ съ него предварительно слово не дѣлать попытокъ къ бѣгству. Вскорѣ сеймъ принялъ сторону обвиненныхъ Глинскимъ и хотя въ собраніи король былъ неумолимъ, но конфиденціально завѣрилъ польскихъ магнатовъ, что, тотчасъ по возвращеніи въ

Литву, сниметъ опалу съ обвиненныхъ. Обнародовавъ наборъ для защиты королевства, сеймъ закончилъ свою дѣятельность опредѣленіемъ строгихъ наказаній всѣмъ обвиняемымъ въ разбоѣ. Осуховскаго и Мисовскаго приговорили къ отсѣченію головы, а Русиновскую къ повѣшенію, въ мужской одеждѣ, т. е. въ томъ видѣ, какъ она была схвачена во главѣ грабителей. Эта строгость, хотя отчасти, прекратила разбои и хищничество.

Разбитый параличемъ, Александръ долженъ былъ съ радомскаго сейма отправиться въ Краковъ (въ половинѣ іюня), гдѣ, благодаря стараніямъ врачей, поправился на столько, что могъ выѣхать на сеймъ въ Люблинъ (1 октяб.). Здѣсь возникли споры между свѣтскимъ и духовнымъ сословіемъ. Свѣтскіе магнаты прежде всего требовали, чтобы епископы занимали первыя мѣста только съ правой стороны трона, затѣмъ, чтобы духовныя помѣстья несли военныя повинности наравнѣ съ свѣтскими. Послѣ долгихъ преній, король окончательно рѣшилъ, что не должно лишать духовное сословіе привиллегій, издавна утвержденныхъ за нимъ. Сверхъ того сеймъ постановилъ чеканить новую серебрянную монету, а на военныя издержки, для обороны Руси, назначилъ достаточные налоги. Часть этого войска предпологалось устремить противъ Богдана, вновь овладѣвшаго Покуцѣмъ, послѣ того, какъ онъ ошибся въ надеждѣ вступить въ бракъ съ королевской сестрой. Походъ противъ Богдана кончился отнятіемъ Покуця и разбитіемъ его войска.

По закрытіи люблинскаго сейма, король поѣхалъ въ Литву, гдѣ его уже ожидали послы заволжскихъ или ногайскихъ и перекопскихъ татаръ. Первые требовали освобожденія Шахъ-Ахмета, надъ которымъ, вслѣдствіе покушенія къ бѣгству, былъ установленъ строгій надзоръ. Послѣдніе (т. е. перекопскіе) обѣщали отъ имени Менгли-Гирея дружбу, подобающую между сосѣдями, если только король будетъ держать Шахъ-Ахмета подъ строжайшимъ карауломъ. Александръ поступилъ какъ нельзя хуже: потребовалъ къ своему суду Шахъ-Ахмета, его свиту и ногайскихъ пословъ, обвинилъ его въ умышленномъ нарушеніи союза и приговорилъ къ тю-

ремному заключенію въ Ковно. Злосчастный ханъ справедливо предсказалъ королю, что такимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ онъ отнюдь не заслужитъ дружбу Менгли-Гирея. Дѣйствительно перекопскіе татары скоро (въ маѣ 1506) вторглись въ польскую и литовскую Русь и произвели страшныя опустошенія. Однихъ плѣнныхъ, какъ говорятъ, они забрали 100,000 чел. Вскорѣ они опять возобновили (въ авг.) нападеніе на литовскія земли и расположились лагеремъ подъ Клецкомъ. Вѣсть объ этомъ нашествіи застала короля на одрѣ тяжкой болѣзни. Онъ тотчасъ же обнародовалъ всеобщее ополченіе въ Литвѣ, но Михаилъ Глинскій утверждалъ, что войско не выступитъ противъ враговъ, если только самъ король не станетъ въ главѣ ополченія. Не смотря на разстроенное здоровье, король отправился въ Лиду, но какъ только татарскія полчища достигли этого пункта, пришлось отнести его на носилкахъ обратно въ Вильно. Между тѣмъ Глинскій атаковалъ съ 7-ю тысячнымъ отрядомъ татарскій лагерь подъ Клецкомъ и, разбивъ его совершенно, уничтожилъ затѣмъ подходившіе къ нему отдѣльные отряды. Погибло около 30,000 всадниковъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до короля въ ту минуту, когда онъ находился въ предсмертной агоніи (19 авг. 1506). Современники говорили объ Александрѣ, что онъ умеръ во время, не успѣвъ раззорить подарками Литвы и королевства.

Чувствуя близость смерти, Александръ вызвалъ въ Литву брата Сигизмунда, но умеръ до его пріѣзда. Извѣщенный въ дорогѣ чрезъ гонцовъ о смерти брата, Сигизмундъ ускорилъ путешествіе, чтобы предупредить безпорядки. Глинскій выѣхалъ къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи 700 вооруженныхъ людей, между тѣмъ какъ свита князя состояла едва изъ 200 чел. Съ прибытіемъ Сигизмунда въ Вильно, возникъ споръ о томъ, гдѣ слѣдуетъ положить прахъ покойнаго короля. Присутствовавшіе коронные магнаты требовали перевезенія тѣла въ Краковъ, но литовцы не согласились и настояли на своемъ. Послѣ похоронъ, Литва провозгласила (26 окт.) Сигизмунда великимъ княземъ, что было новымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго съ Польшею, по вопросу

общаго выбора короля. Между тѣмъ и въ правительствѣ происходили совѣщанія объ избраніи короля и, когда избирательный сеймъ собрался въ Піотрковѣ (8 декаб.), всѣ голоса были на сторонѣ Сигизмунда. Къ нему отправилось посольство съ приглашеніемъ на престолъ. Сигизмундъ не медлилъ пріѣздомъ, и тотчасъ же по его прибытіи въ Краковъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, совершился (24 янв. 1507) обрядъ коронаціи.

Общественныя дѣла требовали напряженной энергіи правительства и народа и этимъ усердно занялся сеймъ, вскорѣ созванный въ Краковѣ. Какъ только король утвердилъ національныя права и льготы, состоялось рѣшеніе о многихъ благодѣтельныхъ уставахъ, а для обороны Рѣчипосполитой установлены значительные налоги. Къ валахскому воеводѣ Богдану отправилось венгерско-польское посольство, чтобы склонить его къ поддержанію мира. Въ тоже время была сдѣлана попытка отвлечь татарскаго хана Менгли-Гирея, обѣщаніемъ ежегодной дани, отъ нашествій на коронныя владѣнія. Въ Литвѣ, дѣла шли не такъ удачно. Забржезинскій и другіе противники Глинскаго выступили противъ него съ обвиненіемъ въ государственномъ преступленіи. Князь требовалъ суда, желая снять съ себя нареканія, но Сигизмундъ затянулъ дѣло.

Тщетны были происки Глинскаго въ Краковѣ и даже въ Венгріи при дворѣ Владислава, къ которому онъ обращался (въ мартѣ 1507) лично. Не желая произнести рѣшительнаго приговора въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, король объявилъ, что отсрочка не должна оскорблять ни чести, ни славы его. Глинскаго сильно раздражало то, что онъ не будетъ уже имѣть у Сигизмунда того вліянія, какимъ нѣкогда пользовался у Александра. Онъ возвратился въ Литву, затаивъ глубоко планъ мщенія. Вскорѣ изъ Литвы получено было извѣстіе, что русскій царь Василій Іоанновичъ съ 30,000 войска, вступилъ въ литовскія земли. Король поспѣшилъ (въ маѣ) въ Литву, и собравъ свои полки, выступилъ противъ враговъ. Но русскіе отступили, а поляки, опустошивъ часть русскихъ земель, должны были, отъ жаровъ и недостатка въ продо-

вольствіи, отложить войну до другаго времени. Татарскій ханъ, приглашенный для содѣйствія, возвратился также во-свояси съ 80,000 войска.

Неумѣнье хозяйничать и расточительность Казимира, Яна Ольбрахта и Александра сдѣлали то, что не только государственная казна не покрывала нуждъ, но и большинство коронныхъ имуществъ пошло на залоги. Сигизмундъ занялся этимъ дѣломъ необыкновенно усердно на краковскомъ сеймѣ (24 янв. 1508). При содѣйствіи управляющаго монетнымъ дворомъ — Бонара, а также деньгами, собранными помощію налоговъ, онъ, прежде всего, удовлетворилъ войско жалованьемъ, на что потребовалось болѣе 200,000 червонцевъ, выкупилъ множество имѣній и замковъ, и образовалъ запасный наличный капиталъ на текущія общественныя нужды. Это дало возможность послать наемныя дружины на защиту Подоліи, когда пришла (въ іюлѣ) вѣсть о вторженіи татаръ по черной дорогѣ. Каменецкій настигъ ихъ подъ Вороковымъ, нанесъ имъ совершенное пораженіе, отбилъ плѣнныхъ и добычу.

Между тѣмъ король долженъ былъ отправиться въ Литву, гдѣ споры магнатовъ приняли довольно грозный характеръ. Глинскій, раздраженный до-нельзя отсрочкою суда, вломился ночью въ квартиру своего обвинителя — Забржезинскаго и, вытащивъ его изъ постели, велѣлъ тотчасъ же (зимою 1508) умертвить. Глинскій, не надѣясь на помилованіе короля послѣ такого самоуправнаго злодѣянія, вошелъ въ тайное соглашеніе съ царемъ Василіемъ и овладѣлъ, не медля, въ его пользу нѣкоторыми литовскими замками и городами; самъ же началъ титуловать себя великимъ княземъ литовскимъ. Занявъ менѣе значительные города, онъ осадилъ Минскъ, а царь послалъ къ нему въ помощь 60,000 войска подъ начальствомъ Шеина и Захарьина. Король поспѣшно собралъ наемное войско и отправилъ его подъ начальствомъ Николая Фирлея, а самъ, съ вооруженною свитою, послѣдовалъ за нимъ въ Брестъ-Литовскій. Обнародовавъ всеобщее ополченіе въ Литвѣ, онъ вскорѣ явился на угрожаемой границѣ. Устрашенный скорымъ прибытіемъ

короля, Глинскій отступилъ къ Минску и соединился съ русскимъ войскомъ, расположеннымъ лагеремъ подъ Берчиною. Напрасно онъ уговаривалъ вождей Василія вступить въ бой. Русское войско отступило къ Оршѣ. Но и здѣсь дѣло не дошло до большой расправы. Изъ Орши король направился къ Смоленску и расположившись здѣсь лагеремъ, послалъ нѣсколько значительныхъ отрядовъ для опустошенія непріятельской страны. Это побудило русскаго царя требовать открытія переговоровъ. Литовскій канцлеръ Сапѣга, отправившись въ Москву, заключилъ съ Василіемъ миръ, которымъ постановлено, что семья Глинскаго вправѣ послѣдовать за нимъ въ Москву, а царь возвратитъ всѣ занятые имъ литовскіе замки и города и освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, съ давняго времени содержащихся въ заключеніи. По заключеніи мира, многіе изъ сторонниковъ Глинскаго, получивъ помилованіе Сигизмунда, возвратились на родину. Въ числѣ послѣднихъ находился Евстафій Дашкевичъ. Константинъ же Острогскій бѣжалъ изъ русскаго плѣна еще до заключенія мира, и король тотчасъ послалъ его съ частью войска противъ татаръ, вновь сдѣлавшихъ набѣгъ на Русь. Разбитые на нѣсколькихъ пунктахъ, они возвратились въ степи безъ добычи и плѣнныхъ и съ большимъ урономъ. Окончивъ удачно литовскія дѣла, король прибылъ (въ началѣ 1509) на сеймъ въ Піотрковъ для обсужденія, совмѣстно съ сословіями, коронныхъ дѣлъ. Онъ хотѣлъ жениться на мекленбургской княжнѣ Аннѣ и какъ сеймъ этому не воспротивился, то снарядилъ пословъ къ отцу невѣсты. Но внезапно пришло извѣстіе, что воевода Богданъ, поддерживаемый татарами и турками, открылъ войну и, страшно опустошая Русь, подступилъ къ самому Львову, а потому король велѣлъ посламъ вернуться съ дороги. Сигизмундъ поспѣшно собралъ, на занятыя у краковскихъ мѣщанъ деньги, наемныя дружины, обнародовалъ ополченіе въ Польшѣ и, затѣмъ, поѣхалъ въ Львовъ (26 іюля), назначенный сборнымъ мѣстомъ всего войска. Лихорадка припудила его остаться въ этомъ городѣ, а 60,000 войска, подъ начальствомъ Каменецкаго, направилъ въ Валахію. Владиславъ венгерскій хотѣлъ отклонить отъ Богдана висѣвшую

надъ нимъ грозу, но его послы успѣли только упросить Сигизмунда не губить воеводу и ограничиться опустошеніемъ страны за вредъ, причиненный коронным владѣніямъ. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Каменецкій, въ теченіе трехъ недѣль, опустошалъ Валахію огнемъ и мечемъ. Богданъ, скрываясь до послѣдней минуты въ лѣсахъ, неожиданно напалъ надъ Днѣстромъ на часть польскаго войска (4 окт.) во время его отступленія, но претерпѣлъ совершенное пораженіе. Изъ взятыхъ въ плѣнъ валаховъ, Каменецкій велѣлъ казнить 50 бояръ, и на невинныхъ отомстилъ жестокость отца Богданова, Стефана, поступившаго точно также съ польскими плѣнниками. При содѣйствіи Владислава состоялся миръ съ Богданомъ, который обязался возвратить всѣхъ плѣнныхъ и добычу, и при всякомъ востребованіи подавать королю помощь противъ турокъ и татаръ. Съ своей стороны Сигизмундъ освободилъ валахскихъ плѣнниковъ и обѣщалъ защищать воеводу, если послѣднему будутъ угрожать турки или татары. Папа Пій II, мечтавшій объ изгнаніи турокъ изъ Европы, хотѣлъ установить единодушіе между христіанскими государями и затѣмъ направить совокупныя ихъ силы противъ султана. Для этого онъ прислалъ къ Сигизмунду своего легата Пизона съ предложеніемъ принять начальство въ крестовомъ походѣ, какъ только онъ извѣститъ его. Убѣжденный въ безплодности обѣщаній подобнаго рода, король отдѣлался отъ легата отвѣтомъ, что въ случаѣ общаго похода противъ невѣрныхъ, онъ не отстанетъ отъ другихъ, но не намѣренъ быть выскочкою. Одновременно съ Пизономъ прибыли послы императора Максимиліана, собственно по дѣлу крестоносцевъ и выхлопотали у короля согласіе на переговоры въ Познани, которые и состоялись (24 іюня 1510). Въ Познань съѣхались уполномоченные отъ Польши, Венгріи, императора и крестоносцевъ. Но когда крестоносцы потребовали возвращенія уступленныхъ ими по торунскому миру земель, увольненія магистра отъ обязательства приносить королю ленную присягу, выставлять вооруженную помощь противъ турокъ и татаръ и принимать поляковъ въ орденъ, — переговоры не привели къ желаемому результату, ибо

поляки, твердо настаивая на условіяхъ торунскаго мира, угрожали даже войною, въ случаѣ, если бы магистръ и орденъ не выполнили этихъ условій. Вскорѣ послѣ того умеръ въ Мейсенѣ магистръ Фридрихъ, а крестоносцы избрали на его мѣсто племянника Сигизмунда, бранденбургскаго маркграфа Альберта. Но и новый магистръ не давалъ ленной присяги. Не смотря на родство, король рѣшился принудить его къ исполненію обязательства силою оружія, и только по поводу болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ, отложилъ на нѣкоторое время исполненіе своего намѣренія.

Безпрерывные набѣги татаръ заставили польское правительство прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Вопросъ этотъ былъ предметомъ занятій піотрковскаго сейма (въ февр. 1511). Установлены большіе налоги для найма войска, которое охраняло бы границы отъ татаръ и, въ случаѣ надобности, оказывало бы помощь Богдану. Сверхъ того рѣшено давать ежегодно хану, въ видѣ подарка, 15,000 червонцевъ, если онъ оставитъ заложниками своего сына и внука и обяжется отнынѣ не безпокоить польскія и литовскія области. Тутъ же было опредѣлено: закрыть монетный дворъ и чтобы король отправился въ Брестъ-Литовскій для окончанія дѣлъ съ татарскимъ ханомъ. Тщетны были ожиданія Сигизмунда. Ханъ не только не прислалъ заложниковъ, но еще вторгнулся въ Валахію. Возвратившись осенью изъ Бреста въ Краковъ, король сдѣлалъ брачное предложеніе Варварѣ Запольской и открылъ о томъ переговоры. Свадьба состоялась (8 февр. 1512).

Не смотря на неоднократныя предложенія римскаго двора относительно крестоваго похода противъ турокъ, Сигизмундъ не прерывалъ мирныхъ отношеній съ султаномъ Баязетомъ и его наслѣдникомъ Селимомъ, ибо хорошо зналъ, что на всѣ обѣщанія большихъ подкрѣпленій разсчитывать нельзя, а взявшись за оружіе, придется на собственное отечество навлечь излишнюю тягость опустошительной войны. Съ разумною проницательностью, онъ всегда возобновлялъ миръ съ турками на короткое время, чтобы, на случай всеобщаго похода, не быть связаннымъ по рукамъ. По этому-то поводу турецкія посольства часто являлись въ Краковъ.

Не смотря на дружескія отношенія съ султаномъ набѣги татаръ продолжались. Весною, (1512) они вторглись, въ числѣ болѣе 25,000 ч., чрезъ Волынь, въ люблинскую область и ознаменовали повсюду слѣды свои страшными опустошеніями. Король тотчасъ же выслалъ для обороны Руси придворныя и наемныя дружины, а вождямъ литовскихъ и коронныхъ войскъ, Константину Острогскому и Каменецкому, велѣлъ, во-что-бы то ни стало, отбить у татаръ плѣнныхъ и добычу. Поляки разбили въ разныхъ мѣстахъ шесть небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ, а настигнувъ все войско ихъ, подъ Лопушною, близъ Висніовца *), завязали съ нимъ генеральное сраженіе (28 апр.), въ которомъ одержали совершенную побѣду, хотя имѣли передъ собою вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Отбито 17,000 плѣнныхъ и захвачено у татаръ 10,000 лошадей, а изъ всего войска успѣло спастись бѣгствомъ только нѣсколько тысячъ человѣкъ. Это пораженіе сдѣлало Менгли-Гирея болѣе склоннымъ къ переговорамъ. Онъ далъ въ заложники внука своего Діалальдина, обязался впредь не безпокоить коронныя и литовскія земли и помогать королю въ борьбѣ со всѣми его врагами. Но заложникъ вскорѣ умеръ отъ лихорадки (февр. 1513), король не присылалъ хану условленныхъ ежегодныхъ подарковъ и дружескія отношенія ихъ, естественнымъ образомъ, прекратились.

Самымъ непримиримымъ врагомъ Сигизмунда явился императоръ Максимиліанъ. Не довольствуясь однимъ побужденіемъ крестоносцевъ къ сопротивленію, на сеймахъ, и постоянною поддержкою въ Римѣ какихъ-то воображаемыхъ правъ ихъ, онъ, въ довершеніе всего, заключилъ противъ Сигизмунда союзъ съ царемъ Василіемъ. Царь, не медля, взялся за оружіе, и нѣсколько разъ посылалъ Глинскаго съ большими силами въ Литву. Глинскій бывшій всегда въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими, неоднократно старался взять Смоленскъ и другія крѣпости: походы его оканчивались жестокимъ опустошеніемъ и разграбленіемъ пограничныхъ мѣстностей.

*) Висніовецъ мѣстечко бывшаго волынскаго воеводства, Кременецкаго уѣзда, на берегу Горыни, въ свое время былъ извѣстенъ какъ резиденція князей Вишневецкихъ. *Прим. перевод.*

Эти вторженія русскихъ были, собственно, вступленіемъ къ войнѣ, которой предстояло вспыхнуть въ большихъ размѣрахъ. Максимиліанъ хотѣлъ склонить и другія сѣверныя государства къ войнѣ съ Польшею, чтобы помочь, такимъ образомъ, крестоносцамъ овладѣть польскою Пруссіею. Перехваченный тайный гонецъ, краковскій мѣщанинъ Лета, сознался во всемъ подъ пыткою. Король созвалъ (въ іюнѣ 1513) сеймъ въ Радомѣ, для обсужденія средствъ обороны, а татарамъ было рѣшено выдать 15,000 червонцевъ, если они будутъ помогать въ войнѣ съ Россіею. Изъ Радома Сигизмундъ поспѣшилъ въ Литву, гдѣ сперва въ Мельникѣ, а потомъ въ Вильнѣ склонилъ тамошнихъ гражданъ къ уплатѣ большихъ налоговъ для покрытія военныхъ издержекъ. Когда же вслѣдствіе этого, Максимиліанъ началъ нанимать для своего союзника въ Германіи и въ Италіи искусныхъ пушкарей и отправлять ихъ втайнѣ въ Москву, тогда на Литвѣ, въ свою очередь, вооружился и Сигизмундъ. Василій во главѣ большаго войска, двинулся къ Смоленску, имѣя съ собою до 300 пушекъ. Упорная оборона крѣпости и извѣстіе что Сигизмундъ приближается съ значительными силами, едва не заставили царя снять осаду. Глинскій убѣдилъ его не оставлять своего намѣренія и вступивъ въ переговоры съ жителями Смоленска, склонить ихъ къ сдачѣ города. Начальникъ гарнизона, сомнѣваясь въ возможности дальнѣйшей обороны, — такъ какъ подкрѣпленія не являлось, а въ крѣпости врагъ имѣлъ сторонниковъ, — сдался царю на капитуляцію (въ концѣ іюля 1514), выговоривъ себѣ и гарнизону свободный пропускъ, за что впослѣдствіи поплатился головою.

Потеря Смоленска была для Сигизмунда тяжкимъ ударомъ и потому онъ поспѣшилъ приблизиться съ военною силою къ границѣ, если же не явился на выручку крѣпости раньше, то вслѣдствіе стараній легата Пизона — склонить его къ миру съ царемъ. Глинскій, питавшій надежду, что царь отдастъ ему Смоленскъ, обманулся въ ожиданіяхъ и потому изъявилъ готовность передаться на сторону Сигизмунда, если только ему будетъ обѣщано забвеніе прежнихъ преступленій. Перехваченныя письма, а быть

можетъ даже и тайное предостереженіе со стороны нѣкоторыхъ литовскихъ вельможъ, которые не желали возвращенія Глинскаго, открыли царю всю истину. Онъ приказалъ не медля схватить Глинскаго и препроводить въ Москву. Между тѣмъ король расположился съ войскомъ подъ Борисовымъ и оставшись тамъ съ извѣстною частью въ резервѣ, направилъ другую часть войска, т. е. одинъ лишь избранный отрядъ противъ русскихъ, которые, въ числѣ 80,000, заняли позицію за Березиною, у Орши, и, увѣренные въ побѣдѣ, не защищали переправы. Литовцами предводительствовалъ Константинъ Острогскій, во главѣ поляковъ былъ Сверчовскій. Не смотря на численное превосходство непріятеля, поляки напали на него (8 сент.), и, послѣ упорнаго боя, одержали совершенную побѣду. Русскіе потеряли убитыми и плѣнными болѣе половины войска, сверхъ того полякамъ достался весь ихъ обозъ и много знаменъ. Царь, бывшій въ то время въ Смоленскѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія объ этомъ пораженіи удалился въ Москву, а войску было приказано, собравши разрозненныя силы, усилить собою гарнизонъ Смоленска. Эта крѣпость легко могла бы снова достаться въ руки поляковъ, если бы они умѣли пользоваться своею побѣдою. Но они явились подъ ея стѣнами уже мѣсяцъ спустя, а потому и взять ее оказалось невозможнымъ.

Послѣ пораженія подъ Оршею, царь избѣгалъ дальнѣйшей борьбы, хотя съ другой стороны былъ весьма не сговорчивъ на счетъ переговоровъ о мирѣ. Императоръ Максиміліанъ, побуждаемый съ одной стороны папою Львомъ X къ изысканію — совмѣстно съ другими владѣтельными лицами, средствъ къ изгнанію изъ Европы турокъ, съ другой, желая, помощью родства съ домомъ Ягеллоновъ, обезпечить своему дому престолъ Богеміи и Венгріи, началъ ловко склонять Сигизмунда и его брата Владислава къ съѣзду въ Будѣ или въ Пресбургѣ. Довольно долго велись объ этомъ переговоры черезъ посольства и наконецъ рѣшено, что съѣздъ императора съ Сигизмундомъ и Владиславомъ долженъ произойти въ Пресбургѣ (15 марта 1515). Король польскій, собственно, не вѣрилъ въ искренность заявленій Максиміліана, однако

явился на съѣздъ къ назначенному времени (5 марта 1515), имѣя въ своей свитѣ 1500 всадниковъ. Мѣсяцъ слишкомъ ожидали братья въ Пресбургѣ пріѣзда уполномоченнаго отъ императора. Послѣ долгихъ переговоровъ были наконецъ положены условія, на которыхъ должны были послѣдовать обрученія: Людовика, сына Владислава, съ Маріею, дочерью Филиппа испанскаго, внучкою императора, и Анны, дочери Владислава, съ однимъ изъ внуковъ Максимиліана. Окончательно же этотъ вопросъ былъ рѣшенъ только на съѣздѣ съ императоромъ въ Вѣнѣ (16 іюля), гдѣ кромѣ того происходили совѣщанія о средствахъ, которыя слѣдуетъ принять для веденія общей войны противъ турокъ. Императоръ далъ обѣщаніе — съ одной стороны употребить все свое вліяніе на царя Василія, чтобы склонить его къ миру съ Сигизмундомъ, а съ другой—поставить на видъ магистру прусскаго ордена Альберту, что онъ долженъ исполнять свои обязательства относительно Польши. Когда король вернулся съ этого съѣзда, умерла жена его Варвара (2 октяб.) въ цвѣтѣ лѣтъ, вскорѣ послѣ рожденія второй дочери Анны. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти жены, умеръ у Сигизмунда и братъ его, Владиславъ, оставивъ 8-ми лѣтняго сына Людовика, котораго Сигизмундъ долженъ былъ утвердить на престолѣ венгерскомъ и богемскомъ.

Императоръ, желая сдержать свое слово, неоднократно отправлялъ къ Василію пословъ, съ цѣлью склонить его къ миру или же къ болѣе продолжительному перемирію, но тщетны были всѣ его усилія. Требованія царя дали Сигизмунду поводъ снова взяться за оружіе. Не ограничиваясь собственными силами, онъ обратился къ хану, прося помощи, на основаніи заключеннаго союза. Но татары, вмѣсто того, чтобы напасть на русскихъ, вторгнулись (въ іюлѣ 1516), въ числѣ 30,000, въ предѣлы западной Руси и Подоліи, откуда, кромѣ иной добычи, увели, какъ говорятъ, до 50,000 плѣнныхъ. Съ другой стороны двинулись противъ Литвы войска Василія, но вскорѣ увидѣли себя въ необходимости отступить, такъ какъ ханъ, сваливъ всю вину вторженія въ коронныя владѣнія на своеволіе необузданной молодежи, обратился, какъ-бы вѣрный

союзникъ короля, съ 80,000 противъ русскихъ. Царь выслалъ противъ татаръ многочисленное войско, которое также было разбито у верховьевъ Дона, причемъ легло убитыми до 20,000. Послѣ этого пораженія Василій согласился на переговоры, но они не привели къ миру, преимущественно вслѣдствіе происковъ магистра прусскаго Альберта, который, будучи возведенъ въ санъ магистра, началъ уклоняться, по примѣру своего предшественника, отъ признанія своей ленной зависимости и отъ выполненія прочихъ условій торнскаго договора. Еще братъ его, Казиміръ, на піотрковскомъ сеймѣ (1512) призналъ ленную зависимость ордена, за что въ свою очередь орденъ освобождался отъ обязанности принимать въ число рыцарей поляковъ.

Рѣшено было назначить ему удѣлъ въ Подоліи, а магистру выплачивать ежегодно по 2,000 червонцевъ. Но Альбертъ не согласился на эти условія и наущаемый императоромъ, старался всевозможными увертками, происками и хитростями освободиться отъ ленной присяги. Сигизмундъ, занятый другими дѣлами, ограничивался частыми напоминаніями, но они оставались безуспѣшны.

Послѣ вѣнскаго съѣзда, магистръ, потерявъ надежду на помощь императора, вступилъ въ переговоры съ царемъ, отъ котораго требовалъ значительныхъ денежныхъ субсидій, на все время веденія общей войны противъ Польши. Василій весьма охотно согласился на эти требованія, съ условіемъ однако, чтобы магистръ сперва самъ открылъ военныя дѣйствія, овладѣніемъ Данцига, Торуня и Эльбинга. Выполнить подобное условіе было невозможно, не смотря на искреннее желаніе Альберта, что однакоже не препятствовало постояннымъ взаимнымъ соглашеніямъ между этими двумя непріятелями Сигизмунда.

Война съ Россіею, веденная съ обѣихъ сторонъ одинаково нерѣшительно, не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что по временамъ совершались набѣги на непріятельскія земли. Обѣимъ сторонамъ случалось наносить незначительное пораженіе, а порою одерживать верхъ, но опустошеніе и грабежъ были, обыкновенно, единственною цѣлью такихъ экспедицій. Правда, король

желалъ (1517) предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія и собралъ даже многочисленное войско, которое должно было овладѣть Псковомъ, но и это предпріятіе кончилось лишь опустошеніемъ сосѣднихъ земель, а польское войско потерпѣло даже значительное пораженіе при попыткѣ взять Опочку (Псков. губерніи). Вернувшись изъ Литвы въ Краковъ (1 янв. 1518), Сигизмундъ собралъ сеймъ, чтобы обсудить наиболѣе дѣйствительныя мѣры для защиты противъ татаръ. Рѣшено было, что поголовнаго ополченія не достаточно для отраженія такого рода нашествій и что, къ тому же, оно причиняетъ болѣе вреда собственному краю, нежели врагамъ. Поэтому признано полезнымъ собрать подать на постоянное содержаніе извѣстной части наемнаго войска для защиты Подоліи и поддержки валахскаго воеводы Богдана. Вскорѣ послѣ этого (весною), Сигизмундъ женился на герцогинѣ миланской, Бонѣ Сфорца. Въ бытность его въ Краковѣ, высланное царемъ войско обложило Полоцкъ, но Янъ Боратынскій нечаянно напалъ на него и разбилъ на-голову. Также удачна была встрѣча польскаго войска съ татарами въ Молдавіи, гдѣ, вмѣстѣ съ Богданомъ, поляки разбили непріятеля послѣ жаркой битвы.

Смерть Максимиліана (1519) прервала переговоры съ царемъ, который началъ теперь воевать съ гораздо большею настойчивостью. Склонивъ, съ одной стороны Менгли-Гирея къ нашествію на коронныя владѣнія, онъ съ другой стороны, снабдилъ прусскаго магистра деньгами, для вооруженія войска. Такимъ образомъ, когда 40,000 татаръ вторгнулось въ южную Русь и Подолію, и, собравъ огромную дань съ края, возвращались съ добычею и плѣнниками въ степи, Константинъ Острогскій сталъ на пути ихъ слѣдованія, подъ Сокаломъ съ 5,000 воиновъ, гдѣ намѣревался выждать прибытія другихъ отрядовъ. Но нетерпѣніе солдатъ, упрекавшихъ въ недостаткѣ храбрости вождя, который желалъ отстрочить битву, повело къ тому, что пришлось сражаться на невыгодномъ мѣстѣ (2 авг.). Храбро бились поляки, но, не смотря на то, подавленные силою оружія, они потерпѣли пораженіе. Послѣ кровавой побѣды, татары поспѣшили оставить коронныя владѣнія. Въ то же время

50,000 русскихъ вторгнулись въ предѣлы Литвы, и опустошали ее огнемъ и мечемъ почти до Вильно. Литовское войско бросилось въ погоню за уходящимъ врагомъ, а напавъ на тыльный его отрядъ, разбило его и отняло значительную часть добычи.

Прусскій магистръ, дѣйствовавшій сообща съ Василіемъ, принялся дѣятельно вооружаться. Всѣ замки и города были снабжаемы оружіемъ, продовольствіемъ и другими военными запасами, а въ Германіи нанимались вооруженные отряды. Кромѣ того работали агенты въ польской Пруссіи, особенно въ большихъ городахъ, съ цѣлію произвесть въ тамошнемъ населеніи возстаніе въ пользу ордена. Обо всемъ этомъ Сигизмундъ (подъ-осень) получилъ донесенія отъ данцигскаго магистрата, съ просьбою принять, какъ можно скорѣе, должныя мѣры для предупрежденія грозившей опасности. Король не медлилъ ни минуты и, явившись въ Торнъ (въ концѣ нояб.), созвалъ общій сеймъ, на которомъ сословія коронныхъ и прусскихъ земель положили объявить ордену войну и согласились на сборъ податей для ея веденія. Всѣ заготовки и вооруженія совершались съ такою быстротою, что еще предъ Рождествомъ Христовымъ можно было выслать во владѣнія ордена 10,000 наемнаго войска, подъ начальствомъ Николая Фирлея. Этого войска, вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ воеводствъ прусскихъ и прилежащихъ къ нимъ великопольскихъ, а также съ войскомъ, выставленнымъ болѣе значительными городами, было достаточно для пораженія крестоносцевъ. Но прежде чѣмъ оно выступило, магистръ успѣлъ захватить Брунсбергъ въ Варміи и занялъ этотъ важный городъ своими войсками.

Фирлей, вторгнувшись во владѣнія ордена, тотчасъ же занялъ нѣкоторые замки и города, какъ напр. Ольштынъ, Илаву, Домбровно, Прусмаркъ и другіе. Крестоносцы нигдѣ не смѣли принять открытый бой въ полѣ и ограничивались обороною укрѣпленныхъ мѣстъ. Предъ наступленіемъ весны (1520) поляки уже заняли почти всю западную часть владѣній ордена, такъ что даже Квидзинъ и Голландъ принуждены были сдаться, послѣ довольно продолжительной осады. Наконецъ Фирлей достигъ до Кролевца

(Кёнигсберга), и, расположившись у этого города лагеремъ, началъ его обстрѣливать. Въ это время въ Торнъ поочередно пріѣзжали къ королю послы отъ папы, отъ нѣмецкихъ князей и отъ родственниковъ Альберта, съ мирными предложеніями. Но такъ какъ условія, въ особенности предлагаемыя послѣдними, не соотвѣтствовали справедливымъ требованіямъ Сигизмунда, то и переговоры не повели ни къ чему. Самъ магистръ убѣдился наконецъ, что долженъ уступить въ борьбѣ съ Польшею, и что на обѣщанную ему помощь изъ Германіи, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать. Доведенный до крайности, онъ написалъ къ королю покорное письмо, въ которомъ обѣщалъ быть сговорчивымъ, лишь бы ему было позволено явиться въ Торунь, чтобы лично уладить съ нимъ все дѣло. Коронный совѣтъ выдалъ просимый имъ охранный листъ, и Фирлей заключилъ съ нимъ перемиріе на все время веденія переговоровъ. Альбертъ поспѣшилъ въ Торунь. Не будучи въ состояніи добиться какихъ бы то ни было уступокъ отъ короля, который настаивалъ на безусловномъ выполненіи обязанностей, выговоренныхъ торунскимъ миромъ, онъ готовъ былъ на все согласиться и уже была назначена на слѣдующій день церемонія ленной присяги, какъ вдругъ явился къ нему командоръ съ извѣстіемъ, что моремъ изъ Германіи прибыло 4000 войска и что гораздо болѣе значительныя силы вскорѣ отправятся оттуда сухимъ путемъ на помощь ордену. Оживленный надеждою на поправленіе дѣлъ, Альбертъ просилъ позволенія уѣхать и Сигизмундъ не отказалъ ему въ этомъ. По возвращеніи домой, магистръ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ, кто только можетъ нести оружіе.

Въ лагерѣ подъ Кролевцомъ, а потомъ въ королевскомъ совѣтѣ возникло разногласіе, относительно дальнѣйшихъ способовъ веденія войны. Одни хотѣли прямо двинуться на Самбію, другіе совѣтовали занять сначала нѣкоторые замки, а потомъ принудить непріятеля къ генеральному сраженію, иные же стояли за осаду Брунсберга. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ и Фирлей получилъ приказаніе тотчасъ же двинуться на Брунсбергъ. Это затянуло убыточную войну, потому что осада крѣпости потребовала много

времени. Впрочемъ битвы не прекращались и въ другихъ мѣстахъ, при чемъ побѣдителями почти всегда оставались поляки, хотя магистру и удалось занять Мельзакъ и Вормитъ въ Варміи. Въ продолженіе этой войны, король получилъ два весьма радостныя извѣстія: во первыхъ, что королева родила сына, а во вторыхъ, что Тржебинскій разсѣялъ 2,000 татаръ, грабившихъ Подолію. Кромѣ того явились къ нему послы отъ Василія съ предложеніемъ мирныхъ переговоровъ. Король отправилъ по этому случаю въ Москву полоцкаго воеводу, но такъ какъ царь не соглашался возвратить Смоленска, то и переговоры ничѣмъ не кончились.

Около того времени (въ половинѣ сент.) получены свѣдѣнія изъ Германіи, что тамъ собирается, на помощь, крестоносцамъ, значительное войско. Сперва не вѣрили этимъ извѣстіямъ, такъ какъ они не разъ оказывались ложными. Но болѣе тщательныя справки убѣдили Сигизмунда въ дѣйствительности вооруженія. Нужно было, слѣдовательно, заранѣе обдумать надлежащія мѣры. На совѣтѣ сенаторовъ было положено: наемному войску и землевладѣльцамъ прусскихъ воеводствъ продолжать дѣйствія противъ Альберта, а общему ополченію коронныхъ земель двинуться частію противъ идущихъ черезъ Мархію нѣмецкихъ подкрѣпленій, частію же на границу, для обороны ея отъ татаръ. Призванная указами, шляхта должна была собираться въ Венгровцѣ, гдѣ первымъ явился самъ Сигизмундъ (5 окт.). Въ качествѣ посредника пріѣхалъ сюда Фридрихъ, князь лигницкій, но Сигизмундъ, не устрашась военныхъ приготовленій въ Германіи, ни-на-волосъ не отступился отъ своихъ требованій, и потому переговоры прекратились. Тутъ-же пришло объявленіе войны отъ Сигизмунда Шенберга, главнаго предводителя нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ, что было принято въ коронномъ совѣтѣ со смѣхомъ. Вскорѣ 14 тысячное нѣмецкое войско подступило къ Мендзыржецамъ и овладѣло ими послѣ двухъ-дневной осады. Король, опасаясь нападенія нѣмцевъ на Познань, усилилъ гарнизонъ города тысячью избранной пѣхоты. Но Шенбергъ взялъ въ лѣво и, вторгнувшись въ поморское воеводство близъ Тучина и Валча, занялъ Камень,

Хойницы, Тчевъ и другіе менѣе значительные города. Отъ переправы черезъ Вислу его отбросилъ мальборгскій воевода Косцелецкій. Шенбергъ подступилъ къ Данцигу и даже началъ его обстрѣливать съ епископской горы. Но появился Фирлей, посланный королемъ съ 7,000 избранныхъ всадниковъ, началъ приближаться спѣшившій изъ-подъ Венгерца самъ король съ остаткомъ войска— и нѣмцы были принуждены поспѣшно отступить въ западное Поморье. Это отступленіе, точно также какъ и предъидущія дѣйствія, невѣроятно ослабило ихъ войско и немногіе изъ нихъ вернулись домой. Фирлей безпрепятственно занялъ захваченные города.

Между тѣмъ Альбертъ трижды, и всякій разъ неудачно, пытался взять Гейльсбергъ, который мужественно отстаивалъ Сецигиновскій. Осада Эльбинга точно также ему совершенно не удалась. Въ довершеніе, Сецигиновскій разрушилъ часть Самбіи, а другіе отряды овладѣли многими иными городами. Теперь-то магистръ началъ хлопотать у короля косвенными путями о заключеніи мира или перемирія. Сигизмундъ согласился наконецъ (въ концѣ марта 1521) на четырехлѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго предположено заключить вѣчный миръ. При созваніи послѣдняго всеобщаго ополченія, король обѣщалъ въ Быдгощѣ землевладѣльцамъ, что всякій разъ, передъ общимъ сеймомъ, будутъ созываемы сеймики для обсужденія всего, что должно быть предметомъ сейма. Съ этого момента землевладѣльцы пріобрѣли значительное вліяніе на правительственныя дѣла, а королю приходилось имѣть дѣло не только съ сеймами, но и съ сеймиками всякій разъ, когда поднимался вопросъ о податяхъ, о всеобщемъ ополченіи или же о новыхъ узаконеніяхъ. Частые набѣги татаръ, отъ которыхъ не могло предохранить страну всеобщее ополченіе, требовали изысканія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ обороны. Опасность даже увеличилась, когда преемникъ Менгли-Гирея, Могаметъ-Гирей, усилилъ свое могущество завоеваніемъ Казани и опустошеніемъ русскихъ земель. Поэтому, созывая сеймъ въ Піотрковѣ (1522), король, предварительно, черезъ своихъ посланцевъ или коммисаровъ, предложилъ это важное дѣло на обсужденіе сейми-

камъ, съ тѣмъ чтобы они дали своимъ депутатамъ полномочія, сообразныя съ важностію самаго вопроса. Почти во всей Малопольшѣ землевадѣльцы вполнѣ согласились съ столь справедливымъ требованіемъ. Но великополяне, разстроили первый сеймикъ въ Шродзѣ и будучи созваны на новый, дали своимъ посламъ на этотъ счетъ лишь полномочіе, обусловленное извѣстными требованіями и потому сеймъ былъ бурный. Депутаты землевладѣльцевъ не хотѣвшіе приступить къ дѣлу, пока король не дастъ имъ обѣщанія, что всякія злоупотребленія будутъ устранены, подали длинный списокъ своимъ жалобамъ и требованіямъ. Сигизмундъ обѣщалъ, послѣ совѣщанія съ сенатомъ, что злоупотребленія, которыя нельзя было оправдать никакими мѣрами, будутъ прекращены немедля. Только тогда согласились депутаты утвердить подать, для содержанія въ южной Руси 4,000 наемнаго войска. Эта мѣра, равно какъ и смерть Могаметъ-Гирея, убитаго въ неудачной экспедиціи противъ заволжскихъ татаръ (1523), были причиною что Подолія и южная Русь вздохнули нѣсколько свободнѣе. Новый ханъ Седемъ-Гирей заключилъ даже съ Сигизмундомъ союзъ, но не далѣе какъ черезъ годъ (1524), на южную Русь дѣлали набѣгъ, сперва турки, вмѣстѣ съ татарами, и опустошили часть этого края, потомъ снова 40,000 татаръ. Расположившись подъ Мосцисками, они разсыпались по разнымъ направленіямъ. Король повелѣлъ созвать всеобщее ополченіе изъ Малопольши, а самъ поспѣшилъ въ Сандомиръ, назначенный сборнымъ мѣстомъ. Не смотря на поспѣшные сборы войска, нельзя было догнать татаръ, и они увели съ собою множество плѣнниковъ.

Съ прочими сосѣдями Польша была въ мирныхъ отношеніяхъ. Съ царемъ Василіемъ король заключилъ (1524) пятилѣтнее перемиріе. Имя и правленіе Сигизмунда были такъ уважаемы въ цѣлой Европѣ, что шведы, по изгнаніи жестокаго Христіерна, отправили въ Краковъ торжественное посольство, предложившее ему шведскій престолъ. Сигизмундъ отказался отъ этой короны, подъ предлогомъ отдаленности Швеціи отъ Польши.

Неутомимо занимаясь дѣлами собственнаго государства, Си-

гизмундъ не оставлялъ совѣтами и поддержкою своего молодаго племянника Людовика. Когда сынъ и преемникъ Селима, султанъ Сулейманъ, осадилъ съ многочисленнымъ войскомъ Бѣлградъ, Сигизмундъ послалъ въ помощь племяннику Яна Тарновскаго съ сильнымъ отрядомъ. Правда, пока пришла помощь, турки успѣли занять Бѣлградъ, но прибытіе поляковъ остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Понимая однако, что предоставленные самимъ себѣ, венгерцы не въ состояніи дать отпоръ турецкимъ войскамъ, Сигизмундъ началъ склонять Людовика къ заключенію мира съ султаномъ. Венгерцы, вѣроятно, вспоминая свои славные подвиги во дни короля Матвѣя, пренебрегли благоразумнымъ совѣтомъ и ко всему этому еще оскорбили турецкихъ пословъ, которые предлагали довольно невыгодныя мирныя условія. Посламъ обрѣзали носы и уши и отправили къ султану. Къ такой дерзости венгерцевъ подстрекали громкія обѣщанія папы и венеціанцевъ, которые прислали значительныя суммы денегъ на военныя издержки. Но венгерскіе магнаты разобрали деньги по рукамъ и не думали принимать надлежащихъ мѣръ къ оборонѣ, хотя извѣстно было, что султанъ, раздраженный оскорбленіемъ своего посольства, уже готовился къ мести.

Послѣ Богдана бразды правленія въ Молдавіи принялъ Стефанъ, который, тотчасъ же, отправилъ къ Сигизмунду пословъ, съ предложеніемъ желанія сохранить прежнія отношенія къ королю и правительству. Онъ просилъ также, чтобы пограничнымъ польскимъ старостамъ было приказано не дозволять королевскимъ подданнымъ дѣлать набѣги и опустошать его страну. Кромѣ того онъ хотѣлъ, чтобы былъ дозволенъ свободный пропускъ посламъ, которыхъ намѣревался отправить въ Москву, въ чемъ однакоже король ему отказалъ, согласившись, въ то же время, на остальныя требованія посольства.

Религіозная реформа и потрясенія, произведенныя Мартиномъ Лютеромъ въ Германіи, отозвались и въ Польшѣ, особенно же въ Пруссіи, населенной по большей части нѣмцами. Во всѣхъ городахъ сторонники или посланцы Лютера, начали возставать про-

тивъ злоупотребленій и, какъ они ихъ называли, предразсудковъ церкви. Безразсудная нетерпимость ихъ подвергла гоненію почти всѣхъ не-католиковъ. Послѣдователи новой религіи, не останавливались на свободѣ совѣсти, вездѣ, гдѣ только они были сильнѣе, угнетали противную сторону и даже силою заставляли нѣкоторыхъ принимать свои убѣжденія. Въ той части Пруссіи, которая принадлежала крестоносцамъ, новое ученіе могло тѣмъ удобнѣе распространяться, что въ лицѣ померанскаго епископа оно нашло себѣ ревностнаго защитника. Священники и монахи начали вступать въ бракъ, а самъ магистръ Альбертъ, по недостатку средствъ, скитаясь по Германіи, задумалъ, подъ вліяніемъ ученія Лютера, объ оставленіи духовнаго званія и образованіи изъ владѣній крестоносцевъ наслѣдственнаго герцогства, на что ему нужно было предварительно испросить согласіе Сигизмунда. При посредничествѣ родственниковъ, ему удалось уговорить короля. Послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что Альбертъ съ своимъ потомствомъ, а также съ потомствомъ своихъ братьевъ по мужской линіи, получитъ прусскія владѣнія крестоносцевъ, въ видѣ лена, который, по пресѣченіи этого потомства, перейдетъ въ непосредственное владѣніе Польши, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что жители сохранятъ, во всей ненарушимости, свои права и льготы. Герцогъ же, съ своей стороны, долженъ былъ выставлять королю, при каждой войнѣ, по 100 копейщиковъ. Затѣмъ Альбертъ совершилъ (10 апр. 1525) публично въ Краковѣ, на рыночной площади, обрядъ признанія своей ленной зависимости отъ Сигизмунда и принялъ присягу на вѣрность ему, какъ первый прусскій герцогъ.

Этотъ поступокъ возбудилъ въ католической Европѣ много шуму противъ Сигизмунда, тѣмъ болѣе, что до того времени его поведеніе въ дѣлахъ новаго ученія не свидѣтельствовало, чтобы онъ ему особенно сочувствовалъ. Напротивъ того, самъ онъ издавалъ грозные приказы и распоряженія противъ лютеранской пропаганды. Согласившись на переименованіе владѣній крестоносцевъ въ ленное герцогство, онъ сдѣлалъ это исключительно изъ поли-

тическихъ видовъ, а не изъ религіознаго убѣжденія или привязанности къ племяннику. Отказавъ Альберту, онъ рисковалъ утратою западной Пруссіи, гдѣ, особенно въ городахъ, новое ученіе, пустило уже глубокіе корни и гдѣ, затѣмъ, въ случаѣ войны, Альбертъ встрѣтилъ бы сильную поддержку и многихъ приверженцевъ. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, заставило Сигизмунда согласиться на просьбу племянника.

И въ самомъ дѣлѣ новое ученіе распространилось въ Пруссіи съ необыкновенною быстротою. Въ Эльбингѣ, Торнѣ, Брунсбергѣ, Данцигѣ и даже въ менѣе значительныхъ прусскихъ городахъ, лютеранскіе проповѣдники дѣйствовали и учили все съ бòльшею и бòльшею смѣлостію. Въ Данцигѣ дѣло кончилось возмущеніемъ (22 янв. 1525). Народъ принудилъ всѣхъ католическихъ ратмановъ и начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ отказаться отъ своихъ должностей, а на ихъ мѣсто назначилъ поборниковъ новаго ученія, должность же главнаго бургомистра была передана въ руки нѣкоего Шольца. Отставленные отъ должностей члены магистрата, вмѣстѣ съ духовенствомъ, представили Сигизмунду жалобу, и нашли сильную поддержку въ коронномъ сенатѣ, значительная часть котораго состояла изъ епископовъ, и не могла равнодушно смотрѣть на успѣхи новаго ученія. Вслѣдъ затѣмъ явилось посольство новаго магистрата и всей волости, заявило королю о неизмѣнной вѣрности города, и принесло оправданія въ совершенномъ поступкѣ. Сигизмундъ, не желая усугубить зло, отложилъ рѣшеніе дѣла объявивъ, что самъ пріѣдетъ въ Пруссію и разберетъ этотъ споръ. Въ сущности онъ желалъ разрѣшить религіозный вопросъ на коронномъ сеймѣ; но городъ, основываясь на точномъ смыслѣ своихъ привиллегій, не удовлетворился назначеннымъ срокомъ и новое его посольство прибыло въ Краковъ. Сигизмундъ задержалъ пословъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что собирается дать имъ рѣшительный отвѣтъ, и искусно откладывалъ его до тѣхъ поръ, пока не былъ въ состояніи отправиться въ Пруссію. Покончивъ съ сеймомъ въ Піотрковѣ (янв. 1526), онъ поѣхалъ (19 февр.) въ Пруссію; въ Мальборгѣ вошелъ въ соглашеніе съ Бишофомъ, пользовав-

шимся значительнымъ вліяніемъ въ Данцигѣ и по его совѣту, въ разговорѣ съ Шольцомъ, притворился будто бы намѣренъ покончить все дѣло мирнымъ образомъ. Приглашенный въ Данцигъ, онъ въѣхалъ (17 апр.) въ городъ во главѣ большой свиты. Вскорѣ пріѣхалъ Барнимъ, герцогъ поморскій и Альбертъ, новый герцогъ прусскій, съ вооруженною стражею, и тогдато король снялъ маску — приказалъ схватить Шольца и 70 другихъ зачинщиковъ прошлогодняго мятежа и отдать ихъ подъ судъ. Нѣсколько человѣкъ были приговорены къ смерти, остальные къ изгнанію, костелы возвращены католическимъ духовнымъ, а отставленнымъ совѣтникамъ и чиновникамъ возвращены прежнія мѣста. Кромѣ того Сигизмундъ издалъ постановленіе, заключавшее въ себѣ много статей о соблюденіи въ городѣ порядка и спокойствія, и запретилъ, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, распространеніе книгъ новаго ученія. Но, чтобы показать городу, что, не смотря на строгость, онъ питаетъ къ нему и благосклонныя чувства, король подтвердилъ всѣ его привиллегіи и права и кромѣ того далъ ему гильдію. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пруссіи, король отправился, въ августѣ, въ Мазовію, которую по смерти Януша, послѣдняго потомка Конрада I въ мужской линіи, онъ окончательно присоединилъ къ королевству.

Въ бытность Сигизмунда въ Данцигѣ, Сулейманъ съ многочисленнымъ войскомъ поднялся на Венгрію. Но сообразивъ, что король непремѣнно подастъ помощь племяннику, онъ приказалъ татарамъ произвести набѣгъ на коронныя земли, и такимъ образомъ занять его дѣлами собственнаго государства. Сигизмундъ дѣйствительно былъ принужденъ поспѣшно выслать противъ татаръ приготовленные имъ для Людовика вспомогательные полки, а въ Венгрію отправилъ только отрядъ охотниковъ подъ предводительствомъ Гноинскаго, человѣка весьма искуснаго въ военномъ дѣлѣ. Онъ совѣтовалъ Людовику принять во вниманіе незначительность собственныхъ силъ и не нападать на турецкій лагерь подъ Могачемъ, но наоборотъ, завлекая непріятеля внутрь страны, сразиться съ нимъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ и не прежде, какъ

подойдутъ обѣщанные ему вспомогательные отряды. Но Людовикъ, уступая настойчивости венгерцевъ, пренебрегъ благоразумнымъ совѣтомъ, что и было причиною несчастной битвы подъ Могачемъ (29 авг.), въ которой самъ онъ былъ убитъ. Смерть молодаго короля породила въ Венгріи много тяжкихъ смутъ, а Сулейманъ, достигнувъ до Буды, которая ему покорилась, вернулся назадъ. О венгерской коронѣ возникъ споръ между Яномъ Заполіею, свойственникомъ Сигизмунда и Фердинандомъ ракузскимъ, женатымъ на Аннѣ, дочери Владислава. Тотчасъ по смерти Людовика, Заполія такъ ловко повелъ свои дѣла, что былъ провозглашенъ королемъ, и послѣ коронованія принялъ управленіе Венгріею. Фердинандъ, съ своей стороны, утвердившись въ Богеміи, собиралъ войско, чтобы овладѣть Венгріею. Напрасно оба претендента взывали къ Сигизмунду о помощи: король объявилъ, что вовсе не намѣренъ поддерживать споровъ и войнъ между христіанами, тогда какъ слѣдуетъ помышлять о томъ, чтобы, общими силами, остановить возрастающее могущество турокъ. Придерживаясь строгаго нейтралитета, онъ желалъ примирить соперниковъ. Въ скоромъ времени, побѣжденный Заполія былъ принужденъ удалиться изъ Венгріи въ Польшу, гдѣ нашелъ убѣжище у Яна Тарновскаго.

По смерти Могаметъ-Гирея, между татарами возникли несогласія. Такимъ образомъ, когда ордою началъ управлять Осламъ, Седемъ-Гирей выпросилъ себѣ у Сулеймана титулъ хана и, побѣдивши Ослама, принудилъ его вмѣстѣ съ своими сторонниками, искать убѣжища въ Польшѣ. Сигизмундъ позволилъ изгнанникамъ поселиться въ приднѣпровскихъ степяхъ. Раздраженный Седемъ-Гирей произвелъ за это набѣгъ на польскую и литовскую Русь, въ самое время войны Сулеймана съ Венгріею, а затѣмъ въ пору сильныхъ морозовъ (въ началѣ 1527) выслалъ 26,000 въ пинскую землю, которая потерпѣла страшное опустошеніе. Татары, отягченные добычею и забравъ съ собою 40,000 плѣнныхъ, были уже у Канева, какъ вдругъ, на разсвѣтѣ, внезапно напалъ на татарскій лагерь Константинъ Острогскій и истребилъ ихъ почти поголовно. Эта побѣда смирила на нѣкоторое время татарскія

полчища. Вскорѣ послѣ того продолжено перемиріе съ Россіею еще на пять лѣтъ, чѣмъ Сигизмундъ болѣе или менѣе обезпечилъ восточныя области своего государства. Правда, съ татарами происходили на границѣ постоянныя стычки, но такъ какъ Евстафій Дашкевичъ, Язловицкій и другіе давали имъ мужественный отпоръ и, даже (въ 1528), сами загнали ихъ до Очакова, то южная и западная Русь могли временно отдохнуть. Чтобы еще болѣе обезпечить тотъ край, Сигизмундъ склонилъ на піотрковскомъ сеймѣ (1529) всѣ сословія, назначить денежныя средства для содержанія 4,000 наемнаго войска, которое держало бы въ страхѣ татаръ.

Между тѣмъ Заполія пріобрѣлъ себѣ въ Венгріи много сторонниковъ, въ лицѣ недовольныхъ Фердинандомъ магнатовъ, и, при помощи ихъ, снова рѣшился начать борьбу. Но убѣдившись, что ему не осилить противника, онъ обратился за помощью къ Сулейману. Она и была ему дана, но только подъ унизительнымъ условіемъ признать верховную власть султана, съ платою ему ежегодной дани. Сулейманъ двинулся въ Венгрію съ огромнымъ войскомъ, занялъ, кромѣ другихъ городовъ, Буду, ввелъ туда Заполію въ качествѣ короля, и, затѣмъ, направился къ Вѣнѣ, которую безуспѣшно осаждалъ въ продолженіе слишкомъ мѣсяца. Его отступленіе, успокоило враждовавшихъ, въ то время на западѣ христіанъ, но появленіе многочисленныхъ турецкихъ войскъ въ срединѣ Европы, должно было всѣхъ убѣдить въ томъ, какъ велика могла быть опасность, грозящая съ востока. Всегда дальновидный, Сигизмундъ не вмѣшивался въ венгерскія междоусобія, тѣмъ болѣе, что въ то время былъ занятъ утвержденіемъ собственнаго престола за своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ. Отправившись съ нимъ и съ Боною въ Литву, онъ склонилъ литовцевъ къ превозглашенію его великимъ княземъ, а въ то же время (18 окт. 1529) сеймъ въ Піотрковѣ объявилъ Сигизмунда-Августа наслѣдникомъ престола, съ тѣмъ однако условіемъ, что, при жизни отца, онъ не долженъ вмѣшиваться въ правительственныя распоряженія, и, кромѣ того, что, тотчасъ по наступленіи совершеннолѣтія, обязанъ утвер-

дить всѣ дарованныя жителямъ права и привиллегіи. Послѣ такого уговора, приступлено было къ коронаціи въ Краковѣ (20 февр. 1530). Признаніе престолонаслѣдія ни въ чемъ не нарушало основаній избирательнаго принципа, а между тѣмъ освободило жителей отъ безпокойствъ, сопряженныхъ съ каждымъ междуцарствіемъ.

Въ то время, какъ король усиленно старался удержать мирныя сношенія со всѣми своими сосѣдями и, даже, съ султаномъ Сулейманомъ, неожиданно взялся за оружіе Петръ, воевода молдавскій, основываясь на какихъ-то древнихъ правахъ господарей на Покуцѣ. Онъ вторгнулся въ эту землю безъ предварительнаго объявленія войны и занялъ ее своими войсками. Янъ Тарновскій выслалъ 1200 ч. наемнаго войска, которое, разбивъ молдаванъ, въ нѣсколькихъ битвахъ, выгнало ихъ изъ Покуцья. Вскорѣ прибылъ самъ Тарновскій съ остальною частью наемныхъ войскъ и, неожиданно, напавъ, подъ Гвоздцомъ, на шеститысячный отрядъ молдаванъ, взялъ этотъ замокъ. На возвратномъ пути, онъ расположился подъ Обертыномъ, и тутъ его настигъ Петръ съ 22,000 ч. и 50 пушками. У Тарновскаго было всего, пѣхоты и конницы, только 4,000 ч., и, не смотря на то, онъ не хотѣлъ бросить свои пушки и обозъ и бѣжать за Днѣстръ, какъ нѣкоторые ему совѣтовали, но, воодушевивъ свое войско, рѣшился принять битву съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, выжидая его въ укрѣпленномъ лагерѣ. Петръ окружилъ со всѣхъ сторонъ поляковъ (22 авг.) и приказалъ брать лагерь приступомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ кровопролитнаго боя, молдаване отступили. Тарновскій воспользовавшись этимъ, перешелъ въ наступленіе, и, послѣ непродолжительнаго дѣла, одержалъ надъ ними совершенную побѣду. Все войско Петра бросилось въ разсыпную, а лагерь, пушки и всевозможные военные запасы достались въ руки поляковъ, кромѣ множества плѣнныхъ и знаменъ, отбитыхъ во время боя и при преслѣдованіи. Петръ, не отчаяваясь послѣ этого пораженія, снова вооружился, но высланные для опустошенія его владѣній польскіе отряды принудили его, наконецъ, прибѣгнуть, при посредничествѣ

Заполія, къ мирнымъ переговорамъ. Сигизмунду было не безъизвѣстно, что Петръ разсчитывалъ, преимущественно, на поддержку со стороны своего владыки, Сулеймана, и потому онъ ему отказалъ. Въ отвѣтъ на турецкое посольство онъ отправилъ къ султану Виламовскаго съ извѣстіемъ объ обертынской побѣдѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ просьбою запретить Петру, какъ леннику султана, дѣлать набѣги на польскія владѣнія. Сулейманъ, желая сохранить дружественныя сношенія съ Сигизмундомъ, предложилъ воеводѣ заключить съ Польшею миръ, а впослѣдствіи, послѣ новаго набѣга на Ракузу (1532), запретилъ и ему и татарамъ вторгаться въ польскія владѣнія.

Не смотря на благоразумныя мѣры Сигизмунда, государство не избавилось отъ внутреннихъ потрясеній, причина которыхъ заключалась, главнѣйшимъ образомъ, въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Землевладѣльцы порицали малѣйшее отступленіе отъ правилъ въ совѣтѣ, въ судопроизводствѣ, при раздачѣ чиновъ и званій, а король, напротивъ того, охранялъ цѣлость и неограниченность своей власти. Особенное вліяніе Боны, проникнутой началами итальянской системы управленія, оказывалось довольно вреднымъ для хода общественныхъ дѣлъ въ Польшѣ. Недовольство усиливалось съ каждымъ днемъ и хотя Сигизмундъ, при помощи многочисленныхъ приверженцевъ, противодѣйствовалъ его проявленію въ обширныхъ размѣрахъ, но мало по малу собиралась буря. Землевладѣльцамъ стало въ тягость, наконецъ, платить собираемыя ежегодно подати, когда они увидѣли, что большая половина этихъ податей переходитъ въ частную казну королевы. Злоупотребленія многочисленныхъ приверженцевъ двора, старостъ, даже, судей и почти явная продажа должностей, давали совершенно основательный поводъ къ жалобамъ на несправедливость правленія, подчиненнаго Бонѣ. Первое наиболѣе ясное обнаруженіе этого недовольства выразилось на піотрковскомъ сеймѣ (1533), на который изъ Великопольши никто не пріѣхалъ. Вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, ничѣмъ не кончился провинціальный съѣздъ: депутаты сандомирскіе, ленчицкіе и куявскіе, съ своей стороны, положительно объя-

вили на сеймѣ, что, за отсутствіемъ великополянъ, не могутъ ни къ чему приступить. Хотя, не смотря на это, девять другихъ воеводствъ согласились на предложеніе короны, а именно на новую подать, но король, все-таки, долженъ былъ, послѣ государственнаго совѣта, созвать провинціальные сеймики въ Корчинѣ и Коло, гдѣ, правда, подтверждены были рѣшенія сейма, но съ тѣмъ лишь условіемъ, что всякія притѣсненія должны немедленно прекратиться. На піотрковскій сеймъ явилось посольство отъ татарскаго хана Ослама съ выраженіемъ дружбы и съ требованіемъ ежегодныхъ подарковъ, которыми онъ могъ-бы успокоить алчность своихъ подданныхъ и, такимъ образомъ, отвлечь ихъ отъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу. Евстафій Дашкевичъ, черкасскій староста, также присутствовавшій на сеймѣ, предлагалъ болѣе дѣйствительныя мѣры для предупрежденія татарскихъ наѣздовъ. Онъ совѣтовалъ укрѣпить острова по Днѣпру и занять ихъ 2,000 пѣхоты, снабженной достаточнымъ количествомъ лодокъ, а по берегамъ рѣки расположить нѣсколько сотъ человѣкъ конницы. Король одобрилъ предложенный планъ, но выполненіе его стали откладывать и дѣло кончилось ничѣмъ.

Такъ какъ срокъ пятилѣтняго перемирія съ царемъ Василіемъ приближался къ концу, то король отправился въ Вильно, чтобы заключеніемъ постояннаго мира, обезпечить литовскія владѣнія отъ нападеній со стороны русскихъ. Посольство, немедленно отправленное въ Москву, начало переговоры. Но какъ Василій не соглашался съ главнымъ требованіемъ Сигизмунда возвратить Смоленскъ, то война снова возгорѣлась. По возвращеніи пословъ, король выговорилъ у литовцевъ сборъ значительной подати на наемъ войска, а въ тоже время его союзникъ, татарскій ханъ Осламъ, напалъ на владѣнія Василія съ 30,000 и, разбивши на Окѣ его войско, ограбилъ и опустошилъ русскую землю. Сообщая объ этомъ королю, Осламъ просилъ немедленной высылки обѣщанныхъ подарковъ. Король не могъ тотчасъ же удовлетворить этой просьбы, а поздняя высылка до того раздражила татаръ, что, перейдя Днѣпръ и Тавань, они уже были готовы вторгнуться съ огром-

ными полчищами въ предѣлы Польши и Литвы и только пріѣздъ пословъ съ деньгами склонилъ ихъ къ отступленію. Смерть царя Василія (въ началѣ зимы 1533) повела за собою затрудненія въ русскомъ государствѣ. По завѣщанію отца Іоаннъ долженъ былъ находиться подъ опекою матери и бояръ до 15-лѣтняго возраста. Елена (Глинская) правила государствомъ съ небольшимъ 4 года, опираясь на государственную думу, состоявшую изъ братьевъ Васильевыхъ и 20 знатнѣйшихъ вельможъ, въ числѣ коихъ, кромѣ Бѣльскихъ и Шуйскихъ и др. были и Глинскіе. Елена продолжала войну съ Сигизмундомъ, хотѣвшимъ возвратить утраченныя области и принудила его къ 5-лѣтнему перемирію, уступивъ одинъ Гомель и удержавъ крѣпости Себежъ и Заволочье.

Въ 1535 году во время сильныхъ морозовъ (1535) вторглись въ Литву три русскихъ отряда, подъ начальствомъ Овчины Телепнева-Оболенскаго и остановились въ 18 миляхъ отъ Вильно. Сигизмундъ призвалъ къ оружію литовское войско, но прежде нежели оно собралось, непріятель уже отступилъ за границу. Нужно было прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, чтобы принудить русскихъ къ миру. Король привелъ изъ Польши 7 тысячный отрядъ подъ начальствомъ короннаго гетмана Яна Тарновскаго и Андрея изъ Гурки, каштеляна калишскаго, которые, соединившись съ войскомъ литовскимъ, состоявшимъ подъ предводительствомъ виленскаго воеводы Радзивила, взяли (лѣтомъ) Гомель, въ сѣверской землѣ, послѣ чего подступили къ Стародубу, гдѣ заперся Овчина. Крѣпость защищалась упорно, но наконецъ пришлось уступить силѣ. Тарновскій велѣлъ вырѣзать часть плѣнниковъ *).

*) Авторъ не прослѣдилъ здѣсь до конца русско-литовской борьбы. Успѣхъ не былъ безусловно на сторонѣ поляковъ. Весь перевѣсъ пріобрѣтенный ими, благодаря наемнымъ иностраннымъ ратникамъ, пушкарямъ, пищальникамъ и подкопщикамъ былъ, почти вполнѣ, парализованъ дѣйствіями московскихъ воеводъ. И такъ Бутурлинъ, успѣлъ построить и укрѣпить новый городъ Себежъ. Всѣ усилія литовцевъ взять этотъ городъ остались тщетными, и, даже, русскіе, сдѣлавъ вылазку, нанесли чувствительное пораженіе литовцамъ, подъ которыми подломился ледъ на озерѣ. «Послѣ этого успѣха, говоритъ Соловьевъ въ своей

По случаю войны съ Россіею, Сигизмундъ почти постоянно жилъ въ Литвѣ и только изрѣдка и не надолго заглядывалъ въ свое королевство, такъ что даже сеймы происходили въ его отсутствіе. Піотрковскій сеймъ (янв. 1534) былъ весьма буренъ. Землевладѣльцы подняли вопросы о произволѣ, о лихоимствѣ и насиліи старостъ, о небрежномъ воспитаніи Сигизмунда-Августа, объ изгнаніи землевладѣльцевъ изъ ихъ родовыхъ имѣній и о многихъ другихъ злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей. Правда, и на этомъ сеймѣ утвержденъ сборъ значительной подати, но въ тоже время найдены полезными нѣкоторыя противодѣйствующія вышеупомянутымъ злоупотребленіямъ постановленія, проектъ которыхъ былъ препровожденъ на утвержденіе короля. Подать назначалась для обороны границъ Польши противъ татаръ и воеводы Петра, который, постоянно нарушая мирные договоры, тайно вступалъ въ сношенія со всѣми врагами Польши. Когда собрался снова, въ отсутствіе Сигизмунда сеймъ (25 нояб. 1535) въ Піотрковѣ, дѣло дошло до такихъ шумныхъ преній, что ихъ не могло прекратить даже чтеніе королевскаго указа на счетъ статей январскаго сейма. Депутаты землевладѣльцевъ рѣшительно требовали, чтобы установленія короны были приведены въ исполненіе и чтобы города, ордена и монастыри, до принятія Сигизмундомъ-Августомъ присяги относительно коронныхъ правъ, предъявили на первомъ предстоящемъ сеймѣ, дарованныя имъ права и привиллегіи, изъ которыхъ намѣревались исключить все то, что было несогласно съ закономъ. Что же касается до податей, которыя король употреблялъ преимущественно на веденіе войны съ Россіей, то коронные землевладѣльцы не хотѣли ихъ утвердить, такъ какъ эта война

«Исторіи Россіи» московскіе воеводы ходили воевать литовскую землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства у литовскихъ людей взяли и пришли домой всѣ цѣлы и здоровы. Кромѣ Себежа, построены были на литовскомъ рубежѣ Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торопецкомъ уѣздахъ. Стародубъ и Почепъ, покинутые литовцами были возобновлены». (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ — Соловьева Томъ VI стр. 17 — 18).

Примѣч. перевод.

затрогиваетъ интересы собственно Литвы, а не Польши. Вмѣсто того былъ одобренъ сборъ повсемѣстнаго ополченія на случай, если бы того потребовала защита края. Сигизмундъ нуждался не въ ополченіи, а въ деньгахъ, которыя старался пріобрѣсти отъ сейма, устрашая его войною съ Петромъ. Сейму было это извѣстно и онъ согласился на всеобщее ополченіе, чтобы вынудить утвержденіе другихъ предложенныхъ статей. Король нашелся и тутъ. Разославъ (5 янв. 1536) двойные указы, онъ повелѣлъ землевладѣльцамъ быть въ готовности выступить вооруженными по третьему призыву, куда будетъ указано. Послѣдній призывъ былъ объявленъ (6 март.), а сборнымъ пунктомъ назначены Глиняны. Это была чистѣйшая комедія, такъ какъ никакой непріятель не угрожалъ въ то время границамъ рѣчипосполитой, а созваніе всеобщаго ополченія должно было только принудить землевладѣльцевъ согласиться на сборъ подати вмѣсто ополченія, снаряженіе котораго вовлекало ихъ въ гораздо большіе расходы. По порученію Сигизмунда, сенаторы подговаривали въ воеводствахъ шляхту, чтобы она просила о такой замѣнѣ. Послѣ обнародованія первыхъ двухъ указовъ часть шляхты согласилась на это, а третьимъ указомъ король, до сзыва всеобщаго ополченія, созвалъ генеральные сеймики въ Коло и Корчинѣ, гдѣ дѣйствительно рѣшено замѣнить ополченіе налогами — поземельнымъ и съ напитковъ. Сигизмундъ добился таки своего, но раздраженіе умовъ не только не утихло, но, на оборотъ, даже усилилось. Король, проживавшій все время въ Литвѣ, права и привиллегіи которой были уже публично подтверждены присягою Сигизмунда-Августа (28 апр.), чтобы отвести во время бурю, положилъ созвать коронный сеймъ въ Краковъ (1 нояб.). Вслѣдствіе безуспѣшныхъ переговоровъ съ Россіею и съ валахскимъ воеводою Петромъ, онъ до такой степени опоздалъ пріѣздомъ, что сеймъ открылся только (12 нояб.) и продолжался до (2 марта 1537). Въ царствованіе Сигизмунда I еще не бывало такого бурнаго сейма. Депутаты землевладѣльцевъ предложили королю длинный списокъ своихъ жалобъ и притѣсненій, которымъ они подвергаются, положительно требуя ихъ прекращенія, при-

чемъ объявили, что ни къ чему не приступятъ, пока король не удовлетворитъ ихъ требованій.

Упорство Сигизмунда только усилило настойчивость депутатовъ, которые начали даже угрожать, что не допустятъ до присяги молодаго королевича. Сенаторы, приняли на себя обязанность посредниковъ: разобрали, вмѣстѣ съ депутатами землевладѣльцевъ, всѣ спорныя статьи, и затѣмъ поднесли ихъ на утвержденіе короля. Отказъ по нѣкоторымъ статьямъ, имѣлъ послѣдствіемъ то, что почти ни одинъ изъ депутатовъ не присутствовалъ (6 февр.) при церемоніи присяги Сигизмунда-Августа, и сеймъ былъ распущенъ (2 марта). Депутаты, раздраженные въ высшей степени, возвратившись въ воеводства, распространили общее волненіе въ средѣ шляхты. На нѣкоторыхъ сенаторовъ, которые горячо поддерживали всѣ намѣренія двора, появилось много пасквилей. Сигизмундъ грозилъ смертію авторамъ подобныхъ сочиненій, но сочиненія эти, тѣмъ не менѣе, расходились въ публикѣ съ неимовѣрною быстротою.

До разъѣзда сейма было на немъ положено — уполномочить короля созвать всеобщее ополченіе. Сигизмундъ разослалъ первые указы 19 февраля, вторые 8 марта, а третьи тотчасъ послѣ пасхи, предписывая всѣмъ короннымъ ополченцамъ собраться къ 2 іюля подъ Теребовль, откуда онъ намѣренъ былъ повести ихъ въ Валахію, противъ воеводы Петра, чтобы наказать его за опустошеніе западной Руси и принудить къ миру. Но онъ болѣе любилъ налоги, нежели всеобщее участіе въ ополченіи, а потому передъ отправленіемъ въ походъ, назначилъ сеймики въ воеводствахъ, въ надеждѣ, что землевладѣльцы согласятся, по прошлогоднему, на такого рода замѣну. Но шляхта вездѣ стояла за всеобщее ополченіе, во первыхъ потому, что каждый уже поиздержался на снаряженіе и вооруженіе, а во вторыхъ потому, что было рѣшено въ общемъ собраніи всѣхъ землевладѣльцевъ въ лагерѣ, принудить короля къ измѣненію системы правленія и прекращенію многихъ злоупотребленій и произвола. Король и его приверженцы хорошо поняли, что значитъ это твердое желаніе всеобщаго ополченія и можетъ

быть жалѣли, что сами доставили землевладѣльцамъ такой удобный случай для законнаго собранія на общій совѣтъ. Но такъ какъ нельзя уже было отмѣнить трижды повсюду объявленнаго призыва, то король ограничился изданіемъ строгихъ положеній, касательно соблюденія въ походѣ порядка, а самъ, въ назначенное время, отправился съ сенаторами въ Львовъ, гдѣ уже собиралось со всѣхъ сторонъ всеобщее ополченіе, доходившее до 150,000 человѣкъ. Въ лагерѣ начали толковать обо всѣхъ притѣсненіяхъ и нарушеніяхъ коронныхъ правъ, какъ-то: объ отчужденіи отъ землевладѣльцевъ ихъ родовыхъ имѣній, посредствомъ вновь утвержденной коронной метрики, о взыманіи неположенныхъ пошлинъ, соединеніи нѣсколькихъ разнородныхъ управленій въ однѣхъ рукахъ, введеніи родовыхъ преимуществъ въ сословіе землевладѣльцевъ, о небрежномъ воспитаніи Сигизмунда-Августа, объ отдачѣ духовныхъ мѣстъ иностранцамъ, о пріобрѣтеніи королевой значительныхъ поземельныхъ владѣній и даже старостъ съ городами, о вредномъ ея вліяніи на всѣ правительственныя дѣла и т. п. Кромѣ того обвиняли короля и сенаторовъ въ томъ, что они, не обращая должнаго вниманія на опредѣленія сеймовъ и постоянныя требованія депутатовъ, не приводятъ въ исполненіе постановленій рѣчипосполитой, вопреки законамъ и уставамъ.

После многихъ совѣщаній, происходившихъ, не смотря на многочисленность собранія, въ большомъ порядкѣ, королю объявлено: что войско не тронется противъ непріятеля, котораго между прочимъ и нѣтъ въ предѣлахъ государства, если не будетъ положенъ конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ. Вожаками въ землевладѣльческой партіи были Николай Тащицкій, Петръ и Мартинъ Зборовскіе, Янъ Сѣраковскій и другіе. Отвѣтъ короля не оправдалъ ожиданій войска, и потому рѣшено — обратиться къ посредничеству сенаторовъ и собраться на общій совѣтъ, въ открытомъ полѣ, подъ деревнею Бонсками. Выбранные шляхтою депутаты выразили ея желанія смѣло и безъ дальнихъ околичностей, убѣждая сенаторовъ склонить короля къ безотлагательному выполненію ихъ требованій. Краковскій каштелянъ, Янъ Тарновскій,

какъ первый членъ въ сенатѣ, заговорилъ первымъ. Онъ обратилъ вниманіе на гибельныя для страны послѣдствія отъ возбужденія несогласій въ то время, когда слѣдуетъ идти на врага, и утверждалъ что слѣдуетъ отложить все дѣло до ближайшаго сейма, на которомъ, по его мнѣнію, удобнѣе было-бы разрѣшить этотъ вопросъ. Послѣ него долженъ былъ говорить Петръ Кмита, краковскій воевода, но Тарновскій, выведенный изъ терпѣнія шумомъ и криками безчисленной шляхты, столпившейся вокругъ переговаривающихся, назвалъ ее, безъ обиняковъ, *сволочью*. Это вызвало страшное смятеніе. Оскорбленная шляхта, не смотря на противодѣйствіе своихъ предводителей, хотѣла броситься на сенаторовъ, и этотъ совѣтъ могъ бы кончиться кровавою схваткою, если бы внезапная буря и ливень не подоспѣли во время. Сенаторы, вскочивъ на коней, ускакали цѣлыми, хотя и не одному изъ нихъ нанесены при этомъ удары по головѣ, или по плечамъ. На слѣдующій день шляхта приглашала ихъ на старое мѣсто, чтобы кончить прерванное совѣщаніе, но имъ отвѣтили, что среди толпы разсуждать неудобно, а всего лучше будетъ, если шляхта уполномочитъ выборныхъ изъ своей среды для соглашенія съ сенатомъ. Предложеніе было принято, и дальнѣйшія совѣщанія происходили, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, во дворѣ костела св. Франциска, въ Львовѣ. Королевскій отвѣтъ не совпалъ, однако, съ желаніями земледѣльцевъ, а потому переговоры были прерваны и вся шляхта, собравшаяся у костела св. Георгія, назначила изъ своей среды депутацію, которая должна была высказать окончательныя требованія своихъ соотчичей. Послѣ двухдневнаго совѣщанія, депутаты составили этотъ важный актъ. При этомъ хотя они и угрожали отказомъ въ послушаніи тѣмъ, которые нарушаютъ законы и коронныя права, но въ тоже время, обнаружили также весьма много такту, благоразумія и достоинства въ изложеніи разныхъ требованій, частію законныхъ и справедливыхъ, частію же неосновательныхъ. Вся шляхта единогласно одобрила прочитанныя ей статьи, и затѣмъ таковыя были предъявлены королю. Послѣ семидневнаго размышленія, данъ былъ

довольно удовлетворительный отвѣтъ. Король соглашался почти на все, съ тою только оговоркою, что нѣкоторыя желанія онъ былъ готовъ удовлетворить тотчасъ же, другія же откладывалъ до ближайшаго сейма. Въ замѣнъ того, онъ требовалъ, чтобы землевладѣльцы или сами отправились противъ Валахіи, или же утвердили сборъ подати для содержанія наемнаго войска. Они не согласились ни на одно, ни на другое, а король, тѣмъ не менѣе, былъ все-таки принужденъ дать шляхтѣ позволеніе разойтись по домамъ, напоминая только, чтобы на возвратномъ пути она не опустошала собственнаго края. Для защиты границъ со стороны Молдавіи, Сигизмундъ выслалъ наемные отряды, которые по своей малочисленности, не могли препятствовать наѣздамъ Петра или Петрилы.

Сопротивленіе землевладѣльцевъ подъ Львовомъ несправедливо названо возстаніемъ дворянъ противъ короля, такъ какъ тутъ не происходило ничего противнаго короннымъ законоположеніямъ. Шляхта собралась не самовольно, но явилась на зовъ королевскій, а если, вмѣсто того, чтобы идти противъ непріятеля, она требовала преобразованій въ рѣчипосполитой, то на это она имѣла полное право. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что и королева Бона, а также знатные паны позволяли себѣ весьма часто нарушеніе законовъ. Мѣста и должности; какъ свѣтскія, такъ и духовныя, продавались королевою съ аукціона, а люди съ властію, соединяя въ своихъ рукахь нѣсколько важныхъ постовъ, хотѣли ввести въ сословіе землевладѣльцевъ такую же іерархію, какая существовала вездѣ на западѣ. Они поддерживали короля для того, чтобы тѣмъ легче достигнуть своихъ цѣлей. Въ лагерѣ подъ Львовомъ, землевладѣльцы воспротивились этому посягательству на равенство и, дѣйствуя совокупно и единодушно, взяли честное слово съ шляхты, служащей при дворахъ у магнатовъ въ томъ, что она перейдетъ на ихъ сторону, и шляхта сдержала данное слово. Такъ какъ обѣ стороны придерживались совершенно противоположныхъ началъ, то взаимное раздраженіе не прекратилось тотчасъ же, но обнаружилось снова на піотрковскомъ сеймѣ (6 янв. 1538), куда прибыли изъ воеводствъ двоякаго рода послы

— одни, избранные подъ вліяніемъ и усиліями людей съ властію, а другіе, уполномоченные обществомъ землевадѣльцевъ. Собраніе, и безъ того многочисленное, увеличилось еще присутствіемъ Николая Русоцкаго, каштеляна бѣховскаго, который, будучи потребованъ на сеймъ, за убійство Томаша Любранскаго, каштеляна брестско-куявскаго, явился съ большимъ числомъ слугъ и пріятелей. Сеймъ былъ весьма бурный. Сигизмундъ попытался-было подвергнуть строгой отвѣтственности представителей землевладѣльцевъ за сопротивленіе, оказанное ему подъ Львовомъ, но сами сенаторы, желавшіе избѣгнуть излишняго раздраженія умовъ, отклонили отъ этой попытки. Поводомъ къ водворенію согласія послужило извѣстіе о пораженіи, понесенномъ поляками на Серетѣ, въ битвѣ съ Петромъ. Король отказался отъ предполагавшагося прежде суда, а сеймъ назначилъ сборъ податей для обороны границъ. Такимъ образомъ, сеймъ столь бурный въ началѣ, кончился довольно хорошо, потому что, все-таки, благодаря ему, положеніе дѣлъ въ рѣчипосполитой измѣнилось, отчасти, къ лучшему.

По распущеніи сейма, Сигизмундъ отправилъ Тарновскаго, съ наемными дружинами, противъ Петра, а вслѣдъ за нимъ двинулся и молодой Сигизмундъ-Августъ съ остальнымъ войскомъ. Тарновскій осадилъ Хотимъ (въ августѣ) и былъ готовъ взять его силою, но Петръ, при посредничествѣ, враждовавшихъ между собою венгерскихъ королей, Фердинанда и Запосреди, заключилъ съ Польшею на нѣкоторое время перемиріе. Вскорѣ послѣ того, изгнанный султаномъ, онъ былъ принужденъ бѣжать въ Венгрію, а Молдавія досталась валахскому воеводѣ Стефану.

Сигизмундъ, заботясь о сохраненіи мира, употреблялъ всѣ усилія, чтобы примирить Фердинанда съ Запоміею и тѣмъ предохранить Венгрію отъ турецкаго ига. Наконецъ ему удалось довести дѣло до переговоровъ и заключенія (1538) тайнаго мира. Фердинандъ долженъ былъ остаться королемъ западной Венгріи, а Заполія восточной, съ тѣмъ условіемъ, что, по смерти Заполіи, вся Венгрія перейдетъ во владѣніе Фердинанда, или же его сына, исключая Спижа, который останется во власти потомковъ Заполіи.

Если бы Фердинандъ не оставилъ по себѣ мужскаго потомства, то права ракузскаго дома на Венгрію должны были совершенно прекратиться. Вскорѣ послѣ того, Заполія женился на Изабеллѣ, дочери Сигизмунда. Этотъ миръ, прекратившій въ Венгріи междоусобную войну, продолжался не долго и снова готова была разразиться надъ Венгріею сильная буря, какъ вдругъ умеръ, вскорѣ послѣ рожденія сына, самъ Заполія (лѣтомъ 1540). Изабелла, поддерживаемая нѣкоторыми венгерскими магнатами, не хотѣла исполнить договора, и Фердинандъ осадилъ ее въ Будѣ. На помощь къ ней явились турки. Разбитыя войска Фердинанда были принуждены отступить, а Сулейманъ, занявъ Буду, отослалъ Изабеллу, вмѣстѣ съ сыномъ, въ Семиградъ.

Внутри Польши все еще продолжались несогласія, проявлявшіяся почти на каждомъ сеймѣ, но грозное сосѣдство турокъ, событія въ Валахіи и Венгріи, дѣлали болѣе уступчивыми всѣ сословія и принуждали ихъ къ утвержденію постоянныхъ налоговъ для обороны въ случаѣ войны. Но именно эта постоянная необходимость быть готовымъ къ войнѣ, отъ которой уклонялись Литва, Пруссія и даже земли заторская и освѣцимская, служила короннымъ землевладѣльцамъ поводомъ домогаться отъ короля на каждомъ сеймѣ, рѣшительнаго соединенія всѣхъ частей государства во-едино. Болѣе всего хлопотали о польской Пруссіи, которая, считая себя отдѣльнымъ государствомъ, соединеннымъ съ коронными владѣніями, на совершенно равныхъ правахъ лишь общимъ королемъ, уклонялась отъ общихъ сеймовъ и общаго несенія тягостей управленія. Пруссаки оправдывались своими привиллегіями и, хотя король успѣвалъ подъ-часъ налагать на нихъ какой нибудь налогъ, но они всегда оговаривались, что согласились на это по доброй волѣ, а не по обязанности и что это не должно, ни въ какомъ случаѣ, уменьшать ихъ правъ на самостоятельность. Король находился, такъ сказать, между молотомъ и наковальнею. Съ одной стороны, Пруссія отстаивала свою провинціальную автономію, какъ, по настоящимъ понятіямъ, можно бы справедливо назвать ея стремленіе къ самостоятельности, съ другой же, коронные землевладѣльцы были

недовольны тѣмъ, что на нихъ смотрятъ въ Пруссіи, какъ на чужихъ и побуждали короля, уничтоживъ всякое различіе между поляками и пруссаками, раздавать должности и званія, духовныя и свѣтскія, какъ полякамъ въ Пруссіи, такъ и пруссакамъ въ коронныхъ владѣніяхъ. Сигизмундъ, не желая еще болѣе раздражать спорящихъ сторонъ, постоянно откладывалъ это дѣло, не смотря на то, что на всякомъ сеймѣ требовали его положительнаго рѣшенія.

Столкновенія, правда дипломатическія, происходили и съ германскимъ императоромъ Карломъ V. Крестоносцы постоянно заявляли жалобы объ обидѣ, нанесенной, будто бы, ордену Польшею, которая во первыхъ отняла у него западную Пруссію, а вслѣдъ за тѣмъ отдала и остальныя его владѣнія, въ видѣ леннаго свѣтскаго герцогства, Альберту. Но такъ какъ и императорское правительство не могло спокойно перенесть отпаденія отъ Германіи владѣній ордена и какъ, къ тому же, оно постоянно призывало значительнѣйшіе прусскіе города къ участію въ имперскихъ сеймахъ и сбору податей на нужды германскаго государства, то магистру крестоносцевъ было весьма легко навлечь на Альберта, какъ вѣроотступника и измѣнника, приговоръ суда къ изгнанію. Хотя Сигизмундъ и зналъ, что все это останется лишь пустою и дѣтскою угрозою, но для поддержанія своего достоинства, онъ представилъ императору, дипломатическимъ путемъ, всю неумѣстность, какъ зачисленія польскихъ городовъ и владѣній въ составъ германской имперіи, такъ точно и объявленіе приговоровъ объ изгнаніи его ленника. Раздраженные нѣмецкіе дипломаты и юристы не хотѣли принять въ соображеніе здравыхъ разсужденій польскихъ пословъ и скорѣе были готовы продолжать издавать смѣшныя распоряженія и приговоры, на которые никто не обращалъ вниманія, нежели отказаться отъ незаконныхъ притязаній на чужую собственность.

Съ султаномъ Сулейманомъ король находился въ мирныхъ отношеніяхъ. Не смотря на то, что онъ отъ души желалъ изгнанія изъ Европы турокъ и не переставалъ хлопотать о мирѣ со всѣми христіанскими державами, чтобы потомъ, совокупными силами, вы-

ступить противъ общаго врага, но въ тоже время не хотѣлъ излишнею горячностью навлечь на свои владѣнія всѣ тягости опасной войны. Поэтому польскіе послы часто ѣздили въ Стамбулъ, а турецкіе въ Краковъ, чѣмъ были отстраняемы всевозможные поводы къ спорамъ. Искуснымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ съ султаномъ, Сигизмундъ не только успѣлъ избѣгнуть войны съ нимъ, но и освободилъ, на довольно продолжительное время, всю Русь отъ татарскихъ набѣговъ. Изрѣдка только случались лишь пограничные наѣзды. Съ Россіею возобновлялись, время отъ времени, перемирія, но постояннаго мира заключить было неудобно.

Съ императоромъ возникали столкновенія по поводу Пруссіи, но Сигизмундъ старался о болѣе тѣсной связи съ ракузскимъ домомъ и потому женилъ (6 мая 1543) своего сына на Елисаветѣ, дочери Фердинанда, бывшаго уже въ то время германскимъ королемъ. Этотъ бракъ не былъ счастливъ, такъ какъ молодая королева умерла, два года спустя послѣ замужства (въ іюнѣ 1545). Неудовольствія народа, вслѣдствіе излишняго вліянія Боны на общественныя дѣла, чего король, удрученный лѣтами, не былъ въ состояніи отстранить, проявлялись подъ конецъ его жизни или прерваніемъ сеймовъ, или же происходившими на нихъ ожесточенными спорами. Сигизмундъ передалъ управленіе Литвою (1544) и и Пруссіею (1547) своему сыну, чѣмъ удовлетворилъ стремленію этихъ странъ къ провинціальной автономіи, а въ коронныхъ земляхъ онъ управлялъ лично до самой своей кончины (1 апр. 1548). Сигизмундъ - Августъ, управлявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Литвою, не присутствовалъ въ Краковѣ при смерти своего отца. По приглашенію коронныхъ пановъ, онъ прибылъ (1 мая) въ столицу и, какъ законный король тотчасъ же принялъ въ свои руки правленіе и созвалъ сеймъ въ Піотрковѣ (18 окт.). По всей рѣчипосполитой, по поводу пропаганды лютеранскаго ученія и разныхъ злоупотребленій, возникло столько несогласій и смутъ, что можно было разсчитывать на бурный сеймъ. Къ усиленію этой бури послужило еще то обстоятельство, что король, принявъ въ свои руки коронное правленіе, хотѣлъ объявить королевою Варвару Радзивиллъ,

вдову Гастольда, съ которой онъ тайно обвѣнчался въ Вильнѣ, безъ согласія отца и государственныхъ чиновъ. Такимъ образомъ, когда собрался сеймъ, депутаты землевладѣльцевъ не хотѣли приступать къ обсужденію королевскихъ предложеній, до тѣхъ поръ, пока Сигизмундъ-Августъ не согласится признать недѣйствительность своего брака, который онъ заключилъ тайно и безъ согласія чиновъ. Съ мнѣніемъ депутатовъ соглашалась мать короля, Бона, и почти весь сенатъ, за исключеніемъ краковскаго епископа, короннаго канцлера Самуила Мацѣевскаго, краковскаго каштеляна и великаго короннаго гетмана Яна Тарновскаго и нѣсколькихъ епископовъ. Янъ Сѣраковскій и Петръ Боратынскій, какъ предводители депутатовъ, умоляли короля, во имя любви его къ отечеству, разорвать оскорбительныя для королевскаго сана узы. Примасъ Дзержговскій хотѣлъ даже дать ему отпущеніе грѣховъ, а вину нарушенія клятвы свалить на совѣсть всѣхъ гражданъ. Но Сигизмундъ-Августъ остался непреклоннымъ, объявивъ тѣмъ, которые его просили, чтобы они не хлопотали напрасно, потому что, если они хотятъ, чтобы онъ сдержалъ клятву *данную имъ*, то не должны заставлять его нарушить таковую же относительно жены. Это дѣло остановило надолго обсужденіе другихъ вопросовъ, потому что ни одна изъ сторонъ не хотѣла отказаться отъ своего мнѣнія. Депутаты, видя что они не въ состояніи заставить короля согласиться на ихъ предложеніе, и основываясь на невыполненіи имъ условія о присоединеніи къ короннымъ владѣніямъ Литвы, Пруссіи и заторской земли, обратились къ нему съ неменѣе обиднымъ требованіемъ, чтобы онъ управлялъ не отъ своего имени, а отъ имени рѣчипосполитой. Такое требованіе походило на лишеніе Сигизмунда королевскихъ правъ. Тарновскій снова выступилъ на защиту короля, утверждая, что присоединеніе вышеупомянутыхъ странъ можетъ исключительно воспослѣдовать путемъ добровольнаго соглашенія, а не насилія. Петръ Кмита былъ противуположнаго мнѣнія и рѣзко высказалъ свою мысль. Однако король, одобривъ твердость Тарновскаго, рѣшился прервать щекотливый споръ и объявилъ, что онъ открываетъ судъ. Депутаты и большая часть сенаторовъ, усма-

тривая въ этомъ нарушеніе ихъ правъ, тотчасъ же разъѣхались, чѣмъ и былъ прерванъ сеймъ (1 янв. 1549). Не смотря на то, Сигизмундъ продолжалъ засѣданія суда съ уменьшеннымъ составомъ сенаторовъ, и, разославъ по всѣмъ землямъ и воеводствамъ свои универсалы, завѣрялъ народъ въ благихъ своихъ намѣреніяхъ — относительно рѣчипосполитой; тѣхъ же, которые были причиною смутъ на сеймѣ, обвинялъ въ жадности и корыстолюбіи.

Такимъ образомъ правленіе Сигизмунда началось весьма бурно. По случаю прерванія сейма, не было ничего рѣшено на счетъ обороны края. Въ воеводствахъ суды были закрыты, а нововѣрцы, усилившись числомъ, не обращали вниманія на постановленія епископовъ, которымъ даже оказывали сопротивленіе. Къ числу прочихъ внутреннихъ смутъ присоединилось еще возмущеніе краковскихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ было убито въ ночной дракѣ съ прислугою ксендза, Андрея Чарнковскаго. Ученики, обвиняя въ этомъ самого ксендза, добивались у короля суда надъ нимъ и наказанія. Король передалъ все это дѣло въ руки краковскаго епископа, а тотъ, выслушавъ свидѣтелей, нашелъ ксендза невиннымъ. Ученики, раздраженные пристрастнымъ и несправедливымъ, по ихъ мнѣнію, рѣшеніемъ, не обращая вниманія на представленія и просьбы Тарновскаго, вышли изъ Кракова въ такомъ значительномъ количествѣ, что преподаваніе должно было прекратиться на продолжительное время. Только весьма немногіе изъ нихъ вернулись впослѣдствіи, по королевскому приказу, прочіе же отправились въ заграничныя школы. Къ смутамъ внутри государства присоединился еще набѣгъ татаръ, которые овладѣли замкомъ Висніовецкаго Перемиркою, и разсыпали свои полчища внутри западной Руси. Бернардъ Претвицъ, Янъ Гербуртъ и братья Сенявскіе не имѣли достаточныхъ силъ, чтобы остановить успѣхи врага. Правда, что на защиту западной Руси спѣшили Янъ Тарновскій изъ Сандомира и Петръ Кмита изъ Перемышля, но татары, не дождавшись ихъ прибытія, воротились съ добычею и плѣнниками въ свои кочевья.

Во всемъ государствѣ царствовало сильнѣйшее безправіе. Свѣт-

ское сословіе, проникнутое убѣжденіями нововѣрцевъ, спорило съ духовенствомъ, среди котораго новыя религіозныя мнѣнія нашли также не мало послѣдователей. Станиславъ Оржеховскій, перемышльскій каноникъ, велъ непорядочную жизнь и хотѣлъ жениться. Заочно приговоренный за это своимъ епископомъ Дзіадускимъ къ лишенію чести и имени и преданный анаѳемѣ за то, что соглашался явиться передъ судомъ къ назначенному времени не иначе, какъ съ толпою вооруженныхъ пріятелей, онъ взволновалъ своимъ дѣломъ почти всю рѣчьпосполитую. Часть землевладѣльцевъ не хотѣла признавать власти Сигизмунда, и вездѣ на уѣздныхъ и воеводскихъ съѣздахъ, происходившихъ безъ его позволенія, требовали созванія сейма, для чего и были отправлены къ нему послы. Когда же Сигизмундъ продолжалъ не уступать дерзкимъ притязаніямъ, то Дзержговскаго уговорили прибѣгнуть къ угрозѣ объявивъ королю, что въ случаѣ дальнѣйшей настойчивости, Дзержговскій на основаніи правъ, присвоенныхъ ему, какъ примасу, самъ созоветъ сеймъ. Король выведенный изъ терпѣнія, отвѣчалъ, что самъ не созоветъ сейма и никогда никому не позволитъ созвать сеймъ безъ его воли и согласія. Однако уступая просьбамъ и представленіямъ Яна Тарновскаго, который его умолялъ, во имя любви къ отечеству, вывести рѣчьпосполитую изъ этого замѣшательства—онъ назначилъ наконецъ универсалами собраніе сейма (4 мая 1550) въ Піотрковѣ. На сеймикахъ, предшествовавшихъ сейму уже не затрогивали вопроса о женитьбѣ короля, но вездѣ въ инструкціяхъ выбраннымъ депутатамъ поручалось настаивать въ правительственныхъ реформахъ въ рѣчипосполитой и о строгомъ соблюденіи законовъ. Кромѣ того, на сеймикѣ въ Вишни поручено посламъ заняться дѣломъ Оржеховскаго. Лишь только собрался сеймъ, примасъ потребовалъ отъ короля въ сенатѣ, чтобы онъ изданіемъ новыхъ универсаловъ призналъ недѣйствительность тѣхъ, которыми онъ обвинялъ противниковъ своей женитьбы. Противъ этого однако же возсталъ Тарновскій положительно, утверждая, что эти универсалы были необходимы для того, чтобы показать народу настоящую причину прерванія сейма. Посольская изба, съ

своей стороны, намѣревалась снова пріостановить дѣйствіе судовъ, пока не наступитъ присоединеніе Литвы и Пруссіи, но наконецъ, когда ей были представлены печальныя послѣдствія такого бездѣйствія правосудія, она отказалась отъ своего намѣренія. Пренія по этому предмету были бурныя, и происходили между депутатами и сенаторами въ отсутствіе короля. Съ гораздо большею горячностію высказывали депутаты землевладѣльцевъ требованія о выполненіи постановленій, касательно незаконнаго соединенія различныхъ должностей въ однѣхъ рукахъ и перехода множества коронныхъ земель въ собственность частныхъ лицъ. Палата депутатовъ была совершенно права, потому что законы, во-первыхъ, ясно указывали на тѣ должности, которыя не позволялось соединять въ одномъ лицѣ, а во-вторыхъ, что въ нихъ была оговорка, по которой король, безъ согласія сейма, не имѣлъ права отдать въ собственность частному лицу столовыя имущества. Но такъ какъ, не смотря на эти законоположенія, паны умѣли добывать себѣ отъ королей и должности и земли, то требованіе палаты депутатовъ было направлено противъ нихъ. Землевладѣльцы хотѣли такимъ образомъ по возможности ввести въ своемъ сословіи равенство, но люди съ властью прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы помѣшать этому. Тарновскій и Самуилъ Мацѣевскій сложили, правда, съ себя незаконно присвоенныя имъ должности, чтобы укротить бурю, но когда граждане, отдавая должную справедливость ихъ безкорыстію продолжали настаивать на своемъ, король сообщилъ имъ, что, давъ клятву быть вѣрнымъ всѣмъ коронымъ правамъ и законамъ, онъ долженъ въ тоже время наблюдать за безусловнымъ ихъ выполненіемъ и что онъ не намѣренъ исключительно ограничиваться тѣмъ или другимъ статутомъ. Такое заявленіе было, повидимому, справедливо, но въ сущности угрожало почти всей шляхтѣ изгнаніемъ изъ родовыхъ имѣній. Поэтому требовали, чтобы при приведеніи этой мѣры въ исполненіе не распространять изысканій на времена, предшествовавшія царствованію Александра. Но такъ какъ король настаивалъ на своемъ, а

палата депутатовъ тоже не хотѣла уступить, то сеймъ снова не кончился надлежащимъ образомъ и не было ничего предпринято для обороны рѣчипосполитой. Точно также не рѣшено дѣло Оржеховскаго, который, получивъ аудіенцію въ сеймѣ и у короля, рѣзко и горячо возставалъ противъ злоупотребленій духовной власти и умолялъ короля, чтобы онъ не дозволялъ епископамъ распоряжаться честью и жизнью шляхты. Послѣ этого сейма Сигизмундъ заявилъ собраннымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, о своей волѣ короновать Варвару, и хотя на этотъ счетъ не было получено согласіе сейма, однакожъ найденъ благовидный предлогъ для созванія сената, въ чемъ особенно усердно помогалъ королю Кмита. Этимъ предлогомъ была церемонія признанія ленной зависимости со стороны нѣскольких герцоговъ, которыхъ послы прибыли въ Краковъ. Собравшійся сенатъ исполнилъ волю короля и (13 нояб.) коронація Варвары, совершилась съ величайшимъ торжествомъ. Послѣ коронаціи и прочихъ церемоній, король вызвалъ въ совѣтъ сената Николая Олесницкаго изъ Пинчова, который, принявъ къ себѣ нововѣрца Станкара — италіанца, выгналъ изъ своихъ владѣній монаховъ и ксендзовъ, а будучи призванъ по этому случаю къ епископу, явился съ толпою пріятелей и съ ними только соглашался предстать передъ судомъ. Противъ него и всѣхъ нововѣрцевъ горячо говорилъ въ сенатѣ епископъ куявскій, Андрей Зебржидовскій, умолявшій короля пресѣчь строгими мѣрами зло въ самомъ его началѣ. И Тарновскій выражалъ необходимость поступать по всей строгости законовъ со всякимъ, кто участвуетъ въ незаконныхъ съѣздахъ и распространяетъ какія-то нововведенія и даже составляетъ заговоры. Почти весь сенатъ соглашался съ этимъ и вѣроятно Олесницкій подвергся бы строгому приговору, если бы каштелянъ бецкій, Валентій Денбинскій не умилостивилъ короля. Олесницкому было только приказано удалить отъ себя Станкара и не нарушать правъ духовенства. Не долго наслаждался король семейнымъ счастіемъ, потому что черезъ полгода послѣ коронаціи умерла (6 апр. 1551) Варвара, отравленная, какъ подозрѣ-

ваютъ, по наущенію Боны, докторомъ-италіанцемъ *). Сигизмундъ, глубоко пораженный этою потерею, проводилъ тѣло своей жены въ Вильно, гдѣ пробылъ около года.

Между тѣмъ число послѣдователей новаго ученія возрастало съ каждымъ днемъ. Духовенство, вопреки церковнымъ уставамъ, вступало въ бракъ и подобно тому, какъ сдѣлалъ это нѣсколько раньше, Валентій Кржоновскій, приходскій священникъ, такъ поступилъ потомъ Мартинъ Кровицкій, а Оржеховскій, который обѣщалъ въ Піотрковѣ главамъ польской церкви, что онъ не женится безъ дозволенія папы, нарушилъ данное имъ слово и вступилъ въ бракъ съ Магдалиною Хелмскою, за что снова былъ преданъ анаѳемѣ Дзядускимъ. Чтобы положить предѣлъ распространенію новаго ученія, Дзержговскій собралъ провинціальный синодъ, на которомъ женатые ксендзы были объявлены еретиками, и притомъ положено принять строгія мѣры противъ иновѣрцевъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія многіе были потребованы къ епископскимъ судамъ, отчего только усилились всеобщія смуты. Дѣло не обошлось и безъ внѣшнихъ нападеній. Валахскій воевода Елисей, принявъ магометанство, вторгнулся съ татарами въ Подолію и взялъ Брацлавъ, гдѣ погибло много поляковъ. Татары проникали и въ глубь западной Руси, но Янъ Тарновскій двинулся противъ нихъ съ наемнымъ войскомъ и безъ труда выгналъ ихъ оттуда. Между тѣмъ

*) Недавно скончавшійся польскій писатель Михаилъ Балинскій, извѣстный своими историческими трудами, въ своей біографіи Варвары Радзивилловны, оспариваетъ фактъ отравленія; по видимому г. Балинскій опирается на показаніяхъ писателей, жившихъ въ тогдашнее время—Гурницкаго и Оржеховскаго. Правда, ни Гурницкій въ своемъ сочиненіи — Дѣянія въ коронной Польшѣ (Dzieje w Koronie), ни Оржеховскій въ своихъ — Annales, нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ отравленіи. Но это не есть еще опроверженіе. Гурницкій и Оржеховскій должны были умолчать объ этомъ фактѣ, ибо были въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ королю Сигизмунду-Августу. Первый изъ нихъ былъ неотлучно при дворѣ, а второй представлялъ свои «Записки» королю. Понятное дѣло, что было бы весьма неблагоразумно и щекотливо говорить королю объ отравленіи обожаемой имъ Варвары. И такъ фактъ этотъ, остается по настоящее время, не смотря на разныя историческія монографіи и мемуары, не вполнѣ разъясненнымъ. Вѣрно только то, что съ именемъ Боны, соединяется воспоминаніе объ этомъ темномъ дѣлѣ. *Прим. перевод.*

король созвалъ въ Вильнѣ литовскій сеймъ, и, вслѣдствіе требованій посольства, прибывшаго изъ Польши, намѣревался склонить литовскіе чины къ слiянію великаго княжества съ коронными землями. Литовцы воспротивились этому, и хотя король представлялъ имъ, что этого требуетъ общая оборона отъ татаръ, но они успѣли отъ него отдѣлаться, утвердивъ трехлѣтнюю подать на содержаніе наемнаго войска.

Государственныя дѣла требовали энергическихъ дѣйствій. Поэтому Сигизмундъ-Августъ явился (1 фев. 1552) на сеймъ въ Піотрковъ. Когда были прочтены предложенія правительства, относительно защиты рѣчипосполитой, депутаты землевладѣльцевъ объявили, что ни къ чему не приступятъ, пока король не лишитъ епископовъ права приговаривать шляхту къ лишенію чести, жизни и имущества за дѣла вѣры. Во главѣ землевладѣльцевъ сталъ Рафаилъ Лещинскій, который, сложивъ съ себя, годъ тому назадъ, званіе воеводы, пріобрѣлъ большую популярность, какъ защитникъ свободы совѣсти и гражданскихъ правъ шляхты. Негодованіе противъ епископовъ усилилось благодаря Станиславу Ожеховскому, сторону котораго рѣшительно принялъ сеймикъ въ Вишни, поручивъ своимъ депутатамъ ни къ чему не приступать, пока король не рѣшитъ благопріятнымъ образомъ его дѣла. Пренія были весьма бурныя и приверженцы новой вѣры, даже въ присутствіи короля, относились къ епископамъ съ бранью, называя ихъ лицемѣрами и хищными волками. Краковскій епископъ, Андрей Зебржидовскій, защищая права церкви, умолялъ короля не потворствовать нововведеніямъ въ вѣрѣ, подкапывающимъ его власть, а также благосостояніе и могущество рѣчипосполитой. Въ сенатѣ большинство было на сторонѣ того мнѣнія, что нельзя лишить епископовъ права суда въ дѣлахъ вѣры. Но посольская изба добивалась безусловной вѣротерпимости. Послѣ споровъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, король, видя невозможность соглашенія спорящихъ сторонъ, рѣшился объявить, что по его мнѣнію, основываясь на законахъ государства, право суда въ дѣлахъ отступничества принадлежитъ исключительно епископамъ.

Депутаты, которые никакъ не могли допустить, что Сигизмундъ-Августъ, извѣстный своею терпимостію въ дѣлахъ вѣры, рѣшится обнародовать такой законъ, вошли въ переговоры съ епископами, и при содѣйствіи свѣтскихъ сенаторовъ склонили ихъ къ обѣщанію, что, въ продолженіе года, они не будутъ пользоваться своимъ правомъ, если, съ другой стороны, не послѣдуютъ явныя нарушенія церковныхъ постановленій. Оржеховскій тоже помирился съ своимъ епископомъ, и по снятіи съ него анаѳемы, обѣщалъ исходатайствовать у папы утвержденіе своего брака. Для обороны границъ рѣчипосполитой, сеймъ утвердилъ подати, которыя и пошли на наемъ войска. Предводительствуя этимъ войскомъ, коронный и полевой гетманъ Сенявскій изгналъ изъ Валахіи отуречившагося воеводу Стефана и посадилъ на его мѣсто Александра, въ качествѣ польскаго ленника.

Послѣ сейма король отправился въ Пруссію, гдѣ его присутствіе сдѣлалось необходимымъ, какъ вслѣдствіе успѣховъ новаго ученія, такъ и по инымъ причинамъ. Пріѣхавши въ Данцигъ (15 іюня) въ сопровожденіи большой свиты и многихъ сенаторовъ, онъ намѣренъ былъ привести въ порядокъ дѣла города, такимъ образомъ какъ нѣкогда сдѣлалъ это его отецъ, но паны, задобренные подарками, такъ искусно повели все дѣло, что не допустили его до этого. Во время пребыванія короля въ Данцигѣ, вслѣдствіе ссоры между придворными и городскою стражею, произошла свалка, въ которой, подъ королевскими окнами, было нѣсколько человѣкъ убито и много ранено. Стараніемъ польскихъ пановъ и городскаго совѣта порядокъ былъ возстановленъ и приняты надлежащія мѣры къ предупрежденію подобныхъ столкновеній. Прусскій герцогъ Альбертъ, проживавшій въ то время въ Данцигѣ, пригласилъ къ себѣ короля, который пробывъ у него недѣлю уѣхалъ въ Литву. Созвавъ въ Вильно литовскихъ пановъ, онъ уговорилъ ихъ утвердить, безъ участія шляхты, взносъ податей прямо въ его казну.

Еще во время сейма, прибыло посольство отъ Фердинанда ракузскаго съ приглашеніемъ пріѣхать на съѣздъ въ Бреславлѣ, гдѣ подъ предлогомъ переговоровъ на счетъ дѣлъ, касающихся опре-

дѣленія границы между Силезіею и Польшею, предполагалось въ сущности войти въ иныя соглашенія. А именно дѣло шло о заключеніи брака между королемъ и дочерью Фердинанда, Катериною, при чемъ домъ ракузскій имѣлъ въ виду обезпечить за собою право на наслѣдованіе польскаго престола, въ случаѣ бездѣтной его кончины. Сигизмундъ выслалъ короннаго вице-канцлера Пжерембскаго, который вошелъ съ императоромъ въ соглашеніе, относительно будущаго брака и лишь только было получено отъ папы разрѣшеніе, Николай Радзивилъ и Мартинъ Кромеръ, тотчасъ же (1553), отправились въ Ракузу за обрученною. Катерина пріѣхала (24 іюня) съ своимъ братомъ Фердинандомъ въ Краковъ, гдѣ по случаю ея коронаціи былъ созванъ Сигизмундомъ сеймъ. Послѣ коронаціи братъ королевы заявилъ требованіе, чтобы были приведены въ исполненіе обѣщанныя условія, относительно обезпеченія за ракузскимъ домомъ правъ престолонаслѣдія. Возмущенные этимъ коронные паны, а въ особенности Тарновскій и Кмита, отвѣчали эрц-герцогу, что корона польская не наслѣдственная, а потому никто не можетъ, вопреки законамъ, давать подобнаго обѣщанія и что всѣ совершенно въ правѣ удивляться подобному требованію со стороны императорскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась сильная буря противъ Пжерембскаго, за то что онъ, будто бы, далъ императору тайныя обѣщанія. Оскорбленный этимъ, вице-канцлеръ хотѣлъ, не смотря на свой духовный санъ, вызвать на поединокъ Гноинскаго, позволившаго себѣ обвинить его.

Много шуму во всей Польшѣ надѣлалъ насильственный поступокъ Димитрія Сангушко, который хотѣлъ жениться на Гальскѣ изъ Острога, но получивъ отказъ со стороны матери, похитилъ дѣвушку и увезъ ее за границу. Король приказалъ вездѣ ловить похитителя. Калишскій воевода, Мартинъ Зборовскій гнался до самой Богеміи и настигъ его въ Нимбургѣ. Сангушко бѣшено защищался, но будучи смертельно раненъ, на другой день умеръ. Зборовскій отдалъ освобожденную Гальску ея матери.

Неустановившіяся еще отношенія съ сосѣдомъ, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, побудили короля отправиться въ Литву. Уже въ

продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тянулись переговоры о постоянномъ мирѣ, но не могли кончиться благопріятнымъ образомъ, потому что, съ одной стороны, царь Іоаннъ требовалъ признанія своего титула, съ чѣмъ не соглашался Сигизмундъ-Августъ и литовскіе паны, а съ другой, дѣло шло о возвращеніи Смоленска и другихъ пунктовъ, на что, въ свою очередь, не соглашался царь. Частыя посольства ни къ чему не повели и насилу добились отъ Іоанна, что онъ согласился (1553) на трехлѣтнее перемиріе. Но и кратковременное перемиріе было выгоднѣе нежели постоянная необходимость быть готовымъ къ войнѣ. Король созвалъ (1554) коронный сеймъ въ Люблинъ, но назначеніе столь необыкновеннаго мѣста, было причиною, что собрался весьма небольшой кружекъ сенаторовъ и депутатовъ, и потому сеймъ ничего не могъ рѣшить. Во время засѣданій прибыло изъ Россіи въ Люблинъ великолѣпное посольство, въ числѣ 1000 всадниковъ, уполномоченное Іоанномъ заключить вѣчный миръ, если король признаетъ за нимъ титулъ царя всея Россіи. Но такъ какъ Сигизмундъ довольно основательно выводилъ отсюда заключеніе, что признаніемъ титула онъ далъ бы царю право домогаться и Днѣпровской Руси, то онъ не согласился на это предложеніе и дѣло кончилось лишь подтвержденіемъ прежняго перемирія.

Новая вѣра распространялась въ Польшѣ между всѣми сословіями, потому что она находила дѣятельную поддержку со стороны многихъ сановниковъ. Самъ Сигизмундъ-Августъ, хотя и не доходилъ до разрыва съ церковью, но тѣмъ не менѣе допускалъ свободу совѣсти. Въ Римѣ даже подозрѣвали нѣкоторыхъ епископовъ въ недостаткѣ ревнія къ дѣлу католической вѣры, а въ особенности епископа куявскаго Яна Дройовскаго, и епископа хелмскаго, Якова Уханьскаго. Епископъ краковскій, Андрей Зебржидовскій и другіе хотѣли, въ пылу ревнія, прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, но даже такіе люди, какъ Тарновскій, рѣшительно имъ противились, и потому всякое религіозное преслѣдованіе сдѣлалось невозможнымъ. Это привлекало въ Польшу множество новоѣрцевъ, которые могли тутъ жить спокойно. Папа Павелъ IV,

желая строгостію довести повсюду католицизмъ до прежняго его состоянія, послалъ (1554) въ Польшу легата Липомана, который тотчасъ же по пріѣздѣ, принялся рѣзко упрекать короля и епископовъ въ намѣренной безпечности, вслѣдствіе которой они допустили такое распространеніе новой вѣры, и предлагалъ подвергнуть отступниковъ безпощадному гоненію. Во время его пребыванія въ Польшѣ разнесся слухъ, что какая-то бѣдная дѣвушка, по имени Дорота Лазенцкая, приступивъ въ Сухоцкѣ къ принятію св. даровъ, осквернила, при содѣйствіи жидовъ, таинство причастія. Хотя слухъ этотъ опирался на сумасбродной выдумкѣ, тѣмъ не менѣе, по настоянію легата, примасъ Дзержговскій назначилъ слѣдствіе, на основаніи котораго Лазенцкая была приговорена къ обезглавленію, а нѣсколько жидовъ къ сожженію. Этотъ варварскій поступокъ вызвалъ общее негодованіе во всей Польшѣ, а Янъ Тарновскій энергически протестовалъ въ сенатѣ противъ такого насилія, заявивъ, что подобнаго рода дѣла слѣдуетъ предоставить суду Божію. Кромѣ того, по требованію легата, примасъ призвалъ въ духовный свой судъ ксендза Лютомирскаго, обвиненнаго въ еретичествѣ. Лютомирскій явился съ библіею и толпою шляхты, но когда его товарищей не хотѣли впустить въ ловичскій замокъ, то онъ вернулся назадъ. Липоманъ, обруганный во многихъ безъимянныхъ письмахъ, былъ принужденъ уѣхать, ничего не сдѣлавши, а шляхта начала даже хлопотать объ удаленіи епископовъ изъ сената.

Болѣе или менѣе, всѣ польскіе нововѣрцы сознавали, что представляя разные оттѣнки протестантизма, они не въ состояніи бороться съ католиками, сплоченными во-едино. Поэтому они начали собираться на съѣзды, для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ вѣры. Подобный съѣздъ происходилъ напр. въ Хрженцицахъ у Филиповскаго (въ маѣ 1555), а нѣсколько позже (28 авг.), другой многочисленный съѣздъ въ Козминкѣ, у Остророга, гдѣ произошло кажущееся сліяніе между чешскими братьями, или польскими гусситами и послѣдователями Кальвина. Классъ землевладѣльцевъ согласился на такое сліяніе, но города, населенные по большей части нѣмцами, пожелали остаться при ученіи Лютера.

Мать короля, Бона, обманувшись въ надеждѣ всѣмъ распоряжаться въ правленіе сына, подобно тому, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія Сигизмунда I, рѣшилась уѣхать въ Италію. Король, вслѣдствіе требованія сената, положительно этому воспротивился, ибо было извѣстно, что Бона увезетъ съ собою значительныя сокровища. Наконецъ, когда ни просьбы, ни увѣренія не оказали надлежащаго дѣйствія, онъ былъ принужденъ согласиться. Бона выѣхала (1556) съ огромными сокровищами въ Италію, избрала мѣстопребываніемъ родовое герцогство Баръ и спустя годъ (1557) скончалась. Значительныя суммы, которыя она дала взаймы Карлу V, подъ названіемъ неаполитанскихъ суммъ перешли въ наслѣдство Сигизмунда, заявившаго объ нихъ рѣчипосполитой.

Хотя гросмейстеръ крестоносцевъ, Альбертъ, покинувъ духовный санъ, и получилъ Пруссію, какъ ленное владѣніе, но Ливонія оставалась все еще за крестоносцами, которые управляли этимъ краемъ, имѣя предводителями провинціальныхъ магистровъ. И тамъ, какъ и въ сосѣдней Литвѣ, распространялось лютерово ученіе, а кромѣ того происходили весьма часто споры между магистромъ и рижскимъ архіепископомъ о степени ихъ власти. Русскій царь весьма искусно этимъ пользовался. Основываясь на своихъ правахъ на многія владѣнія ордена, добытыя крестоносцами у его предковъ, онъ предпринималъ частые походы противъ истерзанной Ливоніи и, не смотря на временныя неудачи, добывалъ отъ владѣній ордена отдѣльные замки и города. Крестоносцы просили о помощи у королей датскаго, шведскаго и у германскаго императора, но всѣ просьбы на этотъ счетъ были напрасны. Архіепископомъ рижскимъ былъ Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургскій, родственникъ Сигизмунда-Августа. Вслѣдствіе споровъ о степени власти, какъ и потому, что, вопреки заключенному договору, онъ назначилъ своимъ коадъюторомъ чужестранца, а именно Христофа, герцога мекленбургскаго, дѣло между нимъ и магистромъ Генрихомъ Галлепомъ дошло до серьезнаго разрыва. Архіепископъ разсчитывая на помощь герцога прусскаго Альберта и Сигизмунда-Августа не хотѣлъ уступить, а когда магистръ склонилъ государ-

ственные чины къ рѣшенію, направленному противъ архіепископа, и намѣревался силою оружія привести его въ исполненіе, то къ нему явился Лонскій въ качествѣ посла отъ короля польскаго. Въ то же время Генрихъ сложилъ съ себя званіе магистра, а власть принялъ въ свои руки Вильгельмъ Фюрстенбергъ, который, обвиняя архіепископа въ измѣнническихъ связяхъ съ Польшею и герцогомъ прусскимъ, заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ коадьюторомъ, а Лонскаго на возвратномъ пути убили крестоносцы. Это злодѣяніе возмутило Сигизмунда-Августа. Новое посольство должно было требовать отъ магистра удовлетворенія за убійство Лонскаго и освобожденія архіепископа изъ плѣна, но не удостоилось даже быть принятымъ. Король справедливо возмущенный надменностію магистра, собралъ (въ янв. 1557) въ Варшавѣ сеймъ, на которомъ рѣшено созвать повсемѣстное ополченіе. Съ своей стороны и Альбертъ прусскій занимался воинственными приготовленіями, доброжелательствуя плѣнному архіепископу. Послѣ сейма, Сигизмундъ-Августъ отправился въ Литву и, собравъ стотысячное войско, двинулся съ нимъ (въ іюлѣ) въ Ливонію. Но и теперь онъ все еще желалъ устроить дѣло путемъ переговоровъ. Гонецъ, высланный впередъ, предложилъ магистру исполнить требованія короля. Фюрстенбергъ, желая казаться неустрашимымъ, не принялъ мирнаго предложенія. Но когда литовско-польское войско подступило къ Познани, онъ вдругъ смягчился и, при посредничествѣ пословъ императора, заключилъ миръ, по которому обязывался выпустить заключенныхъ, наградить архіепископа, испросить лично прощеніе у короля въ его лагерѣ и заплатить военныя издержки. Гросмейстеръ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, пріѣхалъ въ лагерь и, испросивъ прощеніе, торжественно обѣщалъ, свято выполнить всѣ остальныя условія. Король простилъ гросмейстера и заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ.

Для царя московскаго не могъ быть выгоденъ подобный союзъ, и хотя срокъ перемирія съ Ливоніею, равно какъ и съ Сигизмундомъ-Августомъ еще не истекъ, но въ причинахъ къ войнѣ недо-

статка не было. Царь потребовалъ отъ дерптскаго епископа дани въ бо̀льшихъ противъ прежняго размѣрахъ, а отъ ливонскихъ чиновъ домогался возобновленія въ Ригѣ, Ревелѣ и другихъ городахъ православныхъ церквей, разрушенныхъ послѣдователями Лютера, касался даже при этомъ и католическихъ костеловъ, чтобы имѣть предлогъ къ разрыву. Наконецъ царь требовалъ распущенія конницы, вызванной изъ Германіи, а когда и это было исполнено, то заговорилъ о вознагражденіи за потери, причиненныя его подданнымъ. Все это несомнѣнно указывало на вѣроятность войны, для избѣжанія которой гросмейстеръ отправилъ къ Іоанну пословъ. Царь обошелся съ ними строго и вскорѣ (1558) 40,000 русскихъ вступили въ Ливонію, и подвергли ее страшному опустошенію, такъ какъ ничего не было приготовлено для обороны. Русскіе, хотя и отступили, но расположившись подъ Иваньгородомъ на границѣ, безпрестанно угрожали новымъ нападеніемъ. Тщетно гросмейстеръ и чины умоляли о мирѣ и предлагали даже значительныя суммы. Царское войско снова вступило въ Ливонію и, овладѣвъ Нарвою и его портомъ, взяло безъ выстрѣла сосѣднія крѣпости. Вслѣдъ за-тѣмъ вторгнулось еще болѣе многочисленное московское войско, разсѣяло подъ Новодворомъ полки гросмейстера и подступило къ Дерпту. Епископъ хотѣлъ обороняться до послѣдней капли крови, но городской совѣтъ, признававшій лютерово ученіе, выговоривъ себѣ свободу совѣсти и неприкосновенность лицъ и имущества, сдалъ городъ, послѣ нѣсколькихъ дней осады. Епископъ былъ отведенъ въ плѣнъ. Русскіе отряды доходили до Риги и до Ревеля, а когда гросмейстеръ Фюрстенбергъ, сложивъ съ себя званіе, отдался въ руки царя вмѣстѣ съ замкомъ своимъ Феллиномъ, то Іоаннъ началъ титуловаться герцогомъ лифляндскимъ. Новый гросмейстеръ, Готгардъ Кетлеръ, просилъ помощи императора, но вмѣсто того, на аугсбургскомъ сеймѣ, получилъ лишь обѣщаніе, невыполненное впослѣдствіи, на выдачу 100,000 злотыхъ для найма войска. Кетлеръ собралъ наемное войско въ Германіи, что и отклонило русскихъ отъ осады Риги. Видя однакожъ, что онъ собственными средствами не въ состояніи противу-

стоять превосходнымъ силамъ царя, онъ вступилъ въ переговоры съ Сигизмундомъ-Августомъ о присоединенiи Инфлянтовъ къ Польшѣ и Литвѣ. Такъ какъ король этому не противился, то Кетлеръ созвалъ лифляндскiе чины и, послѣ минутнаго сопротивленiя рыцарства, было почти единодушно рѣшено, что одно лишь соединенiе съ Польшею можетъ предотвратить совершенную гибель страны. Вслѣдъ за-тѣмъ, самъ гросмейстеръ поспѣшилъ въ Краковъ, чтобы войти въ соглашенiе съ королемъ и государственнымъ совѣтомъ объ условiяхъ присоединенiя. Польскiе магнаты, не желая подвергнуть страну опасности войны съ Россiей, отвѣчали почти отказомъ. Король же объявилъ гросмейстеру, что, по прiѣздѣ своемъ въ Вильно, устроитъ дѣло. Дѣйствительно вскорѣ отправился онъ въ Литву, и лишь только онъ прiѣхалъ въ Вильно, явились туда же Кетлеръ съ рижскимъ архiепископомъ и лифляндскими вельможами, чтобы осуществить присоединенiе Лифляндiи къ Литвѣ. Событiе это послѣдовало послѣ непродолжительныхъ переговоровъ въ концѣ августа 1559 года.

Гросмейстеръ, вмѣстѣ съ сословiями, поручилъ себя покровительству и защитѣ польскаго короля, который обязался помогать Лифляндiи литовскими войсками, и, по вступленiи въ управленiе страною, оставить неприкосновенными привилегiи жителей, религiозные обряды, а равно и мѣстное судопроизводство. Гросмейстеръ и архiепископъ тотчасъ же уступили королю нѣкоторые замки и округа, выговоривъ себѣ право выкупа ихъ за сумму 700,000 злотыхъ. Въ случаѣ войны съ Россiей, начальники королевскихъ гарнизоновъ въ замкахъ должны управлять дѣлами, совокупно съ мѣстными властями, а земли, отнятыя у царя Iоанна и никогда не входившiя въ составъ Литвы, должны быть распредѣлены поровну, между королемъ и гросмейстеромъ.

Подобно тому какъ гросмейстеръ и архiепископъ рижскiй заключали договоръ съ Сигизмундомъ-Августомъ, епископъ эзельскiй и ревельскiй и городъ Ревель вступили въ соглашенiе съ Данiей и Швецiей. Епископы продали всѣ свои владѣнiя датскому королевичу Магнусу. Городъ Ревель и эстонское рыцарство, объ-

щавъ покорность гросмейстеру ливонскому, присягнули на вѣрность шведскому королю Эрику XIV, который не медля (1560), занялъ Ревель своими войсками и началъ готовиться къ завоеванію всей Ливоніи. Въ то же время русское войско осадило Венденъ. Кетлеръ съ архіепископомъ рижскимъ обратились къ Сигизмунду-Августу съ требованіемъ обѣщанной помощи. Король послалъ войско подъ начальствомъ трокскаго каштеляна Іеронима Ходкевича, который вскорѣ возвратился, узнавъ, что русскіе отступили отъ Вендена. Такая помощь была недостаточна, а на жалобы гросмейстера и рижскаго архіепископа король отвѣчалъ, что, самъ опасаясь нападенія русскаго царя, онъ не можетъ сдѣлать ничего болѣе для Ливоніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совѣтовалъ имъ, оставаясь подъ его покровительствомъ, привести въ исполненіе присоединеніе Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ, такъ какъ только это обстоятельство можетъ побудить коронныхъ и литовскихъ магнатовъ соединиться съ рыцарями для существенной защиты страны, уже на вѣчныя времена присоединенной къ рѣчипосполитой. Кетлеръ и архіепископъ не былъ противъ этого предложенія, а потому король послалъ въ Ливонію Николая Радзивилла, усерднаго приверженца новаго ученія въ Литвѣ, съ нѣсколькими тысячами наемной конницы. Радзивиллъ расположился лагеремъ подъ Ригой, и началъ переговоры, съ гросмейстеромъ, архіепископомъ и городомъ Ригою, о совершенномъ присоединеніи Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ или, по крайней мѣрѣ, къ Литвѣ. Больше всего затрудненій представляли переговоры съ жителями Риги, которые хотѣли выговорить самостоятельность и свободу города, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовали, чтобы король выхлопоталъ имъ у германскаго императора освобожденіе отъ присяги и оградилъ ихъ права и привилегіи. Съ рыцарями переговоры шли успѣшнѣе. Не смотря однакожъ, на разныя препятствія, послѣдовало, наконецъ, согласіе на присоединеніе, съ условіемъ, что договоръ теряетъ силу, въ случаѣ невыполненія обязательствъ Польшей или Литвой, и что въ случаѣ войны между Польшей и Литвой, Ливонія остается нейтральною. Приготовивъ дѣла такимъ образомъ, Сигизмундъ созвалъ литовскій сеймъ въ

Вильнѣ (въ окт. 1561). Туда пріѣхали архіепископъ, Кетлеръ и уполномоченные отъ городовъ и рыцарей Ливоніи. Послѣ долгихъ совѣщаній заключенъ былъ (28 нояб.) окончательный договоръ о присоединеніи всей Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ. Въ силу этого договора король обязывался выхлопотать согласіе германскаго императора на этотъ актъ, оставить неприкосновеннымъ аугсбургское исповѣданіе, утвердить за всѣми сословіями ихъ права и преимущества, и не дозволять евреямъ свободно торговать въ Ливоніи. Кетлеръ, по сложеніи съ себя званія гросмейстера, долженъ былъ получить въ ленное владѣніе Курляндію, съ титуломъ герцога, а въ Ригѣ учреждался верховный судъ, членами котораго должны быть ливонскіе магнаты. Въ этотъ судъ можно было обращаться и жителямъ Курляндіи. Кромѣ того король далъ торжественное обѣщаніе назначать въ должности мѣстныхъ жителей нѣмецкаго происхожденія, а ливонскимъ сеймамъ, какъ провинціальнымъ, обезпечить власть въ прежнихъ предѣлахъ. Договоръ этотъ не былъ признанъ коадьюторомъ рижскаго архіепископа Христофомъ, который жаловался императору на такое присоединеніе къ Польшѣ и впослѣдствіи принялъ сторону Швеціи. По заключеніи этого договора, по которому признана за Ливоніею самая обширная автономія, Николай Радзивиллъ поѣхалъ опять въ Ригу, въ качествѣ королевскаго коммисара, и вручилъ собраннымъ въ ратушѣ сословіямъ вышеупомянутыя королевскія обязательства. Затѣмъ Кетлеръ сложилъ съ себя рыцарское одѣяніе (5 мар. 1562), сдалъ печать ордена, всѣ привиллегіи, данныя императоромъ или папой, и ключи города и замка. Радзивиллъ провозгласилъ его герцогомъ курляндскимъ и графомъ семигальскимъ и облекъ его пожизненною властью королевскаго губернатора всей Ливоніи. Такимъ образомъ, послѣднія владѣнія меченосцевъ перешли подъ власть Польши и Литвы, за исключеніемъ земель завоеванныхъ Швеціей и Россіей.

Въ одно время съ событіями въ Ливоніи, были ведены непрерывные переговоры съ Россіей о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, о перемиріи. Такъ какъ срокъ перемирія, заключеннаго въ Люблинѣ, уже приближался къ концу, то Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ обезпе-

чить себя новымъ перемиріемъ. Частыя посольства не имѣли успѣха, ибо Іоаннъ сохранялъ титулъ царя, котораго король не хотѣлъ признать за нимъ. Кромѣ того Іоаннъ предъявлялъ свои права на Ливонію и дѣлалъ на нее нападенія. Возникшая по этому поводу, безпрерывная борьба отнюдь не препятствовала переговорамъ и царь старался даже получить руку сестры короля Екатерины. Но бракъ не состоялся и Сигизмундъ выдалъ сестру за финляндскаго князя Іоанна, брата Эрика XIV, короля шведскаго. Приближенные короля нанесли, даже, царю тяжкое оскорбленіе, по поводу этого предложенія. Все это предвѣщало близкій разрывъ съ Россіей не только въ Ливоніи, но и въ Литвѣ, въ особенности послѣ присоединенія Ливоніи, совершившагося на виленскомъ сеймѣ. Царь обратился къ королю съ сильными упреками и объявилъ, что, не смотря на принятіе Кетлеромъ подданства Польши, онъ съ-умѣетъ возвратить достояніе предковъ. Побуждаемый настоятельно коронною шляхтой къ созванію сейма, который удовлетворилъ бы общественнымъ нуждамъ, Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ, хотя временнымъ перемиріемъ, оградить себя со стороны Россіи, подобно тому, какъ союзомъ съ Даніей, онъ оградилъ себя со стороны Швеціи. Не обращая вниманія на оскорбительныя письма Іоанна, онъ отправилъ къ нему пословъ. Переговоры, если и не привели къ миру, то, по крайней мѣрѣ, отсрочили военныя дѣйствія на столько, что король, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Вильнѣ, могъ поѣхать на коронный сеймъ въ Піотрковъ (22 нояб. 1562).

Сеймъ этотъ былъ важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. На немъ высказалось рѣшительное намѣреніе, не только привести въ исполненіе уставы, но и достигнуть соединенія въ одно цѣлое всѣхъ частей государства. Первое рѣшеніе было направлено противъ аристократіи, второе — противъ Пруссіи, настаивавшей на своей автономіи. Земскіе коронные послы упорно защищали оба рѣшенія и, не смотря на оппозицію противной стороны, одержали верхъ. Многіе магнаты сложили къ стопамъ престола свои права на помѣстья и староства. Для отысканія и возвращенія другихъ государственныхъ имуществъ, розданныхъ частнымъ лицамъ, вопреки

уставу Александра (1504) и безъ вѣдома сейма, назначены были люстраторы. Король объявилъ съ своей стороны, что назначаетъ на вѣчныя времена четвертую часть доходовъ (кварту) со всѣхъ старостствъ для обороны рѣчипосполитой, вслѣдствіе чего дѣло перехода этихъ имуществъ изъ частныхъ рукъ пріобрѣло еще болѣе важности. На сеймѣ состоялось также рѣшеніе, по которому король, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ раздавать, однимъ и тѣмъ же лицамъ, должностей и званій несовмѣстимыхъ по существу своему. Болѣе затрудненій представляло присоединеніе Пруссіи, такъ какъ послѣдняя твердо стояла за свою отдѣльность, и прусскіе послы не захотѣли засѣдать въ коронномъ сеймѣ. Послы отъ рыцарей и малыхъ городовъ соглашались съ справедливымъ требованіемъ сейма, но сенаторы и большіе города, въ особенности Данцигъ, противились ему, не смотря на настояніе самаго короля, не смотря на то, что имъ указывали на актъ подданства (1454), которымъ они формально обязались составить одно цѣлое съ коронными землями. Во всякомъ случаѣ сдѣланъ въ дѣлѣ единства важный шагъ, состоявшій въ томъ, что постановленіе сейма, о приведеніи въ исполненіе уставовъ, распространено на Пруссію, Мазовію и земли заторскую и освѣцимскую.

Кромѣ того сеймъ постановилъ учредить въ воеводствѣ суды для такихъ дѣлъ, которыя рѣшаются сеймомъ, и которыхъ король не успѣвалъ разсмотрѣть за недостаткомъ времени. Изданы болѣе строгія постановленія о такъ называемыхъ „оказываніяхъ" или ежегодныхъ рыцарскихъ играхъ, происходившихъ въ день св. Войцѣха въ каждомъ воеводствѣ. Сюда должны были являться всѣ обязанные службою, въ случаѣ всеобщаго ополченія, для того, чтобы показать, имѣютъ ли они оружіе и коней въ готовности на случай призыва.

Уѣзжая на сеймъ въ Піотрковъ, Сигизмундъ отправилъ къ Іоанну посла, съ цѣлью заключить временное перемиріе. Но царь, пользуясь отсутствіемъ Сигизмунда, послалъ рѣшительное объявленіе войны и, заключивъ предварительно перемиріе на два года съ шведскимъ королемъ Эрикомъ XIV, двинулъ значительныя силы въ Бѣлоруссію. Хотя это нападеніе было отбито, но вскорѣ при-

былъ самъ Іоаннъ (31 декаб.) съ войскомъ въ 280,000 человѣкъ, при 200 орудіяхъ, и обложилъ со всѣхъ сторонъ Полоцкъ. Николай Радзивиллъ приказалъ наемнымъ полкамъ собираться какъ можно скорѣе и объявилъ литовской шляхтѣ поголовное ополченіе, съ цѣлью подать помощь Полоцку. Но шляхта не торопилась итти въ зимній походъ, и потому Радзивиллъ, собравъ едва 2,500 человѣкъ, не могъ помѣряться съ огромными силами русскими. Въ Полоцкѣ начальствовалъ тамошній воевода Довойна. Сначала Іоаннъ встрѣтилъ сильный отпоръ, но воевода, вопреки мнѣнію Яна Глѣбовича, сжегъ городъ и прогналъ укрывавшихся въ немъ крестьянъ, чѣмъ ускорилъ сдачу крѣпости. Русское войско, уже нуждавшееся въ припасахъ, нашло въ выгнанныхъ крестьянахъ проводниковъ, указавшихъ ему хлѣбные склады. Кромѣ того, Іоаннъ, по сожженіи города, могъ приблизить къ крѣпости свои баттареи и началъ громить ея стѣны. Довойна, видя невозможность успѣшно продолжать оборону, вступилъ въ переговоры и сдалъ Полоцкъ (15 февр. 1563). Царь строго обошелся съ литовцами, а поляковъ освободилъ, желая тѣмъ показать, что не ведетъ войны съ Польшей. Извѣстіе о взятіи Полоцка понудило короля закрыть сеймъ и поспѣшить отъѣздомъ въ Литву, гдѣ Радзивиллъ, увеличивъ, свои силы, тщетно пытался возвратить эту крѣпость. Прибытіе короля не много помогло дѣлу. Вмѣсто того, чтобы призвать народъ къ оружію, онъ отправилъ къ Іоанну посольство съ просьбою о перемиріи. Переговоры были прерваны, потому что Іоаннъ продолжалъ требовать признаніе его царемъ а также уступки Ливоніи, на что послы ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться. Нужно было готовиться къ продолженію войны, въ которой, собственно, Польша не хотѣла принимать участія, хотя коронное войско и сражалось противъ русскихъ.

Въ тоже время Эрикъ, герцогъ брауншвейгскій, возбудилъ сильныя опасенія въ Пруссіи и Великопольшѣ, вступивъ въ Пруссію съ 17,000 войскомъ подъ предлогомъ поданія помощи королю противъ Россіи. Поголовное ополченіе изъ Пруссіи и Великопольши заградило путь незванному союзнику, желавшему перейти

Вислу у Тчева. Послѣ долгаго торга, городъ Данцигъ далъ ему, въ видѣ займа, 13,000 талеровъ выкупа, послѣ чего онъ отступилъ.

Между тѣмъ возникли важныя событія въ Валахіи. Томжа, свергнувъ своего предшественника, захватилъ власть. Противная сторона предложила званіе господаря Димитрію Вишневецкому, который, не долго думая, принялъ предложеніе. Но Томжа разбилъ его войско, а самаго взялъ въ плѣнъ и отослалъ въ Стамбулъ, гдѣ Вишневецкій, по приказанію султана, былъ, вмѣстѣ съ Пясецкимъ, преданъ мучительной смерти (растерзанъ крючьями)· Правленіе Томжи было непродолжительно. Прежній господарь, Александръ, пріобрѣлъ себѣ благосклонность султана и при помощи турецкаго войска, безъ труда свергнулъ противника. Томжа, съ нѣсколькими приверженцами, бѣжалъ въ Львовъ, но Сигизмундъ-Августъ, приказалъ лишить его жизни, какъ виновника гибели многихъ поляковъ.

Піотрковскій сеймъ, отсроченный по случаю взятія Полоцка, долженъ былъ собраться въ Ломжѣ (въ концѣ 1563), но состоялся въ Варшавѣ. Сначала занятія его ограничивались дальнѣйшею повѣркою жалованныхъ грамотъ на имѣнія, входившія въ составъ королевскихъ староствъ, и разсмотрѣніемъ дѣлъ, такъ называемой экзекуціи уставовъ. При обсужденіи этихъ дѣлъ, столь щекотливыхъ для аристократіи, сеймъ встрѣчалъ сильное сопротивленіе, а какъ и на этомъ съѣздѣ окончить ихъ было неудобно, то рѣшено, чтобы арендаторы королевскихъ имѣній сохранили свои права до окончанія ревизіи. На этомъ же сеймѣ было подвинуто дѣло о присоединеніи Пруссіи. Такъ какъ литовцы, побуждаемые королемъ, искренно желавшимъ соединенія ихъ съ короною, пріѣхали на сеймъ въ значительномъ числѣ, то, чтобы не задерживать ихъ, рѣшено—всѣ другія дѣла отложить, такъ какъ война съ Россіей требовала скорѣйшаго возвращенія литовцевъ на родину. Переговоры съ ними, вскорѣ были прерваны, потому что они не имѣли достаточныхъ полномочій. Король назначилъ Литвѣ новый сеймъ въ Бѣльскѣ (на Троицу 1564), вслѣдъ за которымъ

долженъ былъ собраться общій сеймъ Литвы и Польши (24 іюня) въ Парчовѣ, для окончательнаго рѣшенія, столь важнаго для обоихъ народовъ, дѣла. Такъ какъ король царствовалъ въ Польшѣ по избранію, а великое княжество считалось наслѣдственнымъ, то Сигизмундъ-Августъ сложилъ съ себя наслѣдственное право, чтобы устранить и это препятствіе, и облегчить тѣмъ желанное соединеніе народовъ въ одну общую рѣчьпосполитую. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что съ этихъ поръ выборъ короля и сеймы должны быть общіе для Литвы и Польши, и что въ случаѣ, если онъ оставитъ потомство, то соединенная рѣчьпосполитая назначитъ ему соотвѣтственное содержаніе, для того, чтобы не было надобности отдѣлять въ его пользу, какой нибудь удѣлъ. Онъ утвердилъ также за обоими народами неприкосновенность ихъ привилегій и обычаевъ, при одинаковомъ законодательствѣ, на сколько эти обычаи не будутъ препятствовать единству. Земскіе послы въ благодарность королю за важныя уступки, сдѣланныя имъ въ пользу столь желаннаго вѣчнаго соединенія съ Литвою, собрали въ пользу его казны весьма значительную подать.

Между тѣмъ, какъ въ Варшавѣ совѣщались на сеймѣ, кипѣла борьба съ Россіей. Іоаннъ, по отъѣздѣ литовскихъ пословъ, снова началъ войну и двинулъ 40,000 войска подъ начальствомъ Курбскаго въ Бѣлоруссію. Коронный гетманъ, Флоріанъ Зебржидовскій, стоявшій въ Езерищахъ, по болѣзни не могъ самъ принять начальство надъ войскомъ и послалъ противъ Іоанна, Станислава Лесніовольскаго съ 1500 человѣкъ и нѣсколькими орудіями. Лесніовольскій сразился съ Курбскимъ подъ Невелемъ и послѣ сраженія, продолжавшагося цѣлый день, совершенно разбилъ его. Самъ русскій военачальникъ бѣжалъ въ Литву, боясь отвѣтственности передъ Іоанномъ за проигранное сраженіе. Царь, разгнѣванный этимъ пораженіемъ, послалъ въ Литву двѣ новыя арміи. Одну въ 50,000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Петра Серебряннаго, другую въ 30,000, предводимую Шуйскимъ. Серебрянный расположился на рѣкѣ Крапивной, не далеко отъ Орши, а Шуйскій подъ Чашниками. Оба войска должны были соединиться на друц-

кихъ поляхъ и итти прямо на Вильно. Николай Радзивиллъ, гетманъ литовскій, узнавъ о движеніи Шуйскаго, напалъ на него съ 10,000 человѣкъ подъ Улой (25 янв. 1564) и разбилъ совершенно. 20,000 русскихъ вмѣстѣ съ военачальникомъ легли на полѣ битвы или во время преслѣдованія, а остальные съ трудомъ успѣли укрыться въ Полоцкъ. Зебржидовскій двинулся противъ Серебряннаго, но узнавъ о пораженіи Шуйскаго изъ перехваченныхъ имъ писемъ къ Филону Кмитѣ, старостѣ города Орши, отступилъ съ поспѣшностью, оставивъ полякамъ въ добычу весь свой лагерь.

Война изъ-за Ливоніи была ведена не только съ Россіей но и съ Швеціей. Эрикъ XIV, овладѣвъ Финляндіей, посадилъ въ тюрьму брата своего Іоанна, мужа Екатерины Ягелло, и владѣя уже Эстоніей, выдалъ сестру свою за герцога мекленбургскаго, Христофа, коадъютора рижскаго архіепископа, чтобы при его содѣйствіи овладѣть Ливоніей. Сигизмундъ-Августъ вмѣстѣ съ Даніей, хотя и помогалъ Кетлеру литовскимъ войскомъ, но будучи принужденъ въ тоже время воевать и съ московскимъ царемъ, не могъ вытѣснить шведовъ изъ Эстоніи, не смотря на одержанный надъ ними перевѣсъ и на плѣнъ Христофа, который былъ заключенъ въ Равѣ. Эта война съ Швеціей, веденная на морѣ и на сухомъ пути, затрудняла торговлю на балтійскомъ морѣ и потому, при посредничествѣ императора, съѣхались въ Ростокѣ уполномоченные обѣихъ сторонъ для переговоровъ. Отъ поляковъ прибыли—Янъ Костка, каштелянъ Данцига и Мартинъ Кромеръ. Но все оказалось напраснымъ, потому что шведскіе уполномоченные не явились. Сигизмундъ связанный союзомъ съ Даніею, не хотѣлъ заключать отдѣльнаго мира съ Эрикомъ, не смотря на предложенія послѣдняго.

Желая еще болѣе повредить Швеціи, онъ побудилъ Данцигъ вооружить флотилію, которая, впрочемъ, была разбита шведами при островѣ Наргенѣ, и съ тѣхъ поръ уже не выходила въ море. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ выдавать свидѣтельства для захвата судовъ какъ шведскихъ такъ равно и другихъ, плывущихъ въ

Швецію, но вскорѣ, по просьбѣ жителей Данцига, боявшихся мести, отмѣнилъ это распоряженіе.

Удачный отпоръ данный Россіи, открылъ королю возможность послать войско въ Ливонію въ помощь Кетлеру, самъ же онъ поѣхалъ на литовскій сеймъ въ Бѣльскъ, для совѣщаній объ условіяхъ вѣчнаго соединенія Литвы съ Польшею. Не легко было достигнуть этого соединенія. Литовскіе паны противились единству, особенно изъ опасенія, что, слившись съ Польшею, они утратятъ свои аристократическія привиллегіи, такъ какъ въ Польшѣ сословіе землевладѣльцевъ уже достигло гражданской равноправности, чего непремѣнно требовало теперь и литовское. Король искренно трудился надъ выполненіемъ задуманнаго дѣла, не щадя ни совѣтовъ, ни стараній, чтобы устранять представлявшіяся препятствія. Литовскіе землевладѣльцы усердно поддерживали его, потому что единство обѣщало имъ равноправность одинаковую съ коронными землевладѣльцами. Но тѣмъ упорнѣе было сопротивленіе пановъ, видѣвшихъ въ этомъ посягательство на ихъ исконныя привиллегіи. По этому поводу переговоры затянулись до конца іюля, хотя коронная шляхта ждала въ Парчовѣ пріѣзда короля и литвиновъ. Но и въ Парчовѣ дѣло не было рѣшено, и пришлось отложить его, такъ какъ литвины, послѣ долгихъ споровъ, разъѣхались по домамъ, по поводу войны съ Россіей. Король получилъ дозволеніе занять подъ залогъ 300,000 злотыхъ. Изъ Парчова король поѣхалъ на коронный сеймъ въ Піотрковъ (6 янв. 1565), гдѣ продолжалъ совѣщаться съ чинами объ управленіи рѣчипосполитой. Всѣ злоупотребленія и недостатки въ управленіи, сеймъ приписывалъ нерадѣнію сенаторовъ и чиновниковъ, и потому хотѣлъ поручить какому нибудь лицу наблюденіе за ихъ дѣйствіями. Послѣ продолжительныхъ споровъ о томъ, какъ назвать то лицо, которое въ отсутствіе короля, слѣдило бы за исполненіемъ чиновниками ихъ обязанностей, ограничились изданіемъ болѣе строгихъ постановленій о нерадѣніи по службѣ. Рѣшено, что предводители дворянства и подскарбіи не могутъ въ тоже время занимать другія должности; въ дѣлахъ касающихся чести предписано производить строжайшее

изслѣдованіе. Рѣшено также, что старосты не могутъ быть призываемы къ суду за невыполненіе приговоровъ духовныхъ судилищъ, и что евреи не должны быть назначаемы ни въ какія должности. Королю дозволено занять подъ залогъ староствъ 500,000 злотыхъ, съ тѣмъ однако, что имущества эти не могутъ быть отдаваемы въ залогъ лицамъ княжескихъ родовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено рѣшеніе парчовскаго сейма, о сборѣ 300,000 злотыхъ путемъ налоговъ. Рѣшеніе остальныхъ дѣлъ, касающихся, какъ экзекуціи, такъ и единства, отложено до слѣдующаго сейма.

Сигизмундъ-Августъ, твердо поддерживая дѣло единства, назначилъ сеймъ для Литвы и Польши въ Люблинѣ (послѣ Рождества 1566). Литовцы заставили себя долго ждать и наконецъ увѣдомили чрезъ пословъ, что быть на сеймѣ не могутъ по причинѣ войны съ Россіей. Такимъ образомъ дѣло единства опять было отложено, хотя главный противникъ его, Николай Радзивиллъ, умеръ (1565).

Не смотря на отсутствіе литовцевъ, на люблинскомъ сеймѣ не было недостатка въ предметахъ для совѣщаній. Прежде всего нужно было привести въ порядокъ дѣла въ Пруссіи, гдѣ нѣсколько нѣмецкихъ выходцевъ, пользуясь преклонными лѣтами герцога Альберта, который отъ старости впалъ въ состояніе дѣтства, и за малолѣтствомъ сына его, тоже Альберта, назначили опекуномъ и правителемъ, безъ вѣдома и согласія короля, зятя стараго герцога, Яна-Альберта, герцога мекленбургскаго. А чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, изгнали прежнихъ, расположенныхъ къ Польшѣ совѣтниковъ короля, двухъ братьевъ Каницовъ, которые пріѣхали на люблинскій сеймъ съ жалобой королю и чинамъ. Для исправленія зла, тотчасъ же отправлены въ Пруссію коммисары, которые, созвавъ чины, принудили старика Альберта выдать новыхъ совѣтниковъ и уничтожить всѣ договоры съ зятемъ. Двое изъ этихъ совѣтниковъ были казнены (28 окт.), а другіе двое изгнаны; регентство, до совершеннолѣтія молодаго Альберта II, поручено гофмейстеру Іоанну изъ Вальбурга и канцлеру Іоанну Крайцу. Другой предметъ совѣщаній составляли отношенія короля къ

супругѣ его Екатеринѣ. Тяжкая болѣзнь, постигшая Екатерину, разъединяла ее съ королемъ, который удалилъ ее сначала въ Велюнь, а потомъ хотѣлъ отослать въ Ракузу. Посольская изба, подъ предсѣдательствомъ Якова Остророга, занялась этимъ дѣломъ и убѣждала короля, непосредственно и черезъ сенаторовъ, жить съ женою, какъ слѣдуетъ христіанскому государю. Примасъ Уханскій, чтобы умолить короля, бросился къ нему въ ноги. Король взволнованный сошелъ съ трона, и, поднявъ архіепископа, попросилъ одинъ день на размышленіе. На слѣдующій день, изложивъ подробно причины, заставляющія его удалять отъ себя Екатерину, онъ просилъ собраніе не настаивать болѣе по этому дѣлу, говоря, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ жить съ женою. Желая доказать, что не питаетъ ни къ кому неудовольствія за эту попытку, онъ далъ Остророгу вакантное послѣ Косцелецкаго староство великопольское. Свѣдущій въ дѣлахъ вѣры, Сигизмундъ-Августъ въ другихъ отношеніяхъ истый литовскій сарданапалъ, требовалъ отъ сейма постановленій, необходимыхъ для усмиренія тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя, подъ вліяніемъ дерзскаго увлеченія стремились подорвать главныя основанія религіи. Это требованіе, главнымъ образомъ, было направлено противъ социніанъ. Но сеймъ, уважая свободу совѣсти, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться на эту мѣру, признавая совершенно справедливо, что въ дѣлахъ вѣры судъ долженъ исходить отъ самаго Бога, и потому совѣсть людей не должна быть подчиняема общественнымъ законамъ.

Ни Липомани, ни преемникъ его, Комендони, не могли склонить народъ къ религіознымъ преслѣдованіямъ, тѣмъ болѣе, что часть высшаго духовенства и даже примасъ Уханскій, будучи католиками, не забывали, что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ видѣть враговъ въ своихъ соотечественникахъ, не раздѣляющихъ ихъ религіозныя убѣжденія. Къ тому же новая секта считала въ рядахъ своихъ послѣдователей столько землевладѣльцевъ, что нельзя было употребить противъ нея строгихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на разность ученія, всѣ они дѣйствовали

единодушно, какъ скоро дѣло касалось сохраненія свободы совѣсти. Кардиналъ Гозій, епископъ вармскій, предсѣдательствовавшій нѣкоторое время въ тридентскомъ соборѣ, первый подалъ мысль поселить между ними раздоры, съ тѣмъ, чтобы пользуясь ихъ рознью, легче одолѣть ихъ, поддерживая однихъ противъ другихъ. Хотя это сначала и не удалось, но приглашенные вслѣдъ затѣмъ іезуиты съумѣли въ точности выполнить планъ Гозія, какъ мы это и увидимъ впослѣдствіи. Слѣдующій сеймъ (1567) долженъ былъ засѣдать въ Люблинѣ, но такъ какъ литовцы не могли принять въ немъ участія, по причинѣ войны съ Россіей, то онъ собрался въ Піотрковѣ. Здѣсь постановлено, что король можетъ пользоваться $^{3}/_{5}$ доходовъ съ имѣній; $^{1}/_{5}$ назначалась на наемное войско, а $^{1}/_{5}$ оставалась въ пользу арендаторовъ. Земскіе послы домогались также, чтобы такъ называемые аннаты, то есть, большія приношенія, дѣлаемыя въ пользу Рима вновь назначаемыми епископами, были обращены на оборону страны. Усиліями легата рѣшеніе этого дѣла отложено, а для защиты границъ сеймъ установилъ налогъ, который былъ тѣмъ необходимѣе, что набѣги татаръ на Подолію, а валаховъ на Покуце, требовали увеличенія военныхъ силъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Война съ Россіей не прерывалась. Поляки нерѣдко одерживали верхъ надъ русскими войсками въ открытомъ полѣ, и часто, увлекаясь преслѣдованіемъ, доходили до самыхъ границъ Россіи. Впрочемъ временныя побѣды эти не приносили существенной пользы, такъ какъ не удалось отнять у русскихъ, ни Смоленска и Полоцка, ни другихъ городовъ, ими занятыхъ. Опустошеніе страны и отдѣльныя пораженія могли вредить Іоанну, но не могли вынудить у него мира. Нужно было употребить болѣе дѣйствительныя средства, къ чему скоро и представился случай. Созвавъ народное ополченіе, Сигизмундъ-Августъ расположился съ огромнымъ войскомъ подъ Радошковичами. Но простоявъ лагеремъ цѣлыхъ два мѣсяца, король возвратился въ Вильно, получивъ извѣстіе, что царь велѣлъ схватить подосланнаго къ нему измѣнника и посадить на колъ. Все дѣло кончилось отправленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ, которые въ

разныхъ мѣстахъ бились съ русскими; затѣмъ заключено временное перемиріе.

Не лучше шли дѣла и въ Ливоніи. Почти вся Эстонія была въ рукахъ шведовъ, которые, подобно русскимъ, стремились распространить свои владѣнія. Кетлеръ, занятый дѣлами своего новаго герцогства, былъ менѣе дѣятеленъ, какъ губернаторъ. Ливонское рыцарство, потерявъ къ нему расположеніе, просило Сигизмунда-Августа назначить своимъ намѣстникомъ кого нибудь изъ литовскихъ пановъ. Король назначилъ Яна Ходкевича, который вскорѣ склонилъ ливонцевъ сдѣлать важныя измѣненія въ актѣ соединенія ихъ съ Литвою. Ливонія, раздѣленная на 4 округа, должна была отнынѣ имѣть сеймъ общій съ Литвою. Суды остались въ прежнемъ видѣ, и только всѣ акты и приговоры должны были быть писаны по-нѣмецки. За исключеніемъ старосты-намѣстника (администратора), который могъ быть литвиномъ, всѣ остальные сенаторы и чиновники должны быть назначаемы изъ мѣстныхъ сословій.

Этотъ новый договоръ былъ утвержденъ литовскимъ сеймомъ въ Гроднѣ (26 декаб. 1566), но и теперь ливонцы не могли избавиться отъ шведовъ и русскихъ, хотя первые потерпѣли сильное пораженіе отъ Тальвоша, а вторые были часто разбиваемы королевскими воеводами. Даже низверженіе съ престола Эрика XIV (1568), преемникомъ котораго сдѣлался обязанный Сигизмунду Іоаннъ, не тотчасъ повело къ миру, хотя военныя дѣйствія на время и прекратились.

Устранивъ множество препятствій къ соединенію Литвы съ Польшею, Сигизмундъ-Августъ созвалъ въ Люблинѣ общій сеймъ обѣихъ націй (23 декаб. 1568). Здѣсь, не безъ сопротивленія со стороны пановъ литовскихъ и бѣлорусскихъ, было окончено это важное дѣло. Нѣкоторымъ изъ нихъ король вынужденъ былъ погрозить лишеніемъ правъ и преимуществъ, чтобы заставить ихъ засѣдать въ общемъ сенатѣ. И такъ Литва, Бѣлоруссія, Пруссія и Мазовія слились теперь съ Польшею (11 авг. 1569) въ одно цѣлое, подъ властью одного избирательнаго короля. Сеймъ долженствовалъ быть общій для всѣхъ отдѣльныхъ частей, а суще-

ствовавшіе до тѣхъ поръ отдѣльные сеймы приняли характеръ генеральныхъ сеймиковъ. Экзекуція статута не была распространена на Литву, чтобы легче склонить тамошнихъ пановъ къ соединенію. Ливонія должна была принадлежать собща Литвѣ и Польшѣ. Нужно сознаться, что наибольшая доля заслугъ въ выполненіи этого великаго дѣла принадлежитъ Сигизмунду-Августу, не щадившему ни трудовъ, ни жертвъ, чтобы завершить его съ полнымъ успѣхомъ. Несчастіемъ можно назвать только то обстоятельство, что установивъ наслѣдство королевскаго престола по избранію, не былъ опредѣленъ закономъ образъ избранія.

На этомъ замѣчательномъ сеймѣ присутствовали послы почти всѣхъ великихъ державъ Европы. Пріѣхалъ также новый прусскій герцогъ Альбертъ II и публично исполнилъ обряды признанія ленной зависимости и присяги на вѣрность, причемъ уполномоченные маркграфовъ бранденбургскихъ, не смотря на сопротивленіе земскихъ пословъ, выхлопотали себѣ у короля дозволеніе прикоснуться къ знамени во время обряда присяги, чѣмъ самымъ Сигизмундъ-Августъ призналъ за ними право наслѣдовать прусскіе лены, въ случаѣ пресѣченія прямаго потомства Альберта.

Люблинское соединеніе, основанное на справедливости и признаніи возможныхъ правъ, усилило рѣчьпосполитую, потому что, предоставляя провинціямъ мѣстную автономію, сливало ихъ между собою въ общемъ для всѣхъ сеймѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ представителемъ льготъ соединенныхъ народовъ. Это было весьма ловкимъ соглашеніемъ между началами провинціальной автономіи и единства. И потому актъ люблинскаго соединенія имѣлъ въ свое время неоспоримую важность *).

Предметомъ занятій люблинскаго сейма, было также дѣло города Данцига, который, казнивъ около двадцати моряковъ, получившихъ отъ короля на время войны свидѣтельства для захвата

---

*) Мы не раздѣляемъ взгляда автора на люблинское соединеніе, ибо убѣждены, что въ основаніи его вовсе не лежало чувство «справедливость». Но по важности самаго предмета, мы сохраняемъ за собою право, посвятить ему отдѣльное, самостоятельное изслѣдованіе. *Примѣч. перевод.*

шведскихъ судовъ, не только не хотѣлъ дать никакого удовлетворенія, но даже не впустилъ въ городъ королевскихъ коммисаровъ. Располагая значительными военными силами, будучи подчиненъ начальникамъ, которые зависѣли исключительно отъ муниципальнаго совѣта, Данцигъ хотѣлъ казаться независимой республикой. Станиславъ Карнковскій, епископъ куявскій, Янъ Сѣраковскій, воевода ленчицкій, Янъ Костка, каштелянъ Данцига, Николай Фирлей и Симонъ Субискій посланы были въ Данцигъ, въ качествѣ полномочныхъ коммисаровъ короля и сейма. Выборъ былъ сдѣланъ весьма удачно, потому что только такіе умные и умѣренные люди могли рѣшить столь щекотливое дѣло, не прибѣгая къ силѣ. Пріѣхавъ въ Данцигъ безъ вооруженной свиты, они успѣли склонить городской совѣтъ и цехи къ изъявленію покорности и изданію постановленій, извѣстныхъ подъ названіемъ устава Карнковскаго и имѣвшихъ цѣлію сдѣлать невозможными, на будущее время, подобныя волненія и безпорядки. Умѣренностью и совѣтами они обезоружили гордый Данцигъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи большія средства и сильныя связи въ Германіи. На варшавскомъ сеймѣ (1570) король и земскіе послы выразили имъ вполнѣ заслуженную благодарность за искусное окончаніе дѣла, которое легко могло привести къ междоусобной войнѣ, возбуждавшей всеобщія опасенія. Сеймъ утвердилъ все сдѣланное коммисарами, а король, по ходатайству ихъ, даровалъ Данцигу полное прощеніе. Король и рѣчьпосполитая пріобрѣли большее противъ прежняго вліяніе на Данцигъ, не смотря на то, что никто изъ жителей не подвергся казни или тюремному заключенію за непокорность города и нанесенное ими тяжкое оскорбленіе королевскимъ коммисарамъ.

Соединеніе Литвы съ Польшею не могло не возбудить опасеній Іоанна и опасеній не напрасныхъ. Съ одной стороны Сигизмундъ-Августъ и союзникъ его, Фридрихъ датскій, заключили миръ съ Швеціей, а съ другой онъ обезпечилъ себя союзомъ съ султаномъ противъ набѣговъ татаръ. Когда затѣмъ татары ворвались въ русскіе предѣлы и даже опустошали окрестности Москвы, то царь согласился отправить къ королю пословъ для заключенія

мира. Хотя король и принялъ ихъ милостиво, однако заключеніе мира не могло состояться на условіяхъ предлагаемыхъ Іоанномъ, и военныя дѣйствія прекратились какъ-бы сами собою.

Такимъ образомъ борьба утихла на всѣхъ границахъ рѣчипосполитой. Только въ Валахіи (1572) опять возникла война. Богданъ, сынъ бывшаго воеводы Александра, пользуясь дружбою съ многими польскими панами, сдѣлался при помощи ихъ господаремъ. Такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ покорность Сигизмунду-Августу и обѣщалъ выставить ему въ помощь 20,000 войска, по первому требованію, то послѣдній ходатайствовалъ за него передъ султаномъ, чрезъ посла своего, Тарановскаго. Но еще до пріѣзда Тарановскаго въ Стамбулъ, Ивоня, поддерживаемый многими знатными валахами, получилъ званіе господаря отъ султана Селима и вторгнулся въ Валахію съ 20,000 турецкимъ войскомъ. Богдана поддерживали 1,300 польскихъ волонтеровъ подъ начальствомъ Николая Мелецкаго, который удачно боролся съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, но, убѣдясь наконецъ въ невозможности удержать Богдана господаремъ противъ воли самихъ валаховъ, отступилъ къ Днѣстру. Во время отступленія, неутомимо преслѣдуемый непріятелемъ, онъ удачно отбивался, и когда наконецъ коронный гетманъ Язловецкій прибылъ къ Днѣстру съ 800 коней, то начались переговоры съ турками и Ивоней. Послѣдній обязался признать власть короля и даже далъ присягу на вѣрность, за что ему выдали Богдана и отдали Хотимъ, занятый въ то время польскимъ войскомъ.

Въ одно время съ событіями въ Валахіи король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (въ маѣ), но погода препятствовала засѣданіямъ. Сильно разстроенное здоровье Сигизмунда-Августа свело его въ могилу въ Кнышинѣ 7 іюля 1572 г. Какъ послѣдній потомокъ Владислава Ягеллы въ мужской линіи, онъ завершилъ собою счастливое для Польши правленіе этой династіи. При немъ и при отцѣ его Польша процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ. Просвѣщеніе и благосостояніе достигли высокой степени, а сила соединенной рѣчипосполитой внушала сосѣдямъ уваженіе. Польское войско про-

славилось мужествомъ во многихъ сраженіяхъ, а разныя льготы и и выгоды привлекали въ Польшу множество ученыхъ, которые, вмѣстѣ въ поляками, трудились надъ распространеніемъ просвѣщенія. Религіозныя разногласія, возбуждавшія во всей западной Европѣ кровавыя междоусобныя войны, приняли въ Польшѣ совершенно особенный видъ. Вызвавъ безчисленныя письменныя разсужденія и споры, они послужили къ развитію отечественной литературы. Такъ какъ сектаторы, желая расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, стали писать на языкѣ польскомъ, то и католическое духовенство было вынуждено дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ. Учреждено много школъ и типографій и, однажды возбужденное, стремленіе къ просвѣщенію, дало прекрасные плоды. Польскій языкъ получилъ задатки развитія подъ перомъ Рея, Кохановскихъ, Бѣльскаго, Гурницкаго, Оржеховскаго, и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей. Царствованія обоихъ Сигизмундовъ и нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ нихъ, справедливо названы золотымъ вѣкомъ польской письменности. Сигизмундъ-Августъ, какъ его и прозвали въ Европѣ „литовскимъ сарданапаломъ", тѣмъ не менѣе покровительствовалъ просвѣщенію и не допускалъ религіозныхъ преслѣдованій. Предпочитая миръ войнѣ, онъ велъ войны нерѣшительно. Будучи упрямаго характера, вслѣдствіе ложнаго направленія въ воспитаніи, онъ всегда хотѣлъ поставить на своемъ, хотя врожденная доброта и привязанность къ отечеству часто пересиливали его упорство. Слабость къ прекрасному полу была причиною того, что онъ, въ особенности по удаленіи Екатерины, подчинялся во всемъ вліянію женщинъ. Любя откладывать дѣла, онъ до того долго затягивалъ вопросъ о наслѣдствѣ престола, что умеръ, не рѣшивъ его.

Извѣстіе о смерти короля заставило народъ подумать о средствахъ къ обезпеченію общественнаго спокойствія. Слѣдствіемъ этого были многочисленные съѣзды, на которыхъ заключена конфедерація для внѣшней и внутренней обороны рѣчипосполитой во время междуцарствія. Польскіе жители галицкой Руси и Подоліи, собравшись въ Глинянахъ, обязались другъ передъ другомъ честью

и вѣрою, что не отдѣлятся отъ Польши. Съѣздъ въ Ловичѣ, у архіепископа гнѣзненскаго, отправилъ пословъ въ Литву, чтобы согласиться о времени и мѣстѣ избранія короля и просить собраться на общія совѣщанія. Послѣдствіемъ этого приглашенія было собраніе нѣкоторыхъ сенаторовъ коронныхъ и литовскихъ въ Кнышинѣ (24 авг.). Здѣсь рѣшено произвести избраніе короля на полѣ, подъ Люблиномъ. Но такъ какъ нигдѣ въ Польшѣ не было назначено собирать сеймики, предшествующіе всегда избранію короля, то стало ясно, что паны хотятъ присвоить себѣ исключительное право избранія. Взволнованные этимъ землевладѣльцы великопольскіе составили конфедерацію въ Колѣ и, учредивъ тамъ *полевые* (*каптуровые* *) суды противъ нарушителей спокойствія во время междуцарствія, рѣшили оказать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ и отмстить всѣмъ, ктобы захотѣлъ избрать короля небольшимъ числомъ лицъ, а не большинствомъ голосовъ. Собраніе извѣстило объ этомъ архіепископа гнѣзненскаго, Уханскаго. Такое рѣшительное объявленіе заставило примаса собрать совѣтъ сенаторовъ въ Каскахъ подъ Варшавой. Онъ долженъ былъ сдѣлать это тотчасъ по смерти короля, чтобы предупредить не только произвольные съѣзды, но и происки иностранныхъ агентовъ, въ особенности ракузскихъ, которые разъѣзжая по Польшѣ и Литвѣ, старались пріобрѣсть деньгами и обѣщаніями голоса въ пользу своихъ кандидатовъ.

Совѣтъ сенаторовъ рѣшилъ, что конвокаціонный сеймъ, который назначитъ время, мѣсто и порядокъ избранія короля, соберется (6 янв. 1575), а сеймики, обыкновенно предшествующіе сейму, (13 декабря). Кромѣ того назначены мѣстопребыванія для ино-

*) Въ числѣ разнаго вида судовъ, въ прежней Польшѣ существовали, въ каждомъ воеводствѣ, такъ называемые, каптуровые суды; но независимо отъ нихъ былъ—*всеобщій каптуровый судъ*. Онъ состоялъ изъ 3 сенаторовъ (двое отъ короны и одинъ отъ Литвы) и 12 пословъ. Въ этихъ судахъ разсматривались преступленія, возникавшія во время междуцарствія. При Станиславѣ-Августѣ (1768) эти суды окончательно распущены, и съ этихъ поръ судопроизводство по помянутымъ дѣламъ сосредоточивалось въ обыкновенныхъ судахъ.

Примѣч. перевод.

странныхъ пословъ, которымъ, на время избранія, слѣдовало быть, какъ бы подъ надзоромъ, для того, чтобы своими происками не искушать гражданъ. Королевнѣ Аннѣ, сестрѣ покойнаго короля, не хотѣли дозволить жить въ Варшавѣ, изъ опасенія вреднаго вліянія, которое она могла имѣть на избраніе короля, но вскорѣ отмѣнили это рѣшеніе. Объявлено также, что каждый гражданинъ, желающій выѣхать за границу, долженъ извѣстить о томъ пограничнаго старосту. Наконецъ изданы универсалы ко всѣмъ старостамъ, арендаторамъ и чиновникамъ вѣдомства финансовъ, съ предписаніемъ, чтобы, подъ опасеніемъ потери должностей, тотчасъ же сдали подскарбію доходы, слѣдующіе съ солянаго акциза, таможенъ и староствъ, и на конвокаціонномъ сеймѣ *) представили о томъ подробный отчетъ. Въ Литву отправлены послы, для сообщенія постановленій сенатскаго совѣта, съ запросомъ о цѣли посольства Гарабурды къ царю Іоанну. Польское посольство прибыло въ Литву во время съѣзда пановъ въ Мсцибовѣ (5 декаб.). Ему отвѣчали что литовцы не могутъ пріѣхать на конвокаціонный сеймъ, потому что имъ слѣдуетъ сначала на общемъ собраніи въ Вильнѣ условиться съ землевладѣльцами, такъ какъ въ актѣ соединенія говорится только объ общемъ избраніи, но ничего не упоминается о конвокаціи. Требовали вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія Подоліи и Волыни къ Литвѣ, а королевнѣ Аннѣ, которая говорила о своемъ наслѣдственномъ правѣ на всю Литву, просили сообщить, что будучи свободнымъ народомъ, а не рабами, литовцы не признаютъ ни за кѣмъ наслѣдственныхъ правъ надъ собою. Жаловались также на то, что съѣздъ въ Каскахъ назначилъ, безъ ихъ вѣдома, сеймикъ для Ливоніи, не смотря на то, что послѣдняя принадлежала въ одинакой степени Литвѣ и Польшѣ. Домогались также, чтобы курсъ литовской монеты былъ одинаковъ въ Польшѣ и Литвѣ. О цѣли посольства Гарабурды говорили, что послѣдній не имѣлъ порученія вступать въ переговоры съ Іоанномъ объ уступкѣ Ливоніи или о дѣлѣ

---

*) *Конвокаціонные* сеймы собирались обыкновенно послѣ смерти короля. Въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствовалъ, вмѣсто короля, примасъ. Эти сеймы имѣли всегда характеръ конфедераціонный. *Примѣч. перевод.*

избранія короля, но былъ посланъ для того, чтобы продолжить перемиріе на время междуцарствія.

Вездѣ на малопольскихъ сеймикахъ условились въ томъ, что избраніе должно быть произведено въ самомъ непродолжительномъ времени, въ противномъ случаѣ грозили сенаторамъ назначить собраніе для изслѣдованія причинъ замедленія. Нѣкоторыя воеводства требовали ограниченія власти примаса, сообразно смыслу уставовъ, а другія выразили мнѣніе, что слѣдуетъ запретить пріѣзжать на избирательный сеймъ съ вооруженной свитой. Въ пограничныхъ воеводствахъ, особенно со стороны Венгріи и Силезіи, приняты мѣры для обороны границъ, на случай непріятельскаго вторженія, такъ какъ ракузскій дворъ былъ подозрѣваемъ въ намѣреніи поддерживать своего кандидата силою оружія. Инструкціи, данныя посламъ великополянами, противорѣчили одна другой.

Въ назначенное время, конвокаціонный сеймъ собрался въ Варшавѣ. Литовцы не приняли въ немъ участія, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Россіи, и отправили только нѣсколькихъ депутатовъ съ своего сейма для того, чтобы условиться о времени и мѣстѣ избранія. Съ своей стороны они выражали желаніе, чтобы избраніе происходило въ Парчовѣ, послѣ дня св. Войцѣха, когда уже выростетъ трава, что доставитъ возможность пріѣзжающимъ на сеймъ продовольствовать лошадей подножнымъ кормомъ. Послы, повторивъ требованія о Подоліи, Волыни и курсѣ монеты, должны были предъявить новыя, касающіяся различныхъ отраслей управленія и обороны Литвы. Сеймъ не согласился на съѣздъ въ Парчовѣ и назначилъ его въ Варшавѣ, куда имѣлъ право пріѣхать каждый землевладѣлецъ для подачи голоса. Нѣкоторыя справедливыя требованія литвиновъ были удовлетворены, тѣ же, которыя вели къ ущербу люблинскаго акта соединенія, были искусно отклонены. Посламъ ленныхъ князей, домогавшихся права голоса при избраніи короля, отказано.

Не менѣе важны были и другія внутреннія дѣла. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ ограниченіи правъ примаса. Нововѣрцы не хотѣли признавать его вторымъ лицомъ послѣ короля и отка-

зывали ему въ соотвѣтствующей этому званію власти. Споръ оживился, и Уханскій, побуждаемый епископами, написалъ обширное изложеніе доказательствъ въ пользу правъ своего званія, цитируя многія узаконенія двухъ предшествовавшихъ вѣковъ. Онъ издалъ даже торжественный протестъ противъ всякаго ограниченія своей власти. Гораздо болѣе споровъ и раздраженія вызвалъ вопросъ о порядкѣ избранія. Одни хотѣли, чтобы король былъ избранъ общимъ сеймомъ; другіе требовали всеобщей подачи голосовъ для военнаго сословія. Послѣ долгихъ совѣщаній, избрана была средняя мѣра: рѣшено, что на выборы можетъ пріѣхать всякій, а сенатъ, съ извѣстнымъ числомъ лицъ, назначенныхъ землевладѣльцами, выберетъ короля, котораго присутствующія воеводства могутъ утвердить или отвергнуть. Избирательный съѣздъ былъ назначенъ въ Варшавѣ (5 апр.), и такъ какъ пріѣзжавшимъ туда по пути нельзя было производить безпорядковъ, то, пріѣхавъ въ городъ, каждый долженъ былъ присоединиться къ своему воеводству, а на самомъ избраніи быть безъ оружія. Для обороны рѣчипосполитой опредѣленъ налогъ, въ счетъ котораго положено нанять 20,000 войска, кромѣ того приказано приготовиться къ повсемѣстному ополченію, на случай надобности. Наконецъ конфедерація воеводствъ замѣнена конфедераціей цѣлой рѣчипосполитой, въ которой постановлено, что только тотъ можетъ быть избранъ королемъ, кто обяжется присягою сохранить согласіе между различными религіозными исповѣданіями, и не дозволитъ ни гоненій и судебныхъ преслѣдованій за вѣру, ни лишенія должностей и званій за разность исповѣданій. Въ воеводствахъ назначены сеймики, которые должны собраться послѣ варшавскаго сейма; здѣсь землевладѣльцамъ дозволено принять или отвергнуть вышеприведенныя постановленія, такъ какъ почти ни одно рѣшеніе на сеймѣ не было принято единогласно, и недовольные дѣлали обращенія ко всему народу.

Сеймики были весьма бурны. Великополяне на сеймикѣ въ Сродзѣ постановили слѣдующее. Въ Варшаву дозволяется пріѣзжать со свитою, какую кто соберетъ, но присутствующіе на самомъ

собраніи не должны имѣть при себѣ оружія, ни холоднаго ни огнестрѣльнаго. Сенатъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ войска, составитъ правила для охраненія порядка на время выборовъ, и поручитъ выполненіе ихъ коронному маршалу; предъ избраніемъ должны быть сдѣланы исправленія въ уставахъ и произведенъ розыскъ или слѣдствіе о причинахъ смерти короля и расхищенія оставшагося послѣ него имущества. Дѣла по избранію должны начаться съ выслушанія иностранныхъ пословъ. На требованіе налога и созваніе народнаго ополченія изъявлено согласіе. Гораздо болѣе шуму было на сеймикѣ воеводства краковскаго, собравшагося въ Прошовицахъ. Землевладѣльцы, избравъ маршаломъ Олесницкаго, выслушали сначала отчеты своихъ пословъ и объявили затѣмъ, что налога не заплатятъ, и на избраніе короля поѣдутъ всѣ съ оружіемъ, но прежде соберутся еще разъ, послѣ Пасхи, въ Тарчинѣ, откуда отошлютъ оружіе домой, убѣдившись, что другіе воеводства сдѣлали тоже. Рѣшено также, что дѣло о конфедераціи послѣдователей различныхъ исповѣданій не касается конвокаціи и можетъ быть только предметомъ избирательнаго сейма. По поводу налога жаловались на пановъ, которые, забравъ имущества, назначенныя для покрытія расходовъ страны, сваливаютъ на землевладѣльцевъ всѣ тягости, какъ на рабочихъ ословъ. Другіе малопольскія воеводства приняли рѣшеніе конвокаціоннаго сейма.

Литовцы, съ своей стороны, собрались въ Вильно, и разослали письма на коронные сеймики, съ просьбою назначить избирательный сеймъ въ Литвѣ, вмѣсто Варшавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они оправдывались въ нареканіяхъ и подозрѣніяхъ, выраженныхъ на конвокаціонномъ сеймѣ, будто бы они вели тайные переговоры съ русскимъ царемъ объ избраніи короля и объ ливонскихъ крѣпостяхъ. Впрочемъ объявили, что если-бы даже и признано было невозможнымъ отложить сеймъ или назначить его въ Литвѣ, то они все-таки постараются принять въ немъ участіе, чтобы доказать своимъ братьямъ желаніе дѣйствовать съ ними за-одно.

И такъ приближалась рѣшительная минута избранія новаго

короля. Всѣ партіи были въ сильномъ движеніи, такъ какъ каждая желала видѣть короля, соотвѣтствующаго ея видамъ. Часть католиковъ и, въ особенности, духовенство, настроенные легатомъ Комендони, поддерживали Эрнеста, эрцгерцога ракузскаго, сына императора Максимиліана. Лютеране и кальвинисты желали избрать Іоанна, короля шведскаго, мужа Екатерины Ягелло. Литовцевъ подозрѣвали въ желаніи видѣть королемъ царя Іоанна или сына его Өедора. Многочисленнѣе всѣхъ была партія Генриха Валуа, брата Карла IX, короля французскаго, такъ какъ его поддерживала большая часть католиковъ, а французскій посолъ, Монлюкъ, успѣлъ даже убѣдить приверженцевъ лютерова ученія, не смотря на свѣжее еще впечатлѣніе варөоломеевской ночи, что претендентъ далекъ отъ мысли о религіозныхъ преслѣдованіяхъ. Всѣ эти партіи приготовились къ борьбѣ на избирательномъ поприщѣ. Не смотря на то, въ странѣ господствовали согласіе и порядокъ, а насилія и нарушенія закона случались рѣже, чѣмъ при жизни короля.

Избирательный съѣздъ подъ Варшавой, у деревни Камень, былъ очень многочисленъ. Явилось болѣе 50,000 землевладѣльцевъ. Сначала были изданы строгія правила для сохраненія общественнаго порядка, за нарушеніе котораго полагалась смертная казнь. Строжайше запрещено насильственное собираніе продовольствія. Коронный маршалъ, съ нѣсколькими стами своихъ слугъ, долженъ былъ наблюдать за порядкомъ, а ослушниковъ предавать суду, состоявшему изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и военныхъ. Литовцы, еще не успѣвшіе прибыть, но бывшіе уже въ пути, просили отложить избраніе до ихъ пріѣзда. Имъ объявлено рѣшительно, что выборовъ отложить нельзя и, если они не хотятъ опоздать, то должны поспѣшить, что они и сдѣлали. Затѣмъ приступлено къ выслушанію пословъ, начиная съ папскаго легата. Легатъ объявилъ собранію о неизмѣнномъ благоволеніи папы и, воздавъ хвалу образцовому порядку, не нарушенному въ Польшѣ во время междуцарствія, совѣтовалъ избрать королемъ добраго католика, указывая на домъ ракузскій. Но когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ порицать конфедерацію, составленную различными исповѣданіями, то

вызвалъ такое волненіе, что рѣчь его была даже прерываема. Впрочемъ это не смутило его. Императорскіе послы представляли выгоды, какія пріобрѣтетъ народъ, избравъ королемъ эрцгерцога Эрнеста, и старались очистить ракузскій домъ отъ нареканій во всегдашнемъ стремленіи лишить свободы и самостоятельности сосѣднія страны и, подчинивъ ихъ себѣ, уничтожить ихъ народность. Именемъ императора, они обѣщали помощь противъ Россіи и всѣхъ другихъ враговъ, обѣщали уничтожить пошлину съ венгерскаго вина, возвратить всѣ земли, завоеванныя въ послѣднее время царемъ, и дать воспитаніе ста молодымъ людямъ изъ шляхтичей въ Вѣнѣ или въ Италіи, и т. п.

Монлюкъ, въ длинной рѣчи, говорилъ о благородствѣ поляковъ, старался показать сходство ихъ народнаго характера съ характеромъ французовъ, и выводилъ отсюда необходимость тѣсной связи между обоими народами. Преимущественно, имѣя въ виду приверженцевъ реформаціи, онъ доказывалъ, что кандидатъ его, Генрихъ, будучи ревностнымъ католикомъ, способенъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважать свободу совѣсти, и что онъ не только не принималъ участія въ грустныхъ событіяхъ 24 авг. 1572, но даже порицалъ ихъ, чему доказательствомъ можетъ служить его собственноручное письмо, которое предлагалъ представить сейму. Монлюкъ указалъ при этомъ, что царствующій домъ во Франціи не стремится подобно другимъ (намекъ на Австрію) къ стѣсненію народностей и обѣщалъ много значительныхъ выгодъ, если поляки выберутъ Генриха. Искусная рѣчь Монлюка произвела хорошее впечатлѣніе въ собраніи.

Шведское посольство, предлагая кандидатомъ своего короля, представляло очевидныя выгоды отъ соединенія владѣній шведскихъ съ владѣніями польско-литовскими подъ однимъ скипетромъ. Царь Іоаннъ не прислалъ своихъ уполномоченныхъ, но остался при прежнемъ объявленіи, сдѣланномъ имъ Гарабурдѣ послу литовскому; а именно, что, не думаетъ выпрашивать или покупать себѣ польскій престолъ, но удостоитъ принять его, если онъ будетъ ему предложенъ надлежащимъ образомъ. Онъ позво-

лялъ также избрать своего сына, но съ условіемъ, во-первыхъ, наслѣдственности королевскаго престола въ его родѣ, а во-вторыхъ, что не дастъ за нимъ никакихъ земель (т. е. Полоцка, Смоленска и др. городовъ) „потому, что онъ не дѣвушка“. По выслушаніи многихъ другихъ посольствъ, составленъ списокъ кандидатовъ, въ пользу которыхъ должны быть собираемы голоса. Въ списокъ внесены были только четверо: Эрнестъ Ракузскій, Генрихъ Валуа, Іоаннъ III король шведскій и царь Іоаннъ IV, послѣдній только въ угожденіе Литвѣ. Нѣкоторые, соглашаясь съ мнѣніемъ султана, который предлагалъ въ короли Пяста, т. е. одного изъ пановъ, объявили себя въ пользу выбора короля изъ соотечественниковъ; но когда, вслѣдствіе предложенія Яна Замойскаго, бывшаго тогда старостой белзскимъ, было рѣшено, что кандидаты такого рода, по замѣщеніи ихъ именъ въ спискѣ, должны оставить мѣсто избранія, то никто не согласился принять кандидатуру и планъ былъ оставленъ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ соглашеній между сенаторами и землевладѣльцами, пала кандидатура Іоанна, а тремъ оставшимся лицамъ назначены защитники, изъ которыхъ каждый долженъ былъ поддерживать своего кандидата. При счетѣ голосовъ оказалось, что Генрихъ имѣетъ наибольшее число приверженцевъ. Сторонники реформаціи, поддерживавшіе Іоанна шведскаго, удалились теперь подъ Гроховъ, чтобы до избранія короля, обезпечить свободу совѣсти заключеніемъ конфедераціи. Это было вполнѣ своевременное подтвержденіе акта, совершеннаго еще на конвокаціонномъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что католики имѣли явный перевѣсъ. Значительная часть землевладѣльцевъ-католиковъ приступила къ этой конфедераціи, а изъ духовенства одинъ только епископъ краковскій, Францискъ Красинскій, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе другихъ епископовъ.

Архіепископъ гнѣзненскій, Уханскій, рѣшилъ было уже провозгласить королемъ Генриха, но, по просьбѣ представителя противной стороны, Мелецкаго, воеводы подольскаго, отложилъ это намѣреніе на три дня, такъ какъ Мелецкій сообщилъ ему, что и сторонники реформаціи согласятся признать Генриха. Въ назначен-

ный день (въ Духовъ день) собрались обѣ стороны, со всѣми военными принадлежностями и оружіемъ, какъ бы приготовясь къ бою. Сторонники Генриха, для отличія себя отъ противниковъ, заткнули себѣ за шапки и на шлемы еловыя вѣтки. Кровавая развязка дѣлалась очевидною. Глава реформатской партіи, Янъ Фирлей, коронный маршалъ, склонилъ свою партію къ признанію Генриха, съ условіемъ, что противная сторона приступитъ къ конфедераціи, гарантирующей свободу совѣсти. Когда, посланный съ этимъ объявленіемъ, Андрей изъ Гурокъ, каштелянъ мендзыржецкій, исполнилъ возложенное на него порученіе, то отовсюду послышались крики радости и примасъ провозгласилъ Генриха королемъ, единодушно избраннымъ. Затѣмъ французскимъ посламъ предложено принести присягу на выполненіе условій, на которыхъ Генриху ввѣрялось управленіе. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ условій. Союзъ съ Франціей, приглашеніе 4000 гасконцевъ для войны съ Россіей, содержаніе флота на балтійскомъ морѣ, ежегодный взносъ 450,000 злот. въ государственную казну, уплата государственнаго долга и долговъ покойнаго короля, покрытіе расходовъ на краковскую академію, содержаніе 100 молодыхъ дворянъ въ парижской академіи и при дворахъ иностранныхъ государей, присяга въ сохраненіи правъ и льготъ народа, а также свободы совѣсти. По принесеніи присяги французскими послами, Фирлей, по званію маршала, также провозгласилъ Генриха королемъ.

По совершеніи избранія, отправлено торжественное посольство къ новому королю (электу) и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ день коронаціи (4 окт.); сдѣланы надлежащія распоряженія для обороны рѣчипосполитой и отправлены посольства къ европейскимъ дворамъ съ увѣдомленіемъ о благополучномъ избраніи короля. Императоръ Максиміліанъ, недовольный тѣмъ, что сынъ его не былъ избранъ, началъ тайные происки, чтобы затруднить польскимъ посламъ проѣздъ во Францію, но вскорѣ оставилъ это намѣреніе. Царь, раздраженный по тому же поводу, хотѣлъ объявить войну, но посолъ, Тарановскій, удержалъ его отъ этого намѣренія, представивъ ему, что если, по всѣмъ вѣроятіямъ, Генрихъ не пріѣдетъ

въ Польшу, то будутъ новые выборы, на которыхъ его избраніе несомнѣнно. Іоаннъ смягчился и согласился заключить перемиріе на одинъ годъ.

Польскіе послы, задержанные въ Германіи, прибыли въ Парижъ не ранѣе 19 августа. Послѣ сдѣланнаго имъ великолѣпнаго пріема, на которомъ они удивили французовъ не только пышностію одежды, но въ особенности свѣтскимъ лоскомъ, знаніемъ иностранныхъ языковъ, образованіемъ и личною храбростію, рѣшено было приступить къ врученію избирательнаго диплома, какъ только Генрихъ присягнетъ на выполненіе условій (pacta conventa), заключенныхъ съ его послами. Французскіе вельможи, справедливо негодовали на эти условія, говоря, что Генрихъ будетъ въ Польшѣ не королемъ, а старшимъ должностнымъ лицомъ. Кромѣ того Гозій, уже около года жившій въ Римѣ, употреблялъ всѣ усилія, съ цѣлію отклонить новаго короля отъ принятія параграфа, касавшагося безусловной свободы совѣсти. Вліяніе Гозія на польское духовенство было такъ сильно, что епископъ познанскій, Адамъ Карнковскій, членъ посольства, протестовалъ въ Парижѣ противъ упомянутаго параграфа и требовалъ, чтобы король отказался присягнуть на выполненіе его. Поступокъ его имѣлъ тѣмъ болѣе значенія, что, по настояніямъ Гозія, съѣздъ духовенства въ Полоцкѣ отправилъ въ Парижъ Косубоцкаго съ такимъ же протестомъ. Но рѣшительное объявленіе Яна Зборовскаго, старосты одолянскаго, что Генрихъ не будетъ королемъ, если не приметъ и этого параграфа, заставило французскій дворъ и Генриха изъявить согласіе и совершить публично обрядъ обычной присяги (10 сент.).

Новому королю не хотѣлось тотчасъ же ѣхать въ Польшу. Подъ разными предлогами откладывалъ онъ отъѣздъ (до 10 нояб.) и только настоянія Карла IX заставили его отправиться въ путь. 25 января слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Мендзижечь, а 18 февраля въѣхалъ въ Краковъ. При коронаціи, которая должна была происходить 21 февраля, начались опять несогласія въ католической церкви, по поводу статьи о диссидентахъ. По проискамъ духовенства, сеймикъ изъ землевладѣльцевъ, предшество-

вавшій коронаціи въ Великопольшѣ, въ инструкціи своей посламъ, не упомянулъ объ этой статьѣ. Сеймикъ плоцкій поручилъ своимъ посламъ протестовать противъ нея. Наконецъ стало ясно, что епископы хотятъ опустить ее въ формулѣ присяги на коронаціи. Тогда коронный маршалъ, Янъ Фирлей, объявилъ, что не допуститъ коронаціи, если однажды обезпеченныя права не будутъ на ней торжественно подтверждены. Духовенство принуждено было уступить, а король, при совершеніи обряда коронаціи, присягою обязался къ выполненію всѣхъ условій, въ томъ числѣ статьи, касающейся безусловной свободы совѣсти. Во время рыцарскихъ игръ, происходившихъ на слѣдующій день послѣ коронаціи, возникла ссора между Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Тенчинскимъ, каштеляномъ войницкимъ. Зборовскій обиженный тѣмъ, что домочадецъ Тенчинскаго осмѣлился вынуть его копье изъ того мѣста, гдѣ оно было воткнуто, вызвалъ Тенчинскаго на поединокъ, а когда тотъ не тотчасъ принялъ вызовъ, то напалъ на него въ воротахъ замка. Ваповскій, каштелянъ пшемысльскій, бросился между сражающихся и получилъ двѣ смертельныя раны отъ Зборовскаго. Дѣло поступило на рѣшеніе короля. По короннымъ законамъ, каждый, поднявшій оружіе въ мѣстѣ нахожденія королевскаго двора или засѣданій сейма, подвергался смертной казни. Но Генрихъ, благоволившій къ Зборовскимъ, осудилъ Самуила на изгнаніе, не лишая его чести. Вскорѣ затѣмъ рядъ милостей посыпался на Зборовскихъ. Враги ихъ стали выражать неудовольствіе, стали упрекать короля, что, вопреки условію, онъ держитъ при себѣ французовъ и что канцлеръ его Пибракъ управляетъ всѣми дѣлами. Требовали уплаты государственнаго долга, и особенно жалованья недоданнаго войскамъ. Генрихъ отклонялъ всѣ требованія французскою любезностью, а докучливымъ зажималъ ротъ должностями. Между сенатомъ и земскими послами возникли споры. Послы упорно домогались для военнаго сословія права посылать своихъ представителей въ собраніе, состоявшее при королѣ для наблюденія за неприкосновенностью и выполненіемъ коронныхъ уставовъ и въ которое до сихъ поръ назначались только лица изъ со-

словія сенаторовъ. На этотъ разъ сенатъ удержалъ за собой первенство. Расположеніе къ Генриху лицъ, бывшихъ самыми преданными его приверженцами, начинало видимо охлаждаться. Съ другой стороны усиливалось его нерасположеніе къ Польшѣ. Когда, гонецъ привезъ ему отъ матери извѣстіе о смерти брата Карла, съ просьбою пріѣхать, какъ можно поспѣшнѣе, во Францію, то король созвалъ сенаторовъ на совѣтъ. Но заявленіе, что онъ долженъ созвать сеймъ и у него испросить разрѣшеніе на выѣздъ во Францію, показалось ему неудобоисполнимымъ. Онъ рѣшился на тайный отъѣздъ и 17 іюня вечеромъ оставилъ Польшу, написавъ письмо къ сенату и нѣкоторымъ панамъ. Янъ Тенчинскій и Николай Зебржидовскій пустились въ погоню за королемъ, ѣхавшимъ верхомъ, въ сопровожденіи восьми придворныхъ французовъ, и настигли его въ предѣлахъ Силезіи. Ихъ просьбы и моленія не могли склонить его возвратиться; они съ трудомъ получили отъ него обѣщаніе вернуться въ Польшу, по устройствѣ во Франціи дѣлъ, не терпящихъ отлагательства. Распространившееся на слѣдующій день извѣстіе о бѣгствѣ короля, возбудило всеобщее негодованіе, направленное противъ находившихся при дворѣ французовъ, хотя сенатъ дозволилъ имъ свободно проѣхать во Францію. Императоръ Максимиліанъ радовался бѣгству Генриха и облегчилъ ему проѣздъ черезъ свои владѣнія.

Когда Генрихъ былъ еще въ Польшѣ, Ивоня, опасаясь Петрилы, котораго поддерживалъ султанъ, убѣдительно просилъ польское правительство о помощи. Получивъ отказъ короля, который ссылался на союзъ съ Турціей, Ивоня пригласилъ казаковъ. Послѣдніе въ числѣ 1200 чел. прибыли, подъ начальствомъ Сверчевскаго. Петрило, неоднократно разбитый вмѣстѣ съ турками, подкупилъ наконецъ Іеремію, военачальника Ивони, который измѣннически пропустилъ новое турецкое войско черезъ Дунай. Съ этихъ поръ дѣла приняли другой оборотъ. Побѣжденный Ивоня попался въ руки турокъ, которые предали его смерти. Всѣ казаки пали въ бою, послѣ мужественной защиты и только Сверчевскій и 11 другихъ взяты въ плѣнъ, но вскорѣ освобождены. Это вмѣшательство

казаковъ въ дѣла Валахіи, совершонное вслѣдствіе неожиданнаго отъѣзда Генриха, который возбудилъ такое волненіе въ Польшѣ, грозило войной съ Турціей. Въ избѣжаніе ея, посланъ былъ въ Турцію Тарановскій. Пріѣхавъ въ Стамбулъ ко дню смерти Селима, онъ заключилъ однако вновь временный союзъ съ преемникомъ его Амуратомъ.

Генрихъ проѣхалъ черезъ Вѣну и Венецію во Францію, гдѣ не только гугеноты и принцъ Конде, но и младшій братъ его, герцогъ алансонскій, были его противниками. Занятый наслѣдственными дѣлами королевства, гдѣ, даже и послѣ коронованія, онъ съ трудомъ держался на престолѣ, Генрихъ, не смотря на усильныя настоянiи сената, не могъ вернуться въ Польшу. И потому примасъ, съ согласія нѣкоторыхъ сенаторовъ, созвалъ въ Варшавѣ сеймъ (24 авг.). Земскіе послы громко роптали на сенаторовъ и въ особенности на епископа куявскаго, Карнковскаго, за то, что они допустили отъѣздъ короля. Нужно было рѣшить, можетъ ли тайный отъѣздъ короля служить достаточнымъ поводомъ къ провозглашенію междуцарствія, или, наоборотъ, слѣдуетъ назначить ему срокъ возвращенія и, если онъ не воспользуется имъ, то только тогда провозгласить междуцарствіе. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ. Отправлены послы къ Генриху съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что Польша приступитъ къ выбору новаго короля, если онъ не возвратится къ 12 маю 1575. Для землевладѣльцевъ назначенъ на тоже число общій избирательный съѣздъ въ Стенжицѣ, на случай, если бы Генрихъ пренебрегъ вышеупомянутымъ объявленіемъ.

Народъ раздѣлился теперь на три главныя партіи, не считая остальныхъ, которыхъ вліяніе было незначительно. Часть свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ желали провозглашенія междуцарствія и избранія императора Максимиліана или кого-нибудь изъ австрійскихъ эрцъ-герцоговъ. Другая часть пановъ, вмѣстѣ съ значительнымъ числомъ землевладѣльцевъ, желала удержать на престолѣ Генриха. Остальные военные и паны не противились избранію новаго короля, но не хотѣли и слышать о королѣ изъ ав-

стрійскаго дома. На съѣздѣ въ Стенжицѣ, первая партія тотчасъ выставила своего кандидата. Противъ этого возстала не только партія Генриха, но и почти всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ землевладѣльцы, которые, отдѣлившись отъ пановъ, объявили въ своемъ кружкѣ, подъ предводительствомъ Яна Замойскаго, что согласятся только на избраніе Пяста, т. е. своего соотечественника. Это обстоятельство воспрепятствовало избирательнымъ планамъ австрійской партіи, которая, хотя и должна была отложить избраніе, но за то усилилась присоединеніемъ къ ней примаса. Уханскій созвалъ конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ (3 окт.), на которомъ рѣшено произвести избраніе въ Варшавѣ 4 ноября.

Генрихъ, хотя и не имѣлъ намѣренія возвратиться въ Польшу, но хотѣлъ удержать корону или за собой или за своимъ младшимъ братомъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Польшу разными путями двухъ пословъ, Беллегарди и Пибрака, съ деньгами и письмами, но по дорогѣ оба были ограблены. Беллегарди, съ пустыми руками пріѣхалъ въ Польшу во время засѣданій конвокаціоннаго сейма въ Варшавѣ. Примасъ, привлеченный уже на сторону австрійской партіи, задержалъ его въ Закрочимѣ до времени закрытія сейма и тѣмъ воспрепятствовалъ цѣли его посольства. Дѣло Генриха проиграно окончательно. Между тѣмъ, новое тяжкое бѣдствіе постигло рѣчьпосполитую. Татары, оттѣсненные отъ чернаго шляка *), дороги, черезъ которую они хотѣли вторгнуться въ Подолію, прошли черезъ Валахію, напали на галицкую Русь, и, расположивъ свои улусы подъ Сенявой, опустошили огнемъ и мечемъ значительную часть страны. Кромѣ различной добычи, они увели въ неволю 55,000 человѣкъ. Отправленные за ними въ погоню, хотя и настигли ихъ у переправы черезъ Днѣстръ, подъ Хотимомъ, но не могли отбить добычу и плѣнныхъ, потому что валахскій гарнизонъ крѣпости открылъ по нимъ огонь изъ орудій.

---

*) *Шляками* назывались пути, по которымъ шли татары, вторгаясь въ польскія земли. Собственно *чернымъ* назывался шлякъ потому, что съ нимъ приходило черное бѣдствіе, т. е. убійства, грабежи, пожары и *черная смерть* или чума. *Примѣч. переводч.*

По поводу неблагопріятной поры, избирательный съѣздъ въ Варшавѣ былъ немногочисленъ. Хотя нѣкоторыя воеводства явились поголовно, за то другія прислали только пословъ. Изъ иностранцевъ явились кандидатами Максиміліанъ за себя или за сына Эрнеста, Стефанъ Баторій, воевода семиградскій и герцогъ феррарскій. Императоръ давалъ тѣ же обѣщанія, какъ и на предшествовавшихъ выборахъ, Баторій обѣщалъ присягнуть на неприкосновенность правъ и льготъ рѣчипосполитой, заплатить государственный долгъ, возвратить земли, отнятыя Россіей, укрѣпить границы, прислать 100,000 злотыхъ на уплату недоданнаго войску жалованья и освободить уведенныхъ въ плѣнъ татарами. На шумныя обѣщанія герцога феррарскаго почти никто не обращалъ вниманія, такъ какъ всѣ были раздѣлены на двѣ партіи. Сенаторы, свѣтскіе и духовные, за небольшими исключеніями, а также Литва и Пруссія поддерживали австрійскій домъ и именно самого императора. Почти всѣ коронные землевладѣльцы хотѣли избрать короля-соотечественника, предоставляя на выборъ сената Яна Костку воеводу сандомирскаго и Андрея изъ Тенчина, воеводу белзскаго. Но когда сенаторы ни подъ какимъ видомъ не соглашались на это, то военный кружокъ объявилъ, что готовъ согласиться на всякій выборъ, сдѣланный сенатомъ, даже и изъ иностранцевъ, лишь бы австрійскій домъ былъ устраненъ. И это предложеніе оказалось напраснымъ. Въ совѣщаніяхъ и спорахъ прошло уже около шести недѣль. Австрійская партія, или такъ называемые тогда кесарцы, увлекшись несбыточной надеждой, что, провозгласивъ кандидата своего королемъ, успѣютъ поддержать его впослѣдствіи на престолѣ, оставили всегдашнее мѣсто избирательныхъ засѣданій и, окопавшись въ вооруженномъ лагерѣ, приступили къ избранію (12 дек.). Примасъ провозгласилъ Максиміліана королемъ, а коронный маршалъ Опалинскій, тотчасъ же, обнародовалъ этотъ выборъ. Затѣмъ всѣ поспѣшили въ Варшаву для возблагодаренія Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Негодованіе землевладѣльцевъ, безъ согласія которыхъ рѣшились избрать короля, было чрезвычайное. Самыми горячими против-

никами австрійскаго дома были жители галицкой Руси. Примасу сообщено черезъ пословъ, что военное сословіе не признаетъ провозглашеннаго имъ короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривали Костку и Тенчинскаго, чтобы кто-нибудь изъ нихъ принялъ королевское званіе. Но когда оба они рѣшительно отказались, то землевладѣльцы избрали Анну Ягелло, назначая ей мужемъ Стефана Баторія. Королевна довольно долго отказывалась, но наконецъ приняла предложеніе. Такъ какъ въ партіи военной не было ни одного епископа, то избранникъ былъ провозглашенъ ксендзомъ Яномъ Семинскимъ изъ Гологуръ. Затѣмъ приглашены послы Стефана, и какъ только они подписали условія, на которыхъ государь ихъ долженъ былъ вступить на престолъ Польши, то отправлено къ нему торжественное посольство съ приглашеніемъ на престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ общій съѣздъ въ Іендржеевѣ. Предварительно должны были собраться сеймы въ обыкновенныхъ мѣстахъ, и утвержденъ налогъ для уплаты жалованья наемному войску. Противная партія также отправила пословъ къ избранному ею королю.

Въ Іендржеевѣ съѣхалось (14 янв. 1576) множество вооруженныхъ землевладѣльцевъ, нѣсколько свѣтскихъ сенаторовъ, а изъ духовныхъ одинъ только епископъ куявскій, Карнковскій, который сначала пытался склонить обѣ стороны къ устраненію ихъ избранниковъ и къ новымъ выборамъ, но когда это не удалось, то объявилъ себя въ пользу Баторія. Этотъ вооруженный съѣздъ, образовавъ конфедерацію, утвердилъ все сдѣланное въ Варшавѣ военной партіей, назначилъ коронацію на 4 марта и просилъ Баторія прибыть къ тому времени. Императорскому послу, утверждавшему, что Максимиліанъ избранъ съ общаго согласія, предложено точнѣе освѣдомиться о числѣ военныхъ, противныхъ этому избранію, для того, чтобы имѣть возможность судить въ какой степени эти увѣренія согласны съ дѣйствительностью. Отправлены также послы къ императору съ просьбою, чтобы онъ не принималъ избранія, которому противится вся страна. Пруссія и Литва, поддерживавшія императора, приглашены черезъ посольство къ братскому сближенію

съ Польшею, которая вся, за исключеніемъ немногихъ пановъ, объявила себя въ пользу Баторія. Наконецъ Краковъ занятъ довольно сильнымъ гарнизономъ, а въ случаѣ надобности рѣшено созвать народное ополченіе. Примасъ созвалъ также австрійскую партію на съѣздъ въ Ловичъ (въ концѣ февр.), но такъ какъ туда прибыли весьма немногіе, то все дѣло ограничилось назначеніемъ конвокаціи въ Варшавѣ (4 март.). Въ одно время съ съѣздомъ въ Ловичѣ, собрались литовскіе паны въ Герайовицахъ. Послы коронной шляхты, отправленные изъ Іендржеѣва, весьма доказательно представили собранію законность избранія Анны и Баторія и противозаконность избранія Максимиліана, и, изложивъ пагубныя послѣдствія такого разъединенія рѣчипосполитой, приглашали ихъ къ единодушной поддержкѣ державной четы. Герайовскій съѣздъ обѣщалъ сообщить отвѣтъ свой черезъ особое посольство, которое предполагалось отправить (въ началѣ март.) въ Краковъ.

Не смотря на представленія пословъ изъ Іендржеѣва, Максимиліанъ изъявилъ согласіе на принятіе польской короны, чѣмъ придалъ смѣлости своимъ приверженцамъ. Но это не смутило противной стороны, и въ день, назначенный для коронаціи, собралось множество землевладѣльцевъ на коронаціонный сеймъ въ Краковъ, куда уже прибыла Анна Ягелло. Послы, пріѣхавшіе изъ Семиграда, привезли извѣстіе, что Баторій присягнулъ въ Мегешѣ на всѣ условія, но никакимъ образомъ не можетъ тотчасъ же пріѣхать на коронацію и проситъ отложить ее. По выслушаніи этого посольства, отправлено приглашеніе на варшавскую конвокацію, чтобы сторонники Максимиліана, видя всеобщее почти согласіе на избраніе Анны и Баторія, не терзали болѣе отечества. Примасъ съ своей партіей хотѣлъ еще оттянуть дѣло, и старался объ устройствѣ общаго съѣзда партій, черезъ мѣсяцъ (9 апр.), будто бы для того, чтобы примирить на немъ всѣ разногласія. Такого же содержанія былъ отвѣтъ, присланный въ Краковъ съ герайовицкаго съѣзда. Австрійская партія очевидно хотѣла сохранить только форму и готова была на выгодныхъ условіяхъ помириться съ противниками. Начало шляхетско-общинное очевидно одержало пол-

нѣйшій перевѣсъ надъ началомъ самовластія магнатовъ, которые сами усомнились въ возможности удержанія на престолѣ своего избранника, хотя послѣдній и принесъ присягу на всѣ условія или *pacta conventa* въ Вѣнѣ (23 март.), о чемъ извѣстіе пришло въ Краковъ 4 апрѣля. Но и это не могло отклонить съ пути партію землевладѣльцевъ, и даже извѣстіе, что Данцигъ объявилъ себя въ пользу Максимиліана, не измѣнило намѣреній приверженцевъ Баторія. Когда, вслѣдъ затѣмъ, возвратились ихъ послы съ письменнымъ отвѣтомъ отъ Максимиліана, въ которомъ онъ употребилъ титулъ польскаго короля, то письма не приняли, а посламъ сдѣлали строгій выговоръ за то, что они согласились принять на себя доставленіе его отъ императора. Эта стойкость была причиною, что многіе изъ противнаго лагеря, въ особенности литовцы, перешли на сторону Баторія.

Не смотря на отсрочку коронаціи, земскіе послы не разъѣзжались изъ Кракова. Когда же австрійская партія злонамѣренно распространила слухи, что выборъ воеводы семиградскаго, какъ ленника Турціи, какимъ онъ и останется, унизителенъ для рѣчипосполитой, и что Баторій не ревностный католикъ — первый слухъ, какъ недостойная выдумка, былъ опровергнутъ тѣмъ, что, хотя *воевода* Баторій и былъ турецкимъ ленникомъ, но *король* Баторій, передавъ управленіе Трансильваніею своему брату, уже не будетъ признавать ничьей власти. Что же касается упрека въ невѣрности католицизму, то Карнковскій, узнавъ о движеніи Баторія съ 1500 человѣкъ черезъ Валахію къ границамъ Польши, тотчасъ же тайно отправилъ къ нему ксендза Суликовскаго. Въ Снятынѣ, въ тайной аудіенціи, которой не успѣли воспрепятствовать иновѣрцы, окружавшіе новаго короля, Суликовскій убѣдился въ его правовѣрности и по возвращеніи въ Краковъ уничтожилъ всякое въ этомъ отношеніи сомнѣніе Карнковскаго. Такимъ образомъ пала послѣдняя преграда, которая могла бы препятствовать Баторію принять корону.

Имѣя съ собою большею частью одну пѣхоту, Стефанъ прибылъ въ столицу только 18 апрѣля, и хотя въѣздъ его не былъ

такой блестящій какъ въѣздъ Генриха, но все таки не былъ лишенъ торжественности. Сперва Стефанъ сочетался бракомъ съ Анной, бывшею 10 годами старше его, а потомъ уже совершилась коронація. За отсутствіемъ примаса, который все еще придерживался австрійской партіи, короля и королеву короновалъ епископъ куявскій. Стефанъ присягнулъ на всѣ права и привиллегіи, какъ коронныя такъ и литовскія, въ числѣ которыхъ было и то условіе, что ежели онъ не сдержитъ котораго либо изъ принятыхъ обязательствъ, то народъ освобождается отъ повиновенія. Кромѣ того онъ обѣщалъ рѣшать всѣ дѣла рѣчипосполитой только по совѣщаніи съ сеймомъ и сенатомъ, и отнюдь не принимать иностранныхъ посланниковъ безъ вѣдома *стражи*, т. е. совѣта, состоящаго изъ 16 человѣкъ сенаторовъ и другихъ сановниковъ. Королева Анна отказалась отъ наслѣдства своего послѣ матери Боны какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ и получила, въ видѣ приданаго, имѣніе въ Мазовіи. На этомъ коронаціонномъ сеймѣ Мазовія приняла всецѣло, такъ названное, коронное право, сохраняя только нѣкоторые исключительные мѣстные уставы, освященные временемъ. Кромѣ того приняты мѣры для примиренія съ враждующей стороной, въ случаѣ же дальнѣйшаго сопротивленія постановлено созвать всеобщее ополченіе; четвертая часть доходовъ съ столовыхъ имѣній передана въ руки короля. Къ императору и владѣтельнымъ князьямъ германскаго союза, которые должны были собраться на сеймъ въ Ренсбургѣ, отправлены отъ имени рѣчипосполитой послы, съ приглашеніемъ отказаться отъ военныхъ дѣйствій, которыя могли бы встревожить весь христіанскій міръ. Посольство это не имѣло успѣха и на возвратномъ пути императоръ приказалъ арестовать пословъ въ Линцѣ.

До сихъ поръ одни только коронные землевладѣльцы признали Стефана королемъ. Кромѣ Литвы и Пруссіи, на сторонѣ австрійской было много сенаторовъ, которыхъ императоръ обнадеживалъ своимъ пріѣздомъ, лишь только окончены будутъ приготовленія къ войнѣ, объявленной въ Ренсбургѣ. Но и Баторій, пріобрѣвъ, вслѣдствіе коронаціи, перевѣсъ надъ своимъ соперникомъ, не те-

рялъ времени по пустому: его сторонники уговорили литовцевъ, собраться сперва въ Гроднѣ, а потомъ въ Мсцибовѣ, для единодушнаго содѣйствія коронѣ, такъ что когда Стефанъ, послѣ коронаціоннаго сейма, прибылъ въ Варшаву (12 іюля), къ нему явилось литовское посольство и признало его великимъ княземъ. Вскорѣ послѣ того примасъ Уханскій принялъ его сторону, а прусскіе послы, увѣряя въ вѣрности своихъ соотечественниковъ, просили созвать прусскій сеймъ, чтобы вся эта провинція могла присягнуть на вѣрность королю. Король, принявъ ласково пословъ, отправился тотчасъ въ Пруссію, созвалъ провинціальный сеймъ въ Торнѣ, на которомъ всѣ сословія, кромѣ Данцига, признали его королемъ.

Неповиновеніе данцигцевъ, которые одни осмѣливались сопротивляться признанному цѣлою рѣчьюпосполитою королю, уполномочивало Стефана принять въ отношеніи къ нимъ понудительныя мѣры. Желая однако истощить прежде всѣ мѣры кротости, онъ отправилъ къ нимъ Петра Костку епископа хелмскаго и Яна изъ Служева брестко-куявскаго воеводу. Данцигцы требовали, чтобы король присягнулъ на ихъ права и привиллегіи и уничтожилъ нѣкоторыя вновь установленныя повинности. Послы не могли согласиться на такія условія, и, возвратясь въ Мальборгъ, представили отчетъ Стефану, который потребовалъ городъ къ суду. Въ отвѣтъ на это, данцигцы воздвигли укрѣпленный лагерь подъ Тчевомъ, а къ королю и сенаторамъ обратились съ жалобами на несправедливый вызовъ къ суду. Король допустилъ сенаторовъ къ посредничеству въ этомъ дѣлѣ, но когда всѣ ихъ усилія поколебать упрямство данцигцевъ оказались безуспѣшными, онъ рѣшился силою оружія принудить ихъ къ покорности. Онъ двинулся дѣйствительно къ Тчеву, и, послѣ удачнаго нападенія на укрѣпленный лагерь, совершенно разбилъ данцигцевъ. Король вторично возвѣстилъ городу черезъ парламентера помилованіе, въ случаѣ его добровольной сдачи. Вслѣдствіе этого вызова послы явились въ королевскій лагерь, гдѣ отъ нихъ потребовали: 1) чтобы городъ распустилъ свое войско, послѣ чего и король выведетъ свое; 2) чтобы при-

несена была присяга въ вѣрности, за что городъ получитъ подтвержденіе своихъ правъ; 3) чтобы иностранцы, уклоняющіеся отъ присяги были удалены; и 4) чтобы послы его просили прощенія у короля на торунскомъ сеймѣ. Но данцигцы опомнились отъ охватившаго ихъ въ первую минуту паническаго страха. Они отвергли эти условія, а новое ихъ посольство потребовало (5 окт.), между прочимъ, чтобы король, при утвержденіи правъ Данцига, ясно оговорилъ, что, въ случаѣ какого-либо нарушенія этихъ правъ, городъ вправѣ отказать въ повиновеніи. Король приказалъ коронному вице-канцлеру Яну Замойскому наказать городъ, но при этомъ обѣщалъ также милость и прощеніе, если онъ только во̀ время опомнится.

Дѣло данцигское, а равно и шаткія отношенія къ русскому царю Іоанну, принудили короля созвать сеймъ (5 окт. 1576) въ Торнѣ. Мнѣнія сенаторовъ и земскихъ пословъ были совершенно согласны на счетъ того, что̀ дальнѣйшее сопротивленіе данцигцевъ слѣдуетъ подавить оружіемъ, но прусскія сословія высказались въ пользу болѣе кроткихъ мѣръ, а потому имъ было предоставлено посредничество. Но и это посредничество не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ, ибо данцигцы сдѣлались еще болѣе настойчивыми съ той минуты, когда бурный сеймъ, вмѣсто требуемыхъ королемъ налоговъ, рѣшилъ созвать только ополченіе. Даже вѣсть о смерти Максимиліана не поколебала упрямства данцигцевъ. Съ торунскаго сейма король отправилъ пословъ къ царю съ цѣлью продолжить перемиріе.

Когда послѣ сейма, данцигцы съ высокомѣріемъ отвергли предъявленныя условія, король разослалъ по прусской землѣ гонцовъ и, расположившись въ Быдгощѣ (Бромбергъ), велѣлъ обнародовать прежній приговоръ, произнесенный надъ городомъ и арестовать всѣхъ находившихся въ немъ данцигскихъ пословъ. Не имѣя денегъ на военныя издержки, онъ пригласилъ примаса склонить епископовъ и духовенство къ подкрѣпленію казны. Духовенство, подъ вліяніемъ ненависти къ данцигскимъ иновѣрцамъ, назначило значительную субсидію королю изъ собственныхъ дохо-

довъ. Сверхъ того Стефанъ успѣлъ склонить сенатъ на съѣздѣ въ Влоцлавкѣ (24 марта 1577) къ замѣненію всеобщаго ополченія налогомъ, что, впослѣдствіи, утвердили провинціальные сеймики.

Немногочисленныя королевскія войска, расположенныя вблизи Данцига, были подъ начальствомъ Яна Зборовскаго. Имѣя почти ежедневныя стычки съ данцигцами, онъ одержалъ надъ ними, въ самый день Пасхи, значительную побѣду подъ Тчевомъ. Данцигцы, бывшіе подъ начальствомъ Яна изъ Кольна, потеряли убитыми и плѣнными до 5000 человѣкъ. Нисколько не смущаясь этимъ пораженіемъ, данцигцы убили трубача, присланнаго къ нимъ отъ Зборовскаго съ увѣщаніемъ сдаться. Хотя подъ страхомъ мести со стороны Зборовскаго, имѣвшаго въ рукахъ ихъ плѣнныхъ, — они и наказали убійцъ трубача, но, тѣмъ не менѣе, съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, прервали переговоры о сдачѣ города. На ихъ мужество имѣло вліяніе—извѣстіе, будто бы, татары, вторглись съ своими полчищами въ Волынь и дошли до Дубна, а съ другой стороны, будто бы, царь Іоаннъ готовится къ походу въ Инфлянты. Вотъ почему они упорно отстаивали свои требованія, не смотря на то, что король прибылъ (въ іюнѣ) въ лагерь и возобновилъ съ ними переговоры. Ихъ упрямство объясняется и тѣмъ, что имъ удалось сперва нанести пораженіе отряду королевскихъ войскъ вблизи маяка, причемъ они захватили даже нѣсколько орудій, а во вторыхъ, они знали, что за недостаткомъ флота, ихъ нельзя будетъ отрѣзать отъ моря. Послѣ смерти Максимиліана, данцигцы потому, главнымъ образомъ, сопротивлялись Баторію, чтобы, такъ сказать, выторговать утвержденіе своихъ правъ и привиллегій на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Съ своей стороны король не желалъ уничтоженія города, имѣвшаго такое важное значеніе для рѣчипосполитой, но тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на безусловномъ его подчиненіи, ибо хотѣлъ, съ перваго же шага, показать, что намѣренъ быть королемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ, собственно, поводы, почему длилась война. Король велѣлъ вездѣ публиковать, что склады товаровъ, отправляемыхъ за границу и привозимыхъ въ Польшу, будутъ отнынѣ въ Эль-

бингѣ и что нельзя ихъ сплавлять къ Данцигу. Желающимъ же вооружаться въ морѣ, онъ позволилъ нападать и захватыватъ купеческіе корабли данцигцевъ. Сверхъ того, желая отрѣзать городъ отъ моря, онъ приступилъ къ осадѣ укрѣпленнаго маяка, находившагося при устьѣ Вислы. Почти ежедневныя стычки подъ маякомъ и подъ самымъ Данцигомъ, подвергали обѣ стороны большимъ или меньшимъ потерямъ въ людяхъ, но до рѣшительнаго боя дѣло не доходило.

Въ посредникахъ недостатка не было, а потому переговоры велись своимъ порядкомъ. Сторону данцигцевъ принимали и прусскія сословія и рыцарство поморской земли, которое ходатайствовало объ нихъ у короля. Изъ Инфлянтъ прибыло также посольство съ просьбою о возможно поспѣшной помощи. Явились также послы отъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ князей по дѣламъ ленныхъ прусскихъ земель, владѣтель которыхъ герцогъ Альбертъ II сошелъ съума. Послѣднее посольство имѣло цѣлію склонить короля къ передачѣ регентства бранденбургскому маркграфу Фридриху. Когда затѣмъ данцигцы претерпѣли неудачу въ своемъ походѣ на Эльбингъ, который они хотѣли осадить и заставить отказаться отъ правъ складочнаго пункта и когда благосостояніе города сильно пострадало и вслѣдствіе войны, и вслѣдствіе застоя въ торговлѣ,—посредники могли, безъ особаго труда, склонить Данцигъ къ исполненію королевской воли. Данцигцы торжественно просили помилованія въ Мальборгѣ, послѣ чего былъ взятъ назадъ приговоръ, лишавшій ихъ честнаго имени. Король призналъ также за ними всѣ ихъ прежнія права и привиллегіи (въ исходѣ 1577), но только тогда, когда они обѣщали уплатить въ теченіе 3 лѣтъ всѣ убытки, причиненные духовенству, приблизительно на сумму 150,000 злотыхъ, распустить свое войско и принести вѣрноподданническую присягу *).

---

*) Между прочимъ Баторій предоставилъ данцигскимъ протестантамъ право совершать публично свое богослуженіе, а въ числѣ возвращенныхъ привиллегій, самою важною было—право портоваго города. *Прим. перевод.*

Успокоеніе Данцига дало королю возможность сосредоточить всю свою дѣятельность въ другихъ пунктахъ. Именно въ это время русскій царь овладѣлъ значительною частью Лифляндіи. Въ Молдавію же вторгнулся Янъ Подкова, изгналъ, при содѣйствіи козаковъ, воеводу Петра и, не смотря на сопротивленіе турокъ, хотѣлъ удержать за собою власть господаря. Но не будучи въ силахъ справиться съ турками, онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу и брацлавскій воевода князь на Збаражѣ—Янушъ далъ ему безопасное убѣжище. Татары также угрожали нашествіемъ и, разбитые этимъ воеводою подъ Заславомъ, бросились, правда, въ бѣгство, но, тѣмъ не менѣе, снова вскорѣ появились на Волыни. Покончивъ данцигское дѣло, король, не медля, отправилъ противъ татаръ въ Подолію часть войска, а на Литву возложилъ обязанность двинуть свои полки въ Лифляндію противъ царя московскаго. Самъ же лично поѣхалъ въ Варшаву на сеймъ, созванный въ февралѣ 1578 г. Грозныя тучи, скопившіяся на политическомъ горизонтѣ, побудили сословія согласиться на двухлѣтній, довольно значительный налогъ. Отъ этого налога были освобождены три воеводства, которыя, впрочемъ, впослѣдствіи, по желанію короля, на своихъ сеймикахъ, утвердили также помянутый налогъ. На этомъ сеймѣ была установлена самая высшая инстанція судебныхъ трибуналовъ—для Великопольши въ Піотрковѣ, а для Малопольши въ Люблинѣ. Составленные изъ депутатовъ отъ сеймиковъ, эти трибуналы должны были произносить окончательный приговоръ во всѣхъ дѣлахъ. Духовенство было противъ учрежденія трибуналовъ и сдѣлалось сговорчивѣе лишь тогда, когда было постановлено, что въ дѣлахъ духовныхъ, наравнѣ съ шестью свѣтскими депутатами, будетъ засѣдать столько же духовныхъ депутатовъ. Введеніе трибуналовъ, освобождавшихъ судопроизводство отъ вліянія короля, было, конечно, важнымъ шагомъ на пути прогресса. Но въ то же время ограниченіе знаменательнаго закона Владислава Ягелло 1432 г., по которому, безъ судебнаго приговора, нельзя было имѣвшаго недвижимое имущество (neminem possessionatum) ни арестовать, ни удалять изъ имѣнія и предоставленіе этого

5*

преимущества одному лишь земскому сословію (neminem nobilem possessionatum) было, безспорно, шагомъ назадъ въ дѣлѣ развитія личной свободы. На варшавскій сеймъ явился также маркграфъ бранденбургскій Фридрихъ, котораго король, не смотря на оппозицію сенаторовъ, пословъ и даже прусскаго герцогства, не только назначилъ регентомъ, но и допустилъ къ принесенію ленной присяги. Такая политика была довольно чувствительнымъ ударомъ для рѣчипосполитой.

Война съ царемъ русскимъ была дѣломъ неизбѣжнымъ, послѣ того какъ Іоаннъ отвергнулъ всѣ условія мира и принялъ польскихъ пословъ не по принятому обычаю. Дѣлая громадныя приготовленія къ походу противъ Іоанна, король долженъ былъ, понятно, обезпечить себя, по крайней мѣрѣ, на все время похода, отъ наѣздовъ турокъ и татаръ. Турецкій султанъ требовалъ выдачи Подковы, содержавшагося въ равской тюрьмѣ, но Баторій велѣлъ перевезти плѣнника въ Львовъ и, вопреки всякому праву, лишилъ его жизни. Онъ отправилъ также къ козакамъ коммисаровъ съ порученіемъ преслѣдовать со всею строгостью всѣхъ тѣхъ, которые вошли въ турецкія земли. Ему удалось, правда, такими распоряженіями избавиться на время отъ татарскихъ нашествій, но казнь Подковы, рѣшительно ни въ чемъ невиноватаго передъ рѣчьюпосполитой, была дѣломъ вопіющаго произвола. Такое очевидное признаніе принципа, что цѣль освящаетъ всѣ средства, указывало на вліяніе іезуитовъ, авторитетъ которыхъ въ глазахъ Баторія былъ довольно силенъ и которые, именно во время его пребыванія въ Львовѣ, получили отъ него привиллегію на открытіе академіи въ Вильнѣ *).

Между тѣмъ въ Ливоніи захвачена у русскихъ часть замковъ, и Андрей Сапѣга, соединившись съ шведами, нанесъ пораженіе 20 тысячному московскому войску подъ Кесью **). Магнусъ, лично

*) Въ этой привиллегіи, между прочимъ, говорится: «іезуиты составляютъ единственное средство для поднятія католицизма въ Польшѣ и излеченія душъ, тронутыхъ ересью». Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ были іезуиты въ глазахъ Стефана Баторія. *Прим. перевод.*

**) Кесью (латышское слово) прежніе польскіе историки называли гор. Вен-

оскорбленный Іоанномъ, бывшимъ съ нимъ въ родствѣ, перешелъ также на сторону короля. Не смотря на это, дѣло не доходило еще до формальнаго объявленія войны, а когда король явился въ засѣданіяхъ сената въ Краковѣ (въ декабрѣ), прибыло посольство отъ Іоанна, будто бы, съ цѣлію заключенія временнаго перемирія. Настойчивое требованіе пословъ, чтобы король, при входѣ ихъ въ сенатъ, привсталъ съ трона и, снявъ шапку, спросилъ о здоровьи ихъ государя, вотъ поводъ, по которому послы выѣхали, не исполнивъ своего порученія и, даже, были арестованы въ Брестлитовскѣ. Нельзя было болѣе откладывать войны. Король потребовалъ отъ сената увеличенія податей, но ему отвѣтили, что земское сословіе не дастъ своего согласія. Это заставило его сдѣлать заемъ у нѣкоторыхъ германскихъ князей.

Желая выступить противъ Іоанна какъ можно съ большими силами, король прибѣгнулъ къ наемнымъ полкамъ трансильванскимъ и, въ особенности, къ венгерской пѣхотѣ. Сверхъ того онъ создалъ польскую *лановую* *) *пѣхоту*, составленную изъ, такъ называемыхъ, *выбранцевъ*. Онъ издалъ постановленіе, по которому въ національныхъ имѣніяхъ, изъ 20 лановыхъ хозяевъ, выбирали одного, хорошо вооруженнаго пѣхотинца. Вооруженіе и содержаніе этого пѣхотинца лежало на обязанности всѣхъ 20 хозяевъ въ продолженіи всей его военной службы—они же должны были обрабатывать его землю и нести за него всѣ повинности. Сверхъ того король вызвалъ также изъ Германіи наемные полки, а литовскимъ магнатамъ велѣлъ снарядить, соотвѣтственныя ихъ состоянію, дружины **). Весною 1579 г. король прибылъ въ Вильно, откуда

денъ въ Лифляндіи, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ венденскаго епископства. По словамъ Карамзина въ сраженіи подъ Кесью участвовало всего 18,000 русскихъ, которые бились мужественно, «но худая конница татарская выдала пѣхоту и бѣжала;... первый вождь московскій, Голицынъ, Шереметевъ, Палицкій, вмѣстѣ съ дьякомъ Щелкаловымъ.... въ безуміи страха ускакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство». (Карамзинъ, Т. IX, стр. 287). *Прим. перевод.*

*) См. ист. польск. нар. Т. I, стр. 180.

**) См. ист. польск. нар. Т. I, стр. 39, въ выноскѣ.

отправилъ къ московскому царю Лопатинскаго съ объявленіемъ войны. Въ іюнѣ того же года онъ выступилъ на Дисну, гдѣ должны были сосредоточиться всѣ войска. На всѣхъ остальныхъ пунктахъ, открытыхъ вторженію русскихъ въ земли рѣчипосполитой, были расположены соотвѣтственные отряды подъ начальствомъ Филона Кмиты, козацкаго гетмана Оржешовскаго и другихъ. Царь отправилъ, правда, войско въ Ливонію, но оно потерпѣло неудачу. Въ Диснѣ Кетлеръ принесъ королю дань покорности, послѣ чего войска отправились къ Полоцку и осадили его со всѣхъ сторонъ. Русскіе зажгли городъ и запершись въ замкѣ, защищались съ ожесточеніемъ; но когда осаждающіе зажгли форты, они вынуждены были сдаться *) (31 авг.). Во время этой осады поляки пришли къ убѣжденію, что король болѣе сочувствуетъ венгерцамъ, нежели полякамъ. Это открытіе, понятно, возбудило неудовольствіе, которое выразилось, между прочимъ, въ томъ, что коронный гетманъ Мелецкій рѣшился совершенно удалиться. Къ тому же король, захвативъ Соколъ, Сусу и нѣсколько другихъ замковъ, распустилъ войско на зимній отдыхъ, а царь съ своимъ войскомъ возвратился въ Москву. И такъ первый походъ былъ довольно удаченъ, тѣмъ болѣе, что поляки и на другихъ пунктахъ одерживали верхъ надъ непріятелемъ, земли котораго подверглись чувствительному опустошенію. Занявъ Полоцкъ, Стефанъ Баторій помѣстилъ въ этомъ городѣ іезуитовъ, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе.

Изъ лагеря король поспѣшилъ на сеймъ въ Варшаву (23 нояб.) для обсужденія средствъ къ дальнѣйшему веденію войны. Присутствіе его въ Варшавѣ принесло, дѣйствительно, большую пользу. Онъ не только собралъ подати, но взыскалъ и вторую четверть или половину дохода отъ арендаторовъ коронныхъ имѣній. Баторій передалъ также гетманскую булаву великому канцлеру ко-

*) Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными и распространенными съ 1561 г. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, соединяемыя мостомъ, служили защитою городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Волынскій въ Острогѣ, Щербатый и Ржевскій въ крѣпости.

Прим. перевод.

ронному, Яну Замойскому, какъ скоро узналъ, что отсутствіе на сеймѣ Мелецкаго вызвано его неудовольствіемъ противъ предпочтенія, отданнаго, будто бы во время послѣдняго похода, венгерцамъ надъ поляками. Впрочемъ это распоряженіе короля противилось уставамъ рѣчипосполитой. Стремясь къ самовластію, Баторій иногда не стѣснялся существовавшими уставами и бывали даже случаи, что онъ приговаривалъ къ смерти землевладѣльцевъ, безъ судебнаго рѣшенія. Ему все это удавалось, ибо народъ зналъ его заботливость о возвеличеніи могущества и славы рѣчипосполитой.

Весной 1580 г. сдѣланы были большія приготовленія къ новому походу. Получивъ въ даръ отъ папы мечъ и освященную шапку, король выступилъ изъ Вильно въ Чашники (16 іюня), гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Сюда явился отъ царя Іоанна посолъ съ объявленіемъ, что царь, вопреки своему обыкновенію, первый отправилъ къ королю торжественное посольство для веденія переговоровъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Баторій ожидалъ его въ столицѣ Литвы. Но Баторій отвѣтилъ, что вовсе не думаетъ останавливать движенія войскъ и что, точно также, и въ лагерѣ можно толковать о мирѣ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ отъ московскаго царя второй гонецъ съ требованіемъ, чтобы король ожидалъ пословъ хотя бы на границѣ, но и на это требованіе послѣдовалъ отказъ. Цѣлью похода были—Великія Луки. Король расположился въ Суражѣ, а Замойскаго направилъ къ Велижу, который послѣ непродолжительнаго сопротивленія, достался въ руки поляковъ вмѣстѣ съ значительными запасами продовольствія и боевыми принадлежностями. Іоаннъ продолжалъ письменно обращаться къ Баторію о пріостановленіи похода, но король, переправилъ войско черезъ Двину, занялъ Усвятъ *), разбилъ часть русскихъ войскъ и осадилъ Великія Луки (27 авг.). Сюда въ лагерь явилось русское посольство, которое не достигло своей цѣли, ибо король отвергнулъ требованія на счетъ отступленія къ своимъ гра-

*) Усвятъ, небольшой городъ витебской губерніи, расположенный на берегу озера, того же названія, извѣстенъ еще со временъ войнъ Мендога съ великимъ княземъ Александромъ Невскимъ. *Прим. перев.*

ницамъ до открытія переговоровъ. Послѣ довольно сильнаго сопротивленія поляки овладѣли замкомъ (6 сент.), городъ же русскіе успѣли сжечь. Польскіе отряды, дѣйствовавшіе противъ русскихъ подъ Торопцемъ, нанесли имъ пораженіе *), а Филонъ Кмита, въ то же время, опустошалъ смоленскую землю **). Затѣмъ поляки овладѣли Невелемъ и Озерищами ***), почти безъ сопротивленія; а взятіе Заволочья стоило имъ дорого. Къ переговорамъ о мирѣ было приступлено лишь послѣ взятія Великихъ Лукъ. Но какъ только царь Іоаннъ потребовалъ возвращенія половины Ливоніи и нѣкоторыхъ, недавно, занятыхъ городовъ,—переговоры сами собою остановились.

Варшавскій сеймъ, въ февралѣ 1581 г., выразилъ королю признательность за мужественное веденіе войны и снова далъ свое согласіе на подати. Но онъ просилъ, въ то же время, во вниманіе къ домашнимъ дѣламъ и обѣднѣнію жителей, не уклоняться отъ заключенія мира. Баторій объявилъ, что онъ не прочъ положить оружіе, какъ скоро царь предъявитъ выгодныя для рѣчипосполитой условія мира, чего до этого времени Іоаннъ не дѣлалъ. Онъ обратился также къ сословіямъ съ увѣщаніемъ поддерживать миръ внутри рѣчипосполитой и заблаговременно принимать мѣры для огражденія внѣшней безопасности. И во время сейма происходили переговоры съ послами царя, которые, повсюду слѣдовали за королемъ. Однакожъ переговоры не имѣли успѣха, такъ какъ царь, хотя и отказывался отъ своихъ правъ на Ливонію, хотѣлъ однако, во что бы то ни стало, удержать за собою нѣсколько важнѣйшихъ замковъ. На такое требованіе нельзя было согласиться, а потому

---

*) Въ Торопцѣ стоялъ воевода князь Хилковъ. Въ этомъ дѣлѣ взяты въ плѣнъ—сановникъ царскій Григорій Нащокинъ, употребляемый въ посольствахъ, любимецъ Іоанновъ—Черемисиновъ и 200 дѣтей боярскихъ. *Прим. перевод.*

**) Кмита приближался къ Смоленску въ надеждѣ сжечь его предмѣстья, но встрѣченный храбрыми начальниками—Ногтевымъ и княземъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ. *Прим. перевод.*

***) Озерище были извѣстны своимъ укрѣпленнымъ замкомъ, самымъ стариннымъ въ б. полоцкомъ воеводствѣ. *Прим. перевод.*

король рѣшился, въ союзѣ со Швеціею, начать противъ него самыя энергическія дѣйствія.

Послѣ благополучно кончившагося сейма, король поспѣшилъ въ Вильно, куда вскорѣ снова прибыло посольство отъ царя Іоанна. Іоаннъ былъ встревоженъ бѣдствіями, которыми сопровождались два предшествовавшіе похода и приготовленіями къ новому, и, очевидно, хотѣлъ выиграть только время. Снарядивъ пословъ къ императору Рудольфу и къ папѣ, онъ почти былъ увѣренъ, что при ихъ содѣйствіи, Баторій согласится на значительныя уступки. Но рѣшительность короля поколебала его надежду. Іоаннъ былъ уже готовъ согласиться на всѣ условія, за исключеніемъ только возвращенія военныхъ издержекъ въ количествѣ 400,000 злот., которая въ его глазахъ казалась данью. Неожиданное извѣстіе о смерти брата Баторія, трансильванскаго воеводы, произвело переворотъ въ настроеніи царя Іоанна, который полагалъ, что вслѣдствіе смерти брата, Баторій не будетъ въ состояніи дѣйствовать столь энергически. Но Баторій убѣдилъ сословія трансильванскія вручить правленіе Сигизмунду, сыну покойнаго воеводы и, почти, въ то же время, приказалъ литовскому гетману Радзивиллу отвѣтить на вторженіе русскихъ войскъ въ могилевскую землю такимъ же вторженіемъ въ предѣлы московскаго царства.

Успокоенный заявленіями царя, обѣщавшаго содѣйствовать изгнанію турковъ изъ Европы, совмѣстно съ прочими христіанскими князьями —папа отправилъ къ Баторію, въ качествѣ посредника, Поссевина, опытнаго іезуита, съ цѣлью склонить его къ заключенію мира съ Іоанномъ. Король принялъ весьма радушно посланника, который, уразумѣвъ главную его мысль, поспѣшилъ къ Іоанну. Московскій царь успѣлъ обѣщаніями и вѣжливымъ обращеніемъ склонить на свою сторону хитраго итальянца, а тѣмъ самымъ сдѣлать изъ него усерднаго посредника при переговорахъ о мирѣ.

Между тѣмъ король открылъ военныя дѣйствія. Занявъ Красногродскъ, Островъ и другіе менѣе значительные замки, онъ осадилъ (25 авг.) Псковъ. По мѣрѣ того, какъ осадныя работы по-

ляковъ подвигались впередъ довольно удачно, такъ что они достигли валовъ, защитники Пскова смутились и готовы уже были сдаться, но ихъ удержалъ отъ этого шага князь Шуйскій и мѣстный владыка*). Осада продлилась до самой зимы. Къ этому времени возвратился отъ царя Поссевинъ и успѣлъ склонить короля предоставить дальнѣйшую осаду Замойскому (1 декабря), оставить лагерь и назначить уполномоченныхъ для открытія переговоровъ о мирѣ съ уполномоченными Іоанна въ Запольскомъ**) Ямѣ. Потеря Нарвы, которою, при содѣйствіи поляковъ, овладѣли шведы и удачный походъ Радзивилла, достигнувшаго Старицы, сдѣлали царя нѣсколько сговорчивѣе. Поссевинъ снова дѣйствовалъ на Баторія, а труды войска подъ Псковомъ, боровшагося не только съ непріятелемъ, но и съ недостатками и суровою зимою, побуждали и польскаго короля къ уступчивости. Замойскій, правда, для облегченія войска обратилъ осаду въ блокаду, но дѣло не обошлось безъ ропота и, даже, послышались угрозы покинуть Псковъ. Гетманъ настоялъ, однакожъ, на своемъ, хотя переговоры велись довольно туго и едва успѣли заключить (15 янв. 1582) десятилѣтнее перемиріе. Царь московскій уступилъ рѣчипосполитой всю Ливонію и обязывался, не медля, возвратить всѣ замки, которые еще оставались въ его рукахъ. Король, съ своей стороны, обязывался также возвратить всѣ занятыя, во время походовъ, земли, за исключеніемъ Полоцка и Велижа. На счетъ обмѣна плѣнныхъ предполагалось условиться впослѣдствіи. При этомъ было говорено, что въ актѣ договора Іоаннъ будетъ вездѣ титулованъ царемъ.

Послѣ заключенія этого перемирія, весьма своевременнаго для Іоанна, благодаря усиліямъ Поссевина, Замойскій снялся (6 февр.) съ лагеря подъ Псковомъ, и постепенно вступалъ въ укрѣпленія, занимавшіяся еще русскими войсками, которыя, покидая ихъ, мѣстами подводили мины. Но это ни къ чему не повело, ибо всѣ

---

*) Игуменъ печерскій благочестив. Тихонъ. *Прим. перевод.*

**) 6 января 1582, въ деревнѣ Киверовой Горѣ, между Опочкою и Порховомъ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яму. (См. Устр. Т. II.) *Прим. перевод.*

мины были преждевременно открыты. Царь московскій потерялъ въ теченіи этой трехлѣтней войны болѣе 300,000 человѣкъ, но эта потеря могла бы быть еще чувствительнѣе, еслибы король остался глухъ къ увѣщаніямъ Поссевина. Іоаннъ не исполнилъ ожиданій папы и впослѣдствіи тщеславился тѣмъ, что ему удалось провести, даже, іезуита *).

Окончивъ эту войну, Баторій приступилъ къ устройству ливонскихъ дѣлъ. Это подало поводъ къ поѣздкѣ въ Ригу (12 март.), гдѣ, въ присутствіи Кетлера, Замойскаго и многихъ сенаторовъ, король повелѣлъ городу возвратить католикамъ два костела, изъ которыхъ одинъ попалъ, тотчасъ же, въ руки іезуитовъ. Одновременно было установлено въ Венденѣ латинское епископство для Ливоніи и объявлено, что переселенные въ край колонисты должны быть исповѣданія католическаго. Все это было противно закону дарованному Ливоніи Сигизмундомъ-Августомъ. Баторій хотѣлъ кромѣ того разрушить замки рыцарей и издалъ постановленіе, по которому каждый землевладѣлецъ долженъ былъ доказать свои права на занимаемыя имъ земли, часть которыхъ составляла, нѣкогда собственность казны. Онъ заботился также объ облегченіи участи сельскаго люда, который въ Ливоніи, подъ вліяніемъ германскихъ крестоносцевъ, былъ обреченъ на такое тяжкое угнетеніе, о какомъ въ Польшѣ не имѣли, даже, понятія. Баторій вооружилъ окончательно противъ себя всю провинцію, когда началъ раздавать въ Ливоніи должности старостъ и другія природнымъ полякамъ, а званіе намѣстника предоставилъ клеврету іезуитовъ виленскому кардиналу-епископу Радзивиллу.

---

*) «Въ первый разъ, говоритъ Карамзинъ (Т. IX, стр. 349), мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою, и если удержались въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе, то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ непобѣдимость Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею, не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть и Новгородъ, въ очарованіи Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ.»

Прим. перевод.

По поводу частыхъ нападеній козаковъ на татарскія и турецкія земли—татарскій посолъ угрожалъ возмездіемъ. Король снарядилъ войско въ Подолію, и убѣдилъ султана запретить татарамъ вторгаться въ земли рѣчипосполитой. Онъ уговорилъ также султана потребовать къ себѣ на судъ молдавскаго господаря Янкулу, который вездѣ, гдѣ только могъ, вредилъ Польшѣ. Господарь, предвидя вѣрную смерть, не явился въ Стамбулъ, но, захвативъ всю казну, рѣшился бѣжать въ Венгрію. Во время проѣзда чрезъ Покуце онъ былъ схваченъ Николаемъ Язловецкимъ и доставленъ въ Львовъ, гдѣ, по приказанію короля, его казнили безъ суда. Этотъ поступокъ имѣлъ также характеръ произвольнаго беззаконія.

Неудовольствія и даже опасенія обнаружились повсюду въ рѣчипосполитой, вслѣдствіе произвола, къ которому, нерѣдко прибѣгалъ Стефанъ Баторій. Землевладѣльцы начали опасаться за свои льготы, а въ особенности когда въ универсалахъ, сзывавшихъ сеймъ (4 окт.) въ Варшаву, шла рѣчь о выборѣ наслѣдника престола, о преобразованіи трибуналовъ, о дѣлахъ десятинныхъ и о другихъ щекотливыхъ вопросахъ. Говорили, что король собирается уничтожить, въ пользу своихъ племянниковъ, право свободнаго избранія королей, а въ преобразованіи трибуналовъ видѣли стремленіе подчинить себѣ судебную власть. Кромѣ того землевладѣльцы опасались, что король, изъ сочуствія къ духовенству, по дѣламъ десятиннымъ будетъ дѣйствовать въ ущербъ свѣтскимъ людямъ. Среди такихъ обстоятельствъ, понятно, сеймъ имѣлъ весьма бурный характеръ. Не смотря на пространныя разсужденія и доказательства, которыми Замойскій пытался изобразить дѣйствія и намѣренія короля въ самомъ лучшемъ свѣтѣ,—земскіе послы высказали мнѣніе противоположное мнѣнію сената. Когда же канцлеръ заявилъ, что, видя такъ много людей нерасположенныхъ къ королю, онъ опасается, чтобы, со временемъ, не появился въ рѣчипосполитой Катилина,—послы потребовали отъ него объясненій. Многіе позволили себѣ даже говорить королю угрозы, а Немоевскій сказалъ ему даже въ глаза, что если онъ не будетъ управлять со-

гласно уставамъ, то легко можетъ обратиться снова въ трансильванскаго воеводу. Тѣмъ не менѣе, когда Баторій отказался отъ вопроса о престолонаслѣдіи, отсрочилъ дѣла о трибуналахъ и десятинахъ, когда затѣмъ онъ объявилъ, что не будетъ раздавать въ Ливоніи помѣстій своимъ венгерскимъ фаворитамъ, — сенаторы убѣдили сеймъ назначить депутата для изъявленія королю, отъ общаго имени, признательности за труды, подъятые ко благу рѣчипосполитой. Оржельскій, которому земскіе послы поручили это дѣло, исполнилъ весьма дурно свою задачу. Именно распространившись о заслугахъ Баторія, Оржельскій въ увлеченіи объявилъ, что сеймъ, убѣжденный въ наилучшихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ короля, готовъ подвергнуть карѣ каждаго изъ своихъ членовъ, который былъ бы противнаго мнѣнія. Это заявленіе произвело ужасный шумъ. Земскіе послы, разразившись громомъ упрековъ противъ Оржельскаго за то, что онъ говорилъ вовсе не то, къ чему былъ уполномоченъ, оставили тотчасъ же залу совѣщаній, не дождавшись конца рѣчи. Все это подало поводъ къ тому, что сеймъ разошелся ничего не сдѣлавъ и, даже, не обсудилъ средствъ для уплаты войску жалованья за прошлое время. Кромѣ того одной изъ причинъ совершенно безполезной траты времени было дѣло Чарнковскаго, который выхлопотавъ себѣ у папы еще прежде коадьюторію гнѣзненскаго архіепископства, занялъ Знинъ и не хотѣлъ выѣхать оттуда, хотя архіепископомъ былъ назначенъ Карнковскій.

Видимая цѣль Баторія упрочить полновластіе, встревожила шляхту и, быть можетъ, дѣло не обошлось бы безъ сильныхъ потрясеній, если бы не всеобщее убѣжденіе, что правленіе Баторія приноситъ пользу рѣчипосполитой. Вотъ почему ограничивались только однимъ ропотомъ противъ его отступленій отъ коронныхъ уставовъ, не прибѣгая къ явному противодѣйствію. Самою сильною поддержкою короля былъ великій канцлеръ и коронный гетманъ Янъ Замойскій, извѣстный своею ученостію, краснорѣчіемъ и способный руководить общественными дѣлами, но, въ то же время, отличавшійся необыкновенною надменностію и честолюбіемъ. Пріобрѣтя неограниченное довѣріе короля, онъ поддерживалъ съ

непоколебимымъ постоянствомъ всѣ его предначертанія, за что, конечно, былъ осыпанъ многими милостями и пожалованъ староствами. Наконецъ Баторій выдалъ за него за мужъ (12 іюня 1583) свою племянницу Гризельду, чтобы узами родства привязать его еще болѣе къ себѣ. Свадьба происходила въ Краковѣ, по истинѣ, съ королевскою роскошью, которая свидѣтельствовала о могуществѣ Замойскаго. Но этотъ человѣкъ, бывшій нѣкогда защитникомъ правъ земства, вскорѣ перемѣнилъ свои убѣжденія: созданіемъ замойской ординаціи онъ указалъ аристократамъ путь къ уничтоженію этихъ правъ.

Съ этимъ же временемъ (1582) совпало исправленіе календаря по астрономическому году, при содѣйствіи папы Григорія XIII. Всѣ католическія державы приняли новый календарь, прочія сохранили старый, юліанскій, что подало поводъ къ ожесточеннымъ спорамъ. Баторій, какъ усердный католикъ, вслѣдствіе настояній духовенства, приказалъ ввести новый календарь, даже въ Ливоніи, хотя въ этой провинціи число католиковъ было весьма ограничено. Введеніе этого календаря, а равно и предшествовавшія королевскія распоряженія вызвали волненіе въ Ригѣ. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ, заподозрѣнные въ тайныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ, были приговорены инсургентами къ смерти, а іезуиты съ трудомъ нашли въ замкѣ безопасное убѣжище. Неудовольствіе приняло такіе размѣры, что Рига была готова передаться шведскому королю, который послѣ смерти своей жены Екатерины Ягеллонки (сконч. 16 сент. 1583), началъ преслѣдовать католиковъ въ своемъ государствѣ. Но Баторій, во время, энергически пріостановилъ безпорядки, и подвергнувъ нѣкоторыхъ строгому наказанію, остальныхъ привелъ къ покорности. Когда же умеръ Магнусъ, владѣвшій на ленномъ правѣ пильтенскою землею *), онъ присоединилъ эту землю къ остальной Ливоніи, удовлетворивъ

---

*) Пильтенъ, находящійся въ Курляндіи, на берегу рѣки Виндавы, обязанъ своимъ происхожденіемъ, укрѣпленному замку, воздвигнутому, около 1220 г., датскимъ королемъ Вольдемаромъ II. *Прим. перевод.*

предварительно претензію датскаго короля, уплатою 30,000 талеровъ *).

Дѣло Зборовскихъ навлекло на рѣчьпосполитую еще бо̀льшія потрясенія. Эта могущественная семья состояла тогда изъ 4 братьевъ, гнѣзненскаго каштеляна Яна, короннаго надворнаго маршала Андрея, короннаго чашника Христофора и Самуила. Христофоръ, бывшій нѣкогда усерднымъ сторонникомъ Максиміліана, проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ даже во время войны московской, въ качествѣ эмигранта изъ-за долговъ, входилъ въ сношенія съ посланникомъ царя Іоанна. Самуилъ, приговоренный къ изгнанію за убійство Ваповскаго, проживалъ спокойно въ Польшѣ съ вѣдома короля, который тремъ Зборовскимъ былъ обязанъ частію своимъ возвышеніемъ на престолъ и считалъ своимъ врагомъ одного только Христофора. Однакожъ и послѣдній, во время свадьбы Замойскаго съ Гризельдою, получилъ королевское помилованіе, хотя были подозрѣнія, что онъ, совмѣстно съ братомъ Самуиломъ, подстрекалъ козаковъ ко вторженію въ турецкія земли, вѣроятно по внушенію Австріи. Вскорѣ однако въ руки короля попались письма Христофора и сверхъ того вышли наружу и другія доказательства его тайныхъ замысловъ. Баторій, вмѣстѣ съ Замойскимъ, постановили рѣшительнымъ шагомъ предупредить покушеніе. Король, разлучавшійся довольно часто съ своею женою Анною, проживалъ въ это время въ Гроднѣ, а Замойскій, объѣзжавшій свои староства, направился изъ Красностава къ Кракову, гдѣ онъ былъ также старостою. Но такъ какъ Самуилъ Зборовскій, не смотря на изгнаніе изъ края, слѣдовалъ постоянно въ этомъ путешествіи за канцлеромъ съ своею вооруженною дружиною, то Замойскій поручилъ объявить ему, чтобы онъ не смѣлъ показываться въ краковскомъ староствѣ, угрожая въ противномъ

---

*) Роль посредника между Польшею и Даніею въ этомъ спорѣ принялъ на себя бранденбургскій маркграфъ Юрій-Фридрихъ, который уплатилъ даже за Стефана Баторія 30,000 талеровъ, а потому и удержалъ за собою Пильтенъ, въ видѣ залога (Starożytności Polskie, T. II, str. 244).

Прим. перевод.

случаѣ поступить съ нимъ по всей строгости коронныхъ уставовъ. Отнюдь не смущаясь этою угрозою Самуилъ началъ хвастаться тѣмъ, что въѣдетъ въ Краковъ прежде него. Это раздражило еще больше Замойскаго. Когда Самуилъ, тогда же, поѣхалъ къ своей родственницѣ Влодковой, канцлеръ велѣлъ его схватить, арестовалъ въ замкѣ краковскомъ, приставилъ къ нему стражу и обо всемъ донесъ королю. Шляхта, собравшаяся въ большомъ числѣ на судъ въ Краковъ, ходатайствовала объ освобожденіи Самуила, требуя, чтобы канцлеръ отложилъ все дѣло до сейма. Но Замойскій, основываясь на законѣ, по окончаніи слѣдствія, велѣлъ казнить виновнаго за замковыми воротами (26 мая 1584).

Этотъ поступокъ возбудилъ сильное негодованіе во всемъ польскомъ королевствѣ. Шляхта видѣла въ немъ доказательство неограниченнаго самовластія и стѣсненія своихъ правъ. Хотя Зборовскій считался изгнанникомъ, но онъ не былъ лишенъ чести, а въ такомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, канцлеръ долженъ былъ внести дѣло на сеймъ. Зборовскіе и ихъ друзья все болѣе и болѣе подстрекали военное сословіе, такъ что даже извѣстіе о смерти царя Іоанна (18 марта 1584) и, слѣдовательно, удобный предлогъ къ возвращенію остальныхъ утраченныхъ земель, не остановило смятенія въ рѣчипосполитой. Замѣтивъ въ чемъ дѣло, король созвалъ (въ авг.) сенаторовъ на совѣщаніе въ Люблинъ, гдѣ объявилъ, что, имѣя въ рукахъ доказательства противъ Христофора и Андрея Зборовскихъ, онъ, намѣренъ предать ихъ суду сейма. Львовскій архіепископъ Янъ Суликовскій выразилъ мнѣніе, что король обязанъ уничтожить письма, случайно попавшія въ его руки и великодушіемъ обезоружить противниковъ. Многіе сенаторы объявили себя въ пользу этой мысли, но мнѣніе противное одержало верхъ и преданіе суду состоялось.

Сеймики, предшествовавшіе сейму, были необыкновенно бурны. Въ Сродѣ, Прошовицахъ, Висни и въ сендомирскомъ воеводствѣ, шляхта сильно шумѣла противъ произвола правительства и поручила своимъ депутатамъ потребовать на сеймѣ удовлетворенія за невинную смерть Самуила. Въ Сѣрадзѣ и на сеймикахъ мазовец-

кихъ партія канцлера имѣла перевѣсъ. Сеймъ, собравшійся въ началѣ 1585 г. въ Варшавѣ, имѣлъ видъ лагеря. Какъ король, такъ и Замойскій явились туда съ значительною вооруженною свитою. Зборовскіе привели также съ собою множество друзей и предполагали внести въ засѣданіе сейма гробъ съ трупомъ Самуила, а также представить осиротѣвшихъ сыновей его. Баторій нисколько не смутился и занялъ мѣсто въ судѣ, вмѣстѣ съ сенатомъ. Но палата пословъ, послѣ усиленныхъ стараній, добилась, по крайней мѣрѣ, того, что ей было дозволено избрать извѣстное число депутатовъ, которые должны были засѣдать въ судѣ, вмѣстѣ съ сенаторами. Обвинитель упрекалъ Зборовскихъ, а главное Христофора Зборовскаго, въ сношеніяхъ съ Россіею и козаками, направленныхъ ко вреду рѣчипосполитой и заговоръ на жизнь короля. Но такъ какъ обвиненный не предсталъ передъ судомъ, то приговоръ былъ произнесенъ заочно, и согласно этому приговору, онъ былъ лишенъ чести, званія и всего недвижимаго имущества, которымъ онъ владѣлъ, или которое могло бы ему достаться по наслѣдству. Дѣло же брата его Андрея отсрочено до слѣдующаго сейма.

Король, очевидно, одержалъ побѣду, чѣмъ показалъ самымъ вліятельнымъ землевладѣльцамъ, что онъ въ состояніи угомонить каждаго изъ нихъ. Наведя на всѣхъ страхъ, Баторій хотѣлъ сосредоточить всѣ силы рѣчипосполитой, чтобы во первыхъ обезсилить Россію послѣ смерти Іоанна, и затѣмъ поколебать могущество турокъ. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ сношенія съ Римомъ, а новый папа Сикстъ V обѣщалъ ему значительную денежную помощь. Дѣлая приготовленія къ будущей войнѣ съ Россіею, Баторій началъ формировать войско въ Венгріи. Дѣломъ этимъ долженъ былъ заняться варшавскій сеймъ, на которомъ король предполагалъ привлечь на свою сторону шляхту, обезпечивъ за нею ея коронныя права и льготы. Онъ хотѣлъ этимъ шагомъ гарантировать одному изъ своихъ племянниковъ наслѣдство престола. По этому поводу сеймики окончились вездѣ благополучно и депутаты были уполномочены дать свое согласіе на военныя издержки для веденія войны съ Россіею. Все, казалось, предвѣщало хорошую будущность,

какъ вдругъ получено печальное извѣстіе, что король, послѣ нѣсколькодневной болѣзни, скончался въ Гроднѣ, 12 декабря 1586 г., на 54 году своей жизни.

Смерть Стефана Баторія вызвала безпримѣрныя волненія во всей рѣчипосполитой. Теперь именно вступили между собою въ отчаянный бой, двѣ враждебныя партіи. Во главѣ одной стоялъ всемогущій при жизни Баторія, гетманъ и коронный канцлеръ Янъ Замойскій; второю партіею руководили Зборовскіе. Борьба происходила на всѣхъ сеймикахъ. Партія Зборовскихъ роптала на излишнее значеніе Замойскаго и на нарушеніе коронныхъ уставовъ, а партія канцлера утверждала, что все совершалось и совершается согласно уставамъ. На съѣздѣ въ Львовѣ потребовали, чтобы Замойскій сложилъ съ себя званіе гетмана, а сеймикъ въ Прошовицахъ велѣлъ краковскому воеводѣ Тенчинскому нанять 2000 вооруженныхъ людей и занять ими краковскій замокъ. Но краковскій староста, Николай Зебржидовскій, усердный сторонникъ Замойскаго, предупредилъ воеводу и не впустилъ его въ замокъ. Въ эту же эпоху и Литва не могла похвалиться бо̀льшимъ спокойствіемъ, нежели коронныя владѣнія Польши.

Гнѣзненскій архіепископъ Карнковскій обнародовалъ конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ (2 февр. 1587 г.). Многіе свѣтскіе и духовные сановники, а также нѣкоторые землевладѣльцы, не желавшіе примкнуть ни къ одной изъ двухъ партій, сильно хлопотали о возстановленіи согласія. Примасъ уговорилъ даже Замойскаго не являться на избирательный сеймъ, увѣривъ его, что и противная сторона не будетъ имѣть на немъ своихъ представителей. Великій коронный маршалъ Опалинскій, имѣя столкновенія съ познанскимъ воеводою Гуркою, выѣхалъ также изъ Варшавы, какъ скоро не состоялось примиреніе съ противникомъ. За то партія Зборовскихъ прибыла въ огромномъ числѣ. Примасъ занемогъ и во имя любви къ отечеству умолялъ собравшихся сенаторовъ и депутатовъ помириться. Андрей Зборовскій подалъ жалобу о оскорбленіи его рода и требовалъ отмѣны произнесенныхъ приговоровъ, но ему объявили, что конвокаціонный сеймъ занимается единственно

дѣлами, относящимися до избранія короля, а потому, собственно, долженъ уклонить отъ себя все остальное. Точно также, какъ не хотѣли допустить Зборовскихъ къ обсужденію ихъ дѣла, и сторонники Замойскаго были прерываемы, какъ скоро начинали говорить въ его защиту. Одинъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ канцлера Станиславъ Жолкевскій долженъ былъ, даже, выѣхать изъ Варшавы. Наконецъ согласились, чтобъ и Замойскій и партія Зборовскихъ не являлись на мѣсто выборовъ, и ожидали приглашенія на разстояніи двухъ миль. Ихъ увѣрили только, что безъ ихъ участія не совершится избраніе короля. На избирательный съѣздъ (30 іюня) было отведено обыкновенное поле подъ Варшавою, а начальство надъ войскомъ рѣчипосполитой было передано Николаю Гербурту, что было равносильно отнятію гетманской власти у Замойскаго. При этомъ былъ возобновленъ уставъ варшавской конфедераціи 1573 г., относительно сохраненія мира между лицами разныхъ исповѣданій. Но примасъ и другіе епископы воспротивились этому и удалились, такъ что съ трудомъ одинъ епископъ каменецкій Гослицкій согласился подписать актъ. Сверхъ того было рѣшено, что воеводства соберутся (8 мая) вездѣ въ мѣстахъ, опредѣленныхъ уставомъ для, такъ называемаго, смотра, то есть для представленія, которое свидѣтельствовало бы о ихъ боевой готовности. Рѣшенія этого сейма, и въ особенности послѣднее изъ нихъ, нигдѣ не было принято, главное потому, что конвокаціонный сеймъ долженъ былъ только опредѣлить мѣсто и время избранія короля.

Передъ началомъ избирательнаго сьѣзда примасъ и многіе магнаты сильно хлопотали о примиреніи Зборовскихъ съ Замойскимъ. Но усилія ихъ были тщетны, ибо канцлеръ не хотѣлъ принять условій мировой, составленныхъ во время конвокаціи. И такъ обѣ партіи готовились къ столкновенію на избирательномъ полѣ. Зборовскіе привели съ собою около 10,000 вооруженныхъ людей, и на ихъ же сторонѣ былъ познанскій воевода Гурка, одинъ изъ первостепенныхъ магнатовъ. Въ числѣ ихъ партіи слѣпой Чарнковскій, Казимірскій, Пенкославскій и нѣкоторые другіе пользо-

вались популярностію и были извѣстны, какъ хорошіе ораторы. Замойскій явился также съ многочисленною вооруженною свитою и, по случаю траура, въ который облеклись его сторонники послѣ смерти короля, вся партія была прозвана *черною*. Жолкевскій, Острогскій, Опалинскій, подскарбій Дульскій и другіе сенаторы усердно держали сторону Замойскаго. Литва имѣла также не мало представителей, которые, не желая ни во что вмѣшиваться, заняли совершенно особенныя мѣста. Такимъ образомъ составилось какъ бы три лагеря, укрѣпленные валами и орудіями. Многіе изъ магнатовъ и шляхты не примкнули ни къ одной изъ партій и хлопотали только о возстановленіи согласія.

Сенаторы начали собираться для совѣщаній въ обыкновенномъ мѣстѣ или въ такъ называемомъ, навѣсѣ *), а шляхта раздѣлилась на два круга. Конвокаціонный кругъ, то есть, отстаивавшій рѣшенія конвокаціоннаго сейма, состоялъ изъ однихъ сторонниковъ Зборовскихъ. Кругъ противуконвокаціонный или черный, желавшій отмѣны этихъ рѣшеній, какъ противныхъ короннымъ постановленіямъ, состоялъ, изъ сторонниковъ Замойскаго. Борьба продолжалась болѣе 6 недѣль, не только между обоими этими кругами, имѣвшими, даже, особенныхъ маршаловъ, но и между короною и Литвою, которая требовала присоединенія Ливоніи къ великому княжеству. Напрасны были усилія примаса и многихъ другихъ посредниковъ. Обѣ стороны толковали о своей любви къ отечеству и о готовности дѣйствовать согласно со всѣмъ, что имѣло въ виду его благо, а между тѣмъ упрямо стояли на своемъ. Дѣло не могло, даже, дойти до опубликованія мировой, и обѣ стороны обвиняли другъ друга въ прибытіи на совѣщанія съ оружіемъ въ рукахъ. Въ конвокаціонномъ кругѣ начали поговаривать о составленіи конфедераціи и даже былъ опредѣленъ день, когда предполагалось къ ней приступить. Раздраженіе достигло такихъ размѣровъ, что (2 авг.) войска обѣихъ партій готовы были сразиться и только примасу и нѣкоторымъ сенаторамъ удалось пріостановить

*) Szopa—навѣсъ, сарай.

кровопролитіе. Въ взаимныхъ дракахъ недостатка не было, и примасъ, желая приблизить время генеральнаго собранія обѣихъ сторонъ для общаго совѣщанія, велѣлъ тайно сжечь навѣсъ.

Среди этой внутренней неурядицы рѣшительно невозможно было думать о согласномъ избраніи короля, такъ какъ не могло послѣдовать соглашенія въ самыхъ принципахъ. Партія Зборовскихъ, поддерживаемая папскимъ легатомъ Аннибаломъ изъ Капуи, не смотря на то, что была составлена бо́льшею частью изъ иновѣрцевъ, дѣйствовала въ пользу австрійскаго дома. Замойскій, вмѣстѣ съ королевою вдовою, хотѣлъ возвести на престолъ ея племянника шведскаго королевича Сигизмунда. Литовцы и многіе коронные землевладѣльцы, мечтавшіе о расширеніи предѣловъ рѣчипосполитой, желали имѣть королемъ царя московскаго Ѳедора, но не могли расчитывать на успѣхъ. Многіе выразили желаніе, чтобы король былъ непремѣнно полякъ. Когда въ пользу царя и пяста высказалось меньшинство, остались, собственно, два кандидата—эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ и королевичъ шведскій Сигизмундъ. Единогласіе въ пользу одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ было до тѣхъ поръ немыслимо, пока обѣ главныя партіи совершенно расходились въ своихъ воззрѣніяхъ. Примасъ, хлопотавшій о примиреніи, потерялъ, наконецъ, всякую надежду и со многими сенаторами перешелъ на сторону канцлера, что и порѣшило выборъ Сигизмунда (10 авг. 1587 г.). Партія Зборовскихъ, три дня спустя, провозгласила королемъ Максимиліана. Литва, не желая объявить себя ни въ пользу однаго, ни въ пользу другаго, требовала признанія обоихъ выборовъ недѣйствительными и передачи всего избирательнаго дѣла сеймикамъ, или же рѣшенія дѣла помощію жребія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы къ двумъ уже избраннымъ королямъ присоединить и московскаго царя. Но требованіе Литвы было отвергнуто.

Обѣ партіи составили, не медля, съ уполномоченными избранныхъ ими кандидатовъ условія, на которыхъ признавалась за ними власть. Отъ имени эрцгерцога австрійскаго обѣщали все то, къ чему Максимиліанъ обязывался, десять лѣтъ тому назадъ. Шведское же

посольство объявило, что Сигизмундъ возвратитъ Эстонію, освободитъ рѣчьпосполитую отъ уплаты суммъ, слѣдовавшихъ его отцу, откажется отъ доставшейся на его долю части наслѣдства послѣ бабки Боны, соорудитъ флотъ на балтійскомъ морѣ и построитъ на собственныя средства, вдоль границы, пять замковъ, въ пунктахъ наиболѣе соотвѣтствующихъ. Сверхъ того, было включено въ договоръ или въ такъ называемые, *pacta conventa*, подтвержденіе всѣхъ національныхъ правъ и льготъ, къ сохраненію которыхъ обязывались Генрихъ и Баторій.

Главнымъ образомъ энергическое и поспѣшное дѣйствіе должно было рѣшить, которая партія окончательно одержитъ верхъ. Партія Замойскаго, для поддержанія своего избранника объявила съѣздъ въ Вислицѣ, откуда предполагалось отправиться въ Краковъ (17 окт.) на коронацію Сигизмунда. Замойскій, уполномоченный выступить съ войскомъ для защиты рѣчипосполитой, противъ Максимиліана, ожидавшаго въ Ольмюцѣ результата выборовъ, взялъ для этой цѣли у королевы Анны 100,000 злот. и поспѣшилъ со всѣми своими вооруженными силами въ Краковъ. Зборовскіе выступили также не медля и заняли Вислицу, чтобы не допустить осуществленія съѣзда. Когда же Замойскій началъ укрѣплять Краковъ, Максимиліанъ написалъ къ нему весьма вѣжливое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, въ непродолжительномъ времени, прибудетъ въ столицу на коронацію, гдѣ надѣется встрѣтить такой пріемъ, какой подобаетъ королю, избранному цѣлымъ народомъ. Канцлеръ отвѣтилъ немедленно, что законнымъ образомъ избранъ въ короли Сигизмундъ и что эрцгерцога ввели въ заблужденіе. Если же онъ намѣренъ перейти границу рѣчипосполитой съ войскомъ, тогда самъ будетъ виновникомъ всѣхъ могущихъ произойти непріятныхъ послѣдствій.

Поручивъ оборону Кракова Зебржидовскому, Замойскій отправился въ Вислицу, оцѣпилъ ее вооруженными людьми и подъ самымъ городомъ, въ открытомъ полѣ, устроилъ (5 окт.) объявленный съѣздъ. Этотъ съѣздъ не могъ быть многочисленнымъ, ибо и Великопольша и Русь имѣла на немъ весьма мало представите-

лей, а Литва держала себя совершенно въ сторонѣ. Не смотря на это выборъ Сигизмунда былъ утвержденъ, коронація отсрочена до 27 ноября, а сторонниковъ Максимиліана, если бы они рѣшились поддерживать его съ оружіемъ въ рукахъ, объявили врагами отечества. Когда во время совѣщаній пришла вѣсть, что эрцгерцогъ, присягнувъ въ Ольмюцѣ на pacta conventa, приближается съ войскомъ уже къ польскимъ границамъ, къ нему отправлены были послы съ требованіемъ не волновать спокойствія рѣчипосполитой, избравшей себѣ въ короли другое лицо. Въ тоже время Замойскій былъ уполномоченъ употребить всѣ средства, какія признаетъ нужными для защиты отечества.

Извѣщенный, что Зборовскіе ведутъ въ Ольштынъ подкрѣпленія для Максимиліана, Замойскій хотѣлъ отрѣзать имъ путь, но это ему не удалось. Но за то онъ перехватилъ письмо Яна Зборовскаго, въ которомъ послѣдній совѣтовалъ Максимиліану арестовать пословъ вислицкаго съѣзда. Это побудило Замойскаго самому прибѣгнуть къ такой же мѣрѣ и онъ велѣлъ остановить посла Максимиліана, а самъ, не теряя времени, поспѣшилъ въ Краковъ. Между тѣмъ эрцгерцогъ, занявъ Бендзинъ и другіе менѣе значительные города, не рѣшавшіеся сопротивляться ему, приблизился къ Кракову. Замѣтивъ однако полную готовность къ оборонѣ, онъ не могъ атаковать городъ съ немногочисленнымъ своимъ войскомъ, а потому отступилъ сперва къ Раковицамъ, а потомъ къ Могилѣ, гдѣ вступилъ въ переговоры съ противною партіею или, вѣрнѣе, съ Замойскимъ. Объявивъ себя другомъ рѣчипосполитой, Максимиліанъ давалъ обѣщаніе сохранить въ цѣлости всѣ ея права и льготы, какъ скоро вступитъ на престолъ и увѣрялъ, что, цѣня Польшу выше всего, онъ готовъ, даже, пролить за нее свою кровь. Когда же подобныя заявленія не достигли ожидаемаго результата, онъ составилъ въ Могилѣ нѣчто въ родѣ генеральнаго съѣзда, откуда, именуя себя уже польскимъ королемъ, разослалъ повсюду универсалы съ приказаніемъ являться къ нему въ лагерь въ полномъ вооруженіи, какъ прилично вѣрноподданнымъ.

Максимиліанъ, которому Зборовскіе, Гурка и Язловецкій привели изъ Польши болѣе трехъ тысячъ вооруженныхъ людей, разсчитывалъ еще на другія подкрѣпленія. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, составленный изъ силезцевъ и нѣмцевъ проходилъ мимо Рабштына, оборона котораго была поручена Голубку. Послѣдній неожиданно напалъ на отрядъ и съ помощію олькушскихъ рудокоповъ разбилъ его совершенно. Когда всѣ переговоры оказались безуспѣшными, Максимиліанъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію. Войдя въ тайныя соглашенія съ нѣмцами, жившими въ предмѣстьи Гарбарскомъ, онъ занялъ его (23 нояб.) и пользуясь туманомъ, подошелъ къ самымъ шевскимъ воротамъ. Бдительность Замойскаго парализировала покушеніе. Дѣло дошло до кровопролитнаго боя, въ которомъ войско Максимиліана претерпѣло пораженіе и потеряло около 2,000 убитыми, 2 знамени и 8 орудій съ гербами познанскаго воеводы Гурки. Замойскій перевелъ нѣмцевъ въ городъ, а предмѣстье велѣлъ сжечь. Максимиліанъ долженъ былъ опять отступить отъ Кракова, не достигнувъ цѣли.

Во время этихъ событій въ Польшѣ, на долю Лесніовольскаго и другихъ пословъ, отправленныхъ въ Швецію, выпала также весьма затруднительная миссія. Янъ отецъ Сигизмунда,—даже слышать не хотѣлъ о уступкѣ Эстоніи, а потому медлилъ отъѣздомъ сына. Къ тому же и сенатъ шведскій не соглашался на уступку этой провинціи и даже обязалъ Сигизмунда дать передъ отъѣздомъ обѣщаніе, что не только не допуститъ отдѣленія какой бы то ни было шведской провинціи, но и не употребитъ шведскаго флота въ интересахъ Польши; что въ случаѣ наслѣдованія послѣ отца шведскаго престола, онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, всякіе три года пріѣзжать въ Швецію на болѣе продолжительный срокъ, а во время своего отсутствія предоставитъ управленіе страною особенному регентству, въ составъ котораго войдутъ и уполномоченные его дяди Карла. Въ заключеніе всего онъ долженъ былъ обѣщать также, что не приведетъ съ собою въ Швецію католиковъ. Только послѣ такихъ переговоровъ Сигизмундъ получилъ дозволеніе отплыть въ Польшу. Прибывъ въ Данцигъ съ 24-мя кораблями, онъ не хотѣлъ высадиться на бе-

регъ, пока высланные къ нему на встрѣчу уполномоченные не увѣрятъ его, что при жизни его отца, рѣчьпосполитая не будетъ требовать возвращенія Эстоніи. Обрядъ присяги совершился въ Оливѣ, такъ какъ жители Данцига не хотѣли допустить совершенія церемоніи въ своемъ соборѣ. Сигизмундъ присягнулъ на всѣ пункты и тогда только направился къ Данцигу. Здѣсь онъ получилъ приказаніе отъ отца—отказаться отъ дальнѣйшаго искательства польской короны и возвратиться въ Швецію. Но Сигизмундъ, не обращая на это вниманія, направился, съ собиравшимся къ нему рыцарствомъ, въ Піотрковъ, гдѣ послѣ съѣздовъ, происходившихъ въ Ютрошинѣ, Велюнѣ и Крженицахъ, къ нему явилось много великополянъ и сѣрадзцевъ. Какъ скоро Максиміліанъ получилъ извѣстіе о движеніи Сигизмунда, онъ направилъ противъ него 2-хъ тысячный отрядъ съ цѣлію отрѣзать ему путь въ Краковъ. Отрядъ этотъ разбилъ горсть поляковъ подъ Пржедборжемъ, но не достигнулъ цѣли. Сигизмундъ двинулся по другой дорогѣ, черезъ Новое Мѣсто, Корчинъ и Величку, и 9 декабря торжественно въѣхалъ въ Краковъ. Максиміліанъ отступилъ (30 нояб.) къ Крженицамъ. Въ Корчинѣ Сигизмундъ получилъ второе письмо отъ отца, въ которомъ повторенъ былъ вызовъ о возвращеніи въ Швецію.

Почти три недѣли продолжались споры на счетъ Эстоніи и другихъ условій, выговоренныхъ при избраніи Сигизмунда, послѣ чего совершена была коронація (27 дек.). На это замедленіе имѣло также вліяніе отсутствіе литовцевъ, которые, собравшись въ Брестѣ литовскомъ, снарядили посольство въ Краковъ, только послѣ весьма продолжительныхъ совѣщаній. Въ то время когда сеймъ коронаціонный старался уладить всѣ затрудненія и, наказывая строго всѣхъ, поддерживавшихъ оружіемъ Максиміліана, хотѣлъ, какъ можно скорѣе, умиротворить разъединенную рѣчьпосполитую, Замойскій выступилъ противъ эрцгерцога. Заставивъ его очистить Велюнь, онъ перешелъ границу и подступилъ (24 янв. 1588 г.) къ Бычыну, гдѣ одержалъ полную побѣду надъ противникомъ. Максиміліанъ съ цѣлымъ войскомъ попался въ плѣнъ. Иноземныхъ солдатъ, а также поляковъ, Замойскій отпустилъ на свободу, но

польскихъ начальниковъ отправилъ въ тюрьму. Максимиліанъ былъ заключенъ въ Красноставѣ, впредь до окончанія переговоровъ съ австрійскимъ домомъ.

Во время послѣдняго похода Замойскаго, переговоры шли своимъ порядкомъ съ литовскимъ посольствомъ, которое роптало, что и избраніе короля, и коронація совершились безъ содѣйствія литовцевъ. Литва не переставала требовать и теперь уступки Ливоніи, отмѣны разныхъ злоупотребленій и гарантіи, что коронная Польша безъ Литвы ничего предпринимать не будетъ. Въ самый день дѣла подъ Бычиномъ, литовскіе послы получили прежде сейма извѣстіе о побѣдѣ. Желая воспользоваться нѣсколькими минутами неизвѣстности, въ которой находились коронныя сословія на счетъ результатовъ боя, они начали стращать безотлагательнымъ отъѣздомъ, если сеймъ не согласится, по крайней мѣрѣ, на присоединеніе къ Литвѣ половины Ливоніи. Угроза подѣйствовала: сеймъ согласился на требованіе литовскихъ уполномоченныхъ, которые, въ замѣнъ этой уступки, признали Сигизмунда королемъ. Послѣ полученія донесенія о побѣдѣ подъ Бычиномъ, было уже поздно взять назадъ состоявшееся рѣшеніе. Вскорѣ всѣ должны были признать Сигизмунда королемъ.

Польша не имѣла особенныхъ поводовъ радоваться избранію Сигизмунда. Король этотъ, воспитанный іезуитами, былъ постоянно орудіемъ чужеземной политики. Склонный къ интригамъ, недоступный, онъ навлекалъ, нерѣдко, на рѣчьпосполитую большія волненія. Въ то же время, слѣдуя влеченію іезуитскаго фанатизма, онъ нарушалъ свободу совѣсти, что заставляло иновѣрцевъ отстаивать свои права, самымъ отчаяннымъ образомъ. Его царствованіе было, во всѣхъ отношеніяхъ, вредно для Польши, ибо ввергло ее въ хаосъ анархіи, изъ котораго она уже не могла вытти впослѣдствіи.

Плѣнъ Максимиліана вынуждалъ австрійское правительство спѣшить съ переговорами. Прибывшій вскорѣ въ Польшу папскій легатъ Ипполитъ Альдобрандини взялъ на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Съѣздъ уполномоченныхъ въ Бендзинѣ (8 марта 1589) рѣшилъ, что Максимиліанъ отречется отъ титула польскаго короля,

и что Любомля, занятая его войскомъ, будетъ возвращена Польшѣ. Договоръ этотъ долженъ былъ подписать императоръ, вмѣстѣ съ чешскими и венгерскими сословіями, затѣмъ Сигизмундъ и, наконецъ, Максимиліанъ. Хотя австрійскій домъ не выполнилъ всѣхъ условій этого договора, Максимиліанъ былъ, однакожъ, выпущенъ на свободу*).

Сеймъ, собравшійся (въ мартѣ) въ Варшавѣ, отличался бурнымъ характеромъ. На этомъ сеймѣ предполагалось обсудить порядокъ избранія королей, для чего была назначена особенная коммиссія. Но когда духовенство хотѣло непремѣнно выговорить, чтобы король исповѣдывалъ всегда римско-католическую вѣру, а свѣтскіе полагали, что достаточно установить, чтобы король былъ католикъ, когда, затѣмъ, послѣдніе требовали, чтобы кандидаты изъ австрійскаго дома были навсегда исключены, — дѣло это, столь важное, не подвинулось ни на шагъ впередъ. За то было взято назадъ рѣшеніе коронаціоннаго сейма противъ сторонниковъ Максимиліана, которые получили совершенное помилованіе. Сеймъ позволилъ королю выѣхать въ Ревель, для свиданія съ отцемъ, обратившимся для этого къ нему съ просьбою. На счетъ средствъ къ уплатѣ войску жалованья за прошлое время и о обезпеченіи восточныхъ границъ отъ набѣговъ татаръ — сеймъ ничего не постановилъ, хотя набѣги козаковъ въ турецкія земли заставляли разсчитывать на такое же возмездіе.

Въ августѣ того же года (1589) Сигизмундъ отправился въ Ревель. По дорогѣ, въ Вильнѣ, онъ получилъ извѣщеніе отъ Замойскаго, что русскимъ землямъ угрожаетъ нападеніе многочисленныхъ татарскихъ полчищъ. Вмѣсто того, чтобы возвратиться съ своимъ дворомъ, для принятія мѣръ къ защитѣ владѣній рѣчипосполитой, которымъ угрожала явная опасность, — король отпра-

---

*) Максимиліанъ пробылъ въ красноставскомъ замкѣ цѣлый годъ, подъ ближайшимъ надзоромъ люблинскаго воеводы Марка Собѣскаго. Его сопровождали до границы Гослицкій и Зебржидовскій. Въ настоящее время слѣды этого замка исчезли—послѣднія развалины были разобраны въ 1823 году.

Прим. перевод.

вился въ дальнѣйшее путешествіе, и ограничился только разсылкою универсаловъ, приказывая войску собраться для отраженія наѣздниковъ. Замойскій приглашалъ также къ оружію и шляхту, но почти всѣ обольщали себя ошибочнымъ мнѣніемъ, будто-бы это вѣсть невѣрная, и начали дѣлать сборы лишь тогда, когда уже было слишкомъ поздно. Татары опустошили Волынь, Подолію и русское воеводство*) и хотя въ нѣкоторыхъ встрѣчахъ понесли чувствительныя потери, однакожъ причинили названнымъ провинціямъ много бѣдствій. Къ тому же пришло извѣстіе, будто бы, турецкій султанъ, раздраженный наѣздами козаковъ, произведшихъ въ его владѣніяхъ не мало опустошеній, назначилъ на берегахъ Дуная сборный пунктъ для огромной арміи, съ которою предполагалъ вторгнуться въ Польшу. Для обсужденія средствъ къ защитѣ съѣхались въ Львовъ Замойскій и нѣкоторые русскіе вельможи. Въ ожиданіи того, что рѣчьпосполитая станетъ подъ ружьемъ, гетманъ долженъ былъ укрѣпить Львовъ, а Язловецкій защищать Каменецъ противъ турокъ. Въ то же время было разослано воззваніе и къ прочимъ воеводствамъ, чтобы они готовились ко всеобщему ополченію. Примасъ Карнковскій, извѣщенный также объ опасности, угрожавшей отечеству, созвалъ сенаторовъ въ Ленчицу на конвокацію, гдѣ было рѣшено, съ каждыхъ 10 лановъ, снарядить одного вооруженнаго копейщика.

Между тѣмъ, когда такая буря готова была разразиться надъ рѣчьюпосполитою, король пріѣхалъ въ Ревель (7 сент.) и преспокойно провелъ тамъ съ отцомъ болѣе мѣсяца. Сенаторы, сопровождавшіе его въ этомъ путешествіи, замѣтивъ тайныя частыя совѣщанія съ отцомъ, заподозрили его въ намѣреніи послѣдовать наущеніямъ отца, и покинуть Польшу. Догадывались даже въ существованіи какихъ-то тайныхъ соглашеній съ австрійскомъ домомъ, въ силу которыхъ эрцгерцоги Максимиліанъ или Эрнестъ долженъ былъ, будто-бы, жениться на сестрѣ Сигизмунда, Аннѣ, сдѣлаться польскимъ королемъ, и за то уступить Швеціи Ливонію.

---

*) Нынѣшняя Бѣлоруссія. *Прим. перевод.*

Эти догадки сильно тревожили сенаторовъ, бывшихъ въ Ревелѣ. Вотъ почему они начали настаивать, чтобы Сигизмундъ, въ виду опасности, угрожавшей рѣчипосполитой, возвратился, какъ можно скорѣе; когда же онъ медлилъ исполнить это требованіе, они объявили, что сами уѣдутъ. Безпорядки въ самомъ шведскомъ гарнизонѣ въ Ревелѣ, который отказывалъ въ повиновеніи, если Сигизмундъ не выѣдетъ въ Польшу, склонили, наконецъ, обоихъ королей разстаться съ собою. Но сенаторы должны были поручиться, что Сигизмунду будетъ предоставлена возможность вскорѣ прибыть въ Швецію.

Тотчасъ же послѣ своего возвращенія, Сигизмундъ обнародовалъ универсалы, по которымъ сеймъ долженъ былъ происходить въ Варшавѣ 8 марта 1590 г., воеводствамъ же поручалось заняться на сеймикахъ обсужденіемъ мѣръ, необходимыхъ для обороны отечества. Вездѣ единогласно была взвѣшена серьезность положенія, тѣмъ болѣе, что и Максимиліанъ, все еще титуловавшій себя польскимъ королемъ, не хотѣлъ приступить къ бендзинскому договору. Сеймъ, слѣдовательно, былъ готовъ на все въ ту минуту, когда прибывшій изъ Стамбула Чижевскій донесъ сословіямъ, что посолъ Уханьскій умеръ, передъ самою аудіенціею у султана, а великій визирь Синай угрожаетъ войною, если Польша не обяжется платить гарачъ. Было также рѣшено установить новый поголовный налогъ для найма войска и обнародовать ополченіе, и дано правительству полномочіе произвести, не медля, заемъ на сумму 1,500,000 поль. зл. для покрытія военныхъ издержекъ. Наемное войско, вмѣстѣ съ козаками, должно было состоять изъ 40,000 пѣхоты и 70,000 конницы. При этомъ гетманамъ была предоставлена болѣе обширная власть. Не смотря, однакожъ, на всѣ эти приготовленія, королевскій секретарь, Янъ Замойскій, герба Гржимала, отправленъ въ Турцію, въ качествѣ посланника. Сеймъ навсегда лишилъ Максимиліана престола и въ то же время постановилъ, что всякій, кто рѣшится, въ случаѣ междуцарствія, предложить его въ качествѣ кандидата, будетъ считаться безчестнымъ.

Съ этими рѣшеніями не соглашался примасъ, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Варшаву до закрытія сейма.

Въ то время, когда въ Польшѣ, не смотря на неудовольствіе, возбужденное поголовнымъ налогомъ, военныя вооруженія производились въ громадныхъ размѣрахъ—Замойскій, отправленный въ Стамбулъ, работалъ надъ возстановленіемъ мира. Сначала его попытки были безуспѣшны, и только послѣ паденія великаго визиря Синая, вліяніе и значеніе котораго подорвалъ англійскій посланникъ, — дѣло дошло до переговоровъ. Его преемникъ Ферратъ, менѣе заклятый противникъ христіанъ, согласился на вѣчный миръ, на началахъ довольно справедливыхъ. Гетманъ, узнавъ объ этомъ своевременно, пріостановилъ тотчасъ же дальнѣйшія приготовленія къ войнѣ и сборъ налоговъ.

Между тѣмъ примасъ, согласившись съ познанскимъ воеводою Гуркою, созвалъ (10 авг.) въ Колѣ генеральный съѣздъ великополянъ, на которомъ заявленъ былъ рѣзкій протестъ противъ излишней власти Замойскаго, противъ нарушенія коронныхъ уставовъ и противъ всѣхъ рѣшеній послѣдняго сейма; при чемъ утверждали, что всѣ эти ужасы турецкой войны разсчитаны единственно на увеличеніе власти Замойскаго, который произвольно распоряжается всею рѣчьюпосполитой. Внеся въ протоколъ всѣ эти нарушенія законовъ, съѣздъ отправилъ многочисленную депутацію къ королю съ просьбою о скорѣйшемъ созваніи сейма. Сигизмундъ сдѣлалъ, правда, участникамъ съѣзда строгій выговоръ за то, что они, безъ его вѣдома и позволенія, устраиваютъ многочисленныя сборища, какъ будто, во время междуцарствія, но, въ то же время, исполнилъ ихъ просьбу на счетъ созванія сейма. Этотъ необыкновенно бурный сеймъ открылся въ Варшавѣ (3 дек.). Послѣ весьма оживленныхъ преній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, сейму удалось съ большимъ трудомъ разрѣшить нѣкоторыя общественныя дѣла. Рѣшенія предшествовавшаго сейма, относительно военныхъ приготовленій противъ Турціи, признаны недѣйствительными. Для удовлетворенія войска, которое прибѣгало, даже къ насилію, былъ

назначенъ лановый и чоповый налоги *), а сеймикамъ поручено избрать судей съ полномочіемъ изслѣдовать убытки, которые причинили обывателямъ солдаты не получившіе жалованія. На этомъ же сеймѣ былъ уничтоженъ приговоръ, произнесенный прежде надъ Христофоромъ Зборовскимъ, но ему, въ то же время, запрещено возвращеніе въ отечество до истеченія 20-лѣтняго срока. Рѣшеніе, лишающее Максимиліана, навсегда, польскаго престола, было вновь подтверждено, хотя австрійское посольство требовало его отмѣны.

Едва немного утихла одна буря — Сигизмундъ возбудилъ, не медля, другую. Прибывъ въ Краковъ (1 апр. 1591) и слѣдуя внушеніямъ іезуитовъ и нѣкоторыхъ магнатовъ, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ австрійскимъ домомъ, на счетъ руки Анны, дочери австрійскаго эрцгерцога Фердинанда и отправилъ къ императору Рудольфу II, съ конфиденціональнымъ порученіемъ, вновь назначеннаго краковскаго епископа—кардинала Радзивилла. Когда, однакожъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ созвалъ сенаторовъ на конвокацію въ Неполомицы, какъ по дѣлу о предполагаемомъ бракѣ, такъ и для заключенія болѣе продолжительнаго перемирія съ Московіею, — большинство объявило себя рѣшительно противъ подобнаго брака. Съ Московіею состоялось одиннадцатилѣтнее перемиріе, а что касается брака, Сигизмундъ обѣщалъ не предпринимать ничего безъ вѣдома и воли сословій. Это была, не болѣе, какъ увертка, чтобы, на время, унять бурю и устранить препятствія. Въ дѣйствительности же переговоры не прекращались, а частыя взаимныя посольства только увеличивали подозрѣнія большинства

*) Подать эта, взимавшаяся съ вина, была извѣстна еще въ началѣ XVI столѣтія. Въ Польшѣ шляхта, какъ извѣстно, была освобождена отъ податей, за исключеніемъ, одного порадльнаго, существовавшаго до половины XVII столѣтія. Слѣдовательно чоповымъ могли быть обложены лишь мѣщане и содержатели корчемъ, въ казенныхъ или духовныхъ имѣніяхъ. Уставомъ 1629 года былъ опредѣленъ размѣръ этого налога. Такъ, между прочимъ, съ привознаго пива данцигскаго или бреславльскаго оплачивалось $1/4$ часть стоимости; съ вина внутренняго изготовленія взималось лишь $1/8$ часть цѣнности. (См. Starożytności Polskie, T. I, str. 183). *Прим. перевод.*

шляхты. При этомъ произошло еще и другое обстоятельство. Толпы горожанъ и учениковъ, поджигаемые, вѣроятно, подстрекателями, бросились въ Краковѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ на евангелическія кирки и сравняли ихъ, почти съ землею. За такое очевидное насиліе Сигизмундъ никого не подвергнулъ отвѣтственности, отговариваясь тѣмъ, что нельзя было открыть дѣйствительныхъ виновниковъ этого беззаконія. Землевладѣльцы-иновѣрцы, чувствуя себя оскорбленными и собравшись на съѣздѣ въ Хмѣльникахъ, снарядили оттуда депутацію къ королю съ требованіемъ не допускать посягательствъ на гарантированную свободу совѣсти. Отвѣтъ короля не удовлетворилъ недовольныхъ, а это подало поводъ къ новому съѣзду въ Радомѣ.

Молодой король своимъ поведеніемъ содѣйстовалъ тому, что ряды недовольныхъ съ каждымъ днемъ увеличивались. Во главѣ антагонистовъ двора, въ которомъ главную роль играли іезуиты, ханжи или люди, предпочитавшіе всему свои собственные интересы,—находился Янъ Замойскій, жаловавшійся на короля за то, что онъ придавалъ весьма мало вѣса его совѣтамъ. Враги же Замойскаго примкнули къ королевской партіи не изъ убѣжденія, но главное для того, чтобы, тѣмъ вѣрнѣе, поколебать его могущественное вліяніе въ рѣчипосполитой. Когда, вслѣдъ затѣмъ, во время засѣданій судовъ трибунальскихъ, канцлеръ собралъ въ Люблинѣ (9 апр. 1592) многочисленный съѣздъ шляхты, — на немъ явилось также не мало сторонниковъ двора. Совѣщанія были бурны. Партія канцлера внесла обвиненіе, будто-бы, король тайно договаривается съ австрійскимъ домомъ на счетъ передачи престола одному изъ эрцгерцоговъ, самъ же хочетъ ѣхать въ Швецію. Обвиненіе было подкрѣплено многими письмами. Сторонники двора утверждали, что всѣ свѣдѣнія о заграничныхъ сношеніяхъ лишены основанія, а письма поддѣльныя. Обѣ партіи не могли между собою примириться, а потому отправили отдѣльныя депутаціи къ королю. Уполномоченные отъ недовльныхъ дворомъ требовали созванія сейма, прежде нежели совершится бракъ короля съ Анною,

слѣдствія противъ, такъ называемыхъ, практикантовъ *) и обезпеченія, что родство съ австрійскимъ домомъ не принесетъ вреда рѣчипосполитой. Уполномоченнымъ было при этомъ предоставлено право издать универсалы, сзывающіе новый генеральный съѣздъ въ Ендржеевѣ, въ случаѣ если король не исполнитъ этихъ требованій. Вторая же депутація была уполномочена объявить, что опасеніе практикъ—воображаемо, что, затѣмъ, нѣтъ повода прибѣгать къ болѣе строгимъ мѣрамъ, или же къ отсрочкѣ брака, впредь до созванія сейма. Ободренный послѣднею депутаціею, Сигизмундъ увѣрялъ, правда, что никогда не думалъ и не думаетъ объ уступкѣ польскаго престола и не входилъ въ никакія тайныя сношенія съ австрійскимъ дворомъ, что подтвердилъ, даже, особеннымъ письменнымъ ручательствомъ, но что касается вопроса объ отсрочкѣ брака съ Анною до сейма, отвѣтилъ, что на это въ никакомъ случаѣ согласиться не можетъ, безъ оскорбленія всего австрійскаго дома. Онъ обѣщалъ только созвать сеймъ въ Варшавѣ (6 сент.) и начать на немъ слѣдствіе противъ иноземныхъ практикъ, чтобы совершенно обнаружить свою невинность. Уполномоченные остались недовольны этимъ рѣшеніемъ и разослали универсалы на съѣздъ ендржеевскій, назначенный на день 1 іюня.

Послѣ пріема, сдѣланнаго посламъ люблинскаго съѣзда, Анна прибыла (26 мая) въ Краковъ, гдѣ, съ неимовѣрною роскошью, совершались свадебныя пиршества. Въ то же время многочисленная шляхта собралась подъ Ендржеевымъ, гдѣ дурное правленіе и иноземныя козни подверглись еще болѣе рѣзкимъ нападкамъ. Не подлежало сомнѣнію, что встрѣтятся трудности къ успокоенію раздраженныхъ умовъ, тѣмъ болѣе что подозрѣнія не были лишены основанія. Главнымъ образомъ роптали за то, что король вступаетъ въ бракъ безъ вѣдома и дозволенія сейма, что онъ содержитъ при дворѣ много иностранцевъ, что не присоединяетъ къ владѣніямъ рѣчипосполитой Эстоніи, согласно обязательствамъ

*) Практикантами называли въ то время лицъ, имѣвшихъ политическія сношенія съ австрійскимъ домомъ, которыя считались во вредъ рѣчипосполитой.

Прим. перевод.

шведскихъ пословъ, что при раздачѣ должностей не принимаются въ соображенie заслуги, что отъ канцелярiи исходятъ распоряженiя, противныя уставамъ, что съ иностранцами заводятся козни въ ущербъ государству и т. п. Не смотря на это, рѣшено было отложить все до сейма, съ тою, однакожъ, оговоркою, что если бы король вздумалъ отсрочить сеймъ — всѣ должны собраться на новый съѣздъ (7 сент.) подъ Варшавою. Съ такимъ рѣшенiемъ отправились послы въ Краковъ. Король и окружавшiе его сенаторы порицали, правда, подобнаго рода съѣзды, но, въ то же время, обѣщали, что всѣ справедливыя требованiя будутъ удовлетворены на ближайшемъ сеймѣ.

Одновременно съ сеймомъ съѣхалось въ Волѣ подъ Варшавою все краковское воеводство, чтобы поддержать ендржеевскiя рѣшенiя, такъ какъ знали, что королевская партiя одержала побѣду на сеймикахъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ. Сеймъ долго не могъ притти къ соглашенiю. Одна партiя желала, прежде всего, инквизицiи (слѣдствiя) надъ практикантами и удаленiя отъ должностей лицъ, занявшихъ ихъ, вопреки уставамъ. Другая партiя настаивала на выслушанiи предложенiй, поступившихъ отъ короля. Послѣ пренiй, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, какъ въ посольской палатѣ, такъ равно и въ сенатѣ, первая партiя одержала верхъ, не смотря на заявленiе Сигизмунда (28 сент.), что онъ никогда не выѣдетъ изъ рѣчипосполитой, безъ согласiя сословiй, что никого не будетъ преслѣдовать за предшествовавшiе съѣзды, собиравшiеся съ добрыми намѣренiями и что положитъ преграду всевозможнымъ markup козням. Во время слѣдствiя были предъявлены письма съ собственноручною подписью Сигизмунда, свидѣтельствовавшiя самымъ очевиднымъ образомъ о его намѣренiи уступить престолъ эрцгерцогу Эрнесту. Король отказался отъ своей подписи, утверждая, что она поддѣлана однимъ изъ его секретарей. Лицо, указанное королемъ, было подвергнуто строгому слѣдствiю, но и пытками нельзя было принудить его къ сознанiю, будто бы, имъ была поддѣлана на письмахъ королевская подпись. Партiя, противная слѣдствiю, добилась, наконецъ, происками того, что не былъ утвержденъ

уставъ, устраняющій навсегда австрійскій домъ отъ польскаго престола, не опредѣленъ порядокъ избранія короля, не удалены отъ должностей люди, получившіе ихъ незаконнымъ образомъ, и наконецъ не было произведено слѣдствія надъ практикантами. Время сессіи, опредѣленное уставами, прошло въ однихъ спорахъ и такъ всѣ должны были разъѣхаться, не придя ни къ какому рѣшенію. Сеймъ этотъ получилъ названіе инквизиціоннаго.

Спустя мѣсяцъ послѣ закрытія сейма, умеръ (24 нояб.) король шведскій Іоаннъ. Сигизмундъ получилъ весьма поздно вѣсть о смерти отца (въ янв. 1593) и, тотчасъ же назначилъ сеймъ въ Варшаву (на 4 мая), чтобы получить согласіе сословій на отъѣздъ въ Швецію.

Между тѣмъ русскія провинціи сдѣлались театромъ ужасныхъ насилій. Козацкій гетманъ Косинскій опустошалъ помѣстья кн. Острогскихъ и ихъ друзей и взялъ, даже, нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тщетны были распоряженія короля и Замойскаго. Острогскимъ и ихъ друзьямъ пришлось собрать собственныя полчища. Подъ городомъ Піонткемъ *) произошелъ (2 февр.) бой. Косинскій, потерявъ болѣе 3,000 человѣкъ, почти всѣ знамена и всю полевую артиллерію, положился на милость и получилъ прощеніе, какъ скоро обѣщалъ, что съ этой минуты будетъ вести себя совершенно спокойно. Вскорѣ однакожъ, съ вновь набранными козаками, онъ подступилъ къ Черкасамъ, гдѣ должность старосты исполнялъ Висневецкій. Косинскій погибъ въ этомъ походѣ, а товарищи его разбѣжались.

Сеймъ варшавскій былъ столь же буренъ, какъ вообще всѣ сеймики. Большинство шляхты не желало отъѣзда короля въ Швецію, главное изъ опасенія, что онъ навсегда оставитъ Польшу. Дѣло едва не дошло до прерванія сейма, но, наконецъ, когда король далъ торжественное обѣщаніе возвратиться изъ Швеціи, по разрѣшеніи болѣе важныхъ дѣлъ, — въ сеймѣ послѣдовало соглашеніе.

---

*) Піонтекъ—мѣстечко бывшаго ленчицкаго воеводства, вблизи Варшавы, нѣкогда принадлежало гнѣзненскимъ архіепископамъ. Извѣстный польскій лѣтописецъ Гвагнинъ говоритъ, что піонтковское пиво было прославлено во всей коронной Польшѣ. *Примѣч. перевод.*

Всѣ обязались взаимно остаться ему вѣрными. На путешествіе было отпущено, изъ поступившихъ податей 300,000 злот. польск. На случай опасности съ какой бы то ни было стороны, было обнародовано ополченіе. Всѣ общественныя дѣла и судопроизводство, должны были совершаться своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою только оговоркою, что во время отсутствія короля не слѣдуетъ ни принимать, ни снаряжать какія бы то ни было посольства. Одновременно изданы строгія постановленія противъ нарушителей общественнаго спокойствія и всевозможныхъ противозаконныхъ съѣздовъ. Во время сейма получено было извѣстіе о вторженіи въ Волынь татаръ, которые раззоривъ страну, возвратились въ свои кочевья съ множествомъ добычи и плѣнныхъ.

Король выѣхалъ въ Швецію (13 авг.) въ сопровожденіи многихъ магнатовъ, значительной придворной свиты, папскаго легата Маласпина и іезуитовъ. Въ Данцигѣ, гдѣ ему пришлось остановиться на нѣсколько дней, въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра, произошло волненіе, во время котораго въ окна его помѣщенія сдѣлано было два выстрѣла. Прибывъ въ Стокгольмъ (10 окт.), онъ вооружилъ противъ себя собравшіяся на сеймъ шведскія сословія излишнимъ усердіемъ въ поддержаніи католицизма въ Швеціи. Это несвоевременное религіозное усердіе было вельма полезно для дяди его Карла, герцога сюдерманландскаго, тайно работавшаго надъ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ шведскій престолъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ и переговоровъ вестерскій лютеранскій епископъ совершилъ, наконецъ, въ Упсалѣ (20 февр. 1595) обрядъ коронаціи надъ Сигизмундомъ и его женою. Но это нисколько не улучшило его дѣлъ. Онъ обманулъ также ожиданія поляковъ на счетъ Эстоніи, ибо передъ вступленіемъ на престолъ рѣчипосполитой, приказалъ тайно правителямъ этой земли отказать ему въ повиновеніи, если когда либо онъ будетъ вынужденъ польскими сословіями, приказать имъ уступить Эстонію рѣчипосполитой. Проведя почти годъ въ Швеціи, Сигизмундъ поручилъ намѣстничество своему дядѣ, а самъ отплылъ (въ авг.) въ Польшу.

Между тѣмъ въ Польшѣ было все спокойно. Иновѣрцы хотѣли,

правда, устроить (4 февр. 1594) съѣздъ въ Радомѣ, но отзывы примаса, трибунала и нѣкоторыхъ воеводствъ, отвлекли ихъ отъ этого намѣренія. Въ то же время прибыло къ примасу посольство отъ императора Рудольфа II съ требованіемъ, чтобы рѣчьпосполитая не пропустила въ Венгрію чрезъ свои владѣнія татаръ и, даже, составила союзъ противъ турокъ. Примасъ созвалъ (19 апр.) въ Варшаву конвокацію, на которой австрійскій посолъ доказывалъ собранію, что Польша должна воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ возвратить себѣ Валахію, которую, какъ свою собственность, можетъ смѣло вырвать изъ турецкихъ рукъ. Вопросъ о союзѣ былъ отложенъ до пріѣзда короля, что же касается татаръ, обѣщано не дозволить имъ прохода. Султанъ, требовавшій, чтобы Польша во время его войны съ императоромъ, не нарушала мира и удерживала козаковъ отъ наѣздовъ, получилъ отвѣтъ, что рѣчьпосполитая вовсе не думаетъ о нарушеніи мира, но за козаковъ не можетъ брать на себя отвѣтственности. Когда же Замойскій сообщилъ достовѣрное извѣстіе о намѣреніи татаръ, во что бы то ни стало, пробиться въ Венгрію черезъ польскія владѣнія, — примасъ совѣтовалъ увеличить наемное войско, но напрасно. Гетманъ созвалъ, правда, кварцяные*) полки, приказалъ пограничнымъ старостамъ быть въ готовности и торопилъ сенаторовъ малопольскихъ распорядиться на счетъ заблаговременнаго вызовѣ шляхты ко всеобщему ополченію. Но пока совершались всѣ сборы, татары, неожиданно, вторглись въ Покуце, со стороны Валахіи, и съ огнемъ и мечемъ добрались до Самбора. Замойскій пустился за ними въ погоню, и настигъ ихъ было вблизи этого города, но татары успѣли скрыться въ Венгрію, гдѣ онъ уже не хотѣлъ продолжать преслѣдованія. Турки, соединившись съ татарами, одержали (8 сент.) рѣшительную побѣду близь Раба, а вслѣдъ затѣмъ взяли (20 окт.) и этотъ фортъ. Они хотѣли взять и Коморнъ, но, по случаю поздняго времени, должны были отказаться отъ своего

---

*) Такъ называлось войско, оберегавшее границы рѣчипосполитой и содержавшееся изъ четвертой части доходовъ съ королевскихъ имѣній или кварты Кварцяные полки были установлены въ 1562 г. *Примѣч. перевод.*

намѣренія. Поляки рѣшились встрѣтить достойнымъ образомъ татаръ, возвращавшихся изъ Венгріи, но, какъ бы предчувствуя опасность, наѣздники пошли берегомъ Дуная и затѣмъ чрезъ Молдавію направились къ своимъ степямъ.

Австрійскіе эмиссары дѣйствовали на козаковъ, всегда готовыхъ къ бою и грабежу и убѣждали ихъ тревожить турецкія владѣнія. Хлопицкій привезъ имъ даже отъ императора знамена и деньги, и вступалъ въ какіе-то переговоры съ Московіею. Его арестовали, но онъ успѣлъ бѣжать изъ краковской тюрьмы въ Силезію. Но и послѣ его арестованія, не прекращались австрійскія козни и козаковъ продолжали подстрекать, къ безпрестаннымъ набѣгамъ на турковъ до тѣхъ поръ, пока раздраженный султанъ не задумаетъ отомстить Польшѣ. Такимъ образомъ императоръ разсчитывалъ вовлечь рѣчьпосполитую, на перекоръ ея желанію, въ неблагопріятную войну съ Турціею. Послѣ арестованія Хлопицкаго, Лобода и Наливайко собрали болѣе 12,000 козаковъ. Насытившись достаточно въ брацлавской и другихъ земляхъ, гдѣ жестокимъ образомъ опустошили имущества шляхты, не обращая никакого вниманія на приказанія короля, они направились въ Валахію, откуда господарь Аронъ едва могъ вытѣснить ихъ при содѣйствіи турокъ.

Для разрѣшенія всѣхъ дѣлъ, король созвалъ сеймъ въ Краковъ (въ февр. 1595). Для переговоровъ въ Познани съ австрійскими уполномоченными на счетъ условій союза противъ Турціи, была назначена особая сеймовая коммиссія. Въ случаѣ соглашенія, король предполагалъ для утвержденія договора, созвать немедленно двухнедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. На случай же войны было постановлено обнародовать ополченіе и назначить налогъ; но отъ послѣдняго уклонились великополяне и Литва. Познанскіе же переговоры окончились ничѣмъ, такъ какъ австрійскіе уполномоченные, разсчитывая на уступчивость короля, предъявляли весьма невыгодныя для поляковъ условія.

Въ то время когда Сигизмундъ праздновалъ въ Краковѣ пышные крестины новорожденнаго сына (9 іюня) Владислава, Замой-

скій, съ кварцянымъ войскомъ, стоялъ въ Подоліи, чтобы не допустить татаръ до новаго вторженія въ коронныя земли. Но получивъ извѣстіе, что валахцы не довольны своимъ воеводою Розваномъ, и что новый султанъ турецкій Могаметъ полагаетъ совершенно захватить ихъ землю, Замойскій двинулся съ своимъ войскомъ къ Пруту съ тѣмъ, чтобы посадить на господарскомъ престолѣ Еремію Могилу, удостоившагося польскаго индигената*). Валахцы охотно подчинились Могилѣ и, не смотря на многочисленность турокъ и татаръ, гетманъ оттѣснилъ ихъ (6 окт.) отъ своего укрѣпленнаго лагеря подъ Цецорою и довелъ, наконецъ, до необходимости открыть (20 окт.) переговоры о мирѣ. Признавъ Могилу господаремъ, татары и турки очистили Валахію. Одновременно не менѣе удачною была борьба въ Молдавіи между трансильванскимъ воеводою и турками. Но какъ только Замойскій, оставивъ часть войска при Могилѣ, съ остальными отступилъ, господарь Розванъ не замедлилъ воспользоваться этимъ и во главѣ отряда, составленнаго исключительно изъ венгерцевъ, вторгнулся въ Валахію. Поляки, хотя менѣе многочисленные, разбили совершенно (12 дек.) его полчища вблизи Сучавы. Самъ Розванъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію Могилы, посаженъ на колъ. Дворъ австрійскій былъ весьма недоволенъ Сигизмундомъ за возведеніе въ санъ господаря Могилу, и даже жаловался, на Польшу въ Римѣ за это занятіе Валахіи, но, волею неволею, долженъ былъ уступить въ виду совершившагося уже факта.

Во время похода Замойскаго въ Валахію, козаки, подъ начальствомъ Ниливайки, позволяли себѣ разнаго рода беззаконія въ Украинѣ и Подоліи. Они двинулись, наконецъ, и въ Бѣлоруссію и захватили Слуцкъ, вмѣстѣ съ замкомъ. Гетманъ литовскій Радзивиллъ вытѣснилъ ихъ оттуда, но, по случаю зимняго времени, не могъ настигнуть козаковъ.

Среди этихъ военныхъ дѣйствій совершилось въ Брестѣ литовскомъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, соединеніе

---

*) Права польскаго уроженца. *Прим. перевод.*

Руси съ латинскою церковью. Какъ только были приведены къ сознанію необходимости соединенія нѣкоторые русскіе владыки и въ особенности кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, Поцѣй и другіе, составлены условія этого соединенія на основаніяхъ флорентинской уніи 1439 г. Большинство польской Руси и, болѣе другихъ, кіевскій воевода князь Острогскій, самый могущественный изъ послѣдователей восточной церкви, не противились соединенію съ латинскою церковью. Но когда іезуиты, игравшіе во всемъ этомъ дѣлѣ главную роль, не выждавъ общаго согласія шляхты и православнаго духовенства, поторопились снарядить (1595) посольство въ Римъ, нѣкоторые владыки и даже самъ кіевскій воевода поколебались въ своемъ желаніи. Къ тому же не было недостатка въ проискахъ и со стороны другихъ иновѣрцевъ, которые составили, въ то же время, съѣздъ въ Торунѣ, написали разныя жалобы на религіозныя притѣсненія и отправили къ королю блестящее посольство съ требованіемъ не допускать посягательства на свободу совѣсти, гарантированную его присягою. Сигизмундъ, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ, не принялъ пословъ подъ предлогомъ, чло торунскій съѣздъ состоялся безъ его вѣдома и позволенія. Не удивительно, затѣмъ, что протестанты, кальвинисты, гусситы и проч., опасаясь нарушенія своихъ правъ, хотѣли воспрепятствовать уніи восточной церкви съ Римомъ, ибо видѣли въ ней опасность для самихъ себя. Слишкомъ поспѣшное отправленіе въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго, которые, отъ имени всей польской Руси подчинились папѣ Клименту VIII, было для помянутыхъ иновѣрцевъ весьма удобнымъ случаемъ поколебать самое дѣло уніи.

Созванный, при такихъ обстоятельствахъ, сеймъ въ Варшавѣ (26 марта 1596) имѣлъ, понятно, бурный характеръ. Почти все время сейма было поглощено спорами и недоразумѣніями. Всѣ рѣшенія его состояли въ слѣдующемъ: для обороны рѣчипосполитой назначенъ поборъ и поголовный налогъ на евреевъ, а гетману поручено наказать козаковъ. Иновѣрцы требовали, чтобы сеймъ, по смыслу варшавской конфедераціи 1573 г., гарантировалъ сво-

боду совѣсти, но католическая партія не хотѣла вмѣшиваться въ это. Послѣдователи же восточной церкви протестовали противъ уніи, подрывавшей ихъ обряды. Литовскіе депутаты настаивали у короля, чтобы вакантное виленское епископство и другія должности въ великомъ княжествѣ, были розданы природнымъ литовцамъ. Это раздражило коронныхъ пословъ, которые рѣшительно объявили, что подобное требованіе несправедливо и что оно противится привиллегіи Казиміра IV, постановившей, что король можетъ на всякую должность въ Литвѣ назначать поляка, если бы онъ не нашелъ для нея способнаго литовца. Важнѣйшимъ дѣломъ, долженствовавшимъ составить главный предметъ занятій сейма — былъ союзъ съ австрійскимъ домомъ противъ Турціи. Сеймъ назначилъ, правда, коммиссаровъ для переговоровъ съ австрійскими уполномоченными, но въ то же время опредѣлилъ условія, безъ которыхъ союзъ былъ бы немыслимъ. По этимъ условіямъ требовалось исполненіе бендзинскаго доровора, съ рѣшительнымъ устраненіемъ австрійскаго дома отъ польской короны; отреченіе императора за себя и всѣхъ германскихъ князей отъ всевозможныхъ притязаній на Пруссію, Ливонію или другія коронныя владѣнія; обязательство не входить ни въ какія соглашенія съ Московіею противъ рѣчипосполитой; содержаніе во время войны съ Турціею, постоянно подъ ружьемъ 70,000 войска; доставленіе въ Польшу опредѣленнаго числа орудій, пороху и пушкарей, а также принятіе на себя третей доли въ расходахъ по содержанію польскаго войска; наконецъ обѣщаніе императора не заключать особеннаго мира съ Турцію, дозволеніе всякому христіанскому монарху присоединиться къ этому союзу и предоставленіе папѣ, въ случаѣ несогласія, назначеніе главнокомандующаго союзныхъ войскъ. Коммиссары должны были также потребовать, чтобы Валахія, Молдавія и Бессарабія были признаны за Польшею, а прочія, захваченныя у Турціи земли, были предоставлены остальнымъ союзникамъ и чтобы всѣ эти условія были выполнены, не позже 4-хъ мѣсяцевъ послѣ заключенія союза. Въ силу этого рѣшенія сейма съѣхались въ Краковъ (1 авг.) польскіе и австрійскіе уполномоченные, но

переговоры ни къ чему не привели, ибо, сперва, императорскіе послы пріискивали разныя затрудненія, а потомъ со всякимъ вопросомъ обращались въ Вѣну. Сеймъ отправилъ также пословъ въ Швецію, которые должны были, отъ имени короля и рѣчипосполитой, увѣщевать Карла, дядю Сигизмунда, не нарушать спокойствія въ шведскомъ королевствѣ.

Дерзость Наливайки и козаковъ требовала строгаго наказанія. Едва они вышли изъ Бѣлоруссіи, за ними пустился въ погоню коронный польный гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Настигнувъ ихъ (2 марта) подъ Прилуками, онъ напалъ на ихъ лагерь къ самому вечеру. Ночь дала Наливайкѣ возможность спасаться бѣгствомъ. Подъ Бѣлою-Церковью, куда онъ отступилъ, снова произошелъ бой, въ которомъ козаки уничтожили часть польскаго войска. Но вскорѣ они были снова настигнуты поляками, и, на этотъ разъ, испытали весьма чувствительную потерю. Приписывая пораженіе Наливайкѣ, козаки лишили его начальства и избрали своимъ гетманомъ Лободу. Безпрестанно преслѣдуемые до самаго Кіева, козаки начали переговоры. Жолкевскій требовалъ выдачи Наливайки и другихъ предводителей, а также заграничныхъ орудій и знаменъ. Сверхъ того онъ объявилъ, что всякій землевладѣлецъ вправѣ возвратить себѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ него крѣпостныхъ людей. Козаки не хотѣли согласиться на такія условія, а потому отступили къ Переяславлю. Жолкевскій гнался за ними безъ устали, и, настигнувъ ихъ (25 мая) около Лубна за Сулою, осадилъ ихъ укрѣпленный лагерь, считавшій около 10,000 человѣкъ. Положеніе осажденныхъ было самое отчаянное и нисколько не улучшилось, когда Лобода, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ гетманомъ польскимъ, былъ казненъ, а на мѣсто его назначенъ Кремпскій. Но и поляки, за недостаткомъ орудій большаго калибра, не могли взять окоповъ. Это заставило Жолкевскаго выписать орудія изъ Кіева, и послѣ двухдневной пальбы, онъ велѣлъ своему войску готовиться къ штурму. Устрашенные козаки хотѣли уже выдать трехъ главныхъ зачинщиковъ—Саулу, Шостака и Наливайку, а также орудія и знамена и принести присягу, съ тѣмъ

только, чтобы они были отпущены на свободу. Но когда польскій гетманъ потребовалъ, чтобы они выдали помѣщикамъ ихъ подданныхъ, козаки объявили, что готовы скорѣе погибнуть всѣ до послѣдняго, нежели согласиться на такое условіе. Войско польское аттаковало лагерь козаковъ (9 іюня) и произвело значительную рѣзню. Кремпскій бѣжалъ съ полуторатысячнымъ отрядомъ къ днѣпровскимъ порогамъ. Остальные или погибли на мѣстѣ, или достались въ руки побѣдителей. Въ числѣ взятыхъ знаменъ были два—императорско-австрійскія. Наливайку и шесть другихъ козацкихъ начальниковъ отправилъ Жолкевскій въ Варшаву, гдѣ всѣ они были казнены смертію. Послѣ этого пораженія козаки нѣкоторое время вели себя спокойно.

Мысль о соединеніи Руси съ латинскою церковью, доведенная уже до того, что въ Римъ было отправлено особенное посольство, будто бы, отъ всѣхъ послѣдователей восточной церкви, была уже въ Польшѣ, весьма близка къ окончательному, всеобщему признанію. Почти всѣ вельможи подписались за унію и, даже, самъ кіевскій воевода Острогскій желалъ ея осуществленія. Все дѣло состояло только въ способѣ проведенія уніи, а тутъ именно господствовалъ полный произволъ, такъ какъ хотѣли покончить все, и, даже, снарядили посольство въ Римъ, помимо найболѣе именитыхъ послѣдователей восточной церкви. Чтобы свести дѣло на болѣе нормальный путь, Острогскій потребовалъ созванія синода въ Брестѣ литовскомъ, на что Сигизмундъ далъ свое согласіе. Впослѣдствіи, однакожъ, князь требовалъ, чтобы никто не являлся на этотъ синодъ въ вооруженіи, и, сверхъ того, чтобы присутствіе на синодѣ было дозволено всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданій, въ особенности греку Никифору и, наконецъ, чтобы, въ случаѣ несогласія, все дѣло было рѣшено на будущемъ сеймѣ. Король согласился только на одно первое требованіе. Синодъ состоялся (6 окт.) въ Брестѣ, но съ появленіемъ королевскихъ коммиссаровъ и папскихъ делегатовъ обнаружились разногласія. Острогскій, прибывшій на синодъ съ значительными вооруженными силами, составилъ собраніе изъ одновѣрческой себѣ шляхты, къ которому примкнули также

львовскій владыка Балабанъ и перемышльскій Копестыньскій. Собраніе рѣшительно порицало способъ, избранный для проведенія уніи въ исполненіе и угрожало митрополиту Рагозѣ сложеніемъ съ него его сана и проклятіемъ. Тщетны были старанія королевскихъ коммиссаровъ. Правда что унія, однажды составленная, удержалась, но бо̀льшая часть духовенства и шляхты, вмѣстѣ съ Острогскимъ, вовсе не хотѣла примкнуть къ ней. Съ этой поры послѣдователи православной церкви, во владѣніяхъ тогдашней Польши, раздѣлились на уніатовъ, т. е., признающихъ папу и на дисуніатовъ, признававшихъ константинопольскаго патріарха. Уніатамъ оставлено право для священниковъ вступать въ бракъ, литургія на народномъ языкѣ, юліанскій календарь, причастіе подъ обоими видами и прочіе, установленные православной церковью, обряды. Народное дѣло ничего не выиграло отъ этого соединенія, возбужденнаго стараніемъ іезуитовъ и, даже, напротивъ, послужило предлогомъ къ позднѣйшимъ преслѣдованіямъ, которымъ подвергались дисуніаты, и къ страшнымъ междоусобнымъ войнамъ, подрывавшимъ могущество рѣчипосполитой*).

Неудачи австрійскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліана, во время похода (1596) противъ султана Магомета, побудили апостольскую столицу снова позаботиться о союзѣ христіанскихъ государствъ противъ Турціи. Предложеніе это представилъ на варшавскомъ сеймѣ (созванномъ 26 марта 1597) папскій легатъ, но когда со стороны австрійской никто не явился, рѣчьпосполитая не хотѣла вступать ни въ какіе переговоры

---

*) Здѣсь считаемъ долгомъ замѣтить, что безпристрастный взглядъ автора на значеніе уніи, раздѣляютъ всѣ лучшіе польскіе писатели. Въ самомъ дѣлѣ унія, какъ нельзя точнѣе, обнаружила главное стремленіе іезуитовъ, которое, конечно, въ другихъ формахъ, но отчасти даетъ себѣ чувствовать и въ наши дни, но уже, по крайней мѣрѣ, встрѣчаетъ удачный отпоръ въ цивилизаціи новѣйшаго времени. Стремленіе это, идею эту, руководившую дѣйствіями іезуитовъ, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ. «Если не будетъ такого или такого народа, мѣсто его займетъ другой; земля не останется такъ легко безъ людей и слѣдовательно, надъ этою страною все таки будутъ господствовать Римъ и іезуиты». Унія, не подлежитъ сомнѣнію, сдѣлалась главною виновницею дальнѣйшихъ судебъ польскаго народа. *Прим. перевод.*

и предпочитала оградить себя отъ турокъ миромъ. Замойскій совѣтовалъ при этомъ случаѣ сосредоточить на границѣ значительное войско и заставить этимъ султана согласиться на самыя благопріятныя для поляковъ условія; сеймъ однакожъ, встревоженный возникшими въ немъ религіозными спорами, не послѣдовалъ этому здравому совѣту. Нужно было также обдумать средства для удовлетворенія войска жалованьемъ за прошлое время и рѣшить что нибудь на счетъ отъѣзда короля въ Швецію, гдѣ Карлъ почти совсѣмъ присвоилъ себѣ власть. По случаю расторженія сейма вопросы эти остались неразрѣшенными.

Между тѣмъ 5,000 солдатъ, не получавшихъ жалованья, составили конфедерацію. Занявъ самборское староство, конфедераты угрожали захватомъ и другихъ помѣстій, и объявили, что не очистятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ вполнѣ удовлетворены слѣдуемыми имъ деньгами. Король поспѣшно оставилъ сеймъ и, прибывъ въ Краковъ, заложилъ часть коронныхъ сокровищъ на сумму 150,000 злотыхъ и съ этими деньгами отправилъ двухъ сенаторовъ, чтобы предотвратить дальнѣйшее самоуправство солдатъ. Получивъ часть своего жалованья, ввиско успокоилось, но за то религіозныя распри и столкновенія не прекращались, къ чему, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ самъ король, слѣдовавшій во всемъ совѣтамъ іезуитовъ. Всѣ сомнѣнія и вопросы долженъ былъ разрѣшить новый сеймъ въ Варшавѣ (20 марта 1598). Король доказывалъ въ своихъ универсалахъ, сзывавшихъ сеймики, что долженъ непремѣнно отправиться въ Швецію, въ которой дядя его рѣшительно стремится къ окончательному утвержденію своей власти. Обращаясь къ рѣчипосполитой за содѣйствіемъ, король, въ то же время, обѣщалъ возвратиться къ назначенному сроку. При этомъ онъ умолялъ всѣхъ бросить на время всевозможныя личныя разногласія и, главнымъ образомъ, позаботиться о благѣ общемъ и о безопасности отечества. Онъ доказывалъ также необходимость заключенія союза съ Московіею или, по крайней мѣрѣ, продленія перемирія, срокъ котораго приближался къ концу.

Сеймъ былъ особенно уступчивъ, относительно Сигизмунда, по-

тому что послѣдняго постигло, въ весьма короткое время, двойное семейное несчастіе: сперва онъ лишился тетки Анны (9 сент. 1596), а теперь, почти въ моментъ обнародованія универсаловъ, скончалась его жена (2 марта 1598). Сеймъ, разрѣшивъ ему отъѣздъ въ Швецію, назначилъ на путешествіе 300,000 злот., установилъ налогъ для удовлетворенія войска и на выкупъ заложенныхъ имѣній и сокровищъ. Для обороны рѣчипосполитой, во время отсутствія короля, подскарбій долженъ былъ имѣть запасный наличный капиталъ, а шляхтѣ приказано было быть готовою къ войнѣ. Для предотвращенія всевозможныхъ волненій и произвольныхъ съѣздовъ были изданы строгія постановленія. Сеймъ этотъ, сверхъ всякаго ожиданія, прошелъ спокойно, и удовлетворилъ главнѣйшимъ требованіямъ рѣчипосполитой. Относительно Ливоніи было, между прочимъ, рѣшено раздавать всѣ должности и званія въ равномъ числѣ полякамъ, литовцамъ и лифляндцамъ и хотя провинціальный сеймъ послѣднихъ въ Венденѣ, былъ поставленъ на ряду съ сеймиками, однакожъ, ему было предоставлено право разсуждать о чисто мѣстныхъ нуждахъ.

Отъѣздъ Сигизмунда въ Швецію былъ необходимъ, такъ какъ дядя его Карлъ присвоилъ себѣ неограниченную власть. Заключеніе мира съ Московіею (15 мая 1595), по которому царь призналъ Нарву и Ревель за одною только Швеціею, доставило ему расположеніе шведовъ. На сеймѣ въ Седеркепингѣ Карлу удалось, при содѣйствіи крестьянскаго сословія, добиться рѣшенія, по которому было воспрещено всякое католическое богослуженіе. Но такъ какъ сторонникъ Сигизмунда Флеммингъ имѣлъ значительныя вооруженныя силы въ Финляндіи, то Карлъ и рѣшился обезоружить его силой. Государственный совѣтъ воспротивился этому, а главнокомандующій шведскими войсками не хотѣлъ выступить противъ Флемминга. Карлъ притворился, будто слагаетъ съ себя власть (2 нояб. 1596), но созвалъ сеймъ въ Аброгѣ. Не смотря на оппозицію совѣта и письма Сигизмунда сеймъ состоялся въ 1597 г., и Карлъ, уступая, будто бы, просьбамъ и настояніямъ сословій, вновь принялъ власть, еще болѣе обширную, нежели прежде. Въ то же время

сеймъ вызвалъ въ Швецію Сигизмунда. Многіе изъ шведскихъ магнатовъ, оставшихся вѣрными королю, бѣжали въ Польшу. Нѣкоторыхъ изъ схваченныхъ Карлъ велѣлъ казнить.

Получивъ полномочіе отъ варшавскаго сейма, Сигизмундъ III, во главѣ 5-ти тысячнаго отряда, отправился (20 іюля, 1598) изъ Данцига въ Швецію. Кольмаръ отворилъ ему ворота, а Стокгольмъ, часть войска и къ тому же Эстонія и Финонія сохранили ему еще вѣрность. Нужно было только энергическимъ шагомъ подавить коварнаго Карла. Но Сигизмундъ, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переговорахъ, прибылъ наконецъ въ Стегеборгъ, куда явился и Карлъ съ своимъ войскомъ. Польскіе военачальники Сигизмунда окружили противниковъ ночью (8 сент.) и ручались, что они не ускользнутъ отъ нихъ. Но король, не смотря на просьбы, не позволилъ завязывать боя. Переговоры начались снова и Карлъ тянулъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ флотъ. Тогда съ превосходными силами онъ напалъ (25 сент.) на войско Сигизмунда, которое, потерявъ убитыми 2,000 человѣкъ, претерпѣло совершенное пораженіе. Король вынужденъ былъ дать слово, что распуститъ чужеземныя войска и самъ, согласно своей присягѣ, будетъ управлять государствомъ, что созоветъ сеймъ черезъ 4 мѣсяца и сверхъ того выдастъ Карлу 5 шведскихъ магнатовъ, которые нашли убѣжище въ Польшѣ. Сигизмундъ сѣлъ затѣмъ на корабль и хотѣлъ направиться въ Стокгольмъ, но буря помѣшала этому намѣренію. Оставивъ часть своего войска въ Кольмарѣ, онъ самъ отплылъ въ Данцигъ.

Между тѣмъ произошли важныя перемѣны въ Валахіи и Трансильваніи. Сигизмундъ Баторій уступилъ Рудольфу II Трансильванію въ замѣнъ опольской и ратиборской земель въ Силезіи. Недовольный, затѣмъ, договоромъ, онъ прибылъ въ Трансильванію, но одновременно аттакованный валахскимъ воеводою Михайломъ и австрійскими войсками вынужденъ былъ бѣжать къ Замойскому, а Трансильванію ввѣрилъ варминскому кардиналу-епископу Андрею Баторію. Послѣдній сложилъ съ себя посохъ и припоясалъ мечъ. Первоначально онъ велъ довольно удачную войну съ Михайломъ

и австрійцами. Въ качествѣ посредника выступилъ папскій легатъ Маласпина и убѣдилъ Андрея распустить наемныя войска, въ особенности поляковъ. Едва окончились переговоры и едва уѣхалъ легатъ, Михаилъ вмѣстѣ съ австрійцами вѣроломно напалъ на Андрея, который, вынужденный бѣжать, попался въ руки непріятелей. Маласпина отправилъ императору отрубленную голову Андрея.

Михаилъ прекратилъ вскорѣ сношенія съ императоромъ, чтобы при помощи турокъ составить для себя одно государство изъ Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи. Не теряя времени, Михаилъ вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Молдавію, одержалъ подъ Сучавою побѣду надъ Іереміей Могилою, и, занявъ Хотинъ, овладѣлъ всею Молдавіею. Султанъ далъ свое утвержденіе на соединенное государство Валахію и Молдавію, а также на владѣніе всѣми землями, которыя ему удастся оторвать отъ Польши, а потому Михаилъ вторгнулся, дѣйствительно, въ Покуце и близлежащія земли. Въ это именно время варшавскій сеймъ (1599), не согласившись на налоги, предоставилъ Замойскому оборону границъ рѣчипосполитой. Вѣсть о нашествіи заставила полеваго короннаго гетмана Жолкевскаго поспѣшить въ Хотинъ и здѣсь, совмѣстно съ Іереміею, онъ одержалъ побѣду надъ Михаиломъ; послѣ чего заключилъ съ нимъ мѣсячное перемиріе. Замойскій сосредоточилъ, между тѣмъ, разные мелкіе отряды и соединившись (30 сент.) съ Жолкевскимъ, вторгнулся съ 20-ти тысячнымъ войскомъ въ Валахію, гдѣ, подъ деревнею Каптури, совершенно разбилъ 50-ти тысячное войско Михаила. Господаремъ валахскимъ назначилъ гетманъ брата Іереміи, Симеона Могилу, въ качествѣ польскаго ленника. Такимъ образомъ Молдавія и Валахія снова подпали подъ верховную власть рѣчипосполитой.

Въ то время, когда въ Польшѣ совершались всѣ приведенныя событія, Карлъ созвалъ шведскій сеймъ въ Іенкепингѣ, съ цѣлію отказать Сигизмунду въ повиновеніи. Занявъ, вслѣдъ затѣмъ, Кольмаръ, онъ наказывалъ смертію всѣхъ сторонниковъ Сигизмунда и, въ довершеніе всего, рѣшился овладѣть и Эстоніею, пребывшею вѣрною, до того времени, польскому королю. Сигизмундъ хотѣлъ

принудить варшавскій сеймъ (1600) объявить войну Карлу, и съ этою цѣлію уступилъ формально рѣчипосполитой Эстоніею, въ видѣ собственности. Но сеймъ не состоялся, а сенатъ объявилъ, что дѣло о наслѣдствѣ шведскаго престола не касается рѣчипосполитой, что, затѣмъ, король долженъ поддерживать его собственными средствами.

Рѣшеніе сената не отвратило войны. Венденскій воевода Юрій Фаренсбахъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 3-хъ тысячный отрядъ, открылъ, какъ кажется, по порученію Сигизмунда, наступательныя дѣйствія въ Эстоніи и, арестовавъ, даже пословъ Карла, отправилъ ихъ къ королю. Эти наступательныя дѣйствія раздражили Карла. Онъ вторгнулся (1600) во главѣ превосходныхъ силъ въ Ливонію, и, въ короткое время, занялъ Парнаву, Фелинъ и другіе замки. Изъ всей Ливоніи, въ рукахъ рѣчипосполитой осталась почти одна только Рига. Карлъ созвалъ, не медля, сеймъ въ Венденѣ, на которомъ состоялось рѣшеніе о присоединеніи Ливоніи къ Швеціи на вѣчныя времена. Религіозная неудовольствія жителей облегчили Карлу завоеваніе этого края.

Литовскій великій гетманъ Радзивиллъ и литовскій маршалъ Христофоръ Дорогостайскій поспѣшили, правда, въ помощь Фаренсбаху, но такъ какъ Карлъ захватилъ Діаментъ, Дерптъ и Кокенгаузенъ, то имъ пришлось ограничиться защитою Риги. Карлъ хотѣлъ занять и Ригу, но вынужденъ былъ отступить, а поляки дрались съ успѣхомъ при Каркусѣ и Венденѣ, гдѣ захватили шведскій лагерь, 12 орудій и 11 знаменъ. Вслѣдъ затѣмъ было приступлено къ осадѣ Кокенгауза. Карльсонъ, побочный сынъ Карла, явился въ помощь осажденнымъ съ 6-ти тысячнымъ отрядомъ, но претерпѣлъ (13 іюня 1601) совершенное пораженіе. Кокенгаузенъ долженъ былъ сдаться. Карлъ сдѣлалъ вторичное покушеніе взять Ригу, но результатъ оказался тотъ же самый, ибо пришло извѣстіе, что Сигизмундъ III двинулся съ короннымъ войскомъ въ Ливонію.

Этимъ нашествіемъ на Ливонію, рѣчьпосполитая была вовлечена, невольно, въ войну съ Швеціею. Сословія не могли отказать

въ помощи королю противъ врага, который хотѣлъ отнять провинцію у рѣчипосполитой. Оба коронные гетмана — Замойскій и Жолкевскій сопровождали короля въ этомъ походѣ, во главѣ 20-ти тысячнаго отборнаго войска. Замойскій осадилъ Вольмаръ и взялъ его послѣ отчаяннаго сопротивленія. Карльсонъ попался въ плѣнъ, но впослѣдствіи Сигизмундъ обмѣнялъ его на трехъ іезуитовъ. Сильная зима и голодъ прервали на время военныя дѣйствія. Весною 1602 г. Замойскій приступилъ къ осадѣ Фелина и, не смотря на отчаянную защиту, взялъ его штурмомъ. Во время штурма погибъ отъ пули храбрый Юрій Фаренсбахъ. Замойскій успокоилъ войско, заплативъ ему часть слѣдовавшаго жалованья, и затѣмъ, послѣ мѣсячной осады, взялъ Бѣлый Камень *), разбивъ предварительно шведскій вспомогательный отрядъ.

Послѣ взятія Бѣлаго Камня, Замойскій возвратился въ Польшу, а Жолкевскій направился къ Днѣпру, чтобы держать въ страхѣ татаръ. Начальство надъ ливонскимъ войскомъ Сигизмундъ поручилъ литовскому польному гетману Яну Ходкевичу. Послѣдній осадилъ Дерптъ (1603) — единственный пунктъ, бывшій еще во власти шведовъ и взялъ его штурмомъ (въ полов. апр.). Но войско, не получая жалованья, безпрерывно выражало свое неудовольствіе, такъ что веденіе войны въ Эстоніи, съ усиленною настойчивостью, сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

Между тѣмъ Карлъ не переставалъ стремиться къ захвату не только власти, но и королевскаго титула въ Швеціи. Когда, по вызову шведскаго сейма, Сигизмундъ не отправилъ въ Швецію своего сына Владислава,—Карлъ провозгласилъ себя (22 марта 1604) королемъ и, тотчасъ же снарядилъ большое войско съ приказаніемъ,

---

*) *Бѣлый Камень* (Weissenstein) находится въ нынѣшней Эстляндіи. Еще теперь существуютъ развалины замка, взятаго въ 1602 году, Замойскимъ у шведовъ. Замокъ этотъ, окруженный большими болотами, имѣлъ весьма трудный доступъ. А потому многіе совѣтовали Замойскому отказаться отъ осады, но Замойскій остался непоколебимъ. Разбивъ отрядъ, шедшій на выручку гарнизона, Замойскій открылъ сильный артиллерійскій огонь, подъ руководствомъ начальниковъ артиллеріи Пятковскаго и Возницкаго. *Прим. перевод.*

во что бы то ни стало, отнять у поляковъ Бѣлый Камень. Ходкевичъ поспѣшилъ въ помощь своимъ соотечественникамъ и подъ крѣпостью произошелъ бой, въ которомъ шведскій главнокомандующій Линдерсонъ потерялъ до 3,000 убитыми, 21 знамя, 7 орудій и едва съ остатками успѣлъ бѣжать въ Ревель. Въ слѣдующемъ году шведы испытали такую же неудачу, какъ скоро (въ авг.) самъ Карлъ съ 14,000 войскомъ явился подъ Ригою и снова хотѣлъ овладѣть ею. Ходкевичъ, назначенный въ то время великимъ гетманомъ литовскимъ и виленскимъ воеводою, поспѣшилъ съ 3,500 чел. на помощь. Подъ Кирхгольмомъ завязался (27 сент.) бой, въ которомъ Ходкевичъ одержалъ блистательную побѣду надъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Карлъ потерялъ, около 9,000 чел., 60 знаменъ, 11 орудій и весь обозъ. Но столь блистательная побѣда не принесла никакихъ плодовъ, вслѣдствіе совершившихся въ самой Польшѣ событій и неудовлетворенія войска жалованьемъ.

Неудовольствіе противъ правленія Сигизмунда III возраставшее съ каждымъ днемъ, имѣло свои справедливые поводы хотя нельзя не сказать и того, что его подозрѣвали въ такихъ намѣреніяхъ, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ. Предавшись неприличнымъ развлеченіямъ и окруженный всегда льстецами или нѣмецкими іезуитами, онъ былъ недоступенъ для народа, а на увѣщеванія примаса и другихъ сенаторовъ не обращалъ никакого вниманія. Къ тому же Сигизмундъ входилъ безпрерывно въ какія-то тайныя сношенія съ австрійскимъ дворомъ, что навлекло на него подозрѣнія въ стремленіи къ самовластію или же въ намѣреніи передать кому либо рѣчьпосполитую. Первое тѣмъ болѣе было вѣроятнымъ, что королевскіе фавориты, то есть іезуиты, а между ними, въ особенности Петръ Скарга, часто доказывали съ амвоновъ, что лучшая форма правленія есть неограниченное единовластіе. Антагонисты двора пользовались всѣми этими обстоятельствами, чтобы подорвать довѣріе къ королю. Раздраженіе, очевидно, принимало, постоянно болѣе громадные размѣры, ибо всѣ должности, званія, староства и

королевщизны *) исключительно раздавались королевскимъ наушникамъ или друзьямъ іезуитовъ.

Послѣ смерти первой жены Анны, Сигизмундъ намѣревался вступить въ бракъ съ родною ея сестрою — Констанціею. Планъ этого брака былъ составленъ между королемъ и матерью Анны, тотчасъ же послѣ смерти ея. Путешествіе въ Швецію и другія событія отсрочили исполненіе плана, тѣмъ болѣе что и Замойскій, и всѣ, найболѣе значительные сенаторы рѣшительно противились ему. Когда же король непремѣнно хотѣлъ настоять на своемъ, его упрямство возбудило подозрѣніе, будто онъ желаетъ возобновить связи съ австрійскимъ домомъ для того, чтобы попрать ногами права и преимущества народа такимъ же точно образомъ, какъ австрійскій домъ сдѣлалъ это въ своихъ владѣніяхъ. Всѣ нововѣрцы видѣли въ этомъ посягательство на свободу совѣсти, ибо справедливо опасались, что король, воспитанный іезуитами, и будучи въ родствѣ съ австрійскимъ домомъ, захочетъ посягнуть на ихъ права. Дисуніаты, исповѣданіе которыхъ подвергалось преслѣдованію, должны были дрожать за себя, точно также какъ шляхта — католики и иновѣрцы должны были опасаться за рѣчьпосполитую. Къ тому же Сигизмундъ расточалъ государственные доходы на іезуитовъ, наушниковъ или алхимическіе опыты, войску нечѣмъ было платить жалованья, сына король воспитывалъ дурно и не по-польски и позволялъ себѣ, даже, оскорблять польскую національность. Все это только усиливало всеобщее раздраженіе. При такомъ настроеніи умовъ, сеймовыя совѣщанія, естественно, не имѣли успѣха.

По случаю войны съ Ливоніею, Сигизмундъ созвалъ (въ началѣ 1603) сеймъ въ Варшаву. Замойскій обиженный королемъ, назначившимъ Мышковскаго, извѣстнаго своимъ равнодушіемъ ко благу рѣчипосполитой, великимъ коронным маршаломъ, — уклонялся отъ засѣданій сената, тѣмъ болѣе, что онъ убѣдился окон-

*) Королевщизны—имѣнія предназначенныя на награды за особенныя услуги оказанныя отечеству, потому ихъ обыкновенно называли *panis bene merentium*, хлѣбъ заслуженныхъ. *Прим. перевод.*

чательно въ безполезности своихъ совѣтовъ. Когда были внесены въ сеймъ предложенія короля, иновѣрцы потребовали, чтобы король предварительно устранилъ всѣ поводы къ ихъ неудовольствію. Но Сигизмундъ объявилъ, что прежде всего должны быть обсуждены и рѣшены его предложенія на счетъ дальнѣйшаго веденія войны въ Ливоніи и брака съ Констанціею. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить, а потому сеймъ не привелъ ни къ чему, и самыя безотлагательныя государственнныя дѣла остались нерѣшенными. Послѣ закрытія сейма, всѣ дѣла начинали запутываться еще болѣе. Война въ Ливоніи, не поддержанная должнымъ образомъ, увѣнчала славою вождей и войско, но, собственно, рѣчипосполитой, не принесла никакой пользы. Кромѣ того, какой-то бѣглый монахъ, называвшій себя Димитріемъ, потомкомъ великихъ князей московскихъ, былъ принятъ іезуитами, королемъ и нѣкоторыми магнатами придворной партіи и, даже нашелъ у нихъ поддержку, какъ скоро далъ обѣщаніе все московское царство обратить въ римскую вѣру, если ему удастся, при ихъ содѣйствіи, возвратить себѣ престолъ предковъ. Сандомірскій воевода Юрій Мнишекъ повелъ его, съ вѣдома короля, въ Москву, и навлекъ, чрезъ это на рѣчьпосполитую опасности тяжкой войны. Ханъ татарскій требовалъ обычныхъ подарковъ и, въ случаѣ отказа, угрожалъ нашествіемъ. Въ Венгріи велась война съ турками, откуда она могла, при первомъ встрѣтившемся предлогѣ, перенестись и въ Польшу. Сигизмундъ изобразилъ въ универсалахъ, сзывавшихъ (1605) сеймъ въ Варшаву, опасность, угрожавшую рѣчипосполитой, надѣясь побудить этимъ народъ дать свое согласіе на все, чего онъ потребуетъ. Но не смотря на происки придворной партіи, противники двора одержали, почти вездѣ, верхъ на сеймикахъ. Къ большинству земскихъ пословъ были разосланы инструкціи, въ которыхъ имъ повелѣвалось не соглашаться ни на что до тѣхъ поръ, пока король не очиститъ себя отъ упрековъ и не раздастъ всѣхъ вакантныхъ должностей, надежда на занятіе которыхъ давала бы возможность ловить въ свою пользу голоса кандидатовъ.

Въ первое засѣданіе сейма, послѣ прочтенія королевскихъ

предложеній, Замойскій произнесъ рѣзкую противъ короля рѣчь. Онъ упрекалъ его въ томъ, что налоги, назначенные на удовлетвореніе войска, истрачиваются непроизводительно, что онъ дозволяетъ частнымъ лицамъ сопровождать самозванца въ Москву. Замойскій совѣтовалъ снарядить посольство въ Турцію и успокоить хана подаркомъ, въ войскѣ возстановить дисциплину и акуратною выдачею жалованья устранить поводы къ бунтамъ. Онъ требовалъ далѣе, чтобы король не дозволялъ короннымъ обывателямъ добиваться иностранныхъ титуловъ; порицалъ столь же рѣшительно намѣреніе короля вступить въ бракъ съ сестрою умершей жены, противъ чего, предварительно, писалъ уже къ папѣ, настаивая, чтобы онъ отказалъ королю въ требуемомъ разрѣшеніи. Онъ обвинялъ далѣе короля въ дурномъ воспитаніи сына и желаніи короновать его силою, еще при своей жизни. Въ заключеніе Замойскій, напомнивъ королю, что онъ не построилъ въ Украинѣ обѣщанныхъ замковъ, что онъ окружалъ себя чужеземными тѣлохранителями, что онъ тайно сносится, и *кажется продаетъ* даже Польшу иностранцамъ, грозилъ ему, нисколько не стѣсняясь, что король можетъ прокатиться за море, если не выполнитъ обязательствъ, данныхъ въ присягѣ. Многіе другіе сенаторы говорили въ томъ же духѣ и изъ среды сторонниковъ короля выступилъ одинъ только каштелянъ жарновскій Оссолинскій, съ заявленіемъ, что упреки направленные противъ короля, проистекаютъ болѣе изъ личнаго мщенія, нежели изъ рвенія ко благу общему. Пренія въ посольской палатѣ, предсѣдателемъ которой былъ избранъ Бѣлозоръ, отличались еще болѣе бурнымъ характеромъ. Здѣсь ни на что не хотѣли согласиться до тѣхъ поръ, пока король не утвердитъ прежнихъ и вновь состоявшихся рѣшеній на счетъ элекціи, королевскаго брака, мира между разновѣрцами, упраздненія заграничныхъ титуловъ, установленія строгихъ мѣръ для тѣхъ, которые произвольными походами въ чужіе предѣлы накликаютъ на отечество войну и, наконецъ, на счетъ раздачи вакантныхъ мѣстъ. Когда же Сигизмундъ потребовалъ, чтобы предварительно обсуждались его предложенія и когда онъ не хотѣлъ отказаться отъ

своихъ требованій, земскіе послы отправились (2 марта) въ городской судъ, и внеся въ его книги свои жалобы, вошли въ сенатъ, чтобы проститься съ королемъ. По закрытіи сейма — Сигизмундъ созвалъ на совѣтъ присутствовавшихъ въ Варшавѣ сенаторовъ и объявилъ имъ, что получивъ только что разрѣшеніе отъ новаго папы, намѣренъ совершить свое бракосочетаніе съ Констанціею. Хотя почти всѣ сенаторы старались отклонить короля отъ этого намѣренія, онъ, тѣмъ не менѣе, по возвращеніи своемъ въ Краковъ, снарядилъ посольство къ императору и началъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ. Раздраженіе сдѣлалось всеобщимъ. Краковскій каштелянъ Якушъ Острогскій, тотчасъ-же написалъ къ Замойскому, что посадитъ на конь шляхту и не впуститъ въ Польшу эту *ракузянку.* Замойскій, опасаясь столь насильственнаго шага, отклонилъ каштеляна отъ этого намѣренія; но когда къ несчастію Замойскій вскорѣ умеръ (3 іюня), волненія сдѣлались неизбѣжными, ибо уже некому было удерживать взрыва неудовольствія.

Въ то время, когда, послѣ смерти Замойскаго, король торжественно праздновалъ свою свадьбу, надъ рѣчьюпосполитою скоплялись громовыя тучи. Раздраженіе шляхты достигло громадныхъ размѣровъ. Ливонское войско, не получавшее жалованья, угрожало составленіемъ конфедераціи, а татары желая отомстить походъ козаковъ въ Турцію, вторглись въ Подолію и Украину. Жолкевскій разсѣялъ ихъ и отбилъ отъ нихъ плѣнныхъ и добычу, но не успѣлъ предупредить страшнаго опустошенія названныхъ провинцій. Все это приписывалось дурному правленію короля и его обвинили въ нарушеніи присяги, данной народу. Правда, что и у Сигизмунда было много сторонниковъ между духовенствомъ и магнатами, и іезуиты, по приказанію своего генерала, весьма усердно вовлекали въ его партію католиковъ. Не смотря на всѣ происки оставался одинъ только исходъ, вытти изъ запутаннаго положенія дѣлъ — нужно было созвать чрезвычайный сеймъ въ Варшавѣ (7 марта 1606). Жалуясь въ универсалахъ на расторженіе двухъ предшествовавшихъ сеймовъ, Сигизмундъ требовалъ постоянныхъ налоговъ для веденія дальнѣйшей войны въ Ливоніи и другихъ потребностей, позволе-

нія отправиться въ Швецію, установленія отношеній къ прусскому герцогству, гдѣ онъ назначилъ временнымъ опекуномъ надъ малодушнымъ герцогомъ курфирста брандербургскаго. Сигизмундъ требовалъ, далѣе, обезпеченія границъ противъ набѣговъ татаръ и вступленія въ дружескія связи съ Димитріемъ, новымъ великимъ княземъ московскимъ. Онъ жаловался при этомъ, что есть люди, которые, занятые кознями, подговариваютъ къ заговору солдатъ и, возбуждая волненія въ рѣчипосполитой, производятъ разбои. Такое обвиненіе еще болѣе озлобило противниковъ и не предупредило грозы. Посланные на сеймики королевскіе коммиссары должны были дѣйствовать на шляхту, чтобы заставить ее согласиться на помянутыя требованія.

Но и противная партія не теряла времени. Краковскій воевода Николай Зебржидовскій, литовскій подчашій Янушъ Радзивиллъ, краковскій каштелянъ кн. Якушъ Острогскій, Матвѣй Смогулецкій, Станиславъ Стадницкій, Адамъ Горайскій, Щенсный Гербуртъ, Лащъ и многіе другіе, имѣвшіе независимо отъ общественныхъ поводовъ, и личныя неудовольствія противъ короля, распространили между шляхтою мысль, что Сигизмундъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и чужеземцевъ, стремится подорвать права и льготы рѣчипосполитой. На сеймикѣ въ Прошовицахъ Зебржидовскій выступилъ съ формальнымъ обвиненіемъ противъ короля и вызвалъ рѣшеніе, по которому хотя сеймикъ послалъ депутатовъ на сеймъ, но съ категорическою инструкціею — ни на что не соглашаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранено всякое посягательство на права рѣчипосполитой; всѣ же условились въ то же время собраться, въ началѣ апрѣля, въ Стенжицѣ, для поддержанія требованій, изложенныхъ въ инструкціи. Къ прошовицкому рѣшенію примкнулъ генеральный сеймикъ малопольскихъ воеводствъ въ Корчинѣ. Въ томъ же родѣ высказались великопольскіе сеймики, а белзскій сеймикъ отличился еще большей рѣзкостью.

Обѣ партіи заявили себя на сеймѣ весьма энергически и многіе послы прибыли въ Варшаву съ большею, нежели обыкновенно, свитою. Сигизмундъ настаивалъ, чтобы обсуждались его предложенія,

но собраніе депутатовъ объявило единогласно, что не будетъ разсуждать ни о чемъ, пока не прекратятся общественныя невзгоды и пока король не выполнитъ условій, на которыя онъ присягнулъ до вступленія на престолъ и вообще пока онъ не приступитъ къ основательной реформѣ въ рѣчипосполитой. При этомъ королю былъ предъявленъ длинный списокъ претензій народа, въ который были включены многіе изъ пунктовъ инструкціи, данной депутатамъ въ Прошовицахъ. Короля обвиняли въ неисполненіи большей части принятыхъ имъ обязательствъ, въ неимѣніи въ своей свитѣ опредѣленнаго уставами числа сенаторовъ, почему всѣ дѣла рѣшаются безъ ихъ участія, въ томъ что онъ замедляетъ дѣйствія правосудія, безпрерывно требуетъ налоговъ, которые проматываются, Богъ знаетъ, на что, не раздаетъ вакантныхъ должностей и ввѣряетъ казну своимъ частнымъ чиновникамъ. Далѣе короля обвиняли въ утратѣ Эстоніи, которую онъ не включилъ въ земли рѣчипосполитой и въ вовлеченіи послѣдней въ войну съ Швеціею; въ раздачѣ неблагонадежнымъ людямъ и даже, измѣнникамъ, ливонскихъ помѣстій и староствъ, въ несооруженіи обѣщанныхъ 5-ти замковъ въ Украинѣ, въ несвоевременномъ отправленіи посольства въ Турцію и даровъ хану, называя его виновникомъ нашествія татаръ на русскія земли, въ назначеніи опеки надъ прусскимъ герцогомъ безъ вѣдома и согласія сословій, въ предоставленіи начальства надъ шотландскою пѣхотою иностранцу Юнгу, въ уничтоженіи частными придворными рескриптами приговоровъ трибуналовъ, въ дозволеніи чеканить дурную монету и въ увеличеніи пошлины въ таможняхъ, въ разрѣшеніи пограничнымъ старостамъ занимать военныя должности, въ неподдержаніи мира между разновѣрцами, въ раздачѣ королевщизнъ незаслуженнымъ людямъ, а такъ называемыхъ кудзковъ (т. е. имѣній опустѣвшихъ безъ законныхъ наслѣдниковъ), иностранцамъ, въ дозволеніи духовенству, даже по дѣламъ свѣтскимъ, обращаться въ Римъ и т. п. Въ концѣ этого списка собраніе депутатовъ объявляло, что, кромѣ поименованныхъ, существуетъ еще много другихъ поводовъ къ неудовольствію, а потому оно просило короля, не медля, устранить помянутыя затрудненія и удовлетворить принятымъ

на себя, по присягѣ, обязательствамъ, ибо только такимъ образомъ ему предстояла возможность привлечь къ себѣ снова сердца своихъ подданныхъ.

Въ совѣтѣ сената, составленномъ, по преимуществу, изъ сторонниковъ двора или роялистовъ, разсматривались весьма долго всѣ помянутые пункты, пока, наконецъ, не послѣдовалъ королевскій отвѣтъ, заключавшій въ себѣ много оправданій, обѣщаній и пустословія. Въ отвѣтѣ этомъ не опровергались нисколько сдѣланные упреки, а нѣкоторые изъ нихъ были обойдены намѣреннымъ молчаніемъ. Въ заключеніи своего отвѣта, король объявлялъ, что самымъ искреннимъ образомъ желаетъ рѣчипосполитой успѣховъ и могущества, къ чему наиболѣе могутъ содѣйствовать сами сословія, если рѣшатся работать надъ общимъ благомъ отечества, оставивъ въ сторонѣ всѣ личные интересы и недоразумѣнія. Собраніе депутатовъ не хотѣло довольствоваться оправданіемъ или обѣщаніями короля и объявило рѣшительно въ новомъ отзывѣ, что не приступитъ къ ничему до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ вышеприведенныя требованія. Сигизмундъ возобновилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, свой отвѣтъ словесно, но депутаты, въ виду словъ и обѣщаній остались непреклонными.

Дни и недѣли проходили въ этихъ спорахъ, а между тѣмъ сеймъ приближался къ концу. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить, а потому не было никакой возможности примирить противоположные интересы. Въ это время собрался обнародованный съѣздъ въ Стенжицѣ. Въ началѣ онъ былъ весьма немногочисленнымъ, но впослѣдствіи принялъ громадные размѣры. Король и его сторонники вообразили себѣ, что одинъ только Зебржидовскій виновникъ всего этого движенія, а потому они рѣшились, при содѣйствіи тайнаго посольства, привлечь его на свою сторону, для чего прибѣгли къ ксендзу Скаргѣ, удостоенному нѣкогда довѣріемъ и дружбою воеводы. Священнику поручено употребить въ дѣло всю силу своего краснорѣчія и отвлечь Зебржидовскаго отъ съѣзда. Скарга работалъ весьма усердно надъ привлеченіемъ воеводы и старался изобразить ему всю тяжесть грѣха подобнаго союза съ еретиками.

Онъ пытался дѣйствовать и обѣщаніями, но все напрасно. Зебржидовскій отвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду личныхъ интересовъ, но только одно общественное благо, что стенжинскій съѣздъ, поставившій себѣ задачею преобразованія въ рѣчипосполитой, можетъ оказать большія услуги, если только король захочетъ имъ воспользоваться и удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ народа. Королевская партія, раздраженная отвѣтомъ воеводы, требовала принятія противъ него строгихъ мѣръ. Однакожъ, подъ вліяніемъ посольской палаты, нужно было отказаться отъ подобнаго намѣренія и сенатъ снарядилъ торжественное посольство въ Стенжицу съ вопросомъ, что означаютъ подобнаго рода волненія и въ чемъ состоятъ замыслы собравшихся. Когда прибыли послы сената, съѣздъ въ Стенжицѣ былъ уже весьма многочисленнымъ. Прежде всего послы хотѣли напомнить шляхтѣ о незаконности съѣзда подъ бокомъ сейма, и о необходимости домогаться нормальнымъ путемъ исправленія того, что они считаютъ дурнымъ. Безуспѣшность увѣщанія заставила пословъ вступить въ тайные переговоры съ Зебржидовскимъ для узнанія поводовъ, побудившихъ его созвать съѣздъ. Воевода указалъ на цѣлый рядъ тайныхъ соглашеній короля съ австрійскимъ домомъ, на раздачу должностей людямъ неспособнымъ, на очевидное стремленіе къ самовластію, подорваніе національныхъ правъ и т. д. Зебржидовскій увѣрялъ при этомъ, что онъ соединился съ ревностными, въ дѣлѣ отечества, гражданами единственно съ цѣлію—предотвратить упадокъ отечественныхъ правъ и рѣчипосполитой. Въ заключеніе онъ просилъ пословъ, повторить все имъ сказанное сеймовымъ сословіямъ. Но послы объявили, что повтореніе свѣдѣній, не поддержанныхъ доказательствами, противится ихъ достоинству и требовали, чтобы воевода не былъ столь настойчивымъ и во всемъ положился на сенатъ. Отвѣтъ Зебржидовскаго произвелъ въ сенатѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе, но собраніе депутатовъ пришло въ восторгъ отъ его словъ и дѣйствій, называя его защитникомъ правъ и свободы рѣчипосполитой.

Такъ какъ сеймъ приближался уже къ концу и ничего не было еще рѣшено, то сенатъ потребовалъ къ себѣ собраніе депута-

товъ и пытался уговорить его заняться разрѣшеніемъ самыхъ безотлагательныхъ нуждъ рѣчипосполитой. Депутаты обѣщали дать отвѣтъ на слѣдующій день. Король роздалъ между тѣмъ должности своимъ сторонникамъ или друзьямъ іезуитовъ. Это раздражило Радзивилла, который съ нѣкоторыми литовскими депутатами, еще до закрытія сейма, уѣхалъ въ Стенжицу. Его примѣру послѣдовали многіе другіе депутаты, что подало поводъ къ прерванію сейма. Не смотря на это Сигизмунду удалось склонить оставшихся депутатовъ дать согласіе на налогъ, который приняли только нѣкоторые русскіе уѣзды и воеводства.

Въ Стенжицѣ, по распущеніи сейма, было рѣшено (около 20 апр.) созвать новый (4 іюня) генеральный съѣздъ въ Люблинѣ, на который приглашена вся коронная и литовская шляхта. Въ универсалахъ были изложены причины, по которымъ всѣмъ слѣдуетъ собраться и по расторженіи нѣсколькихъ сеймовъ, обсудить дѣла рѣчипосполитой. Король, съ своей стороны, разослалъ универсалы (28 апр.), сзывающіе сеймики въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не согласились на налогъ. Подобно тому какъ стенжинскій съѣздъ обвинялъ его въ прерваніи сейма и во всѣхъ дѣйствіяхъ рѣчипосполитой,—Сигизмундъ сваливалъ въ своихъ универсалахъ всю вину на противную партію. Съ обѣихъ сторонъ были употреблены въ дѣло всѣ пружины, чтобы убѣдить народъ въ законности своего поведенія и обезпечить за собою побѣду. Въ это время появилось много брошюръ, въ которыхъ одна партія клеймила другую самыми рѣзкими обвиненіями. Появлялись, правда, и серьезныя сочиненія, въ которыхъ затрогивались жизненные общественные вопросы, въ которыхъ рѣзко нападали на испорченность нравовъ, на притѣсненіе сельскаго люда, козни и мотовство и, вообще, на небрежность въ общественныхъ дѣлахъ.

Все это встревожило шляхту въ высшей степени. Не смотря на всевозможные происки двора, громадное большинство объявило себя, по убѣжденію, въ пользу его противниковъ. Даже сеймики, созванные королевскими универсалами и составленные или изъ нейтральныхъ людей или же изъ роялистовъ, порицали дѣйствія правитель-

ства и едва съ трудомъ заявили требованія, чтобы въ ихъ отсутствіи ничего не было рѣшаемо на люблинскомъ съѣздѣ. Противъ этихъ сеймиковъ поступили въ городскіе суды протесты, потому что въ болѣе или менѣе многочисленныхъ собраніяхъ шляхты, на этотъ разъ, недостатка не было.

Люблинскій съѣздъ отличался своею многочисленностью. Зебржидовскаго просили назначить маршала собранія, и онъ передалъ жезлъ Янушу Радзивиллу. Со стороны короля явился Станиславъ Жолкевскій, съ намѣреніемъ уговорить Зебржидовскаго отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія дѣла. Въ этомъ же духѣ работали и прочіе сторонники двора, явившіеся на съѣздъ, собственно для того, чтобъ парализировать усилія противниковъ. Они обольщали себя надеждою, что съумѣютъ повредить всему, такъ какъ въ началѣ, дѣйствительно, существовало въ собраніи сильное несогласіе. Но происки ихъ остались тщетными, ибо самая умѣренная партія сдѣлала то, что предложеніе нѣкоторыхъ ярыхъ защитниковъ свободы, какъ напримѣръ, Станислава Стадницкаго, которые хотѣли, тотчасъ, отказать Сигизмунду въ повиновеніи и обнародовать междуцарствіе, было всѣми отвергнуто. Послѣ долгихъ преній было рѣшено (15 іюня) созвать съѣздъ въ Сандомірѣ, куда была вызвана вся шляхта. Кромѣ того было отправлено посольство къ королю, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ жалобъ и съ приглашеніемъ явиться не только лично на сандомірскій съѣздъ, гдѣ ему предстояло дать отчетъ въ своемъ правленіи, но заставить прибыть также сенаторовъ. Относительно иностранцевъ, было оговорено, чтобы король ни въ какомъ случаѣ, не привозилъ ихъ съ собою на сеймъ. Посольство должно было объявить ему прямо, что если онъ не выполнитъ желаній народа, то рѣчьпосполитая сама позаботится о себѣ.

Во время люблинскаго съѣзда король находился въ Варшавѣ. Подъ вліяніемъ своихъ сторонниковъ и іезуитовъ, а быть можетъ, вслѣдствіе наущеній австрійцевъ, король издалъ (13 іюня) универсалъ, въ которомъ обвинялъ собравшихся въ Люблинѣ въ замыслѣ свергнуть его съ престола, приглашалъ всѣхъ вѣрноподданныхъ,

поспѣшить, какъ можно скорѣе, съ вооруженными дружинами на защиту его и отечества. Разославъ эти универсалы, король, съ бывшими подъ рукою войсками, отправился въ Краковъ и занялъ его безъ сопротивленія, такъ какъ Зебржидовскій, уполномоченный люблинскимъ съѣздомъ собрать войско и созвать ополченіе, въ случаѣ какого-либо посягательства на свободу края, отозвалъ свой гарнизонъ изъ Кракова и располоившись подъ Завихостомъ, слѣдилъ со вниманіемъ за всѣми движеніями противниковъ. Вскорѣ послѣ послѣ вступленія Сигизмунда въ Краковъ, явилась депутація отъ люблинскаго съѣзда, и объявивъ, согласно данной ей инструкціи, волю народа, въ выраженіяхъ довольно рѣзкихъ, требовала скораго отвѣта. Король откладывалъ со дня на день, такъ какъ ждалъ совѣта со стороны вѣнскаго двора, къ которому отправилъ инструкцію депутаціи въ латинскомъ переводѣ. Но ему не давали покоя и онъ вынужденъ быть отвѣтить. Предварительно однакожъ, Сигизмундъ разослалъ секретно (28 іюня) къ Жолкевскому и ко многимъ сенаторамъ экстренное воззваніе, чтобы они, въ возможно большемъ числѣ, явились, вооруженные, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ въ Краковъ, такъ какъ его личность находится въ опасности. Въ отвѣтѣ же, данномъ (30 іюня) депутаціи, король оправдывалъ свое поведеніе и заявлялъ о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, въ отношеніи рѣчипосполитой, для которой онъ готовъ пожертвовать даже, жизнію, а уклоненіе отъ окончательнаго отвѣта, объяснялъ отсутствіемъ многихъ сенаторовъ. Къ тому же Сигизмундъ выражался такъ мягко, что, казалось, въ самомъ дѣлѣ хочетъ разрѣшить всѣ разногласія мирнымъ путемъ и вовсе не думаетъ о вооруженной силѣ, о которой между тѣмъ, онъ уже позаботился.

Призывъ Жолкевскаго съ кварцяными полками, обязанными, по закону, оберегать границы рѣчипосполитой отъ татаръ, имѣлъ видъ полнѣйшаго произвола. Желая сообщить этому шагу, по крайней мѣрѣ, какой-либо характеръ законности, роялисты составили сеймикъ въ Вишни, на которомъ шляхта трехъ воеводствъ, видя, будто бы, опасность, которой подвержена личность и до-

стоинство короля, а также рѣчьпосполитая со стороны иностранныхъ войскъ заговорщиковъ, обратилась съ воззваніемъ къ Жолкевскому, прося его явиться, какъ можно скорѣе, съ помощью и защитою. Сверхъ того была снаряжена депутація на сандомірскій съѣздъ съ полномочіемъ объявить отъ имени трехъ русскихъ воеводствъ о желаніи послѣднихъ содѣйствовать необходимымъ преобразованіямъ въ рѣчипосполитой, лишь бы заговорщики, распустивъ свои войска, поддерживали законнымъ путемъ свои требованія и примкнули къ тѣмъ, которые не замедлятъ собраться вокругъ короля. И дѣйствительно сторонники короля собирали со всѣхъ сторонъ шляхту на отдѣльный съѣздъ въ Вислицу, куда отправился и Сигизмундъ, тотчасъ по прибытіи кварцянаго войска. Этимъ шагомъ хотѣли разрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить съѣздъ заговорщиковъ.

Не смотря на происки короля, многочисленныя толпы шляхты собирались со всѣхъ сторонъ въ Сандомірѣ. Къ означенному дню (6 авг.) прибылъ Зебржидовскій, но никого еще не засталъ, а въ теченіи одной недѣли, собраніе шляхты насчитывало до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Составился совѣщательный кругъ, въ которомъ засѣдали избранные отъ земель и воеводствъ депутаты. Каждое воеводство, въ свою очередь, составляло свой отдѣльный кругъ. Маршаломъ главнаго круга, или предсѣдателемъ всего съѣзда былъ избранъ Янушъ Радзивиллъ. Въ этомъ собраніи состоялся актъ конфедераціи, въ которомъ всѣ обязались подъ честнымъ словомъ держаться другъ друга до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ предположенной цѣли. Актъ этотъ подписали 50,400 шляхты и сверхъ того, каждое воеводство образовало отдѣльную конфедерацію. Установлены временныя правила для поддержанія въ столь многочисленномъ собраніи дисциплины и порядка, и избраны судьи, которые должны были наказывать всякое нарушеніе правилъ. Для совѣщаній отведено открытое поле подъ Покрживницею. Къ Жолкевскому и кварцянымъ полкамъ отправлены послы съ требованіемъ, чтобы они возвратились на свои мѣста, ибо рѣчь-

посполитая содержитъ ихъ не для попиранія правъ, а для защиты границъ.

Король, испуганный многочисленнымъ сборищемъ шляхты, отправилъ двухъ сенаторовъ съ весьма благосклоннымъ заявленіемъ, что, собравъ вокругъ себя весь сенатъ и не мало шлахты, онъ готовъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ рѣчипосполитой, а потому приглашаетъ собравшихся уполномочить изъ своей среды нѣсколько лицъ для переговоровъ. Но конфедераты заподозрили его посланниковъ въ желаніи только вывѣдать что нибудь, такъ какъ они не могли представить достаточнаго ручательства въ данномъ имъ полномочіи, — окончательно обсудить условія договора. Сигизмундъ хотѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, ожиданіемъ переговоровъ выиграть только время, ибо зналъ, что собравшейся, въ огромномъ числѣ, шляхтѣ, особенно мелкопомѣстной, нельзя будетъ долго оставаться въ сборѣ, а когда разъѣдется большинство, съ остальными справиться было бы не трудно. Онъ разсчитывалъ къ тому же, на большую партію умѣренной шляхты, которая хотя и требовала реформъ въ рѣчипосполитой, но противилась насильственнымъ мѣрамъ, а потому желала преобразованій безъ перемѣны короля. Конфедераты, предвидя намѣреніе двора и его сторонниковъ, открыто объявили, что держась люблинскихъ рѣшеній, на которыя, до сихъ поръ не послѣдовало категорическаго отвѣта, — они сами осудили бы свои предшествовавшія дѣйствія, если бы вздумали вступать въ какіе либо новые переговоры. Столь же безуспѣшно было посольство отъ вислицкаго съѣзда.

Соглашеніе было рѣшительно невозможнымъ, какъ скоро сдѣлалось явнымъ стремленіе королевской партіи, во что бы то ни стало, унизить противниковъ и воспрепятствовать задуманной ими реформѣ рѣчипосполитой. Чтобы однакожъ не раздражить умѣренную партію, приступили и въ Вислицѣ къ обсужденію, преобразованій въ управленіи страною и просили конфедератовъ воздержаться отъ положительныхъ рѣшеній до тѣхъ поръ, пока вислицкое собраніе не доставитъ имъ своихъ постановленій. И дѣйствительно къ нимъ были доставлены (4 сент.) 12 параграфовъ, съ рѣ-

шительнымъ требованіемъ, не медля, разъѣхаться, распустить войска и не составлять новыхъ съѣздовъ, если они хотятъ, чтобъ на нихъ не смотрѣли, какъ на враговъ отечества. Какъ бы для насмѣшки требованіе заканчивалось весьма вѣжливою просьбою — дать отвѣтъ не далѣе, какъ по истеченіи одной недѣли. Въ вислицкихъ пунктахъ, утвержденныхъ Сигизмундомъ, была оговорена свобода избирательности короля, дополненія уставовъ, относительно пребыванія въ его свитѣ сенаторовъ, гарантировались послѣдователямъ *восточной церкви* прежнія права и льготы, было обѣщано удаленіе отъ двора всѣхъ иностранцевъ и раздача всевозможныхъ должностей людямъ заслуженнымъ и способнымъ. Наконецъ этими пунктами обезпечено правильное судопроизводство, установлено, чтобы ни одно распоряженіе не выходило подъ частною, королевскою печатію, и король обязался, въ самомъ непродолжительномъ времени, созвать сеймъ, на которомъ обѣщалъ дать охотно свое согласіе на требованія сословій обезпечить, самымъ положительнымъ образомъ, ихъ общественныя права.

Прежде нежели были получены подъ Покрживницею помянутые артикулы, составлявшіе не болѣе, какъ неудовлетворительный сколокъ изуродованныхъ постановленій рѣчипосполитой, — собраніе конфедератовъ занималось также обсужденіемъ своихъ артикуловъ. Совѣщанія были бурны и должны были длиться весьма долго, такъ какъ въ собраніи находилось много тайныхъ роялистовъ, намѣренно поднимавшихъ разные посторонніе вопросы, чтобы только занять время. Кромѣ того нѣкоторые фанатики и, даже, злонамѣренные люди, подавали, своими неумѣстными выходками, поводъ, къ шумнымъ преніямъ. Не смотря, однакожъ, на всѣ подобныя препятствія, умѣренная партія одержала верхъ. Съѣздъ избралъ коммисію изъ 24 членовъ для пересмотра и распредѣленія конфедератскихъ артикуловъ, имѣвшихъ цѣлію—обезпеченіе правъ и льготъ, а также лучшую организацію рѣчипосполитой. Болѣе важныя статьи, въ количествѣ 67-ми, рѣшено было, тотчасъ же, отправить къ королю, остальныя же 49 отложить до слѣдующаго сейма. Лучшимъ доказательствомъ зрѣлости сужденій коммисіи служитъ то, что

когда пришла очередь обсуждать статью о іезуитахъ, — иновѣрцы удалились, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса однимъ католикамъ, число которыхъ въ коммисіи простиралось до 17. Послѣ окончанія трудовъ коммисіи, и одобренія этихъ трудовъ собраніемъ конфедератовъ, депутація, изъ 25 человѣкъ, отправилась (9 сент.) къ Сигизмунду съ конфедератскими статьями, которыя въ сущности, составляли дополненіе нѣкоторыхъ статей закона. Депутаціи приказано ожидать отвѣта короля не болѣе одной недѣли. Если бы этого отвѣта не послѣдовало, она была уполномочена оставить изъ своей среды двухъ членовъ въ Вислицѣ, и затѣмъ возвратиться. Требованія конфедератовъ были весьма умѣренны и король могъ смѣло принять ихъ, нисколько не оскорбляя своего достоинства. Развѣ можно было бы сдѣлать одинъ только упрекъ—зачѣмъ требовали они, безъ видимой надобности, принятія всѣхъ пунктовъ, какъ скоро они сами раздѣлили ихъ на нетерпящіе отлагательства и менѣе важные? Конфедераты могли бы домогаться исполненія первыхъ, а послѣдніе отложить до сейма. Роялистовъ особенно раздражила статья, опредѣлявшая сеймовый судъ для дурныхъ совѣтниковъ короля. Іезуиты, съ своей стороны, приходили въ негодованіе отъ направленной противъ нихъ статьи, а короля оскорбило требованіе возобновленія присяги о поручительствахъ сената и письменное утвержденіе всѣхъ правъ рѣчипосполитой, а также угроза, что въ случаѣ уклоненія съ его стороны, народъ откажетъ ему въ повиновеніи. Отправляя свои постановленія въ Вислицу, конфедераты одновременно разослали универсалы ко всему народу, въ которыхъ представили подробный отчетъ всего, происходившаго на ихъ съѣздѣ и въ Вислицѣ. Вислицкой же депутаціи было объявлено, что, по случаю закрытія собранія, она должна обождать королевскаго отвѣта на ихъ параграфы и новаго генеральнаго собранія конфедератовъ. Представительницею съѣзда осталась только коммисія, составленная изъ 30 лицъ, и находившаяся при войскѣ; она была уполномочена призвать къ оружію всю шляхту, если бы рѣчипосполитой угрожала опасность.

Король и его клевреты, видя на своей сторонѣ превосходство

оружія, отвѣтили гордо и рѣзко на конфедератскіе пункты. Въ этомъ отвѣтѣ все дѣло приписывалось нѣсколькимъ человѣкамъ, которые изъ личныхъ видовъ возбуждали волненіе въ рѣчипосполитой и вооружали народъ противъ невиннаго короля. Далѣе требовалось рѣшительное принятіе вислицкихъ параграфовъ, съ тою однакожъ примирительною оговоркою, что король, на ближайшемъ сеймѣ, дастъ свое согласіе на нѣкоторыя преобразованія, въ которыхъ окажется крайняя надобность. Въ случаѣ сопротивленія, король угрожалъ каптуромъ или, по нынѣшнему, полевымъ судомъ. Конфедераты, успѣвшіе перейти уже въ Сандоміръ, рѣшились, посредствомъ универсаловъ, созвать шляхту на новый генеральный съѣздъ для защиты своихъ льготъ. Но прежде нежели появился ихъ универсалъ (26 сент.), король издалъ (23 сент.) въ Вислицѣ свой универсалъ, въ которомъ приглашалъ шляхту бросить дѣло конфедераціи и объявлялъ, что хотя онъ не посягаетъ на жизнь сандомірскаго сборища, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ непослушанія, будетъ вынужденъ прибѣгнуть, какъ въ отношеніи къ нему, такъ равно и его сторонникамъ, ко всей строгости законовъ.

Нѣкоторые изъ умѣренныхъ сенаторовъ, а въ особенности Янушъ Острогскій, хотѣли своимъ посредничествомъ удержать обѣ стороны отъ вооруженнаго столкновенія. Но всѣ ихъ усилія были тщетны, такъ какъ королевская партія требовала униженія противниковъ. Всевозможные переговоры окончились ничѣмъ, и король съ 20 тысячнымъ войскомъ двинулся противъ конфедератовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Зебржидовскаго, который располагалъ только 4-хъ тысячнымъ отрядомъ. Подъ Яновцемъ, при переправѣ чрезъ Вислу, Сигизмундъ настигнулъ (4 окт.) противниковъ, именно въ ту минуту, когда Стадницкій, съ $1/3$ частью войска, былъ уже на той сторонѣ рѣки и потребовалъ безусловной покорности. Зебржидовскій и Радзивиллъ, насчитывая въ своихъ рядахъ едва 2,000 человѣкъ, не хотѣли сдаться и начали приготовляться къ бою, готовые жертвовать своею жизнью. Но подобно тому какъ прежде, они заявили и теперь, что гнушаются междоусобною войною, и что хотя король легко можетъ умертвить ихъ горсть,

побѣда все таки не останется за нимъ, ибо народъ вѣроятно потребуетъ отчета въ той крови.

Нѣкоторые сенаторы укрощая съ одной стороны гнѣвъ короля, съ другой — побуждали къ уступчивости Зебржидовскаго и Радзивилла. Послѣдніе двое обѣщали распустить войска, вести себя спокойно до самаго сейма и не сзывать новыхъ съѣздовъ *). Король же, съ своей стороны, обѣщалъ предать забвенію все прошлое и на ближайшемъ сеймѣ вполнѣ удовлетворить требованіямъ рѣчипосполитой. Яновецкое примиреніе было только кажущимся, ибо королевская партія не выполнила условій.

Если бы Сигизмундъ дѣйствительно желалъ успокоенія рѣчипосполитой, онъ не медлилъ бы созваніемъ сейма. Но проволочка подала поводъ къ новымъ смятеніямъ, чему впрочемъ содѣйствовали не мало его сторонники своимъ заносчивымъ поведеніемъ. На придирку великаго маршала короннаго Мышковскаго, отвѣтилъ Зебржидовскій весьма рѣзко, при чемъ возобновилъ прежніе толки о сношеніяхъ двора съ заграницею. Въ краковской, познанской и другихъ провинціяхъ шляхта не хотѣла позволить открытія судовъ, до тѣхъ поръ, пока король не созоветъ сейма и не дастъ полнаго удовлетворенія требованіямъ рѣчипосполитой. Отъ краковскаго воеводства явилась, даже депутація, которая, представивъ королю условія, на которыхъ онъ принялъ власть, потребовала рѣшительно скорѣйшаго созванія сейма, чтобы уже разъ навсегда покончить со всѣми жалобами на отступленія отъ закона. Король оправдывалъ замедленіе въ созваніи сейма дурнымъ временемъ и необходимостію снисхожденія, въ отношеніи людей, которые, во время недавнихъ потрясеній, потерпѣли значительные убытки. Такія пустыя отговорки не могли быть приняты и подобно тому, какъ придворная партія распространяла ложные слухи о конфеде-

*) Зебржидовскій и Радзивиллъ отправились въ королевскій лагерь ночью, при свѣтѣ факеловъ. Зебржидовскій, цѣлуя руку короля сказалъ: «клянусь Богомъ, предъ судомъ котораго я готовился предстать въ ожидавшемъ насъ сраженіи, что каждый мой шагъ имѣлъ въ виду одно общественное благо; обѣщаю покорность, въ полной увѣренности, что ваше величество удовлетворитъ желаніямъ народа». *Прим. перевод.*

ратахъ, будто бы они входили въ тайныя сношенія съ иностранцами, — такъ конфедераты, съ своей стороны, распускали вѣсти, будто духовенство рѣшило дать королю 200,000 злот. на наемъ войска, а также намѣрено исходатайствовать у папы значительное денежное вспомоществованіе. Взаимное раздраженіе партій возрастало съ каждымъ днемъ, а потому, неизбѣжно, должны были вспыхнуть безпорядки.

Теперь первый шагъ былъ сдѣланъ Великопольшею. Собравшаяся въ Колѣ шляхта, имѣя во главѣ своего маршала Понентовскаго, обнародовала (14 февр. 1607) универсалъ, сзывающій къ 20 марта все коронное и литовское рыцарство, на новый конфедератскій съѣздъ въ Ендржеевѣ. Это рѣшеніе послѣдовало тогда только, когда примасъ Мацѣіовскій не далъ шляхтѣ требуемой отъ него гарантіи, что конфедератскія предложенія будутъ приняты сеймомъ и что король никого не подвергнетъ отвѣтственности за составленіе новыхъ съѣздовъ. Универсалъ этотъ, обвинявшій короля и придворную партію въ нарушеніи яновецкаго договора, возбудилъ въ шляхтѣ самое сильное негодованіе. Сигизмундъ замѣтилъ уже поздно, что употребилъ во зло терпѣніе народа. Желая, однакожъ, парализировать усилія конфедератовъ, король объявилъ, что сеймъ соберется 7 мая въ Варшавѣ, а сеймики въ воеводствахъ 27 марта, т. е. тотчасъ же, послѣ обнародованнаго съѣзда подъ Ендржеевымъ. Онъ разсчитывалъ отвлечь этимъ маневромъ большинство шляхты отъ участія въ съѣздѣ, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Но когда король въ универсалахъ своихъ, говоря о вислицкихъ постановленіяхъ, ничего не вспомнилъ о конфедератскихъ предложеніяхъ, возникло сомнѣніе на счетъ его искренности, въ отношеніи коренной реформы рѣчипосполитой. Объявленные сеймики, бывшіе почти вездѣ весьма бурными, отнюдь не помѣшали осуществиться ендржеевскому съѣзду. Въ началѣ партія оппозиціи была малочисленна, но мало по малу съѣздъ сталъ оживляться. Зебржидовскій и Радзивиллъ откладывали весьма долго свое прибытіе и только возобновленныя воззванія могли ихъ склонить къ участію въ съѣздѣ. Отправляясь въ Ендржеевъ, Радзивиллъ въ

особенномъ письмѣ къ королю изложилъ поводы, побудившіе его къ этому шагу и умолялъ не пренебрегать справедливыми желаніями народа. Въ то же время воевода убѣждалъ и сенаторовъ не раздражать умовъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, а скорѣе чистосердечно подумать объ успокоеніи рѣчипосполитой. Король и его сторонники первоначально не обращали вниманія на ендржеевскій съѣздъ и только тогда обратились съ мягкою рѣчью къ собравшимся, когда замѣтили, что число ихъ представляло весьма почтенную цифру. Королевское посланіе успѣло на столько, что возмутившіеся отложили рѣшенія возстанія до 28 мая, съ цѣлію убѣдиться предварительно, какія средства предложитъ сеймъ, для успокоенія рѣчипосполитой. Приглашая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ коронныхъ и литовскихъ гражданъ на новый съѣздъ въ Варшаву къ означенному дню, конфедераты объявили, что сами не разъѣдутся и только подвинутся къ этому городу.

Король, во главѣ значительнаго войска, отправился въ Варшаву, гдѣ именно должно было послѣдовать открытіе сейма. Во время похода, онъ свернулъ въ сторону, желая избѣгнуть съ возмутившимися встрѣчи, которая могла бы быть для него весьма неблагопріятною. Свое войско Сигизмундъ расположилъ лагеремъ подъ Варшавою, чтобы не показалось, будто онъ посягаетъ на свободу сеймовыхъ совѣщаній. Всѣ сенаторы явились также съ болѣе или менѣе вооруженными дружинами. Нѣкоторыя воеводства, въ томъ числѣ и краковское, не прислали депутатовъ, что однакожъ не помѣшало открытію сейма, на которомъ королевская партія имѣла видимый перевѣсъ. Маршаломъ былъ избранъ, человѣкъ придворный, коронный референдарій Феликсъ Крыскій. Въ предложеніяхъ отъ трона, король изъявлялъ готовность на все, чего единогласно потребуютъ отъ него сословія, но съ своей стороны настаивалъ на назначеніи налоговъ для поддержанія ливонской войны и удовлетворенія войска жалованьемъ за прошлое время. При этомъ Сигизмундъ заявилъ, что не будетъ присутствовать на совѣщаніяхъ сената и соединенной съ нимъ посольской палаты до тѣхъ поръ, пока сеймъ не придумаетъ средствъ къ умиротворенію

рѣчипосполитой, чтобы, такимъ образомъ, предоставить всѣмъ полную свободу въ выраженіи своихъ мыслей. При началѣ совѣщаній, нѣкоторые сенаторы, въ томъ числѣ и Жолкевскій, хотѣли приступить къ разсмотрѣнію предложеній конфедератовъ и принять изъ нихъ то, что въ нихъ было хорошаго. Но большинство сената ничего и слышать не хотѣло объ этихъ предложеніяхъ.

Между тѣмъ возмутившіеся расположились (4 мая) подъ Вонхоцкомъ, откуда отправили депутацію въ Варшаву, заявившую въ посольской палатѣ (10 мая) требованіе, чтобы сеймъ, избѣгая личностей и связей съ иностранцами, и не откладывая, по обыкновенію, до послѣдней минуты самыхъ важныхъ вопросовъ, занялся, какъ можно добросовѣстнѣе, общественными дѣлами. Посольская палата, вопреки желанію придворной партіи, отвѣтила весьма дружески на это воззваніе, увѣривъ, что употребитъ всѣ усилія для скорѣйшаго умиротворенія отечества. Но дѣло окончилось одними лишь обѣщаніями. Коммисія, назначенная для пересмотра вислицкихъ и сандомірскихъ предложеній, дѣйствовала, совершенно, въ духѣ придворной партіи, отвергая все, что не нравилось этой партіи. Послѣ весьма поспѣшнаго и небрежнаго разрѣшенія этого дѣла, постановлено (25 мая), что каждый, знающій о какомъ либо незаконномъ дѣйствіи короля или сената, вправѣ выступить, въ качествѣ обвинителя, передъ сеймовымъ судомъ. Но при этомъ была сдѣлана оговорка, что въ случаѣ бездоказательности обвиненія, доносчикъ подвергается карѣ, которая должна была постигнуть обвиненнаго. Не было, однакожъ, сказано, что послѣдуетъ, если король окажется виновнымъ. Рѣшеніе это, въ видѣ воззванія, было доставлено также въ лагерь возмутившихся, расположенный въ то время подъ Сѣцѣховымъ. Въ отвѣтъ на это воззваніе, возмутившіеся обнародовали универсалъ, которымъ приглашали всѣхъ къ окончанію дѣла конфедераціи, такъ какъ сеймъ обманулъ справедливыя ожиданія народа. Вслѣдъ затѣмъ возмутившіеся подвинулись еще къ Варшавѣ и расположились (30 мая) подъ Черскомъ. Отсюда отправили они делегацію въ сенатъ и посольскую палату съ приглашеніемъ явиться на ихъ съѣздъ, на которомъ

должны были быть изобличены не только всѣ козни, но и обдуманы средства для кореннаго преобразованія рѣчипосполитой. Что же касается сеймоваго суда, то делегація объявила, что возмутившіеся видятъ въ этомъ—новое орудіе для притѣсненія всѣхъ гражданъ, сознающихъ свои обязанности. Сеймъ отвѣтилъ, что вовсе на думаетъ притѣснять кого либо своимъ рѣшеніемъ, а, напротивъ, желаетъ скорѣе умиротворить окончательно рѣчьпосполитую, и что, окончивая начатыя свои работы, онъ, въ то же время, не допуститъ никакихъ незаконныхъ съѣздовъ. Послѣ такого отвѣта, приступлено было къ розыгранію судебной комедіи. Въ продолженіи цѣлой недѣли, возные *) приглашали всѣхъ, имѣвшихъ въ рукахъ какія либо доказательства противъ короля или сената, выступить съ обвиненіемъ и когда никто не явился, какъ легко можно было предвидѣть, сеймъ призналъ торжественно (13 іюня) и короля и сенатъ невинно оклеветанными. Сеймъ снарядилъ блестящее посольство къ возмутившимся, поручивъ ему убѣдить послѣднихъ примириться съ королемъ, на условіяхъ, согласныхъ съ требованіями справедливости. Но усилія посольства оказались тщетными, такъ такъ возмутившіеся объявили, что тогда лишь согласятся на миръ, когда будутъ приняты сандомірскія предложенія и когда король обезпечитъ въ будущемъ рѣчьпосполитую отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ козней и удалитъ отъ себя злонамѣренныхъ совѣтниковъ. Съ возвращеніемъ пословъ въ Варшаву окончились (18 іюня) совѣщанія сейма. По принятіи вислицкихъ постановленій съ нѣкоторыми прибавленіями, были воспре-

---

*) Вознымъ, во времена Пястовъ, назывался не прислужникъ въ судѣ, а младшій чиновникъ, нѣчто въ родѣ ассесора. Со временъ Ягеллоновъ возный дѣлается судебнымъ прислужникомъ. Но тѣмъ не менѣе званіе align вознаго считалось всегда весьма важнымъ. Не даромъ его называли providus, т. е. проворнымъ, ловкимъ. Особенно требовалось много искусства при врученіи вызова. Обвиненный шляхтичъ поймавшій на своемъ дворѣ вознаго и выпустившій его безъ расправы, былъ, навѣрное, человѣкомъ весьма мягкаго нрава. А потому нужно было много ловкости со стороны вознаго, чтобы, вручивъ вызовъ при свидѣтелѣ, успѣть скрыться. Не разъ приходилось возному передѣваться нищимъ, войти на крыльцо, положить бумагу передъ кѣмъ либо изъ домочадцевъ обвиненнаго и бѣжать. (А. Морачевскій.) *Прим. перевод.*

щены всякіе съѣзды, а возмутившимся повелѣно сложить оружіе и, не медля, расходиться по домамъ. Сверхъ того назначена сеймовая коммисія, которая, вмѣстѣ съ королемъ, должна была обдумать средства, *хорошія и милостивыя* съ цѣлію умиротворенія рѣчипосполитой, но существованіе этой коммисіи должно было ограничиться одною недѣлею. Король возвѣстилъ рѣчипосполитой универсалами обо всѣхъ единогласныхъ рѣшеніяхъ сейма, а равно о своей готовности простить всѣмъ, кто несправедливо вооружалъ противъ него народъ. Въ то же время онъ прибѣгнулъ къ угрозѣ, объявивъ, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ наказываемо по всей строгости законовъ.

Возмутившіеся, съ своей стороны, приступили (16 іюня) къ обѣщанному рѣшенію конфедераціи. Шляхта, тысячами, стекалась въ ихъ лагерь подъ Черскомъ, гдѣ былъ открытъ формальный процессъ Сигизмунду и его злонамѣреннымъ совѣтникамъ. Особенная коммисія должна была составить обвинительный актъ. Зебржидовскій вооружился фактическими доказательствами, обнаруживавшими интриги короля и двора. Кромѣ него явилось, впрочемъ, и много другихъ обвинителей. Все это послужило для коммисіи матеріаломъ къ составленію безспорнаго доказательства, заключавшагося въ 10 пунктахъ, что Сигизмундъ нарушилъ данную народу присягу и основные законы рѣчипосполитой. На основаніи, затѣмъ, точнаго смысла уставовъ, коммисія требовала, чтобы Сигизмунду было отказано въ повиновеніи. Происки сеймовыхъ депутатовъ, на этотъ разъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ лагерѣ подъ Езерною (24 іюня), дѣйствительно, было отказано въ повиновеніи Сигизмунду, о чемъ безотлагательно обнародовано во всеобщее свѣдѣніе. Едва вѣсть объ этомъ событіи дошла до Варшавы, король созвалъ (28 іюня) универсалами всѣхъ преданныхъ себѣ людей, и, оправдывая собственное поведеніе, свалилъ всю вину на противниковъ, которыхъ упрекалъ въ стремленіи погубить отечество, такъ какъ они не хотѣли подчиниться единогласному рѣшенію сейма и отвергли всякія условія примиренія. Увѣривъ при томъ, что онъ вовсе не намѣренъ призывать для своей защиты иноземныхъ под-

крѣпленій, король ввѣрилъ свою судьбу извѣстному великодушію и преданности поляковъ, къ свободно избраннымъ ими государямъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и примасъ Мацѣіовскій, въ особенномъ универсалѣ по всей рѣчипосполитой, сдѣлавъ упрекъ возмутившимся, что исключительное присвоеніе себѣ права отказывать въ повиновеніи королю, права принадлежащаго лишь цѣлому народу, равносильно посягательству на національную свободу.

Въ королевскомъ лагерѣ, въ которомъ было на лицо 40 сенаторовъ, состоялось рѣшеніе, не медля аттаковать возмутившихся прежде чѣмъ успѣетъ съ ними соединиться вся шляхта. Однакожъ, когда данъ былъ приказъ войску выступить въ походъ, — въ отрядѣ кварцяномъ послышались голоса, что противъ братьевъ нельзя обнажить оружія. Нѣкоторые, найболѣе усердные роялисты, совѣтовали прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, но Жолкевскій, опасаясь возстанія въ собственномъ лагерѣ, составилъ военный совѣтъ и согласился отправить делегацію къ возмутившимся, съ приглашеніемъ—не возбуждать междоусобной войны. Избравъ затѣмъ, изъ каждой хоругви *), самыхъ приверженныхъ сторонниковъ короля, онъ отправилъ ихъ къ возмутившимся, будто бы, отъ имени всего войска. Конфедераты, послѣ отказа въ повиновеніи королю, упразднили у себя совѣщательное собраніэ, а взамѣнъ ввели военный порядокъ. Вотъ почему делегація отъ войска не была впущена въ лагерь, и Петръ Лащъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ вопросомъ, чего имъ нужно. Такъ какъ делегація бсзусловно порицала всѣ дѣйствія возмущенія, а равно объявила отъ имени войска, что послѣднее будетъ отстаивать достоинство короля, то Лащъ уклонился отъ всякаго отвѣта, говоря, что оно прислано не войскомъ, а кѣмъ-то другимъ. Вопреки ожиданіямъ двора кварцяные полки и послѣ возвращенія делегаціи, отнюдь не обнаружили бо́льшей, противъ прежняго, склонности, къ борьбѣ съ своими соотечественниками. Возмутившіеся, полагая, что король бу-

*) Боевая единица, въ родѣ теперешняго баталіона или эскадрона.
Прим. перевод.

детъ ихъ аттаковать, стояли (29 іюня) цѣлый день подъ ружьемъ, а ночью, неизвѣстно почему, внезапно выступили въ Варки, находившіеся на разстояніи 8 миль. Походъ этотъ, похожій на отступленіе, имѣлъ самыя дурныя послѣдствія, ибо множество шляхты разъѣхалось по домамъ, чрезъ что силы возстанія замѣтно сократились. Король бросился преслѣдовать (30 іюня) и, на другой день, переправясь чрезъ Пилицу, занялъ позицію. Оба войска вовсе не были воодушевлены желаніемъ вступить въ бой, а передовая стража вмѣсто перестрѣлки, завязывала дружескіе разговоры. Ходкевичъ хотѣлъ, правда, завязать дѣло, не смотря на прибытіе делегаціи отъ имени противниковъ, но кварцяное войско снова объявило, что съ братьями драться не будетъ. Это обстоятельство заставило начать переговоры. Прежде всего оба войска должны были избрать 30 уполномоченныхъ, которымъ предстояло — рѣшить правильно ли отказано королю въ повиновеніи, наказать злонамѣренныхъ совѣтниковъ, если бы таковые оказались, и, наконецъ, обсудить средства, какія они признаютъ необходимыми, для успокоенія рѣчипосполитой. Между тѣмъ предполагалось пріостановить военныя дѣйствія. Король долженъ былъ расположиться въ Варкѣ, а возмутившіеся на разстояніи двухъ миль отъ этого города. Заключивъ такой договоръ, Жолкевскій предалъ военному суду тѣхъ, кто сообщилъ противникамъ лозунгъ. Одинъ изъ нихъ (Лесницкій) былъ повѣшенъ тотчасъ же, а шестеро бѣжало. Преждевременная строгость гетмана внушила подозрѣніе, что король намѣренъ неожиданно напасть на противниковъ, такъ что вмѣсто того, чтобы расположиться въ разстояніи двухъ миль, возмутившіеся заблагоразсудили дойти до Радома, бывшаго въ разстояніи 7 миль. Это движеніе было принято за нарушеніе договора, а потому, не медля, дано приказаніе преслѣдовать врага, тѣмъ болѣе, что и со стороны кварцянаго войска не предвидѣлось болѣе никакой оппозиціи. Жолкевскій обратился къ Зебржидовскому съ новымъ воззваніемъ не отвергать мира, но это воззваніе было безуспѣшно, такъ какъ воевода взялъ въ плѣнъ парламентера. Бой сдѣлался, затѣмъ, неизбѣженъ. Встрѣча произошла

(5 іюля) между Волею Гузовскою, Оронскомъ, и Крогульчею. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ возмутившихся, но послѣ бѣгства Лаща и Феликса Гербурта, король одержалъ совершеннѣйшую побѣду *). Сигизмундъ извѣстилъ обо всемъ народъ универсалами, угрожая наказать по всей строгости законовъ всякаго, кто дерзнетъ поддерживать возстаніе. Зебржидовскій распустилъ послѣ гузовскаго пораженія свои собственныя войска, а самъ поселился сперва у своего пріятеля Щуцкаго, а потомъ, въ бернардинскомъ монастырѣ, въ Опатовѣ. Феликсъ Гербуртъ отступилъ къ Люблину и пытался собрать остатки разбитаго войска, но атакованный неожиданно, самъ попался въ руки противниковъ, а войско его разсѣялось. Почти въ то же время (11 іюля) Янушъ Радзивиллъ издалъ въ Люблинѣ универсалъ, которымъ объявилъ междуцарствіе, и созвалъ шляхту на избирательный съѣздъ въ Варшаву къ 5 августу. Король съ своей стороны, изъ лагеря подъ Илжею, издалъ, относительно возмутившихся, еще болѣе строгіе универсалы, въ которыхъ угрожалъ имъ, въ случаѣ сопротивленія, преслѣдовать ихъ наравнѣ съ врагами отечества и измѣнниками. Подобныя же угрозы были направлены противъ всякаго, кто бы осмѣлился поддерживать ихъ безбожныя намѣренія.

Не смотря на гузовское пораженіе, возмутившіеся, тѣмъ не менѣе, не упали духомъ до такой степени, чтобы думать о безусловной покорности. Напротивъ, отъ Радзивилла явилась депутація къ Янушу Острогскому съ требованіемъ, чтобы онъ, въ качествѣ перваго свѣтскаго сенатора, взялъ на себя посредничество между королемъ и рѣчьюпосполитою и устроилъ бы, въ Сандомірѣ или въ Люблинѣ, съѣздъ, на которомъ уполномоченные обѣихъ сторонъ, составили бы условія окончательнаго согласія. При этомъ просили Острогскаго склонить Жолкевскаго отказаться отъ пре-

*) Подъ начальствомъ Зебржидовскаго находилось 10,000 человѣкъ, въ лагерѣ короля—7,000. Битва продолжалась среди страшной пыли; съ королевской стороны пало 50 человѣкъ, противники же потеряли около 1,200 человѣкъ; сверхъ того у нихъ взято 23 пушки и 12 знаменъ. Во время сраженія король командовалъ резервнымъ отрядомъ. *Прим. перевод.*

слѣдованія возмутившихся. Острогскій заявилъ объ этомъ королю и гетману и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы рѣзко высказаться противъ тѣхъ сторонниковъ короля, которые подъ предлогомъ защиты королевскаго дѣла, совершенно упускаютъ изъ виду всѣ прочія гражданскія обязанности. Его вмѣшательство имѣло, по крайней мѣрѣ, тотъ результатъ, что Жолкевскій, вмѣсто преслѣдованія возмутившихся, увѣщевалъ ихъ примириться съ королемъ. Но такъ какъ прочіе роялисты не дѣйствовали съ подобною же умѣренностію, то объ общемъ успокоеніи не могло быть и рѣчи.

Едва, въ самомъ дѣлѣ, возмутившіеся пріутихли немного, Сигизмундъ поторопился извѣстить императора, папу и другіе дворы, что онъ усмирилъ уже *измѣнниковъ* и *бунтовщиковъ* и все привелъ къ нормальному порядку. Но какъ только Потоцкіе, самые усердные роялисты, двинулись съ войскомъ въ Валахію, чтобы удержать господаремъ Константина, сына покойнаго Іереміи Могилы, — Зебржидовскій, условившись съ Радзивилломъ, выступилъ вдругъ неожиданно, расположился въ Рыкахъ и началъ собирать вокругъ себя всѣхъ сторонниковъ возстанія. Снова состоялась конфедерація, маршаломъ которой былъ избранъ Нищицкій и, въ октябрѣ подступили къ Варшавѣ. Въ это самое время, все духовенство съѣхалось вь Піотрковъ на синодъ, откуда было послано (12 окт.) краткое и вѣжливое приглашеніе къ возмутившимся—принять его посредничество и не прибѣгать ни къ какимъ рѣзкимъ мѣрамъ. Къ тому же имъ объявили, что синодъ, закрывъ свои совѣщанія, уполномочилъ примаса къ дальнѣйшимъ переговорамъ по этому дѣлу. Возмутившіеся приняли, какъ нельзя лучше, заявленіе духовенства и, съ своей стороны, положившись вполнѣ на Зебржидовскаго, разъѣхались, въ ожиданіи благопріятнаго исхода переговоровъ. Делегація потребовала у примаса отъ имени возмутившихся созванія сейма, для обсужденія средствъ, какими можно успокоить рѣчьпосполитую и побудить короля къ выполненію условій, данной имъ присяги. Это посольство требовало, сверхъ того, освобожденія плѣнныхъ и упраздненія коммисіи, назначенной для

пересмотра уставовъ. Примасъ уклонился отъ исполненія этихъ требованій, а тѣмъ самымъ, разрѣшеніе дѣла снова замедлилось.

Прежде нежели синодъ принялъ на себя посредничество, Зебржидовскій разослалъ ко всѣмъ свѣтскимъ сенаторамъ письма, въ которыхъ объявлялъ, что готовъ ввѣриться суду, составленному изъ обѣихъ сторонъ, если король согласится поручить изслѣдованіе всего дѣла шляхтѣ, на генеральномъ съѣздѣ. Жолкевскій, тотчасъ же, донесъ объ этомъ королю, совѣтуя, съ своей стороны, не упускать столь удобнаго случая успокоить взволнованное отечество. Король, находясь подъ вліяніемъ ярыхъ противниковъ возстанія, приписалъ этотъ совѣтъ гетмана измѣнѣ и отвѣтилъ ему въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ опомнился и далъ позволеніе вступить въ переговоры съ Зебржидовскимъ. Коммисія, засѣдавшая въ Варшавѣ по дѣлу о пересмотрѣ уставовъ, также отправила двухъ епископовъ въ Краковъ, чтобы уговорить Сигизмунда созвать сенатъ, но послѣ четырехнедѣльныхъ усилій, они воротились домой, безъ всякаго успѣха. Жолкевскій, между тѣмъ, открылъ переговоры съ Зебржидовскимъ, предложивъ ему прощеніе и снятіе съ него недоимочной кварты въ томъ случаѣ, если онъ извинится передъ королемъ, возобновитъ присягу на вѣрноподданство и откажется, на будущее время, отъ сзыванія всякихъ съѣздовъ. Воевода отвѣтилъ, что если бы дѣло шло только о немъ, онъ не колебался бы и минуты, но въ дѣлѣ рѣчипосполитой, онъ считаетъ своимъ долгомъ огражденіе правъ и преимуществъ, которымъ, все еще, не переставала угрожать опасность. Къ тому же онъ обратился за совѣтомъ, къ найболѣе значительнымъ своимъ сторонникамъ. Послѣ многихъ проволочекъ Сигизмундъ вынужденъ былъ, наконецъ, созвать (24 апр. 1608) сенатъ въ Краковъ, гдѣ (16 мая) и состоялось примиреніе. Окончательное успокоеніе рѣчипосполитой послѣдовало на сеймѣ въ Варшавѣ (въ янв. 1609), на которомъ король объявилъ недѣйствительными всѣ универсалы и распоряженія, направленныя противъ возмущенія, простилъ всѣмъ безъ исключенія, и въ отдѣльности сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ уставахъ и управленіи рѣчьюпосполитою.

Въ то время когда въ Польшѣ, вслѣдствіе дурнаго правленія Сигизмунда, происходили сильныя волненія, — сосѣднее царство московское сдѣлалось театромъ самой ужасной междоусобной войны. Іоаннъ Грозный оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій Ѳеодоръ вступилъ на престолъ, а младшій Димитрій былъ отправленъ въ Угличь на Волгѣ, вмѣстѣ съ матерью царицею Марѳою. Именемъ Ѳеодора управлялъ братъ жены его Ирины — Борисъ Годуновъ. Послѣдній, желая обезпечить за собою наслѣдство престола, велѣлъ въ тайнѣ умертвить малолѣтняго Димитрія. Семь лѣтъ спустя скончался Ѳеодоръ, и послѣ него провозглашенъ былъ царемъ Борисъ Годуновъ. Вскорѣ, однакожъ, начали носиться слухи, будто-бы, Дмитрій Іоанновичъ, законный наслѣдникъ престола, не погибъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, но что онъ подъ именемъ Григорія Отрепьева скрывается въ чудовомъ монастырѣ. Борисъ, устрашенный этимъ извѣстіемъ, велѣлъ схватить мнимаго царевича, но Отрепьевъ исчезъ безъ слѣда. Нѣсколько времени спустя смертельно заболѣлъ одинъ изъ слугъ князя Адама Вишневецкаго и исповѣдуясь у одного іезуита, сознался, что онъ царевичъ Димитрій, въ доказательство чего показалъ драгоцѣнный золотой крестикъ, повѣшенный у него на груди. Іезуитъ увѣдомилъ, тотчасъ же, объ этомъ событіи своего настоятеля и подъ вліяніемъ могущественнаго ордена, истинѣ этого признанія повѣрили многіе вельможи, папа и, даже, самъ Сигизмундъ. Братъ Адама Вишневецкаго—Константинъ, отправился съ Димитріемъ къ своему тестю, сандомирскому воеводѣ Юрію Мнишку. Отсюда, въ сопровожденіи обоихъ этихъ лицъ, Димитрій направился къ Кракову. Іезуиты употребили въ дѣло всѣ пружины, чтобы посадить на престолъ предковъ, открытаго столь чуднымъ образомъ, царевича, тѣмъ болѣе, когда послѣдній тайно присоединился къ лону латинской церкви и обѣщалъ, по принятіи верховной власти, усердно работать надъ соединеніемъ своего государства съ тою же церковью. Въ глазахъ іезуитовъ и папы это дѣло было весьма серьезное, но и Сигизмундъ, подстрекаемый нунціемъ Рангони, готовъ былъ оказать дѣятельную помощь Димитрію.

Его связывалъ, однакожъ, двадцатилѣтній миръ, заключенный недавно (1602) съ московскимъ царствомъ, а потому, безъ согласія сейма, онъ не могъ открыть войны. Впрочемъ онъ далъ разрѣшеніе нѣкоторымъ вельможамъ содѣйствовать Димитрію въ достиженіи престола, въ особенности Мнишку, на дочери котораго Маринѣ лже-царевичъ намѣренъ былъ жениться *).

Мнишекъ, Вишневецкій и другіе вельможи, встрѣтивъ, со стороны іезуитовъ, денежную поддержку, начали собирать войско подъ Львовомъ. Большое жалованье привлекало не мало охотниковъ. Поднялись также козаки запорожскіе и донскіе. Вѣсти объ этихъ вооруженіяхъ встревожили Годунова и онъ отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ вопросомъ — желаетъ ли рѣчьпосполитая мира или войны. При этомъ онъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій, не кто другой, какъ только самозванецъ и обманщикъ. Король отвѣтилъ, что вовсе не думаетъ нарушать мира, а если отдѣльные вельможи своимъ содѣйствіемъ искателю приключеній измѣнятъ сосѣдской дружбѣ, то рѣчьпосполитая, на вѣрное, подвергнетъ ихъ отвѣтственности. Между тѣмъ Димитрій вторгнулся въ Россію (въ окт. 1604) и во всѣхъ изданныхъ имъ прокламаціяхъ именовалъ себя сыномъ Іоанна. Мнишекъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что король и рѣчьпосполитая поддерживаютъ оружіемъ законнаго царя въ борьбѣ съ похитителемъ престола. Вскорѣ многіе города сдались Димитрію, и народъ въ этихъ городахъ ловилъ чиновниковъ Бориса и доставлялъ ихъ въ лагерь самозванца, который, обыкновенно, освобождалъ ихъ, а тѣмъ самымъ, пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ и между боярами. Напрасно вооружался Борисъ Годуновъ, даже

*) Эпоха самозванцевъ и тогдашнія сношенія Россіи съ Польшею разсказаны г. Шмиттомъ, по большей части, чрезвычайно безпристрастно. Онъ почти сходится во взглядахъ съ нашимъ Карамзинымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто выражается его словами. Сожалѣемъ, что г. Шмиттъ нигдѣ не указываетъ на источники, которыми онъ пользовался, но это недостатокъ почти всѣхъ польскихъ историческихъ писателей, исключая Нарушевича; впрочемъ видно, что онъ изучалъ русскую исторію, не по однимъ польскимъ писателямъ, что признаемся, не малое достоинство, которымъ не могутъ похвалиться многіе польскіе историографы. Мы впослѣдствіи будемъ имѣть возможность указать еще разъ на безпристрастіе г. Шмитта. *Примѣч. перевод.*

патріаршія проклятія, направленныя противъ самозванца и всѣхъ его приверженцевъ, нисколько не улучшили положенія царя. Пятидесятитысячное царское войско претерпѣло пораженіе подъ Брянскомъ. Димитрій не могъ, однакожъ, извлечь выгодъ изъ этой побѣды, ибо часть поляковъ оставила его, а Мнишекъ былъ отозванъ королемъ. Вслѣдъ затѣмъ произошла новая встрѣча съ Василіемъ Шуйскимъ, который, во главѣ 60-ти тысячнаго войска, подступилъ къ Добрыничамъ, разбилъ совершенно полки Димитрія и заставилъ его бѣжать съ остатками въ Путивль. Здѣсь собирались къ нему новыя полчища, а когда, весною 1605 г., внезапно скончался Годуновъ,—въ Москвѣ провозгласили, правда, царемъ сына его Ѳеодора, но войско, бывшее, подъ начальствомъ Басманова перешло на сторону Димитрія. Вскорѣ вспыхнуло возстаніе въ самой столицѣ. Юный Ѳеодоръ Борисовичъ, вмѣстѣ съ матерью, былъ приговоренъ къ смерти, а Димитрій вступилъ (20 іюня) въ Москву и, въ качествѣ царя, принялъ бразды правленія. Онъ выписалъ царицу Марѳу изъ отдаленнаго монастыря, въ которомъ она проживала до того времени и былъ признанъ ею публично за сына. Затѣмъ совершилась коронація по русскому обычаю.

До этой минуты Лжедимитрій имѣлъ во всемъ удачу. Но онъ черезъ чуръ уже полагался на поляковъ, которые, въ значительномъ числѣ, оставшись въ столицѣ, прибѣгали довольно часто, къ злоупотребленіямъ и насиліямъ, что возбудило противъ нихъ неудовольствіе. Присутствіе іезуитовъ и пренебреженіе русскими обычаями внушили подозрѣніе, будто бы новый царь намѣренъ ввести латинскую вѣру. На него были, даже, въ претензіи за то, что будучи слишкомъ доступнымъ, онъ не окружалъ себя постоянно всѣми грозными аттрибутами царскаго величія. Пронеслась молва о его самозванствѣ, а Шуйскіе старались все болѣе и болѣе распространить убѣжденіе о томъ, что истинный сынъ Іоанна Грознаго не рѣшился бы до такой степени пренебрегать своимъ царскимъ достоинствомъ. Составился заговоръ, во главѣ котораго явился Василій Шуйскій. Дѣло это вышло однакожъ наружу.

Судъ приговорилъ Шуйскаго къ смерти, но Димитрій помиловалъ его, а, вслѣдъ затѣмъ, сдѣлалъ своимъ первымъ совѣтникомъ.

Желая отблагодарить Сигизмунда за нравственную помощь, оказанную ему въ достиженіи власти, Димитрій, прежде всего, пригрозилъ войною его дядѣ — Карлу, если онъ не отречется отъ присвоеннаго себѣ шведскаго престола. Затѣмъ онъ снарядилъ, осенью 1505 г., къ Сигизмунду блестящее посольство, задачею котораго было, во первыхъ—заключить вѣчный союзъ съ Польшею, а во вторыхъ — просить руки Марины Мнишекъ. Относительно союза король объявилъ, что, не медля, вышлетъ уполномоченныхъ въ Москву, а на бракъ съ Мариною согласился безъ всякихъ оговорокъ. Въ Краковѣ, 29 ноября, происходило обрученіе. Особу царя представлялъ посолъ. Послѣ этой церемоніи, новая царица съ блестящею свитою вельможъ и польскимъ посольствомъ отправилась въ Москву. Здѣсь совершилось, 17 мая 1606 г., новое вѣнчаніе и коронація. Но не долго тѣшились собою новобрачные. Спустя десять дней послѣ коронаціи въ Москвѣ вспыхнуло возстаніе, поводомъ котораго былъ, помилованный недавно Василій Шуйскій. Димитрія умертвили, а Марину и многихъ польскихъ магнатовъ заключили въ тюрьму. Изъ числа проживавшихъ въ столицѣ поляковъ погибло около 4,000 человѣкъ *). Бояре провозгласили царемъ Василія Шуйскаго. Новый владыка велѣлъ сжечь тѣло своего предмѣстника и зарядивъ имъ пушку, выстрѣлить по направленію къ польской границѣ. Сверхъ того, подъ его вліяніемъ, состоялось признаніе мощей истиннаго Димитрія, останки котораго были торжественно перевезены въ Москву. Марину съ отцомъ, многихъ магнатовъ и все польское посольство Шуйскій рѣшился удержать до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ отъ Сигизмунда увѣреніе въ ненарушимости мира съ Польшею. Съ этою цѣлію, съ титуломъ посланника Василія Шуйскаго, отправился въ Краковъ Волконскій.

---

*) «Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненыхъ; но знатнѣйшіе ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ.» (Карамзинъ, Т. XI, стр. 288). *Примѣч. перевод.*

Вѣсть о московскихъ событіяхъ, возбудила сильное волненіе въ рѣчипосполитой, но внутренніе безпорядки устраняли всякую мысль о мести. Волконскій возвратился въ Москву безъ отвѣта. Между тѣмъ въ московскомъ царствѣ вспыхнули новыя волненія. Враги Шуйскихъ твердили, что Димитрій не погибъ во время кровопролитія и вскорѣ явится между своими. Цѣлыя провинціи заявляли о своемъ неудовольствіи къ Василію, а Болотниковъ и Шаховскіе руководили возстаніемъ. Воротынскій одинъ изъ полководцевъ Василія разогналъ подъ Ельцемъ толпы мятежниковъ, но за то Болотниковъ одержалъ подъ Крошами побѣду надъ царскимъ войскомъ и, въ декабрѣ 1606 г., подступилъ, даже, къ Москвѣ, но оттѣсненный отсюда, вынужденъ былъ бѣжать въ Калугу. Въ это время среди козаковъ нашелся какой то Илейко, назвавшій себя Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора, а тѣмъ самымъ племянникомъ Димитрія. Шаховскіе и Болотниковъ, не медля, примкнули къ нему. Царь выступилъ самъ противъ Илейки, разбилъ его войско подъ Вязьмою, а скрывшихся въ Тулѣ принудилъ къ покорности. Илейко окончилъ свое поприще на висѣлицѣ. Болотниковъ и нѣкоторые другіе, по приказанію Василія, были утоплены, а остальные сосланы въ Сибирь, или же помилованы.

Вскорѣ, однакожъ, явился (10 авг. 1607) въ Стародубѣ новый самозванецъ, подъ именемъ Димитрія, спасшагося, будто бы, во время московскаго кровопролитія. Къ нему поспѣшили—Заруцкій съ донскими козаками, князь Рожинскій, Романъ, Адамъ Вишневецкій, Лисовскій и множество польской шляхты, которая, послѣ подавленія возстанія, охотно шла подъ знамена самозванца, лишь бы выместить на Шуйскихъ смерть многихъ своихъ соотечественниковъ. Главное начальство принялъ Рожинскій, хотя Лисовскій и другіе дѣйствовали отдѣльно. Лисовскій одержалъ подъ Зарайскомъ побѣду надъ царскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Ляпунова. Рожинскій одержалъ также блистательную побѣду (11 мая 1608), вблизи Болхова надъ братомъ царя—Димитріемъ Шуйскимъ и остановился (10 іюня) въ двухъ миляхъ отъ Москвы, въ Тушинѣ, гдѣ укрѣпился лагеремъ. Сюда явились

къ нему Млоцкій, Бобовскій, Петръ Сапѣга и не мало шляхты. Собственно рѣчьпосполитая и польское правительство не принимали участія въ этой войнѣ, а потому посольство могло явиться съ поздравленіями, по поводу вступленія Василія на престолъ и съ требованіемъ освободить прежнихъ пословъ и арестованныхъ магнатовъ. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, заключено было четырехлѣтнее перемиріе, въ теченіи котораго долженъ былъ состояться или вѣчный или, по крайней мѣрѣ, 20-ти лѣтній миръ. Мнишекъ обѣщалъ не признавать самозванца своимъ зятемъ и не выдавать ему дочери, которая, съ своей стороны, отказалась отъ титула царицы.

По заключеніи этого договора, Василій отправилъ, подъ военнымъ конвоемъ, освобожденныхъ плѣнниковъ къ границамъ Польши. Но отрядъ, сопровождавшій Марину съ отцомъ, подвергся вблизи границы нападенію Александра Зборовскаго, который разсѣялъ его, а Марину, Мнишка и остальныхъ поляковъ доставилъ въ тушинскій лагерь. Сперва Марина не хотѣла признать самозванца истиннымъ Димитріемъ, но послѣ продолжительныхъ переговоровъ, желаніе царствоватъ взяло верхъ. Какой-то іезуитъ обвѣнчалъ ихъ тайно, ибо Марина не соглашалась иначе жить съ человѣкомъ, совершенно ей чуждымъ. Ея колебаніе произвело самое дурное впечатлѣніе на умы, ибо внушало подозрѣніе на счетъ дѣйствительнаго происхожденія Димитрія.

Самозванецъ былъ впрочемъ только щитомъ, а въ сущности власть была въ рукахъ Рожинскаго, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 2,000 пѣхоты, 18,000 польской конницы и до 45,000 козаковъ. Весь его временный успѣхъ можно приписать этимъ военнымъ силамъ. Лисовскій и Петръ Сапѣга составили отдѣльно отряды въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и довольно удачно сражались съ войсками Василія, который, видя главную опасность со стороны Рожинскаго, долженъ былъ устремить всѣ свои силы на защиту столицы. Сапѣга, соединившись съ Лисовскимъ и Вишневецкимъ, хотѣлъ взять богатый троицкій монастырь, но, послѣ осьмимѣсячной осады, вынужденъ былъ отказаться (въ іюнѣ 1609)

отъ этого предпріятія. Тогда Рожинскій и Сапѣга затѣяли партизанскую войну и мелкіе отряды, разсѣянные по всѣмъ направленіямъ, причиняли большіе убытки московскому царству. Доведенный до крайности, Василій Шуйскій заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Карломъ шведскимъ и получилъ отъ него (1609) въ помощь нѣсколько тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Іакова Делагарди.

Сигизмундъ принялъ этотъ союзъ съ Швеціею за нарушеніе недавно заключеннаго перемирія и, успокоивъ окончательно рѣчьпосполитую на сеймѣ (1609), склонилъ сословія дать согласіе на войну съ Московіею, съ цѣлію вновь пріобрѣсти Смоленскъ и другія утраченныя земли. Немедленно начались военныя приготовленія. Король поѣхалъ въ Вильно (въ іюнѣ) и объявивъ войну царю, произвелъ подъ Оршею смотръ войскамъ, считавшимъ въ своихъ рядахъ до 26,000 человѣкъ. Войско Сигизмунда подступило вскорѣ къ Смоленску, гдѣ начальствовалъ Шеинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, для защиты этой крѣпости, 30,000 войска, 40,000 мѣщанъ и крестьянъ и, сверхъ того, большіе запасы провіанта, оружія и зарядовъ. Гетманъ Жолкевскій совѣтовалъ идти прямо на Москву, оставивъ Смоленскъ въ сторонѣ; но король предпочелъ приступить къ осадѣ, которая продолжалась 20 мѣсяцевъ *).

Вѣсть объ объявленіи войны и вторженіи короля въ русскія владѣнія была весьма неутѣшительною для тѣхъ вооруженныхъ полчищъ, которыя, обольщаемыя надеждою большой добычи, поддерживали дѣло самозванца. Они могли весьма основательно опасаться, что ожидаемыя ими необыкновенныя награды не попадутъ въ ихъ руки. А потому, когда Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и отправилъ часть войска для занятія сѣверской земли, Рожинскій составилъ въ своемъ лагерѣ военный совѣтъ и склонилъ своихъ сподвижниковъ къ образованію конфедераціи, въ которой всѣ дали обѣтъ не покидать Димитрія до тѣхъ поръ, пока онъ не займетъ

---

*) Левъ Сапѣга и Госѣвскій увѣрили короля, что Смоленскъ желаетъ ему сдаться, чтобы избавиться отъ ненавистной власти самозванца.

Прим. перевод.

престола и пока они сами не получатъ выслуженнаго жалованья. Съ такими рѣшеніями была снаряжена депутація къ королю. Мархоцкій, одинъ изъ депутатовъ, объявилъ отъ имени конфедератовъ, что въ случаѣ оказанія имъ противодѣйствія въ полученіи, кровью заслуженной, награды, они не признаютъ ни короля — королемъ, ни братьевъ—братьями, ни отечества—отечествомъ. Не смотря на столь дерзкое заявленіе, депутатамъ отвѣтили довольно мягко, въ надеждѣ, что коммисары, отправленные уже въ тушинскій лагерь, съумѣютъ убѣдить войско отказаться отъ дѣла самозванца. Переговоры длились весьма долго, ибо рѣшительно нельзя было согласиться на преувеличенныя требованія войска. Во всякомъ случаѣ коммисары успѣли на столько, что Рожинскій рѣшился съ частью войска покинуть самозванца, и хотѣлъ остаться при немъ только до поры до времени, чтобы не смутить русскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые намѣревались въ качествѣ пословъ, отправиться къ Сигизмунду съ просьбою дать своего сына Владислава въ цари московскіе. Самозванецъ началъ серьезно опасаться, что Рожинскій выдастъ его королю, а потому бѣжалъ изъ лагеря (9 янв. 1610) въ Калугу. Послѣ его бѣгства въ лагерѣ произошло замѣшательство. Донцы бросились за нимъ и многіе изъ русскихъ послѣдовали также ихъ примѣру. Марина, желавшая господствовать, во чтобы то ни стало, хотѣла принудить войско къ вѣрности самозванцу, но не достигнувъ цѣли, переодѣлась въ мужское платье и бѣжала въ Калугу. Въ пользу самозванца объявилъ себя и Сапѣга, чрезъ что на его сторону перешло много жолнеровъ Рожинскаго, при которомъ остались затѣмъ лишь лица, намѣревавшіяся перейти къ королю. Еще не давно, столъ многочисленное войско въ тушинскомъ лагерѣ сократилось до цифры 3,500. Рожинскій велѣлъ сжечь лагерь и перешелъ въ Осиповъ, гдѣ вскорѣ скончался отъ ранъ и сильной скорби.

Такое положеніе войска было для царя весьма кстати, но онъ не могъ имъ воспользоваться, ибо внезапная смерть его племянника Скопина Шуйскаго возбудила въ народѣ подозрѣніе, будто бы онъ виновникъ этой смерти. Обвиненіе вышло изъ устъ Про-

кофія Ляпунова, который отказалъ ему въ повиновеніи. Впрочемъ его постигло еще болѣе чувствительное бѣдствіе. Въ то время, когда онъ послалъ свое собственное войско, совмѣстно съ шведскими подкрѣпленіями, подъ начальствомъ своего брата Димитрія въ сѣверскую землю противъ Госѣвскаго, расположившагося подъ Бѣлымъ, король приказалъ Потоцкимъ идти послѣднему въ помощь. Послѣ долгихъ проволочекъ двинулся наконецъ, вмѣсто Потоцкихъ, Жолкевскій, но не заставъ противниковъ въ Бѣломъ, направился къ Москвѣ. Подъ Царевымъ-Займищемъ Жолкевскій аттаковалъ передовую стражъ русскихъ, которые въ числѣ 10,000 человѣкъ, заняли хорошо укрѣпленную позицію. Гетманъ окружилъ со всѣхъ сторонъ окопы, чтобы голодомъ принудить непріятелей къ сдачѣ. Здѣсь соединился съ нимъ Зборовскій, во главѣ отряда, оставшагося послѣ Рожинскаго. Но въ то же время получена была вѣсть, что приближаются главныя шведско-московскія силы въ числѣ 50,000 человѣкъ. Жолкевскій оставилъ подъ лагеремъ не болѣе тысячи людей, и двинулся съ остальными ночью противъ Шуйскаго *). Съ разсвѣтомъ онъ достигнулъ его лагеря подъ Клушиномъ, и велѣлъ, тотчасъ же, зажечь плетни, изъ за которыхъ непріятельская пѣхота могла затруднить аттаку. Воспользовавшись замѣшательствомъ въ лагерѣ противниковъ, Жолкевскій произвелъ нападеніе и послѣ непродолжительной, но кровопролитной стычки, одержалъ совершенную побѣду. Возвратившись неожиданно въ Царево-Займище онъ принудилъ и этотъ отрядъ къ сложенію оружія и къ принесенію присяги на вѣрность Владиславу **).

---

*) Жолкевскій выступилъ въ походъ съ 10,000 всадниковъ и съ легкими пушками столь тихо, что русскіе не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ Займища, воображая всю рать непріятельскую передъ собою. (Карамзинъ, Т. XII, стр. 227). *Прим. перевод.*

**) Карамзинъ говоритъ (Т. XII, стр. 231), что Жолкевскій, смѣлый въ битвахъ, изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа королевскаго хотѣлъ воцарить Владислава, въ томъ убѣжденіи, что нѣтъ лучшаго способа окончанія войны съ выгодою для рѣчипосполитой.

Прим. перевод.

Василій, готовясь защищаться до послѣдней крайности, началъ собирать новыя войска. Въ помощь прибыли къ нему и татары, но надъ ними одержалъ побѣду Сапѣга, который подступилъ, даже, къ самой Москвѣ. Съ другой стороны Ляпуновъ распространялъ бунтъ все болѣе и болѣе. Даже въ самой столицѣ народъ потребовалъ сверженія Василія съ царства. Бояре согласились на это не медля, послѣ чего Василій былъ постриженъ въ монахи, а власть приняла дума боярская, бывшая подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Столицѣ угрожалъ съ одной стороны Сапѣга, въ лагерѣ котораго находился самозванецъ, а съ другой — Жолкевскій шелъ изъ Можайска. Въ боярской думѣ мнѣнія раздѣлились. Одни хотѣли провозгласить царемъ польскаго королевича Владислава, другіе въ особенности духовенство, желали предоставить престолъ Василію Голицыну или Михаилу, сыну ростовскаго митрополита Филарета, родственнику царя Ѳедора Іоанновича. Въ это время (3 авг.) подступилъ къ Москвѣ Жолкевскій. Спрошенный думою о цѣли своего прибытія, гетманъ отвѣчалъ, что желаетъ освободить столицу отъ сосѣдства самозванца и его клевретовъ. Прежде нежели онъ открылъ переговоры съ боярами, къ нему прибыло посольство изъ лагеря Сапѣги съ заявленіемъ, что самозванецъ уступитъ Польшѣ весь сѣверный край и заплатитъ значительную сумму, лишь бы ему было дозволено вступить на московскій престолъ. Гетманъ отправилъ пословъ къ королю, а самъ вошелъ въ переговоры съ уполномоченными боярской думы на, такъ называемомъ, Дѣвичьемъ-Полѣ. Москва соглашалась имѣть царемъ Владислава, съ условіемъ, что онъ перейдетъ въ православную вѣру, сохранитъ независимость государства отъ Польши, оставитъ при себѣ не болѣе 500 поляковъ, будетъ наказывать смертію каждаго, кто приметъ католическую вѣру и т. п. *).

Жолкевскій извѣстилъ короля о требованіяхъ боярской думы и въ ожиданіи соотвѣтственной инструкціи откладывалъ, на сколько это было возможно, окончательное соглашеніе. Но Сигизмундъ не

---

*) См. Карамзинъ, Т. XII, стр. 246. *Прим. перевод.*

спѣшилъ высказываться и когда съ одной стороны настаивали бояре, чтобы хоть разъ покончить съ ними дѣло, а съ другой не получавшее жалованья войско, грозило составленіемъ конфедераціи, гетманъ, волею неволею, вынужденъ былъ заключить (27 авг.) договоръ на слѣдующихъ условіяхъ. Русскіе всѣхъ сословій должны присягнуть на вѣрность Владиславу, какъ своему царю, который, съ своей стороны, обязанъ гарантировать восточной церкви свою опеку, наказывать смертію всѣхъ принимающихъ другую вѣру и изгнать евреевъ. При этомъ Владиславъ долженъ обязаться не раздавать должностей полякамъ, не возвышать налоговъ и повинностей и судебную часть оставить безъ всякихъ измѣненій. Въ то же время было выговорено, что самозванецъ будетъ уничтоженъ общими силами, а Марина возвратится въ Польшу. Бояре обязались доставлять войску провіантъ, но за то гетманъ не могъ занять столицы безъ ихъ дозволенія. Относительно обращенія королевича въ православіе и заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею, предполагалось войти въ переговоры лично съ королемъ. Разрѣшеніе же всякихъ споровъ на счетъ границъ и замковъ отложено до ближайшаго сейма рѣчипосполитой, на который должно было прибыть и московское посольство. Договоръ этотъ былъ подкрѣпленъ торжественною присягою съ обѣихъ сторонъ и вся Россія признала царемъ королевича.

Сигизмундъ желалъ властвовать въ Москвѣ, соединенной съ Польшей, и увлекаемый религіознымъ рвеніемъ, мечталъ объ обращеніи всей Россіи въ лоно римской церкви. А потому приведенный договоръ вовсе не былъ ему по сердцу. Не принося, впрочемъ, особенныхъ выгодъ рѣчипосполитой договоръ этотъ имѣлъ значеніе единственно потому, что сынъ *пожизненнаго польскаго короля* занялъ бы престолъ царей московскихъ и, послѣ смерти отца своего, навѣрное, пытался бы захватить и Польшу подъ свою неограниченную власть. Сигизмундъ отвѣтилъ, затѣмъ весьма основательно, что не можетъ утвердить подобнаго договора, какъ скоро началъ войну съ цѣлію возвратить утраченныя провинціи рѣчипосполитой, а вовсе не для того, чтобы ея цѣною посадить сына на московскомъ престолѣ.

Слѣдствіемъ такого взгляда было приказаніе гетману управлять Москвою именемъ Сигизмунда, а не именемъ королевича. Приказаніе это пришло слишкомъ поздно, а потому Жолкевскій, послѣ заключенія договора, не могъ уже его выполнить. Объяснивъ королю, въ подробномъ донесеніи, невозможность выполненія полученныхъ приказаній, гетманъ обратился съ воззваніемъ къ Сапѣгѣ и его войску, прося ихъ или выдать самозванца, или, по крайней мѣрѣ, перейти на сторону братьевъ и короля. Высокомѣрный отвѣтъ, что рыцарство не покинетъ своего царя, и что оно готово драться со всякимъ, дерзнувшимъ оскорбить его, вынудилъ гетмана прибѣгнуть къ оружію. Подойдя къ лагерю Сапѣги, Жолкевскій выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Войско Сапѣги заняло также позицію, но вмѣсто боя, начались переговоры. Какъ скоро бывшіе доселѣ защитники самозванца получили достаточную гарантію въ правильномъ удовлетвореніи жалованьемъ, то не медля перешли на сторону короля. Они выговорили себѣ только одно условіе, именно чтобы король предоставилъ Маринѣ и самозванцу, на ихъ содержаніе, Гродно и Самборъ. Димитрій, однакожъ, не согласился на такія условія, и предупрежденный заблаговременно, что Жолкевскій намѣренъ его схватить, бѣжалъ съ Мариною и Заруцкимъ въ Калугу. Гетманъ, по соглашенію съ боярами, вступилъ (въ окт.) въ Москву безъ сопротивленія и занялъ Кремль и другіе укрѣпленные пункты*). Къ королю же было снаряжено блестящее посольство, во главѣ котораго Жолкевскій поставилъ Голицына и ростовскаго митрополита Филарета. Не желая затрогивать самолюбія русскихъ, гетманъ поддерживалъ въ войскѣ самую строгую дисциплину. Полки Сапѣги не были впущены въ Москву, и отправлены въ сѣверскій край. Передавъ, наконецъ, начальство надъ войскомъ Госѣвскому, Жолкевскій поѣхалъ самъ къ королю въ Смоленскъ,

---

*) Подъ предлогомъ движенія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія, Жолкевскій склонилъ Мстиславскаго и другихъ бояръ, *требовать* вступленія поляковъ въ Москву. Это совершилось ночью, войско шло въ тишинѣ, со свернутыми знаменами и жители только на разсвѣтѣ увидали среди себя королевскихъ воиновъ (Карамзинъ, Т. XII, стр. 259). *Прим. перевод.*

съ намѣреніемъ склонить его къ утвержденію заключеннаго договора.

Осада Смоленска продолжалась безостановочно, ибо Шеинъ объявилъ, что избранному царю Владиславу сдастъ крѣпость, но Сигизмунду никогда. Посолъ Голицынъ поддерживалъ съ Шеиномъ тайныя сношенія, за что вмѣстѣ съ митрополитомъ и другими членами посольства былъ сосланъ подъ стражею въ Каменку. Такое обращеніе съ послами и, къ тому же, явное желаніе Сигизмунда пріобрѣсти власть въ Москвѣ лично для себя, начало тревожить русскихъ. Самозванецъ погибъ, правда, отъ руки одного придворнаго, которому нанесъ оскорбленіе, но Ляпуновъ, Пожарскій и многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ взывали къ народу взяться за оружіе, чтобы выступить противъ Сигизмунда и поляковъ. Патріархъ освобождалъ всѣхъ отъ присяги, данной Владиславу. Госѣвскій перехватилъ его письма и отдалъ его самого подъ стражу, но уже не могъ предотвратить возраставшаго неудовольствія. Дѣло дошло наконецъ (29 марта 1611) до боя въ самой Москвѣ. Весь народъ взялся за оружіе, поляки зажгли городъ, который, такимъ образомъ, сдѣлался жертвою пламени. Пожаръ остановилъ, правда, возстаніе въ городѣ, но вооруженныя толпы двигались къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго, Заруцкаго и другихъ. Струсь разбилъ отрядъ Плещеева, и въ ежедневныхъ стычкахъ поляки одерживали постоянно верхъ. Не смотря, однакожъ, на успѣхъ, положеніе ихъ становилось весьма затруднительнымъ, ибо, насчитывая въ своихъ рядахъ не болѣе 10,000 человѣкъ *), они должны были сражаться, съ 140,000 арміею, малѣйшая убыль которой могла быть, тотчасъ же замѣнена. Приближеніе Сапѣги внушало осажденнымъ надежду на общее спасеніе. Сапѣга, мечтавшій вѣроятно о царской власти, объявилъ себя сперва противъ своихъ соотечественниковъ, но впослѣдствіи дѣйствовалъ съ ними сообща и двинулся за провіантомъ во внутреннія провинціи Россіи. Едва онъ выступилъ въ походъ, Ляпуновъ

*) По Карамзину 7,000 человѣкъ. (Т. XII, стр. 294). *Прим. перевод.*

открылъ общій штурмъ. Русскіе взяли двѣ башни и ограду, соединяющую Кремль съ Бѣлымъ-городомъ. Поляки снова заняли свои позиціи по возвращеніи Сапѣги, который, опустошивъ огнемъ и мечемъ значительное пространство Россіи, доставилъ провіантъ въ Кремль. Къ тому же Госѣвскій такъ ловко бросилъ тѣнь подозрѣнія на Ляпунова, что его, какъ обвиненнаго въ измѣнническихъ сношеніяхъ, лишили жизни. Однакожъ, и это обстоятельство не улучшило положенія поляковъ; хотя и, ссорившіеся между собою, русскіе военачальники дѣйствовали съ меньшею энергіею. Извѣстіе, что Ходкевичъ, по приказанію короля, взявшаго наконецъ (13 іюня) Смоленскъ, долженъ прибыть съ вспомагательнымъ отрядомъ, могло придать нѣсколько бодрости, изнемогавшему отъ усиленныхъ трудовъ, войску, но не могло уже устранить опасности.

Пока снова вернемся съ Ходкевичемъ въ Москву, посмотримъ, что происходитъ въ Ливоніи и другихъ мѣстностяхъ рѣчипосполитой. Въ Ливоніи происходили безпрерывныя стычки, какъ во время возстанія Зебржидовскаго, такъ равно и послѣ объявленія войны Россіи. Карлъ, связанный союзомъ съ Шуйскимъ, хотѣлъ воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ. Но если Сигизмундъ, занятый въ другомъ мѣстѣ, защищался въ Ливоніи весьма слабо, но за то и Карлъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большихъ силъ. Ходкевичъ собралъ, правда, послѣ пораженія Зебржидовскаго, небольшой отрядъ, взялъ Пернаву, разбилъ шедшаго на помощъ Мансфельда, но не могъ препятствовать войску, не удовлетворенному жалованьемъ, завязать конфедерацію, въ которой вынужденъ былъ даже лично участвовать, лишь бы на время удержать его подъ своимъ начальствомъ. Къ счастію датскій король объявилъ войну Швеціи. Это подало поводъ къ кратковременному перемирію въ Ливоніи, и когда, вслѣдъ затѣмъ, скончался Карлъ — борьба пріостановилась на время, такъ что Сигизмундъ могъ дать приказъ Ходкевичу поспѣшить на помощь осажденнымъ въ Москвѣ. Самъ же Сигизмундъ, по занятіи Смоленска, отправился въ Варшаву, гдѣ (9 нояб.) созвалъ сеймъ. Ходкевичъ склонилъ, правда, послѣ многихъ затрудненій, часть своего войска придти

въ помощь осажденнымъ, но ему удалось привести въ Москву (8 окт.) едва 2,000 человѣкъ. Появленіе его съ такою незначительною горстью не предсказывало большаго успѣха. Войско, претерпѣвая неслыханныя трудности и лишенія, снарядило депутацію на сеймъ съ требованіемъ слѣдующаго ему жалованья. Русскіе же, сохранившіе до того времени вѣрность присяги Владиславу, и видя, что Сигизмундъ не присылаетъ сына на царство, считали это нарушеніемъ договора, и переходили въ лагерь противниковъ. Сверхъ того поляки разграбили остатки драгоцѣнностей царской казны, для удовлетворенія, хоть частью, войска, домогавшагося жалованья, что окончательно возстановило жителей противъ нихъ.

Король, между тѣмъ, собралъ сеймъ въ Варшавѣ. Привезеніе бывшаго царя Василія Шуйскаго и его братьевъ, а равно задержанныхъ подъ стражею пословъ, торжественный въѣздъ Жолкевскаго и описаніе успѣховъ польскаго оружія въ русскомъ царствѣ, внушали всѣмъ чувство необыкновенной гордости. Къ тому же (16 нояб.) курфирстъ бранденбургскій Янъ Сигизмундъ торжественно принесъ присягу Сигизмунду, за что послѣдній, на перекоръ желаніюсословій, отдалъ ему, въ видѣ лена, герцогство прусское, выговоривъ себѣ только 30,000 злот. ежегодной дани. Частію установленнаго на сеймѣ налога, король покрылъ недочетъ въ своей собственной казнѣ, оказавшійся по случаю уплаты имъ жалованья войску подъ Смоленскомъ, а остальная часть налога была употреблена на удовлетвореніе полковъ, возвратившихся изъ похода. Депутаціи отъ войска, оставшагося въ Москвѣ, было объявлено, что войско это, какъ состоящее изъ охотниковъ, постоянно нарушающихъ требованія дисциплины, ничего не получитъ. Такое объявленіе вызвало конфедерацію въ войскѣ. Тщетно старался Ходкевичъ помочь дѣлу. Онъ успѣлъ только отсрочить день выступленія (6 янв. 1612) изъ столицы до 14 марта. Среди безпрерывныхъ переговоровъ съ войскомъ, составившемъ конфедерацію и домогавшемся огромныхъ суммъ, не было возможности предпринять что либо рѣшительное. Дѣйствія поляковъ ограничивались походами за Волгу, гдѣ они добывали себѣ провіантъ. Къ тому

же возникли несогласія между Струсемъ съ одной, а Ходкевичемъ и Госѣвскимъ съ другой стороны. Струсь осадилъ столицу. Войско же, сражавшееся до того времени въ самой Москвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, раздѣленное на три конфедераціи, возвратилось въ Польшу, въ числѣ 15,000 человѣкъ. Одни избрали себѣ столицею Львовъ, другіе Брестъ-литовскій, а третіе Бромбергъ. Конфедераты заняли коронныя и духовныя имѣнія съ цѣлію извлекать изъ нихъ свое жалованье до тѣхъ поръ, пока рѣчьпосполитая не удовлетворитъ окончательно ихъ требованій.

Отступленіе поляковъ имѣло выгодное, нравственное вліяніе на русскихъ, которые, послѣ того, какъ Ходкевичъ двинулся снова за провіантомъ, усилили блокаду Кремля и Китай-города. Доведенные неимовѣрнымъ голодомъ до крайности, поляки должны были, наконецъ, сдать Кремль (7 нояб. 1612), выговоривъ себѣ личную неприкосновенность и цѣлость своего имущества. Условіе это было нарушено, ибо почти всѣ поляки были умерщвлены, что слѣдуетъ приписать необузданности козаковъ. Подстрекаемый со всѣхъ сторонъ придти въ помощь осажденнымъ и привести съ собою Владислава въ Москву, король собрался, наконецъ, въ новый походъ съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ конницы. Но извѣщенный въ дорогѣ о сдачѣ Москвы, Сигизмундъ воротился ни съ чѣмъ въ Варшаву. По освобожденіи столицы отъ поляковъ, бояре провозгласили царемъ 15-ти-лѣтняго Михаила, сына плѣненнаго въ Польшѣ митрополита Филарета.

Въ то время когда король собрался во вторичный походъ въ Москву, во главѣ 3-тысячнаго отряда, Стефанъ Потоцкій, съ 6-тысячнымъ войскомъ, вторгнулся въ Молдавію, откуда Томжа поддержанный татарами, изгналъ Константина Могилу. Экспедиція Потоцкаго, предпринятая безъ вѣдома и позволенія сословій, окончилась какъ нельзя хуже. Недостатокъ осторожности со стороны поляковъ имѣлъ слѣдствіемъ внезапное нападеніе 30-тысячнаго полчища татаръ на берегахъ Прута; только горсть людей успѣла пробиться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ непріятельскіе ряды, остальные вмѣстѣ съ начальниками попались въ плѣнъ. Это пораженіе

открыло для татаръ Подолію. Они вторглись въ нее, увели тысячи плѣнныхъ, тогда какъ войско, образовавшее конфедерацію, опустошало въ то же время, самымъ жестокимъ образомъ, другія провинціи рѣчипосполитой.

Сеймъ, созванный въ Варшавѣ 19 февраля 1613 г., долженъ былъ врачевать всѣ эти раны. Земскіе послы, сваливая всю вину на короля, дѣлали ему рѣзкіе упреки за всѣ бѣдствія, испытываемыя рѣчьюпосполитою. Но когда однѣ сѣтованія не могли помочь горю, рѣшено было объявить новый, значительный налогъ для удовлетворенія жалованьемъ сконфедерованнаго войска, хотя многіе утверждали, что рѣчьпосполитая не обязана платить войску, набранному безъ ея вѣдома. Коммиссія составленная изъ членовъ сената и депутатовъ получила полномочіе войти въ окончательную сдѣлку съ войскомъ. Самуилъ Тарновскій былъ отправленъ, въ качествѣ посла, въ Турцію, откуда могла угрожать опасность войны. Онъ былъ уполномоченъ потребовать сложенія Томжею господарскаго престола и частнымъ образомъ работать надъ освобожденіемъ изъ плѣна Потоцкаго, заключеннаго въ константинопольской тюрьмѣ. Преувеличенныя требованія сконфедерованныхъ войскъ, которыя домогались не только жалованья но и вознагражденія за понесенные убытки, вынудили короля созвать (въ ноябрѣ) чрезвычайный сеймъ. На этотъ сеймъ явились уполномоченные отъ войска, въ сопровожденіи 7,000 вооруженныхъ людей, и расположились лагеремъ подъ Варшавою. Жолкевскій и нѣкоторые другіе хотѣли созвать народное ополченіе и этимъ обуздать наглость сконфедерованнаго войска, но мнѣніе ихъ не встрѣтило поддержки. Новые коммиссары, послѣ большихъ затрудненій, успокоили войско (въ іюлѣ 1614), которое разошлось по домамъ. Правда, что еще и послѣ того, часть бывшихъ конфедератовъ, подъ начальствомъ Карвацкаго, прослыла въ Руси своими разбоями, но Александръ Конецпольскій разбилъ ихъ подъ Галичемъ, а Карвацкаго и многихъ его товарищей казнилъ смертію чрезъ посаженіе на колъ. Другой отрядъ, занимавшійся подобными же разбоями въ Литвѣ подъ начальствомъ Челадки, былъ разбитъ королевскою стражею, и Че-

ладко погибъ отъ руки палача въ Варшавѣ. Только этимъ былъ положенъ конецъ внутреннимъ безпорядкамъ рѣчипосполитой.

Между тѣмъ татары не переставали опустошать сосѣднія съ ними воеводства. На жалобы Тарновскаго не обратили никакого вниманія въ Стамбулѣ, ибо знали очень хорошо, что Польша не могла тогда поддержать оружіемъ свои справедливыя требованія. Султанъ, съ своей стороны, не хотѣлъ отозвать Томжи, который былъ главнымъ виновникомъ наѣздовъ татаръ на рѣчьпосполитую. За татарскіе наѣзды козаки отмстили султану взятіемъ Синопа и опустошеніемъ всей окрестности, откуда увезли съ собою громадныя добычи.

Сигизмундъ не отказывался отъ правъ своихъ на Швецію, въ которой верховная власть перешла отъ отца къ его племяннику Густаву-Адольфу. Ему хотѣлось также и сына возвести на московское царство, хотя онъ принялся за это дѣло слишкомъ поздно. Всѣ планы короля должны были осуществиться одновременно съ рѣшеніями сейма (въ февр. 1615) на сборъ новыхъ податей. Но неудовольствіе противъ короля, полагавшагося, главнымъ образомъ, на совѣты придворныхъ, іезуитовъ и иностранцевъ, и не обращавшаго вниманія на мнѣнія преданныхъ гражданъ, обнаружилось теперь въ полной силѣ. Посольская палата, приведенная въ негодованіе тѣмъ, что король, не смотря на многократныя обѣщанія, предпринималъ многое безъ вѣдома сословій, ни на что не соглашалась, и сеймъ, такимъ образомъ, разошелся, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Даже не были обсуждены средства для обороны рѣчипосполитой, на случай войны, хотя татары опустошали Русь частыми набѣгами.

Съ царствомъ московскимъ были открыты переговоры, при содѣйствіи германскаго императора Матіаса, отъ котораго, послѣ закрытія сейма, явилось посольство въ Польшу. Переговоры происходили въ Вязьмѣ. Но они были прерваны въ самомъ началѣ, какъ скоро московскіе уполномоченные не хотѣли признать царемъ Владислава и сверхъ того, требовали возвращенія Смоленска и забранныхъ провинцій. Между тѣмъ, Михаилъ Вишневецкій и Са-

мнилъ Корецкій, безъ вѣдома и полномочія сословій, выступили въ Валахію противъ Томжи, во главѣ довольно значительныхъ отрядовъ, сформированныхъ собственными средствами. Одержавъ во многихъ стычкахъ верхъ надъ Томжею, они изгнали и его и турокъ изъ Валахіи. Но вскорѣ появленіе многочисленнаго турецкаго войска измѣнило порядокъ вещей. Поляки были разбиты, но вовсе не помышляли объ отступленіи. Вскорѣ умеръ Вишневецкій, а отъ Корецкаго Жолкевскій отозвалъ войско, не желая вовлекать рѣчьпосполитую въ войну съ Турціею. Имѣя въ своемъ распоряженіи едва 500 человѣкъ, Корецкій думалъ еще сопротивляться, но побѣжденный попалъ въ плѣнъ къ Скиндеръ-пашѣ, который отослалъ его въ Стамбулъ. Упоенный побѣдою Скиндеръ-паша угрожалъ королю нарушеніемъ мира, если поляки не перестанутъ вмѣшиваться въ валахскія дѣла и не удержатъ козаковъ отъ наѣздовъ и грабежей въ земляхъ турецкихъ. Когда, такимъ образомъ, съ одной стороны угрожала война, съ другой—русскіе осадили Смоленскъ, весьма скудно снабженный и людьми, и военными запасами. Кромѣ того, Сигизмундъ вооружилъ противъ себя своего племянника Густава-Адольфа планами походовъ въ Швецію, составленными съ иностранцами, помимо коронныхъ сословій, и которые, конечно, остались не болѣе какъ мечтою. За отреченіе отъ пустаго титула шведскаго короля, Густавъ-Адольфъ готовъ былъ возвратить всю Ливонію, но Сигизмундъ предпочелъ вовлечь рѣчьпосполитую въ самую неблагопріятную для нея войну.

Всѣ эти дѣла требовали безотлагательнаго разрѣшенія. А потому король созвалъ (въ концѣ апр. 1616) сеймъ въ Варшаву, хотя еще не минулъ двухлѣтній срокъ, предписанный уставами. Опасность, угрожавшая отечеству со всѣхъ сторонъ, склонила сословія къ уступчивости. Было рѣшено усилить войско въ Подоліи, уполномочено короля образовать всеобщее ополченіе, въ случаѣ появленія турокъ въ большихъ силахъ; но въ то же время предложено сдѣлать попытку продлить миръ съ султаномъ путемъ переговоровъ. Сеймъ обѣщалъ затѣмъ помочь королю вновь пріобрѣсти престолъ, и уполномочилъ королевича добиваться, при содѣй-

ствіи войскъ рѣчипосполитой, царства московскаго. Желая однакожъ, предотвратить излишнее продленіе войны, сеймъ назначилъ особыхъ коммиссаровъ, которые должны были состоять при особѣ Владислава и поручилъ имъ не вести войны болѣе года, и даже окончить ее миромъ, если Московія предложитъ выгодныя условія.

Одни военныя приготовленія заняли цѣлый годъ. Такъ какъ Жолкевскій отклонилъ отъ себя начальствованіе въ московскомъ походѣ, ссылаясь на необходимость обороны границъ рѣчипосполитой противъ турокъ, то король назначилъ главнокомандующимъ литовскаго гетмана Ходкевича. Послѣ продолжительныхъ сборовъ королевичъ выѣхалъ (въ апр. 1617), наконецъ, изъ Варшавы. Едва онъ прибылъ въ Кременецъ, какъ получилъ воззваніе отъ Жолкевскаго, придти къ нему, не медля, со всѣмъ, бывшемъ у него подъ рукою, войскомъ въ помощь противъ Скиндеръ-паши, угрожавшаго нападеніемъ рѣчипосполитой. Владиславъ направился къ Збаражу, откуда часть войска, подъ начальствомъ Казановскаго, отправилъ къ Жолкевскому, а съ остальнымъ двинулся къ Смоленску. Занявъ, вслѣдъ затѣмъ Вязьму, онъ не воспользовался, однакожъ, выгодою своего положенія. Споры между его совѣтниками, зависть Казановскихъ къ Ходкевичу и безцѣльные переговоры съ непріятелемъ, были главною причиною напрасной затраты средствъ, назначенныхъ сеймомъ и безуспѣшности цѣлаго предпріятія. Къ тому же наступила зима, дѣлающая невозможными всякія военныя дѣйствія, и войско начало требовать жалованья за прошлое время.

Пока королевичъ двигался къ Смоленску, Жолкевскій занялъ, съ значительнымъ войскомъ, укрѣпленный лагерь подъ Бушею на Днѣстрѣ. Турки, подъ начальствомъ Скиндеръ-паши, имѣя въ резервѣ массы татаръ, переправились черезъ рѣку. Вмѣсто того, чтобы вступить въ бой, который могъ бы окончиться благопріятно для поляковъ, Жолкевскій открылъ переговоры и заключилъ миръ на тяжкихъ и, даже, унизительныхъ условіяхъ, не бывъ вовсе къ тому уполномоченнымъ, ни отъ рѣчипосполитой, ни отъ короля. Онъ обѣщалъ, что рѣчьпосполитая не будетъ вмѣшиваться въ валах-

скія дѣла и усмиритъ козаковъ. Къ тому же далъ согласіе на разрушеніе двухъ пограничныхъ посадовъ на Днѣстрѣ, откуда, будто бы, козаки производили свои наѣзды на земли турецкія. Наконецъ, онъ приказалъ коменданту Хотина — Ивонію передать замокъ туркамъ, и когда послѣдній медлилъ, Жолкевскій приговорилъ его къ смертной казни, самымъ невиннымъ образомъ. Миръ этотъ возбудилъ въ Польшѣ страшное негодованіе. Гетманъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ единственно удовлетворить турокъ, чтобы принудить ихъ удерживать татаръ отъ набѣговъ во владѣнія рѣчипосполитой. Но послѣдствія обнаружили, какъ тщетны были надежды Жолкевскаго. Едва успѣли разойтись польскія войска и Казановскій, взявъ Стародубъ, двинулся на соединеніе съ королевичемъ — татары вторглись, съ вѣдома самаго Скиндеръ-паши, въ Подолію, обезпеченную недавно заключеннымъ миромъ и увели плѣнныхъ въ свои степи. Точно также и турки, поселившіеся въ Валахіи, производили набѣги на прилежащія коронныя земли, хотя поляки, съ своей стороны, старались въ точности выполнить условія мира.

Войско, бывшее въ Россіи съ королевичемъ, начало, не на шутку, волноваться и только надежда, что сеймъ собранный въ то время (въ февр. 1618) въ Варшавѣ, удовлетворитъ всѣмъ нуждамъ, успокоила его на время. Но сеймъ былъ необыкновенно бурный, главное потому, что король, вопреки прямому смыслу уставовъ, не роздалъ, въ самомъ его началѣ, вакантныхъ должностей. Збараскіе, желавшіе получить одну изъ коронныхъ печатей или званіе подкоморія, подстрекали раздраженіе пословъ. Упрямство Сигизмунда довело депутатовъ до того, что они не хотѣли дозволить открытія сейма до тѣхъ поръ, пока не будутъ розданы вакантныя мѣста. Такъ какъ большая половина времени, предназначеннаго для сеймовой сессіи, прошла въ спорахъ, то король ввѣрилъ, наконецъ, большую коронную печать Жолкевскому, а малую — Андрею Липскому, о которомъ ходатайствовали нѣмецкіе придворные, дамы, королевы, званіе же подкоморія *) предоставилъ Волуцкому,

*) См. Ист. польск. нар. Т. I, стр. 251.

чѣмъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе. Это, однакожъ, не помѣшало сейму дать согласіе на двѣ подати, изъ которыхъ одна назначалась на жалованье войску королевича, а другая на защиту Ливоніи и Руси.

Прежде нежели можно было приступить къ взиманію установленныхъ податей, значительная часть шляхты, бывшей въ лагерѣ королевича, разъѣхалась по домамъ. За то прибылъ Казановскій съ своимъ отрядомъ, а вслѣдъ за нимъ явился Сагайдачный Кунашевичъ съ 20,000 козаковъ. Обойдя Можайскъ, взятіе котораго было довольно затруднительно, войска эти подступили къ Москвѣ. Изъ Тушина Владиславъ обратился съ воззваніемъ къ боярамъ объ отдачѣ ему, согласно данной ими присягѣ, московскаго царства. Бояре отвѣтили, что такъ какъ онъ явился не къ назначенному времени, то они считаютъ себя освобожденными отъ присяги, а онъ самъ можетъ возвратиться откуда пріѣхалъ. Послѣ такого заявленія было приступлено къ штурму, который не увѣнчался успѣхомъ. За то козаки опустошили русскія владѣнія, уничтожая все то, чего не успѣли уничтожить лиссовщики или другіе отряды, высылавшіеся въ прежнее время. Все таки бояре не хотѣли признать Владислава царемъ, и, даже, при переговорахъ о временномъ перемиріи, предлагали тяжкія условія, ибо знали изъ перехваченныхъ писемъ, что рѣчьпосполитая, угрожаемая со стороны татаръ, поручила коммиссарамъ, бывшимъ при королевичѣ, заключить, во что бы то ни стало, перемиріе. Послѣ многихъ проволочекъ и споровъ было, наконецъ, заключено (11 дек.) 14-ти-лѣтнее перемиріе. Россія уступила Польшѣ земли — смоленскую, новгородскую и черниговскую, а Польша возвратила остальныя захваченныя провинціи. Плѣнные должны были быть обмѣнены.

Въ то время, когда событія эти совершаются подъ Москвою, Жолкевскій сосредоточилъ 23-хъ тысячное войско въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Каменцемъ, съ цѣлію отраженія набѣговъ татаръ на русскія земли. Но вмѣсто того, чтобы отрѣзать имъ путь и завязать съ ними бой, престарѣлый гетманъ допустилъ ихъ опустошить Волынь и возвратиться въ свои кочевья съ множествомъ

плѣнныхъ. Эта излишняя осторожность, только усилила дерзость врага. Къ счастію, польскому посланнику въ Стамбулѣ, Коханскому, удалось убѣдить султана лишить Томжу званія молдавскаго господаря и передать таковое Каспару Граціани, который обнаруживалъ, въ отношеніи къ Польшѣ, гораздо болѣе расположенія. Впослѣдствіи за то Граціани открылъ тайныя козни Бетлема Габора *) въ Стамбулѣ и заблаговременно предостерегъ Сигизмунда и его совѣтъ, на счетъ враждебныхъ замысловъ султана, которые, по его мнѣнію, слѣдовало предупредить.

Поводомъ вражды Бетлема Габора, который, находясь во главѣ венгерскаго возстанія противъ австрійскаго дома, дѣйствовалъ съобща съ ляхями и германскими врагами этого дома, было снаряженіе 8,000 лисовсчиковъ въ помощь императору Фердинанду, подъ начальствомъ Рогавскаго, безъ вѣдома сената. Лисовсчики разбили Ракочаго. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, Бетлемъ Габоръ, вынужденъ былъ отозвать свое войско изъ Вѣны. Но раздраженный противъ Сигизмунда, онъ, съ одной стороны, началъ подстрекать султана къ войнѣ съ Польшею, съ другой — давалъ деньги татарамъ, чтобы склонить ихъ къ вторженію въ польскія земли. Граціани открылъ эти козни и увѣдомилъ объ нихъ Сигизмунда. Вице-канцлеръ Липскій упрекнулъ въ своемъ письмѣ Бетлема, за поведеніе, столь недостойное христіанина, и желая убѣдить его, что знаетъ навѣрное о всѣхъ его козняхъ, указалъ на источникъ, изъ котораго почерпнуто это извѣстіе. Бетлемъ не замедлилъ обвинить Граціани передъ султаномъ въ измѣнѣ и успѣлъ въ томъ, что Скиндеръ-пашѣ приказано было отнять господарство у Граціани и отдать таковое Радулѣ. Скиндеръ-паша собралъ значительныя турецкія силы и, сверхъ того, призвалъ на помощь татаръ, изъ чего легко было заключить, что дѣло идетъ не объ одномъ отнятіи господарства у Граціани.

Жолкевскій, обязанный оберегать неприкосновенность корон-

---

*) Бетлемъ Габоръ провозгласилъ себя воеводою Трансильваніи въ 1613 г., послѣ Гавріила Баторія; въ началѣ тридцатилѣтней войны онъ поддерживалъ Богемію противъ Австріи и угрожалъ даже Вѣнѣ. *Примѣч. перевод.*

ныхъ границъ, созвалъ кварцяные полки и окрестныхъ старостъ. Всѣ собранныя имъ вооруженныя силы составили едва 8,000 человѣкъ. Нѣкоторые совѣтывали ему отправить часть войска въ помощь Граціани подъ начальствомъ полеваго гетмана Конецпольскаго, а съ остальнымъ укрѣпиться въ лагерѣ подъ Хотимомъ. Но Жолкевскій, желая доказать свою неустрашимость тѣмъ, которые упрекали его за бушицкій миръ и за робость въ дѣлахъ съ татарами, рѣшился вторгнуться въ Молдавію. Къ тому же онъ получилъ письма отъ короля, приказывавшаго подать помощь Граціани и разрушить замыслы Скиндеръ-паши, который намѣренъ былъ послать татаръ въ Венгрію противъ императора. Переправясь черезъ Днѣстръ (2 сент. 1620), онъ расположился подъ Цецорою, въ тѣхъ самыхъ окопахъ, въ которыхъ, нѣкогда, такъ мужественно дрался Замойскій съ своими врагами. Здѣсь соединился съ нимъ Граціани, но вмѣсто обѣщаннаго 15,000, привелъ съ собой только 600 человѣкъ. О силахъ непріятеля, появившагося весьма скоро, не было положительныхъ свѣдѣній. Общая численность Скиндерова войска и татаръ доходила до 100,000. Не смотря на это, поляки защищались весьма храбро. Но когда, по наущенію, какъ кажется, Калиновскаго, Струся, Корецкаго и другихъ противниковъ Жолкевскаго, въ лагерѣ произошло замѣшательство и часть войска, дѣйствительно, покинула его, гетманъ вынужденъ былъ помышлять объ отступленіи. Устроивъ подвижной лагерь или таборъ, окруженный со всѣхъ сторонъ повозками, чѣмъ занялся Мартинъ Казановскій, Жолкевскій началъ отступленіе (29 сент.), сражаясь на каждомъ шагу съ многочисленнымъ непріятелемъ. Этотъ медленный и тяжелый походъ, во время котораго войско должно было не только сражаться безъ устали, но и терпѣть страшную нужду, совершался цѣлую недѣлю, съ замѣчательнымъ порядкомъ. Гетманъ подвигался къ Могилеву, гдѣ предполагалъ переправиться черезъ Днѣстръ. Но въ то время, когда таборъ, почти съ нечеловѣческими усиліями, достигнулъ Днѣстра, произошло, неожиданно, ночью, смятеніе, вызванное безъ сомнѣнія тѣми, которые, за происходившіе грабежи въ лагерѣ подъ Цецорою, опасались наказанія по возвращеніи въ

Польшу. Порядокъ былъ нарушенъ, и конюхи, захвативъ лошадей, разбѣжались. Воспользовавшись этою суматохою, татары произвели нападеніе на таборъ. Часть польскаго войска погибла, въ томъ числѣ и самъ гетманъ *). Конецпольскій, Корецкій, Струсь и многіе другіе попались въ плѣнъ. Послѣ совершеннаго уничтоженія войска, татары вторглись въ Подолію, откуда увели съ собою множество плѣнныхъ.

Вѣсть объ этомъ пораженіи облекла Польшу въ трауръ. Сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ (въ началѣ нояб.) понялъ всю опасность, угрожавшую отечеству. А потому, безъ малѣйшаго колебанія, далъ согласіе на подати, для найма 60 тысячнаго войска, главное командованіе которымъ поручилъ, за отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, Ходкевичу, придавъ ему въ помощь сеймовыхъ коммисаровъ. Кромѣ того король былъ уполномоченъ созвать, въ случаѣ надобности, всеобщее ополченіе, но окончательное рѣшеніе, по этому предмету, предоставлялось чрезвычайному сейму, который долженъ былъ дать и ближайшія инструкціи. Во время этого сейма произошелъ случай, неслыханный до того времени въ Польшѣ. Нѣкто Пекарскій, страдавшій разстройствомъ ума, а потому переданный, по приказанію короля, на попеченіе родственниковъ, 15 ноября, въ костелѣ св. Яна, въ ту минуту, когда Сигизмундъ вошелъ туда со всѣмъ дворомъ, бросился на него и ударилъ нѣсколько разъ кистенемъ. Раненый король упалъ на земь, а Пекарскаго королевичъ Владиславъ отдалъ тотчасъ же подъ стражу. Его подвергли пыткамъ, желая узнать сообщниковъ преступленія, но нелѣпые и безсвязные отвѣты несчастнаго, доказывали только, что онъ помѣшанъ. Хотя, Сигизмундъ желалъ помилованія Пекарскаго, но сеймовый судъ приговорилъ его къ ужасной смерти чрезъ разорваніе лошадьми.

Послѣ закрытія сейма король отправилъ пословъ едва ли не ко

---

*) Станиславъ Жолкевскій род. въ 1547 г., слѣдовательно во время цецорскаго отступленія ему было 73 года. Съ нимъ вмѣстѣ погибли два его сына. Татары отрубили голову гетмана и отослали ее въ Константинополь. Такъ кончилъ свою жизнь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ Польши, какъ жертва неповиновенія и самоуправства поляковъ. *Примѣч. перевод.*

всѣмъ европейскимъ державамъ съ требованіемъ помощи, но повсюду встрѣтила его неудача. Домъ австрійскій, который собственно вовлекъ рѣчьпосполитую въ эту войну, не дозволилъ даже Сигизмунду нанимать пѣхоту въ Венгріи и Германіи. Военныя приготовленія подвигались весьма медленно и вмѣсто 60,000, собралось только 35,000 человѣкъ, съ которыми Ходкевичъ, (въ концѣ іюля 1621), занялъ укрѣпленный лагерь подъ Хотимомъ. Часть этого войска, именно нѣмецкую пѣхоту, привелъ только мѣсяцъ спустя королевичъ Владиславъ, а впослѣдствіи прибыло еще 3,000 козаковъ, подъ начальствомъ Кунашевича. Въ это же время явился султанъ, во главѣ 300,000 турокъ и 80,000 татаръ. Не смотря на такой громадный перевѣсъ въ силахъ, поляки оставались побѣдителями почти во всѣхъ стычкахъ и отражали весьма удачно всѣ нападенія на свой лагерь. Султанъ лишился почти третьей части своего войска. Даже смерть Ходкевича, скончавшагося въ хотимскомъ замкѣ (24 сент.) послѣ тяжкой болѣзни, не поколебала мужества поляковъ *). Начальство надъ войскомъ принялъ Станиславъ Любомирскій. Но положеніе его было рѣшительно отчаянное. Безпрерывныя стычки, голодъ, болѣзни и дезертерство весьма сократили силы поляковъ, а король, окончивъ только что варшавскій сеймъ въ августѣ, ожидалъ въ Львовѣ сбора всеобщаго ополченія. Затѣмъ извѣстіе, что турки, при содѣйствіи валахскаго воеводы Радулы, открыли мирные переговоры, было, какъ нельзя болѣе, кстати. Сеймовые коммисары отправились въ турецкій лагерь, и, послѣ многихъ затрудненій, заключенъ былъ (9 окт.) миръ. Рѣчьпосполитая обязалась усмирить козаковъ, а султанъ, съ своей стороны, обязался не допускать татаръ до вторженій въ польскія земли. Польша должна была имѣть постояннаго посланника въ Стамбулѣ; коммисарамъ обѣихъ сторонъ предоставлялось покончить споры на

---

*) Во время этого похода поляки едва не сдѣлались вторично жертвою своихъ несогласій. Нѣкоторые военачальники не хотѣли повиноваться Ходкевичу, такъ какъ онъ былъ только литовскимъ гетманомъ; тогда королевичъ Владиславъ, съ коронымъ гетманомъ Любомирскимъ, дали прекрасный примѣръ всему войску, предоставляя себя въ полное распоряженіе Ходкевича. За ними послѣдовало все войско. *Примѣч. перевод.*

счетъ границъ. Войско турецкое должно было первое возвратиться восвояси, а вслѣдъ затѣмъ и польское. При заключеніи этого мира, въ польскомъ лагерѣ оставалась только одна бочка пороху и въ продовольственныхъ припасахъ ощущался также совершенный недостатокъ. Король выразилъ, правда, неудовольствіе, что не обождавъ его прибытія заключили миръ, но тѣмъ не менѣе, долженъ былъ утвердить его. Сеймъ послалъ въ Стамбулъ (1622), въ качествѣ посланника, Христофора Збаравскаго, гдѣ между тѣмъ произошла важная перемѣна. Янычары умертвили Османа, и вмѣсто него провозгласили султаномъ Мустафу, у котораго Збаравскій исходатайствовалъ не только утвержденіе хотимскаго договора (1623), но, даже, смягченіе нѣкоторыхъ обременительныхъ условій.

Когда Турція угрожала Польшѣ всѣмъ своимъ могуществомъ, Густавъ-Адольфъ предпринялъ также войну въ Ливоніи. Срокъ заключеннаго недавно перемирія оканчивался съ весною 1621 г. Еще до истеченія этого срока, шведскія сословія предложили коронымъ сословіямъ заключеніе вѣчнаго мира. Густавъ-Адольфъ уступалъ Эстонію, если Сигизмундъ отречется отъ своихъ правъ на шведскую корону. Но польскій король, обольщаемый обманчивыми обѣщаніями австрійскаго дома, медлилъ отвѣтомъ. Густавъ-Адольфъ, не объявивъ, даже, войны, появился (въ авг.) во главѣ 24-тысячнаго войска, овладѣлъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, Ригою, въ которой партія, противная Сигизмунду, одержала верхъ и занялъ Дюнамюнде. Литовскій польный гетманъ Христофоръ Радзивиллъ поспѣшилъ, правда, съ горстью шляхты и успѣлъ бы даже ввести ее въ Ригу, если бы городской совѣтъ заблаговременно увѣдомилъ его, что городъ не въ состояніи защищаться. Но послѣ взятія города онъ не рѣшался помѣряться съ превосходными силами Густава-Адольфа. Юный воинъ вторгнулся не медля въ Куронію (нынѣшняя Курляндія) и занялъ Митаву. Зима и болѣзни въ войскахъ принудили его возвратиться. Пополнивъ въ Швеціи ряды своего войскъ, онъ открылъ (въ іюнѣ 1623) снова войну, въ продолженіи которой переговоры не прекращались. Густавъ желалъ постояннаго мира, а Сигизмундъ между тѣмъ, согла-

шался только на временное перемиріе. Наконецъ, заключено перемиріе по 1 января 1624 г., перемиріе принесшее ту пользу, что дало возможность успокоить войско, составившее конфедерацію послѣ хотимскаго похода, а именно, ему розданы были въ жалованіе подати, опредѣленныя варшавскимъ сеймомъ (1622).

Пользуясь минутнымъ спокойствіемъ въ рѣчипосполитой, Сигизмундъ отправился (въ іюлѣ 1623) въ Данцигъ, со всѣмъ своимъ дворомъ. Графъ Альтгеймъ, готовившійся быть главнокомандующимъ во время похода въ Швецію, сопровождалъ его въ этомъ путешествіи. Какъ только Густавъ-Адольфъ получилъ извѣстіе о пребываніи короля въ Данцигѣ и о секретныхъ приготовленіяхъ къ походу, онъ, не медля, подплылъ къ этому городу съ 24 кораблями, съ намѣреніемъ узнать въ чемъ дѣло. Сверхъ ожиданія онъ засталъ все въ обычномъ порядкѣ, но за то тщетны были всѣ его усилія склонить Сигизмунда къ заключенію постояннаго мира, въ которомъ Густавъ былъ заинтересованъ въ особенности потому, что хотѣлъ подать помощь своимъ единовѣрцамъ въ Германіи противъ императора. Вскорѣ, послѣ возвращенія Сигизмунда изъ Данцига, татары опустошили галицкую Русь, а кварцяное войско было равнодушнымъ зрителемъ этого бѣдствія.

Снова накопилось не мало поводовъ къ неудовольствію противъ короля, вслѣдствіе чего обыкновенный варшавскій сеймъ (въ мартѣ 1624) имѣлъ весьма бурный характеръ. Земскіе послы указывали на то, что королева, вопреки короннымъ уставамъ, пріобрѣла живецкія помѣстья, что король отдалъ 9-ти-лѣтнему сыну варминское епископство, что оказываніемъ помощи императору вовлекаетъ рѣчьпосполитую въ тяжкія войны, что чеканкою дурной монеты подвергаетъ жителей значительнымъ убыткамъ и т. д. Послы требовали, чтобы постановленіе о раздачѣ вакантныхъ мѣстъ было приведено въ исполненіе, тотчасъ же въ началѣ сейма, и объявили рѣшительно, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены эти общественныя затрудненія, они не примутъ участія ни въ какихъ совѣщаніяхъ. Король, имѣвшій своихъ сторонниковъ въ посольской палатѣ, противился довольно долго и роздалъ вакансіи, едва

предъ самымъ закрытіемъ сейма. Сеймъ не далъ согласія на назначеніе налога для веденія ливонской войны, такъ какъ даже многіе сенаторы были того мнѣнія, что лучше заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ, предложенныхъ Густавомъ-Адольфомъ, нежели изъ-за обманчивой надежды пріобрѣтенія шведскаго престола вызывать тяжелую войну. Условія эти были дѣйствительно весьма выгодны, ибо Густавъ-Адолъфъ, готовъ былъ возвратить Ливонію, уступить Эстонію и обезпечить наслѣдство шведскаго престола за однимъ изъ сыновей Сигизмунда, въ случаѣ пресѣченія въ своемъ родѣ мужескаго потомства. Но король, будучи подъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскаго двора, желавшаго, во что бы то ни стало, вовлечь рѣчьпосполитую въ шведскую войну, чтобы занять Густава-Адольфа и отвлечь его отъ оказанія помощи единовѣрцамъ въ Германіи,— отвергалъ всѣ подобные совѣты и только за недостаткомъ денегъ, продлилъ перемиріе съ Швеціею (до марта 1625). Сеймъ отсрочилъ обсужденіе нѣкоторыхъ возбужденныхъ вопросовъ, объявилъ безчестными всѣхъ тѣхъ, которые, находясь въ иностранной службѣ, не возвратятся къ назначенному сроку, или которые поступили бы впослѣдствіи въ таковую службу. Постановленіе это было, главнымъ образомъ, направлено противъ служившихъ въ войскахъ Фердинанда II. Нерасположенный къ литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу, король передалъ большую литовскую булаву, послѣ смерти Ходкевича, Льву Сапѣгѣ, который въ дѣлѣ военномъ, не имѣлъ достаточной опытности, что и было впослѣдствіи причиною неудачъ во вновь начатой шведской войнѣ.

Татары, ободренные прошлогоднимъ успѣхомъ, сдѣлали снова наѣздъ изъ Валахіи на польскія земли въ числѣ 30,000, подъ начальствомъ мурзы Кантемира. Расположивъ свой кошъ въ Медикѣ, они опустошили значительныя пространства. Конецпольскій, который послѣ своего возвращенія изъ турецкаго плѣна, только что принялъ начальство надъ кварцянымъ войскомъ, не могъ остановить грабежа, но за то успѣлъ съ 3,000 конницы и 700 человѣкъ пѣхоты отрѣзать путь отступающимъ татарамъ подъ Мартыновомъ, вблизи Галича. Пренебрегая горстью поляковъ, Кантемиръ завя-

залъ бой, но потерпѣвъ пораженіе, вынужденъ былъ отступить съ весьма чувствительными потерями.

Между тѣмъ, срокъ перемирія съ Швеціею приближался къ концу, а потому приходилось, или заключить постоянный миръ, или же начать войну съ превосходными силами, такъ какъ Густавъ-Адольфъ, не хотѣлъ согласиться на продолженіе перемирія. Король созвалъ (въ янв. 1625) сеймъ въ Варшаву. Но уже на сеймикахъ было воспрещено депутатамъ соглашаться на новыя подати. Не смотря на это Сигизмундъ не хотѣлъ приступать къ переговорамъ о постоянномъ мирѣ, хотя его сильно убѣждали не вовлекать рѣчипосполитой въ трудную войну изъ за обманчивой надежды на пріобрѣтеніе престола. Сеймъ согласился, правда, на налогъ, но въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что едва достало на удовлетвореніе войска жалованьемъ. Военныя силы, для защиты Ливоніи, оказались также недостаточными, когда Густавъ-Адольфъ, послѣ окончанія перемирія (въ апр.) началъ враждебныя дѣйствія. Хотя Левъ Сапѣга и отправилъ противъ него своего сына Станислава, литовскаго маршала, съ 3-хъ тысячнымъ отрядомъ, но отрядъ этотъ, настигнутый шведами подъ Вальмойзою, претерпѣлъ совершенное пораженіе. Густавъ-Адольфъ овладѣлъ безъ труда Кокенгаузеномъ, Дерптомъ и другими городами и затѣмъ, вторгнувшись въ Литву, занялъ замокъ Радзивилловъ — Биржу*). Литовцы, отдали ему взамѣнъ Биржи одинъ изъ ливонскихъ замковъ. За исключеніемъ Динабурга, Густавъ-Адольфъ владѣлъ всею Ливоніею. Видя, что Сигизмундъ все еще не соглашался на заключеніе мира, шведскій король рѣшился перенести войну въ Пруссію, чтобы принудить польскаго короля войти съ нимъ въ переговоры.

Прежде нежели вспыхнула эта война, изъ Стамбула раздались новыя жалобы па козаковъ. Не ограничиваясь, по прежнему, по-

---

*) Биржа — городъ на границѣ Курляндіи, нѣкогда лучшая литовская крѣпость. Биржанскій замокъ памятенъ пребываніемъ въ 1701 г. Петра Великаго и Августа II. Здѣсь подписанъ былъ оборонительно-наступательный союзъ противъ Карла XII, имѣвшій столь значительное вліяніе па дальнѣйшую судьбу Польши. *Прим. перевод.*

ходами на своихъ челнокахъ къ самому Стамбулу, они вторглись теперь въ Крымъ, чтобы свергнуть съ престола Махметъ Гирея и посадить на его мѣсто его брата. Конецпольскій, получивъ извѣстіе, что козаки, въ числѣ 30,000, расположились лагеремъ подъ Крыловымъ, двинулся (въ окт.) противъ нихъ съ кварцянымъ войскомъ и вспомогательными отрядами нѣкоторыхъ вельможъ. Онъ обратился сперва къ козакамъ съ требованіемъ положить оружіе, но козаки отвѣчали рѣзко, а потому и завязался бой. Претерпѣвъ пораженіе, козаки не хотѣли сражаться въ открытомъ полѣ, и заперлись въ укрѣпленномъ лагерѣ близь озера Куроково. Осажденные сопротивлялись съ замѣчательнымъ мужествомъ, но все таки, окончательно, имъ пришлось просить пощады. Въ Красноставѣ козаки возобновили присягу на вѣрность рѣчипосполитой и обѣщали не дѣлать впредь нападеній на турецкія земли.

Покореніе остальной Ливоніи и опасность, угрожавшая Пруссіи, побудили сеймъ (въ янв. 1626) къ значительной уступчивости. Рѣшено было для военныхъ цѣлей объявить новыя подати, хотя въ то же время сеймъ умолялъ короля не разсчитывать на австрійскія обѣщанія и совѣты, а признать Густава-Адольфа пожизненнымъ шведскимъ королемъ, а взамѣнъ этого, получить Ливонію и Эстонію. Одновременно снаряжено посольство въ герцогство прусское, съ цѣлію припомнить прусскому герцогу его ленныя обязанности и убѣдиться, достаточно ли охраняется пиллаускій портъ. Всѣ эти усилія оказались безуспѣшными. Прусскій герцогъ завязалъ тайныя сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ, бывшимъ съ нимъ въ родствѣ, а въ такъ называемой королевской части Пруссіи огромное большинство притѣсняемыхъ Сигизмундомъ иновѣрцевъ, съ нетерпѣніемъ ожидало появленія шведовъ *). Неудивительно

---

*) Здѣсь считаемъ не лишнимъ объяснить названія, употребляемыя часто авторомъ «*герцогство прусское, королевская часть Пруссіи*». Пруссіею называлась издревле страна, обитаемая прежними пруссами, лотышами или литовцами. Страна эта на западѣ упиралась въ правый берегъ Вислы, на сѣверъ въ Балтійское море, на востокѣ достигала лѣваго берега Нѣмана, а къ югу граничила съ Мазовіею. Пройдя чрезъ разныя историческія судьбы, сдѣлавшись въ средніе вѣка, театромъ крестовыхъ войнъ, Пруссія обратилась въ 1454 году

затѣмъ, что Густавъ-Адольфъ, подойдя (въ іюлѣ) въ главѣ значительнаго флота къ Пиллау, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія. Произведена была, правда, по его кораблямъ пальба холостыми зарядами, но вслѣдъ затѣмъ сданъ былъ ему самый портъ. Оставивъ въ немъ свой гарнизонъ, Густавъ-Адольфъ вторгнулся въ Вармію, гдѣ почти безъ всякаго сопротивленія занялъ Брунсбергъ, Пехову и другіе города. Затѣмъ онъ овладѣлъ Эльбингомъ, Мальборгомъ, Тчевомъ, Гнѣвомъ и другими городами, прежде нежели король получилъ извѣстіе о его вторженіи въ Пруссію. Немедленно были вызваны кварцяные полки, стоявшіе въ Украинѣ, но на ихъ передвиженіе понадобилось довольно продолжительное время. Сигизмундъ поспѣшилъ выступить въ Пруссію съ надворнымъ войскомъ и дружинами нѣкоторыхъ магнатовъ. Подойдя къ Торну (въ концѣ авг.), Сигизмундъ произвелъ смотръ войску, состоявшему изъ 8,000 конницы и 3,000 пѣхоты, послѣ чего двинулся къ Пельплину. Здѣсь произошла встрѣча съ Густавомъ-Адольфомъ, которая могла, для послѣдняго, разрѣшиться совершеннымъ пораженіемъ, если бы придворный маршалъ не отдалъ заблаговременно приказъ войску прекратить битву. Густавъ-Адольфъ, занявъ сильную позицію подъ Мальборгомъ, избѣгалъ всякой встрѣчи съ польскими войсками. Наконецъ подошли (въ окт.) и кварцяные полки, подъ начальствомъ Конецпольскаго, который, окруживъ Тчево, въ теченіи цѣлой зимы, держалъ въ страхѣ шведовъ и, кромѣ того, отнялъ нѣкоторые ихъ замки въ Варміи.

Король созвалъ (въ нояб.) чрезвычайный сеймъ въ Торнѣ. На этомъ сеймѣ было рѣшено собрать значительныя подати на веденіе войны, а также приняты строгія мѣры, чтобы въ продолженіе

къ Казиміру Ягеллону съ просьбою о покровительствѣ. Послѣ 13-ти лѣтней войны, во время которой поляки опустошили часть Пруссіи, оставшуюся вѣрною ордену, былъ заключенъ въ Торунѣ въ 1466 году, миръ, по которому Польшѣ досталась часть прусской земли. Часть эта, подъ названіемъ *королевской Пруссіи*, была присоединена къ коронной Польшѣ. Королевская Пруссія, раздѣленная на три воеводства—хелмское, мальборгское, поморское и на княжество варминское, получила свои права, привиллегіи, сословія, съѣзды и суды.
Прим. перевод.

войны, не были доставляемы въ Кенигсбергъ изъ Лины ни хлѣбъ, ни какіе либо другіе припасы.

Татары, пользуясь отсутствіемъ Конецпольскаго, вторглись, въ числѣ 30,000 (въ сент.), въ Подолію и, расположившись кошемъ вблизи Бѣлой Церкви, залили край своими ордами. Намѣстникъ Конецпольскаго — Стефанъ Хмѣлецкій, собралъ наскоро 3,000 человѣкъ польской конницы и 600 запорожцевъ, бросился на непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя, уничтожилъ ихъ кошъ и послѣдовательно одержалъ побѣду надъ возвращавшимися ордами. Едва $1/_6$ часть татаръ вернулась въ свои степи — остальные погибли, или попали въ плѣнъ. И въ Пруссіи перевѣсъ былъ также на сторонѣ поляковъ. Конецпольскій захватилъ у шведовъ Пуцкъ и весною 1627 г. взялъ въ плѣнъ 8,000 нѣмцевъ, завербованныхъ въ шведскую службу и шедшихъ въ Пруссію чрезъ поморскую землю. Къ тому же времени (въ маѣ) прибылъ Густавъ-Адольфъ съ новыми войсками изъ Швеціи. Незначительныя стычки, во время которыхъ шведскій король неоднократно подвергался большой опасности, имѣли единственно въ результатѣ продленіе военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ обѣ стороны избѣгали рѣшительнаго боя. Депутаты голландскихъ сословій предложили свое посредничество въ переговорахъ. Самъ даже Сигизмундъ не былъ прочь отъ переговоровъ и дѣла приняли почти такой оборотъ, что слѣдовало ожидать заключенія мира на 30 лѣтъ. По этому миру предполагалось, что Густавъ-Адольфъ возвратитъ всѣ захваченныя земли, за исключеніемъ Риги, которая должна была остаться въ его рукахъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится окончательно вопросъ о шведскомъ престолонаслѣдіи. Но австрійскій дворъ, прибѣгнулъ снова къ своимъ обыкновеннымъ проискамъ, чтобы повредить дѣлу. Послы испанскаго короля, прибывшіе къ несчастью передъ заключеніемъ мира, отвлекли Сигизмунда отъ дальнѣйшихъ переговоровъ обѣщаніемъ, что ихъ государь, вооружитъ на собственный счетъ 20 кораблей, что на эти корабли императорскій главнокомандующій посадитъ 12,000 войска и откроетъ военныя дѣйствія въ самой Швеціи, съ цѣлію завоевать ее для ко-

роля. Тщетны были увѣщанія голландскихъ пословъ и иныхъ польскихъ сенаторовъ. Австрійскій дворъ и іезуиты успѣли затронуть слабую струну Сигизмунда и тѣмъ самымъ вызвали прекращеніе переговоровъ. Испанскія обѣщанія, остались обѣщаніями, и сеймъ обратился къ королю съ справедливыми упреками, что угождая австрійскому двору, онъ не оканчиваетъ войны съ Швеціею, чрезъ что подвергаетъ рѣчьпосполитую безпрестаннымъ убыткамъ и даже бѣдствіямъ.

Если вѣроломство прусскаго герцога облегчило Густаву-Адольфу перенесеніе войны въ Пруссію, то и поляки, съ своей стороны, обнаружили весьма мало энергіи, не изгнавъ непріятеля изъ коронныхъ земель, тотчасъ же послѣ прерванія переговоровъ. Пруссія страдала и отъ своихъ, и отъ шведовъ. Захватъ замковъ, болѣе или менѣе значительныя стычки, или внезапныя вылазки, не приводили ни къ чему. Перевѣсъ былъ, по очередно, то на одной, то на другой сторонѣ. Въ выигрышѣ оставался все таки Густавъ-Адольфъ, ибо содержалъ около 30,000 войска на счетъ польской части Пруссіи, между тѣмъ какъ рѣчьпосполитая должна была содержать на собственный счетъ свои многочисленныя войска. Когда шведы заняли (1628) Бродницу и вслѣдъ затѣмъ нанесли полякамъ пораженіе подъ Горжномъ (19 февр. 1629), сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ, не только далъ согласіе на сборъ огромныхъ податей, но уполномочилъ даже короля вызвать вспомогательный австрійскій отрядъ. Вслѣдствіе настойчивыхъ требованій Сигизмунда, императорскій главнокомандующій Валленштейнъ отправилъ, наконецъ, въ Пруссію Арнгейма съ 7,000-мъ войскомъ. По прибытіи этого отряда Конецпольскій одержалъ побѣду подъ Тржціаною надъ Густавомъ-Адольфомъ, который едва самъ, два раза, не попался въ плѣнъ. Шведы потерпѣли значительную убыль въ людяхъ и сверхъ того лишились 15 знаменъ и 10 кожаныхъ орудій. Поляки немного воспользовались австрійской помощью, такъ какъ Арнгеймъ не только уклонялся отъ содѣйствія союзникамъ, но даже передавалъ непріятелю самые потаенные планы. Сигизмундъ потребовалъ отозванія Арнгейма, и, собравъ свѣжее войско, появился

снова въ Пруссіи. Замѣнившіе Арнгейма — герцогъ люнебургскій Генрихъ и Филиппъ Мансфельдъ также не отличались особенными воинскими способностями. Война велась по прежнему, весьма вяло, и австрійское войско приносило полякамъ, гораздо болѣе вреда, нежели пользы.

При содѣйствіи Франціи и Англіи, желавшихъ, во что бы то ни стало, вторженія Густава-Адольфа въ Германію, возобновились переговоры. Послѣ многихъ усилій было заключено, наконецъ, 6-ти лѣтнее перемиріе (до іюня 1635 года), по которому Густавъ-Адольфъ возвратилъ всѣ захваченные пункты въ Пруссіи, за исключеніемъ Эльбинга, Пиллау и Мальборга. Первые два города онъ оставилъ за собою, а послѣдній, въ видѣ залога, предоставилъ прусскому герцогу. Ливонія осталась также на время перемирія въ рукахъ шведовъ и по заключеніи постояннаго мира, должна была, вмѣстѣ съ Эльбингомъ и Мальборгомъ, возвратиться къ Польшѣ. По настойчивымъ требованіямъ сословій, перемиріе это было подтверждено королемъ на варшавскомъ сеймѣ (въ нояб. 1629). Въ довершеніе этихъ потерь, надъ Польшею разразились другія бѣдствія. Сперва — моровая язва, истребившая множество деревень и мѣстечекъ, а затѣмъ — необходимость уплатить войску недоимку по жалованью. Желая предупредить возможность военной конфедераціи, Конецпольскій, послѣ заключенія перемирія, намѣренно отвелъ квартиры своимъ полкамъ, въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Часть войска отправлена имъ въ окрестности Кіева, гдѣ начались волненія между козаками, вслѣдствіе распространенія ложныхъ извѣстій, будто бы все войско прибудетъ изъ Пруссіи въ Украину, съ цѣлію уничтожить православіе и козацкія вольности *). Всегда склонные къ волненіямъ, козаки, начали собираться (1630), бросились на поляковъ, часть ихъ умертвили, а остальныхъ принудили спасаться бѣгствомъ. Конецпольскій, не медля, двинулся въ Украину со всѣмъ кварцянымъ войскомъ и бросился подъ Переяславлемъ на

*) Слухи эти распущены были, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ кіево-печерскимъ (Соловьевъ, Т. X, стр. 105). *Примѣч. перевод.*

укрѣпленный лагерь козаковъ, избравшихъ своимъ предводителемъ Тараса. Кровопролитными стычками козаки были доведены до необходимости, выдать зачинщиковъ мятежа, присягнуть покорность и принять гетмана, назначеннаго Конецпольскимъ *). Едва онъ усмирилъ козаковъ, — сосредоточенное для этой цѣли войско успѣло составить конфедерацію, столицею которой должны были быть Глиняны. Во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій конфедераціи, Конецпольскій вошелъ въ соглашеніе съ начальниками и взявъ деньги отъ королевы, нѣкоторыхъ магнатовъ, а также изъ казны, поспѣшилъ успокоить войско уплатою недоимки.

Къ тому же времени австрійцы потребовали 500,000 злотыхъ вознагражденія за оказанную помощь. Дѣло это было отложено до сейма, который, по поводу моровой язвы, собрался только въ концѣ января 1631 г. Убѣдившись наконецъ, что слѣдуетъ жить въ согласіи съ народомъ, король сдѣлался болѣе доступнымъ и внимательнымъ къ справедливымъ требованіямъ сословій. Вслѣдствіе этого, былъ опредѣленъ законъ свободнаго выбора королей, а также рѣшено, что по примѣру того, какъ шляхетскія имѣнія вправѣ пріобрѣтать только шляхта, такъ точно должности и званія свѣтскія и духовныя, могутъ быть предоставляемы лишь лицамъ земскаго сословія. Разрѣшеніе споровъ, возникающихъ между свѣтскими и духовными лицами, было поручено коммисіи, составленной изъ членовъ отъ обоихъ сословій, а также вновь установлено соглашеніе между разновѣрцами. На покрытіе же расходовъ казны, сеймъ установилъ подымную подать, изъ которой и было уплачено австрійцамъ 500,000 злот.

Король, удрученный частыми болѣзнями, лишился въ это время (10 іюля) жены, съ которою прожилъ 26 лѣтъ. Тяжкая печаль, вызванная этою потерею, сдѣлала его менѣе склоннымъ заниматься общественными дѣлами. Единственно любовь къ дѣтямъ, будущность которыхъ онъ хотѣлъ обезпечить, побудила его созвать сеймъ (въ мартѣ 1632). Здѣсь были розданы дѣтямъ староства, быв-

---

*) Капевца Тимоху Арандаренка. *Примѣч. перевод.*

шія приданымъ покойной королевы, а королевичъ Янъ-Альбертъ, владѣвшій уже варминскимъ епископствомъ, получилъ еще краковское епископство. Взамѣнъ этого, король передалъ рѣчипосполитой монетный дворъ. Ему хотѣлось, собственно, убѣдить сословія, назначить наслѣдника престола, но онъ отказался отъ этого намѣренія, убѣдившись съ самаго начала, что сеймъ ни за что не дастъ своего согласія. Вскорѣ по закрытіи сейма, Сигизмундъ заболѣлъ весьма серьезно и, 10 дней спустя (30 апр. 1632), скончался на 66 году жизни. Въ его 45-ти лѣтнее царствованіе рѣчьпосполитая испытала чувствительныя потери, ибо, подчиняясь враждебному вліянію иностранцевъ, онъ имѣлъ безпрерывныя столкновенія съ народомъ, а потому не могъ и не умѣлъ воспользоваться не разъ представлявшимся случаемъ возвеличенія могущества своего государства. Ханжи могутъ быть ему благодарны за уменьшеніе числа иновѣрцевъ, но добросовѣстный изслѣдователь прошедшаго Польши, не можетъ не видѣть, что въ царствованіе Сигизмунда, былъ нанесенъ сильный ударъ дѣйствительному могуществу народа, самимъ королемъ и возлюбленными его іезуитами. Страстный сторонникъ католицизма и династическихъ интересовъ, Сигизмундъ помѣшалъ исправленію учрежденій рѣчипосполитой и тѣмъ устранилъ ее съ пути истиннаго прогресса, по которому она рѣшилась слѣдовать *).

Едва умеръ король, прибылъ въ Варшаву примасъ Янъ Вен-

*) Къ оцѣнкѣ правленія Сигизмунда III, сдѣланной г. Шмиттомъ, мы прибавимъ еще слѣдующее. Сигизмундъ не понравился полякамъ съ самаго пріѣзда его въ Польшу. Отличаясь скрытностію характера, холодный, гордый, молчаливый, онъ рѣдко отвѣчалъ, даже если съ нимъ говорили первые сановники рѣчипосполитой. Какъ каждый посредственный человѣкъ, онъ окружалъ себя посредственностями, иногда даже недостойными льстецами. Недоступный для заслуженыхъ людей, Сигизмундъ проводилъ время съ алхимикомъ Вольскимъ, нѣсколькими нѣмцами іезуитами и референдаріемъ Тарновскимъ. Пока жила еще тетка его, королева Анна, при дворѣ замѣтны были слѣды обычаевъ Ягелловъ—съ ея смертью все онѣмечилось. Сигизмундъ наказывалъ даже королевича Владислава за то, что онъ предпочиталъ польскій контушъ нѣмецкому фраку. Неудивительно что всѣ эти недостатки, неспособность къ правленію, слѣпая привязанность къ Австріи и іезуитамъ, вооружили противъ него даже поляковъ. *Примѣч. перевод.*

жикъ и посовѣтовавшись съ бывшими на лицо сенаторами, объявилъ междуцарствіе, а конвакаціонный сеймъ созвалъ на день 27 іюня *). Сверхъ всякаго ожиданія междуцарствіе это отличалось гораздо большимъ спокойствіемъ, нежели всѣ бывшія до того времени. Всѣ сеймики прошли благополучно. Даже сеймъ, маршаломъ котораго былъ литовскій польный гетманъ Христофоръ Радзивиллъ, принялъ соотвѣтственныя мѣры, для защиты границъ и поддержанія внутренняго порядка. Впервые потребовало кварцяное войско, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, участія въ будущемъ выборѣ короля. Сословія отвѣтили, что наемный солдатъ, получаючающій жалованіе за защиту границъ рѣчипосполитой, долженъ исполнять принятыя на себя обязанности, а отнюдь не вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Козаки, въ свою очередь, потребовали, чтобы сеймъ предварительно обезпечилъ ихъ православную церковь, а также предоставилъ и имъ право голоса при выборѣ короля. По первому пункту имъ было обѣщано, что рѣчьпосполитая поручитъ будущему королю равную опеку надъ всѣми христіанскими исповѣданіями. Относительно же втораго — козакамъ объявлено, что избирательныя и всякія правительственныя дѣла рѣчипосполитой подлежатъ исключительному вѣдѣнію сената и земскому сословію и что, затѣмъ, козаки не могутъ принимать участія въ ихъ обсужденіи **). Отвѣтъ весьма справедливый, ибо нельзя было пре-

---

*) Примасъ королевства считался первымъ лицемъ въ государствѣ послѣ короля и на его прямой обязанности лежало объявленіе междуцарствія и сзываніе конвокаціоннаго сейма. На этомъ сеймѣ примасъ занималъ мѣсто короля. Суды дѣйствовали, обыкновенно, отъ имени короля, а потому во время междуцарствія судопроизводство останавливалось, и вмѣсто обыкнованныхъ судовъ учреждались временно, такъ называемые, *каптуровые* суды. Суды эти по случаю ненормальнаго положенія страны, отличались большею строгостію, почему и соотвѣтствуютъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, полевому военному суду.

Примѣч. перевод.

**) Сенатъ отвѣчалъ козакамъ, что они дѣйствительно составляютъ часть рѣчипосполитой, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣческомъ. Когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ. Такъ и козаки. Пока ихъ немного, могутъ служить защитою рѣчипосполитой, но когда размножатся, то возникаетъ опасность, чтобы русскіе крестьяне не возстали противъ польскихъ помѣщиковъ. *Примѣч. перевод.*

доставлять столь важныя права козачьимъ толпамъ, составленнымъ, большею частію, изъ бродягъ, которые, опасаясь въ собственномъ отечествѣ кары за какія либо преступленія, стекались съ разныхъ сторонъ на Запорожье, гдѣ разбои и грабежи составляли ихъ любимое занятіе. Болѣе важные вопросы были затронути въ самомъ сеймѣ. Значительная часть пословъ требовала, чтобы не только была гарантпрована свобода совѣсти, но чтобы въ теченіи междуцарствія, были доведены до конца пріостановленныя преобразованія въ рѣчипосполитой. Послѣ продолжительныхъ преній, былъ возобновленъ уставъ варшавской конфедераціи (1573) на счетъ поддержанія мира между разновѣрцами, а специальная коммисія должна была заняться обсужденіемъ средствъ къ успѣшной реформѣ коренныхъ учрежденій рѣчипосполитой. Кромѣ того было постановлено, что къ примасу, на время управленія страною по случаю междуцарствія, сеймъ командируетъ 20 коммисаровъ отъ сената и войска, что коронный и литовскій маршалы, обязанные имѣть надзоръ во время элекціи, за общественнымъ спокойствіемъ, должны совершить особую присягу въ томъ, что, чуждые всякаго пристрастія, будутъ судить всѣхъ безъ изъятія и различія состояній, придерживаясь строго законовъ. Въ заключеніе назначенъ подъ Варшавою, между Волею и Повонзками, избирательный съѣздъ на день 27 сентября.

Такъ какъ Сигизмундъ оставилъ 5-ть сыновей, именно—Владислава, Яна Казиміра, краковскаго епископа Яна-Альберта, бреславскаго епископа Карла и Александра, то и не явилось ни одного иностраннаго претендента на престолъ. Общественное мнѣніе указало на старшаго сына—королевича Владислава, который, послѣ смерти отца, принялъ титулъ шведскаго короля. Хотя не было партій, которыя поддерживали бы разныхъ кандидатовъ, за то завязалась ожесточенная борьба иновѣрцевъ съ католиками. Поводъ къ тому подали сами епископы, ибо, подписывая во время конвокаціи уставъ, касательно сохраненія мира между разновѣрцами, сдѣлали оговорку, что это не должно быть малѣйшимъ посягательствомъ на права римско-католической церкви. Луцкій епископъ пошелъ далѣе. Онъ представилъ въ

городовой судъ протестъ противъ этого устава. Взаимное раздраженіе достигло крайнихъ предѣловъ и свѣтскіе католики угрожали даже прибѣгнуть къ оружію. Епископы, бывшіе первымъ поводомъ къ этому волненію, теперь употребляли всѣ усилія къ возстановленію согласія. При содѣйствіи Владислава утверждено рѣшеніе конвакаціоннаго сейма, а протестъ луцкаго епископа приказано исключить изъ городскихъ книгъ. При этомъ обѣщано дисуніатамъ, что церкви ихъ не будутъ болѣе занимаемы въ пользу уніатовъ. Все это поглотило такъ много времени, что нѣкогда было приступить къ обсужденію остальныхъ дѣлъ. Пересмотръ коренныхъ учрежденій рѣчипосполитой отложенъ, а пришлось заняться составленіемъ пунктовъ, на которые долженъ былъ присягнуть будущій король. Наконецъ (13 нояб.) начались выборы. Всѣ голоса оказались въ пользу Владислава, котораго поддерживали также папа и императоръ. Въ числѣ условій, на которыхъ вручено ему было правленіе, упоминалось, что онъ долженъ основать военную школу, не нарушать мира съ сосѣдями, склонить братьевъ своихъ принести присягу на вѣрность рѣчипосполитой, такъ какъ они были ея гражданами и т. п. Коронація была назначена 30 янв. 1633 г. Причиною такой поспѣшности было полученіе оффиціальнаго извѣщенія, что царь московскій, желая воспользоваться междуцарствіемъ, открылъ уже непріязненныя дѣйствія, и взявъ Дорогобужъ, осадилъ Смоленскъ.

По случаю болѣзни Владислава, коронація совершилась едва 6 февраля. И теперь дѣло не обошлось безъ жаркихъ преній о правахъ иновѣрцевъ. Король усмирилъ бурю увѣреніемъ, что будетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никому не была учинена какая либо несправедливость. Вслѣдъ затѣмъ приступлено къ обсужденію средствъ для веденія войны съ Россіею, и установлена новая подать въ такомъ размѣрѣ, чтобы она была достаточна на годовое содержаніе 23,000 войска. Споръ академіи съ іезуитами, желавшими основать особую школу въ Краковѣ и получившими даже на то привиллегію изъ Рима, Владиславъ разрѣшилъ такимъ образомъ, что подтвердилъ въ цѣлости прежнія привиллегіи академіи,

а тѣмъ самымъ устранилъ іезуитовъ отъ права открыть новую школу. Но за то онъ позволилъ себѣ употребить во зло свою власть, освободивъ за 90,000 злот., прусскаго герцога Юрія-Вильгельма отъ личной ленной присяги, и согласился, чтобы эту формальность, отъ имени своего государя, исполнилъ на единѣ, въ одной изъ залъ замка, посланникъ Юрія.

Военныя приготовленія начались тотчасъ же по закрытіи сейма. Прибывъ въ Вильно (въ маѣ), король приказалъ войску собираться въ Оршѣ, а литовскаго гетмана Радзивилла отправилъ съ авангардомъ къ Смоленску. Съ главными силами Владиславъ двинулся въ сентябрѣ и хотя московцы, осаждавшіе Смоленскъ, превосходили числительностью его войско почти втрое, однакожъ были оттѣснены отъ Смоленска. Запершись затѣмъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, они были вынуждены (въ началѣ марта 1634) сдаться побѣдителямъ. Владиславъ устремился во внутрь Россіи и занявъ Дорогобужъ, Вязьму и другіе города, перемѣнилъ направленіе, и вмѣсто того, чтобы идти на Москву, осадилъ Бѣлу. Въ то же время отдѣльные отряды опустошали огнемъ и мечемъ значительную часть края. Царь Михаилъ, разсчитывавшій на одновременное объявленіе войны Польшѣ со стороны Турціи, не хотѣлъ входить въ переговоры. Но претерпѣнныя бѣдствія и ужасное опустошеніе государства, поколебали его сопротивленіе. Волею неволею онъ вынужденъ былъ просить о мирѣ, который и былъ заключенъ (27 мая) въ деревнѣ Поляновѣ. Царь уступиль земли — смоленскую, черниговскую и и сѣверскую, отрекся отъ всякихъ правъ на Эстонію и Ливонію и обѣщалъ уплатить королю 200,000 рубл. Владиславъ, въ свою очередь, долженъ былъ отказаться отъ титула царя и при ратификаціи мира, возвратить дипломъ избранія на царство. Когда дѣло дошло до исполненія этого условія, оказалось, что дипломъ гдѣ то затерялся и король вмѣстѣ съ сенатомъ, долженъ былъ дать торжественное увѣреніе, что сказанный дипломъ дѣйствительно затерянъ.

Въ то время когда Владиславъ велъ войну въ Россіи, турки, по внушеніямъ царя, открыли непріязненныя дѣйствія. Великій ви-

зирь Абасси, отправилъ прежде всего татаръ, которыхъ Конецпольскій и осадилъ при первой встрѣчѣ и преслѣдовалъ вплоть до самой границы Молдавіи. Тогда визирь явился самъ съ 55,000 войскомъ. Конецпольскій расположился съ 10,000 отрядомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Каменцемъ. Турки, нѣсколько разъ, бросались на польскіе окопы, но, оттѣсняемые всякій разъ, вынуждены были (въ концѣ окт. 1633) возвратиться за Днѣстръ. Конецпольскій, не желая еще болѣе раздражать султана, отказался отъ преслѣдованія. Не смотря на это султанъ объявилъ войну рѣчипосполитой, и военныя приготовленія приняли громадные размѣры, когда польскій посолъ Тржебинскій объявилъ, что Польша не будетъ платить дани. Между тѣмъ Владиславъ возвратился изъ московской войны на сеймъ въ Варшаву (въ іюлѣ 1634). Сословія утвердили налоги, и полки, бывшіе съ королемъ въ Россіи, начали сосредоточиваться въ лагерѣ Конецпольскаго. Вѣсть о мирѣ, заключенномъ между Польшею и Москвою, охладила воинскій пылъ султана. Его посланникъ началъ въ Варшавѣ поговаривать о мирѣ. Абасси, виновникъ войны, попалъ въ немилость и заплатилъ жизнію за нарушеніе мира съ Польшею. Его преемникъ заключилъ миръ, по которому султанъ обязался держать въ повиновеніи татаръ, а рѣчьпосполитая, съ своей стороны, должна была препятствовать козакамъ дѣлать набѣги на турецкія владѣнія.

Такое обезпеченіе Польши, со стороны турокъ, было тѣмъ болѣе необходимо, что срокъ перемирія съ Швеціею приближался къ концу. Густавъ-Адольфъ погибъ, правда, въ сраженіи подъ Люценомъ (1632), оставивъ единственную дочь малолѣтнюю Кристину, но управлявшій шведскими дѣлами канцлеръ Оксенштіернъ былъ человѣкъ непреклонный, а потому слѣдовало опасаться возобновленія войны. Австрійскій дворъ, желая также вовлечь Польшу въ войну съ Швеціею, а тѣмъ самымъ отвлечь шведскія силы, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы препятствовать переговорамъ. Помимо сейма Владиславъ ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, а потому сеймъ собрался въ февралѣ 1635 г. Прежде нежели было приступлено къ обсужденію какихъ бы то ни было об-

щественныхъ дѣлъ, посольская палата утвердила уставъ, воспрещающій духовенству, въ особенности монашествующему, дальнѣйшее пріобрѣтеніе имѣній. Этотъ уставъ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ іезуитовъ, которые пріобрѣли множество свѣтскихъ имѣній, частію покупкою, частію путемъ записей. Сверхъ того послѣдовали слѣдующія постановленія. Десятины сноповыя замѣнены денежнымъ взносомъ—запрещено отправляться въ Римъ въ дѣлахъ духовенства съ свѣтскими лицами — на случай войны назначены новые налоги. Въ сенатѣ, поводомъ къ весьма оживленнымъ преніямъ послужилъ вопросъ о бракѣ короля. Владиславъ хотѣлъ жениться на дочери рейнскаго воеводы, исповѣдывавшей протестантскую вѣру. Всѣ духовные сенаторы, за исключеніемъ каменецкаго епископа Пясецкаго, были противъ этого и, даже, между свѣтскими сенаторами было не мало усердныхъ католиковъ, не совѣтовавшихъ Владиславу вступать въ подобный бракъ. Въ заключеніе всѣ согласились, чтобы Владиславъ предварительно убѣдился—захочетъ ли его будущая невѣста перейти на лоно католической церкви.

По закрытіи сейма король велѣлъ войску собраться въ Пруссіи, гдѣ Конецпольскій расположился лагеремъ подъ Квидзыномъ *). Самъ Владиславъ отправился (въ іюлѣ) въ Торнъ. Шведы также сосредоточили значительныя военныя силы. Австрійскій посланникъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить короля вести войну, но французскіе, англійскіе и голландскіе послы вызвали сперва продленіе перемирія на нѣсколько недѣль, а затѣмъ и самые переговоры о мирѣ, такъ какъ и польскіе сенаторы были противъ войны. Шведскіе уполномоченные хотѣли заключить вѣчный миръ и возвратить всѣ захваченныя земли, если Владиславъ, вмѣстѣ съ братьями, отречется отъ правъ на шведскій престолъ, въ чемъ онъ, впрочемъ, секретно обязался передъ сословіями рѣчипосполитой. Но король, подъ вліяніемъ австрійскаго двора, не хотѣлъ сдѣлать этого шага. Послѣ долгихъ споровъ, заключено, наконецъ,

---

*) Нынѣшній Маріенвердеръ. *Прим. перевод.*

26-ти лѣтнее перемиріе въ Штумсдорфѣ. Швеція отдала все, чѣмъ она владѣла въ Пруссіи. Въ Ливоніи обѣ стороны удержали то, чѣмъ владѣли во время веденія переговоровъ. Владиславъ далъ слово, что въ продолженіе всего перемирія, не предприметъ ничего враждебнаго въ отношеніи къ Швеціи, а самыя условія должны были быть подтверждены сеймами обоихъ государствъ. Владиславъ созвалъ (24 нояб.) въ Варшавѣ чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ, на которомъ штумсдорфское перемиріе получило утвержденіе, а также установлены значительные налоги для удовлетворенія войска. Кромѣ того король возобновилъ дѣло о своемъ бракѣ. Когда сословія объявили себя рѣшительно противъ дочери рейнскаго воеводы, король поднялъ вопросъ о бракѣ съ соотечественницею, но сословія воспротивились и этому. За то весьма многіе помышляли о королевѣ изъ австрійскаго дома, что опять таки, не соотвѣтствовало желаніямъ короля. Но ловкій австрійскій посолъ успѣлъ такъ повести дѣла, что Владиславъ вошелъ въ тайные переговоры, на счетъ руки дочери императора Фердинанда II—Цециліи-Ренаты. Когда все было улажено (въ концѣ 1636) и императоръ согласился на всѣ условія, король созвалъ (въ мартѣ 1637) сеймъ въ Варшаву. Въ универсалахъ, возвѣщавшихъ о сеймахъ, не было и помину о предположенномъ бракѣ съ австрійскою княжною. Король объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на Цециліи-Ренатѣ лишь тогда, когда посолъ, отправленный въ Германію, донесъ сословіямъ, что рейнская воеводзянка рѣшительно отказывается принять католическую вѣру. Но и это новое родство съ австрійскимъ домомъ казалось сословіямъ весьма зловѣщимъ, а потому заявленіе короля встрѣтило сильную оппозицію. Однакожъ, на этотъ разъ, нельзя было помѣшать осуществленію желанія короля. По закрытіи сейма, блестящее посольство, въ средѣ котораго находился и братъ короля Янъ-Казиміръ, отправилось въ Вѣну, гдѣ только что, послѣ смерти Фердинанда II, вступилъ на престолъ сынъ его Фердинандъ III. Новый императоръ не хотѣлъ выполнить обязательствъ, принятыхъ на себя отцемъ. Пришлось начать переговоры снова, такъ что дѣло о бракѣ затянулось до осени. Новая королева при-

была въ сентябрѣ въ Варшаву, гдѣ совершился обрядъ вѣнчанія и коронаціи, что вызвало всеобщій ропотъ, такъ какъ, по искон-тому обычаю, коронаціи должны были совершаться въ Краковѣ.

Между тѣмъ произошли столкновенія съ козаками. Многіе изъ польской шляхты, владѣя обширными помѣстіями въ Украинѣ, желали увеличить получаемые съ нихъ доходы. Когда, по поводу сосѣдства козаковъ, крестьяне угнетаемые управляющими, начали переходить въ Запорожье, шляхта потребовала, чтобы болѣе строгими мѣрами пресѣчь зло. Требованія эти были мотивированы необходимостію поддержать миръ съ султаномъ, которому рѣчьпосполитая обѣщала, не позволить козакамъ вторгаться въ его земли. Конецпольскій приступилъ затѣмъ къ сооруженію замка Кудака на Днѣпрѣ, подъ прикрытіемъ отряда нѣмецкой пѣхоты. Козаки, умертвивъ атамана Савву Куровича, избрали своимъ вождемъ Павлюка, перерѣзали нѣмецкую пѣхоту и посадили на колъ ея предводителя Маріана. Конецпольскій двинулъ противъ нихъ польнаго гетмана Николая Потоцкаго, который разбилъ козаковъ подъ Корсуномъ и затѣмъ окружилъ ихъ лагерь подъ Боровицами. Голодъ принудилъ несчастныхъ открыть переговоры. При содѣйствіи подкоморія Адама Киселя, козаки обѣщали покорность и даже выдали Павлюка и трехъ другихъ начальниковъ, какъ скоро имъ было обѣщано помилованіе со стороны короля и сословій. Но сеймъ, собравшійся въ концѣ марта 1638 г., не заботясь вовсе о данномъ обѣщаніи, приговорилъ Павлюка къ смерти, а козаковъ приказалъ держать въ границахъ самаго строгаго повиновенія и дисциплины. Приведенные этимъ въ негодованіе, козаки снова взялись за оружіе, подъ начальствомъ Димитрія Тимашевича Гуни. Послѣ кровопролитныхъ стычекъ, въ которыхъ поляки понесли чувствительныя потери, Конецпольскому удалось склонить козаковъ къ договору обѣщаніемъ, что, на ближайшемъ сеймѣ, будутъ уничтожены всѣ новыя распоряженія, посягающія на ихъ льготы. Въ силу этого договора должно было быть, подъ начальствомъ атамана, назначаемаго королемъ, на жалованьѣ рѣчипосполитой, 6,000 реестровыхъ казаковъ; остальнымъ предоставлялось свободное пребываніе,

гдѣ пожелаютъ. Но и на этотъ разъ условія договора не были выполнены. По расформированіи ихъ войска, многіе козаки были умерщвлены, а являвшіеся атаманы и коммисары отличались только своими грабежами и ужасными притѣсненіями. Упавшіе духомъ козаки должны были покориться необходимости, но раздраженіе противъ поляковъ приняло громадные размѣры.

Независимо отъ этого, король былъ занятъ другимъ дѣломъ. Объѣзжая Пруссію, послѣ заключенія перемирія со шведами, Владиславъ задумалъ (1637) увеличить доходъ казны, введеніемъ морской пошлины. Самую сильную оппозицію встрѣтилъ король со стороны Данцига, который предложилъ внести единовременно, въ видѣ отступнаго 800,000 злот., тогда какъ ежегодный доходъ съ пошлины простирался до 2,000,000. Сеймъ объявилъ себя (1638) въ пользу пошлины и командировалъ коммисію, которая должна была покончить дѣло на мѣстѣ. Данцигскій магистратъ вызвалъ, по этому поводу, безпорядки въ городѣ. Когда и это ни къ чему не повело, и король приказалъ собирать пошлину въ портѣ, данцигскіе эмиссары обратились къ Швеціи и Даніи и пытались уговорить эти державы протестовать противъ распоряженій польскаго правительства. Дѣло приняло даже такой оборотъ, что датскій король снарядилъ флотъ, который захватилъ нѣсколько польскихъ военныхъ кораблей. Наконецъ и варшавскій сеймъ (1645) высказался противъ морскаго тарифа, и король, волею неволею, вынужденъ былъ отказаться отъ сего сбора.

Бракъ короля съ австрійскою принцессою возбудилъ сильное неудовольствіе англійскаго и французскаго двора. А потому, когда королевичъ Янъ-Казиміръ предпринялъ (1638) путешествіе въ Италію и, сѣвъ на корабль въ Генуѣ, поплылъ въ Испанію и по дорогѣ высадился на французскій берегъ, французскія власти арестовали его, подъ предлогомъ, что онъ, готовясь принять начальство надъ войскомъ въ Испаніи, ознакомляется съ французскими берегами, съ цѣлію отыскать наиболѣе выгодный пунктъ для высадки. Тщетно было ходатайство папы, венеціанской и генуэзской республикъ. Королевичъ былъ освобожденъ только послѣ двух-

лѣтняго, тяжкаго заключенія, по усиленному настоянію Владислава, и послѣ даннаго имъ и польскимъ посольствомъ обѣщанія, что прежнія дружественныя отношенія будутъ поддерживаться съ Франціею. Польскій посланникъ обѣщалъ даже, что завербуетъ въ Польшѣ нѣсколько тысячъ охотниковъ во французскую службу, что отнюдь не могло нравиться австрійскому дому. По освобожденіи изъ тюрьмы, Янъ-Казиміръ рѣшился, безъ вѣдома Владислава, вступить въ орденъ іезуитовъ. Онъ былъ уже два года послушникомъ, и затѣмъ, находясь подъ вліяніемъ разныхъ лицъ, раздумалъ и возвратился въ Польшу, не употребляя никогда кардинальскаго титула, дарованнаго ему папою.

День 1 апрѣля 1640 г. былъ для Владислава днемъ семейной радости. У него родился сынъ Сигизмундъ-Казиміръ. Но за то король возбудилъ противъ себя сильную бурю на сеймѣ, когда, во время пребыванія въ Вильнѣ, предоставилъ Курляндію, въ видѣ лена, Вильгельму Кетлеру. Члены сейма утверждали, что подобныя дѣла должны совершаться на сеймѣ, въ присутствіи всѣхъ сословій. Вскорѣ (24 марта 1644) скончалась его жена. Этотъ ударъ былъ для него тѣмъ болѣе чувствителенъ, что покойная королева, своею покорностію и большимъ тактомъ, умѣла пріобрѣсть его привязанность и, что важнѣе всего, вовсе не вмѣшивалась въ дѣла рѣчипосполитой. Во время похоронъ король созвалъ въ Краковѣ совѣтъ сената, на которомъ предложилъ вопросъ — можетъ ли онъ дать вооруженную помощь своему родственнику Фердинанду III, противъ трансильванскаго князя Юрія Ракочаго. Владиславъ имѣлъ сильное желаніе быть союзникомъ Фердинанда, но большинство сенаторовъ рѣшительно объявило себя противъ такого намѣренія, утверждая, что рѣчьпосполитая не должна вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. За то сенатъ предоставилъ королю быть посредникомъ. Вслѣдствіе этого Владиславъ снарядилъ посольство къ императору и Ракочему, но Фердинандъ III, требуя безусловной покорности, не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ подданнымъ.

Не смотря на то, что рѣчьпосполитая, соблюдая условія мира,

удерживала козаковъ отъ вторженій въ турецкія владѣнія, тѣмъ не менѣе татары производили набѣги на польскія земли. Значительныя силы татаръ вступили, въ январѣ 1644 г., на очаковскія поля. Извѣщенный заблаговременно, Конецпольскій сосредоточилъ свои войска подъ Охматовымъ и одержалъ совершенную побѣду надъ наѣздниками, изъ которыхъ многіе погибли во время отступленія. Между тѣмъ накоплялись и внутреннія бури. Король, извѣстный своею расточительностію, черпалъ не только изъ казны рѣчипосполитой, но, въ довершеніе, сдѣлалъ значительные долги. Не имѣя чѣмъ платить ихъ, онъ потребовалъ (1645) у сейма, назначенія новыхъ налоговъ. Депутаты утверждали весьма справедливо, что рѣчьпосполитая не обязана платить долговъ, совершенныхъ безъ ея вѣдома и согласія. Сторонники же короля увѣряли, что всѣ эти деньги были заняты на общественныя нужды. Послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ преній, сословія дали, наконецъ, согласіе на уплату долговъ, но предварили, чтобы на будущее время, король не былъ вправѣ заключать займовъ, безъ формальнаго разрѣшенія сейма. Вскорѣ другое дѣло вызвало еще болѣе сильную бурю. Въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ съ Московіею, было внесено, между прочимъ, условіе, чтобы коммисары, назначенные отъ обѣихъ сторонъ, занялись размежеваніемъ границъ взаимныхъ территорій. При этомъ размежеваніи къ московскому государству отошло значительное пространство польскихъ земель. Это обстоятельство привело въ негодованіе посольскую палату, которая, въ февр. 1645, потребовала уничтоженія всего трактата, упрекая короля, что онъ, вопреки короннымъ уставамъ, уступилъ часть владѣній рѣчипосполитой, безъ малѣйшаго на то права. Владиславъ заглушилъ это дѣло уничтоженіемъ всѣхъ введенныхъ имъ пошлинъ. А такъ какъ, главнымъ образомъ, литовская территорія пострадала отъ этой уступки, то король поспѣшилъ успокоить литовцевъ присоединеніемъ къ Литвѣ двухъ пограничныхъ коронныхъ старостствъ.

Во время сейма Владиславъ заявилъ желаніе вступить въ бракъ съ родственницею французскаго короля, Маріею-Людвикою Гонзага. Не смотря на оппозицію нѣкоторыхъ сенаторовъ, предпо-

читавшихъ новое родство съ австрійскимъ домомъ, король, тотчасъ же, по закрытіи сейма, отправилъ блестящее посольство во Францію. Въ Фонтенебло, отъ имени короля, обвѣнчался (5 нояб.) съ Маріею-Людвикою, познанскій воевода Опалинскій. Новая королева прибыла въ Варшаву 11 марта 1646 г. Владиславъ, страдавшій подагрою, не могъ выѣхать къ ней на встрѣчу, но принялъ ее въ соборѣ св. Яна.

Видя всеобщее раздраженіе умовъ, по поводу религіозныхъ столкновеній, Владиславъ пожелалъ устроить соглашеніе между разновѣрцами. Онъ льстилъ себя надеждою, что какъ скоро дѣло дойдетъ до сопоставленія догматовъ, отличающихъ одно исповѣданіе отъ другаго, разница окажется до того незначительною, что будетъ весьма легко вызвать соглашеніе путемъ взаимныхъ уступокъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ въ Торнѣ дружескую бесѣду (Colloquium charitativum), и предсѣдателемъ бесѣды назначилъ великаго короннаго канцлера Юрія Оссолинскаго. Дѣйствительно въ августѣ 1645 г., съѣхались въ Торнъ, въ довольно значительномъ числѣ, богословы католическіе, лютеранскіе и кальвинскіе. Но вмѣсто соглашенія, на счетъ взаимныхъ уступокъ, раздраженіе достигло еще большихъ размѣровъ. Богословы обвиняли другъ друга въ прерваніи бесѣды, и наконецъ всѣ разъѣхались, унося въ сердцахъ взаимную ненависть. Къ несчастью религіозный фанатизмъ велъ польское общество по ложному пути. Іезуиты прибѣгли къ неблаговидному средству—именно къ фанатизированію католиковъ противъ иновѣрцевъ. По ихъ, несомнѣнно, внушеніямъ, католики, живщіе въ сосѣдствѣ съ иновѣрцами, ставили кресты на пограничныхъ межахъ, въ особенности тамъ, гдѣ границы имѣній были спорныя. Что же удивительнаго, если владѣлецъ некатоликъ, видя захваченную часть своей собственности, уничтожалъ межу, а съ нею вмѣстѣ сваливалъ и крестъ. Но послѣднее считалось святотатствомъ и виновнаго подвергали сеймовому суду. Нѣкоторымъ сходило это иногда съ рукъ, но аріанцы навлекли на себя (1638) по этому же поводу страшную бурю. Въ Раковѣ, нѣсколько школьниковъ свалили крестъ, изъ шалости ли, или по чьему либо посто-

роннему наущенію, за что всѣ аріанцы приговорены къ изгнанію изъ края, если они не отрекутся отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Многія почтенныя и свѣтлыя личности оставили отечество, въ которомъ имъ воспрещалось восхвалять Бога по своимъ понятіямъ.

Подобно тому, какъ нѣкогда Стефанъ Баторій, такъ теперь Владиславъ рѣшился начать войну съ турками въ большихъ размѣрахъ. Къ этому намѣренію особенно побуждалъ его венеціанскій посолъ Теполи обѣщаніемъ, что венеціанская республика и папа доставятъ значительныя суммы для веденія турецкой войны. Увлекаемый честолюбіемъ, король приступилъ, не медля, къ военнымъ приготовленіямъ. Занявъ большія суммы денегъ у жены, и другихъ лицъ, Владиславъ вербовалъ войско у себя дома и за границею и готовилъ военные запасы, которые приказалъ сосредоточить во Львовѣ. Въ то же время онъ отправилъ къ козакамъ довѣренныхъ лицъ, поручивъ имъ, обѣщаніемъ новыхъ льготъ склонить этихъ воинственныхъ людей ко вторженію въ турецкія земли и къ сбору большаго числа воиновъ, нежели ему было предоставлено держать подъ ружьемъ, на основаніи недавнихъ постановленій. Богдану Хмѣльницкому, пріобрѣтавшему уже популярность между козаками, Владиславъ послалъ знаки гетманскаго достоинства. Все это творилось безъ вѣдома и дозволенія рѣчипосполитой и было рѣшено лишь въ тайномъ совѣщаніи съ Теполи, Юріемъ Оссолинскимъ и нѣкоторыми найболѣе довѣренными сторонниками короля, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Оссолинскій. Когда все уже было готово, и многочисленное войско, по обычаю того времени, причиняло жителямъ чувствительные убытки, собрался (25 окт. 1646) сеймъ въ Варшавѣ. Вся рѣчьпосполитая пришла въ неописанное негодованіе отъ произвольныхъ дѣйствій короля, который, помимо сейма, заключалъ союзы и готовился къ войнѣ. Его упрекали даже въ томъ, что войско собрано имъ для подавленія шляхетскихъ привиллегій. Тщетно Юрій Оссолинскій защищалъ политику короля и указывалъ на важные поводы къ войнѣ съ Турціею. Сеймъ высказался рѣзко противъ Владислава, угрожая даже, въ случаѣ не-

распущенія войска, что депутаты не разъѣдутся по домамъ до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ ихъ избиратели съ вооруженною силою, для изгнанія этихъ незваныхъ гостей. Владиславъ былъ вынужденъ не только распустить набранное войско, но и сократить свою личную стражу до 1,200 человѣкъ. Кромѣ того, состоялось сеймовое рѣшеніе, по которому король не вправѣ дѣлать рекрутскихъ наборовъ безъ прямаго полномочія сословій. На удовлетвореніе войска жалованьемъ назначенъ налогъ, а тѣмъ, которые, не смотря на это рѣшеніе, не хотѣли разойтись, сеймъ угрожалъ безчестіемъ. Вслѣдствіе недовѣрія къ королю, вскорѣ (въ маѣ 1647) былъ объявленъ чрезвычайный, трехнедѣльный сеймъ. На раздраженіе сословій имѣли не малое вліяніе темные слухи о какихъ то тайныхъ происках со стороны двора, относительно козаковъ. Такимъ образомъ рушились военные планы Владислава. Одна рѣчьпосполитая осталась въ проигрышѣ, ибо должна была заплатить издержки безцѣльныхъ вооруженій короля, который кромѣ того былъ причиною страшной междоусобной войны съ козаками.

По закрытіи чрезвычайнаго сейма, столь же бурнаго, какъ и многіе другіе, у Владислава скончался (9 авг. 1647) единственный сынъ его. Опечаленный этою потерею, разрушившею всѣ его династическіе планы, король отправился въ Литву, гдѣ получилъ извѣстіе объ опасныхъ замыслахъ Богдана Хмѣльницкаго въ Украинѣ *). Хмѣль-

*) Что касается эпохи Богдана Хмѣльницкаго, то читателей, знакомыхъ съ прекраснымъ сочиненіемъ нашего извѣстнаго историка и писателя Н. И. Костомарова, не удовлетворитъ довольно сжатое изложеніе г. Шмита. Г. Шмитъ, по нашему крайнему разумѣнію, не могъ отступить отъ общаго плана своей исторіи и долженъ былъ разсказывать событія въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, не нарушая общей связи и останавливаясь лишь болѣе надъ тѣми фактами, которые, несомнѣнно, отразились въ судьбахъ польскаго народа. Въ этомъ отношеніи г. Шмитъ, какъ нельзя добросовѣстнѣе, выполнилъ свою задачу. Переводя его описаніе столкновеній поляковъ съ козаками, мы имѣли постоянно передъ глазами сочиненіе г. Костомарова, и могли убѣдиться, что г. Шмитъ съ особенною тщательностію остановился надъ этою эпохою. Онъ отнесся къ ней съ замѣтнымъ безпристрастіемъ, такъ что во многихъ мѣстахъ сходится въ воззрѣніяхъ съ нашимъ историкомъ. Впрочемъ, это наше личное мнѣніе и читатели имѣютъ полную возможность повѣрить, справедливо ли оно или нѣтъ. *Прим. перевод.*

ницкій былъ сыномъ польскаго шляхтича, бѣжавшаго изъ края, за какое то преступленіе и женившагося въ Украинѣ на козачкѣ. Одаренный отъ природы большими способностями, отличаясь къ тому же, личною храбростію, Богданъ Хмѣльницкій служилъ въ чигиринскомъ полку реестровыхъ козаковъ, и великій коронный гетманъ Конецпольскій пожаловалъ ему, за особое мужество, значительное пространство земли, на которой Хмѣльницкій основалъ деревню Суботово. Послѣ смерти гетмана сынъ его Александръ, коронный подхорунжій съ нѣсколько тысячнымъ отрядомъ вторгнулся въ Крымъ, гдѣ причинилъ татарамъ не мало убытковъ. Хмѣльницкій не участвовалъ въ этой экспедиціи. Черкасскій подстаростій—Даніилъ Чаплинскій, желая погубить его, ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Получивъ секретное дозволеніе отъ Конецпольскаго, Чаплинскій силою захватилъ деревню Суботово и, въ заключеніе, взялъ къ себѣ жену Хмѣльницкаго, на которой впослѣдствіи женился, обративъ ее въ литинскую вѣру. Хмѣльницкій, задѣтый за живое этимъ двойнымъ оскорбленіемъ, искалъ правосудія сперва у Конецпольскаго, потомъ у короля и на сеймѣ. Но онъ проигралъ дѣло, такъ какъ пожалованіе Суботова не было внесено въ земскія книги, а на счетъ жены сеймъ поднялъ его на смѣхъ, совѣтуя искать себѣ другую сожительницу, если первая покинула его и предпочитаетъ жить съ Чаплинскимъ. Король же, все еще мечтавшій о войнѣ, принялъ Хмѣльницкаго весьма милостиво и извиняясь невозможностію помочь ему въ данномъ случаѣ, подавалъ ему хорошія надежды въ будущемъ. Быть можетъ, что король желалъ даже при содѣйствіи козаковъ ограничить свободу шляхты, во многомъ ему препятствовавшую. Хмѣльницкій, не добившись требуемаго правосудія, по возвращеніи изъ Варшавы, началъ побуждать козаковъ къ открытому возстанію. Такъ какъ въ поводахъ къ неудовольствію недостатка не было, ибо угнетеніе сельскаго люда и православія не подлежало сомнѣнію, то Хмѣльницкій встрѣтилъ гораздо болѣе готовности, нежели разсчитывалъ, къ осуществленію своихъ плановъ. Вскорѣ еще возникъ новый поводъ къ мщенію. Сынъ Хмѣльницкаго Тимофей грозилъ въ Чи-

гиринѣ Чаплинскому, за что послѣдній велѣлъ его высѣчь публично*). Раздраженный Богданъ приступилъ серьезно къ пропагандѣ возстанія. Николай Потоцкій, къ которому послѣ смерти Конецпольскаго перешла большая коронная булава, замѣтилъ въ чемъ дѣло и приказалъ арестовать Хмѣльницкаго, но вскорѣ, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, освободилъ его. Хмѣльницкій бросился въ запорожскую сѣчь, гдѣ безъ труда, уговорилъ козаковъ поднять возстаніе. Провозглашенный гетманомъ, онъ вошелъ въ сношенія съ татарами, которымъ открылъ тайные замыслы короля и получилъ отъ нихъ обѣщаніе помощи.

Грозное настроеніе Хмѣльницкаго и козаковъ не было тайною для Потоцкаго. Извѣстивъ обо всемъ короля, бывшаго тогда въ Вильнѣ, Потоцкій собралъ кварцяное войско и дружины нѣкоторыхъ пановъ, съ цѣлію подавить возстаніе въ самомъ зародышѣ. Сосредоточивъ около 12,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и православные на жалованьи у рѣчипосполитой, Потоцкій, въ началѣ 1648 г., расположился лагеремъ на берегу Днѣпра. Лучшихъ воиновъ, подъ начальствомъ своего сына Стефана, Потоцкій отправилъ на Запорожье. Отрядъ этотъ, составленный изъ 7,000 человѣкъ, достигнулъ уже Желтыхъ Водъ, гдѣ Хмѣльницкій, почти въ недоступномъ мѣстѣ, занялъ укрѣпленный лагерь, не принимая сраженія. Чтобы легче справиться съ поляками, онъ началъ переговоры и длилъ ихъ такъ долго, пока не прибылъ обѣщанный вспомогательный татарскій отрядъ. Стефанъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, донесъ правда отцу о своей опасности, но козаки перехватили гонца. Поляки могли бы пробиться и не замедлили бы это сдѣлать, если бы не лукавство Хмѣльницкаго. Онъ обѣщалъ имъ свободу, если они выдадутъ ему 12 бывшихъ у нихъ орудій. Получивъ же орудія, Хмѣльницкій неожиданно, вмѣстѣ съ татарами, аттаковалъ (15 апр. 1648) обманутыхъ поляковъ и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Вождь экспедиціи погибъ

---

*) Сыну Хмѣльницкаго было всего 9 лѣтъ. Его высѣкли среди базара такъ, что мальчика чуть живаго принесли домой, гдѣ онъ скоро послѣ того умеръ.

Прим. перевод.

вмѣстѣ со многими храбрыми товарищами. Только нѣсколько солдатъ успѣло спастись бѣгствомъ, чтобы донести Потоцкому о пораженіи и смерти сына. Гетманъ отступилъ къ Корсуну, а къ канцлеру Оссолинскому отправилъ гонца съ требованіемъ поспѣшной помощи. Вскорѣ подступилъ (22 мая) Хмѣльницкій, вмѣстѣ съ татарами, къ укрѣпленному польскому лагерю. Польный гетманъ Калиновскій былъ того мнѣнія, что, не смотря на численное превосходство непріятеля, слѣдуетъ ударить на него и въ мужествѣ искать спасенія. Но Потоцкій предпочелъ защищаться въ окопахъ, до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ потребованная помощь. Однакожъ настоянія старшихъ склонили его начать отступленіе укрѣпленнымъ обозомъ. Послѣ трехмилеваго перехода, обозъ потерялъ свою связь, такъ какъ козаки устроили по дорогѣ разныя препятствія. Часть войска, состоявшая изъ руссиновъ, перешла на сторону Хмѣльницкаго. Другіе, подъ начальствомъ Корыцкаго, сѣвъ на коней, пробились сквозь татарскія орды, и хотя испытали значительныя потери, однакожъ, въ свою очередь, устлали путь татарскими трупами. Остальные, вмѣстѣ съ обоими гетманами, попали въ плѣнъ къ татарамъ, или погибли на полѣ битвы. И такъ отъ всего кварцянаго войска коронной Польши, осталось только то, что успѣлъ увести съ собою Корыцкій *).

Король по полученіи извѣстія въ Вильнѣ о волненіи, готовомъ вспыхнуть между козаками, уполномочилъ немедленно Оссолинскаго отправить приказъ гетману о томъ, чтобы ожидали его прибытія, отнюдь не проникая въ глубь Украины. Оссолинскій отправилъ, правда, этотъ приказъ изъ Варшавы, но гонецъ опоздалъ и пріѣхалъ уже не во время. Между тѣмъ Владиславъ выѣхалъ изъ Вильно (въ концѣ апр.) и хотѣлъ прибыть въ Варшаву къ троицыну дню. Изъ Варшавы онъ предполагалъ самъ двинуться противъ козаковъ, надѣясь усмирить ихъ безъ труда. Но на пути въ

*) Потоцкій и Калиновскій были отосланы къ хану въ Крымъ. Поляки потеряли 127 офицеровъ, 8,520 рядовыхъ и 41 пушку. Пораженіе приписываютъ неблагоразумному раздѣленію войскъ на двѣ части. (Соловьевъ, Т. X, стр. 224).

Прим. перевод.

Варшаву, король, по случаю болѣзни жены, остановился въ Меречѣ и здѣсь, проводя цѣлые дни на охотѣ, сильно простудился и самъ долженъ былъ лечь въ постель. Неискусные врачи ухудшили положеніе и, чрезъ нѣсколько дней, Владиславъ скончался (20 мая 1648).

Царствованіе Владислава могло бы быть однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, если бы съ одной стороны, онъ не вооружилъ противъ себя шляхту, очевиднымъ стремленіемъ къ самодержавію, что послужило, впрочемъ, еще къ большему ограниченію королевской власти, а съ другой — если бы онъ сдержалъ слово, данное секретно нѣкоторымъ сенаторамъ, отказаться отъ правъ своихъ на шведскую корону, ибо тогда не навлекъ бы на Польшу позднѣйшихъ шведскихъ войнъ. Его можно также упрекнуть въ томъ, что задуманною войною противъ турокъ, вызвалъ возстаніе козаковъ, и тѣмъ возбудилъ одну изъ самыхъ страшныхъ междоусобныхъ войнъ. Затѣмъ, по всей справедливости, слѣдуетъ поставить въ заслугу Владиславу, тотъ фактъ, что онъ препятствовалъ, по возможности, религіознымъ преслѣдованіямъ и помышлялъ о соглашеніи между разновѣрцами. Его смерть, въ минуту возстанія козаковъ, была громаднымъ несчастіемъ для рѣчипосполитой, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что своимъ присутствіемъ, онъ подавилъ бы движеніе въ самомъ зародышѣ *).

---

*) Владиславъ IV рѣзко отличался отъ своего отца и умомъ, и сердцемъ. Поляки любили его съ дѣтства, ибо видѣли въ немъ много хорошихъ качествъ и дѣйствительную привязанность ко всему отечественному. Умный и разсудительный, онъ старался привить въ Польшѣ все, что видѣлъ хорошаго въ Европѣ во время своихъ путешествій. Искусство стрѣльбы, артиллерію, Владиславъ довелъ до такого цвѣтущаго состоянія, въ какомъ онѣ никогда не находились; устроилъ почтовыя сообщенія; хотѣлъ соединить Пину, Припеть и Бугъ съ Днѣпромъ. Его обвиняютъ въ расточительности. Но едва ли польскій король могъ иначе нравиться своимъ подданнымъ. Ставятъ ему въ укоръ, что онъ не прекратилъ злоупотребленій сильнѣйшихъ магнатовъ въ Украинѣ. Но лишенный власти, развѣ онъ могъ усмирить тѣхъ, кто въ дѣйствительности былъ сильнѣе его. Справедливость требуетъ сказать, что все что было хорошаго, блестящаго въ это царствованіе — сдѣлано королемъ; всему же неудачному — виною испорченное правительство и самоуправство ослѣпленной шляхты. Но самою главною заслугою Владислаба IV было то, что въ его царствованіе сдѣланы были удачныя попытки къ подорванію могущества ордена іезуитовъ. *Прим. перевод.*

Въ теченіи изложеннаго пятаго періода дѣяній польскаго народа, совершилось окончательное преобразованіе общественнаго строя. Начало избирательности королей, положительно уже введенное въ жизнь, сдѣлалось основаніемъ рѣчипосполитой и всѣхъ привиллегій штяхты, которая исключительно присвоила себѣ названіе народа. Землевладѣльцы, называемые также шляхтою, или рыцарствомъ, сообщили своимъ учрежденіямъ почти тѣже самыя формы, которыя мы видѣли болѣе или менѣе въ первобытныхъ славяно-польскихъ общинахъ, съ тою единственно разницею, что преимущества, составлявшія нѣкогда общую принадлежность, сдѣлались правомъ одной части населенія. Шляхта уѣзда или земли образуетъ отдѣльную общину, которая, въ совокупности съ другими, составляетъ воеводскую общину. Нѣсколько воеводствъ сливаются въ одну провинціальную общину, которыя, въ свою очередь, составляютъ рѣчьпосполитую, изображающую государственное цѣлое. Каждая земская община пользовалась самымъ широкимъ правомъ самоуправленія, на сколько, впрочемъ, его можно было согласить съ общимъ благомъ. Совокупная воеводская община разрѣшала всѣ мѣстныя дѣла, на такъ называемыхъ сеймикахъ, т. е. хозяйственныхъ съѣздахъ, на которыхъ выбирали судей и постановляли рѣшенія (lauda), относившіяся къ внутреннимъ дѣламъ воеводства. Подобныя рѣшенія воеводствъ, утвержденныя на общемъ сеймѣ, были обязательны для цѣлой провинціи. На провинціальные сеймики съѣзжались только делегаты или представители воеводскихъ общинъ, между тѣмъ какъ въ воеводскихъ сеймикахъ принимала, обыкновенно, участіе вся мѣстная шляхта. На съѣздахъ воеводскихъ, какъ равно и провинціальныхъ, рѣшеніе признавалось законнымъ въ томъ лишь случаѣ, если оно было принято единогласно. Представителемъ рѣчипосполитой былъ генеральный сеймъ, составленный изъ трехъ сословій, т. е. короля, сената и посольской палаты. Сеймы бывали обыкновенные и чрезвычайные. Первые собирались разъ въ два года и засѣданія ихъ продолжались шесть недѣль. Послѣдніе назначались въ крайнихъ случаяхъ и не болѣе какъ на двѣ или на три недѣли. Право сзыванія сей-

мовъ было предоставлено королю, но съ согласія сената, съ которымъ онъ долженъ былъ предварительно совѣщаться, что называлось конвокаціею. Въ сенатѣ засѣдали архіепископы и епископы, затѣмъ воеводы и каштеляны большіе и малые. Первымъ лицомъ въ сенатѣ, заступавшимъ короля во время междуцарствія, былъ примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ. Изъ свѣтскихъ сенаторовъ старшимъ считался краковскій каштелянъ. Впослѣдствіи вошли въ сенатъ коронные и литовскіе министры, т. е. канцлеры, маршалы, подскарбіи и гетманы. Такъ какъ сенаторы были старшинами въ земляхъ и воеводствахъ, то ихъ и называли, обыкновенно, старшею братьею. Назначеніе сенаторовъ и раздача высшихъ должностей и староствъ зависѣли отъ короля. Но онъ былъ обязанъ, всѣ мѣста, оставшіяся не занятыми или вакансіи роздать на сеймѣ, тотчасъ по открытіи засѣданій.

Власть короля, какъ перваго сановника рѣчипосполитой, была ограничена и обусловлена. Управляя на ясно выраженныхъ условіяхъ, король, по собственной иниціативѣ, не могъ ничего предпринять въ дѣлахъ рѣчипосполитой. Онъ не былъ вправѣ заключать союзы или начинать войну безъ вѣдома и дозволенія сословій. Не могъ назначать новыхъ налоговъ или дѣлать займы. Сзывать всеобщія ополченія предоставлялось ему въ экстренныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія сената, а въ обыкновенныхъ — на основаніи рѣшеній сейма. Король не имѣлъ права увеличивать войскъ. Не могъ уничтожать судебныхъ приговоровъ, ибо рѣчьпосполитая не признавала даже за нимъ права помилованія. Во всемъ онъ долженъ былъ руководствоваться уставами и обязательствами, данными подъ присягою при полученіи диплома избранія и при коронаціи. Въ случаѣ нарушенія какого либо изъ этихъ обязательствъ, народъ былъ вправѣ отказать ему въ повиновеніи.

Въ универсалахъ, сзывающихъ сеймы, король излагалъ все, чемъ предстояло разсуждать сословіямъ, чтобы сеймики имѣли возможность снабдить своихъ депутатовъ соотвѣтственными полномочіями. Каждый сеймикъ затѣмъ обсуждалъ предложенія короля и, избравъ предписанное уставами число депутатовъ, давалъ

имъ, согласную съ своимъ взглядомъ на дѣло, инструкцію или правила, какъ они должны вести себя на сеймѣ. Независимо отъ этихъ указаній, въ инструкцію вносились желанія воеводствъ и жалобы на разныя злоупотребленія, или такъ называемыя эксорбитанціи *). Иногда оговаривалось, что депутаты не должны приступать къ совѣщаніямъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены злоупотребленія. Если король вносилъ въ сеймъ проектъ, о которомъ не упоминалось въ универсалахъ, депутаты не были вправѣ давать безусловно свое согласіе, но чаще всего, обращались въ посеймовый или реляціонный сеймикъ, на которомъ давали отчетъ шляхтѣ въ томъ, какъ выполнили на сеймѣ данное имъ полномочіе. Такъ какъ депутатъ былъ только представителемъ своего воеводства, то долженъ былъ непремѣнно держаться инструкціи, малѣйшее отступленіе отъ которой навлекало на него самую строгую отвѣтственность. Это было главною причиною, почему правительство прибѣгало ко всевозможнымъ проискамъ, лишь бы инструкціи воеводствъ отвѣчали его планамъ. Такъ какъ всякое воеводство считалось равноправнымъ, то естественнымъ послѣдствіемъ такого склада вещей было обстоятельство, что рѣшеніе могло состояться только по единогласному соглашенію всѣхъ депутатовъ. Оппозиція со стороны депутатовъ одного воеводства была достаточною, чтобы рѣшеніе было отвергнуто. Въ случаѣ если всѣ остальныя воеводства соглашались съ предложеннымъ рѣшеніемъ, королю предоставлялось

*) Все совершавшееся вопреки закону, съ ущербомъ для правъ и льготъ рѣчипосполитой, называлось эксорбитанціею (extra orbitam legum). Сюда относились не только злоупотребленія чиновниковъ, но и всѣ противозаконныя дѣйствія короля и другихъ сословій. Во время междуцарствія 1669, въ числѣ эксорбитанцій былъ включенъ приговоръ Яна-Казиміра надъ Любомирскимъ и всѣ невыполненныя королемъ обязательства. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что во время всякаго междуцарствія, на избирательномъ сеймѣ назначалась спеціальная коммисія изъ шести сенаторовъ и двѣнадцати депутатовъ, для изслѣдованія и уничтоженія всѣхъ дошедшихъ до ея свѣдѣнія эксорбитанцій, которыя были совершены въ послѣднее царствованіе. Рѣшенія этой коммисіи утверждались въ общемъ собраніи сейма въ началѣ сессіи. Засѣданія происходили по утрамъ въ варшавскомъ замкѣ, ибо члены коммисіи должны были послѣ полудня участвовать въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, на избирательномъ полѣ.

Прим. перевод.

обратиться прямо къ сеймику того воеводства, котораго депутаты отвергли предложенную имъ мѣру.

Сеймъ начинался избраніемъ маршала посольской палаты *). Въ эту должность избирали, по очереди, одинъ разъ жителя коронной Польши, а другой разъ литовца. Въ коронѣ очередовались провинціи малопольская и великопольская. До избранія маршала депутатами предводительствовалъ или старшій лѣтами, или маршалъ прежняго сейма. По избраніи новаго маршала, депутаты отправлялись въ сенатъ, гдѣ присутствовалъ король. Затѣмъ происходило чтеніе королевскихъ предложеній и сенаторы, въ присутствіи депутатовъ, высказывали поочередно свои мнѣнія. Послѣ этого происходили совѣщанія отдѣльно въ сенатѣ и отдѣльно въ посольской палатѣ. Когда всѣ пренія были исчерпаны—три сословія рѣчипосполитой сходились снова на, такъ названную, сеймовую конклюзію, гдѣ всѣ рѣшенія получали санкцію закона и постановленій и безусловно дѣлались обязательными. Если посольская палата не соглашалась съ предложеніями правительства, или, по какимъ либо другимъ поводамъ, не хотѣла приступить къ конклюзіи—сеймъ считался прерваннымъ. Такіе случаи повторялись весьма часто. Въ этомъ періодѣ не выработалось еще знаменитое *liberum veto*, о которомъ намъ придется говорить впослѣдствіи.

Изъ этого краткаго очерка видно, что вся правительственная власть сосредоточивалась въ рукахъ шляхты. Города, обезпеченные своими привиллегіями, пользовались свободою въ отношеніи своего внутренняго устройства, но не имѣли почти никакого непосредственнаго вліянія на общественныя дѣла рѣчипосполитой, ибо ихъ представители не засѣдали въ сеймѣ. Крестьяне были совершенно предоставлены произволу своихъ пановъ, и на столько лишь находились подъ покровительствомъ закона, что въ случаѣ тяжкаго оскорбленія, могли жаловаться въ судъ. Впрочемъ помѣщики не имѣли въ своихъ рукахъ судебной исполнительной власти.

---

*) Маршалъ посольской палаты имѣлъ совершенно такое же значеніе, какъ предсѣдатель палаты депутатовъ въ нынѣшнихъ конституціонныхъ государствахъ. *Прим. перевод.*

Въ этотъ періодъ угнетеніе сельскаго люда, не достигло еще такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ впослѣдствіи, ибо просвѣщеніе и, даже, истинное благочестіе явились щитами противъ многихъ въ этомъ родѣ злоупотребленій. Большинство землевладѣльцевъ, нѣтъ сомнѣнія, обходилось по человѣчески съ крестьянами. Но такъ какъ въ сущности судьба крестьянина зависѣла отъ личнаго настроенія владѣльца, такъ какъ владѣльцамъ же была предоставлена законодательная власть и надзоръ за исполнительною,—то всякія злоупотребленія были явленіемъ весьма возможнымъ.

При правленіи избирательномъ, послѣ смерти короля наступало междуцарствіе, т. е. время отъ смерти одного короля до коронаціи вновь избраннаго. Во время междуцарствія обыкновенные суды прекращали свое дѣйствіе, а взамѣнъ ихъ воеводства выбирали каптуровыхъ судей, которые судили всѣхъ возмутителей общественнаго спокойствія. Общественными дѣлами управлялъ, во время междуцарствія, примасъ королевства, который, созвавъ тотчасъ послѣ смерти короля совѣтъ сенаторовъ, назначалъ день конвокаціоннаго сейма, имѣвшаго цѣлію обсудить средства для внутренней и внѣшней безопасности рѣчипосполитой и постановить рѣшеніе—когда и гдѣ должно совершиться избраніе короля. На элекцію, происходившую, обыкновенно, подъ Варшавою, могъ явиться лично всякій шляхтичъ и подавать голосъ въ своемъ воеводствѣ. Но воеводства могли имѣть своими представителями уполномоченныхъ. Совѣщаніе сейма, составленнаго подобно всякому другому сейму изъ сената и депутатовъ, происходило на избирательномъ полѣ. Сеймъ этотъ принималъ посланниковъ отъ иностранныхъ государствъ и кандидатовъ на престолъ, проектировалъ будущія преобразованія въ учрежденіяхъ рѣчипосполитой и составлялъ условія, которыя предполагалось предъявить будущему королю. По окончаніи этихъ дѣлъ и составленіи списка кандидатамъ, собирались воеводства и начиналась, собственно, элекція. Примасъ переѣзжалъ отъ одного воеводства къ другому, и собравъ всѣ голоса, возвращался въ избирательный навѣсъ и называлъ электа (избраннаго), послѣ чего коронный или литовскій маршалъ

провозглашалъ выборъ. Послѣ избраннаго кандидата, должны были, не медля, присягнуть на составленныя условія (pacta conventa), послѣ чего писали дипломъ элекціи и отправляли пословъ къ будущему королю. Послѣдній получалъ дипломъ элекціи, только по принесеніи присяги на pacta. Избирательный сеймъ заключалъ свою дѣятельность назначеніемъ срока коронаціи, во время которой собирался новый сеймъ, коронаціонный. Передъ самою коронаціею новаго короля, опускали въ могилу останки его предшественника.

Земское сословіе отличалось совершеннымъ равенствомъ, ибо польскіе уставы не дѣлали никакого различія между шляхтою. На Литвѣ и Руси употреблялись правда княжескіе и графскіе титулы, но съ титулами этими отнюдь не были сопряжены бо̀льшія гражданскія права, ибо князья причислялись къ рыцарскому сословію или шляхтѣ. Въ сенатѣ никто не засѣдалъ потомственно, каждый сенаторъ былъ лишь пожизненнымъ сановникомъ. Богатство давало правда перевѣсъ, но ни уставы, ни знатность рода не обезпечивали такого перевѣса. Путемъ злоупотребленій переходили иногда нѣкоторыя должности, по наслѣдству, отъ отца къ сыну, но это отнюдь не уничтожало въ принципѣ гражданскаго равенства шляхты, гарантированнаго закономъ. Хотя раздача должностей и званій относилась къ королевскимъ правамъ, тѣмъ не менѣе король долженъ былъ, въ этомъ случаѣ, руководствоваться постановленіями. Чиновникомъ могъ быть только тотъ, кто владѣлъ поземельною собственностію въ воеводствѣ. Впрочемъ всѣ должности король долженъ былъ раздавать въ началѣ сейма. Хотя этою оговоркою право короля было значительно ограничено, однакожъ это право, а равно и пожалованіе такъ называемыхъ милостей или королевщинъ, составляли могущественное средство для привлеченія въ свою пользу голосовъ на сеймѣ и этимъ путемъ король могъ добиться весьма многаго, если только былъ одаренъ способностями, соотвѣтственными его положенію.

Въ этотъ періодъ Польша развилась окончательно какъ шляхетско-общинная рѣчьпосполитая, съ избирательнымъ королемъ.

Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благопріятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самоотверженію и шляхетское равенство характеризуютъ тогдашнее польское общество. Устраненіе большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляетъ темную сторону этого періода и подало поводъ ко всѣмъ позднѣйшимъ бѣдствіямъ. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ. Народная литература развивалась какъ нельзя лучше, особенно съ половины XVI вѣка, когда и законы начали писаться на польскомъ языкѣ. Къ несчастію поляковъварминскій кардиналъ-епископъ Гозій вызвалъ іезуитовъ, которые медленно и постепенно, въ особенности въ царствованіе Сигизмунда III, пріобрѣли пагубное вліяніе на всѣ общественныя дѣла. Династическіе замыслы этого короля и сына его Владислава, религіозные споры, излишнее сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ, а главное, предоставленіе общественнаго воспитанія іезуитамъ, отразились въ концѣ этого періода самымъ гибельнымъ образомъ на дѣла рѣчипосполитой. Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религіозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были главнымъ фундаментомъ рѣчипосполитой. Изъ школъ іезуитовъ лесть разошлась по всей странѣ и каждому магнату доставалось множество панегириковъ, внушавшихъ ему смѣлость прибѣгать къ разнымъ злоупотребленіямъ. Происки двора и іезуитовъ вывели, къ несчастію, польское общество на ложную дорогу и были главною причиною всѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на рѣчьпосполитую въ слѣдующемъ періодѣ.

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ.

Польша, клонящаяся къ паденію (1648 до 1763).

Послѣ продолжительныхъ, религіозныхъ войнъ, Европа только что вздохнула свободнѣе въ началѣ этого періода, ибо права некатоликовъ были обезпечены вестфальскимъ миромъ (1648). Не смотря на это, во многихъ мѣстахъ, продолжались взаимныя религіозныя преслѣдованія. Ужасныя кровопролитія могли, правда, породить какую то безчувственность, но мало по малу, начали возникать на западѣ явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право, должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ человѣка и общества. Проявленія эти были еще весьма блѣдны, и Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, если бы, къ несчастію, сама не сошла съ пути своего развитія. Когда съ одной стороны, общество, въ сознаніи своихъ правъ, стремилось къ освобожденію отъ физическаго и нравственнаго ига—правительства, съ другой стороны, истощали всѣ усилія, лишь бы парализировать такое стремленіе. Съ этою цѣлію онѣ сосредоточивали значительныя войска и подъ ихъ прикрытіемъ могли творить всякое насиліе. Хотя и теперь, въ нѣкоторомъ отношеніи, сила физическая имѣла на столько перевѣсъ, что распоряжавшіеся болѣе значительными и лучшими войсками, могли обижать сосѣдей, тѣмъ не менѣе нужно было уже справляться съ справедливостью и закономъ, ибо общественное мнѣніе становилось силою, пренебрегать которою было не совсѣмъ безопасно. Воспрянулъ, очевидно, духъ человѣческій и можно было предвидѣть, что онъ выйдетъ окончательно побѣдителемъ изъ неизбѣжной борьбы съ физическою силою. Во всемъ видѣнъ прогрессъ, хотя нравственная испорченность въ высшихъ слояхъ общества достигла бо́льшихъ размѣровъ, нежели когда либо въ прежнее время. Но и это было

необходимо для убѣжденія свѣта, что отжившія средневѣковыя формы, лишены всякой внутренней силы и, тѣмъ самымъ, какъ препятствующія возрожденію человѣчества, должны пасть неизбѣжно.

Вѣсть о смерти Владислава IV, полученная одновременно съ донесеніемъ о пораженіи подъ Желтыми Водами и подъ Корсуномъ, могла естественно, встревожить всю рѣчьпосполитую. Примасъ Матвѣй Лубенскій, не медля, созвалъ въ Варшаву сенаторовъ на совѣщаніе. Нужно было думать о защитѣ, прежде нежели соберется конвокаціонный сеймъ (16 іюля). Сенаторы объявили отъ имени воеводствъ, какъ великъ можетъ быть вооруженный контингенсъ каждаго воеводства и съ быстротою, достойною изумленія, было собрано 30,000 войска, командованіе коимъ было поручено сандомирскому воеводѣ Доминику Заславскому и двумъ его намѣстникамъ — Остророгу и Александру Конецпольскому. Еремія Вишневецкій, Янушъ Тышкевичъ и Станиславъ Ланцкоронскій, сражавшіеся до сего времени съ козаками, во главѣ собственныхъ отрядовъ, были не довольны вновь назначеннымъ главнокомандующимъ и потому пріостановили военныя дѣйствія. Это дало Хмѣльницкому возможность увеличить свои силы.

Конвокаціонный сеймъ, подъ вліяніемъ опасности, угрожавшей со стороны козаковъ, прошелъ весьма спокойно. Сеймъ принялъ рѣшеніе сената, на счетъ количества войска и начальниковъ, которые должны были занять мѣста обоихъ коронныхъ гетмановъ, находившихся въ плѣну. Къ нимъ были приставлены лишь коммисары отъ сената и посольской палаты, чрезъ что войско было въ рукахъ какого то многоголоваго начальства—обстоятельство, приносящее всегда вредъ всякимъ военнымъ дѣйствіямъ. Иновѣрцамъ гарантированы снова всѣ права, признанныя за ними въ прежнія времена рѣчьюпосполитою. Иностранные посланники—австрійскій, папскій, французскій и шведскій совѣтовали сословіямъ избрать въ короли одного изъ сыновей Сигизмунда III, т. е. Яна-Казиміра, или епископа бреславскаго и плоцкаго Карла-Фердинанда. Въ то

же время явилось посольство отъ козаковъ, снаряженное еще къ Владиславу IV. Посольство это жаловалось на угнетенія, испытываемыя козаками со стороны коммисаровъ и полковниковъ, а также старостъ, которые обращались съ ними, какъ съ невольниками. Сеймъ назначилъ коммисію, составленную изъ брацлавскаго воеводы, Адама Киселя, Обуховича, Януша Тышкевича и другихъ, и поручилъ ей отправиться въ Кіевъ и успокоить козаковъ. Коммиссары должны были потребовать отъ козаковъ выдачи польскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ орудій и писемъ Владислава IV, которыми они хвастались, а также заставить ихъ отказаться отъ союза съ татарами, не входить ни въ какія сношенія съ врагами рѣчипосполитой, прекратить бунтъ и вновь принести присягу на вѣрность рѣчипосполитой. Въ то же время коммисарамъ поручалось требовать выдачи зачинщиковъ бунта, изъ которыхъ однихъ—наказать примѣрно на мѣстѣ, остальныхъ же доставить въ Варшаву. Они были также уполномочены къ такимъ уступкамъ въ пользу козаковъ, которыя покажутся имъ соотвѣтственными. Одновременно отправленъ посолъ въ Стамбулъ съ требованіемъ, чтобы султанъ отклонилъ хана татарскаго отъ союза съ козаками. Конвокаціонный сеймъ окончилъ свои занятія, назначивъ день 6 окт. на элекціонный съѣздъ въ обыкновенномъ мѣстѣ подъ Варшавою.

Между тѣмъ въ Украинѣ кипѣла ожесточенная борьба. Хмѣльницкій, послѣ корсунской побѣды, расположился съ главными силами вблизи Бѣлой Церкви. Но Кривоносъ, собравъ нѣсколько десятковъ тысячъ вооруженной черни, производилъ, съ его вѣдома, страшныя опустошенія въ краѣ. Соединившись съ Ланцкоронскимъ и Осинскимъ, Вишневецкій завязалъ бой подъ Константиновымъ (26 іюля), въ которомъ Кривоносъ потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, Вишневецкій же направился къ Пилавкѣ, гдѣ сосредоточивалось польское войско. Вскорѣ прибыли изъ Кіева и коммисары, претерпѣвъ неудачу, такъ какъ Хмѣльницкій прервалъ переговоры, подъ предлогомъ слишкомъ строгаго обращенія Вишневецкаго съ упрямымъ людомъ. Числительность собравшагося войска доходила до 40,000. Хмѣльницкій подступилъ также съ большими

силами, и обольщая поляковъ надеждою на переговоры, ожидалъ татарскихъ отрядовъ, долженствовавшихъ явиться подъ начальствомъ самого хана. Обманутые притворною покорностію козаковъ, поляки не атаковали ихъ и провели нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи. Брацлавскій воевода Кисель совѣтовалъ медлить, увѣряя, что чернь скоро разбредется. Вишневецкій полагалъ нужнымъ дѣйствовать наступательно. Главнокомандующій Заславскій не зналъ, какому слѣдовать совѣту. Наконецъ когда козаки уже слишкомъ долго не давали рѣшительнаго отвѣта, Заславскій началъ угрожать войною. Угроза была не кстати, такъ какъ къ тому времени подоспѣлъ съ ордою Исланъ-Гирей. Поляки, при встрѣчѣ съ татарами, одержали верхъ и перерѣзали значительное количество враговъ, но появленіе хана, до такой степени встревожило Заславскаго, что онъ тайно скрылся изъ лагеря. Когда же войско не видѣло и намѣстниковъ главнокомандущаго и когда разошлась молва, что паны уходятъ—началось общее (28 сент.) бѣгство. Весь обозъ, даже передовая стража, были брошены на произволъ судьбы. Вишневецкій, съ горстью оставшихся, вынужденъ былъ поспѣшно отступить къ Львову. Хмѣльницкій и ханъ не вѣрили своимъ глазамъ, увидя польскій лагерь пустымъ. Они нашли огромное количество драгоцѣнныхъ предметовъ, брошенныхъ въ торопяхъ поляками.

Всѣ татарско-козацкія силы двинулись къ Львову. Нѣкто Главацкій, польскій шляхтичъ, бывшій на службѣ у козаковъ, отправился въ авангардъ и прибывъ въ Львовъ, обратился къ городскому магистрату съ воззваніемъ соединиться съ козаками, какъ съ своими единовѣрцами. Магистратъ отвѣтилъ рѣшительно, что городъ намѣренъ остаться вѣрнымъ рѣчипосполитой. Съ прибытіемъ Хмѣльницкаго началась осада Львова. Не смотря на значительныя войска, бывшія въ его распоряженіи, онъ усомнился, наконецъ, въ возможности взять Львовъ силою, а потому потребовалъ, въ видѣ выкупа 200,000 злот., которыя и получилъ. Изъ Львова Хмѣльницкій направился къ Замостью. Комендантомъ этой крѣпости былъ Вейеръ. Мужественное его сопротивленіе принудило

Хмѣльницкаго вступить въ переговоры. 20,000 злот. склонили гетмана снять осаду. Впрочемъ главнымъ поводомъ уступчивости, со стороны Хмѣльницкаго, было избраніе въ короли Яна - Казиміра, вполнѣ отвѣчавшее желаніямъ козаковъ, что они и объявили, даже, чрезъ своихъ пословъ.

Всѣ однакожъ окрестности Львова, Замостья и болѣе отдаленныя мѣстности подверглись страшному опустошенію, благодаря тѣмъ, которые съ позоромъ бѣжали изъ подъ Пилявецъ. Разъяренная чернь убивала людей тысячами. Въ самомъ Наролѣ, какъ увѣряютъ, было умерщвлено до 45,000 человѣкъ *), разнаго званія. Бѣдствія этой войны отразились и на Литвѣ. Русскіе крестьяне, угнетаемые своими помѣщиками, почти вездѣ соединились съ козаками.

Пока происходила эта военная суматоха, собрался элекціонный сеймъ. Нужно было, не медля, приступить къ обсужденію средствъ для защиты отечества, ибо съ каждымъ днемъ вѣсти становились страшнѣе, а безпрерывные пожары свидѣтельствовали о неистовствахъ козаковъ и татаръ въ обезоруженной странѣ. На сеймѣ поднялся шумъ противъ первыхъ виновниковъ бѣгства войска изъ пилявецкаго лагеря. Но справедливое замѣчаніе, что слѣдуетъ, прежде всего, отклонить угрожающую опасность, успокоило волненіе. Воеводства обязались поставить войска, а магнаты, съ своей стороны, вооружили также значительные отряды. Командованіе предполагалось вручить Вишневецкому, хотя нѣкоторые, готовые, путемъ переговоровъ, привести козаковъ къ повиновенію, были противъ назначенія человѣка, извѣстнаго своимъ крутымъ нравомъ. Покончивъ это дѣло, сеймъ перешелъ къ очереднымъ вопросамъ. Иновѣрцы, видя до какой степени серьезно дѣло съ козаками, не хотѣли излишнею навязчивостью тревожить рѣчьпосполитую. Католики, съ своей стороны, оказались столь же сговорчивыми. Самымъ важнымъ вопросомъ былъ выборъ короля. Шляхта спѣ-

---

*) По другимъ источникамъ до 12,000 человѣкъ, по преимуществу евреевъ.
Прим. перевод.

шила, и такъ какъ явились всего только два кандидата, т. е. оба королевичи, то при выборѣ не могло быть никакихъ затрудненій. Значительное большинство шляхты ненавидѣло Яна-Казиміра, котораго также ничто не привлекало къ рѣчипосполитой. Но такъ какъ Карлъ-Фердинандъ отказался добровольно отъ престола въ пользу брата, а французскій посланникъ совѣтовалъ избрать Яна-Казиміра, какъ человѣка свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ — выборъ состоялся единогласно (17 нояб.) и Янъ-Казиміръ присягнулъ на тѣ же самыя условія, на которыя присягалъ Владиславъ IV, съ нѣкоторыми только прибавленіями. Коронація должна была совершиться 10 янв. 1649 г. Тотчасъ послѣ избранія, Янъ-Казиміръ отправилъ Сняровскаго, въ качествѣ своего повѣреннаго, къ Хмѣльницкому, который, къ тому времени, возвратился со всѣмъ войскомъ въ Украину *). Новый король успокоилъ его обѣщаніемъ, что выхлопочетъ у рѣчипосполитой выгодныя условія мира.

На нѣкоторое время пріутихла междоусобная война. Коронаціонный сеймъ въ Краковѣ былъ весьма оживленъ. Посольская палата требовала, чтобы виновники пилявскаго бѣгства были преданы суду, иновѣрцы же домогались своихъ правъ. На эти споры и столкновенія было потеряно такъ много времени, что сеймъ хотѣлъ уже разойтись, не разрѣшивъ ни одного вопроса. Съ большимъ трудомъ удалось посольской палатѣ продлить сеймъ для обсужденія средствъ къ веденію войны съ козаками на случай, если бы мирныя старанія коммисаровъ не увѣнчались успѣхомъ. Нѣкоторыя воеводства обязались прислать вооруженные отряды, другія назначили новыя подати, а всѣ остальныя воеводства должны были разрѣшить этотъ вопросъ на реляціонныхъ сеймахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ уполномочилъ короля созвать, въ случаѣ надобности, всеобщее ополченіе.

---

*) Возвращеніе Хмѣльницкаго изъ похода было настоящимъ торжествомъ, въ особенности въѣздъ его въ Кіевъ. Вокругъ него ѣхали полковники въ золотѣ, серебрѣ, отнятомъ у поляковъ, впереди несли польскія знамена; духовенство, академія встрѣчали его, народъ привѣтствовалъ, какъ освободителя и защитника. *Прим. перевод.*

Переговоры съ Хмѣльницкимъ шли весьма туго. Выдержавъ болѣе полугода коммисаровъ, онъ потребовалъ наконецъ уничтоженія брестъ-литовской уніи, изгнанія изъ Украины іезуитовъ и евреевъ, а также, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ и украинскіе сановники принадлежали къ восточной церкви. Въ тоже время онъ домогался обезпеченія всѣхъ льготъ козаковъ, съ тѣмъ, чтобы гетманъ подчинялся одному лишь королю. Коммисары не могли согласиться на такія условія, тѣмъ болѣе, что были убѣждены въ невозможности, даже и этими уступками, усмирить Хмѣльницкаго. Пришлось затѣмъ вновь взяться за оружіе, къ чему обѣ стороны готовились съ одинаковымъ усердіемъ. Король назначилъ главнокомандующимъ Андрея Фирлея, по случаю отсутствія обоихъ коронныхъ гетмановъ. Кварцяное войско собралось въ окрестностяхъ Стараго Константинова, откуда, по прибытіи Вишневецкаго, Адама Сенявскаго, Ланцкоронскаго и другихъ, всѣ польскія силы направились къ Збаражу. Здѣсь поляки воздвигли укрѣпленный лагерь, какъ скоро получили извѣстіе, что Хмѣльницкій приближается во главѣ 200,000 козаковъ и 100,000 татаръ. Фирлей съ прочими начальниками рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и умолялъ короля прислать, какъ можно скорѣе, вспомогательное войско. Хмѣльницкій явился дѣйствительно (10 іюля 1649) и окружилъ со всѣхъ сторонъ польскій лагерь, съ желаніемъ овладѣть имъ, послѣ вступительнаго боя. Но усилія его были безуспѣшны. Поляки защищались, съ замѣчательнымъ мужествомъ. Напрасно Хмѣльницкій обѣщалъ войску свободное отступленіе, лишь бы ему выдали Вишневецкаго и Конецпольскаго. Поляки отвергли столь постыдное условіе, объявивъ, что готовы лучше погибнуть до послѣдняго, нежели запятнать рыцарскую честь. Положеніе поляковъ, терпѣвшихъ нужду въ продовольствіи, водѣ и порохѣ, становилось однако съ каждымъ днемъ отчаяннѣе, тѣмъ болѣе, что вслѣдстіе болѣзней и безпрестанныхъ стычекъ, они понесли значительную убыль въ людяхъ.

Между тѣмъ король, женившись на своей невѣсткѣ Маріи-Людвикѣ, собрался въ походъ, вскорѣ послѣ свадьбы, именно въ

концѣ іюня. Произведя въ Люблинѣ смотръ войскамъ, онъ двинулся чрезъ Замосць, Соколъ, Львовъ къ Злочову. Главное командованіе надъ всѣмъ войскомъ, на правахъ своего намѣстника, онъ передалъ великому коронному гетману Юрію Оссолинскому, а начальникомъ пѣхоты назначилъ шведа Гувальда, что вызвало сильное неудовольствіе въ войскѣ.

Вѣсть, полученная изъ збаражскаго лагеря, что осажденные не могутъ долѣе держаться, заставляла дѣйствовать быстро. Едва король, со всѣмъ своимъ войскомъ, простиравшемся до 34,000 человѣкъ, расположился (15 авг.) подъ Зборовымъ, Хмѣльницкій подступилъ къ его лагерю съ ханомъ и съ 150,000 народа, оставивъ остальныя свои силы подъ Збаражемъ. Янъ-Казиміръ отбилъ непріятеля въ первой встрѣчѣ *), но ночью произошло между поляками смятеніе, вызванное ложнымъ слухомъ, будто бы король выѣхалъ тайно изъ лагеря. Готовы были повториться пилявецкія происшествія, если бы Янъ-Казиміръ, объѣхавъ лагерь при свѣтѣ факеловъ, не увѣрилъ войско, что предпочитаетъ гибель бѣгству. Ободренное войско оттѣснило на слѣдующій день непріятеля, которому жители Зборова и окрестныхъ деревень весьма охотно служили за проводниковъ. Подобныя стычки значительно сокращали ряды поляковъ и хотя козаки, относительно, испытывали гораздо большія потери, тѣмъ не менѣе они совершенно окружили польскій лагерь.

Судьба осажденныхъ подъ Збаражемъ сильно безпокоила короля и всю рѣчьпосполитую, и слѣдовало рѣшительнымъ шагомъ кончить войну. По совѣту Юрія Оссолинскаго рѣшено попытаться отвлечь хана отъ союза съ Хмѣльницкимъ. Великій коронный канцлеръ началъ съ того, что написалъ письмо къ Исламъ-Гирею, упрекая его въ томъ, что онъ, забывъ благодѣянія покойнаго Владислава IV, поддерживаетъ взбунтовавшихся козаковъ, которые не

---

*) «Самъ (Хмѣльницкій) съ конницею и съ ханомъ отправился къ Зборову; 5 августа дѣло началось сильнымъ пораженіемъ поляковъ, не ожидавшихъ нападенія; къ ночи они были окружены со всѣхъ сторонъ». (Соловьевъ, Т. X, стр. 225). *Прим. перевод.*

преминутъ отплатить ему зломъ за эту поддержку. Ханъ выразилъ въ своемъ отвѣтѣ готовность начать переговоры, къ которымъ и было приступлено безъ замедленія. Хмѣльницкій также поспѣшилъ заявить, что признаетъ власть короля и хочетъ покориться ему во всемъ, лишь бы были обезпечены права козаковъ. Вскорѣ состоялся, такъ называемый, зборовскій договоръ. Хану обѣщано ежегодной платы 90,000 злот., которыя онъ долженъ былъ получать въ Каменецъ-Подольскѣ*), за что, съ своей стороны, онъ обязался являться съ всею ордою, по каждому востребованію короля и рѣчипосполитой. Точно также состоялось соглашеніе и съ Хмѣльницкимъ. Король простилъ ему и козакамъ ихъ бунтъ и подтвердилъ прежнія ихъ льготы, гетманъ же и козаки просили публично прощенія у короля. Кіевскому митрополиту предоставлялось засѣдать въ сенатѣ, а всѣ свѣтскіе сенаторы трехъ украинскихъ воеводствъ, должны были быть православные. Евреямъ и іезуитамъ запрещено жить въ Украинѣ и сверхъ того должны были быть возвращены всѣ православныя церкви въ Владимірѣ, Люблинѣ, Красноставѣ и Сокалѣ. Кварцяному войску воспрещено располагаться на квартирахъ въ Украинѣ, гдѣ должны были находиться лишь 40,000 реестровыхъ козаковъ. Гетманъ Хмѣльницкій и его преемники, получивъ во владѣніе чигиринское староство, должны были признавать власть одного лишь короля и отнюдь не подчиняться короннымъ гетманамъ. Обѣ стороны присягнули на этотъ договоръ, и король обѣщалъ склонить на ближайшемъ сеймѣ всѣ сословія къ утвержденію его. Ханъ хотѣлъ получить еще выкупъ отъ войскъ, осажденныхъ подъ Збаражемъ, но храбрые воины отвѣтили, что не намѣрены платить за свою свободу, пока держатъ оружіе въ рукахъ. Когда же король отправилъ къ нимъ брацлавскаго каштеляна Стемпковскаго, которому, въ качествѣ его уполномоченнаго, поручалось провести ихъ безопасно черезъ непріятельскій лагерь, они точно съ такою же гордостію отвѣтили, что собственное оружіе составляетъ ихъ единственную опеку.

*) Сверхъ этой ежегодной дани, король далъ хану обязательство прислать въ Крымъ единовременно 200,000 злот. *Прим. перевод.*

По заключеніи зборовскаго договора, Хмѣльницкій возвратился на Украину, а ханъ въ Крымъ. Король же, наградивъ мужество войска и, въ особенности, начальниковъ, отправился въ Варшаву. Зборовскій договоръ возбудилъ всеобщій ропотъ, въ особенности тогда, когда сдѣлалось извѣстнымъ, какъ хорошо дрались литовцы съ козаками подъ Лоевымъ и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ козацкіе вожди — Голота, Кречевскій, Подобайло и другіе, едва ли не при всякой встрѣчѣ, претерпѣвали пораженіе. Литовскій гетманъ Радзивиллъ угрожалъ даже, Украинѣ, что будто бы, главнымъ образомъ, побудило Хмѣльницкаго къ переговорамъ, и вслѣдствіе этого составилось мнѣніе, что договоръ былъ бы заключенъ на несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ, если бы Оссолинскій не обнаружилъ такой торопливости.

Король созвалъ въ Варшаву, на день 22 ноября, чрезвычайный сеймъ, на которомъ слѣдовало утвердить зборовскій договоръ. Посольская палата противилась весьма долго, но наконецъ, покорилась необходимости. Приходилось только соблюдать всѣ условія договора, чтобы лишить Хмѣльницкаго возможности продолжать подстрекать народъ. Свѣтскіе и духовные магнаты не могли однако свыкнуться съ мыслію о предоставленіи крестьянамъ въ Украинѣ такихъ обширныхъ гражданскихъ правъ и о правѣ православнаго митрополита засѣдать въ сенатѣ. Происки іезуитовъ, приведенныхъ въ негодованіе тѣмъ, что ихъ изгоняли изъ Украины вмѣстѣ съ жидами, препятствовали исполненію договора, а заявленіе архіепископовъ и епископовъ о выходѣ изъ сената, если въ немъ будетъ засѣдать схизматическій митрополитъ, порѣшило остальное. Условіе, по которому кварцяному войску не дозволялось располагаться на квартирахъ въ Украинѣ, было также нарушено, такъ что, вообще, Хмѣльницкій имѣлъ полное основаніе нарушить договоръ.

Сеймъ отправилъ въ Кіевъ коммиссаровъ для составленія реестра или вѣдомости 40,000 козаковъ. Хмѣльницкій созвалъ козачьихъ старшинъ на вечъ, гдѣ раздался сильный ропотъ противъ уніи и шляхты, угнетающей сельскій людъ. Къ тому же не было

возможности составить означенный реестръ, ибо никто не хотѣлъ возвращаться къ прежнему подданству. Хмѣльницкій дѣлалъ видъ, будто искренно желаетъ выполненія договора, а между тѣмъ самъ подстрекалъ къ сопротивленію, желая лишь привлечь на свою сторону большія силы. Ему было также извѣстно, что прибывшее въ Варшаву московское посольство, требовало наказанія всѣхъ тѣхъ, которые оскорбили царя въ оффиціальныхъ или частныхъ сочиненіяхъ, а равно возвращенія земель — смоленской, черниговской и сѣверской, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Единственное опасеніе, что ханъ татарскій, только что дозволившій обоимъ коронным гетманамъ возвратиться въ свое отечество, по внесеніи ими выкупа, захочетъ строго выполнить условія договора, удерживало еще нѣсколько Хмѣльницкаго и московцевъ.

Очевидно, что Хмѣльницій выжидалъ лишь удобнаго случая для возобновленія военныхъ дѣйствій. Кіевскій воевода Адамъ Кисель сообщилъ объ этомъ, донося въ то же время, что Хмѣльницкій вошелъ въ сношенія съ турками и намѣренъ отдать имъ Украину, за что султанъ прислалъ ему уже знаки леннаго турецкаго князя. Къ тому же не было тайною, что Хмѣльницкій ведетъ переговоры съ Швеціею и Москвою, а потому приходилось заблаговременно готовиться къ войнѣ. Вскорѣ возникло новое обстоятельство, явно обнаружившее, до какой степени шатокъ миръ съ козаками. Господаремъ въ Молдавіи былъ Василій Лупули. На дочери его Розандѣ, извѣстной также подъ именемъ Думной, хотѣлъ жениться Димитрій Вишневецкій, племянникъ русскаго воеводы Іереміи Вишневецкаго. Отецъ и Розанда соглашались на этотъ бракъ, какъ вдругъ Богданъ Хмельницкій потребовалъ руки молдавской княжны для своего сына Тимофѣя. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ татарами въ Молдавію, сжегъ Яссы и угрожая совершеннымъ раззореніемъ всего воеводства, принудилъ Василія вступить въ переговоры, волѣдствіе которыхъ молдавскій господарь обязался уплатить Хмѣльницкому значительную дань и выдать дочь за сына его Тимофѣя.

Великій коронный гетманъ Потоцкій, недавно освобожденный

изъ татарскаго плѣна, расположился съ войскомъ подъ Каменцемъ, для защиты этой важной крѣпости. Хмѣльницкій, по возвращеніи изъ Молдавіи, потребовалъ, чтобы онъ распустилъ войско и хлопоталъ о выполненіи зборовскихъ условій, предупреждая, что въ противномъ случаѣ, война неизбѣжна. Потоцкій не внялъ требованіямъ Хмѣльницкаго и дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, началась рѣзьня въ русскихъ земляхъ. Опасность сдѣлалась очевидною и когда къ тому же, скончался главный виновникъ зборовскаго договора Юрій Оссолинскій,—король увидѣлъ себя вынужденнымъ созвать сеймъ въ Варшавѣ (въ нояб. 1650) для обсужденія средствъ къ выходу изъ труднаго положенія. Сначала предполагали, что затянувъ дѣло, можно будетъ сладить съ козаками. Но когда возвратились коммисары съ донесеніемъ, что Хмѣльницкій требуетъ головъ Вишневецкаго, Конецпольскаго и кого то третьяго, стало яснымъ какъ день, что дѣло должно быть рѣшено оружіемъ. Вишневецкій предлагалъ сформированіе 60,000-го войска, чтобы, разъ на всегда, усмирить козаковъ. Въ это время явилось козачье посольство съ требованіемъ, что на зборовскій договоръ, нарушенный уже почти по всѣмъ статьямъ, присягнули гнѣзненскій архіепископъ и нѣсколько епископовъ, а также Николай Потоцкій, Еремія Вишневекцій и Левъ Сапѣга, а равно, чтобы никто изъ поляковъ не содержалъ въ Украинѣ надворнаго войска и чтобы крестьянамъ, которые присоединялись къ козакамъ, была дарована амнистія. Сеймъ отказалъ посламъ Хмѣльницкаго и, разрѣшивъ вооруженіе 40,000 войска, уполномочилъ короля созвать, въ случаѣ надобности, посполитое рушенье.

Янъ-Казиміръ обратился съ просьбою о денежномъ вспомоществованіи къ папѣ Иннокентію X и императору Фердинанду, но оба отвѣтили весьма вѣжливо, что сами находятся въ финансовыхъ затрудненіяхъ. Между тѣмъ опасность приближалась, ибо перехвачено письмо Хмѣльницкаго, которымъ онъ приглашалъ трансильванскаго воеводу Ракочаго, открыть одновременно враждебныя дѣйствія противъ Польши. Было также положительно извѣстнымъ, что эмиссары Хмѣльницкаго волновали вездѣ сельскій

людъ. Въ Украинѣ собирались вооруженные отряды подъ начальствомъ Нечая, который (въ февр. 1651), въ главѣ 30,000 козаковъ, опустошалъ границы Подоліи и занялъ Красное. Польный коронный гетманъ Калиновскій выступилъ противъ него и подъ Краснымъ завязался бой, въ которомъ козаки претерпѣли пораженіе, потерявъ 7,000 убитыми и 3,000 плѣнными. Въ числѣ убитыхъ былъ и самъ Нечай. Калиновскій затѣмъ занялъ Мораxву, Шарогродъ и Стѣну, а Станиславъ Ланцкоронскій — Ямполь и оба подступили къ Виннпцѣ, гдѣ козаками предводительствовалъ Богунъ. Приближеніе однако Хмѣльницкаго съ превосходными силами, заставило Калиновскаго отступить чрезъ Баръ къ Каменецъ-Подольску. Здѣсь пришлось заняться укрѣпленіемъ фортовъ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Хмѣльницкій намѣренъ овладѣть Каменцемъ и отдать его туркамъ.

Между тѣмъ Потоцкій собиралъ наемное войско и сосредоточивалъ свои полки подъ Соколомъ, гдѣ ожидалъ прибытія короля, который дѣйствительно пріѣхалъ, (14 мая) въ лагерь. Калиновскій также привелъ свои отряды Соколъ и на военномъ совѣтѣ было рѣшено двинуться къ Берестечку со всѣми силами, численность которыхъ превышала 70,000 человѣкъ. Когда все уже было готово къ походу, король получилъ донесеніе, что какой то Наперскій, волнуя сельскій людъ въ карпатскихъ горахъ, овладѣлъ уже Чорштыномъ и что также въ Великопольшѣ замѣтно движеніе между крестьянами. Янъ-Казиміръ послалъ трехтысячный отрядъ для прекращенія этихъ безпорядковъ. Но прежде нежели отрядъ успѣлъ прибыть на мѣсто назначенія,—Наперскій и другіе возмутители были схвачены и казнены смертію.

Вслѣдъ затѣмъ подступилъ къ польскому лагерю Хмѣльницкій съ татарскимъ ханомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 300,000 войска. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычекъ завязался рѣшительный бой (1 іюля). Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ, но когда татары съ своимъ ханомъ бросились въ бѣгство а Хмѣльницкій поскакалъ за ними, то и козаки послѣдовали тому же примѣру. Правое крыло польскаго войска бросилось

преслѣдовать непріятеля, который, во время бѣгства, потерпѣлъ страшную потерю въ людяхъ. Только часть козаковъ, подъ начальствомъ Дзедзялы, заперлась въ таборѣ, укрѣпленномъ возами. Рѣшено было окружить ихъ со всѣхъ сторонъ и, затѣмъ, принудить къ сложенію оружія. Но прежде нежели поляки успѣли осуществить это намѣреніе, явилось козацкое посольство съ просьбою о королевскомъ помилованіи. Въ отвѣтъ посламъ было объявлено, что король помилуетъ козаковъ лишь тогда, когда они откажутся отъ Хмѣльницкаго и отдадутъ все бывшее при нихъ огнестрѣльное оружіе. Козаки не согласились и отнявъ начальство у Дзедзялы, превозгласили вождемъ Богуна, который, ловкими маневрами, вывелъ часть козацкаго войска изъ табора. Поляки, овладѣвъ окопами, умертвили часть козаковъ въ лагерѣ, а остальныхъ во время преслѣдованія. Весь козацкій лагерь достался въ руки поляковъ. Хмѣльницкій, котораго ханъ держалъ почти въ неволѣ, успокоилъ нѣсколько своего раздраженнаго союзника уплатою 800,000 червонн. злот., что дало ему возможность вскорѣ явиться снова, въ главѣ значительныхъ силъ.

Король задумалъ самъ со всѣмъ войскомъ двинуться къ Кіеву, чтобы наконецъ нанести козакамъ рѣшительный ударъ. Но посполитое рушеніе, указывая на уставы, гласившіе, что шляхта обязана только два мѣсяца служить на собствевный счетъ, требовало или уплаты жалованья, или дозволенія разойтись по домамъ. Король вынужденъ былъ согласиться на послѣднее и только добился того, что воеводства оставили на жалованьи часть войска. Передавъ затѣмъ, дальнѣйшее веденіе войны обоимъ короннымъ гетманамъ, король приказалъ литовскому польному гетману Радзивиллу соединиться, какъ можно скорѣе, съ короннымъ войскомъ, самъ же возвратился въ Варшаву.

Когда коронные гетманы, преслѣдуя непріятеля по тремъ дорогамъ, чтобы облегчить продовольствіе войска, достигли Трилясова, Янушъ Радзивиллъ разбилъ козаковъ подъ Лоевымъ и занялъ Кіевъ, часть котораго сдѣлалась жертвою пламени *). Хмѣль-

*) Поляки, обуреваемые местью, произвели въ Кіевѣ страшное опустоше-

ницкій, тѣснимый съ двухъ сторонъ, объявилъ великому коронному гетману Потоцкому, что козаки будутъ повиноваться по прежнему, лишь бы былъ выполненъ зборовскій договоръ, но гетманъ, не обративъ вниманія на эти заявленія, пригласилъ Радзивилла соединиться съ нимъ подъ Васильковымъ. Хмѣльницкій хотѣлъ помѣшать этому движенію, но безуспѣшно, ибо коронное войско дѣйствительно соединилось (3 окт.) съ литовскимъ подъ Васильковымъ, послѣ чего была занята Германовка. Встревоженный Хмѣльницкій отправилъ къ Потоцкому уполномоченнаго съ просьбою о назначеніи коммисара, который вошелъ въ соглашеніе съ Выговскимъ*), на счетъ условій окончательнаго договора. Мнѣнія польскихъ начальниковъ и коммисаровъ раздѣлились. Одни высказались въ пользу переговоровъ, а другіе полагали, что козаковъ слѣдуетъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока они не положатъ оружія. Къ счастію Хмѣльницкаго и козаковъ, во время экспедиціи, скончался подъ Хвастовымъ, самый заклятый ихъ противникъ Іеремія Вишневецкій и такимъ образомъ, требовавшіе переговоровъ одержали верхъ. Маховскій былъ отправленъ въ качествѣ уполномоченнаго для составленія съ Выговскимъ предварительныхъ условій. Обѣ стороны согласились на перемиріе, а переговоры должны были происходить въ Бѣлой Церкви, куда и поѣхали (15 окт.) коммисары — кіевскій воевода Кисель, смоленскій воевода Юрій Хлебовичъ, Викентій Госѣвскій и Михаилъ Коссаковскій. Хмѣльницкій прибылъ также въ Бѣлую Церковь, имѣя съ собою 40,000 войска и объявилъ, что, съ своей стороны, употребитъ всѣ усилія къ успѣшному

ніе: разграбили церкви и монастыри, многіе изъ нихъ сожгли, въ томъ числѣ соборную церковь Богородицы, куда, какъ говорятъ евреи и солдаты ставили лошадей. *Прим. перевод.*

*) Выговскій, игравшій впослѣдствіи столь важную роль въ дѣяніяхъ Малороссіи, былъ шляхтичъ православнаго исповѣданія, служилъ прежде въ Кіевѣ, гдѣ за растрату какихъ то книгъ, или денегъ, приговоренъ къ смерти, но получилъ помилованіе и опредѣлился въ военную службу. Въ сраженіи при Жолтыхъ Водахъ попался въ плѣнъ и взятъ Хмѣльницкимъ для занятій по письменной части. Умомъ и нѣкоторымъ образованіемъ пріобрѣлъ огромное вліяніе въ войскѣ и даже надъ самимъ гетманомъ, но въ душѣ не переставалъ благопріятствовать Польшѣ. *Прим. перевод.*

окончанію дѣла. Вдругъ, неожиданно, вспыхиваетъ волненіе въ Бѣлой Церкви. Городская чернь и козаки угрожаютъ смертію всѣмъ ляхамъ и даже Хмѣльницкому, котораго упрекаютъ въ томъ, что думая о себѣ и старшинахъ, онъ хочетъ отдать сельскій людъ на произволъ пановъ. Хмѣльницкій прикрывалъ коммисаровъ какъ умѣлъ и, наконецъ, таки удалось ему вывести ихъ изъ города. Потоцкій, узнавъ объ опасности, въ которой находились коммисары, направился со всѣмъ войскомъ къ Бѣлой Церкви. Хмѣльницкій старался оправдать это движеніе и просилъ ускорить заключеніемъ договора. Поляки отвѣтили, что онъ самъ долженъ явиться въ лагерь и присягнуть на статьи, изъ которыхъ главныя заключались въ томъ, что козаки могутъ содержать только 15,000 реестровыхъ и что Хмѣльницкій долженъ навсегда прервать сношенія съ татарами. Вмѣсто него прибыло на слѣдующій день посольство отъ войска запорожскаго изъ 12 козаковъ, прося не ограничивать числа козаковъ и требовать расторженія союза съ татарами. Переговоры не состоялись и борьба закипѣла вновь. Радзивиллъ, командовавшій правымъ крыломъ, дрался мужественно и если бы Потоцкій поддержалъ его какъ слѣдуетъ, а въ особенности, если бы не приказалъ къ вечеру протрубить сигналъ къ отступленію— поляки одержали бы совершенную побѣду. Стычки продолжались нѣсколько дней и во все это время Хмѣльницкій не переставалъ выражать искреннюю готовность къ миру. Въ заключеніе, дѣйствительно, начались переговоры. Рѣшено было, чтобы число реестровыхъ козаковъ не превышало 20,000, а остальные возвратились бы къ прежнему состоянію, т. е. подчинились вновь панамъ, чтобы реестръ былъ составленъ до наступленія праздниковъ Рождества Христова и утвержденъ сеймомъ—чтобы гетмановъ выбирали сами козаки, а король всегда будетъ утверждать избраннаго кандидата—чтобы козаки располагались только въ коронныхъ земляхъ, а войско коронное и литовское отступило бы за Горынь—чтобы Хмѣльницкій помирилъ хана съ королемъ, а въ случаѣ неуспѣха выступилъ бы противъ него войною, а также не входилъ ни въ какія сношенія съ иностранными князьями—православное исповѣданіе

должно пользоваться прежними правами—евреямъ дозволяется возвратиться на Украину и оставаться тамъ подъ опекою шляхты и т. д. По составленіи этихъ статей, Хмѣльницкій прибылъ въ польскій лагерь и присягнулъ на нихъ великому коронному гетману, въ присутствіи цѣлаго войска.

Договоръ этотъ не возстановилъ мира въ Украинѣ. Хмѣльницкій, вмѣсто 20,000 козаковъ, удержалъ подъ оружіемъ вдвое больше. Сверхъ того образовались отдѣльныя, значительныя, независимыя отъ Хмѣльницкаго банды подъ начальствомъ Бугая, Мозыря и другихъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, поляки не могли отступить за Горынь и, что хуже всего, должны были сражаться почти постоянно. Шляхта, возвращавшаяся въ свои имѣнія на Украинѣ, раздражала народъ чрезмѣрною жестокостію при возстановленіи прежняго порядка вещей. Радуясь въ душѣ всей этой неурядицѣ, Хмѣльницкій, въ то же время, представлялся человѣкомъ самымъ благонамѣреннымъ, не переставая помышлять о новомъ возстаніи, тѣмъ болѣе, что къ тому времени скончался великій коронный гетманъ Николай Потоцкій. Въ то же время были перехвачены письма Хмѣльницкаго къ султану, въ которыхъ онъ заявлялъ готовность овладѣть Каменцомъ-Подольскомъ и передать его султану, что требовало еще бо̀льшей осторожности.

Сеймъ, созванный въ Варшавѣ (въ янв. 1652), долженъ былъ заняться разсужденіемъ о дѣлахъ рѣчипосполитой, но былъ расторгнутъ уницкимъ депутатомъ Сициньскимъ. Главнымъ поводомъ волненія и закрытія сейма было дѣло короннаго вице-канцлера Іеронима Радзѣіовскаго. Человѣкъ этотъ, осыпанный милостями Яна-Казиміра, въ особенности же королевы, участвовалъ во всѣхъ придворныхъ интригахъ, чѣмъ и открылъ себѣ путь къ почестямъ. При посредничествѣ короля онъ женился на вдовѣ Казановскаго, урожденной Служка. Вскорѣ, однакожъ, онъ вооружилъ противъ себя короля тѣмъ, что, гоняясь за популярностію у шляхты, не во всемъ слѣдовалъ мнѣніямъ и политикѣ двора. Король заподозрилъ его даже въ томъ, что шляхта подъ Берестечкомъ, главнымъ образомъ, по его внушеніямъ стала въ оппозицію. Рѣшительно не до-

вѣряя ему, король хотѣлъ отдѣлаться отъ него и потому предложилъ ему краковскую каштелянію. Но Радзѣіовскій не принялъ этого званія, предпочитая имѣть печать, а съ нею власть. Янъ-Казиміръ, не любившій стѣсняться въ средствахъ, искалъ лишь удобнаго случая, чтобы избавиться отъ Радзѣіовскаго. Вице-канцлеръ поссорился съ своею женою, такъ что раздраженная женщина начала хлопотать о разводѣ, а между тѣмъ поселилась въ монастырѣ клярисокъ въ Варшавѣ. Когда начали съѣзжаться депутаты на сеймъ, прибылъ въ столицу братъ ея — литовскій подскарбій Служка и занялъ ея дворецъ, откуда вооруженная его свита, силою вытѣснила прислугу вице-канцлера. Изъ этого вышелъ споръ, и затѣмъ, ночью произошла формальная стычка, при чемъ даже даны были выстрѣлы чуть ли не изъ орудій. Такъ какъ это происходило подъ бокомъ короля, то канцлеръ Мещинскій заявилъ, что дѣло подлежитъ разбирательству маршалковскаго суда. За отсутствіемъ великаго короннаго маршала, король приказалъ придворному Лукашу Опалинскому потребовать къ суду виновныхъ. Радзѣіовскій не принялъ вызова и отправился въ Піотрковъ, гдѣ именно собрался трибуналъ. Опалинскій, разсмотрѣвъ между тѣмъ дѣло, приговорилъ жену вице-канцлера и брата ея къ денежному штрафу и къ аресту, а Радзѣіовскаго къ лишенію чести и смертной казни, приказавъ приговоръ этотъ обнародовать при звукѣ трубъ, чѣмъ исключилъ Радзѣіовскаго изъ подъ покровительства законовъ. Радзѣіовскій подалъ жалобу въ трибуналъ и добился даже благопріятнаго рѣшенія, но король съумѣлъ пріостановить его обнародованіе. Подвергаясь личной опасности, ибо каждый староста былъ вправѣ схватить его, какъ обезчещеннаго человѣка и казнить смертію, онъ выхлопоталъ у краковскаго воеводы Заславскаго охранительный листъ и отправилъ къ депутатамъ записку съ изложеніемъ всей несправедливости приговора, самъ бѣжалъ въ Вѣну, а оттуда въ Швецію.

Такъ какъ приговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ пристрастный и несогласный съ закономъ, то дѣло это вызвало въ посольской палатѣ сильное волненіе. Большинство депутатовъ роптало громко

злоупотребленій двора и противъ произвола правительства, а Стефанъ Замойскій напомнилъ даже въ соединенномъ засѣданіи сената и палаты, что въ Польшѣ не король выше закона, а законъ выше короля. Партія придворная пыталась оправдывать всѣ дѣйствія короля, но въ посольской избѣ раздалось требованіе, чтобы маршалъ палаты, привѣтствуя королю, прямо объявилъ ему, что при дворѣ господствуетъ одна лишь продажность. Не смотря на это, Янъ-Казиміръ передалъ должность вице-канцлера, какъ вакантную послѣ Радзѣіовскаго, Корыщинскому, и сверхъ того роздалъ его староства и помѣстья королевѣ и своимъ сторонникамъ. Неожиданно исчезаетъ изъ посольской палаты депутатъ Сицинскій, оставивъ въ городовомъ судѣ протестъ противъ всѣхъ рѣшеній сейма. Большинство депутатовъ признало сеймъ прерваннымъ и всѣ разъѣхались по домамъ.

Король виноватъ въ томъ, что долженъ былъ, по закону, передать дѣло Радзѣіовскаго сеймовому суду, онъ же поступилъ самовластно и тѣмъ въ критическую минуту, подалъ поводъ къ прерванію сейма. Опасность же дѣйствительно была серьезная, такъ какъ, съ одной стороны, московское посольство вновь выступило съ требованіемъ о наказаніи тѣхъ, которые оскорбили царя въ рукописныхъ и печатныхъ сочиненіяхъ, а съ другой — сношенія съ Швеціею были весьма шатки. Слѣдовало опасаться, что Хмѣльницкій не замедлитъ воспользоваться столь удобнымъ случаемъ. Часть короннаго войска, подъ начальствомъ Войниловича и Потоцкаго, стояла за Днѣпромъ для предупрежденія произвола козаковъ. Калиновскій, съ остальными полками, расположился въ Подоліи. Въ это время получено извѣстіе, что сынъ Хмѣльницкаго— Тимоѳѣй, съ козаками и татарами, намѣренъ двинуться въ Валахію. Гетманъ, сосредоточивъ свои войска близь горы Батова, хотѣлъ преградить ему путь, не обративъ вниманія на предостереженіе Богдана, который его увѣдомилъ, что сынъ отправляется въ Валахію за невѣстой, а въ случаѣ помѣхи, готовъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Калиновскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 10,000 войска и окруживъ себя окопами, рѣшился

остаться на мѣстѣ. Вскорѣ (въ іюнѣ) подошелъ Тимоѳѣй съ огромными силами. Поляки защищались мужественно, но не было возможности одолѣть гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Начальникъ пѣхоты и аттиллеріи Пржіемскій совѣтовалъ гетману оставить лагерь съ конницею, и поручить ему держаться съ пѣхотою до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ помощь. Калиновскій не принялъ этого совѣта и вмѣсто того, чтобы ограничиться обороною, самъ бросился на непріятеля. Во время боя въ лагерѣ вспыхнулъ пожаръ. Поляки сражались какъ львы, но окруженные со всѣхъ сторонъ, должны были покориться тѣмъ болѣе, что и Калиновскій и многіе изъ старшинъ погибли на полѣ битвы. Оставшіеся въ живыхъ попали въ плѣнъ. Татары захватили болѣе 5,000 человѣкъ. Тимоѳѣй или вѣрнѣе самъ Богданъ, слѣдовавшій за сыномъ съ свѣжимъ войскомъ, уплатилъ татарамъ сумму, равнявшуюся выкупу, на который татары могли разсчитывать и велѣлъ всѣхъ ихъ умертвить самымъ жестокимъ образомъ. Послѣ этого пораженія Хмѣльницкій подступилъ къ Каменцу-Подольску и потребовалъ его сдачи. Получивъ отказъ, онъ началъ осаду, но моровая язва принудила его вскорѣ отступить.

Вѣсть о батовскомъ пораженіи получена была въ Варшавѣ именно въ то время, когда собрался чрезвычайный сеймъ. Грозная опасность заставляла обдумать средства для защиты рѣчипосполитой. Явилось, правда, посольство отъ Хмѣльницкаго, который, объясняя все случившееся юношескимъ увлеченіемъ сына, выражалъ готовность строго выполнить всѣ статьи договора. Послы оправдывали даже самую рѣзню, обвиняя Калиновскаго, который, по ихъ мнѣнію, обходился весьма жестоко съ козаками и насиловалъ всякіе права. Король обѣщалъ предать все забвенію и отправить коммисаровъ для изслѣдованія этого злосчастнаго дѣла, но одновременно приходилось помышлять объ образованіи войска. Сеймъ назначилъ налогъ на содержаніе 40,000 войска. Для переговоровъ съ Швеціею избраны коммисары. Въ то время былъ схваченъ гонецъ Радзѣіовскаго—Ясинскій, ѣхавшій къ Хмѣльницкому и козацкимъ старшинамъ съ письмами, въ которыхъ бывшій вице-канц-

леръ убѣждалъ ихъ заключить союзъ съ Швецію, вслѣдствіе чего Радзѣіовскій объявленъ измѣнникомъ отечества. Онъ обнародовалъ однако свою защиту, въ которой отказался отъ писемъ, увѣряя, что не давалъ никакого полномочія Ясинскому.

Коммисары — Зацвилиховскій и Черный, отправленные къ Хмѣльницкому, потребовали, чтобы гетманъ не только сдержалъ всѣ статьи договора, заключеннаго съ Потоцкимъ, но и далъ, тотчасъ же, королю въ заложники своего младшаго сына Юрія. Хмѣльницкій отвѣчалъ, что вовсе не намѣренъ отдавать сына въ заложники и что козаки тогда лишь успокоятся, когда будетъ обезпечена ненарушимость зборовскаго договора. Послѣ такого заявленія, коммисарамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ возвратиться домой. Тогда былъ посланъ (въ нач. 1653) въ Украину коронный обозный Стефанъ Чарнецкій съ 11,000 конницы. Опустошивъ Еленьце, Погребища и другіе города, и преслѣдуя отправленнаго противъ него Хмѣльницкимъ Богуна, который заперся въ Монастырищахъ, Чарнецкій рѣшился овладѣть этимъ пунктомъ. Раненный пулею въ лице, Чарнецкій не былъ въ состояніи удержать отъ отступленія своихъ солдатъ, которые, по ложному извѣстію о приближеніи Хмѣльницкаго съ войскомъ, бѣжали въ безпорядкѣ семь миль, до тѣхъ поръ, пока Чарнецкій, перевязавъ рану, снова явился передъ ними и возстановилъ порядокъ.

Положеніе дѣлъ принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ. Перемиріе съ Москвою оканчивалось. Швеція очевидно, помышляла о войнѣ, такъ какъ Янъ-Казиміръ не хотѣлъ отречься отъ титула шведскаго короля и даже употреблялъ этотъ титулъ въ полномочіяхъ и инструкціяхъ, выдаваемыхъ своимъ коммисарамъ. Хмѣльницкій же, женивъ своего сына на дочери валахскаго господаря, явно стремился къ оторванію Украины отъ Польши и мечталъ, даже, объ овладѣніи Молдавіею и Валахіею. Въ самой Польшѣ было множество недовольныхъ, приписывавшихъ королю всѣ бѣдствія и несчастія. Уже одно обстоятельство, что Янъ-Казиміръ не раздалъ гетманскія булавы, вооружило противъ него шляхту. Не смотря на все это, была возможность помочь злу, если бы Янъ-

Казиміръ хотѣлъ итти рука объ руку съ народомъ. Сеймъ, созванный (24 марта 1653) въ Брестѣ-Литовскѣ, спеціально занялся обсужденіемъ средствъ для обороны. Особенные ревизоры должны были осмотрѣть замки и крѣпости, по преимуществу Смоленскъ, а коммисіи финансовъ приказано удовлетворить войско въ Львовѣ жалованьемъ за прошлое время. Но подати поступали весьма медленно, по поводу обѣдненія жителей и страшной язвы, опустошившей земли рѣчипосполитой.

Въ Валахіи между тѣмъ возгорѣлась война. Тимоѳѣй Хмѣльницкій, совмѣстно съ своимъ тестемъ Василіемъ, хотѣлъ отнять у Радулы Молдавію. Послѣдній вошелъ въ сношеніе съ трансильванскимъ воеводою Ракочимъ, а въ самой Валахіи логофетъ *) Стефанъ провозгласилъ себя господаремъ. Тимоѳѣй былъ вытѣсненъ изъ Молдавіи и когда онъ явился снова съ свѣжимъ войскомъ, то былъ окруженъ въ Сочавѣ и въ то же время потребована помощь отъ Яна-Казиміра, находившагося тогда въ Львовѣ. Король отправилъ къ Сочавѣ изъ глинянскаго лагеря 4,000-й отрядъ, и, истративъ часть поступившихъ налоговъ на блестящій пріемъ московскихъ пословъ, самъ двинулся со всѣмъ войскомъ чрезъ Гусятынъ къ Каменцу. Здѣсь было рѣшено итти въ Украину, чтобы окончательно подавить козаковъ. Но во время похода получено извѣстіе объ опасности, угрожавшей Руси со стороны хана. Поляки вынуждены были отступить и расположиться лагеремъ подъ Жванцемъ. Въ это время погибъ въ Сочавѣ Тимоѳѣй отъ пушечнаго ядра и спустя нѣсколько дней послѣ его смерти, козаки сдали городъ полякамъ, присягая на вѣрность королю, въ службу котораго они обязались вступить. Но когда дѣло дошло до выполненія обязательства, козаки бѣжали въ Украину. Между тѣмъ ханъ подступилъ къ польскому лагерю. Ежедневно происходили болѣе или менѣе значительныя стычки. Оба войска начали испытывать сильный голодъ и холодъ. Наконецъ начались переговоры и послѣ

---

*) Логофетъ соотвѣтствовалъ въ Молдавіи званію канцлера.

Прим. перевод.

продолжительныхъ проволочекъ, заключенъ (17 дек.) миръ. Король обѣщалъ уплатить хану недоимку дани и дозволить увести безпрепятственно всѣхъ плѣнныхъ и добычу, а въ отношеніи козаковъ обязался держаться строго зборовскаго договора. Ханъ, съ своей стороны, долженъ былъ возвратиться въ Крымъ тотчасъ по полученіи денегъ, но предупреждалъ однакожъ, что часть орды, готова предаться грабежамъ, что́ въ самомъ дѣлѣ и случилось. Едва только разошлись поляки, часть татаръ вторглась въ Подолію и Червонную Русь, гдѣ захватили до 3,000 плѣнныхъ *).

Жванецкій договоръ былъ весьма обременителенъ, но не смотря на это дѣла рѣчипосполитой не улучшились и надъ нею готова была разразиться новая буря. Царь московскій Алексѣй Михайловичъ, 23-хъ лѣтній юноша, дѣлалъ безпрестанныя приготовленія къ войнѣ. За деньги ему доставляли изъ разныхъ концовъ Европы оружіе и способныхъ воиновъ. Въ Польшѣ знали хорошо, къ чему клонятся всѣ эти вооруженія, и потому въ качествѣ посланника, былъ отправленъ въ Москву Янъ Млоцкій. Московскій митрополитъ Никонъ совѣтовалъ правда королю не начинать войны съ Польшею, но противуположное мнѣніе одержало верхъ. Царь объявилъ, что готовъ жить въ мирѣ съ польскимъ королемъ, лишь бы послѣдній отдалъ ему Смоленскъ и уничтожилъ унію на Руси. Уже стало очевиднымъ, что Хмѣльницкій призналъ своимъ верховнымъ владыкою царя, который принялъ на себя роль защитника православія. Въ такой крайности, король созвалъ (въ янв. 1654) сеймъ въ Варшаву. Посольская палата, упрекая его въ стремленіи къ самовластію, поручила своему маршалу Дубровскому, во время привѣтствованія короля, сказать ему чистую правду. Рѣшено было также потребовать отъ него назначенія гетмановъ. Нѣкоторые депутаты, принадлежавшіе къ придворной партіи, считали оскорбленіемъ королевскаго достоинства, если бы посольская палата обратилась къ

---

*) Говорятъ, что король самъ позволилъ татарамъ въ продолженіи сорока дней грабить, раззорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей въ польскихъ областяхъ, не касаясь поляковъ. (Соловьевъ, Т. IX, стр. 319).

Прим. перевод.

королю, не съ просьбою, а съ требованіемъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Бонковскій, объявилъ даже, въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ избъ, что король не долженъ допустить, чтобы самое низшее сословіе (т. е. военное) вырывало у него изъ рукъ право назначенія гетмановъ. Янъ-Казиміръ отвѣтилъ дѣйствительно, что раздача булавъ послѣдуетъ впослѣдствіи. Раздраженные депутаты возвратились въ палату, и отрѣшили Бонковскаго отъ званія депутата, что подало поводъ къ закрытію сейма, ибо прусскіе депутаты приняли сторону Бонковскаго. Король, бывшій самъ главнымъ виновникомъ закрытія сейма, вынужденъ былъ созвать вскорѣ (въ іюнѣ) другой чрезвычайный сеймъ, чтобы рѣшить самыя экстренныя дѣла рѣчипосполитой. Раздача булавъ успокоила раздраженные умы, и угрожавшая Польшѣ дѣйствительная опасность, склонила депутатовъ дать свое согласіе на налоги и посполитое рушенье. Во время этого сейма, Іеронимъ Радзѣіовскій просилъ короля о помилованіи, но по внушеніямъ своихъ противниковъ, не получилъ благопріятнаго отвѣта, за что впослѣдствіи дорого приплатила рѣчьпосполитая.

Въ то время, когда новый сеймъ обдумывалъ средства для обороны, многочисленныя московскія войска, безъ объявленія войны, вторглись въ Украину. Козаки и духовенство встрѣтили весьма радушно своихъ мнимыхъ защитниковъ, но вскорѣ разочаровались. Занявъ своими гарнизонами Кіевъ, Переяславль, Бѣлую церковь и другіе болѣе важные города, московцы начали угнетать сельскій людъ налогами и барщиной, а духовенство принуждали отправлять богослуженіе не только на русскомъ нарѣчіи, но и признавать московскаго, митрополита своимъ владыкою. Кіевскаго митрополита Косскаго, желавшаго остаться вѣрнымъ константинопольскому патріарху и удержать прежнее богослуженіе, вывезли въ Москву, откуда онъ уже не возвращался*). Козаковъ, отстаивающихъ свои льготы под-

*) Сильвестръ Коссовъ былъ шляхтичь и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго и слабаго патріарха византійскаго была номинальная, тогда какъ при подданствѣ московскому государю, трудно

вергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, но и это не вылечило упрямыхъ козаковъ и не смягчило ихъ сердца, проникнутаго ненавистью къ Польшѣ. Они предпочли позорную неволю, обширнымъ льготамъ подъ властью рѣчипосполитой.

Самъ царь двинулся между тѣмъ въ Литву во главѣ 40,000 московцевъ, 20,000 козаковъ подъ начальствомъ Золотаренки и 20,000 ногайскихъ татаръ. Великій гетманъ литовскій Радзиваллъ, имѣя едва 10,000 человѣкъ, не хотѣлъ ожидать прибытія посполитаго рушенья и ненавистнаго ему польнаго литовскаго гетмана Госѣвскаго, и вопреки приказанію короля, вышелъ на встрѣчу непріятеля подъ Шкловъ, гдѣ потерпѣлъ совершенное пораженіе, такъ что едва успѣлъ собрать подъ Минскомъ остатки своей арміи. Теперь царь могъ занимать города и замки безъ малѣйшаго сопротивленія. Онъ взялъ — Дорогобужъ, Серпѣйскъ, Могилевъ и другіе. 29 мая Алексѣй Михайловичъ приступилъ къ осадѣ Смоленска, гдѣ начальствовалъ смоленскій воевода Обуховичъ. Крѣпость эта могла выдержать продолжительную осаду, но Обуховичъ сдалъ ее (29 сент.) послѣ 4-хъ мѣсячной обороны. Московцы овладѣли Витебскомъ, Мозыремъ и множествомъ другихъ крѣпостей и городовъ, а въ сѣверскомъ краѣ и въ части Литвы произвели страшныя опустошенія. Король пріѣхалъ, правда, въ Гродно, но такъ какъ литовское посполитое рушенье собиралось весьма медленно, то онъ возвратился въ Варшаву, поручивъ защиту края гетманамъ и витебскому воеводѣ Павлу Сапѣгѣ.

Въ это же время (1654) королева Христина добровольно отказалась отъ престола, въ пользу своего родственника, герцога цвейбрпкенскаго Карла-Густава. Новый король потребовалъ отъ Яна-Казиміра отреченія отъ титула шведскаго короля, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Если бы король имѣлъ хоть сколько нибудь привязанности къ рѣчипосполитой, онъ несомнѣнно отказался бы отъ пустаго титула. Но онъ предпочелъ своимъ упрям-

---

было избѣжать зависимости отъ москокскаго патріарха, которая была уже не то (Соловьевъ, Т. X, стр. 328). *Прим. перевод.*

*

ствомъ навлечь на несчастную Польшу войну съ новымъ врагомъ, хотя и безъ того не могъ справиться съ козаками и Московіею. Прежде, однакожъ, нежели дѣло дошло до шведской войны, которой хотѣли избѣжать снаряженіемъ новаго посольства, король открылъ переговоры съ новымъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ. Послѣ долгихъ преній, ханъ согласился на союзъ съ Польшею противъ Московіи и козаковъ, и выпустилъ изъ плѣна болѣе 200 поляковъ. По заключеніи союза двинулись въ Украину коронные гетманы — Станиславъ Потоцкій и Станиславъ Лянцкоронскій съ 20,000 конницы и 8,000 пѣхоты. Хотя универсалами было возвѣщено жителямъ самое кроткое обращеніе, если они будутъ сдаваться добровольно, тѣмъ не менѣе польское войско встрѣчало во многихъ пунктахъ отчаянное сопротивленіе. Морахва, Красное и Чернѣіовице сдались сами, но Буму пришлось взять силою, причемъ козаки и жители защищались съ такимъ остервененіемъ, что охотно бросались въ пламя, лишь бы не попасть живыми въ руки побѣдителей *). Брацлавъ защищался съ менѣе сильнымъ ожесточеніемъ, но и его оборона свидѣтельствовала, что придется добывать весь край оружіемъ. Подъ Ободовкою поляки соединились (въ концѣ дек.) съ 20,000 войскомъ татаръ. Соединенныя эти силы, занявъ нѣкоторые менѣе значительные города, которые приходилось брать съ бою, и потомъ опустошивъ ихъ, подступили къ Умани. Уже былъ открытъ огонь изъ орудій по валамъ и уже вспыхнулъ пожаръ въ городѣ, какъ вдругъ татары извѣстили гетмановъ, что огромное войско идетъ на помощь къ Умани. Гетманы, не медля, двинулись къ Ахматову, въ окрестностяхъ котораго произошло въ темную ночь, генеральное сраженіе. Русскіе

*) Польскимъ войскомъ предводительствовалъ Стефанъ Чарнецкій. Два раза отбитые съ урономъ, поляки ворвались, наконецъ на валы. Жители, въ отчаяніи, начали поджигать дома и прощаясь, убивали другъ друга; женщины бросались съ дѣтьми въ пламя и въ колодцы, а жена козацкаго предводителя, убивъ мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и зажгла ее подъ собою. Послѣ взятія города, слишкомъ 16,000 человѣкъ приплатило жизнью за этотъ день мести.
Прим. перевод.

не смотря на свой численный перевѣсъ *), претерпѣли пораженіе и готовы были сложить даже оружіе, но Хмѣльницкій съ большимъ трудомъ удержалъ ихъ отъ этого шага. Онъ устроилъ имъ таборъ изъ возовъ, подъ прикрытіемъ котораго началось (2 февр. 1655) отступленіе. Поляки хотѣли помѣшать движенію, но только успѣли отбить заднюю часть табора. Если бы татары дружно поддерживали поляковъ, побѣда была бы полною. Но подкупленные Хмѣльницкимъ, они уклонялись даже отъ участія въ битвахъ. Русскіе заняли сильныя позиціи, а гетманы вынуждены были, по поводу жестокихъ морозовъ, отправить пѣхоту въ Шарогродъ, конница же слѣдила за непріятельскими движеніями. Татары настояли также на томъ, чтобы увести въ Крымъ свою добычу и плѣнныхъ. Нужно было согласиться на это и что хуже всего, пришлось дать имъ, въ видѣ прикрытія, часть польскаго войска, подъ начальствомъ Іордана, которая такимъ образомъ, розыграла постыдную роль защитниковъ орды, гнавшей въ Крымъ христіанскихъ плѣнниковъ. Вотъ къ какому униженію привели рѣчьпосполитую іезуиты совмѣстно съ королемъ! Не смотря на уходъ татаръ, поляки имѣли много удачныхъ стычекъ съ козаками. Іорданъ между тѣмъ успѣлъ склонить хана снарядить новое войско. И дѣйствительно татары, въ числѣ 60,000, явились вскорѣ (въ мартѣ) на границахъ Польши подъ начальствомъ ханскаго намѣстника. Снова возгорѣлась война на Украинѣ. Польскіе полки, претерпѣвшіе убыль въ рядахъ и не получившіе къ тому жалованья, дрались тѣмъ не менѣе съ большимъ мужествомъ. Польскіе гарнизоны заняли Устье и другіе города. Но вдругъ, неожиданно, полученъ приказъ отъ короля, чтобы польный гетманъ Лянцкоронскій и Чарнецкій, съ возможною поспѣшностію, двинулись съ половиною войска противъ шведовъ.

Срокъ перемирія съ Швеціею оканчивался только въ 1661 г., но какъ скоро Христина уступила престолъ своему двоюродному

*) «Здѣсь (т. е. подъ Ахматовымъ) русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ непріятеля и отступили къ Бѣлой Церкви» (Соловьевъ, Т. X, стр. 381). *Прим. перевод.*

брату Карлу-Густаву, отношенія сами собою поколебались. По настоянію коронныхъ сословій, Янъ-Казиміръ, во время царствованія еще Христины, отправлялъ уполномоченныхъ въ Любекъ, для переговоровъ о постоянномъ мирѣ. Всѣ однакожъ съѣзды оказались безуспѣшными, ибо шведы требовали, чтобы Янъ-Казиміръ отрекся отъ титула шведскаго короля. По вступленіи на престолъ Карла-Густава, были также отправлены уполномоченные для переговоровъ, но новый шведскій король пріискивалъ постоянно новыя затрудненія. Очевидно, что онъ хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши, которая должна была бороться съ козаками и Московіею. Шведскій сеймъ былъ противъ войны, но Карлъ-Густавъ успѣлъ такъ ловко устроить дѣла, что уничтожилъ и это препятствіе. Когда затѣмъ, весною (1655), явилось въ Стокгольмъ новое польское посольство, онъ не хотѣлъ открывать съ нимъ переговоровъ, а объявилъ, что удобнѣе всего будетъ переговариваться о мирѣ (14 авг.) въ Штеттинѣ, куда онъ собирался съ войскомъ. И въ самомъ дѣлѣ, король отплылъ вскорѣ въ Померанію, гдѣ собралъ почти 40,000 войска, составленнаго преимущественно изъ наемныхъ нѣмцевъ.

Варшавскій сеймъ, снаряжая посольство въ Стокгольмъ, отнюдь не обольщалъ себя надеждою на миръ съ Швеціею, а потому принялъ соотвѣтственныя мѣры для обороны. Часть кварцянаго войска, была отозвана изъ Украины для усиленія всеобщаго ополченія; кромѣ того сдѣлано распоряженіе о вооруженіи лановой пѣхоты. Все это было, по крайней мѣрѣ, хотя частію выполнено, когда Карлъ-Густавъ, издавъ манифестъ, съ изложеніемъ поводовъ, побуждавшихъ его, будто бы, открыть враждебныя дѣйствія съ Польшею, отправилъ къ польскимъ границамъ своего полководца Виттемберга. Великополяне, въ числѣ 15,000, подъ начальствомъ четырехъ воеводъ, стояли лагеремъ подъ Устьемъ, чтобы затруднить шведамъ переправу чрезъ Нотець. Виттембергъ обратился къ шляхтѣ и ея предводителямъ съ требованіемъ покорности шведскому королю. Радзѣіовскій, съ своей стороны, поддержалъ весьма краснорѣчиво это требованіе. Сначала великополяне сопротивля-

лись, но когда Виттембергъ, перейдя Нотець, окружилъ лагерь, а Радзѣіовскій дѣйствовалъ краснорѣчіемъ, они признали (25 іюля) Карла-Густава своимъ государемъ. Именемъ своего короля, Виттембергъ обѣщалъ всѣмъ, что ихъ права и льготы будутъ сохранены въ цѣлости, и что на католическую вѣру не будетъ сдѣлано и малѣйшаго посягательства. Познань хотѣла защищаться, но познанскій воевода успѣлъ убѣдить городъ отказаться отъ этого намѣренія.

Вскорѣ вторгнулся и Карлъ-Густавъ въ Великопольшу. Шляхта привѣтствовала его вездѣ съ радостію въ томъ убѣжденіи, что съ его приходомъ кончатся бѣдствія, которыя, своимъ дурнымъ правленіемъ, навлекъ на рѣчьпосполитую Янъ-Казиміръ. По крайней мѣрѣ въ этомъ увѣрялъ Радзѣіовскій и сторонники шведовъ. Янъ-Казиміръ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы склонить къ миру не только царя, вторгнувшагося снова въ Литву и взявшаго Вильно (8 авг.) и многіе другіе города, но и Карла-Густава, къ которому для этой цѣли отправилъ, въ качествѣ уполномоченнаго, Христофора Пржіемскаго. Шведскій король, гордясь своимъ успѣхомъ, далъ послу отрицательный отвѣтъ и двинулся въ Варшаву, которую и занялъ (8 сент.) безъ сопротивленія. Янъ-Казиміръ, соединившись съ кварцяными полками Лянцкоронскаго и Чарнецкаго, и имѣя подъ знаменами всего 12,000 человѣкъ, занялъ позицію подъ Сулеіовымъ. Чарнецкій сдѣлалъ вылазку и подъ Иновлодземъ, уничтожилъ отрядъ шведовъ въ 500 человѣкъ, а подъ Опочною поляки разбили часть шведской конницы. Подъ Страшовою Волею произошло (16 сент.) болѣе значительное сраженіе, въ которомъ его превосходная числомъ артиллерія заставила поляковъ отступить. Янъ-Казиміръ отошелъ къ Пржедборжу, откуда поѣхалъ въ Краковъ.

Подобно Великопольшѣ и другія воеводства, занимаемыя шведами, сдавались Карлу-Густаву. Кварцяные полки, находившіеся въ лагерѣ Яна-Казиміра, по поводу неполученія жалованья, составили конфедерацію подъ предводительствомъ Тыравскаго и Працкаго. Располагая столь незначительными силами, въ особен-

ности съ того времени, когда его покинуло посполитое рушенье, король не могъ съ успѣхомъ бороться со шведами. Янъ-Казиміръ передалъ защиту Кракова Чарнецкому, а самъ, съ остальнымъ войскомъ, двинулся въ сандецкій округъ, откуда вскорѣ послѣдовалъ за королевою въ Малый Глоговъ, въ Силезіи. Карлъ между тѣмъ бросился преслѣдовать кварцяное войско и убѣдилъ его обѣщаніемъ большихъ наградъ, при содѣйствіи Працкаго, перейти на свою сторону, послѣ чего принудилъ Чарнецкаго (18 окт.) сдать Краковъ. Чарнецкій выговорилъ ненарушимость религіи и всѣхъ учрежденій и церквей, а также права и привиллегіи, принадлежащія городу, а для своего войска — свободное отступленіе къ силезской границѣ.

Съ не меньшею удачею дѣйствовали шведы въ Литвѣ. Великій гетманъ литовскій Янушъ Радзивиллъ, желая отвлечь отъ литовскаго княжества опасность, угрожавшую со стороны Московіи и Швеціи, вошелъ въ переговоры съ Магнусомъ Делагарди и условившись еще съ нѣкоторыми магнатами, передалъ (31 іюля) въ Кейданахъ Литву Карлу-Густаву, на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ подчинились коронныя воеводства. Польный гетманъ Госѣвскій, противился такому рѣшенію, но Радзивиллъ велѣлъ его схватить и посадить въ тюрьму. Въ Украинѣ коронный гетманъ Потоцкій не могъ сопротивляться Хмѣльницкому и вынужденъ былъ отступить. Преслѣдуемый постоянно превосходными силами непріятеля, онъ успѣлъ вздохнуть лишь немного свободнѣе въ Львовѣ, откуда двинулся (23 сент.) къ Грудку, гдѣ съ горстью людей расположился лагеремъ. Хмѣльницкій и Бутурлинъ осадили Львовъ, защищаемый съ замѣчательнымъ мужествомъ Христофоромъ Гродзицкимъ. Значительный отрядъ козаковъ напалъ неожиданно на Грудекъ. Поляки дрались сначала храбро, но принявъ отрядъ посполитаго рушенья, шедшій имъ въ помощь, за непріятельскій, разбѣжались въ безпорядкѣ. Вскорѣ и остальная часть кварцянаго войска сложила оружіе передъ Карломъ-Густавомъ. Между тѣмъ Львовъ продолжалъ защищаться. Къ Хмѣльницкому прибылъ отъ Яна-Казиміра, гостившаго въ Силезіи, по-

солъ Любовицкій и привезъ также отъ Маріи-Людвики письмо къ женѣ гетмана. Растроганный этимъ Хмѣльницкій согласился на переговоры, отступилъ отъ Львова, который заплатилъ лишь русскимъ, въ видѣ выкупа, 60,000 злот. Это снятіе осады было нѣсколько вынуждено *), ибо татарскій ханъ Мехметъ-Гирей явился въ помощь Яну-Казиміру и въ окрестностяхъ Тарнополя завязалъ бой съ Хмѣльницкимъ. Одержавъ побѣду, ханъ заставилъ гетмана прервать всякія сношенія съ Московіею и сдѣлаться защитникомъ Яна-Казиміра, которому донесъ, что готовъ быть къ его услугамъ со всею ордою, лишь бы онъ возвратился въ коронныя земли. Въ то же время ханъ велѣлъ оповѣстить во всей рѣчипосполитой, что будетъ поддерживать своего союзника Яна-Казиміра до тѣхъ поръ, пока шведъ не очиститъ польскихъ владѣній, а всѣмъ короннымъ обывателямъ, которые рѣшились бы принять сторону шведскаго короля, угрожалъ местію. Это былъ первый благопріятный оборотъ дѣлъ въ пользу Яна-Казиміра.

Въ то время когда Литва и коронная Польша, подчинялись шведскому королю, прусское герцогство рѣшилось защищаться до послѣдней крайности. Произведенъ былъ новый наборъ, и съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ заключенъ союзъ для общей защиты. Сосредоточенныя здѣсь силы могли вмѣстѣ съ гарнизонами составить болѣе 40,000 человѣкъ. Прусскія сословія довѣрились вполнѣ Фридриху-Вильгельму, и, даже, позволили ему укрѣпить нѣкоторые замки и города. Одинъ Данцигъ объявилъ, что не приметъ никакихъ гарнизоновъ, и съумѣетъ самъ постоять за себя. Когда же появился передъ этимъ городомъ шведскій флотъ, данцигцы не впустили его въ гавань, и оттѣснили дессантъ подъ Пуцкомъ.

Карлъ-Густавъ, по занятіи Кракова, разослалъ универсалы,

---

*) Г. Соловьевъ говоритъ (Т. X, стр. 388), что русскіе не могли ничего сдѣлать подъ Львовомъ, по явному нежеланію Хмѣльницкаго дѣйствовать рѣшительно; онъ взялъ съ осажденныхъ 60,000 злот., а Выговскій писалъ даже прямо горожанамъ, чтобъ не сдавались на царское имя.

Прим. перевод.

сзывающіе на сеймъ, отъ чего, онъ впрочемъ вскорѣ отказался, желая предварительно привести къ покорности Пруссію. Вотъ почему онъ приказалъ Штейнбоку вторгнуться въ Пруссію съ одной стороны и самъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ. Генералъ Миллеръ подступилъ къ ченстоховскому монастырю. Тамошній настоятель Августинъ Кордецкій не хотѣлъ впустить шведскаго гарнизона, и когда Миллеръ началъ осаду (18 нояб.), то Кордецкій, вмѣстѣ съ сѣрадзкимъ мечникомъ Стефаномъ Замойскимъ взяли на себя защиту ясногурскаго монастыря *) и выполнили это съ такимъ мужествомъ и энергіею, что шведы, потерпѣвъ значительныя потери, вынуждены были (26 декаб.) наконецъ отступить. Защита Ченстоховы сильно возвысила упавшій нравственный духъ въ польскомъ народѣ.

Польская и нѣмецкая части прусскаго герцогства могли не только защищаться, но даже поколебать успѣхъ Карла-Густава, если бы только Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ того искренно. Но было очевидно, что онъ, помышляя объ измѣнѣ, хотѣлъ единственно обезпечить себѣ выгоды и выиграть, какъ можно болѣе, отъ энергическаго, по видимому, поведенія, въ отношеніи шведовъ. По этой причинѣ его гарнизоны не вступали нигдѣ въ борьбу со шведами. Онъ не спѣшилъ также съ помощію городамъ, которымъ угрожала опасность. Неудивительно затѣмъ, что Карлъ-Густавъ занялъ безъ труда — Свѣцѣ, Гнѣвъ и даже Торнъ, а впослѣдствіи и Мальборгъ; Эльбингъ сдался добровольно. Изъ королевской (польской) части Пруссіи одинъ только Данцигъ остался вѣренъ Яну-Казиміру. Всѣ прочіе города признали своимъ государемъ Карла-Густава, который, вторгнувшись въ нѣмецкую часть Пруссіи, довелъ Фридриха-Вильгельма (23 янв. 1656) переговорами до союза, и вознаградилъ его за это уступкою Варміи.

*) У шведскаго генерала было 12,000 войска, въ Ченстоховскомъ же монастырѣ находилось всего 160 солдатъ и 70 монаховъ. Осада монастыря до сихъ поръ памятна въ народѣ, который приписывалъ успѣхъ польскаго оружія заступничеству Божьей Матери. Ея икона до сихъ поръ находится въ церкви монастыря и имѣетъ въ глазахъ польскаго народа такое же значеніе, какъ образъ Иверской Божьей Матери для природнаго москвича. *Прим. перевод.*

Вскорѣ разочаровались всѣ тѣ, которые, безъ сопротивленія, подчинились покровительству Карла-Густава. Разбои, грабежи, насилія совершались въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Храмы подвергались грабежамъ, пастыри — смерти или страшнымъ пыткамъ, при содѣйствіи которыхъ хотѣли добиться отъ нихъ показанія, гдѣ скрыты церковныя или монастырскія сокровища. Церковную утварь и ризы шведскіе солдаты употребляли въ своей обыденной жизни, чѣмъ раздражали сельскій людъ, котораго тысячами сгоняли на работу по укрѣпленію городовъ и замковъ. Шляхта и всѣ жители были обложены громадными податями и налогами. Угнетеніе достигло самыхъ крайнихъ предѣловъ и всѣ окончательно пришли къ убѣжденію, что иноземное управленіе не можетъ быть полезно для отечества. Со всѣхъ сторонъ являлись къ Карлу-Густаву депутаціи съ просьбою положить конецъ страшному гнету. Карлъ отдѣлывался простыми обѣщаніями, а уполномоченнымъ отъ шляхты сандомірскаго воеводства, требовавшимъ назначенія избирательнаго съѣзда, указалъ на свою саблю, говоря, что занявъ однажды Польшу оружіемъ, онъ вовсе не намѣренъ подчинять своихъ правъ какой бы то ни было подачѣ голосовъ.

Все это возбуждало сильное негодованіе въ цѣломъ краѣ. Къ тому же времени, шведы, вопреки заключенному договору, напали на часть войска Чарнецкаго и силою увели его къ Ченстоховѣ. Чарнецкій, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Яномъ-Казиміромъ, рѣшился на крайній шагъ. Снявшись съ остальнымъ своимъ войскомъ съ позиціи, онъ поспѣшилъ къ Белзу, и завязалъ сношеніе съ кварцяными полками. На съѣздѣ въ Тышовцахъ (29 дек.), куда стеклось множество шляхты, составилась конфедерація, во главѣ которой стали оба коренные гетманы и совѣтъ изъ воеводскихъ депутатовъ. Тотчасъ было сдѣлано воззваніе ко всѣмъ жителямъ о защитѣ отечества. Янъ-Казиміръ, увѣдомленный о конфедераціи, выѣхалъ изъ Силезіи (въ янв.) и прибылъ благополучно въ Львовъ. Вездѣ по дорогѣ шляхта присоединялась къ нему. Даже сельскій людъ, воодушевляемый священниками, вооружался и истреблялъ шведовъ поодиночкѣ. Царь московскій, вооруженный про-

тивъ шведовъ за господство ихъ въ Литвѣ, заключилъ, при посредничествѣ вѣнскаго двора, перемиріе съ рѣчьюпосполитою на одинъ годъ и разставшись съ надеждою получить польскую корону, началъ съ ними немедленно войну въ Ливоніи.

Король шведскій принуждалъ именно Данцигъ къ сдачѣ, когда получилъ извѣстіе о вооруженномъ движеніи въ Польшѣ. Онъ отправился туда немедленно съ 10,000 конницы. Принудивъ Чарнецкаго отступить изъ подъ Сольца, онъ нанесъ ему вскорѣ значительное пораженіе подъ Голомбіомъ*) и двинулся къ Замостью, желая овладѣть имъ. Но Янъ Замойскій не испугался его угрозъ. Шведы, не имѣя осадныхъ орудій, окружаемые понемногу польскими отрядами, принуждены были удалиться изъ подъ Замостья ни съ чѣмъ. Они хотѣли послѣ того овладѣть Пржемыслемъ, но и тутъ помѣшалъ Чарнецкій, подоспѣвшій во время съ Юріемъ Любомирскимъ. Карлъ-Густавъ принужденъ былъ возвратиться къ устьямъ Сана и заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ подвергался величайшей опасности, въ особенности когда и остальное кварцяное войско, начало переходить къ своимъ. Извернувшись кое какъ, онъ поскакалъ въ Варшаву. Чарнецкій между тѣмъ, болѣе осторожный послѣ голомбскаго пораженія, билъ шведовъ подъ Варкой и въ другихъ мѣстахъ, тогда какъ Янъ-Казиміръ, во время торжественнаго богослуженія въ львовскомъ каѳедральномъ соборѣ (12 апр. 1656), вручалъ себя и рѣчьпосполитую покровительству Божіей Матери, какъ королевы польской, и принесъ вмѣстѣ съ цѣлымъ сенатомъ обѣтъ, заняться, послѣ изгнанія шведовъ, облегченіемъ участи угнетенныхъ крестьянъ, что, по его мнѣнію, было причиной страшныхъ бѣдствій, постигшихъ отечество.

Усиливъ гарнизонъ въ Варшавѣ, Карлъ-Густавъ возвратился

*) Потеря поляковъ простиралось до 3,000 человѣкъ, не столько убитыми въ сраженіи, сколько ранеными и взятыми въ плѣнъ во время весьма трудной переправы черезъ р. Вепръ. Потери шведовъ были также чувствительны. Вилькинсонъ, предводитель авангарда убитъ, графъ Вольдемаръ, родственникъ датскаго короля смертельно раненъ, принцъ Адольфъ, братъ шведскаго короля сломалъ ногу. (Гродзкій, *Historia Belli Cosacco-Polon.*). *Прим. перевод.*

въ Пруссію, откуда разослалъ во всѣ воеводства циркуляръ, обѣщая освободить крестьянъ отъ подданства и подарить имъ землю, если они будутъ доставлять его военачальникамъ своихъ пановъ, живыхъ или мертвыхъ. Землевладѣльцевъ же, которые подобнымъ образомъ ловили бы и истребляли своихъ согражданъ, возставшихъ для защиты отечества, обѣщалъ награждать половиною имущества, остававшагося послѣ пойманнаго или убитаго. Циркуляръ этотъ принятъ былъ вездѣ съ презрѣніемъ и возстаніе постепенно усиливалось. За исключеніемъ нѣсколькихъ измѣнниковъ, которые съ Радзѣіовскимъ и Богуславомъ Радзивилломъ оставались при шведахъ, всѣ спѣшили подъ знамена защитниковъ отечества и вѣры. Вскорѣ вокругъ Яна-Казиміра собралось сильное войско, состоявшее, большею частью, изъ ополченія и простиравшееся до 70,000 человѣкъ вмѣстѣ съ вспомогательнымъ татарскимъ отрядомъ.

Во главѣ этого войска, король началъ дѣйствовать рѣшительно противъ шведовъ, и двинулся къ Варшавѣ, гдѣ командовалъ Виттембергъ. Приглашенный сдаться, онъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Нельзя удивляться этому отвѣту, если принять во вниманіе, что въ Варшавѣ была собрана большая часть добычи, которую должны были отправить по Вислѣ въ Пруссію. Поляки принуждены были начать осаду города, продолжавшуюся слишкомъ мѣсяцъ, потому что король не рѣшался раззорять собственную столицу. Наконецъ Виттембергъ, потерявъ надежду на подкрѣпленіе, сдалъ Варшаву, выговоривъ себѣ и войску свободное отступленіе, на что Янъ-Казиміръ изъявилъ согласіе. Но шляхта, ненавидѣвшая Виттемберга за его строгость, принудила короля нарушить уговоръ. Войску позволено удалиться, а Виттембергъ, вмѣстѣ съ другими военачальниками, отправлены въ Замосцъ. Послѣ взятія Варшавы, большая часть ополченія, въ особенности великопольскаго, разошлась по домамъ, такъ что оставшееся при королѣ войско уменьшилось почти на половину.

Между тѣмъ Карлъ-Густавъ склонилъ (19 мая) курфирста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма къ болѣе тѣсному союзу, за что подарилъ ему всю Великопольшу. Онъ вступилъ также въ

сношенія съ Ракочимъ и Хмѣльницкимъ, которыхъ польскіе послы не съумѣли перетянуть на сторону рѣчипостолитой. Брата же своего Іоанна-Адольфа онъ отправилъ во время осады Варшавы къ Бугу, съ приказаніемъ избѣгать сраженія. Затѣмъ, вмѣстѣ съ курфирстомъ, двинулся къ Варшавѣ, гдѣ произошло рѣшительное сраженіе. Два дня продолжался бой съ равнымъ успѣхомъ, и только на третій день (30 іюля) шведы одержали побѣду и заняли Варшаву, а Янъ-Казиміръ отступилъ къ Люблину, тогда какъ большая часть войскъ, въ безпорядкѣ, перешла къ Окуневу. Шведы, ослабленные дорого стоившею побѣдою, не могли преслѣдовать уходящихъ противниковъ и дали возможность польскимъ дружинамъ собраться снова. Изъ Окунева они разошлись по разнымъ направленіямъ, чтобы въ мелкихъ встрѣчахъ изнурять шведовъ, которымъ именно въ это время русскій царь объявилъ войну и началъ военныя дѣйствія въ Ингріи и Кареліи.

Когда Янъ-Казиміръ былъ еще въ Люблинѣ, къ нему явились шведскіе послы съ предложеніемъ мира, но онъ его не принялъ, отвѣтивъ, что не можетъ входить ни въ какіе переговоры, покуда шведы не оставятъ земель рѣчипосполитой. Борьба возобновилась снова въ разныхъ мѣстахъ. Госѣвскій вторгнулся въ Пруссію и одержалъ (8 окт.) подъ Простками побѣду, положивъ на мѣстѣ 3,000 непріятелей, взявъ много плѣнныхъ и весь обозъ. Потомъ уничтожилъ 3 шведскіе полка, идущіе въ помощь къ курфирсту. Но когда татары, обремененные добычей, оставили его лагерь, онъ, въ свою очередь, настигнутый Штенбокомъ, потерпѣлъ пораженіе. Чарнецкій, сражаясь постоянно со шведами, уничтожилъ подъ Стржемешномъ отрядъ ихъ, состоявшій изъ 2,400 человѣкъ и другой, почти такой же, подъ Линномъ. За то въ другихъ мѣстахъ перевѣсъ оставался на сторонѣ шведовъ. Не смотря на то, положеніе ихъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Карлъ-Густавъ, подкрѣпляемый деньгами Англіи, скрѣпилъ союзъ съ курфирстомъ, уволивъ его на съѣздѣ въ Лябіявѣ *) (10 нояб.) отъ всякой лен-

*) Нынѣ *Labiau,* городъ въ 49 в. отъ Кенигсберга, на р. Дейнѣ.

Прим. перевод.

ной зависимости отъ Пруссіи, а обѣщаніемъ раздѣла Польши, пригласилъ Ракочаго участвовать въ разбояхъ.

Во время этой постоянной борьбы, польскіе послы разъѣжали по европейскимъ дворамъ, ходатайствуя о помощи противъ шведовъ, которые воевали съ рѣчьюпосполитой на ея собственный счетъ. Франція готова была принять на себя посредничество въ переговорахъ о мирѣ, а когда Янъ-Казиміръ прибылъ (25 нояб.) въ Данцигъ, французскій посланникъ де л'Омбръ началъ намекать о мирѣ. Казалось бы, что дѣйствительно приступятъ, по крайней мѣрѣ, къ предварительнымъ условіямъ и потому Марія-Людвика хотѣла отправиться къ мужу изъ Ченстоховы, чтобы поддержать его своимъ совѣтомъ и помощью. Чарнецкій получилъ приказаніе сопутствовать ей въ Данцигъ. Но въ Хойницахъ она получила извѣстіе, что переговоры прерваны, по случаю неумѣренныхъ требованій шведовъ. Когда притомъ король долженъ былъ согласиться, чтобы неполучавшее жалованія и утомленное войско отправилось на зимнія квартиры, Марія-Людвика, волей неволей, возвратилась въ Ченстохову, а Чарнецкій поспѣшилъ въ Данцигъ, откуда проводилъ Яна-Казиміра въ Калишъ.

Между тѣмъ Юрій Любомірскій осаждалъ Краковъ, защищаемый шведскимъ генераломъ Вюрцомъ. По полученіи прокламаціи Ракочаго, въ которой онъ, будто бы приглашенный на польскій престолъ, объявлялъ о вступленіи своемъ въ предѣлы рѣчипосполитой, обѣщая свою милость и дружбу всѣмъ тѣмъ, кто съ нимъ соединится и угрожая местью въ случаѣ сопротивленія, — Любомірскій принужденъ былъ оставить осаду Кракова, въ особенности когда узналъ, что не смотря на сопротивленіе Станиславскаго, Ракочій вступилъ дѣйствительно въ польскія земли у Сыноводзка (въ янв. 1657) во главѣ 40,000 венгерцевъ, валаховъ, нѣмцевъ и козаковъ. Войско его, отличавшееся неповиновеніемъ и жестокостью, истребляло по пути все мечемъ и пожарами и прибыло (28 мар.) въ Краковъ. Поляки сражались съ успѣхомъ противъ отдѣльныхъ отрядовъ Ракочаго, но не располагали достаточными силами, чтобы остановить походъ его. Карлъ-Густавъ поспѣшилъ изъ Пруссіи

на встрѣчу союзнику и соединился съ нимъ (4 апр.) у Модлишева. Соединенныя ихъ войска простирались до 70,000 вооруженныхъ. Однако король шведскій былъ очень недоволенъ неповиновеніемъ войскъ Ракочаго.

Прибытіе Ракочаго должно было привести въ исполненіе готовый уже планъ раздѣла Польши. Карлъ-Густавъ, составитель плана, назначалъ Ракочому Малопольшу, Мазовію и Русь; курфирстъ получалъ Великопольшу, для себя же оставлялъ Пруссію и другіе приморскія страны. Уступкою части Литвы, онъ хотѣлъ приманить русскаго царя. Противъ всего этого приходилось употребить самыя энергическія мѣры. По возвращеніи изъ Данцига, Янъ-Казиміръ собралъ сенатъ въ Ченстоховѣ и во время совѣщаній постановлено было затронуть всѣ пружины для спасенія отечества. Назначены новые налоги и королю разрѣшено продавать должности и шляхетское достоинство, лишь бы собрать деньги для войска. Отправлены послы въ Вѣну, къ германскому союзу и въ Данію, для возобновленія коалиціи. Съ вѣнскимъ дворомъ начались о томъ же переговоры, но Фердинандъ III колебался, связанный условіями вестфальскаго мира. Его смерть произвела благопріятную перемѣну въ расположеніи Вѣны. Преемникъ его Леопольдъ согласился, въ качествѣ венгерскаго и чешскаго короля, помочь Польшѣ будто бы противъ Ракочаго и выслалъ подъ начальствомъ генерала Гацфельда отрядъ изъ 16,000 человѣкъ. За это Янъ-Казиміръ обязался уплатить милліонъ злотыхъ и давать ежегодно, пока войска эти будутъ оставаться въ Польшѣ, по 300,000 зл. съ соляныхъ копей въ Величкѣ. Сверхъ того король обязался, безъ согласія Леопольда, не заключать ни мира, ни перемирія со шведами. Въ то же время Янъ-Казиміръ заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Фридрихомъ, королемъ датскимъ.

Во время этихъ переговоровъ Карлъ-Густавъ и Ракочій взяли Брестъ. Карлъ получилъ извѣстіе, что король датскій объявилъ ему войну и вторгнулся въ его предѣлы. Онъ немедленно двинулся съ своимъ союзникомъ въ Варшаву, гдѣ простился съ нимъ, оставивъ Стенбока съ горстью шведовъ, самъ же поспѣшилъ въ Прус-

сію, а оттуда, во главѣ шеститысячнаго отборнаго отряда, черезъ Поморье, къ границамъ Даніи. Такимъ образомъ морская экспедиція датскаго короля кончилась ничѣмъ. Остановившись съ флотомъ въ Данцигѣ, онъ надѣялся поймать противника, но обманутый въ своихъ надеждахъ, долженъ былъ возвратиться поспѣшнѣе, для защиты собственныхъ предѣловъ.

Послѣ отъѣзда Карла, Ракочій началъ опасаться за себя. Во первыхъ онъ получилъ извѣстіе, что гетманъ польный коронный Юрій Любомирскій, въ отмщеніе за нашествіе Польши, опустошилъ Трансильванію, а султанъ, разсерженный на него за польскую экспедицію, грозилъ местью какъ своему вассалу. Кромѣ того онъ узналъ о прибытіи вспомогательнаго корпуса австрійскаго. Испуганный всѣмъ этимъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы отступить съ честью. Станиславскій, который постоянно оставался при немъ, написалъ по вдохновенію канцлера его Микезія, Маріи-Людвикѣ, что какъ самъ канцлеръ, такъ и предводитель трансильванскихъ войскъ Кимини, помня постоянную дружбу венгерцевъ съ поляками, готовы уговорить своего князя заключить миръ, лишь бы королева постаралась, чтобы предложенныя условія были согласны съ честью сего послѣдняго и чтобы она выхлопотала имъ у короля награды. Но король вмѣсто условій мира, послалъ гетманамъ и Чарнецкому приказаніе преслѣдовать Ракочаго, который, выступивъ (24 іюня) изъ Варшавы, переправился черезъ Вислу у Завихоста, и оставивъ по дорогѣ обозъ, направился подъ прикрытіемъ козаковъ на Волынь и остановился въ Островѣ. Здѣсь его окружили поляки и не смотря на свою малочисленность вступили въ бой. Ракочій послалъ Микезія къ гетманамъ съ предложеніемъ начать переговоры, вмѣсто того, чтобы проливать христіанскую кровь. Гетманы согласились. Но когда хитрый канцлеръ, подъ предлогомъ переговоровъ, хотѣлъ обмануть поляковъ и дать своему повелителю время вывести войска изъ затруднительнаго положенія, — Чарнецкій воспрепятствовалъ этому, потребовавъ, чтобы во время переговоровъ князь не двигалъ своихъ дружинъ съ мѣста и обязался вознаградить убытки, причиненные рѣчипосполитой. Самонадѣянный отвѣтъ

Микезія былъ причиной, что Чарнецкій, не ожидая разрѣшенія гетмановъ, приказалъ ударить на трансильванцевъ. Не смотря на гнѣвъ гетмановъ, упрекавшихъ Чарнецкаго въ неумѣстной поспѣшности, онъ шелъ впередъ. Ракочій, видя неминуемую гибель какъ свою такъ и войска, послалъ новыя предложенія, обѣщая согласиться на всѣ условія. Отъ него потребовали — извиниться передъ королемъ и рѣчьюпосполитою, возвратить всю добычу, уплатить 1,200,000 зл. вознагражденія, отказаться отъ союзовъ съ врагами Польши и возвратить немедленно Брестъ и Краковъ. Ракочій согласился на все (23 іюля), но и этимъ не спасъ своего войска. Татарскій ханъ, шедшій съ 60,000 войска на помощь Яну-Казиміру, не обращая вниманія на представленіе поляковъ о заключенномъ мирѣ, напалъ на войска Ракочаго, и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Самъ князь едва успѣлъ скрыться, при помощи поляковъ, съ горстью своихъ рыцарей.

Одновременно съ этими происшествіями, великополяне выгнали гарнизоны курфирстовъ изъ Познани и другихъ городовъ, а Янъ-Казиміръ, съ австрійскимъ войскомъ, осадилъ Краковъ. Вюрцъ защищался мужественно, но когда часть гарнизона, которую оставилъ Ракочій, вышла изъ Кракова по его приказанію, Вюрцъ вступилъ (въ концѣ авг.) въ переговоры. Ему позволено со всѣмъ шведскимъ гарнизономъ, удалиться за границы рѣчипосполитой, а евреямъ, которые держали сторону шведовъ, обѣщано прощеніе. Городъ заняло 2,400 человѣкъ австрійцевъ, а въ замкѣ Янъ-Казиміръ помѣстилъ польскую стражъ. Необходимо было двинуться въ Пруссію, чтобы и оттуда вытѣснить шведовъ. Но австрійскіе генералы не отличались особеннымъ рвеніемъ и потому они остановились на зимнихъ квартирахъ въ Великопольшѣ, притѣсняя жителей болѣе, нежели шведы.

Курфирстъ бранденбургскій, ожидавшій отъ союза со Швеціей, значительныхъ выгодъ и усиленія своего могущества, ошибся въ разсчетахъ и началъ думать какъ бы ему избавиться отъ этого союза. И такъ, когда Карлъ-Густавъ, уѣзжая изъ Пруссіи, пригласилъ его на совѣщаніе, онъ не только не прибылъ, но объявилъ

впослѣдствіи черезъ пословъ, что желаетъ вступить въ переговоры съ Яномъ-Казиміромъ. Король шведскій этому не противился, но съ условіемъ, чтобы отъ этого не пострадали шведскія дѣла. Курфирстъ спросилъ Госѣвскаго (20 іюня), нельзя ли ему будетъ сохранить нейтралитетъ, но ему отвѣчено, что желая мира, онъ долженъ отказаться отъ союза со шведами. Тоже повторялъ ему Лисоли, повѣренный австрійскій, затрогивавшій всѣ пружины, лишь бы его отторгнуть отъ Швеціи. Курфирстъ, думавшій только о собственной пользѣ, готовъ былъ принести въ жертву союзника, такъ точно какъ будучи ленникомъ рѣчипосполитой, онъ соединился съ ея врагомъ. Когда Госѣвскій получилъ обширное полномочіе къ веденію переговоровъ и когда къ нему прибылъ въ помощь Вячеславъ Лещинскій, переговоры начались въ Велявѣ. Послѣ многихъ толковъ и споровъ, заключенъ былъ наконецъ (7 сент.) оборонительно-наступательный союзъ противъ шведовъ, гораздо болѣе полезный для курфирста чѣмъ для рѣчипосполитой. Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ освобожденіе отъ лена, и какъ независимый государь, съ мужскимъ своимъ потомствомъ, долженъ былъ владѣть Пруссіею, которая, въ случаѣ прекращенія мужскихъ потомковъ въ прямой нисходящей линіи, переходила, какъ ленъ королевства, къ двумъ побочнымъ линіямъ и только въ случаѣ прекращенія ихъ, могла быть, включена въ составъ земель рѣчипосполитой. Король долженъ былъ освободить жителей отъ присяги, данной ему какъ верховному владѣтелю, жители же должны были присягнуть, что по прекращеніи господствующей линіи, перейдутъ подъ власть рѣчипосполитой. Вмѣсто теперешнихъ ленныхъ отношеній, вѣчная дружба должна была соединять оба сосѣднія правительства, войскомъ обоихъ государствъ въ предѣлахъ ихъ территоріи предоставлялся свободный переходъ границы и пользованіе гаванями, что врагамъ одной или другой стороны положительно было воспрещено. Тѣсный союзъ противъ Швеціи долженъ былъ продолжаться до совершеннаго изгнанія ихъ изъ Пруссіи, Польши и Литвы, и еще 10 лѣтъ спустя. Обѣщано взаимное забвеніе прошедшаго и полнѣйшая амнистія для всѣхъ тѣхъ, ко-

торые измѣнили одной или другой сторонѣ, какъ равно и освобожденіе плѣнныхъ. Особой статьей обезпечено совершенное прощеніе Богуславу Радзивилу. Поручителями этого договора должны быть Франція, Данія, Голландія и вѣнскій дворъ. Всѣ условія должны быть скрѣплены присягой съ одной стороны курфирста, съ другой Яна-Казиміра и находящихся на лицо сенаторовъ. Кромѣ того сословія королевства должны утвердить ихъ на ближайшемъ сеймѣ. Каждый изъ послѣдующихъ королей и князей прусскихъ, при вступленіи на престолъ, долженъ былъ приносить присягу въ точномъ исполненіи этого договора.

Курфирстъ требовалъ еще вознагражденія за причиненныя ему потери и за издержки на вооруженіе, но обстоятельство это отложено до личнаго свиданія его съ Яномъ-Казиміромъ, которое послѣдовало въ Быдгощѣ*) (30 окт.). Король подтвердилъ (6 нояб.) велявскій договоръ, далъ курфирсту на ленныхъ правахъ уѣзды, лембургскій и бытомскій, и хотѣлъ въ обезпеченіе уплаты 400,000 тал. предоставить ему Эльбингъ, которымъ онъ владѣлъ бы до совершенной уплаты этого долга коронnымъ казначействомъ. Этому сопротивлялись уполномоченные Данцига, а когда король и придворные паны говорили имъ, что отказавъ курфирсту въ этомъ требованіи, придется порѣшить съ нимъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ, тогда одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что курфирстъ и безъ того достаточно награжденъ, а что касается его военной силы, то ея рѣшительно нечего опасаться. Не смотря на это курфирстъ получилъ все, чего желалъ, потому что въ пользу его предоставлена еще сумма въ 120,000 тал., обезпеченная на староствѣ драгинскомъ. Такимъ образомъ союзъ, на который и нельзя было разсчитывать съ достовѣрностью, обошелся весьма дорого. Въ оправданіе короля и его совѣтниковъ можно бы сказать, что такъ какъ Карлъ-Густавъ съ успѣхомъ сражался въ Даніи, то слѣдовало опасаться, что принудивъ датскаго короля къ заключенію мира, онъ появится въ Польшѣ съ новыми силами. Но какое же было

*) Нынѣ Бромбергъ.

ручательство, что въ семъ послѣднемъ случаѣ, курфирстъ исполнитъ условія договора.

Фридрихъ Вильгельмъ, обезпечивъ за собой столь значительныя преимущества, хотѣлъ, какъ можно скорѣе, склонить Карла-Густава къ заключенію мира, чтобы, не принося большихъ жертвъ, воспользоваться пріобрѣтеннымъ. Но тотъ, называя его измѣнникомъ, отказался принять предложенныя условія, въ которыхъ требовали совершеннаго его удаленія изъ границъ польской рѣчипосполитой. Это склонило курфирста заключить оборонительно-наступательный союзъ съ Леопольдомъ, вслѣдствіе котораго договаривающіяся стороны обязались помогать какъ Польшѣ, такъ и себѣ взаимно, пока не будетъ заключенъ миръ съ шведскимъ королемъ. Союзъ же долженъ былъ оставаться въ своей силѣ и въ теченіи слѣдующихъ 10 лѣтъ, на случай если бы кто нибудь подвергся войнѣ. Какъ курфирстъ, такъ и вѣнскій дворъ были довольны этимъ союзомъ, потому что послѣдній пріобрѣталъ такимъ образомъ вліяніе даже въ будущихъ переговорахъ о мирѣ.

Французскій посланникъ де л'Омбръ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы заставить принять посредничество его короля въ переговорахъ о мирѣ, былъ очень недоволенъ вліяніемъ вѣнскаго двора на польско-шведскія дѣла. Когда послѣ быдгощскаго договора съ курфирстомъ, Янъ-Казиміръ прибылъ въ Познань, де л'Омбръ всячески старался поколебать вѣру его въ искренность желаній вѣнскаго двора, и убѣдить, что намѣренія Франціи относительно успокоенія сѣвера, совершенно безкорыстны, а потому и король, и рѣчьпосполитая выиграютъ болѣе отъ французскаго посредничества. Въ этомъ ему много содѣйствовала Марія-Людвика, на мнѣнія которой король всегда полагался и которая, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь, умѣла лаской склонять къ своимъ видамъ находящихся при королѣ совѣтниковъ. Сверхъ того многія другія обстоятельства требовали заключенія мира со шведами. Царь Алексѣй Михайловичъ, надѣясь получить польскую корону, готовъ былъ, въ случаѣ надобности, объявить Швеціи войну и требовалъ признанія его теперь же королемъ. На Украинѣ смерть Хмѣль-

ницкаго (15 авг. 1657) давала возможность привести къ повиновенію козаковъ, такъ какъ Выговскій, опекунъ Юрія Хмѣльницкаго, котораго козаки передъ смертью отца провозгласили гетманомъ, былъ противникомъ Россіи и хотѣлъ возобновить прежнюю связь съ Польшей. Его необходимо было поддерживать. Прибавимъ еще, что войско требовало недоплаченнаго жалованья, что весь край, вслѣдствіе продолжительной войны, былъ страшно раззоренъ, что вспомогательныя австрійскія войска грабежемъ и дѣйствительно звѣрскимъ поведеніемъ приводили жителей въ отчаяніе, такъ что великополяне, принося жалобу королю, объявили прямо, что въ случаѣ если ихъ не удовлетворятъ, они возьмутся за оружіе. Всѣ эти обстоятельства говорили весьма краснорѣчиво въ пользу мира, а потому нельзя удивляться, что происки французскаго посланника и старанія королевы, укрѣпили во всѣхъ мысль принятія французскаго посредничества, даже помимо Леопольда, что было совершенно противно, только что заключенному съ нимъ договору. Когда, затѣмъ, находившіеся при королѣ сенаторы, объявили себя въ пользу этого посредничества, Янъ-Казиміръ уполномочилъ французскаго посланника узнать въ этомъ отношеніи желанія Карла-Густава и тотъ отправился немедленно въ Голштинію, гдѣ король шведскій находился съ своимъ войскомъ.

По прибытіи въ Варшаву (въ февр. 1658), король созвалъ сенатъ, для пріисканія мѣръ къ успокоенію страны и къ устраненію труднаго положенія. Австрійскій посланникъ Лисоли употреблялъ всѣ средства, лишь бы воспрепятствовать намѣреніямъ французскаго двора и дѣйствительно въ сенатѣ громко возставали противъ неблагодарности оказанной вѣнскому двору, когда вопреки заключенному съ нимъ союзу, начались какіе то таинственные переговоры о мирѣ. Такъ какъ оказывалось необходимымъ придумать средства къ порѣшенію всѣхъ общественныхъ дѣлъ и къ отысканію источниковъ какъ для уплаты жалованія войску, такъ и на новые наборы, если бы миръ не былъ возможнымъ, то всѣ сенаторы согласились, что созваніе сейма крайне необходимо. Король, слѣдуя совѣту сената, разослалъ универсалы, сзывающіе сеймики въ концѣ

апрѣля, и генеральный сеймъ въ Варшавѣ къ 10 іюля. Важность дѣлъ, которыя приходилось рѣшать на сеймѣ, привлекли многихъ въ столицу. Кромѣ того прибыли послы отъ войска съ просьбою объ уплатѣ жалованья. Въ то время находился также въ Варшавѣ московскій посланникъ, требовавшій титула короля польскаго для своего повелителя. Выговскій прислалъ Носача и другихъ, чтобы переговорить объ условіяхъ, на какихъ козаки должны войти снова въ составъ рѣчипосполитой.

Когда слѣдовало обдумывать самыя дѣйствительныя мѣры для спасенія отечества и отвращенія несчастій, совѣщанія сейма начались совершенно неумѣстнымъ преслѣдованіемъ аріанцевъ. Первый поводъ подалъ іезуитъ Корватъ, который въ рѣчи, произносимой обыкновенно при открытіи сеймовыхъ совѣщаній, возставалъ противъ иновѣрцевъ и приглашалъ короля и сеймъ истребить ихъ, какъ враговъ вѣры. Эти неумѣстныя слова должны были поразить всѣхъ иновѣрцевъ, а потому Любовицкій, маршалъ посольской палаты, долженъ былъ объяснить, что евангеликовъ и исповѣдующихъ восточную церковь, вѣрующихъ въ св. Троицу, нельзя считать врагами вѣры, подлежащими истребленію, что на это заслуживаютъ одни только аріанцы, тѣмъ болѣе что они соединялись со шведами противъ отечества. И дѣйствительно послѣдовало рѣшеніе сейма, предписывающее имъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, оставить земли рѣчипосполитой, если они не откажутся отъ своихъ заблужденій. Послѣ того сеймъ подтвердилъ договоры, заключенные съ Леопольдомъ, Даніею и курфирстомъ, установилъ въ Радомѣ казенный трибуналъ, наложилъ значительныя подати, назначилъ особую коммисію, долженствовавшую уплатить войску жалованье. Посланнику царя данъ отвѣтъ, что такъ какъ по случаю отъѣзда короля, вслѣдствіе распространяющейся моровой язвы, сеймъ не можетъ кончить своихъ совѣщаній, то и нѣтъ возможности рѣшить вопросъ о признаніи за нимъ короны; но что отправленные въ Вильно коммисары условятся съ повѣренными царя на счетъ того, что необходимо для сохраненія дружбы между сосѣдями. Наконецъ назначены ком-

мисары, которые должны были обдумать съ Выговскимъ средства успокоить козаковъ.

Маршалъ сейма, уѣзжая, поручилъ одному изъ придворныхъ, для напечатанія, подписанные депутатами рѣшенія сейма. Но придворный этотъ, намѣренно, вѣроятно по приказанію двора, въ особенности королевы, помѣстилъ въ нихъ и такія вещи, о которыхъ на сеймѣ и рѣчи не было. Между прочимъ тамъ было сказано, будто бы сеймъ разрѣшилъ королю продавать должности и даже дворянское достоинство, вслѣдствіе чего поднялся страшный шумъ, а отпечатанные фальшивые экземпляры рѣшеній сейма были сожжены рукой палача. По случаю этой поддѣлки, во многихъ мѣстахъ, подати не были уплачены. Это опять было причиной, что львовская коммисія не удовлетворила войска, которое, считая себя обманутымъ съ умысломъ, начало поговаривать, что оно прибѣгнетъ къ болѣе дѣйствительнытъ мѣрамъ.

Отправленнымъ въ Украину коммисарамъ—волынскому каштеляну Бѣнѣвскому и смоленскому Евлатевскому, предстояла трудная задача. Козаки раздѣлились на три партіи. Одни держали сторону Выговскаго и желали соединиться съ Польшей, если имъ будетъ обезпечена свобода и провинціональная автономія. Другіе, въ особенности заднѣпровскіе козаки, вслѣдствіе единства вѣры, тянули къ Россіи. Третья наконецъ партія мечтала о совершенно независимомъ козачествѣ, но не знала какъ приняться за осуществленіе этого намѣренія. Одна часть этой партіи желала соединенія съ Россіей, другая съ Польшей. Обѣ соглашались, что такъ какъ нѣтъ возможности теперь же осуществить ихъ мысль, то слѣдуетъ выжидать и мнимой покорностью предупреждать бѣдствіе. При такомъ положеніи дѣлъ, когда для усмиренія козачества не было достаточной вооруженной силы, а и самое сильное войско не привело бы ни къ чему, коммисары, по прибытіи въ Гадячъ, должны были согласиться на такія условія, которыя бы не только утвердили въ вѣрности Выговскаго и его сторонниковъ, но привлекли бы на сторону Польши и остальныхъ. Переговоры ихъ съ Выговскимъ и козацкими старшинами (продолжавшіеся съ 8 по 16 сент.)

кончились гадяцкимъ договоромъ, которымъ было постановлено: воеводства кіевское, черниговское и брацлавское, составляя особенную провинцію подъ названіемъ Руси, будутъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ коронѣ, какъ и Литва; исповѣдующіе православную вѣру будутъ пользоваться безусловно религіозной свободою во всей Польшѣ; католики не будутъ присвоивать себѣ судебной власти надъ православнымъ духовенствомъ; въ трехъ сказанныхъ воеводствахъ унія будетъ уничтожена и имѣнія отнятыя у православныхъ церквей, будутъ имъ возвращены; кіевскій митрополитъ съ 6-ю владыками будетъ засѣдать въ сенатѣ, латинское же епископство изъ Кіева перевести въ Хвастовъ; будутъ открыты православные университеты, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Литвѣ, съ такими же правами, какъ и краковскій, но кальвинисты, протестанты и аріанцы не могутъ въ нихъ быть ни учителями, ни учениками, за то въ округѣ кіевскаго университета будутъ уничтожены іезуитскія школы; король объявитъ совершенное прощеніе козакамъ; прежніе владѣльцы въ Украинѣ получатъ обратно отнятыя у нихъ имѣнія; кіевскимъ воеводою будетъ всегда шляхтичъ православнаго исповѣданія, воеводы же брацлавскій и черниговскій будутъ по очереди католики и православные; Русь будетъ имѣть собственнаго маршала, канцлера и подскарбія; всѣ распоряженія въ границахъ трехъ воеводствъ будутъ выходить изъ русской канцеляріи; что же касается провославныхъ церквей, то дѣятельность канцеляріи будетъ распространяться на Волынь, Подолію и червонную Русь; Русь будетъ имѣть собственное судопроизводство и право чеканить монету; реестровыхъ козаковъ будетъ 30,000, кромѣ того 10,000 регулярнаго войска, содержимаго на счетъ трехъ воеводствъ; вся эта вооруженная сила будетъ находиться въ распоряженіи гетмана, котораго король назначитъ изъ числа 4 представленныхъ ему кандидатовъ; если бы польское войско было выслано въ Украину, то оно поступаетъ въ распоряженіе козацкаго гетмана; козаки свободны отъ податей и пользуются правомъ торговли, охоты и рыбной ловли; король пожалуетъ шляхетское достоинство 100 козакамъ по представленію гетмана;

Польша, Литва и Русь будутъ составлять одну нераздѣльную рѣчьпосполитую и потому козаки прекращаютъ всякіе союзы съ посторонними. Въ прибавочныхъ секретныхъ пунктахъ представлены козацкимъ старшинамъ обширныя права. Договоръ этотъ должны были подтвердить король и сеймъ.

Во время гадячской сдѣлки, переговоры со шведами и виленская коммисія, долженствовавшая рѣшить споръ съ царемъ, кончились ничѣмъ. Первые оказались невозможными, потому что Карлъ-Густавъ потребовалъ не только, чтобы Янъ-Казиміръ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, а рѣчьпосполитая отдала ему всю Ливонію, но домогался еще 4,000,000 тал. за военныя издержки. Требованія Карла-Густава были потому столь преувеличены, что принудивъ датскаго короля принять весьма выгодныя условія и заключивъ съ нимъ, при посредничествѣ Франціи, миръ въ Рёскильдѣ, онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ Польши. Съ царемъ не было также возможности покончить дѣла, потому что, не обращая вниманія на принадлежащее народу право избирать короля, онъ не хотѣлъ подчиниться этому выбору. Какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ, приходилось рѣшать споръ съ оружіемъ въ рукахъ, тогда какъ въ самой странѣ жалобы на австрійскія войска постоянно усиливались, а въ польскихъ войскахъ поднялся ропотъ, потому что лембергская коммисія кончилась ничѣмъ. Въ Украинѣ слѣдовало также поддерживать Выговскаго, который долженъ былъ бороться съ московцами и заднѣпровскими козаками.

Противъ Швеціи, правда, борьба продолжалась въ Пруссіи, но безъ значительнаго успѣха. Послѣ постоянныхъ проволочекъ, австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала де-Сушъ, приступили наконецъ (въ іюлѣ) къ осадѣ Торна. Въ помощь къ нимъ отправились польскіе полки съ Гродзицкимъ и Любомирскимъ, а и самъ король прибылъ въ лагерь съ женой и дворомъ въ сентябрѣ. Когда же при содѣйствіи Яна-Казиміра, Леопольда и курфирста бранденбургскаго удалось склонить короля датскаго объявить вторую войну Швеціи, тѣмъ болѣе, что Карлъ-Густавъ не исполнилъ условій мира, тогда курфирстъ, во главѣ 18,000 войска, отпра-

вился въ Данію, а Янъ-Казиміръ послалъ туда 6,000 польскаго войска подъ начальствомъ Чарнецкаго и Опалинскаго. Въ Украину онъ выслалъ великаго короннаго гетмана Потоцкаго, а оборону Литвы поручилъ двумъ литовскимъ гетманамъ Сапѣгѣ и Госѣвскому. Чарнецкій и польское войско покрылись славой во время датской экспедиціи, какъ при взятіи острова Альзена, такъ и въ другихъ встрѣчахъ съ врагомъ.

Пока Чарнецкій сражался со шведеми, Янъ-Казиміръ, съ 20-ти тысячнымъ войскомъ, осаждалъ Торнъ. Желая же предохранить городъ отъ истребленія и остановить безполезное кровопролитіе, онъ тотчасъ по прибытіи въ лагерь, пригласилъ горожанъ сдаться. Послѣдніе отвѣтили, что вопреки желанію шведскаго гарнизона, они не могутъ входить въ переговоры. Въ Торнѣ гарнизономъ командовалъ Белке, а шведскимъ начальникомъ города былъ Оксенштіернъ. Оба хотѣли защищаться до послѣдней крайности, но когда въ постоянныхъ схваткахъ часть гарнизона была перебита, когда началъ угрожать голодъ и не было надежды на подкрѣпленіе, осаждающіе же подвигались все дальше и дальше,— начались переговоры. Гарнизону и военачальникамъ дозволено удалиться въ Мальборгъ, а всѣмъ сторонникамъ Швеціи обѣщано прощеніе. Войска заняли Торнъ 29 дек. и въ немъ оставленъ польскій гарнизонъ подъ командою Гродзицкаго. Горожане вѣроятно могли бы и ранѣе уговорить шведовъ къ сдачѣ, еслибъ не опасеніе, что король помѣститъ въ городѣ австрійскій гарнизонъ, котораго опасались болѣе чумы. Потерю Торна Швеція вознаградила себѣ Курляндіей, овладѣвъ ею обманомъ. Князь же ея, польскій ленникъ, взятъ въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ.

Занявъ Торнъ, Янъ-Казиміръ хотѣлъ, не смотря на зимнее время, продолжать войну со шведами, пока не заставитъ ихъ удалиться изъ Пруссіи и потому приказалъ собираться короннымъ полкамъ въ этой странѣ. Онъ надѣялся, покончивъ съ однимъ врагомъ, обратить всѣ силы противъ Россіи, тѣмъ болѣе, что еще въ лагерѣ подъ Торномъ послы козаковъ присягнули ему на вѣрность. Но коронное войско, оскорбленное тѣмъ, что люблинская

коммисія, по приведенію въ извѣстность недоимокъ слѣдующихъ въ уплату полкамъ, не приступила къ выдачѣ жалованья по недостатку въ казначействѣ денегъ, — завязало конфедерацію, избравъ маршаломъ ея Яскульскаго. Этимъ поступкомъ оно отказалось отъ повиновенія гетманамъ. Тщетны были старанія Любомирскаго, который тотчасъ прибылъ лично въ Люблинъ и умолялъ повѣренныхъ войска не подвергать отечество опасности подобнымъ раздоромъ. Войско объясняло свое бѣдственное положеніе и ни за что не соглашалось отстать отъ союза. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ рѣшено роздать по полкамъ находящіяся на лицо въ казначействѣ деньги, объ уплатѣ же остальнаго жалованья долженъ былъ позаботиться имѣющій собраться сеймъ. Казенную коммисію обѣщали перевести въ Львовъ, войско же должно было оставаться въ союзѣ до полученія всего жалованья. Сконфедерованное войско постановило самыя строгія наказанія за проступки, направленные противъ дисциплины, за самоуправство, притѣсненіе крестьянъ, грабежъ и т. п.

По возвращеніи изъ Торна (18 янв. 1659) король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (17 марта). И на этотъ разъ Корватъ, произнеся фанатическую рѣчь противъ иновѣрцевъ, вызвалъ новое преслѣдованіе аріанцевъ, когда слѣдовало думать только объ умиротвореніи отечества. Предписанный уставомъ шестинедѣльный срокъ былъ недостаточенъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ. Пришлось продлить сеймъ на 3 мѣсяца, тѣмъ болѣе, когда получено было извѣстіе, что три русскія арміи, каждая въ 30,000 человѣкъ, направляются противъ рѣчипосполитой. Одна изъ нихъ подъ начальствомъ Хованскаго вступила въ Литву, взяла въ плѣнъ Госѣвскаго*) и заняла Вильно, Троки, Брестъ и другіе города. Вторая

*) Мы находимъ умѣстнымъ заявить здѣсь, что считая Госѣвскаго личностію, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ, мы воспользовались представившемся случаемъ, и сгруппированные нами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, малоизвѣстные матеріалы о пятилѣтнемъ пребываніи Госѣвскаго въ Москвѣ, надѣемся, въ непродолжительномъ времени, опубликовать въ видѣ исторической монографіи. *Прим. перевод.*

подъ командой Трубецкаго, начала наступательныя дѣйствія противъ Выговскаго, третья же подъ предводительствомъ Ромодановскаго, составляла резервъ, чтобы въ случаѣ надобности подкрѣпить одну или другую. Сверхъ того Вюрцъ вторгнулся черезъ Поморье въ Пруссію, занялъ многіе города и угрожалъ Данцигу. Многія важныя внутреннія дѣла требовали также скораго и основательнаго рѣшенія. Не только нужно было пріискать средства для успокоенія войска и козаковъ, но и отвратить всеобщую нищету въ краѣ, происходившую, частью, вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ, частью же, вслѣдствіе безмѣрнаго умноженія мелкой монеты самаго низкаго достоинства. Во время прошлогодняго сейма разрѣшено было италіянцу Боратини отчеканить на 200,000 зл. мѣдныхъ шелеговъ *). Между тѣмъ имъ было выпущено слишкомъ на 2,000,000. По поданной жалобѣ сеймъ назначилъ слѣдствіе. Но все дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Боратини, имѣя сильную поддержку при дворѣ, показалъ подъ присягою вмѣстѣ съ 18 свидѣтелями, что онъ не отчеканилъ ни одного шелега сверхъ разрѣшеннаго ему количества. Всю вину свалили на фальшивыхъ монетчиковъ, которыхъ впрочемъ не наказали, а край страдалъ, буквально залитый ничего не стоющею монетою, тогда какъ италіянскіе арендаторы монетнаго двора наживали страшные барыши, дѣлясь ими съ многими придворными и съ назначенными отъ сейма ревизорами.

Самымъ важнымъ дѣломъ было, безъ сомнѣнія, успокоеніе войска, котораго послы прибыли на сеймъ. Приглашенные на засѣданіе, они смѣло и откровенно выразили требованія товарищей, которые, перенося труды, неудобства и всѣ тяжести войны, подвергая постоянно опасности свое здоровье и жизнь, не могутъ получить кровью заслуженнаго жалованья и, обманываемые постоянно пустыми надеждами, дошли до совершенной нищеты. Они упрекали дворъ, что назначенныя рѣчьюпосполитою подати въ пользу войска, об-

---

*) Шелегъ, шиллингъ, самая мелкая мѣдная монета. Три шелега составляютъ одинъ польскій грошъ, то есть $1/2$ к. сереб. *Прим. перевод.*

ращаются на другія издержки, что управленіе казначействомъ самое неблагонадежное, что придворные льстецы загребаютъ жаръ чужими руками, ибо король, при раздачѣ староствъ и кадуковыхъ имѣній*), не обращая почти никогда вниманія на военныхъ, награждаетъ ими придворныхъ. Поэтому они требовали, чтобы сеймъ придумалъ средства для уплаты войску жалованья, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, оно принуждено будетъ само себѣ пособить и добиться оружіемъ того, что ему слѣдуетъ. Отвѣтъ отъ имени короля былъ также безцеремонный. Сконфедерованныхъ упрекали, что они для денегъ жертвуютъ благомъ отечества и въ рѣшительную минуту, когда ему угрожаютъ отовсюду, подвергаютъ его величайшей опасности. Нѣкоторые изъ сторонниковъ двора были того мнѣнія, что слѣдуетъ вызвать изъ Даніи Чарнецкаго, и принудить агитаторовъ оружіемъ къ повиновенію. Но мнѣніе умѣренныхъ одержало верхъ. Они совѣтовали назначить коммисію для переговоровъ съ войскомъ объ уплатѣ ему жалованья изъ податей, которыя сеймъ вновь опредѣлитъ. Марія-Людвика старалась, по возможности, успокоить пословъ войска, обѣщая, что впредь, при раздачѣ староствъ, король не преминетъ награждать военныхъ.

Послѣ этого необходимо было кончить дѣло съ козаками, которыхъ послы также присутствовали на сеймѣ. Условія гадяцкаго договора нашли многихъ противниковъ, опасавшихся, что онъ подорветъ основанія рѣчипосполитой. Духовные сенаторы не хотѣли слышать о допущеніи въ сенатъ митрополита и епископовъ восточной церкви, а уничтоженіе уніи называли насиліемъ, на которое рѣчьпосполитая согласиться не можетъ. Тщетны были представленія коммисаровъ, подписавшихъ гадяцкій договоръ, что сеймъ долженъ утвердить его въ цѣлости. Нѣкоторые пункты были вычеркнуты и утверждено только остальное, на что, разумѣется, козацкіе послы не преминули жаловаться. Желая какъ нибудь удовлетворить козаковъ, многимъ изъ старшинъ пожаловано шляхетское до-

---

*) Имѣніе, оставшееся безъ наслѣдниковъ, которое король имѣлъ право раздавать по усмотрѣнію. *Прим. перевод.*

стоинство, чтобы ихъ тѣмъ сильнѣе привязать къ рѣчипосполитой. Шагъ этотъ однако не имѣлъ ожидаемыхъ благотворныхъ послѣдствій. Напротивъ того, онъ только раздражилъ козацкій простой народъ, опасавшійся, чтобы дворяне-старшины не наложили на него ига рабства. Впрочемъ даже и послы, удостоенные дворянства, по выходѣ изъ сеймовой залы, подтрунивали надъ своимъ новымъ званіемъ, спрашивая другъ друга, больше ли теперь ихъ тѣнь или нѣтъ.

Грустныя послѣдствія войны, подъ бременемъ которыхъ изнемогала рѣчьпосполитая, вызывали всеобщее желаніе мира. Затруднялись только, съ кѣмъ прежде начать переговоры, съ царемъ ли русскимъ или королемъ шведскимъ. Послѣ продолжительныхъ преній назначены коммисары съ обширнымъ полномочіемъ для переговоровъ съ однимъ и другимъ. Что касается переговоровъ со шведами, никакъ не могли согласиться, на счетъ посредничества. Марія-Людвика требовала непремѣнно посредничества Франціи, тогда какъ другіе утверждали, что дружественное вмѣшательство вѣнскаго двора будетъ гораздо выгоднѣе для рѣчипосполитой. Посланники французскій и австрійскій прибѣгали къ увѣщаніямъ, подкупу, даже къ угрозамъ, лишь бы получить большинство голосовъ, что сообщало засѣданію бурный характеръ. Наконецъ сеймъ объявилъ себя въ пользу посредничества Франціи, съ тѣмъ однако, что въ переговорахъ примутъ участіе повѣренные Австріи и курфирста. Такъ какъ миръ со шведами былъ весьма правдоподобенъ, то всѣ настаивали, чтобы король пригласилъ вѣнскій дворъ отозвать изъ Польши свои войска, которыя притѣсняя край, до того расхозяйничались, что офицеры и солдаты, выписавъ свои семейства, содержали ихъ на счетъ жителей. Ходатайство короля было немедленно уважено, и нельзя описать всеобщей радости, когда изъ Кракова и другихъ мѣстъ, саранча эта отправилась (въ окт.) обратно домой.

Начатые переговоры о мирѣ не прерывали борьбы, которая кипѣла въ разныхъ мѣстахъ. Выговскій, командуя 16,000 козаковъ, 30,000 татаръ и 3,000 польскаго войска, двинулся про-

тивъ Трубецкаго, который занялъ укрѣпленный лагерь близъ Конотопа, имѣя въ своемъ распоряженіи, вмѣстѣ съ Пожарскимъ, и козаками русской партіи около 80,000 человѣкъ. Въ первыхъ стычкахъ съ татарами русскіе одержали перевѣсъ, вслѣдствіе чего Трубецкой началъ наступательное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что многіе козаки, оставляя знамена Выговскаго, переходили къ нему. Тогда Гуляницкій, командовавшій авангардомъ Выговскаго, разрушилъ мостъ на Деснѣ и построивъ плотину, затопилъ русскій лагерь и всѣ баттареи. Пользуясь этимъ Выговскій далъ сраженіе (17 іюля) и послѣ незначительнаго сопротивленія, одержалъ побѣду. Трубецкой погибъ съ оружіемъ въ рукахъ*), а козаки перешли на сторону Выговскаго. Пожарскій, стоявшій вблизи, не могъ помочь Трубецкому и настигнутый татарами былъ разбитъ. Выговскій вмѣсто того, чтобы воспользоваться побѣдой, повернулъ къ Кіеву, желая имъ завладѣть, татары же направились въ глубь Россіи. Но Кіевъ, имѣя многочисленный гарнизонъ, хорошо вооруженный, могъ долго защищаться. Осада обратилась въ родъ блокады, а когда козаки начали опять волноваться и провозгласили Юрія Хмѣльницкнго гетманомъ, Выговскій принужденъ былъ отступить отъ Кіева. Нерасположеніе къ нему до того усилилось, что нѣкоторыхъ его пословъ, возвратившихся изъ Варшавы, козаки изрубили въ куски и Выговскій не избѣжалъ бы подобной участи, если бы не окружавшіе его польскіе полки. Вскорѣ пламя возстанія охватило всю Украину. Юрій Хмѣльницкій, провозглашенный вездѣ гетманомъ, перетянулъ почти всѣхъ козаковъ на свою сторону, за исключеніемъ малой горсти, оставшейся при Выговскомъ въ Барѣ. Янъ-Казиміръ, желая умилостивить Хмѣльницкаго, отправилъ къ нему посольство, но онъ, не давая рѣшительнаго отвѣта, велъ секретные пероговоры съ Россіей, пока не сбросилъ маски. Когда Шереметевъ прибылъ въ Кіевъ съ новымъ войскомъ,

---

*) Не знаемъ откуда г. Шмиттъ почерпнулъ это свѣдѣніе. Онъ вѣроятно смѣшалъ князя Трубецкаго съ княземъ Львовымъ, который дѣйствительно во время конотопскаго сраженія былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ и умеръ.

Прим. перевод.

Юрій Хмѣльницкій признаалъ надъ собою верховную власть царя, а коронному гетману Потоцкому и Выговскому приказалъ удалиться изъ Украины. Онъ прибѣгнулъ даже къ оружію, преслѣдуя вездѣ поляковъ.

Когда это происходило въ Украйнѣ, русскіе занимали Литву почти безпрепятственно, потому что послѣ пораженія Госѣвскаго, у Сапѣги оставалось слишкомъ мало войска, чтобы ихъ остановить. За то поляки отняли у шведовъ Митаву и другіе города Курляндіи. Всѣ силы однако были обращены противъ Пруссіи, откуда Янъ-Казиміръ хотѣлъ совершенно удалить шведовъ, и потомъ уже со всѣми силами направиться противъ Россіи. Поэтому онъ не далъ подкрѣпленій Выговскому, чтобы не ослаблять войска, осаждавшаго подъ начальствомъ Любомирскаго, Мальборгъ въ Пруссіи. Крѣпость эту защищалъ упорно Лиліенстрёмъ, но когда коронныя войска заняли крѣпость Гауптъ, потомъ Тчево и другіе города, въ рукахъ шведовъ остался Мальборгъ и Эльбингъ. Не смотря на эти неудачи, Карлъ-Густавъ не изъявлялъ особенной готовности къ миру, придумывая разныя препятствія, хотя французскіе уполномоченные работали весьма усердно. Только, наконецъ, когда Англія отказалась помогать ему и послѣ нанесеннаго ему пораженія при Нидборгѣ (25 нояб.), Карлъ-Густавъ сдѣлался сговорчивѣе.

Янъ-Казиміръ, остававшійся съ Маріей-Людвикой послѣ сейма въ Познани, гдѣ онъ принялъ вызваннаго изъ Даніи Чарнецкаго и отправилъ его тотчасъ въ Литву, — переѣхалъ въ Данцигъ (въ дек.), какъ только шведскіе повѣренные согласились открыть переговоры въ Оливѣ, близь Данцига. Послѣ открытія переговоровъ (5 янв. 1660) все шло чрезвычайно медленно, потому что не было возможности примирить требованій договаривавшихся сторонъ. Впрочемъ повѣренные Австріи и курфирста дѣлали болѣе затрудненій, чѣмъ повѣренные Польши и Швеціи. Усердіе однако французскаго посланника и всеобщее желаніе мира, со стороны поляковъ, одолѣли всѣ препятствія. Кромѣ того смерть Карла-Густава (23 февр.) облегчила многое, потому что регентша, назначенная по случаю малолѣтства наслѣдника престола, предписала швед-

скимъ коммисарамъ, непремѣнно заключить миръ. Не смотря на то, прошло много времени, пока подписаны были условія (3 мая). Янъ-Казиміръ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, сохраняя однако, въ сношеніяхъ со всѣми государствами, кромѣ Швеціи, гербъ и титулъ наслѣдственнаго короля шведскаго. Рѣчьпосполитая уступила Швеціи Ливонію, по ту сторону Двины, Швеція же отказалась отъ своихъ правъ на Курляндію и ту часть Ливоніи, которая принадлежала Польшѣ при началѣ войны. Послѣ ратификаціи мира, Швеція должна была вывести свои войска изъ прусскихъ крѣпостей, и возвратить архивы, библіотеки, церковную утварь и прочіе предметы, вывезенные изъ Польши. Плѣнные должны были быть возвращены и объявлено прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто во время войны принадлежалъ къ одной или другой партіи. Обезпечена свобода совѣсти для католиковъ въ части Ливоніи, переданной Швеціи, а для иновѣрцевъ въ Пруссіи, шведы требовали отмѣны постановленія сейма, относительно аріанцевъ, но требованіе это устранено. Въ этотъ миръ включены договоры велявскій и бромбергскій съ курфирстомъ, поручительство же во всемъ принялъ на себя французскій король *).

Когда переговоры были кончены, Янъ-Казиміръ поспѣшилъ въ Варшаву и, пригласивъ назначенныхъ сеймомъ коммисаровъ (16 іюня), подтвердилъ вмѣстѣ съ ними всѣ условія мира. Шведы выступили изъ земель рѣчипосполитой. Были споры съ курфирстомъ о представленіи въ залогъ Эльбинга. Король желая принудить прусскіе чины уплатить закладную сумму, а курфирста-уменьшить ее, медлилъ исполненіемъ этого пункта бромбергскаго договора. Переговоры по этому предмету заняли не мало времени.

Во время оливскихъ совѣщаній, хотѣли условиться и съ русскимъ царемъ о мирѣ. Но Россія не принимала никакихъ предложеній и по неволѣ разрѣшеніе вопроса слѣдовало предоставить оружію. Чарнецкій, отправленный въ Литву, далъ отдыхъ своимъ

---

*) Олива, мѣсто гдѣ былъ заключенъ миръ, великолѣпное аббатство, въ 7 верстахъ отъ Данцига, основанное въ 1170 г. Говорятъ, что Янъ-Казиміръ громко плакалъ, подписывая условія оливскаго мира. *Прим. перевод.*

полкамъ въ теченіи зимы и весной началъ военныя дѣйствія, вмѣстѣ съ Сапѣгой. Соединенное ихъ войско едва составляло 9,000 человѣкъ. Не смотря на это, они рѣшились придти въ помощь ляховичамъ, которые Хованскій осаждалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ съ 30,000 корпусомъ. Не ожидая, въ укрѣпленномъ лагерѣ, прибытія поляковъ, онъ отправился къ нимъ на встрѣчу и вступилъ въ бой у Полонки (27 іюня), гдѣ потерпѣлъ совершенное пораженіе. До 15,000 человѣкъ осталось на мѣстѣ, кромѣ того Хованскій потерялъ 40 пушекъ, военную казну и обозъ, и принужденъ былъ отступить къ Смоленску *). Чарнецкій хотѣлъ продолжать преслѣдованіе, но Сапѣга воспротивился этому, такъ какъ нельзя было оставить Литвы совершенно открытою. Рѣшено было начать осаду Могилева, который защищалъ Морозовъ. Не имѣя ни осадныхъ орудій, ни достаточно пѣхоты, польскіе военачальники потеряли только напрасно время и людей, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что Долгорукій идетъ на помощь Морозову. Польскія войска обратились противъ него и (13 окт.) начали осаду укрѣпленнаго его лагеря, имѣя намѣреніе голодомъ принудить сдаться. Осада продолжалась безуспѣшно около мѣсяца, когда пришло извѣстіе, что съ одной стороны Хованскій, собравъ свой корпусъ, опустошаетъ Литву, а съ другой — Золотаренко идетъ на помощь Долгорукому. Послѣднее извѣстіе оказалось ложнымъ, но вѣсти о Хованскомъ вполнѣ подтвердились. Осаду бросили и раздѣливъ войско на два отряда, чтобы легче прокормить его въ дорогѣ, соединились подъ самымъ русскимъ лагеремъ. Хованскій ночью отошелъ къ Полоцку. Поляки отдохнули въ его лагерѣ нѣсколько дней, и соединившись съ литовскимъ ополченіемъ, направились къ Полоцку, начавъ правильную его осаду.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ, Украина также не была спокойна. Когда Юрій Хмѣльницкій перешелъ открыто на сторону Россіи, царь послалъ къ нему въ помощь свѣжее войско. Ше-

---

*) Полонка или Волонъ, деревня въ 35 верстахъ отъ Слонима.

Прим. перевод.

реметевъ, командовавшій этимъ отрядомъ, хотѣлъ воспользоваться оливскими переговорами и идти прямо на Краковъ, надѣясь, вслѣдствіе волненій въ войскѣ, легко одержать побѣду. Онъ двинулся (лѣтомъ 1660) впередъ съ своимъ корпусомъ и съ 20,000 козаковъ, а Хмѣльницкій долженъ былъ слѣдовать за нимъ съ 40,000 человѣкъ. Начало кампаніи было вполнѣ благопріятно для русскихъ. Ни Выговскій, ни гетманъ коронный Потоцкій не могли остановить такой силы. Янъ-Казиміръ созвалъ совѣтъ сената для обсужденія средствъ къ веденію войны. Любомирскій полагалъ, что прежде всего слѣдуетъ удовлетворить войско, требующее жалованья и потому не покидающее конфедераціи, причемъ онъ рѣзко упрекалъ тѣхъ, кто дурно управляетъ финансами, расходуетъ неизвѣстно какъ взимаемые налоги, вмѣсто того, чтобы ихъ употребить на жалованье войску. Въ совѣтъ пригласили присутствующихъ въ Варшавѣ пословъ войска, пріохотили ихъ къ походу противъ Россіи выдачею всѣхъ находившихся въ казначействѣ на лицо денегъ и обѣщали доставить остальное жалованье съ тѣхъ воеводствъ, которыя еще не внесли подати. Кромѣ того, король обѣщалъ имѣть въ виду заслуженныхъ воиновъ при раздачѣ королевскихъ имѣній.

Успокоенное на время войско, начало собираться въ Волыни, куда болѣе богатые вельможи отправляли также свои придворныя дружины. Кромѣ того, пришло 20,000 татаръ подъ начальствомъ Нуредина, брата хана. Великій гетманъ Потоцкій, по случаю болѣзни, передалъ начальство Любомирскому. 17 сент. начато движеніе противъ Шереметева, стоявшаго у Любара, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Постоянными нападеніями, поляки причиняли ему большую потерю въ людяхъ, такъ что Шереметевъ перешелъ къ Чуднову, и укрѣпился тамъ, ожидая прибытія Хмѣльницкаго. Поляки окружили его и завладѣвъ замкомъ, наносили страшный вредъ. Когда получено было извѣстіе, что Хмѣльницкій дѣйствительно приближается, тогда Потоцкій съ частью войска остался на мѣстѣ, а Любомирскій двинулся съ остальными противъ Хмѣльницкаго, который расположился лагеремъ у Слободищъ, въ 5 миляхъ отъ Чуднова. Въ форсированнномъ походѣ, Любомирскій разогналъ аван-

гардъ козаковъ, оберегавшій переправу у Піонтка, а съ разсвѣтомъ появился въ виду непріятеля. Пользуясь его первымъ замѣшательствомъ, онъ повелъ свои полки въ дѣло, которое, не смотря на упорную защиту козаковъ, кончилось совершенной побѣдой. Во время сраженія въ особенности отличился правый флангъ, которымъ командовалъ Янъ Собѣскій. Онъ первый вломился въ козацкій лагерь. Ночь прервала бой. Нурединъ выступилъ въ качествѣ посредника, ручаясь за вѣрность козаковъ. Начались переговоры, веденіе которыхъ Любомирскій поручилъ Нуредину и назначеннымъ коммисарамъ, самъ же возвратился къ Чуднову. Онъ прибылъ во время. Шереметевъ слыша выстрѣлы подъ Слободищами, двинулся по направленію къ нимъ для соединенія съ Хмѣльницкимъ. Феликсъ Потоцкій, сынъ великаго гетмана, настигнулъ его и завязалъ перестрѣлку. Въ эту минуту появился Любомирскій и ударилъ съ противоположной стороны. Послѣ трехчасоваго боя, поляки взяли часть обоза и 17 орудій. Ночью Шереметевъ успѣлъ укрѣпить свою позицію.

Между тѣмъ заключено условіе съ козаками. Хмѣльницкій и старшины должны были присягнуть на вѣрность королю и рѣчипосполитой, прервать сношенія съ Россіей, отозвать козаковъ отъ Шереметева и служить противъ общихъ враговъ Польши и Малороссіи. За то рѣчьпосполитая принимала гядячскій договоръ и утверждала Хмѣльницкаго гетманомъ. Когда все было кончено, Хмѣльницкій прибылъ въ польскій лагерь и послалъ приказаніе козакамъ оставить русскій лагерь. Шереметевъ, приведенный этимъ въ крайность, долженъ былъ сдаться, отказываясь отъ покровительства надъ козаками и возвращая крѣпости, занятыя русскимъ войскомъ. За то ему дозволено свободно выйти изъ Украины. Когда Шереметевъ подписывалъ эти условія, Нурединъ потребовалъ выдачи всѣхъ козаковъ, находившихся въ русскомъ лагерѣ. Татары бросились на нихъ. Нѣкоторые были умерщвлены, а остальные взяты въ плѣнъ *).

---

*) По другимъ источникамъ это происшествіе разсказывается иначе. Когда Хмѣльницкій послалъ козакамъ приказаніе оставить русскій лагерь, полков-

Гетманы хотѣли добросовѣстно сдержать условія договора и опасаясь какого нибудь покушенія со стороны татаръ, намѣревались поставить польскую стражъ у русскаго лагеря, Нуредина же успокоить какимъ нибудь подаркомъ. Но тщетны были всѣ эти старанія. Нурединъ угрожалъ, что потребуетъ въ помощь 30,000 своихъ, если гетманы вздумаютъ ему мѣшать, и не обращая вниманіа на ихъ просьбы, бросился на безоружныхъ русскихъ, перебилъ ихъ или взялъ въ плѣнъ, отнялъ добычу, орудія и знамена. На возвратномъ пути, послѣ столь тяжелой кампаніи, польское войско перенесло много лишеній, въ чемъ преимущественно обвиняли гетмановъ, которые, не распорядившись предварительно на счетъ зимнихъ квартиръ для войска, оставляли полки на произволъ судьбы. Чтобы поддержать миръ въ Украинѣ, вскорѣ послѣ цудновскаго договора прибылъ Чарнецкій въ Кіевъ, и не позволяя нигдѣ собираться сторонникамъ Россіи, препятствовалъ возобновленію движенія.

Приходилось однако думать о дальнѣйшемъ веденіи войны съ Россіею, тѣмъ болѣе что ханъ татарскій, приглашая короля (въ янв. 1661) къ походу противъ Москвы, обѣщалъ привести весной 100,000 человѣкъ. Но неудовольствіе войска, которое не могло дождаться своего жалованья, притомъ намѣреніе Яна-Казиміра, или вѣрнѣе Маріи-Людвики, избрать наслѣдника престола, а равно и мнимое желаніе царя заключить миръ, были причиною, что до открытія кампаніи пришлось созвать сеймъ. Королева настаивала на выборѣ наслѣдника престола еще при жизни Яна-Казиміра, потому что только этимъ путемъ она надѣялась обезпечить польскую корону за принцемъ Генрихомъ д'Енгіенъ, сыномъ принца Конде и ея племянницы. Эта мысль не переставала занимать ее, а потому она старалась еще въ 1659 г. вывѣдать ловко

никъ Цецура обѣщался исполнить это не иначе, какъ убѣдившись въ присутствіи гетмана въ польскомъ станѣ. Хмѣльницкій выѣхалъ на холмъ. Тогда Цецура бросился къ нему съ 2,000 козаковъ. Татары, воображая, что это вылазка, начали рѣзать козаковъ, пока поляки не успѣли ихъ защитить. Около 200 козаковъ пало жертвой этого недоразумѣнія. *Прим. перевод.*

у нѣкоторыхъ вельможъ, осуществима ли она или нѣтъ. Подарки и обѣщанія соблазняли многихъ, другими же руководило убѣжденіе, что выборъ наслѣдника престола при жизни короля, будетъ полезенъ для рѣчипосполитой, потому что охранитъ ее отъ безпорядковъ междуцарствія, всегда опасныхъ. Даже Юрій Любомирскій одобрялъ мысль двора. Янъ-Казиміръ сдѣлалъ на этотъ счетъ публично предложеніе только въ совѣтѣ сената, собранномъ (10 февр. 1661) въ Ченстоховѣ. Многіе какъ свѣтскіе, такъ и духовные сенаторы объявили себя въ пользу его. Сторонники двора отправлены были во многія воеводства, чтобы склонить ихъ къ тому же, а король прибылъ на съѣздъ шляхты сандомирской въ Кѣльцахъ, и личнымъ своимъ вліяніемъ склонилъ многихъ на свою сторону. Приготовивъ такимъ образомъ умы, король хотѣлъ открыть свою мысль народу на сеймикахъ посредствомъ универсаловъ, и на сеймѣ — въ предложеніи отъ имени трона.

Сеймъ собрался (1 мая) въ Варшавѣ весьма многочисленный. Первую бурю вызвалъ опять сеймовый проповѣдникъ іезуитъ Корватъ, фанатическою рѣчью противъ иновѣрцевъ. Вслѣдствіе этого подтверждены постановленія прежнихъ сеймовъ относительно аріанцевъ, а Петровскій, посолъ мазовецкій, придрался къ Богуславу Радзивиллу послу Литвы, за то, что онъ у себя на квартирѣ совершаетъ богослуженіе по кальвинскому обряду, тогда какъ это воспрещено мазовецкимъ статутомъ. Когда же познанскій епископъ прибавилъ еще, что подобное богослуженіе противно не только мазовецкому статуту, но и коронnымъ постановленіямъ, что вся корона и всемірная церковь подвергаются обидѣ и униженію, ежели въ католической землѣ, еретическое исповѣданіе можетъ нагло совершать свои обряды даже на глазахъ короля,—въ залѣ сдѣлался страшный шумъ. Радзивиллъ хотѣлъ говорить, но его не допустили. Одни кричали, что реформату нельзя предоставлять дѣйствительнаго голоса во время сейма, другіе защищали Радзивилла, а другой посолъ Литвы хотѣлъ даже выйти изъ залы, протестуя противъ нанесенной его товарищу обиды. Великій канцлеръ литовскій Пацъ усмирилъ бурю и король потребовалъ, чтобы Радзивиллу позво-

лено было говорить. Тотъ объяснилъ прямо, что онъ не позволитъ никому отымать у себя право голоса: „я какъ и всѣ вы, сказалъ онъ, сынъ общей съ вами земли, я не ослушался ни одного устава; напротивъ того, я держусь только исконной свободы предковъ, которые исповѣдывали свою вѣру безпрепятственно; не откажусь отъ моей религіи и каждому съумѣю отвѣтить“. Его обвиняли, будто онъ другъ и покровитель аріанцевъ, что онъ опровергнулъ. Послѣ того приступили къ постановленію противъ аріанцевъ и хотѣли въ немъ прибавить, что аріанцы принимающіе не католическое, а другое исповѣданіе, будутъ считаться атеистами, Радзивиллъ противился этому всѣми силами и добился отмѣны этого постановленія. Затѣмъ составлено было постановленіе, воспрещающее вездѣ, гдѣ находится король, какое бы то ни было служеніе кромѣ католическаго, и хотя оно не было прочтено на сеймѣ, но король приказалъ объявить оное на четырехъ углахъ варшавскаго рынка. Впослѣдствіи онъ повелѣлъ, что во время пребыванія королевскаго двора, иновѣрцы могутъ совершать свои обряды только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ есть церкви, во всѣхъ же другихъ это воспрещается. Не смотря на такой фанатизмъ, сеймъ подтвердилъ оливскій миръ и договоръ съ козаками.

Торжественные въѣзды обоихъ коронныхъ гетмановъ, великаго гетмана литовскаго и Чарнецкаго, были пустою демонстраціей, вовсе несогласной съ грустнымъ положеніемъ рѣчипосполитой. Военачальниковъ благодарили отъ имени короля за блестящія дѣла, а Чарнецкій получилъ по просьбѣ короля, не смотря на сопротивленіе сейма, тыкоцинское староство въ потомственное владѣніе. Между тѣмъ явились послы отъ войска, требовавшаго жалованье. Вслѣдствіе этого опредѣлены новые налоги, и назначены коммисары, которымъ поручено заняться во Львовѣ приведеніемъ въ извѣстность счетовъ съ войскомъ. Наконецъ на очередь попалъ проектъ избранія наслѣдника престола при жизни короля. Янъ-Казиміръ говорилъ самъ и представляя сейму необходимость подобнаго выбора, объяснялъ, что одна любовь къ отечеству внушала ему эту мысль. Онъ ручался, что право народа избирать короля ни мало

отъ этого не пострадаетъ. Напротивъ того, подобный выборъ только при его жизни можетъ быть совершенно свободнымъ. Онъ предупреждалъ, что нѣкоторые сосѣды выжидаютъ только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы нагрянуть на рѣчьпосполитую, что они вѣроятно захотятъ воспользоваться волненіями междуцарствія, чего именно для блага отечества слѣдуетъ избѣжать. Убѣдивъ наконецъ всѣхъ, что онъ ни въ чемъ не будетъ препятствовать свободѣ выбора, просилъ только, чтобы новоизбранный былъ католикъ, какого нибудь древняго княжескаго рода, чтобы онъ не былъ ленникомъ какого нибудь государства, непріязненнаго Польшѣ, ни сыномъ одного изъ тѣхъ, которые хотѣли ее покорить, и притомъ чтобы онъ былъ гораздо моложе его. Слова короля произвели глубокое впечатлѣніе. Въ сенатѣ ихъ поддержалъ весьма краснорѣчиво варминскій епископъ, а и другіе сенаторы, снисканные королевой, присутствовавшей въ собраніи, объявили себя въ пользу этого проекта. Казалось, что въ сенатѣ предложеніе пройдетъ безъ возраженій. Но львовскій каштелянъ Фредро воспротивился ему рѣшительно, говоря, что рѣчьпосполитая не избѣгнетъ внутреннихъ волненій, если въ ней будутъ одновременно два короля, и потому умолялъ Яна-Казиміра не вводить столь опасной новизны, угрожающей спокойствію отечества. Въ посольской палатѣ подольскій посолъ Повальскій, говорилъ еще рѣзче противъ предложенія короля, утверждая, что это подорветъ основные уставы рѣчипосполитой, конституцію и равенство сословій, что совѣсть воспрещаетъ ему дать согласіе. Упоминая о ченстоховскомъ совѣщаніи сената относительно этого дѣла, онъ требовалъ наказанія тѣхъ, кто далъ свое согласіе на проектъ столь опасный. Произошла страшная суматоха и оказалось необходимымъ взять предложеніе назадъ и закрыть засѣданія сейма.

Такъ какъ дворъ употреблялъ всѣ мѣры, лишь бы провести мысль объ избраніи наслѣдника престола, для чего изъ казначейства постоянно отпускались деньги, то разумѣется самое важное дѣло—успокоеніе войска, отсрочивалось поминутно. Какая польза, что сеймъ назначилъ новую коммисію, ежели въ казначействѣ не

было денегъ? Раздраженное коронное войско завязало конфедерацію, маршаломъ которой избрало Самуила Свидерскаго. Придворные шутили сначала, но когда одинъ полкъ за другимъ приступали къ союзу, да кромѣ того и литовское войско послѣдовало этому примѣру, тогда увидѣли всю опасность положенія. Король предупреждалъ войско, чтобы оно бросило конфедерацію и возвратилось къ должному послушанію. Войско отвѣтило, что не получая кровью заслуженныхъ денегъ и зимнихъ квартиръ, оно должно было ухватиться за это средство, но тотчасъ разстроитъ конфедерацію, если будетъ удовлетворено.

Король рѣшился предпринять кампанію противъ Россіи, во первыхъ потому, что надѣялся этимъ путемъ склонить ее къ заключенію мира, во вторыхъ потому, чтобы разъединить сконфедерованныхъ. Но коронное войско, приглашенное къ походу, отказалось повиноваться. Не смотря на то, король двинулся въ Литву во главѣ 4,000 войска, подъ командою Сапѣги и Чарнецкаго, занялъ Гродно и повернулъ въ Вильно, когда жители Могилева сами освободили себя отъ русскаго гарнизона. Хованскій направился съ 20,000 корпусомъ противъ малочисленнаго отряда короля. Въ столь крайнемъ положеніи, Янъ-Казиміръ обратился къ литовскому войску. Оно вняло призыву короля, разбило у Высокаго шеститысячный русскій отрядъ и соединившись съ полками короля, одержало надъ Хованскимъ побѣду у Глембокаго. Король прибылъ тотчасъ въ лагерь и пользуясь обстоятельствами, хотѣлъ предпринять походъ во внутрь Россіи, одновременно съ татарами и козаками. Но когда сконфедерованное войско отказалось отъ этой экспедиціи, король долженъ былъ ее покинуть и для защиты Литвы оставилъ Чарнецкаго при Сапѣгѣ. Гарнизонъ виленскаго замка сдался. Ему было позволено возвратиться домой, комендантъ же отданъ подъ судъ и казненъ *).

---

*) Комендантомъ Вильны былъ стольникъ князь Мышецкій, который, не получивъ согласія короля распродать, при сдачѣ города, весь хлѣбъ и соль, приказалъ у себя въ избѣ въ подпольѣ приготовить порохъ, и намѣревался,

Между тѣмъ сконфедерованное войско перешло Вислу и основало свою главную квартиру сперва въ Кельцахъ, потомъ въ Вольборжѣ. Оно заняло королевскія и духовныя имѣнія, собирало со всѣхъ лановую подать, наложило секвестръ на томожни и другіе доходы рѣчипосполитой, объявило военныя постановленія противъ тѣхъ, которые вздумали бы расторгнуть конфедерацію. Потомъ послѣдовало соединеніе коронной и литовской конфедерацій, причемъ было обѣщано помогать другъ другу. По возвращеніи изъ Литвы, король посылалъ разныхъ лицъ къ Свидерскому, уговаривая распустить пагубную для края конфедерацію, торжественно обѣщая забвеніе прошедшаго и прощеніе, а равно и положительную уплату жалованья, лишь бы войско не грабило доходовъ рѣчипосполитой. Но войско требовало денегъ а не обѣщаній. Для прекращенія безпорядковъ, король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (20 февр. 1662), но предварительно онъ вторично послалъ къ конфедератамъ Лигензу и Витовскаго, обѣщая не только уплату жалованья, но и награды для войска. На это отвѣтилъ Христофоръ Лещинскій, одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи, что войско, принимая съ благодарностью слова короля, понять однако не можетъ, почему, когда съ одной стороны сеймъ долженъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ войска, съ другой стороны, для его истребленія, употребляютъ и золото и желѣзо. Онъ показалъ прокламаціи, вышедшія изъ коронной канцеляріи, въ которыхъ подстрекали прислугу конфедератовъ перебить своихъ господъ. Притомъ Лещинскій возвратилъ золото, которымъ эммисаръ королевы хотѣлъ подкупить Павла Борженцкаго, помощника союзнаго маршала, присовокупивъ, что если бы неправильно израсходованныя суммы возвратились въ казначейство, то будетъ чѣмъ удовлетворить войско и прекратить жалобы бѣднаго народа.

Варшавскій сеймъ долженъ былъ, прежде всего, принять мѣры къ удовлетворенію войска, котораго послы прибыли въ столицу.

зазвать солдатъ, взорвать всѣхъ на воздухъ. Солдаты узнали обо всемъ, схватили Мышецкаго и выдали королю. *Примѣч. перевод.*

Но королева, не будучи въ состояніи отказаться отъ намѣренія посадить родственника на польскомъ престолѣ, принудила опять сдѣлать въ этомъ смыслѣ предложеніе. Теперь однако дѣло было гораздо труднѣе, потому что послы прибыли съ инструкціей, на что либо подобное, не давать согласія. Дворъ подозрѣвалъ, что Юрій Любомирскій былъ главнымъ виновникомъ подобной инструкціи. Не смотря на это Янъ-Казиміръ, находясь подъ вліяніемъ жены, сдѣлалъ снова предложеніе о избраніи наслѣднка, чѣмъ вызвалъ страшную сеймовую бурю. Старанія королевы и ея сторонниковъ ни къ чему не привели. Предложеніе вторично отвергнуто и сверхъ того сеймъ особымъ рѣшеніемъ опредѣлилъ считать государственною измѣною всякую попытку назначить наслѣдника престола при жизни короля. Споры сторонниковъ двора съ противниками предположеннаго избранія заняли столько времени, что пришлось отсрочить засѣданія сейма для разрѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, что также не обошлось безъ горячихъ преній. Наконецъ, послы сконфедерованнаго войска представили сословіямъ пространную записку, состоявшую изъ 40 пунктовъ. Въ ней объяснялось, что только крайняя нужда заставила войско приступить къ союзу и что немедленно по полученіи жалованья, войско вознаградитъ все своею храбростью и вѣрностью. Потомъ слѣдовали жалобы на дурное управленіе, а именно — что министры рѣчипосполитой позволили представить противный народнымъ правамъ проектъ избранія наслѣдника престола, что церковная утварь была захвачена подъ предлогомъ уплаты войску жалованья, чего впрочемъ не сдѣлали, что народъ гибнетъ подъ бременемъ налоговъ, тогда какъ вельможи ничего не платятъ, а чиновники грабятъ достояніе рѣчипосполитой, что королевская канцелярія выдаетъ нѣсколькимъ лицамъ привиллегіи на одно и тоже имѣніе, вслѣдствіе чего прибѣгаютъ къ насиліямъ и наѣздамъ, и обыкновенно сильнѣйшій беззаконно все себѣ присвоиваетъ, что Боратини чеканитъ болѣе монеты, нежели ему позволено, что обѣщаніе уплатить войску жалованье въ Львовѣ было только мечтой, деньги растаяли въ ру-

кахъ плательщиковъ и войско не получило ни гроша. Притомъ требовали, чтобы гетманское достоинство не было пожизненнымъ, чтобы число наемныхъ иностранныхъ войскъ было сокращено, а народное возстановлено въ прежнемъ видѣ, чтобы военачальники не присваивали себѣ отнятыхъ у врага знаменъ, орудій и плѣнныхъ, но передавали бы ихъ королю, чтобы королевскія имѣнія раздавались поочередно гражданскимъ и военнымъ лицамъ. чтобы военные госпитали были улучшены и т. п. Король отвѣтилъ, что онъ отеческимъ сердцемъ принимаетъ жалобы и при содѣйствіи государственныхъ чиновъ, постарается удовлетворить справедливымъ требованіямъ. Сеймъ опредѣлилъ всеобщую поголовную подать для уплаты войска и назначилъ одну коммиссію въ Львовѣ (7 авг.) для коронныхъ войскъ, другую въ Вильнѣ (19 іюля) для литовскихъ. Кромѣ того обѣщано забвеніе прошедшаго, а Радзѣіовскому и Станиславскому возвращены прежнія права состоянія. Многимъ вѣроятно покажется страннымъ, что войско дерзало указывать правительству и сеймовымъ сословіямъ, какія слѣдуетъ сдѣлать улучшенія въ рѣчипосполитой — но не должно забывать, что въ Польшѣ военный не переставалъ быть гражданиномъ.

Львовская коммисія начала съ депутатами полковъ сводить счеты. Оказалось, что войску причитается 26 милліоновъ злот. Въ счетъ этой суммы, кромѣ другихъ налоговъ, надѣялись получить одной поголовной подати 10 мил. зл. Но когда вопервыхъ, нѣкоторыя воеводства, какъ напр. прусскія, только послѣ продолжительныхъ переговоровъ, согласились уплатить эту подать, а сборщики не внесли, во время, въ казначейство полученныхъ денегъ; когда, далѣе, хотѣли принудить повѣренныхъ войска, которыхъ собралось въ Львовѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, уменьшить требуемую сумму, — то переговоры, разумѣется, длились до безконечности. Между тѣмъ дворъ пріискивалъ средства разрушить военный союзъ. Противъ него составили, такъ называемый, святой союзъ, находившійся въ распоряженіи самаго короля. Къ нему присоединилось много свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, вооружаясь какъ бы на войну. Кромѣ того предположено со-

ставить новые полки, и какъ многіе полагаютъ, начаты переговоры съ татарами и козаками, чтобы и ихъ, въ крайнемъ случаѣ, употребить противъ конфедераціи. Устроивъ все это, король созвалъ совѣтъ сената въ Варшаву. Многіе совѣтовали прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Но Юрій Любомирскій былъ противнаго мнѣнія и старался отклонить короля отъ предложенной поѣздки въ Львовъ, совѣтуя разрѣшеніе всего дѣла предоставить коммисарамъ. Не смотря на его представленіе, король отправился въ Львовъ съ женой и дворомъ (17 сент.), желая своимъ присутствіемъ принудить войско къ бо̀льшей уступчивости. Пріѣздъ двора не ускорилъ разрѣшенія этого щекотливаго дѣла. Послы войска, измученные пятимѣсячнымъ напраснымъ ожиданіемъ, отправили къ коммисарамъ двухъ изъ своей среды, для объявленія имъ, что потерявъ напрасно столько времени и истративъ послѣднія деньги, замѣчая кромѣ того явные заговоры противъ войска, они принуждены возвращаться съ пустыми руками, чтобы съ товарищами подумать о себѣ. Желая какъ нибудь успокоить взолнованные умы, великій гетманъ коронный Потоцкій отвѣчалъ, что войско получитъ жалованье немедленно, лишь только поступятъ въ казначейство взимаемые налоги, а между тѣмъ оно можетъ быть увѣрено, что рѣчьпосполитая не думаетъ вредить ему. Съ этимъ обѣщаніемъ повѣренные удалились.

Во время пребыванія ихъ въ Львовѣ, умеръ Борженцкій, заступавшій мѣсто маршала конфедераціи. Послѣ него избранъ Януарій Бейковскій, который, дѣйствуя въ примирительномъ духѣ, уговаривалъ войско отправить къ королю пословъ, и если бы нельзя было получить всего жалованья, то исходатайствовать, по крайней мѣрѣ, часть его. Посольство было снаряжено, но король отослалъ его въ коммисію. Но какъ послы не были снабжены достаточнымъ полномочіемъ отъ войска, то коммисія признала болѣе соотвѣтственнымъ дать незначительную сумму впередъ и послать въ Вольборжъ своихъ повѣренныхъ, которые заключили бы окончательныя условія съ конфедератами. И теперь коммисія убѣждала, что ни дворъ, ни святой союзъ, не думаютъ обижать

войско. По этому случаю, а равно вслѣдствіе прибытія русскаго и татарскаго посланниковъ, король созвалъ сенатъ. Посланникъ царя уѣхалъ немедленно, такъ какъ онъ не былъ уполномоченъ вести переговоры о мирѣ. Ханъ татарскій опять приглашалъ въ экспедицію противъ Россіи. Ему отвѣтили, что какъ только дѣло съ войсковой конфедераціей будетъ покончено, король направится противъ Москвы со всѣми своими силами. Что же касается переговоровъ съ войскомъ, то сенатъ назначилъ для этой цѣли куявскаго епископа Чарторыскаго и четырехъ коммисаровъ, уполномочивая ихъ окончательно порѣшить дѣло. Король желалъ, чтобы кромѣ коммисаровъ отправились въ Вольборжъ оба коронные гетмана и Янъ Замойскій, но Свидерскій совѣтовалъ противное, ибо не ручался за ихъ безопасность, среди войска, раздраженнаго до крайности.

По прибытіи коммисаровъ рѣчипосполитой въ Вольборжъ, начались тотчасъ переговоры. Куявскій епископъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы уговорить сконфедерованныхъ сбавить требуемую сумму, доказывая имъ, что, засеквестровавъ почти всѣ доходы рѣчипосполитой, они получили уже сами значительную часть долга, которую слѣдуетъ вычесть изъ общей суммы. Онъ изобразилъ имъ самыми живыми красками грустное и опасное положеніе рѣчипосполитой, и старался тронуть ихъ сердца, ссылаясь на любовь ихъ къ отечеству. Замѣчая однако безуспѣшность своихъ усилій, онъ объявилъ о скоромъ отъѣздѣ коммисаровъ. Испуганные этимъ конфедераты, согласились на мировую (25 дек.) на слѣдующихъ условіяхъ: 1) совершенное забвеніе прошедшаго, что должно быть скрѣплено присягой коммисаровъ и люблинскаго и піотрковскаго трибуналовъ, и утверждено на будущемъ сеймѣ; 2) войско будетъ довольствоваться 9,000,000 зл., изъ которыхъ 6,000,000 оно получитъ въ теченіи шести недѣль, 1,000,000 товарами, а остальное по мѣрѣ полученія податей съ воеводствъ и доходовъ съ таможенъ; 3) секвестръ съ королевскихъ и духовныхъ имѣній будетъ немедленно снятъ по полученіи 6,000,000 и войско будетъ находиться въ распоряженіи короля и гетмановъ;

4) будетъ принята во вниманіе просьба коронной конфедераціи объ удовлетвореніи литовскаго союза; 5) если бы условія этого договора не были выполнены въ теченіи 6 недѣль послѣ новаго года (1663), договаривающіеся освобождаются отъ всякихъ обязательствъ.

Во время дѣйствій львовской коммисіи, собралась также и виленская. Сначала удалось раздѣлить союзныхъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна готова была мириться, лишь бы жалованье было заплочено, другая же требовала сверхъ того вознагражденія потерь. Госѣвскій, сманивъ на свою сторону маршала конфедераціи Жиромскаго, написалъ къ львовскимъ коммисарамъ, что онъ скоро приведетъ къ повиновенію раздѣленныхъ на партіи мятежниковъ. Котовскій, помощникъ маршала, перехватилъ это письмо и объявилъ въ измѣнѣ Госѣвскаго и Жиромскаго, который жилъ въ Вильнѣ, подъ предлогомъ ускоренія дѣйствій коммисіи. Войско приговорило тотчасъ обвиненныхъ къ смертной казни и отправило въ Вильно 1,500 всадниковъ подъ предводительствомъ Новошинскаго и Хлевинскаго съ приказаніемъ доставить ихъ живыхъ или мертвыхъ. Новошинскій поймалъ Жиромскаго и казнилъ его въ 3 миляхъ отъ Вильна. Хлевинскій привезъ Госѣвскаго въ Волпу, гдѣ, приговоривъ его къ разстрѣлянію, исполнилъ тотчасъ приговоръ. Этотъ неслыханный поступокъ, нарушавшій права рѣчипосполитой, вызвалъ всеобщее негодованіе.

Къ этимъ внутреннимъ потрясеніямъ присоединилась еще моровая язва, уничтожившая множество народа, который и безъ того, придавленный бременемъ огромныхъ налоговъ, выходилъ толпами изъ селеній и оставлялъ поля невоздѣланными. Монета низкаго достоинства увеличивала общественное бѣдствіе. Не только арендаторы монетнаго двора выпускали ее въ бо̀льшемъ, чѣмъ было постановлено, количествѣ, но и сборщики податей, въ ущербъ казнѣ, обмѣнивали на нее получаемое золото и серебро.

Дворъ не одобрилъ вольборскаго договора. Великій канцлеръ коронный Пражмовскій говорилъ открыто, что подобныя условія оскорбительны для королевскаго величія и что коммисары слиш-

комъ щедро распорядились общественными деньгами. А потому когда послы войска прибыли (въ янв. 1663) въ Львовъ, чтобы наблюсти за исполненіемъ договора, они увидѣли, что дворъ не думаетъ его исполнять и намѣренъ уплатить только часть жалованья. Они просили аудіенціи у короля, но имъ отказали и въ этомъ подъ предлогомъ болѣзни. Между тѣмъ король принималъ московскаго посланника, предлагавшаго заключить миръ, лишь бы на справедливыхъ условіяхъ. О возвращеніи однако Смоленска и другихъ завоеваній не хотѣлъ и слышать, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Дѣло войсковаго союза отсрочилось, какъ потому, чтобы выиграть время и снисканіемъ нѣкоторыхъ лицъ ослабить его, такъ и потому, чтобы угрозами принудить къ повиновенію. При содѣйствіи денегъ, дворъ пріобрѣлъ какого то Лабенту, который началъ уговаривать другихъ оставить союзъ. Послы приняли это за измѣну, и недолго думая, арестовали Лабенту и приговорили къ смертной казни. Шагъ этотъ вызвалъ страшное волненіе. Король угрожалъ всею строгостью закона, если у арестованнаго хотя волосъ спадетъ съ головы. Между тѣмъ прошелъ срокъ опредѣленный вольборскимъ договоромъ. Послы, послѣ совѣщанія, рѣшили ѣхать и потребовали прощальной аудіенціи у короля и коммисіи, гдѣ прямо объявили, что обманутые во всѣхъ своихъ надеждахъ, должны ни съ чѣмъ возвратиться домой, такъ какъ опредѣленные сеймомъ налоги для удовлетворенія войска, обращены на другія цѣли. Пражмовскій, отвѣчая отъ имени короля, употребилъ рѣзкія выраженія, даже угрозы. Послы, уѣзжая изъ города, хотѣли захватить съ собой Лабенту, но городская стража отбила его.

Послѣ отъѣзда пословъ, король издалъ строгое постановленіе, въ которомъ объявлялъ, что такъ какъ дружескимъ способомъ, нельзя было усмирить дерзости войска, то онъ вынужденъ употребить строгія мѣры, и если послы конфедераціи не вернутся въ Львовъ въ теченіи 4 недѣль, то онъ принудитъ ихъ къ тому силой. Коммисія издала также строгое объявленіе, а духовенство, собравшись на синодъ подъ предводительствомъ примаса, отправило викарнаго плоцкаго епископа Чижовскаго къ союзникамъ,

угрожая проклятіемъ, если войско не освободитъ изъ подъ секвестра церковныхъ имѣній. Кромѣ того король собралъ совѣтъ сената. Нѣкоторые желали пригласить татаръ для усмиренія союза, но Юрій Любомирскій совѣтовалъ созвать всеобщее ополченіе, которое, по его мнѣнію, не только усмиритъ союзныхъ, но и можетъ улучшить финансы рѣчипосполитой. Дворъ, усматривая въ этомъ намѣреніе ослабить королевскую власть, не принялъ совѣта и усиливъ, при содѣйствіи Чарнецкаго и Пражмовскаго, святой союзъ, пригласилъ въ помощь татаръ, такъ какъ войска, находившіяся при королѣ, были не въ силахъ справиться съ союзомъ. Въ Литву посланы также повѣренные, чтобы стараться разстроить тамошнюю конфедерацію и ослабить этимъ конфедерацію коронную.

Всѣ эти распоряженія не испугали союзныхъ, которые, оставивъ зимнія квартиры, двинулись къ Львову. Но доводы куявскаго епископа заставили ихъ остановиться у Завихоста и отправить пословъ къ люблинскому трибуналу, прося его принять на себя посредничество въ ихъ дѣлѣ съ королемъ. Трибуналъ отправилъ изъ среды своей депутацію въ Львовъ. Правда, ее упрекнули въ томъ, что трибуналъ вмѣшивается не въ свои дѣла, но и увѣрили въ то же время, что король не откажетъ въ помилованіи, а равно искренно желаетъ успокоенія края. Состоялся договоръ, отличавшійся тѣмъ отъ вольборскаго, что войско уступило еще $2^1/_2$ мил. и должно было получить наличными деньгами 3,500,000. Дѣло замедлилось по случаю нѣкоторыхъ двусмысленныхъ выраженій договора, но союзные, опасаясь за свою честь и жизнь, требовали отчетливой редакціи. Во время споровъ, королевское войско остановилось въ 5 миляхъ отъ лагеря союзныхъ, какъ бы намѣреваясь завязать бой и король, ожидая ежеминутно прибытія татаръ, готовъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, но ходатайство и просьбы сенаторовъ смягчили его окончательно. При содѣйствіи Любомирскаго и другихъ, всѣ помирились (4 іюля). Въ тоже время получено было извѣстіе о появленіи татаръ въ окрестностяхъ Бржежанъ и Нарайова. Приходилось дать имъ вознагражденіе и отправить обратно. Это обстоятельство вызвало бурныя трехдневныя совѣщанія въ комми-

сіи, прежде чѣмъ разрѣшили королю употребить съ этою цѣлью 300,000 зл. Наконецъ распущена была конфедерація. Начальники ея просили публично прощенія у короля (22 іюля) въ бернардинскомъ костелѣ въ Львовѣ, а дѣла союза долженъ былъ сжечь палачъ. Но одинъ изъ священниковъ спасъ войско отъ этого позора. Схвативъ съ алтаря свѣчу, онъ зажегъ бумаги. Не смотря на примиреніе, пріѣздъ французскаго посланника вызвалъ новое волненіе. Разнесся слухъ, будто бы онъ прибылъ собственно затѣмъ, чтобы по уничтоженіи конфедераціи, поддержать выборъ наслѣдника престола. Опасенія были столь сильны, что войско хотѣло снова прибѣгнуть къ союзу, но его успокоили, доказавъ, что цѣль пріѣзда посланника вовсе не та. Вслѣдъ за коронною конфедераціею закрылась и литовская. Но такъ какъ въ казначействѣ не было достаточно денегъ и пѣхотнымъ полкамъ обѣщали даже дать въ залогъ коронныя драгоцѣнности, то король хотѣлъ вознаградить этотъ дефицитъ доходами съ монетнаго двора. Пригласивъ Боратини въ Львовъ, онъ позволилъ ему отчеканить мѣдныхъ шелиговъ на 5,250,000 зл., за что онъ долженъ былъ внести въ казну 3,000,000 зл. Боратини поступилъ какъ обманщикъ, употребивъ на это мѣди только на 800,000 зл., такъ что за расходами на чеканку монеты ему осталось 1,450,000 зл. Другой аферистъ, нѣкто Тимфе, представилъ проектъ чеканки злотыхъ, которые при номинальной цѣнности въ 30 грошей, имѣли бы дѣйствительной только 13 гр., то есть онъ хотѣлъ изъ одного талера чеканить 6 зл. Барыши, которые многія лица надѣялись получить, были причиной принятія и этого проекта. Новые злотые разрѣшено называть тынфами и они были въ ходу довольно продолжительное время.

По окончательномъ уничтоженіи конфедераціи, король сдѣлалъ смотръ войскамъ. Подъ ружьемъ находилось 40,000 самыхъ лучшихъ солдатъ. Но бѣдность казны, въ особенности же нерасположеніе къ Юрію Любомирскому, были причиной, что король приказалъ распустить всѣ полки будто бы ему преданные, такъ что войско сократилось почти на $^2/_3$. Во главѣ столь сокращенной арміи, король рѣшился предпринять походъ въ Украину. Любомирскій,

затронутый за живое недоброжелательствомъ двора, отказался отъ участія въ походѣ подъ предлогомъ болѣзни. Мѣсто его занялъ Чарнецкій и все войско, подъ главнымъ начальствомъ короля, двинулось тремя путями въ Украину (15 авг.).

Здѣсь произошли важныя перемѣны со времени чудновскаго договора. Гетманомъ козаковъ, какъ извѣстно, былъ Юрій Хмѣльницкій, который присягнулъ на вѣрность королю и рѣчипосполитой. Сверхъ того, послѣднее пораженіе лишило временно возможности, московцевъ и козаковъ, возобновить борьбу. Но когда военныя конфедераціи тревожили рѣчьпосполитую, московская партія снова пріобрѣтала перевѣсъ въ Малороссіи. Юрій Хмѣльницкій, связанный присягою, не могъ открыто содѣйствовать этому движенію, но не желая, съ другой стороны, навлечь на себя неудовольствіе москвитянъ, созвалъ козацкую раду въ Ольшаницу, объявилъ, что намѣренъ итти въ монастырь и совѣтовалъ всѣмъ принять подданство какого либо сильнаго государства. Козаки, собравшись на съѣздъ въ Чигиринѣ, приступили къ выбору гетмана. Выговскій, имѣвшій нѣкогда огромное вліяніе, потерялъ его совершенно со времени назначенія кіевскимъ воеводою. Нечай, зять Богдана Хмѣльницкаго, былъ уже слишкомъ старъ, а потому голоса были въ пользу Павла Тетеря, втораго зятя Хмѣльницкаго, отличавшагося между козаками бо̀льшею образованностью. Новый гетманъ отправилъ Гуляницкаго къ королю, находившемуся въ Львовѣ, для полученія подтвержденія, въ чемъ ему нельзя было отказать, такъ какъ Тетеря былъ извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ рѣчипосполитой. Однако власть его была весьма ограничена, въ особенности потому, что заднѣпровскіе козаки, слѣдуя примѣру Брюховецкаго, объявили себя въ пользу Москвы. Дорошенко же съ остальными желалъ подданства Турціи, тогда какъ въ самой партіи Тетери Выговскій производилъ расколъ, лично недовольный его выборомъ. Царь, желая воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, усилилъ свое войско въ Украинѣ, находившееся подъ начальствомъ Ромодановскаго, до 40,000 человѣкъ, располагая при-

томъ 30,000 козаковъ. Другой же корпусъ, (около 30,000 человѣкъ) осаждалъ Шкловъ и Быховъ въ Литвѣ.

Приходилось дать отпоръ царю, тѣмъ болѣе, что и ханъ обѣщалъ значительное вспомогательное войско. Постоянная непогода до того замедлила походъ войскъ, что король могъ переправитъся черезъ Днѣпръ только 13 ноября. Ромодановскій занялъ пѣхотой важнѣйшіе города, помѣстилъ конницу въ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ и приказалъ козакамъ безпокоить врага постоянными стычками, чтобы затруднять его шествіе и подвозъ провіанта. Приходилось бороться и съ позднимъ временемъ года, и съ вездѣ снующимися козаками, и съ нерасположеніемъ жителей, и почти каждый городъ брать силой. Солдатъ страдалъ отъ частыхъ, хотя мелкихъ стычекъ, въ особенности же отъ всевозможныхъ лишеній. Татары, набравъ много добычи и плѣнныхъ, объявили рѣшительно (въ концѣ дек.), что должны возвращаться домой. Послѣ ихъ ухода, поляки разбили Брюховецкаго у Старинина и взяли Дѣвицу, укрѣпленный городъ, занятый козаками, гдѣ истребили мечемъ слишкомъ 10,000 человѣкъ обоего пола *). Эта рѣзня только усилила ненависть козаковъ къ полякамъ и не принесла послѣднимъ никакой пользы, такъ какъ другіе города, не испуганные столь страшнымъ примѣромъ, защищались съ ожесточеніемъ, а сельскій людъ избѣгалъ всякаго сношенія съ поляками.

Во время похода къ Дѣвицѣ, къ королю явилось посольство отъ съѣзда малопольскихъ землевладѣльцевъ въ Прошовицахъ, которое умоляло короля возвратиться изъ Украины. Янъ-Казиміръ принялъ депутатовъ весьма неласково и объявилъ имъ, что тѣ, которые были причиною снаряженія посольства, желаютъ его возвращенія домой до окончанія войны, потому только, чтобы впослѣдствіи возбудить противъ него нерасположеніе народа и войска, и

---

*) Въ Дѣвицѣ (Салтыкова) начальствовалъ сотникъ Трокачъ; на требованіе сдать городъ, онъ отвѣчалъ выстрѣлами. Въ самомъ началѣ приступа Трокачъ былъ раненъ. Жители оставшіеся въ живыхъ, были проданы въ рабство татарамъ. Янъ-Казиміръ надѣялся найти въ Дѣвицѣ складъ богатыхъ товаровъ.

Прим. перевод.

составить новую конфедерацію. Слова эти были прямо направлены противъ Любомирскаго, котораго дворъ обвинялъ постоянно въ происках враждебныхъ престолу. Въ это же время посолъ Вольскій возвратился отъ хана съ донесеніемъ, что вспомогательное татарское войско явится немедленно. Оно прибыло въ числѣ 20,000 и король перешелъ русскую границу (17 янв. 1664), получивъ увѣдомленіе, что литовское войско сняло осаду Шклова и Быхова. Король, занявъ Коропъ безъ сопротивленія, двинулся къ Великимъ Лукамъ, для соединенія съ литовскимъ корпусомъ. Борятинскій, желая помѣшать этому движенію, вышелъ на встрѣчу литовцевъ подъ Брянскомъ и одержалъ бы побѣду, если бы вспомогательный отрядъ, посланный королемъ, не подоспѣлъ во время. Россіяне были разбиты, конница спаслась, но пѣхота погибла почти вся. Послѣ этого поляки принудили Черкасскаго отступить отъ Путивля, но Глуховъ осаждали напрасно и претерпѣли, во время трехъ приступовъ, значительныя потери *). Осаду Сѣвска пришлось снять также. Голодъ и холодъ истощали войско, а приближеніе весны угрожало большою опасностью, вслѣдствіе разлива рѣкъ и порчи дорогъ. Король могъ быть поставленъ въ невозможность выйти изъ непріятельской земли. Когда къ тому же и изъ Украины получались неблагопріятныя извѣстія, и татары собирались въ обратный путь, король готовъ былъ начать переговоры, хотя и послалъ Видзинскаго и Полубинскаго опустошать окрестную мѣстность. Сперва король не принялъ предложенія царя о заключеніи трехмѣсячнаго перемирія, но впослѣдствіи согласился, съ тѣмъ условіемъ, что въ теченіи этого времени начнутся переговоры о мирѣ. Янъ-Казиміръ, подъ прикрытіемъ литовскаго войска, отправился въ Вильно, а Чарнецкій съ коронными полками остался въ Украинѣ. Совѣщанія, от-

*) Хотя г. Шмиттъ упоминаетъ только какъ будто мимоходомъ объ осадѣ Глухова, но она достойна большаго вниманія по храбрости оказанной осажденными. Осада была жестокая и продолжительная. Въ городъ было брошено, какъ говорятъ, до *ста тысячъ* бомбъ и гранатъ, и сдѣлано нѣсколько приступовъ; вылазки уничтожили всѣ намѣренія короля, число осаждающихъ уменьшалось каждый день. Осада была снята, когда получено было извѣстіе, что Ромодановскій прибылъ съ войскомъ въ Батуринъ. *Прим. перевод.*

крытыя въ Красномъ заставляли предполагать, что царь хлопочетъ не о мирѣ, а о выиграніи времени; а потому, когда войска Хованскаго, стоявшія надъ Днѣпромъ, обращаясь безжалостно съ литовскими плѣнниками, вызвали вмѣшательство польнаго литовскаго гетмана Паца, который принудилъ ихъ отступить, — совѣщанія были прерваны. При отъѣздѣ, уполномоченные царя объявили однако, что они воротятся (29 авг.), лишь бы со стороны поляковъ были предложены справедливыя условія.

Во время экспедиціи короля Украина не могла похвалиться общественнымъ спокойствіемъ. Выговскій, ненавидя новаго гетмана Тетерю, возбуждалъ тайно козаковъ, сносился съ кіевскимъ митрополитомъ *), извѣстнымъ сторонникомъ Москвы. Тетеря слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, собиралъ доказательства измѣны и доносилъ обо всемъ Маховскому, котораго король оставилъ съ отрядомъ войскъ въ Украинѣ. Перехваченныя письма, казалось, доказывали измѣну Выговскаго. Маховскій пригласилъ его въ Корсунь и предалъ военному суду. Выговскій, какъ измѣнникъ, приговоренъ къ разстрѣлянію. Король зналъ обо всемъ, ибо вслѣдствіе донесеній Тетери, убѣждалъ воеводу соединиться съ Маховскимъ, для усмиренія волновавшейся черни. Хотя бы Выговскій и былъ дѣйствительно виновенъ, все таки казнь его противузаконна, такъ какъ сенатора рѣчипосполитой могъ судить только сеймовый судъ, чего справедливо требовалъ Выговскій. Притомъ же судъ былъ и слишкомъ поспѣшный, и произвольный. Не смотря на то, все дѣло было принято съ большимъ равнодушіемъ, какъ будто козацкая кровь, даже въ сенаторѣ, заслуживала пренебреженія **).

---

*) Іосифомъ Тукальскимъ, который вслѣдствіе того былъ заточенъ въ Маріенбургѣ. *Прим. перевод.*

**) Судъ надъ Выговскимъ продолжался всего десять часовъ. Маховскій, никѣмъ не уполномоченный, самъ назвалъ себя предсѣдателемъ. Напрасно Выговскій объявлялъ, что измѣна не доказана, что для осужденія однихъ подозрѣній недостаточно, Маховскій ничего не слушалъ и Выговскій, сенаторъ, воевода, гетманъ, конотопскій побѣдитель, человѣкъ неоднократно защищавшій Польшу, былъ разстрѣлянъ. Сеймъ призналъ Выговскаго невиннымъ и потомство его, на основаніи конституціи 1666 г., допущено къ владѣнію оставшимися послѣ него имуществами. *Прим. перевод.*

Когда король возвратился въ Литву, Чарнецкій и Собѣскій отправились въ Украину. Переправившись черезъ Днѣпръ подъ Ржищевомъ, Чарнецкій разбилъ московскую конницу и захватилъ 1,500 лошадей *). Къ жителямъ Украины издана прокламація, приглашающая ихъ къ спокойствію и обѣщающая всевозможное снисхожденіе, лишь бы они избѣгали бунтовъ и доставляли войску продовольствіе. Духовенству обѣщана полная свобода совѣсти и неприкосновенность прежнихъ льготъ Украины. Все было напрасно. Возстаніе распространялось все далѣе и далѣе. Чарнецкій, оставленный татарами, размѣстилъ пѣхоту въ Павловичахъ и Бѣлой-Церкви, конницу въ Корсунѣ и отправился тайно, съ нѣсколькими всадниками, къ буджакскимъ татарамъ, которые обѣщали прислать 20,000 человѣкъ. Во время его отсутствія, Сирко, одинъ изъ козацкихъ предводителей, аттаковалъ Маховскаго, разогналъ часть его отряда и принудилъ запереться въ Городищѣ. Побѣда была несомнѣнная, когда вдругъ Бидзинскій и Полубинскій, возвращавшіеся изъ московскаго похода, явились съ помощью и заставили Сирку отступить. Вскорѣ возвратился Чарнецкій и пригласилъ къ себѣ въ лагерь, отъ имени короля, кіевскаго архимандрита и Юрія Хмѣльницкаго, который подъ именемъ Гедеона розыгрывалъ роль монаха, желая уговорить ихъ содѣйствовать умиротворенію Украины. Когда оба объявили, что смиреннымъ инокамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, Чарнецкій отослалъ ихъ подъ стражею въ Варшаву, чѣмъ еще болѣе раздражилъ козаковъ.

По прибытіи татаръ, Чарнецкій двинулся на помощь Тетерѣ, котораго Брюховецкій осаждалъ въ Чигиринѣ. Брюховецкій отступилъ и преслѣдуемый поляками, занялъ хорошо укрѣпленное мѣсто на берегахъ Днѣпра. Чарнецкій разсѣялъ подъ Копысью отрядъ, шедшій въ помощь Брюховецкому **). Потомъ взявъ Стеб-

---

*) Всадники успѣли спатсись. *Прим. перевод.*

**) Тутъ вѣроятно идетъ рѣчь объ отрядѣ Штрасбуха, который съ 4,000 войска и артиллеріею шелъ къ Каневу и былъ разбитъ Собѣскимъ, лишась притомъ орудій, снарядовъ и запасовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился полковникъ Нужный. Г. Маркевичъ говоритъ (Т. II, стр. 107), что когда Нужному

ловъ и отдавъ на разграбленіе татарамъ, онъ пригласилъ Ставище открыть ворота польскому войску. Жители отказали и отбили нападеніе поляковъ (14 іюля) съ большою для послѣднихъ потерею. Чарнецкій, не желая возобновлять штурма и видя страшную убыль въ своихъ рядахъ, окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ его положить оружіе (въ нояб.) безусловно *) Утомленному войску необходимо было дать отдыхъ и размѣстить по зимнимъ квартирамъ.

По возвращеніи въ Варшаву (14 іюля), король рѣшился созвать сеймъ, какъ для удовлетворенія многихъ нуждъ рѣчипосполитой, такъ и для наказанія Юрія Любомирскаго, котораго дворъ хотѣлъ непремѣнно уничтожить. Королева и Пражмовскій съумѣли изобразить въ глазахъ Яна-Казиміра каждый шагъ и каждое дѣйствіе Любомирскаго въ такихъ черныхъ краскахъ, что король рѣшался на все, лишь бы погубить этого заслуженаго сановника. Не подлежитъ сомнѣнію, что Любомирскій былъ ревностнымъ сторонникомъ австрійскаго дома и противникомъ французской партіи, во главѣ которой стояла королева. Вѣрно также и то, что великій маршалъ коронный болѣе другихъ препятствовалъ назначенію наслѣдника престола при жизни короля и не допустилъ, своимъ вліяніемъ, употребить оружіе противъ конфедераціи войска, чрезъ что воспротивился осуществленію двухъ живѣйшихъ желаній королевы. Кромѣ того дворъ обвинялъ Любомирскаго въ томъ, что онъ подъ маской патріотизма оскорбляетъ достоинство короля, подговариваетъ тайно войско и шляхту къ неповиновенію и т. п. Осужденіе его было рѣшено окончательно. Оставалось только собрать такой сеймъ, который захотѣлъ бы быть орудіемъ мести.

объявили, что онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ висѣлицѣ, то онъ просилъ какъ милости, чтобъ его посадили на колъ, потому что и отецъ его погибъ такою смертію. *Прим. перевод.*

*) Послѣ сдачи города, тринадцать козацкихъ старшинъ были отданы Тетерѣ, колокола съ церквей сняты, ставищане приговорены къ уплатѣ крымскимъ татарамъ донативы и вознагражденія за лошадей, погибшихъ во время осады, а равно и къ содержанію на свой счетъ двухъ польскихъ хоругвей. Тридцать знаменъ и 40 пушекъ достались побѣдителямъ. *Прим. перевод.*

Для достиженія этой цѣли разосланы на всѣ сеймики самые ловкіе плуты, чтобы содѣйствовать вездѣ избранію сторонниковъ двора, а гдѣ бы это не удалось, расторгать сеймики. Въ данной имъ инструкціи король говорилъ, что со дня вступленія на престолъ, онъ постоянно трудился для блага рѣчипосполитой и доказывалъ, что старанія его увѣнчались бы полнѣйшимъ успѣхомъ, если бы не происки клеветниковъ, которые ложными упреками и неосновательными обвиненіями, смущая подданныхъ, подрывали довѣріе къ правительству. Затѣмъ одни утверждали (слова инструкціи), что король хотѣлъ оторвать Литву отъ короны, продлить конфедерацію войска. Но, какъ съ одной стороны его величество убѣжденъ, что при строгомъ изслѣдованіи невинность его окажется ясною какъ день, такъ точно и съ другой стороны, относительно предложенія назначить наслѣдника престола, онъ дастъ совершенно удовлетворительныя объясненія, въ той увѣренности, что клевета падетъ на тѣхъ, которые до того времени безнаказанно сѣяли ядъ повсюду. Если бы сословія нашли нужнымъ помиловать подобныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, то король, заявивъ о томъ Богу и цѣлому міру, будетъ съ прежнимъ рвеніемъ трудиться для общей пользы, но можетъ сказать заранѣе, что самыя большія подати, самыя сильныя войска и самые благоразумные совѣты не пособятъ ничѣмъ рѣчипосполитой, пока внутри ея не будетъ согласія. Въ инструкціи этой король не намекалъ ни на кого, но за то приказалъ на сеймикѣ въ Прошовицахъ вручить Любомирскому вызовъ и повторить ему лично весь актъ обвиненія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. И здѣсь законъ не былъ соблюденъ, такъ какъ возный вошелъ въ мѣсто, гдѣ производились совѣщанія сеймика, не испросивъ предварительно необходимаго на то разрѣшенія и громогласно исполнилъ приказаніе короля. Любомирскій выслушалъ обвинительный актъ совершенно спокойно и безъ всякаго волненія поблагодарилъ своихъ согражданъ, которые предложили ему свое содѣйствіе, разсказавъ имъ вкратцѣ свою жизнь и доказавъ, что онъ никогда не дѣйствовалъ во вредъ рѣчипосполитой и короля. При усиленныхъ хлопотахъ, двору удалось провести во

многихъ мѣстахъ избраніе своихъ кандидатовъ. Въ нѣкоторыхъ воеводствахъ сеймики были расторгнуты и только изъ немногихъ прибыли послы противной партіи.

Сеймъ открылся въ Варшавѣ (26 нояб.) подъ предводительствомъ поморскаго подкоморія Гнинскаго, преданнаго двору душой и тѣломъ. Предметомъ совѣщаній должно было быть обсужденіе средствъ для дальнѣйшаго веденія войны съ Москвою, если окажется невозможнымъ заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ, для удовлетворенія войска жалованьемъ и разрѣшеніе другихъ дѣлъ, къ числу которыхъ принадлежало назначеніе сеймоваго суда. Съ самаго начала возникъ шумъ, по дѣлу Любомирскаго. Онъ хотѣлъ непремѣнно успокоить короля, написалъ къ нему покорное письмо, на которое онъ не получилъ отвѣта и подалъ въ сеймъ просьбу, чтобы сословія оправдали его передъ королемъ. Сперва начались споры, слѣдуетъ ли читать письмо или нѣтъ, а потомъ слѣдуетъ ли исполнить просьбу въ немъ выраженную, или нѣтъ. Брацлавскіе послы сильно ее поддерживали, говоря, что имъ приказано ни къ чему не приступать, пока сеймъ не заступится за Любомирскаго. Придворная партія противилась этому и Жабоклицкій, одинъ изъ брацлавскихъ депутатовъ, подъ вліяніемъ раздраженія, подалъ протестъ, чего среди шума и криковъ не замѣтили. Между тѣмъ сеймовый маршалъ Гнинскій, не испросивъ разрѣшенія посольской палаты, назначилъ депутатовъ въ сеймовый судъ. Тогда Жабоклицкій выѣхалъ изъ Варшавы. Его сотоварищъ ни на что не соглашался, въ чемъ его поддерживали сандомирскіе и белзскіе депутаты, и всѣ, представивъ въ свою очередь протестъ, оставили совѣщанія. Когда въ тоже время и другія лица начали протестовать, засѣданія сейма прекратились. Гнинскій надѣясь, что протестовавшіе вернутся, откладывалъ засѣданія со дня на день, чтобы угодить королю, который, не смотря на случившееся, хотѣлъ сохранить дѣйствительность рѣшеній сейма. Епископъ варминскій, отправленный имъ въ посольскую палату, объявилъ, что король, до истеченія двухлѣтняго срока, не соберетъ сейма, и если бы это было источникомъ какого либо вреда для рѣчипосполитой, то за

него отвѣтятъ тѣ, которые своими протестами подвергаютъ край опасности. Король же будетъ стараться вмѣстѣ съ сенатомъ предупреждать зло, безъ содѣйствія рыцарскаго сословія. Это заявленіе до того раздражило пословъ, что они тотчасъ простились съ королемъ (7 янв. 1665).

Сеймовый судъ, составленный совершенно противозаконно, приговорилъ сперва къ смерти убійцъ Госѣвскаго, а потомъ занялся дѣломъ Любомирскаго, подъ руководствомъ самого короля. Подсудимаго обвиняли въ томъ, что подъ личиной защитника свободы, онъ хотѣлъ стать выше короля, что онъ поддерживалъ вредное направленіе войсковой конфедераціи, увеличивалъ ея силы, передавалъ ей тайныя совѣщанія сената и хотѣлъ продлить ея существованіе до могущаго послѣдовать междуцарствія, что онъ возмущалъ войско противъ короля, пренебрегалъ закономъ, что эгоистическимъ своимъ направленіемъ причинялъ ущербъ коронѣ и проч. и проч. Королевскій прокуроръ приводилъ въ подтвержденіе обвиненія разныя письма и бумаги, въ томъ числѣ письмо, составленное цифрами, которое, по его мнѣнію, вѣроятно заключало что либо предосудительнаго, если было писано непонятными знаками. Болѣе же всего онъ ссылался на письменное свидѣтельство какого то монаха бернардина, которому Любомирскій будто бы поручалъ разузнать у литовскихъ вельможъ, согласится ли Литва отдѣлиться отъ короны и будто бы съ этою цѣлью онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать съѣздъ въ Вильнѣ. Бернардинъ сверхъ того показалъ, что великій маршалъ коронный хвастался передъ нимъ, что въ имѣніяхъ его найдется много кольевъ для пикъ и желѣза не только для вострій, но и для топора, которымъ обезглавленъ король въ Англіи. Подобнаго рода обвиненія дѣлались публично. Между тѣмъ публикѣ приказывали выходить изъ залы, когда защитники Любомирскаго доказывали ложность фактовъ и опровергали всѣ обвиненія. Какъ прежде оказались тщетными всѣ старанія Любомирскаго и его друзей умилостивить короля и королеву, такъ теперь были безплодными самыя ясныя доказательства защитниковъ его невинности для судей, преданныхъ двору душой и тѣломъ. За-

тѣмъ когда обвинитель Іеронимъ Дунинъ и 6 человѣкъ свидѣтелей подтвердили присягою свое обвиненіе, судъ приговорилъ Любомирскаго (23 дек.) къ отобранію у него имущества, къ лишенію чести и жизни. Радость королевы, которая заранѣе предписала этотъ приговоръ, Пражмовскаго и французскаго посланника была неописанная. Король послалъ тотчасъ вооруженныхъ людей въ Яновицѣ, съ приказаніемъ поймать Любомирскаго. Но онъ успѣлъ скрыться въ Бреславлѣ и посланные короля обошлись только по татарски съ его имуществомъ.

Вмѣсто того, чтобы угождая личной мести Маріи Людвики, быть виновникомъ такого страшнаго волненія въ краѣ, королю слѣдовало исполнить обѣтъ, данный, 8 лѣтъ тому назадъ, въ львовскомъ соборѣ, которымъ онъ обѣщался, по изгнаніи шведовъ, употребить всѣ мѣры для улучшенія быта угнетенныхъ крестьянъ. Къ несчастію обѣтъ этотъ былъ преданъ забвенію. За то іезуитъ Пекарскій требовалъ громогласно истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, по поводу непочтительнаго выраженія какого то евангелическаго проповѣдника въ Торнѣ о Матери Божіей. Это требованіе поддерживалъ серьозно великій канцлеръ коронный. Другія, болѣе важныя дѣла, заставили забыть эту мелочь. Приходилось думать, прежде всего, объ успокоеніи рѣчипосполитой, чтобы потомъ принудить царя къ заключенію мира. Казалось, даже, что король, уступая просьбамъ большинства сенаторовъ, готовъ былъ простить Любомирскаго, а обѣщанное созваніе двухнедѣльнаго сейма (12 март. 1665) позволяло предполагать, что все окончится благополучно. Но прибытіе московскаго посла, увѣрявшаго о миролюбивомъ расположеніи царя и предлагавшаго даже новое перемиріе, пока не будетъ заключенъ вѣчный миръ, измѣнило намѣренія Яна-Казиміра въ отношеніи къ Любомирскому, въ особенности подъ вліяніемъ ненависти королевы и Пражмовскаго. Король затѣмъ роздалъ должности, которыя занималъ Любомирскій, какъ будто бы они были вакантныя. Великимъ маршаломъ короннымъ назначенъ Янъ Собѣскій, польнымъ гетманомъ Чарнецкій, вскорѣ скончав-

шійся *), краковскимъ же старостою Зебржидовскій. Поступокъ этотъ раздражилъ все государство, даже краковскіе мѣщане не хотѣли признать новаго старосты. Гнѣвъ короля дошелъ до такой степени, что онъ не обращалъ вниманія на всеобщія желанія народа, ни на печальныя обстоятельства рѣчипосполитой, ни на заступничество сосѣднихъ государствъ за Любомирскимъ. Посланнику герцога прусскаго онъ отвѣтилъ, что скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ позволитъ Любомирскому возвратиться въ отечество.

Среди такихъ обстоятельствъ, сеймъ, разумѣется, кончился ничѣмъ. Во первыхъ упрекали короля, что безъ согласія сословій, онъ не имѣлъ права сзывать чрезвычайный сеймъ. Когда это затрудненіе было устранено, многіе послы объявили, что на основаніи полученныхъ ими инструкцій они ничѣмъ не займутся, пока вся палата не будетъ просить короля о помилованіи Любомирскаго и возвращеніи его къ прежнимъ должностямъ, присовокупляя, что произнесенный надъ нимъ приговоръ не согласенъ съ законами и правами рѣчипосполитой. Придворная партія противилась этому, и споръ продолжался даже въ присутствіи короля, по соединеніи посольской палаты съ сенатомъ. Когда соглашеніе не воспослѣдовало, краковскіе послы обратились сами съ просьбою къ королю, кончавшеюся слѣдующими словами: "*или и насъ исключи изъ книги вольныхъ, или прости.*" Въ ожиданіи король отвѣтилъ, что готовъ простить, если Любимирскій чистосердечно раскается, но какъ ему хорошо извѣстны гордость и упрямство этого человѣка и какъ притомъ онъ получилъ теперь извѣщеніе, что Любомирскій

---

*) Стефанъ Чарнецкій родился въ 1599 г. въ сандомирскомъ воеводствѣ въ деревенькѣ Зорнавѣ. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ родителей. Хотя Чарнецкій поступилъ въ военную службу весьма рано и тотчасъ прослылъ своею храбростью, но назначенъ поручикомъ только на 30 году жизни. Онъ скончался въ 1665 г., близь города Дубно, въ деревнѣ Соколовкѣ, въ хижинѣ бѣднаго крестьянина, оставленный королемъ безъ помощи среди войска изнуреннаго, давно не получавшаго жалованья. Когда Чарнецкаго, уже умирающаго несли на носилкахъ въ Дубно, онъ встрѣтился съ посланнымъ короля, привезшимъ ему булаву польнаго короннаго гетмана. «Я говорилъ, воскликнулъ старецъ, что мнѣ дадутъ булаву тогда, когда ни сила къ войнѣ, ни рука къ саблѣ не будутъ способны». *Прим. перевод.*

новыми происками намѣревается нарушить опять спокойствіе рѣчипосполитой, то онъ долженъ хорошенько подумать, прежде нежели дастъ, въ этомъ отношеніи, положительный отвѣтъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, король приказалъ прочитать письма Любомирскаго къ войску и люблинскому трибуналу. Въ первыхъ онъ приглашалъ рыцарство соединиться съ нимъ для защиты правъ и вольностей рѣчипосполитой; въ другихъ—горько жаловался на самоуправство и несправедливость произнесеннаго надъ нимъ приговора. Эти споры заняли цѣлыя двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ, король потребовалъ отсрочки сейма. Добржинскій посолъ Владиславъ Лось, не желая согласиться на отсрочку, потребовалъ голоса. Великій канцлеръ отвѣтилъ ему грубымъ отказомъ. Тогда Лось вышелъ, оставивъ протестъ. Сеймовый маршалъ и многіе другіе изображали въ самыхъ яркихъ краскахъ опасность и даже упадокъ рѣчипосполитой, если сеймъ ничего не рѣшитъ. Но партія Любомирскаго отказалась приступать къ совѣщаніямъ до возвращенія Лося. Тогда произнесъ рѣчь краковскій епископъ, въ которой упрекалъ краковскихъ и сандомирскихъ пословъ въ подкупѣ Лося, съ цѣлью расторгнуть сеймъ. Не умѣя владѣть собою, ораторъ назвалъ ихъ партизанами, купленными за деньги и угрожалъ проклятіемъ, какъ вреднымъ гражданамъ, убивающимъ свое отечество. Этотъ неумѣстный тонъ вызвалъ страшную бурю. Оскорбленные послы отвѣчали, что скорѣе можно назвать убійцами отечества сенаторовъ, которые не говорятъ правды тамъ, гдѣ слѣдуетъ и которые съумѣли казнить безнаказанно заслуженнаго въ рѣчипосполитой мужа, а теперь хотятъ угнетать посольскую палату и все рыцарское сословіе. Составивъ протестъ, они приглашали маршала проститься съ королемъ, потому что намѣрены удалиться и дѣйствительно всѣ двинулись къ дверямъ. Тщетны были старанія нѣкоторыхъ сенаторовъ успокоить волненіе. Не успѣлъ въ этомъ и гетманъ литовскій Пацъ, который жалуясь, что корона оставляетъ Литву въ столь опасное время безъ всякой помощи, прибавилъ, что не имѣя ни денегъ, ни провіанта для войска, онъ не пошлетъ его въ имѣнія тѣхъ, которые волнуютъ сеймъ. Ему отвѣтили рѣзко,

что онъ долженъ вести войска свои противъ враговъ, а не противъ согражданъ, что при томъ коронные поляки съумѣютъ пожертвовать достояніемъ, кровью и жизнью для защиты свободы, которую литовцы хотятъ угнетать, а пролитая кровь пусть падетъ на того, кто былъ зачинщикомъ. Въ это время Пенкославскій, указывая пальцемъ на Гнинскаго, маршала предыдущаго сейма, воскликнулъ: „во всемъ виноватъ не король, не сенатъ, но вотъ этотъ гонитель свободнаго голоса!“ Король, видя невозможность отсрочить сеймъ, приказалъ маршалу произнести прощальную рѣчь, что и послѣдовало ровно въ полночь.

Упорная вражда короля или, вѣрнѣе сказать, королевы и враговъ Любомирскаго, которые совершенно завладѣли умомъ Яна-Казиміра, была причиною страшнаго возстанія въ рѣчипосполитой. Тотчасъ послѣ сейма дворъ началъ вооружаться. Деньги, находившіяся въ казначействѣ, употреблены на вербовку войскъ. Литовскіе и коронные полки, получили приказаніе соединиться съ королемъ. Подобное же воззваніе послано козакамъ и татарамъ. Полки стоявшіе въ Украинѣ, перейдя послѣ смерти Чарнецкаго подъ начальство Станислава Яблоновскаго и получивъ приказаніе выступить изъ Украины, оставили большею частію своего предводителя и составили конфедерацію, которой маршаломъ избранъ Адамъ Устржицкій, а его кандидатомъ Іосифъ Борекъ. Конфедерація встревожила короля и весь дворъ, такъ какъ ее приписали проискамъ Любомирскаго. Среди этихъ приготовленій совѣтъ сената просилъ вторично короля простить Любомирскаго. Состоялось даже рѣшеніе, что приговоръ сеймоваго суда будетъ совершенно уничтоженъ и Любомирскій возвратится къ прежнимъ должностямъ, если извинится передъ королемъ какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ, будетъ вести себя совершенно спокойно. Узнавъ объ этомъ, Любомирскій прибылъ въ Стижъ, гдѣ былъ старостою его сынъ Станиславъ, съ 900 всадниковъ и заявилъ письменно, что будетъ въ этомъ мѣстѣ ожидать терпѣливо осуществленія обѣщанія короля.

Не смотря на мирныя заявленія, обѣ партіи не довѣряли другъ

другу. Любомирскій не хотѣлъ возвратиться въ свое помѣстье, опасаясь засады, а дворъ обвинялъ его въ составленіи какого то заговора. Когда, затѣмъ, войсковая конфедерація перенеслась въ Подгурже, то есть подвинулась ближе къ Спижу, придворная партія начала доказывать, что это дѣло Любомирскаго. Королевское войско заняло Краковъ, а карпатскимъ горцамъ приказано сопротивляться силой Любомирскому, еслибъ онъ вздумалъ выйти изъ Спижа. Сверхъ того имъ объявлено, что его не только можно убить безнаказанно какъ измѣнника, но что даже убійца можетъ ожидать награжденія. Кромѣ того Янъ-Казиміръ сказалъ краковскому епископу Тржебицкому, чтобы онъ не просилъ болѣе о явномъ врагѣ его и отечества, такъ какъ онъ не намѣренъ входить въ переговоры съ вооруженнымъ подданнымъ, нарушающимъ общественное спокойствіе. Наконецъ появился манифестъ, излагающій причины, по которымъ король долженъ прибѣгнуть къ оружію противъ Любомирскаго.

Король выѣхалъ (12 іюля), въ сопровожденіи королевы, изъ Варшавы въ Раву, гдѣ собралъ 12,000 войска. Любомирскій, желая еще разъ умилостивить короля, прибѣгалъ къ посредничеству разныхъ лицъ, но всегдашній отвѣтъ—чтобы онъ сдался безусловно, заставилъ его наконецъ соединиться съ конфедерованнымъ войскомъ для общей защиты. Союзные, депутатамъ которыхъ канцлеръ Пражмовскій угрожалъ висѣлицей, приняли его съ величайшей радостью и клялись не оставить его ни въ какомъ случаѣ. Всѣ силы, которыми располагалъ Любомирскій, едва составляли 5,000 человѣкъ. Онъ остановился въ Конецполѣ, когда Тржебицкій началъ опять дѣйствовать примирительно. Любомирскій долженъ былъ оставаться на своей позиціи, а король въ Ендржеевѣ, въ ожиданіи дѣйствительнаго примиренія. Но когда секретарь епископа, отправляя письма, прислалъ по ошибкѣ къ Любомирскому письмо, адресованное къ Пацу, Любомирскій началъ подозрѣвать какіе то тайные замыслы, и перебрался тотчасъ въ Крженице. Король послалъ вслѣдъ за нимъ часть войска съ приказаніемъ остановить противника. Но отрядъ его, разсѣянный подъ Пржедборжемъ и на бере-

гахъ Пилицы, возвратился не достигнувъ цѣли. Въ деревнѣ Данковой начались новые переговоры. Примиреніе и здѣсь однако было невозможнымъ, потому что королевскіе коммисары требовали прежде всего, чтобы войско возвратилось подъ начальство гетмановъ, а Любомирскій, обезоруженный, положился на милость двора. Военачальники объявили положительно, что ни въ какомъ случаѣ не покинутъ оскорбленнаго своего предводителя и скорѣе умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, сражаясь за свободу, чѣмъ согласятся гибнуть на висѣлицѣ, какъ это обѣщалъ канцлеръ ихъ депутатамъ. Переговоры еще продолжались, когда вдругъ отрядъ королевскаго войска напалъ на разсвѣтѣ на лошадей конфедератовъ, пасшихся въ полѣ, захватилъ ихъ, а съ ними вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ шляхты. Любомирскій тотчасъ прервалъ переговоры и двинулся къ Ченстоховѣ. Королевская партія приняла это движеніе за бѣгство и легко склонила короля дать приказаніе преслѣдовать врага. Пацъ съ литовскимъ войскомъ долженъ былъ первый ударить на противниковъ и задерживать ихъ такъ долго, пока не подоспѣетъ остальная часть войска. Любомирскій избѣгалъ боя, но когда Пацъ ударилъ на его войско первый подъ Ченстоховой, онъ далъ столь сильный отпоръ, что судьба сраженія была рѣшена прежде, чѣмъ къ литовцамъ подоспѣла помощь. 1,500 человѣкъ легло на мѣстѣ, а остальные, загнанные подъ валы Ченстоховы, должны были положить оружіе. Любомирскій, не участвовавшій въ сраженіи, отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа.

Король былъ въ Мстовѣ, когда получилъ извѣстіе объ этомъ пораженіи. Первыя послѣдствія его гнѣва обрушились на ченстоховскихъ монаховъ. Онъ назвалъ ихъ преступниками за то, что они не привѣтствовали пушечными выстрѣлами конфедератовъ. Комендантъ былъ арестованъ и крѣпость заняла королевская пѣхота. Когда же войско начало громко роптать, что ему приказываютъ драться съ братьями и не платятъ жалованья, когда изъ Великопольши получено было извѣстіе, что тамошнія воеводства составили конфедерацію, король приказалъ нѣсколькимъ сенаторамъ начать снова уговаривать Любомирскаго прекратить военныя дѣйствія. И эти

переговоры не были искренними. Предполагалось только усыпить бдительность конфедератовъ, чтобы потомъ неожиданно напасть на нихъ и отомстить за понесенное пораженіе. Войско получило приказаніе слѣдовать за ними. Между тѣмъ прибыли послы отъ хана и отъ Тетери. Первые, приглашая короля въ экспедицію противъ Москвы, требовали высылки ежегодной дани. Вторые увѣряли въ своей вѣрности и въ доказательство ея представили двухъ возмутителей, Опару и Царика*), прося въ замѣнъ ихъ отпустить Хмѣльницкаго и кіевскаго митрополита, что и было исполнено.

Королевское войско, подвигаясь за Любомирскимъ, обходилось съ жителями весьма строго. Раздраженные великополяне завязали конфедерацію, подъ предводительствомъ познанскаго каштеляна Гржимултовскаго, для защиты правъ своихъ и для сохраненія общественной безопасности. Въ актѣ этой конфедераціи обвиняли короля въ томъ, что онъ привелъ въ середину королевства полки, назначенные для обереганія границъ, что Ченстохову и гругіе города занялъ своими гарнизонами, препятствуя безпристрастному дѣйствію правосудія, что многихъ землевладѣльцевъ, вопреки постановленіямъ рѣчипосполитой, содержитъ въ тюрьмахъ, что примасъ съ нѣсколькими сенаторами приказалъ открыть монетный дворъ, что татарскіе полки находятся въ королевскомъ лагерѣ, что въ духовныхъ имѣніяхъ производятся сборы на междоусобную войну, что въ Гроднѣ происходитъ съѣздъ подъ названіемъ конвокаціи, противный уніи Литвы съ короной и т. п. Сконфедерованныя воеводства отправили депутацію къ королю, прося его созвать посполитое рушенье и чрезвычайный сеймъ. Король, чтобы не раздражать умовъ и пріостановить прочія воеводства отъ соединенія съ конфедераціей, принялъ депутатовъ довольно ласково. Но великій канцлеръ коронный, отвѣчая Гржимултовскому объявилъ, что об-

---

*) Гетманы-самозванцы Опара и Царикъ были представлены королю уже не Тетерею, а Петромъ Дорошенкою, который схватилъ ихъ при помощи крымскаго хана. Въ это время Тетеря, ограбленный Сиркою, покинутый козаками скрывался въ Молдавіи. *Прим. перевод.*

виненія, заключающіяся въ актѣ конфедераціи не заслуживаютъ вниманія и могутъ занять только школьныхъ мальчишекъ.

Между тѣмъ Любомирскій, дѣлая постоянныя усилія, чтобы умилостивить короля, послалъ даже съ этою цѣлью къ королевѣ своего сына Станислава. Но Янъ-Казиміръ, слѣдуя мнѣнію Пражмовскаго и другихъ, отвѣчалъ постоянно, что онъ не намѣренъ входить въ переговоры съ вооруженнымъ подданнымъ. Въ это время, великопольская конфедерація соединилась съ Любомирскимъ, а когда подошли и королевскія войска, обѣ стороны стали въ боевомъ порядкѣ. Королевское войско оказывало видимое нежеланіе сражаться съ соотечественниками, и часто случалось, что высылаемые отряды, вмѣсто того, чтобы сражаться съ противниками, разговаривали съ ними по дружески. Остальныя воеводства, казалось, также были намѣрены приступить къ конфедераціи. Въ такомъ крайнемъ положеніи, почти всѣ сенаторы совѣтовали королю, успокоить рѣчьпосполитую одинъ разъ навсегда. Начались переговоры въ Пелчинѣ и послѣ двухдневныхъ преній (въ нач. нояб.) рѣшено было— прекратить непріязненныя дѣйствія, не медля собрать сеймъ, на которомъ Любомирскому будутъ возвращены прежнія права, уволить конфедерацію и войско отъ какого бы то ни было взысканія и заплатитъ послѣднему жалованье, дать вознагражденіе землевладѣльцамъ, раззореннымъ королевскими войсками, Любомирскому ожидать окончанія сейма заграницей, войску же, стать на зимнія квартиры въ Великопольшѣ, и впредь до полученія жалованья и до изданія сеймоваго рѣшенія, увольняющаго его отъ всякаго взысканія, не закрывать конфедераціи.

Послѣ этого договора, Любомирскій и другіе начальники конфедераціи отправились въ королевскій лагерь, чтобы просить прощенія у короля. Принятый холодно, Любомірскій тотчасъ уѣхалъ и потомъ (въ дек.) отправился въ Бреславль. Но начальники конфедераціи дѣлали рѣзкіе упреки министрамъ, что они превратными своими совѣтами навлекли столько бѣдствій на государство. Гржимултовскій, котораго обвиняли, что онъ вызвалъ конфедерацію землевладѣльцевъ и поднялъ оружіе противъ короля,

отвѣтилъ прямо, что каждый хорошій гражданинъ, долженъ защищать свои права и преимущества; послѣ чего, онъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ воеводствамъ, объясняя почему Великопольша взялась за оружіе и предваряя, что назначеніе наслѣдника престола, снова предложено будетъ на сеймѣ.

Король, распредѣливъ свои войска въ Малопольшѣ, отправился (11 нояб.) въ Торнъ, который впрочемъ отказался принять королевскій гарнизонъ, утверждая, что безъ согласія сословій онъ этого сдѣлать не можетъ. Король привелъ съ собой все таки 1,000 человѣкъ подъ видомъ личной стражи, а потомъ прислалъ еще 1,600. Тотчасъ начали поговаривать, что король хочетъ завладѣть Пруссіею для герцога ангенскаго и посадить его на польскомъ престолѣ не только при содѣйствіи денегъ, но даже силою и что потомъ онъ поступитъ въ орденъ іезуитовъ, а королева въ монастырь. Подтвержденіе этихъ слуховъ находили въ желаніи двора выкупить у данцигцевъ Пуцкъ, на что Янъ Собѣскій давалъ деньги, чтобы облегчить французамъ высадку. Когда притомъ дворъ продолжалъ дѣлать новыя вербовки войска и когда король объявилъ австрійскому посланнику, что отъ всего сердца поддерживаетъ французскую партію, никто не сомнѣвался уже, что готовится какое то покушеніе, съ цѣлью силой навязать Польшѣ наслѣдника престола. Кромѣ того дворъ усердно хлопоталъ, чтобы или добиться согласія Любомирскаго на выборъ этого наслѣдника, или ловкими дѣйствіями разрушить конфедерацію землевладѣльцевъ и войска. Ни то, ни другое не удалось.

Легко было предвидѣть, что при подобномъ расположеніи двора, совѣщанія сейма будутъ очень бурны. Уже на сеймикахъ (12 февр. 1666) обѣ партіи старались получить перевѣсъ. Эмиссары двора толковали землевладѣльцамъ о родительскомъ попеченіи короля объ отечествѣ и о его заслугахъ, а равно о неблагодарности тѣхъ, которые самыя лучшія его желанія и намѣренія, дѣлаютъ подозрительными въ глазахъ народа, предложеніе же о назначеніи наслѣдника престола, называютъ покушеніемъ на свободу и права рѣчипосполитой, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что король

желаетъ только обезпечить ея будущность. Конфедераты отправили тоже депутатовъ на сеймики, а Любомирскій отнесся ко всѣмъ воеводствамъ, приглашая ихъ къ единообразному дѣйствію противъ всякихъ покушеній, какъ на личную свободу гражданъ, такъ равно и на права и вольности рѣчипосполитой. Кромѣ того онъ издалъ длинный манифестъ, объясняя, къ какимъ безчестнымъ мѣрамъ прибѣгалъ дворъ, чтобы добиться противозаконнаго приговора сеймоваго суда, и написалъ письмо къ австрійскому посланнику Изоли, для предупрежденія императора, что Янъ-Казиміръ, даже силой хочетъ посадить на престолъ французскаго принца.

Сеймъ собрался (27 марта) въ Варшавѣ. Многіе послы требовали, чтобы тотчасъ послѣ избранія маршала, вся палата обратилась съ просьбой къ королю о возвращеніи Любомирскому прежнихъ правъ и объ уничтоженіи сеймоваго приговора. Другіе не противились этому, но хотѣли, чтобы все совершилось безъ нарушенія правъ трона. Споръ по этому дѣлу еще длился, когда явились посланные отъ короля, объявляя, что король выслушаетъ милостиво ходатайство палаты, лишь бы она дѣйствовала за одно съ сенатомъ. Палата поручила маршалу передать королю ея желанія, но онъ въ рѣчи своей не намекнулъ даже о Любомирскомъ и говорилъ только вообще о необходимости поддержать внутреннее спокойствіе въ краѣ. Великій канцлеръ коронный отвѣтилъ, что король искренне желаетъ, чтобы и совѣщанія сейма были направлены къ той же цѣли. Партія Любомирскаго порицала этотъ поступокъ сеймоваго маршала и достигла того, что ему поручено вторично просить короля возстановить миръ внутри края дарованіемъ Любомирскому совершеннаго прощенія. Маршалъ однако и на этотъ разъ ничего не сказалъ о Любомирскомъ. Подобное упрямство двора раздражало только противную сторону и препятствовало всякимъ совѣщаніямъ. Въ дѣло вмѣшались, наконецъ, краковскій и куявскій епископы, и исходатайствовали назначеніе коммисаровъ отъ сената и посольской палаты для разрѣшенія спора. Пока коммисары занимались возстановленіемъ мира, король назначилъ Яна Собѣскаго польнымъ короннымъ гетманомъ, доказывая

этимъ, что онъ не намѣренъ возвратить Любомирскому прежнихъ должностей. Раздраженные друзья его расторгли сеймъ (4 мая) и подали сигналъ къ возобновленію междоусобной войны.

Дворъ, готовый поддержать свои намѣренія оружіемъ, хорошо приготовился къ борьбѣ. Любомирскій прибылъ изъ Бреславля, а сандомирское и краковское воеводства сѣли на коней и соединились съ великополянами и конфедератскимъ войскомъ. Король прибылъ въ Ленчицу съ 26,000 войскомъ и сильною артиллеріей, тогда какъ Любомирскій занялъ Брудзевъ, имѣя подъ своими знаменами всего 12,000 человѣкъ, готовыхъ однако жертвовать жизнью за свои права. Не смотря на это, благонамѣренные люди не переставали стараться воспрепятствовать братоубійственной войнѣ. Сперва короля просила депутація люблинскаго трибунала, но ей отвѣтили, что она вмѣшивается не въ свое дѣло. Мольбы сенаторовъ имѣли болѣе успѣха. Имъ было разрѣшено начать переговоры, которые и открылись въ Унѣіовѣ. Во время этихъ переговоровъ, королевскому войску приказано подойти ночью къ лагерю противниковъ, и ударить на нихъ неожиданно. Эта гнусная хитрость не удалась. Любомирскаго успѣли предостеречь и онъ отошелъ къ Крушвицѣ, но переговоры были прерваны. Раздраженіе еще усилилось, когда король, задержавъ коммисаровъ противной стороны, приказалъ войску итти впередъ, а великій канцлеръ коронный Пражмовскій, назначенный только что гнѣзненскимъ архіепископомъ, сказалъ тѣмъ же коммисарамъ, когда они просили пріостановить военныя дѣйствія и пощадить братнюю кровь, что подобная щекотливость хороша на исповѣди, а не на полѣ сраженія. Коммисары удалились, поблагодаривъ архипастыря за такое наставленіе и видя, что дворъ хочетъ положиться на свое оружіе, воротились къ своимъ. Встрѣча произошла подъ Монтвами, близь Иноврацлава (13 іюля). Королевское войско потерпѣло совершенное пораженіе. На мѣстѣ осталось 3,873 человѣка, не считая тѣхъ, которые утонули въ озерѣ. Гетманъ польный коронный Янъ Собѣскій, едва спасся бѣгствомъ.

Столь страшное пораженіе припудило дворъ начать перего-

воры въ Ленгоницахъ надъ р. Пилицею. Король требовалъ, чтобы сконфедерованныя воеводства и войско покинули Любомирскаго, и послѣ нѣсколькодневныхъ преній было рѣшено (31 іюля), что все будетъ предано забвенію, что воеводства и войско получатъ прощеніе, расторгнутъ конфедерацію, и войско, присягнувъ вновь королю, вернется подъ начальство гетмановъ и отправится съ ними на Украину, тотчасъ по полученіи жалованья, что король воспретитъ Тинфу и Боратини чеканить монету, выведетъ гарнизоны изъ городовъ, что на будущемъ сеймѣ будетъ пересмотрѣнъ законъ о преступленіяхъ въ отношеніи короля и отечества, что Любомирскій извинится передъ королемъ, распуститъ войско и въ мѣстности, назначенной Яномъ-Казиміромъ, будетъ ожидать разрѣшенія своего дѣла. Сверхъ того король далъ письменное обязательство, не только не стараться о назначеніи при его жизни наслѣдника престола, но напротивъ того, преслѣдовать по всей строгости законовъ, каждаго, кто захотѣлъ бы силой или обманомъ содѣйствовать этому. Коммисары обѣихъ сторонъ скрѣпили присягой помянутыя условія.

Конфедераты были крайне недовольны коммисарами за то, что они согласились распустить конфедерацію до утвержденія амнистіи сеймомъ. Король могъ расторгнуть сеймъ и тогда наказывать произвольно войско, подчиненное непосредственно гетманамъ. Трудно сказать, что вышло бы изъ этого, еслибъ Любомирскій не употребилъ всего своего вліянія на успокоеніе взволнованныхъ умовъ. Когда войско успокоилось, Любомирскій со всѣми начальниками конфедераціи, просилъ прощенія у короля въ лагерѣ подъ Ярошиномъ и избралъ Ланьцутъ мѣстомъ своего пребыванія. Но не довѣряя двору, онъ переѣхалъ въ Домброву, а оттуда въ Бреславль, гдѣ рѣшился ожидать окончанія своего дѣла.

Сеймъ, собранный въ Варшавѣ (4 пояб.), кончился ничѣмъ. Съ самаго начала пошли споры по случаю непрекращавшихся усилій королевы назначить наслѣдника престола. Едва этотъ вопросъ былъ устраненъ, потребовали назначенія новаго великаго коронпаго канцлера, такъ какъ Пражмовскій, получивъ званіе гнѣзнен-

скаго архіепископа, не могъ оставаться въ прежней должности. Король долго сопротивлялся, но наконецъ отдалъ большую коронную печать Яну Лещинскому, малую же—холмскому епископу Ольшовскому. Затѣмъ дошла очередь до ленгоницкаго договора. Партія Любомирскаго требовала, чтобы король возвратилъ его къ прежнимъ должностямъ. Король соглашался, но партія королевы и слышать объ этомъ не хотѣла. Вдругъ началъ рѣчь витебскій посолъ Лукомскій, требуя, чтобы король закрылъ и литовскій монетный дворъ, причемъ упрекалъ весьма рѣзко грабителей казны. Неприличный отвѣтъ великаго литовсктго канцлера, а потомъ рѣзкая рѣчь Кердея, одного изъ литовскихъ пословъ, заставили Лукомскаго представить протестъ и выѣхать изъ Варшавы. Прождавъ нѣсколько дней возвращенія послѣдняго, посольская палата простилась съ королемъ (27 дек.), считая сеймъ расторгнутымъ. Коронный вицеканцлеръ упрекалъ пословъ, именемъ короля, въ недостаткѣ попеченія о благѣ отечества, но увѣрилъ притомъ, что король, по возможности, пособитъ общественнымъ нуждамъ, хотя сеймъ не пріискалъ средствъ для защиты рѣчипосполитой извнѣ и для успокоенія ея внутри.

Расторженіе сейма, вызванное преимущественно происками двора, имѣло послѣдствіемъ много бѣдствій. Переговоры съ Москвой шли туго и могли быть прерваны ежеминутно. Въ Украинѣ между тѣмъ возникло новое волненіе. Козаки, выведенные изъ терпѣнія коронымъ войскомъ, взялись за оружіе. Одна партія, подъ начальствомъ Сирка, готова была покориться рѣчипосполитой на извѣстныхъ условіяхъ. Другая, руководимая Петромъ Дорошенко, рѣшилась принять подданство турецкаго султана. Шагъ этотъ обезпечивалъ за нею содѣйствіе татаръ, жаловавшихся и безъ того, что Польша не платитъ имъ обыкновенной дани. Слѣдовало, затѣмъ, какъ можно скорѣе, потушить возстаніе. Когда послѣ ленгоницкаго договора, междоусобная война прекратилась, часть кварцяныхъ полковъ была отправлена въ Украину. Нужно было назначить еще главнокомандующаго. Великій гетманъ коронный былъ старъ и боленъ. Въ присутствіи же польнаго гетмана Собѣскаго

нуждался дворъ, а потому начальство было вручено Маховскому, который началъ военныя дѣйствія съ осады Ставищъ *). Но встрѣтивъ сильное сопротивленіе и узнавъ, что къ нему подвигается Дорошенко съ козаками и татарами, онъ перешелъ къ Брацлаву. Имѣя подъ своими знаменами всего 6,000 человѣкъ, Маховскій долженъ былъ отбиваться отъ 60,000 корпуса татаръ и козаковъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Но когда Маховскій не съумѣлъ сохранить въ своемъ отрядѣ дисциплины, пришлось отступать подъ прикрытіемъ военнаго обоза. Козаки напали съ тылу и захватили хвостъ обоза, а подъ Батогомъ разбили весь отрядъ. Немногіе спаслись. Одни погибли съ оружіемъ въ рукахъ, другіе вмѣстѣ съ Маховскимъ были взяты въ плѣнъ **). Извѣстіе объ этомъ пораженіи пришло въ Варшаву къ концу сейма, въ одно время съ донесеніемъ о страшныхъ убыткахъ, причиненныхъ татарами въ Подоліи и червонной Руси. Говорили даже, что и султанъ намѣренъ объявить Польшѣ войну.

Главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій были широко развѣтвившіяся интриги по случаю назначенія наслѣдника престола, такъ какъ они вызвали внутреннія волненія въ то время, когда всѣ силы рѣчипосполитой слѣдовало обратить противъ враговъ ея. Королева, имѣвшая безусловно вліяніе на мужа, хотѣла провести непремѣнно избраніе герцога анжуйскаго, хотя бы нужно было для

---

*) Г. Шмиттъ, увлекшись описаніемъ междоусобной войны, по случаю возстанія Любомирскаго, упустилъ изъ виду одновременныя съ этимъ возстаніемъ событія въ Украинѣ. Постараемся въ краткихъ словахъ, восполнить этотъ пробѣлъ. Въ періодъ времени отъ смерти Стефана Чарнецкаго до назначенія Маховскаго предводителемъ польскихъ войскъ, Тетеря былъ окончательно оставленъ козаками, ограбленъ сперва кошевымъ Сиркою, а потомъ поляками и бкрылся въ Молдавіи. Сирко отправился въ Крымъ, взялъ Аккерманъ и, обремененный добычею, встрѣтилъ на возвратномъ пути, у Саражина Маховскаго, который разбилъ его на голову. Съ другой стороны Брюховецкій одержалъ сличтательную побѣду надъ Яблоновскимъ подъ Гребенками и захватилъ весь польскій обозъ. Вслѣдъ затѣмъ появился на сцену Дорошенко, знаменитый чигиринскій казакъ. *Прим. перевод.*

**) Козаки дрались съ страшнымъ остервененіемъ, дышали злобою и местью именно потому, что польскимъ отрядомъ предводительствовалъ Маховскій, беззаконный судья и убійца Выговскаго. *Прим. перевод.*

этого взволновать вторично всю рѣчьпосполитую. Ее поддерживалъ французскій дворъ, а посланникъ этого двора не пренебрегалъ никакими средствами, лишь бы усилить предворную партію, совершенно преданную Франціи. Курфирстъ бранденбургскій дѣйствовалъ и явно, и тайно, чтобы возвести на престолъ герцога необургскаго, тогда какъ австрійскій дворъ собиралъ сторонниковъ для принца лотарингскаго. Такимъ образомъ составились три партіи—французская, курфирстская и австрійская, дѣйствующія всѣ въ пользу своихъ кандидатовъ и мѣшающія одна другой, и кромѣ того четвертая партія, которая и слышать ничего не хотѣла о назначеніи наслѣдника престола. Она считала Любомирскаго своимъ предводителемъ, хотя Любомирскій, вовлечнный уже въ интриги бранденбургскія и австрійскія, былъ скорѣе противникомъ королевы и французской партіи, чѣмъ избранія наслѣдника. Королева знала объ этомъ и отсюда проистекала ея неумолимая ненависть къ Любомирскому. Задѣтая за живое, она готова была преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока онъ не падетъ жертвою ея мести, или не согласится на назначеніе герцога анжуйскаго наслѣдникомъ престола. Ея эмиссары, въ продолженіе всей междоусобной войны, предлагали Любомирскому миръ и королевскую милость исключительно на этомъ условіи. Но австрійскій дворъ и курфирстъ, съ равною настойчивостью, старались этому препятствовать. Наконецъ Любомирскій, измученный, чистосердечно или притворно, началъ склоняться къ планамъ королевы, даже объявилъ французскому двору, что не будетъ препятствовать избранію герцога анжуйскаго. Но смерть захватила его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать рѣшительный шагъ (5 февр. 1667). При всемъ томъ его партія не перемѣнила своего взгляда на планы королевы.

Смерть Любомирскаго обрадовала весь дворъ, а 13-ти лѣтнее перемиріе, заключенное съ Москвой въ Андрусовѣ (30 янв.), позволяло надѣяться привести въ исполненіе всѣ задуманные планы. Перемиріе это было весьма невыгодно для рѣчипосполитой, потому что кромѣ Смоленска и другихъ земель и городовъ, царю уступ-

ленъ Кіевъ, такъ что владѣнія Польши очень сократились *). Противники двора говорили, что король заключилъ столь невыгодный миръ съ Москвою именно потому, чтобы, имѣя свободныя руки, навязать силою наслѣдника престола. Кромѣ того король отправилъ Радзѣіовскаго въ Турцію и подъ вліяніемъ королевы, потребовалъ отъ Франціи вооруженной помощи противъ султана.

Король созвалъ (7 марта) двухнедѣльный сеймъ въ Варшавѣ, но, по случаю накопившихся дѣлъ, сеймъ продолжался почти два съ половиною мѣсяца (до 19 мая). Королева, прихварывавшая съ нѣкотораго времени весьма часто, хотѣла употребить послѣднія усилія, чтобы провести избраніе герцога анжуйскаго, разсчитывая, что, послѣ смерти Любомирскаго, она встрѣтитъ менѣе сопротивленія. Не смотря на болѣзнь, королева была дѣятельна до нельзя, прибѣгала къ внушеніямъ, подкупамъ, угрозамъ, лишь бы достигнуть цѣли. Чтобы не раздражать больной, король не сопротивлялся ей и рѣшился объяснить лично это дѣло сословіямъ; но прежде потребовалъ отъ сенаторовъ письменнаго обязательства, что они поддержатъ его предложеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, подкупленные значительными суммами денегъ, дали обязательство. Но великій коронный канцлеръ Лещинскій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, предваривъ даже, что на сеймѣ явно объявитъ себя противъ королевскаго предложенія. Встревоженный дворъ сдѣлался осторожнѣе, но не переставалъ дѣйствовать тайно. Наконецъ послы узнали обо всемъ, и желая, одинъ разъ навсегда, парализировать всѣ усилія двора, потребовали прямо (16 апрѣля), чтобы

*) Андрусовскій договоръ раздѣлилъ Украину на двѣ части. Восточная сторона Днѣпра осталась во власти царя. Къ нему перешли на вѣчныя времена: смоленское воеводство со всѣми уѣздами и городами, стародубскій уѣздъ, черниговское воеводство и вся путивльская сторона. Кіевъ же съ округомъ не болѣе какъ на милю, только на два года, то есть по 5 апр. 1669 г., послѣ чего онъ долженъ быть возвращенъ рѣчипосполитой. Въ королевскую сторону отошли: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣжица, Маріенбургъ и вся Ливонія, а также Украина по западной сторонѣ Днѣпра. Кромѣ того царь обязался прислать королю вспомогательное войско, состоящее изъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, противъ турокъ.

Прим. перевод.

король обязалъ присягой всѣ сословія не назначать при его жизни наслѣдника престола. Черезъ нѣсколько дней вицеканцлеръ отвѣтилъ, что король соглашается уничтожить документъ, относительно назначенія наслѣдника и хочетъ подтвердить новой сеймовой конституціей прежніе законы о свободѣ выборовъ. Примасъ и люблинскій воевода, стоявшіе возлѣ трона, отговаривали шопотомъ Яна-Казиміра отъ этого рѣшенія, но онъ отвѣтилъ рѣшительно: „хочу спокойствія, съ меня довольно этихъ мученій." Вицеканцлеръ повторилъ, затѣмъ, еще разъ отвѣтъ короля, что возбудило въ собраніи громкое одобреніе, со стороны сенаторовъ и пословъ. Но королева продолжала дѣйствовать по своему. Нѣкоторые послы убѣдились вскорѣ, что королева поручила Морштину, своему повѣренному въ Парижѣ, привезти въ Польшу принца кондейскаго, подъ предлогомъ посѣщенія ея передъ смертью. По ея соображеніямъ, принцъ долженъ былъ прибыть со свитою 300 человѣкъ, избѣгать свиданія съ ней наединѣ, потомъ отправиться къ войску, чтобы познакомиться съ нимъ и съ предводителями, и привлечь его на свою сторону, какъ своимъ обращеніемъ, такъ равно и подаркомъ въ 100,000 червонцевъ. Когда же турки и татары начали бы военныя дѣйствія, рѣчьпосполитая, по ея плану, была бы вынуждена принять содѣйствіе французскихъ войскъ, находящихся въ распоряженіи принца. Тогда при помощи нѣсколькихъ сенаторовъ казалось бы возможнымъ уговорить коронное войско передаться принцу, который послѣ того, безъ труда, завладѣетъ престоломъ или для себя, или для своего сына.

Открытіе этой тайны вызвало страшную бурю. Многіе послы рѣзко возстали противъ столь лукавыхъ дѣйствій, такъ что король, желая успокоить волненіе, опровергнулъ существованіе подобнаго письма. На это одинъ изъ пословъ воскликнулъ, что хотя каждый желаетъ считать это выдумкою, но трудно ее допустить, ибо всѣ обстоятельства говорятъ въ пользу дѣйствительности письма. Онъ прибавилъ даже, что можетъ назвать всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Король приказалъ удалить публику изъ замка. Многіе изъ пословъ сопротивлялись

этому, говоря, что не слѣдуетъ удалять публику, когда приходится назвать поименно нарушителей закона и народныхъ правъ. Но король настоялъ на своемъ. По удаленіи публики, посолъ назвалъ примаса, епископовъ краковскаго, познанскаго, холмскаго и кіевскаго, далѣе люблинскаго воеводу, литовскаго канцлера и нѣсколькихъ другихъ. Никто изъ этихъ лицъ не отвергалъ истины факта, но всѣ оправдывались только тѣмъ, что были вовлечены въ интригу. Тогда сѣдой Ожга, краковскій посолъ, сказалъ прямо королю, что подобнаго поступка онъ не съумѣетъ оправдать ни передъ Богомъ, ни передъ собственной совѣстью. Король остановилъ его съ гнѣвомъ, употребивъ даже слово „лжешь," желая вѣроятно или заставить Ожгу молчать, или быть болѣе осторожнымъ въ своихъ выраженіяхъ. Но Ожга отвѣтилъ хладнокровно, что пользуется правомъ голоса, а потому никто не можетъ заставить его молчать. Онъ продолжалъ далѣе, что теперь, когда письмо явно доказало, куда будетъ направлена, разрѣшенная уже сеймомъ, иностранная помощь, слѣдуетъ непремѣнно отмѣнить это постановленіе сейма, что снаряженіе Радзѣіовскаго въ Турцію, находится въ связи съ проектомъ призыва иностранныхъ войскъ, для возведенія на престолъ, силою оружья, кого будетъ угодно. Другіе обвиняли короннаго вицеканцлера въ томъ, что, будучи охранителемъ закона, онъ не противился подобному покушенію, и восхваляли доблесть коронного канцлера. Король долженъ былъ дать, наконецъ, согласіе на конституцію, гарантирующую, разъ навсегда, свободную элекцію королей. Королева и на этотъ разъ не хотѣла еще покориться и старалась деньгами и обѣщаніями увеличить число своихъ сторонниковъ. Отрицательный отвѣтъ (8 мая) великаго гетмана литовскаго огорчилъ ее до того, что болѣзнь неожиданно усилилась и спустя два дня Марія-Людвика скончалась (10 мая). Никто не пожалѣлъ объ ней. Покушеніемъ на право свободнаго избранія короля, Марія-Людвика вооружила противъ себя всю націю, хотя, съ другой стороны, нельзя отказать ей въ энергіи и большихъ способностяхъ. Этими качествами она превышала своего супруга и потому совершенно завладѣла его умомъ. Дѣло о назначеніи наслѣдника пре-

стола могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, даже имѣть благотворное вліяніе на будущія судьбы Польши, если бы королева, тайными интригами и неблаговиднымъ покушеніемъ, не встревожила граждань, опасавшихся потерять свою свободу. Нельзя не сказать, что старанія курфирста и австрійскаго двора много препятствовали избранію герцога анжуйскаго, но съ другой стороны и дворъ, прибѣгая къ непозволительнымъ мѣрамъ, самъ былъ виновникомъ своей неудачи.

Не смотря на описанныя происшествія, сеймъ окончился благополучно. Ленгоницкій договоръ былъ утвержденъ. На уплату войска назначенъ налогъ. Приказано арестовать Тынфа за злоупотребленія по монетному двору, но онъ успѣлъ бѣжать въ Гамбургъ. Подскарбію сдѣланъ выговоръ за неправильныя распоряженія финансами. Установлена новая форма для звонкой монеты. На этомъ же сеймѣ король передалъ Собѣскому великую коронную булаву, вакантную послѣ смерти Потоцкаго, а меньшую—белзскому воеводѣ Вишневецкому. Сословія же уполномочили короля произвести новую вербовку войскъ для веденія войны съ татарами и козаками.

Пока король былъ занятъ приготовленіями къ похоронамъ покойной Маріи-Людвики, что и совершилъ съ большою роскошью (22 сент.), Собѣскій готовилъ страну къ отраженію татарскихъ ордъ. Собравъ 12,000 войска, онъ сталъ съ главными силами въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Подчайцами, и разослалъ мелкіе отряды въ разныя стороны, чтобы препятствовать грабежамъ татаръ. Въ концѣ сентября явились татары съ козаками въ числѣ 100,000 человѣкъ. Сначала поляки защищались храбро, даже оставались побѣдителями въ мелкихъ стычкахъ, но наконецъ были бы вынуждены подчиниться, подавленные численнымъ перевѣсомъ враговъ, если бы, въ то же время, Сирко не предпринялъ похода въ Крымъ, пользуясь отсутствіемъ татаръ *). Совершенное опустошеніе ихъ жилищъ, при-

---

*) Польскій отрядъ казался столь незначительною горстью въ сравненіи съ цѣлой арміей татаръ и козаковъ, что Дорошенко, окруживъ непріятельскій обозъ, спросилъ у поляковъ съ насмѣшкой: войско ли будетъ защищать городъ или городъ войско? *Прим. перевод.*

томъ опасеніе, что козаки перейдутъ на сторону поляковъ, заставили татаръ заключить миръ (16 окт.), на основаніи котораго ханъ обязался пріостановить набѣги на польскія земли и жить въ мирѣ съ рѣчьюпосполитой. Собѣскій обѣщалъ высылать своевременно ежегодную дань. При посредничествѣ татаръ заключенъ договоръ и съ Дорошенкой. Гетманъ обѣщалъ исходатайствовать ему и козакамъ прощеніе короля и рѣчипосполитой, если они обратятся къ прежнему повиновенію и откажутся отъ покровительства иностранныхъ государей. Сверхъ того должна была быть назначена сеймовая коммиссія, для разбора ихъ жалобъ и постановленія по нимъ справедливаго рѣшенія. Въ то же время Радзѣіовскій успѣлъ склонить султана къ возобновленію мира, но съ условіемъ, что рѣчьпосполитая откажется отъ союза съ Москвой и не будетъ присвоивать себѣ господства надъ козаками, которые признали верховную власть султана. Радзѣіовскій не возвратился изъ этого посольства. Онъ умеръ тотчасъ по окончаніи переговора.

Отъ рѣчипосполитой зависѣло согласиться, на такихъ условіяхъ, на миръ съ Турціею. Такъ какъ въ тоже время приходилось подтвердить договоръ съ татарами и Дорошенкой, пріискать средства къ уплатѣ войску жалованья и разрѣшить другіе общественные вопросы, то король созвалъ сеймъ въ Варшаву (24 янв. 1668). Въ инструкціяхъ пословъ прусскихъ воеводствъ было сказано, чтобы они не соглашались ни на какія распоряженія, до тѣхъ поръ, пока король не раздастъ вакантныхъ староствъ мѣстнымъ жителямъ и не выведетъ своихъ гарнизоновъ изъ прусскихъ городовъ. Посольская палата поддержала эти требованія, настаивая въ особенности на отозваніи гарнизоновъ, ибо многіе догадывались, что король хочетъ отречься отъ престола и держитъ въ Пруссіи гарнизоны для того, чтобы облегчить французамъ высадку. Сверхъ того было дознано, что гарнизоны эти состояли на содержаніи Франціи и получали жалованье отъ данцигскаго купца Фремона. Слѣдовало, затѣмъ, отправить эти войска въ Украину, платить имъ жалованье изъ казны рѣчипосполитой, удалить иностранныхъ предводителей и разслѣдовать давно ли и по какому распоряженію Фремонъ платитъ

жалованье. Такъ какъ опасенія, что король, послѣ отказа отъ престола, будетъ поддерживать избраніе французскаго принца, все еще существовали, то посольская палата постановила слѣдующее. Каждый посланникъ, который будетъ вмѣшиваться въ дѣло избранія короля, изъемлется изъ подъ покровительства законовъ, а всѣ находящіеся нынѣ въ Польшѣ посланники, должны выѣхать въ теченіи двухъ недѣль. Постановленіе это, направленное, преимущественно, противъ французскаго посланника, было представлено королю и сенату на подтвержденіе. Вмѣсто ожидаемаго подтвержденія, король издалъ отъ себя другое постановленіе, относительно иностранныхъ пословъ. Посольская палата не допустила даже чтенія королевскаго документа, говоря, что было бы не согласно съ уставами, если бы король предлагалъ законъ, ибо правомъ этимъ пользуется одна посольская палата. Объясненіе короля, что онъ не можетъ подтвердить представленнаго закона, какъ противнаго международному праву, его чести и безопасности короны, укрѣпило всѣхъ во мнѣніи, что свободѣ выборовъ дѣйствительно угрожаетъ опасность и что для спасенія ея остается одно средство — образовать конфедерацію. Составленъ былъ тотчасъ актъ конфедераціи, но и король и сенатъ поставили неизбѣжнымъ условіемъ его подтвержденія—отмѣну нѣкоторыхъ пунктовъ акта. На это опять посольская палата не давала согласія, и видя невозможность, въ случаѣ отреченія Яна-Казиміра отъ престола, сохранить миръ внутри государства, желала, по крайней мѣрѣ, обезпечить рѣчьпосполитую извнѣ, и просила о собраніи посполитаго рушенья къ 10 іюня. Раздраженіе умовъ было до такой степени сильно, что король, не рѣшаясь дать отрицательный отвѣтъ, хотѣлъ отложить дѣло до слѣдующаго дня. Но послы воспротивились этому и даже не согласились на то, чтобы первыя два воззванія *) разосланы

*) Wici—знаки или письма, которыми созывалось общее ополченіе для защиты отечества. Такія воззванія дѣлались обыкновенно, три раза: по первому—приготовлялись, по второму — были готовы, по третьему — немедленно выступали въ походъ. Воззванія эти назывались *wici*, то есть вѣхи, потому что ихъ привязывали къ длиннымъ шестамъ и развозили по воеводствамъ.

Прим. перевод.

были тотчасъ же, а третье, по полученіи донесенія отъ короннаго гетмана, о необходимости сформировать подвижное ополченіе. Они объявили рѣшительно, что требуютъ посполитаго рушенья къ 10 іюня. Король, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ: „вы, вѣроятно, или не поняли, или не хотите понять моего отвѣта, даннаго вамъ чрезъ канцлера. Я хорошо вижу, чего вы хотите достигнуть, требуя столь настоятельно ополченія. Если мое управленіе вамъ наскучило, то знайте, что и вы мнѣ уже надоѣли, и что за всѣ мои труды я ничего такъ не желаю искренно, какъ спокойствія. Что касается посполитаго рушенья, то я соглашусь только на такое, на какое соглашался мой покойный отецъ. Если вамъ мой отвѣтъ не нравится, прикажите маршалу начать прощальную рѣчь.“ Великій канцлеръ коронный хотѣлъ успокоить короля и просилъ пословъ, чтобы во вниманіе къ позднему времени, они отложили рѣшеніе до слѣдующаго дня. Этому воспротивились сандомирскіе послы, и пока послѣдовало соглашеніе, король удалился въ свои покои, чѣмъ лишилъ совѣщанія сейма законной силы. Въ слѣдующее засѣданіе король не согласился на посполитое рушенье. Такимъ образомъ сеймъ ничѣмъ не кончился (7 марта).

Всѣ догадывались, что король намѣренъ отказаться отъ престола, и если бы сеймъ не былъ расторгнутъ, послы хотѣли просить его не дѣлать подобной обиды и стыда народу. Догадки наконецъ осуществились. Король, созвавъ (11 іюня) совѣтъ сенаторовъ въ Варшаву, объявилъ рѣшительно, что онъ намѣренъ сложить съ себя корону, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и что онъ желаетъ послѣдніе дни жизни провести въ тишинѣ и приготовиться къ смерти. Онъ прибавилъ, что только этимъ шагомъ можетъ быть устранено ложное толкованіе его намѣреній и постоянная подозрительность сословій, ибо послѣ его отъѣзда они будутъ пользоваться полнѣйшей свободой выбора, что это рѣшеніе непреклонно, а потому просьбы сенаторовъ ни къ чему не поведутъ, что имъ слѣдуетъ теперь только позаботиться о томъ, чтобы отреченіе короля не нарушало безопасности короны. Янъ-Казиміръ просилъ назначить ему содержаніе, соотвѣтственное его положенію, говоря

что отреченіе намѣренъ совершить во время сейма, который будетъ созванъ. Сенаторы, послѣ совѣщанія у примаса, умоляли короля, на колѣняхъ и со слезами, отказаться отъ своего намѣренія. Все было напрасно. Онъ увѣрялъ, что еще при жизни жены хотѣлъ сложить съ себя корону, теперь же совѣсть не позволяетъ ему болѣе медлить. Король прибавилъ, что рѣшеніе его еще болѣе утвердилось послѣ послѣдняго сейма, во время котораго сенаторы или дурно, или вовсе не защищали его достоинства, и кончилъ со слезами на глазахъ: „тяжело будетъ оставить престолъ, а еще болѣе тяжело — покинуть отечество.“

Еще до собранія сейма (27 авг.), Янъ-Казиміръ сообщилъ иностраннымъ дворамъ о своемъ рѣшеніи. Папа, императоръ, французскій король и другіе совѣтовали ему не слагать короны. Но раздача имѣній и разныхъ вещей, а равно отсылка заграницу разнаго имущества, доказывали непоколебимость его намѣренія. Король устранилъ себя совершенно отъ общественныхъ дѣлъ и проводилъ дообѣденное время въ своихъ покояхъ, а послѣобѣденное съ нѣсколькими приближенными. Многіе полагали, что Янъ-Казиміръ, объявивъ необдуманно о намѣреніи отказаться отъ престола, самъ теперь этого жалѣетъ, такъ что на нѣкоторыхъ сеймикахъ было поручено посламъ просить короля остаться на престолѣ.

Но Янъ-Казиміръ былъ непреклоненъ и вице-канцлеръ объявилъ сословіямъ отъ его имени, что, отказываясь отъ престола, онъ требуетъ, чтобы рѣчьпосполитая уволила его отъ данной имъ присяги, назначила соотвѣтственное содержаніе, уплатила долги, сдѣланные имъ и братьями и избрала въ короли истиннаго католика. Что касается содержанія, то Янъ-Казиміръ предоставлялъ себѣ на время междуцарствія весь доходъ съ столовыхъ имѣній, а впослѣдствіи литовскую и русскую пошлины, староства самборское, гродненское и вольборское и 150,000 зл. изъ доходовъ съ величскихъ копей. Послѣ этого заявленія, посольская палата совѣщалась, просить ли короля остаться на престолѣ, или нѣтъ. Нѣкоторые возставали рѣзко противъ него, упрекая Яна-Казиміра въ томъ, что онъ постоянно стремился къ самодержавію и нарушилъ всѣ органическіе

законы государства. Громче другихъ говорили великопольскіе послы, доказывая, что было бы неприлично и опасно для края, просить Яна-Казиміра остаться во главѣ правленія, какъ скоро онъ сказалъ сенаторамъ: „если ваши просьбы заставятъ меня остаться на престолѣ, то я буду пренебрегать общественнымъ благомъ, уничтожу всѣ ваши права и раззорю государство. Знайте, что въ день коронаціи я думалъ уже объ отреченіи отъ престола.“ Нѣкоторые говорили о королѣ съ уваженіемъ и требовали, чтобы палата просила его не слагать короны. Послѣ продолжительныхъ преній послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Сеймовый маршалъ Жарновскій передалъ (3 сент.) королю желанія посольской палаты, присовокупивъ, что на основаніи уставовъ и данной присяги, король не имѣетъ права слагать короны. Всѣ просьбы оказались безуспѣшными. Король оставался непоколебимымъ. Пришлось согласиться на сложеніе короны. Янъ-Казиміръ освободилъ (15 сент.) всѣ сословія рѣчипосполитой и ленныхъ князей отъ принесенной ему присяги на вѣрность и обѣщалъ отнюдь не препятствовать свободному избранію короля. Сеймъ же, съ своей стороны, снялъ съ него обязанности, принятыя во время коронаціи. Оставалось еще разрѣшить вопросъ о назначеніи содержанія. Послѣ непродолжительныхъ преній сеймъ ассигновалъ ему пожизненную пенсію, въ размѣрѣ 150,000 зл. Тотчасъ послѣ этого король отправился во Францію, гдѣ и скончался 16 декабря 1672 г.*). Янъ-Казиміръ

*) Г. Шмиттъ, какъ постоянный поборникъ шляхетскихъ вольностей, судитъ Яна-Казиміра слишкомъ строго, приписывая ему всѣ бѣдствія, постигшія Польшу въ 20-ти лѣтнее его правленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что король виноватъ во многомъ, какъ напр. въ шведской войнѣ, но съ другой стороны, неповиновеніе войска, неуваженіе къ закону, распутство, какое то равнодушіе къ угрожающимъ бѣдствіямъ, религіозный фанатизмъ, потрясли до основанія все зданіе государства. Янъ-Казиміръ, прежде чѣмъ рѣшился на послѣдній шагъ — отреченіе отъ престола, старался своими предостереженіями обратить заблудшихся на путь истины. На сеймѣ 1661 г. король сказалъ сословіямъ: «Дай Богъ, чтобы я былъ лжепророкомъ, но говорю по совѣсти, если вы теперь же не пріищете мѣръ, чтобы устранить бѣдствія, которыя ведутъ за собой ваши свободные, будто бы, выборы, это прекрасное государство будетъ разорвано на части сосѣдними народами: Россія возьметъ Русь и Литву, курфирстъ Великопольшу и Пруссію; австрійскій дворъ не забудетъ и себя, на его долю доста-

не вызвалъ своимъ отреченіемъ отъ престола а, затѣмъ, и смертію большаго сожалѣнія, ибо всѣ бѣдствія, постигшія Польшу въ его царствованіе, слѣдуетъ приписать его упрямству или его личнымъ распоряженіямъ. Народъ, такъ сказать, успѣлъ насытиться его правленіемъ.

нется Краковъ и Малопольша. Каждый изъ сосѣдей будетъ охотнѣе довольствоваться частью Польши, добытой оружіемъ, чѣмъ цѣлымъ государствомъ съ такими вольностями, какими вы пользуетесь теперь». *Прим. перевод.*

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

ИСТОРІЯ
ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Ю. О. ШРЕЙЕРА.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6-го сентября 1866 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ПЕРІОДЪ ШЕСТОЙ.

(*Продолженіе*).

I.

Михаилъ Корибутъ Вишневецкій.

(1668 — 1673).

Конвокаціонный сеймъ (5 ноября 1668). — Избирательный сеймъ (2 мая). — Избраніе князя Михаила Вишневецкаго. — Протестъ Замойскихъ. — Дѣло выходцевъ и расторженіе коронаціоннаго сейма. — Начало неудовольствій. — Бракъ короля съ Елеонорой австрійской. — Сеймъ 7 марта 1670 г. — Расторженіе его.—Партіи французская и королевская.—Интриги Собѣскаго. — Сеймъ 9 сент. — Новая присяга. — Примасъ извиняется передъ королемъ. — Коронація королевы (19 окт.). — Несогласія гетмановъ. — Несостоявшееся посполитое рушеніе. — Сеймъ 26 янв. 1672 г. — Новыя интриги примаса и Собѣскаго. — Примасъ обвиняетъ публично короля. — Расторженіе сейма (14 марта). — Чрезвычайный сеймъ (18 мая). — Намѣреніе свергнуть короля съ престола. — Конфедерація (11 іюня). — Появленіе Собѣскаго на сеймѣ съ войскомъ. — Расторженіе сейма. — Манифестъ примаса и Собѣскаго. — Отвѣтъ короля. — Посполитое рушеніе. — Осада Львова. — Бучацкій миръ. — Побѣда Собѣскаго.— Генеральная конфедерація. — Войсковая конфедерація. — Примиреніе. — Общій сеймъ. — Вторая турецкая война. — Хотимская побѣда (11 нояб.). — Смерть короля Михаила (10 нояб. 1673).

Послѣ удаленія Яна Казиміра во Францію, примасъ Николай Пражмовскій созвалъ (5 ноября) конвокаціонный сеймъ въ Варшаву. Во время сейма партіи не выступали еще слишкомъ рѣзко и, по исконному порядку, послы обсуждали мѣры, могущія обезпечить внѣшнюю безопасность рѣчипосполитой на время междуцарствія. Постановлено, чтобы каждый избиратель далъ предварительно

присягу, что подастъ голосъ свой въ пользу того изъ кандидатовъ, котораго дѣйствительно признаетъ болѣе достойнымъ, отъ котораго не принималъ ни подарковъ, ни обѣщаній. Послы бывшіе на лицѣ на конвокаціонномъ сеймѣ принесли присягу тотчасъ и присовокупили, что будутъ считать измѣнникомъ отечества каждаго, кто бы отказался отъ нея во время выборовъ.

Прежде чѣмъ землевладѣльцы успѣли собраться на избирательный съѣздъ подъ Варшавой, всѣ партіи усердно работали въ воеводствахъ надъ пріобрѣтеніемъ сторонниковъ. Главныя партіи были французская и народная. Первою руководили примасъ и великій маршалъ и гетманъ коронный Янъ Собѣскій, бывшіе нѣкогда самыми главными партизанами Маріи-Людовики. Ко второй партіи, которая, имѣя во главѣ короннаго вице-канцлера холмскаго епископа Андрея Ольшовскаго постепенно усиливалась, мало по малу примкнула вся фаланга людей, боровшихся съ дворомъ, совмѣстно съ Юріемъ Любомирскимъ и справедливо могущихъ именоваться ракузскою партіею. Для занятія престола явилось три кандидата: принцъ Конде или его сынъ, поддерживаемый французской партіей; герцогъ нейбургскій*), котораго рекомендовалъ курфирстъ, а для вида даже французскій дворъ, и наконецъ герцогъ лотарингскій**), предлагаемый австрійскимъ дворомъ. Ольшовскій, изобразивъ въ сочиненіи своемъ „Censura candidatorum***)" характеристику иностранныхъ принцевъ, добивавшихся польскаго престола, убѣждалъ соотечественниковъ, чтобы для блага рѣчипосполитой, они избрали королемъ поляка и предлагалъ Михаила Вишневецкаго, сына Іереміи.

---

*) *Филипъ-Вильгельмъ* пфальцъ-графъ рейнскій, герцогъ нейбургскій, женатый на сестрѣ *Яна-Казиміра*. *Прим. перевод.*

**) *Карлъ V* лотарингскій, одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ принцевъ своего времени, врагъ *Лудовика XIV*. *Прим. перевод.*

***) Книга о которой упоминаетъ г. Шмиттъ, была написана Ольшовскимъ, за шесть или за семь мѣсяцевъ до выборовъ; казалось она не произвела никакого впечатлѣнія, между тѣмъ подъ ея вдохновеніемъ образовалась новая партія—народная, одержавшая побѣду на выборахъ. Когда Вишневецкій былъ провозглашенъ королемъ, примасъ Пражмовскій сказалъ: «Перстъ Божій видѣнъ въ этомъ». Собѣскій же отвѣтилъ: «Это содѣлала Censura».

Избирательный съѣздъ (2 мая 1669) былъ весьма многочисленный. Изъ великопольскихъ и малопольскихъ воеводствъ прибыли ополченія. Изъ Пруссіи, Литвы, а частію и изъ Руси явились многочисленныя посольства. Болѣе зажиточные помѣщики привели съ собой значительныя дружины. Въ свитѣ одного Яна Собѣскаго находилось до 12,000 вооруженныхъ людей. Французская партія, расчитывая на свои вооруженныя силы, уклонялась отъ присяги, постановленной на конвокаціонномъ сеймѣ, а противники ея, въ свою очередь, приходили въ негодованіе, отъ нахлынувшей съ нею массы солдатъ. Потомъ завязался споръ на счетъ выбора маршала. Французская партія предлагала короннаго подстолія Феликса Потоцкаго, а народная освѣцимскаго старосту Пѣніонжка. Но когда послѣдній, вслѣдствіе внушеній Ольшовскаго, отказался отъ соискательства, выборъ палъ на Потоцкаго. Партизаны французскаго кандидата не предлагали его открыто, но притворялись, будто бы поддерживаютъ герцога необургскаго, чтобы такимъ образомъ вывѣдать расположеніе умовъ. Тайно же они старались распространить убѣжденіе, что выборъ принца кондейскаго былъ бы найболѣе выгоднымъ для рѣчипосполитой. У примаса, въ часто повторявшихся тайныхъ сходкахъ, обсуждались мѣры, къ проведенію кандидатуры этого принца. Шляхтѣ, не довѣрявшей примасу и его друзьямъ, открылъ (28 мая) впервые глаза сандомирскій судья Заремба, обративъ ихъ вниманіе на тайные происки, которые можно предупредить только устраненіемъ отъ кандидатуры всѣхъ французскихъ принцевъ. Все войско приняло единогласно это рѣшеніе, которому и сенатъ не смѣлъ явно противиться. Одинъ только варшавскій каштелянъ Оборскій полагалъ, что подобнымъ исключеніемъ одного или другаго кандидата нарушается свобода выборовъ. Раздраженная шляхта угрожала ему смертью, называя его измѣнникомъ и бунтовщикомъ. Это не смутило ни примаса, ни Собѣскаго, ни короннаго подскарбія Морштына и другихъ, которые продолжали, по прежнему, вести свое дѣло. Пенкославскій обвинилъ примаса передъ шляхтою въ томъ, что онъ освобождаетъ своихъ сторонниковъ отъ присяги, данной ими согласно постановленію конвокаціоннаго сейма

подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы вынужденная присяга не обязательна. Раздраженіе войска достигло крайнихъ предѣловъ, а Феликсъ Потоцкій вынужденъ былъ отправиться (6 іюня) во главѣ депутаціи въ сенатъ, чтобы потребовать рѣшительнаго исключенія принца кондейскаго изъ числа кандидатовъ на престолъ. Примасъ хотѣлъ сначала уклониться, но когда сенаторы, встревоженные угрозами шляхты, изъявили свое согласіе на исключеніе, то примасъ воскликнулъ нѣсколько разъ съ гнѣвомъ: „и я его исключаю!“ Но и это не удовлетворило шляхту. Она постановила, что не только французскіе принцы исключаются изъ числа кандидатовъ, но кромѣ того каждый кто осмѣлится предложить ихъ на польскій престолъ, признается врагомъ отечества.

Оставались затѣмъ еще два иностранные кандидата — герцоги необургскій и лотарингскій. Первый изъ нихъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ старецъ, а второй былъ 24 лѣтнимъ юношею. Именемъ обоихъ предлагались рѣчипосполитой разныя выгоды, въ томъ числѣ на ея нужды 5.000.000 злот. День проходилъ за днемъ, и примасъ съ Собѣскимъ отсрочивали, подъ разными предлогами, избраніе короля, въ той надеждѣ, что когда бѣднѣйшая шляхта, исчерпавъ привезенные съ собой припасы, разъѣдется по домамъ, будетъ не трудно осуществить это избраніе своего кандидата. Шляхта, выведенная изъ терпѣнія, рѣшилась приступить къ выборамъ (19 іюня) и послы ея собрались въ особо устроенномъ навѣсѣ. Такъ какъ примасъ, Собѣскій и многіе сенаторы не являлись, то, по совѣту Ольшовскаго, маршалъ послалъ ко всѣмъ имъ, въ особенности къ примасу приглашеніе, предваряя что войско не намѣрено острочивать болѣе избраніе короля. Примасъ извинился болѣзнью, а за его отсутствіемъ куявскій епископъ Флоріанъ Чарторыскій запѣлъ пѣснь о святомъ духѣ, предшествовавшую обыкновенно выборамъ. Воеводства малопольскія и великопольскія выѣхали въ поле верхами, а послы прусскіе и литовскіе стояли вблизи навѣса. Была минута, когда трудно было угадать, кто изъ кандидатовъ одержитъ верхъ. Одни держали сторону герцога необургскаго, другіе же льнули къ герцогу лотаринг-

скому. Въ пользу перваго объявила себя почти вся французская партія, но трудно было рѣшить, была ли то поддержка искренняя, чистосердечная или только притворная. Возникло даже опасеніе что, если окажется невозможнымъ единогласное избраніе одного изъ кандидатовъ, голоса раздѣлятся и каждая изъ партій пожелаетъ, быть можетъ, силою настоять на своемъ выборѣ, что̀ снова могло бы вызвать междоусобную войну. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ воеводствахъ, начались, по этому поводу, пререканія, ибо одни держали сторону герцога необургскаго, другіе же лотарингскаго. Въ калишскомъ воеводствѣ происходило тоже самое. Янъ Опалинскій, рекомендуя съ жаромъ герцога необургскаго, успѣлъ привлечь на свою сторону часть этого воеводства. Но другая часть энергически протестовала противъ такого избранія. Неожиданно раздается голосъ подкоморника того же воеводства Станислава Кржицкаго, который совѣтуетъ устранить обоихъ этихъ кандидатовъ и согласиться на избраніе третьяго кандидата. Когда его спросили объ имени этого третьяго кандидата, онъ назвалъ князя Михаила Корибута Вишневецкаго. Все воеводство приняло единогласно это предложеніе и при громкихъ восклицаніяхъ провозгласило Михаила королемъ. Примѣру калишскаго воеводства послѣдовало ближайшее къ нему воеводство познанское, а затѣмъ и всѣ прочія великопольскія. Изъ малопольскихъ воеводствъ — сандомирское первымъ примкнуло къ предложенію Кржицкаго и привѣтствовало королемъ, бывшаго въ его средѣ Михаила. Вскорѣ выборъ былъ принятъ всѣми коронными воеводствами. Литву и Пруссію уговорили дѣйствовать единодушно коронный вицеканцлеръ и плоцкій епископъ, такъ что совершенно неожиданно Михаилъ былъ провозглашенъ единогласно королемъ безъ малѣйшаго, съ его стороны, искательства. Поморское воеводство, подстрекаемое своимъ воеводою Бонковскимъ, сначала противилось избранію, ибо носился слухъ, что примасъ, Собѣскій и другіе, протестовали противъ выбора, но окончательно оно примкнуло къ общему мнѣнію *).

*) Михаилъ Вишневецкій, узнавъ о выборѣ, для него еще болѣе неожиданномъ чѣмъ для другихъ, со слезами отказывался отъ этой чести, но когда

Выборы были кончены, а примасъ все еще не являлся, хотя за нимъ посылали нѣсколько разъ. Шляхта, желая въ тотъ же день покончить все дѣло, настаивала, чтобы куявскій епископъ за отсутствіемъ примаса провѣрилъ выборъ и провозгласилъ короля. Епископъ началъ уже спрашивать поочередно всѣ воеводства, какъ вдругъ, почти съ закатомъ солнца, прибылъ на мѣсто выбора примасъ. Взявъ Михаила за руку, онъ вывелъ его на середину и спросивъ три раза, не сопротивляется ли кто нибудь его выбору, провозгласилъ королемъ единогласно избраннымъ, что тотчасъ повторилъ Собѣскій, въ качествѣ великаго короннаго маршала. Послѣ того примасъ отвезъ юнаго короля въ своемъ экипажѣ въ замокъ *).

просьбы не помогли, онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ съ поля. За нимъ погнались мазуры и силою воротили назадъ. Не смотря на огромное состояніе, которымъ владѣлъ нѣкогда его отецъ, Михаилъ Вишневецкій былъ совершенно бѣденъ; онъ получалъ всего содержанія 6,000 злот., оставленные ему по завѣщанію королевы Маріи-Людовики. Эта бѣдность была одною изъ главнѣйшихъ причинъ недоброжелательства и зависти магнатовъ, содѣлавшихъ его царствованіе столь злосчастнымъ. *Прим. перевод.*

*) Послѣ полуночи, говоритъ одинъ современный писатель, освободившись отъ окружающей свиты, новый король отправился *incognito* къ матери, княгинѣ Вишневецкой, которая жила на сенаторской улицѣ, въ деревянномъ домѣ примаса Пражмовскаго, вошелъ къ ней заднимъ ходомъ черезъ садъ. Предупрежденная мать встрѣтила его на половинѣ дороги. Сынъ упалъ передъ нею на колѣни, просилъ ея благословенія. Мать встрѣтила его слѣдующими словами: «Милый сынъ мой, вчера я привѣтствовала тебя какъ сына, сегодня—какъ короля; благодарю Провидѣніе, которое возвысило тебя выше другихъ, но коль скоро Богъ посадилъ тебя на польскомъ престолѣ, помни, что ты человѣкъ, подверженный слабостямъ.» Оставшись у матери около часу, король возвратился въ замокъ. На слѣлующій день былъ праздникъ Божьяго тѣла, а замокъ былъ обнаженъ и разграбленъ шведами, и у короля не было никакой утвари; кое кто началъ являться съ подарками; архіепископъ прислалъ бархатные малиновые обои съ золотыми полосами и бѣлой парчевой балдахинъ: коронный референдарій — цугъ лошадей; Любомирскій — постель, два цуга лошадей и карету; конюшій князь Радзивилъ — шпагу съ рубинами и яшмой, отъ которой въ тотъ же день пропалъ наконечникъ; князь вицеканцлеръ — стражу изъ 160 человѣкъ венгерцевъ и цугъ лошадей, купцы изъ разныхъ городовъ приносили деньги, такъ что король собралъ въ этотъ день нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ деньгами и драгоцѣнностями; а какъ *novus princeps* нашелъ пустоту въ королевской замковой кладовой, то обѣдалъ у короннаго кухмистра, ужиналъ же или пировалъ у архіепископа; Собѣскій, гетманъ и великій маршалъ коронный отказывался сначала нести жезлъ передъ королемъ, но потомъ

Шляхта настояла на своемъ, избравъ въ короли, вопреки желанію примаса и Собѣскаго, Михаила Вишневецкаго, сына Іереміи и Гризельды Замойской, внучки Яна Замойскаго. Михаилъ происходилъ изъ рода Гедимина. Когда скончался отецъ его, потерявшій во время казацкихъ войнъ большую часть своего состоянія, Михаилъ находился подъ опекою епископа плоцкаго, королевича Карла-Фердинанда, который, на смертномъ одрѣ, передалъ эту опеку королевѣ Маріи-Людовикѣ. Михаилъ получилъ прекрасное образованіе, а Ольшовскій, рекомендуя его въ своей „Censura candidatorum", хвалилъ его умъ, добродѣтели, благоразуміе, доброе сердце и даже храбрость, выказанную въ какой то военной экспедиціи, присовокупляя, что Михаилъ съумѣетъ управлять страною, ибо знаетъ, что такое нужда. Послѣ избранія въ короли, Михаилъ объявилъ тѣмъ, которые его окружали, что принимая изъ рукъ сословій рѣчипосполитой санъ королевскій, о которомъ никогда не дерзалъ мечтать, онъ будетъ не только ихъ государемъ, но и слугою.

Примасъ и Собѣскій, встревоженные настойчивостію шляхты, не смѣли сначала сопротивляться этому выбору, но за то рѣшились или низвергнуть съ престола избранника, или заставить его сложить корону, или, по крайней мѣрѣ, употребить всѣ средства, чтобы навлечь на него общее негодованіе и презрѣніе. Вслѣдствіе ихъ происковъ, въ коммиссію, составлявшую *pacta conventa* явились Замойскіе, ведшіе процессъ съ матерью новаго короля и внесли въ эту коммиссію протестъ противъ выбора. Здравый смыслъ всѣхъ сословій рѣшилъ, что подобный протестъ не имѣетъ значенія. Не смотря на то, Собѣскій не подписалъ условій съ королемъ, показывая тѣмъ, что онъ его не признаетъ. Король присягнулъ на *pacta* (7 іюля) и сословія назначили на день св. Михаила (29 сентября), коронацію, которая и совершилась безпрепятственно.

умилостивился.» Мы привели безъ всякихъ измѣненій слова современнаго писателя, вѣрно изображающія тогдашнее время, расположеніе умовъ, обычаи; король, который нуждался во всемъ, не могъ возбуждать большаго уваженія въ шляхтѣ, ставившей власть, величіе, таланты, рядомъ съ пышностью и богатствомъ. *Прим. перевод.*

Коронаціонный сеймъ, открытый 1 октября, начался единогласнымъ избраніемъ маршала, Станислава Кржицкаго, такъ что можно было ожидать благопріятнаго, для края, исхода сейма. Но партія примаса и Собѣскаго, ставшая въ оппозицію къ королю, трудилась постоянно надъ тѣмъ, чтобы не дозволить укорениться власти. Вскорѣ на сеймѣ возникли разногласія вслѣдствіе дѣла о такъ называемыхъ эксулянтахъ, то есть выходцахъ, которые оставили мѣстности, занятыя Московіею при королѣ Янѣ-Казимірѣ, въ надеждѣ возвратиться въ свои помѣстья, когда онѣ снова отойдутъ къ рѣчипосполитой. Когда однако по андрусовскому перемирію, провинціи эти остались за Россіей, Янъ-Казиміръ обѣщалъ назначить выходцамъ содержаніе изъ коронныхъ староствъ по 30,000, а изъ литовскихъ по 20,000 злот. Тоже самое было выговорено въ условіяхъ съ королемъ Михаиломъ, который обязался не назначать никому королевщизнъ, до тѣхъ поръ, пока эксулянты не будутъ удовлетворены. Но когда на сеймѣ король отдалъ кросненское староство сандомирскому воеводѣ, кіевскіе, черниговскіе и брацлавскіе депутаты начали жаловаться, что это нарушаетъ *pacta conventa*, и не находя поддержки со стороны посольской палаты, удалились, представивъ протестъ. Тогда воевода отказался отъ староства и послы воротились. Вскорѣ нашелся новый поводъ къ неудовольствію: король пожаловалъ кому то помѣстье, приносившее 3,000 злот. годоваго дохода. Кіевскій подсудокъ Янъ Олизаръ протестовалъ противъ этого пожалованія и такъ какъ онъ выѣхалъ изъ Кракова, то и сеймъ не состоялся. Это былъ первый примѣръ расторженія коронаціоннаго сейма и хотя всѣ говорили громко, что Олизаръ взялъ за свой поступокъ нѣсколько сотъ злотыхъ, но тѣмъ не менѣе, протестъ его былъ признанъ дѣйствительнымъ.

Король и его друзья, въ особенности коронный вицеканцлеръ Ольшовскій, хорошо понимали, что при содѣйствіи брака слѣдуетъ искать за границей точки опоры, которая уравновѣсила бы поддержку, оказываемую французскимъ дворомъ примасу и Собѣскому. Такимъ образомъ бракъ съ австрійской герцогиней Елеонорой, се-

строй императора Леопольда, сдѣлался почти необходимостью—заявленіе о томъ, внесенное по расторженіи сейма, въ совѣтъ сената (29 октября), не встрѣтило возраженій, хотя нѣкоторые совѣтовали обождать слѣдующаго сейма. Король, не соглашаясь на отсрочку, отправилъ короннаго вицеканцлера въ качествѣ посланника. Дѣло было немедленно улажено и бракъ долженъ былъ совершиться въ Ченстоховѣ.

Многіе порицали поспѣшность короля, утверждая, что безъ сословій, онъ не имѣлъ права рѣшать окончательно выборъ супруги. Другіе ставили ему въ вину, что онъ принялъ отъ испанскаго короля орденъ золотаго руна, привезенный ему испанцемъ Гаррахомъ. Примасъ осуждалъ каждый шагъ короля и угрожалъ даже тѣмъ, что будетъ публично увѣщевать его и прибѣгнетъ ко всѣмъ средствамъ, доступъ къ которымъ открываетъ санъ примаса, если въ его поведеніи не послѣдуетъ рѣшительная перемѣна. Кромѣ того короля обвиняли въ томъ, что онъ не заботится о дѣлахъ рѣчипосполитой и слѣдуетъ во всемъ совѣтамъ своихъ наушниковъ, вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ мнѣніямъ первыхъ въ краѣ сенаторовъ. Говорили, что выборъ былъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно, такъ что теперь въ краѣ вмѣсто одного короля—нѣсколько корольковъ, которые, управляя именемъ короля, соблюдаютъ только свой собственный интересъ. Магнаты до такой степени пренебрегали королемъ, что когда онъ послѣ сейма въѣзжалъ въ Варшаву, ни одинъ изъ сенаторовъ ему не сопутствовалъ и находившійся въ столицѣ великій канцлеръ коронный оправдывался потомъ тѣмъ, что онъ будто бы не зналъ ничего о его пріѣздѣ.

Подобное начало не могло предвѣщать Михаилу благополучнаго царствованія. Недоброжелательство и презрѣніе вельможъ, отравили для него, на первомъ же шагу, то высокое положеніе, которымъ почтилъ его народъ, тѣмъ болѣе что у короля не доставало силы воли, чтобы заставить уважать власть, врученную ему сословіями рѣчипосполитой. Между тѣмъ все болѣе и болѣе запутывавшіяся обстоятельства требовали энергическаго и сильнаго правительства. Дорошенко со всей Украиной принялъ подданство турец-

каго султана и тѣмъ пріобрѣлъ покровительство Турціи. Это подало поводъ пашѣ Силистріи, при поздравленіи короля со вступленіемъ на престолъ, увѣдомить также о подданствѣ Дорошенки и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь, чтобы сему послѣднему не было дѣлаемо никакихъ притѣсненій, ибо султанъ будетъ защищать его всѣмъ могуществомъ своего государства. И такъ вовсе не было преувеличеннымъ опасеніе, что турки, утвердившись въ Украинѣ, захотятъ ворваться въ глубь Польши и готовы даже завладѣть Каменцомъ. Правда, что для успокоенія казаковъ, Михаилъ назначилъ коммиссаровъ; а къ султану и къ хану снарядилъ пословъ, требуя, чтобы они не вмѣшиваясь въ дѣла казаковъ, соблюдали миръ съ съ рѣчьюпосполитой, строго придерживаясь прежнихъ договоровъ. Но трудно было ожидать благопріятнаго успѣха отъ этихъ посольствъ, тѣмъ болѣе, что получено было извѣстіе, что молдаванскому господарю дано изъ Стамбула приказаніе приготовиться къ войнѣ.

Король, сочетавшись бракомъ съ Елеонорой въ Ченстоховѣ (28 февраля 1670), отправился на чрезвычайный сеймъ въ Варшаву (9 марта), чтобы пріискать мѣры для устраненія угрожающей извнѣ опасности и успокоить рѣчьпосполитую внутри, что уже предварительно было поручено его коммиссарамъ на сеймикахъ. Дѣла предстояло много. Изъ внѣшнихъ дѣлъ наиболѣе важными были военныя приготовленія противъ Турціи и заключеніе вѣчнаго мира съ Москвою, которая должна была возвратить Кіевъ. Изъ внутреннихъ же дѣлъ выдвигались болѣе другихъ — коронація, приданое королевы, уплата жалованья войску, назначеніе для него зимнихъ квартиръ безъ отягощенія обывателей, а въ особенности прекращеніе внутреннихъ неудовольствій. Не смотря на всевозможныя усилія людей, истинно заботившихся о благѣ отечества, трудно было расчитывать на благопріятный исходъ сейма, ибо враждебная королю партія, желавшая непремѣнно низвергнуть его съ престола, успѣла провести въ нѣкоторыхъ воеводствахъ выборъ своихъ кандидатовъ. Хотя они составляли меньшинство, но тѣмъ не менѣе они могли парализировать всѣ совѣщанія.

Послѣ трехдневныхъ преній, Кѣрдей избранъ маршаломъ сейма, и когда потомъ посольская палата теряла время въ неприличныхъ пререканіяхъ, холминскій посолъ Повальскій высказался рѣзко противъ подобныхъ злоупотребленій свободнаго слова. По его мнѣнію слѣдовало, согласно прежнимъ уставамъ, ограничить эту свободу, въ особенности же воспрепятствовать, чтобы отсутствующіе сенаторы не могли расторгать сеймовъ. Онъ заявилъ при этомъ опасеніе, что и этотъ сеймъ не принесетъ пользы отечеству и что каждый потерявъ шесть недѣль въ безплодныхъ спорахъ, вернется ни съ чѣмъ домой. Въ рѣчи своей Повальскій употребилъ какое-то колкое слово, въ которомъ былъ намекъ на Калишъ. Калишскіе депутаты сочли это оскорбленіемъ, и одинъ изъ нихъ Кожуховскій отвѣтилъ, что болѣе чести быть депутатомъ калишскаго воеводства, нежели съ городскими торговцами устраивать сеймики въ Пруссіи. Повальскій, обиженный такимъ выраженіемъ, вышелъ, оставивъ протестъ. Хотя онъ на слѣдующій день возвратился, но познанскіе и калишскіе депутаты не хотѣли допустить прусскихъ депутатовъ къ участію въ совѣщаніяхъ сейма, подъ тѣмъ предлогомъ, что они посольствуютъ и отъ имени городовъ, а на Торнѣ тяготѣетъ банниція, то есть онъ лишенъ права подавать голосъ. Едва эта буря утихла, какъ разразилась новая — Олизара упрекнули, что онъ за деньги расторгнулъ прежній сеймъ. Обвиненный хотѣлъ оправдываться и когда одни соглашались, другіе противились этому, говоря, что такой низкій злодѣй не можетъ пользоваться правомъ голоса. Жаркій споръ едва не окончился дракою. Напрасно маршалъ старался возстановить порядокъ и сломалъ пять жезловъ, стуча ими объ полъ. Наконецъ послы внѣ себя отъ ярости оставили палату, не получивъ однакожъ на то разрѣшенія маршала. Прошло пять недѣль въ подобныхъ спорахъ, прежде чѣмъ послы отправились въ сенатъ, для выслушанія мнѣнія сенаторовъ, относительно королевскихъ предложеній. Коронный вицеканцлеръ представилъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Вѣну и долженъ былъ почти присягнуть, что всѣ его переговоры ограничивались дѣломъ о королевскомъ бракѣ. Сенаторы, которыхъ впрочемъ, въ засѣданіи

было очень мало, еще не успѣли изложить своихъ мнѣній, а уже одна часть пословъ хотѣла возвратиться въ палату, другая же остаться въ сенаторской залѣ. Король, видя невозможность возстановить согласіе, отложилъ засѣданіе до слѣдующаго дня. Маршалъ явился въ сенатъ съ нѣкоторыми послами, но какъ большинство ихъ собралось въ своей палатѣ, то и онъ долженъ былъ туда отправиться. Прежде чѣмъ успѣли уговорить посольскую палату соединиться съ сенатомъ, прошло еще нѣсколько дней въ безплодныхъ преніяхъ, во время которыхъ послы называли другъ друга то австрійскими, то французскими партизанами, а съ тѣмъ вмѣстѣ, истекъ срокъ сейма. Король требовалъ отсрочки. Одни соглашались безусловно, другіе намѣрены были отправиться въ посольскую палату только на одинъ день. Во время спора, продолжавшагося до часу по полуночи, Николай Забокржицкій вышелъ изъ палаты. Тщетны были просьбы, чтобы онъ не останавливалъ совѣщаній. Внеся въ городской судъ протестъ, онъ выѣхалъ изъ Варшавы, чѣмъ и прервалъ сеймъ.

Взаимная ненависть партій послѣ этой минуты еще болѣе усилилась. Французская обвиняла короля въ томъ, что онъ, вопреки существующимъ постановленіямъ, разрѣшаетъ двумъ австрійскимъ посланникамъ жить въ Польшѣ, а придворная же партія упрекала противниковъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Во время сейма принесено было анонимное письмо, въ которомъ посольская палата увѣдомлялась о существованіи заговора для сверженія короля съ престола. Неизвѣстный обязывался назвать всѣхъ заговорщиковъ, если личная его безопасность будетъ обезпечена. Носились слухи, что примасъ, Собѣскій, коронный подскарбій Морштинъ, поморскій воевода Бонковскій, познанскій каштелянъ Гржимултовскій и другіе, хотятъ свергнуть короля съ престола и возвести на оный герцога Лонгвильскаго,*) для приведенія чего въ исполненіе, уже по-

---

*) Тутъ рѣчь о герцогѣ Карлѣ Лонгвильскомъ, второмъ сынѣ знаменитой герцогини Анны Женевіевы Лонгвильской, игравшей столь важную роль во время фронды. Герцогъ Карлъ былъ убитъ во время перехода черезъ Геймъ въ 1672 г. *Прим. перев.*

лучили отъ французскаго короля значительную сумму денегъ, что герцогъ отправился уже въ Гамбургъ и французскій флотъ прибудетъ въ скоромъ времени въ Данцигъ. Другіе прибавляли, что французы уже высадились, что курфирстъ даетъ войско и татары одновременно вторгнутся въ Польшу, чтобы тѣмъ легче осуществить планы французскаго двора. Слухи эти казались столь достовѣрными, что король хотѣлъ ѣхать въ Краковъ, а жену отправить въ Силезію, но пораздумавъ остался въ Варшавѣ. Все таки стража замка была увеличена и мѣщанамъ приказано приготовиться къ защитѣ на случай нападенія. Когда слухи не оправдались, опасенія эти сами собою разсѣялись, а шляхта, повсюду, на реляціонныхъ сеймикахъ, принимая сторону короля, была готова, для его защиты, взяться за оружіе. Озлобленіе ихъ противъ противниковъ Михаила дошло до такой степени, что на великопольскомъ сеймикѣ въ Ержедѣ Гржимултовскій получилъ 16 ранъ, отъ которыхъ едва не умеръ.

Послѣ двухъ несостоявшихся сеймовъ, всѣ дѣла рѣчипосполитой оставались нерѣшенными. Необходимо было устроить защиту края на случай войны съ Турціей и разсмотрѣть предложеніе московскаго царя, который, подтверждая (17 мая) андрусовское перемиріе, изъявилъ не только желаніе заключить постоянный миръ, но готовъ былъ даже приступить къ оборонительно-наступательному союзу противъ турокъ. Главнымъ однако дѣломъ было успокоеніе внутреннихъ волненій въ рѣчипосполитой. Всѣмъ этимъ нуждамъ могъ пособить только сеймъ. Король, сзывая его, изобразилъ въ универсалахъ къ воеводствамъ, собраннымъ на сеймики (въ августѣ), печальное положеніе отечества и просилъ ихъ содѣйствія. Но и противники его не дремали. Собѣскій разослалъ къ воеводствамъ посланія, въ которыхъ обвинялъ сторонниковъ двора, въ томъ, что поступая противузаконно, хотятъ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ народа. Примасъ же жаловался прямо на короля, что онъ нарушилъ присягу. Сѣрадзкій сеймикъ приказалъ письмо примаса, по этому предмету, пріобщить къ дѣламъ гродскаго суда. Обѣ партіи королевская и французская вели между собою

ожесточенную борьбу на всѣхъ сеймикахъ. На генеральномъ съѣздѣ прусскихъ сеймиковъ въ Грудзіонжѣ дѣло дошло даже до кровавой стычки между Бонковскимъ и Дзялынскимъ. На сеймикахъ русскихъ воеводствъ Собѣскій, который тамъ имѣлъ много вліянія, хотѣлъ дать своей партіи перевѣсъ, но почти ничего не добился. Напротивъ того, шляхта нѣкоторыхъ воеводствъ предложила конфедерацію для защиты отечества, независимости и чести короля, и почти на всѣхъ сеймикахъ королевская партія одержала верхъ.

Сеймъ собрался (9 сентября) въ Варшавѣ и въ тотъ же день избранъ маршаломъ спижскій староста Станиславъ Любомирскій, сынъ Юрія, непримиримый врагъ примаса и всей его партіи. Посольская палата потребовала преобразованія сейма въ конфедерацію. Когда даже король этому воспротивился, рѣшено было обязать всѣхъ присягою, что ни кто не расторгнетъ сейма ни подъ какимъ предлогомъ. Первымъ дѣломъ сейма было разсмотрѣніе жалобы на подскарбія Морштина, въ особенности же на Гржимултовскаго, что они брали отъ французскаго двора деньги, за сверженіе короля съ престола. Не смотря на сопротивленіе сенаторовъ, послы потребовали назначенія сеймоваго суда, который, слѣдуя внушеніямъ короля, не признавалъ представленныхъ доказательствъ основательными и позволилъ Гржимултовскому присягнуть съ 6-ю свидѣтелями, что ни денегъ отъ иностронныхъ дворовъ не принималъ, ни составлялъ заговоровъ противъ короля. Такъ какъ предводителемъ недовольныхъ былъ примасъ, то нельзя было мечтать о возстановленіи мира внутри края до тѣхъ поръ, пока онъ не смирится. Ни онъ, ни Собѣскій не были на предъидущемъ сеймѣ. Примасъ и теперь вѣроятно не явился бы, если бы не опасеніе, что калишская и познанская шляхта, уже составившая конфедерацію, опустошитъ его помѣстья. 17 сентября онъ прибылъ въ Унѣіовъ*), и

---

*) *Унѣіовъ*, близь Калиша, городъ принадлежавшій гнѣзненскимъ архіепископамъ, нѣкогда сильная крѣпость, останавливавшая много разъ нападенія крестоносцевъ. Въ XV вѣкѣ, на возвышенностяхъ окружающихъ Унѣіовъ находились виноградники, изъ которыхъ гнѣзненскіе архіепископы добывали въ большомъ количествѣ вино. *Прим. перевод.*

послѣ аудіенціи у короля и королевы (19 сент.), явился въ первый разъ на сеймъ только 27 сентября. Маршалъ сейма потребовалъ тотчасъ прочтенія письма его, обращеннаго къ сѣрадзкому сеймику. Примасъ ни разу не прерывалъ чтенія, а потомъ заявилъ прямо, что вовсе не писалъ письма съ цѣлью взволновать умы противъ короля, а хотѣлъ этимъ письмомъ не допустить въ будущемъ повторенія того, что совершилось. Онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что посвятивъ многіе годы общественной дѣятельности, знаетъ какое повиновеніе подобаетъ особѣ короля и что всегда готовъ отвѣтить требованіямъ своего долга, лишь бы и король исполнялъ принятыя на себя обязанности. Коронный вицеканцлеръ, оправдывая короля, объяснялъ, что все въ чемъ его обвиняли, или вовсе не существовало, или происходило не такъ, какъ обыкновенно изображали. Послѣ него говорилъ сандомирскій хорунжій престарѣлый Дембицкій, и выражаясь весьма рѣзко, обвинилъ прямо примаса въ томъ, что онъ, главнымъ образомъ, противодѣйствуетъ королю, изъ за того, что народъ предпочелъ его принцу кондейскому и помимо сопротивленія горсти магнатовъ, посадилъ на престолѣ, что подъ видомъ ограниченія свободы голоса, составилъ антикоролевскую партію и хочетъ завязать военную конфедерацію. Примасъ, не умѣя сдержать своего гнѣва, назвалъ Дембицкаго лгуномъ. Послѣдній отвѣтилъ, что примасъ не имѣетъ права называть лгуномъ равнаго себѣ шляхтича, и потребовалъ, на основаніи данной ему избирателями инструкціи, чтобы примасъ извинился публично передъ королемъ и рѣчьюпосполитою и возобновилъ, въ присутсвіи сословій, присягу въ вѣрности. Еще два другіе депутата хотѣли говорить противъ примаса. Но краковскій епископъ, предупреждая ихъ, началъ извинять примаса тѣмъ, что онъ по званію своему обязанъ блюсти цѣлость закона и предостерегать короля, если бы онъ рѣшался дѣйствовать вопреки существующимъ постановленіямъ. Но какъ скоро король очистился отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій, примасъ же изъявилъ должную покорность, то по мнѣнію оратора королю слѣдуетъ простить его вину, во вниманіе къ общественному благу. Куявскій епископъ просилъ того же отъ имени всего сената и обращась къ примасу тре-

бовалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, условно извинился передъ королемъ. Съ этими словами всѣ сенаторы встали съ своихъ мѣстъ и, окруживъ престолъ, присоединили просьбы свои къ просьбамъ епископа. Одинъ примасъ остался на своемъ мѣстѣ. Тогда епископы краковскій и куявскій взяли его подъ руки и повели къ престолу. Сначала онъ не хотѣлъ извиняться, чтобы Дембицкій не подумалъ, что онъ его убѣдилъ. Этотъ же послѣдній требовалъ, чтобы примасъ просилъ прощенія на колѣняхъ. Сцена окончилась тѣмъ, что примасъ тихо и стоя произнесъ нѣсколько извинительныхъ словъ, король же громко объявилъ ему свою милость и полное забвеніе прошедшаго.

Послы не были довольны этой мировой и требовали отъ сенаторовъ присяги въ томъ, что они ничего не предпримутъ противъ короля. Но они вслѣдъ затѣмъ, отказались отъ этого требованія, довольствуясь подтвержденіемъ со стороны сейма избранія Михаила, и уполномочили его, на всякій случай, созвать посполитое рушеніе, еслибы ему самому или рѣчипосполитой угрожала малѣйшая опасность. Сверхъ того разрѣшена коронація королевы, которая и совершена (19 октября), въ видѣ исключенія, въ Варшавѣ. Сеймъ этотъ, замѣчательный уничтоженіемъ французской партіи, окончился (1 ноября, утромъ) и продолжался безпрерывно восемь недѣль. Совѣщанія происходили съ такимъ усердіемъ, что продолжались иногда по цѣлымъ ночамъ; однажды король даже упалъ въ обморокъ отъ усталости. Послѣднее засѣданіе длилось 20 часовъ.

Французская партія, побѣжденная на сеймѣ, пріутихла на время, опасаясь большинства шляхты, принявшей такъ энергически сторону короля. Но хотя сеймъ подтвердилъ мѣры къ успокоенію рѣчипосполитой и къ обезпеченію ея извнѣ, хотя противники короля притворялись, что согласны съ нимъ совершенно, тѣмъ не менѣе положеніе вещей почти не измѣнилось. Недоброжелательство нѣкоторыхъ магнатовъ вышло вскорѣ наружу. Хотя коронный вицеканцлеръ, бывшій до сего времени главною опорою короля, началъ роптать и обиженный оказываемымъ равнодушіемъ, хотѣлъ удалиться въ свое епископство и отказаться на будущемъ сеймѣ отъ меньшей

печати. При этомъ онъ заявлялъ сожалѣніе, что содѣйствовалъ Михаилу въ достиженіи короны. Король не только соглашался на его отъѣздъ, но даже намекнулъ, что ему надоѣли постоянныя наставленія и надзоръ Ольшовскаго. Не смотря на это, вицеканцлеръ возвратилъ себѣ вскорѣ прежнее вліяніе, за то примасъ началъ жаловаться, что король, полагаясь на совѣты нѣсколькихъ приближенныхъ, спрашиваетъ мнѣніе его и другихъ сенаторовъ только для формы. Тоже повторяли и друзья примаса, и даже Янъ Собѣскій, который нѣкоторое время бывалъ при дворѣ, и казался совершенно удовлетвореннымъ началъ по немногу устраняться отъ короля. Всеобщее смятеніе увеличили еще раздоры между канцлерами: великіе канцлеры коронный и литовскій, упрекая короннаго вицеканцлера въ нанесеніи ущерба ихъ правамъ, соединились противъ него. Король сокрушался надъ печальнымъ положеніемъ отечества, но вслѣдствіе несогласія между первыми сановниками рѣчипосполитой, ему нельзя было пособить. Положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему еще отъ недостатка денегъ въ казнѣ и продажности двора, на которую всѣ жаловались. Сверхъ того была въ перспективѣ война съ султаномъ, требовавшимъ Каменца, а равно отказа рѣчипосполитой отъ власти надъ Украиной и казаками, признавшими его покровительство, и грозившимъ въ противномъ случаѣ войной. Вслѣдствіе такого требованія король созвалъ сенатъ (въ маѣ 1671) и составилъ съ нимъ военный совѣтъ, въ которомъ присутствовали примасъ и оба коронные гетмана. Рѣшено было разослать третье воззваніе, предписывающее шляхтѣ собраться 13 іюля въ лагерѣ подъ Львовомъ, куда долженъ былъ заблаговременно прибыть и король. Распущенные нарочно слухи, будто бы опасеніе турецкой войны просто выдумка, были причиной, что воззваніе приняли въ немногихъ мѣстностяхъ. Малополяне предпочли выставить извѣстное число жолнеровъ. Великополяне собрались правда въ концѣ августа въ Люблинѣ, но не хотѣли итти далѣе и наконецъ разъѣхались, предъявивъ королю требованіе о созваніи сейма для обсужденія вопроса о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ вести эту войну. Литва и Пруссія вовсе не явились, какъ будто бы не были обязаны

къ защитѣ общаго отечества. Король, убитый совершенно недостаткомъ денегъ, прибылъ въ Львовъ только въ началѣ октября, когда великополяне уже разъѣхались. Онъ долженъ былъ затѣмъ вернуться въ Варшаву, ничего не добившись.

Между тѣмъ коронные гетманы старались привести къ повиновенію отложившихся казаковъ и предводителя ихъ Дорошенку. Хотя они отняли у нихъ всѣ крѣпости кромѣ Чигирина, и даже разбили шедшіе имъ въ помощь два отряда татаръ, но не могли ихъ усмирить, ибо Дорошенко разсчитывалъ не только на новые татарскія подкрѣпленія, но и на содѣйствіе Турціи.

Такъ какъ вмѣшательство султана въ дѣла казаковъ, касалось одинаково рѣчипосполитой и Россіи, то король отправилъ посольство къ царю, чтобы склонить его къ совокупному дѣйствію. Царь обѣщалъ вспомогательный корпусъ, на который однако положительно нельзя было разсчитывать. Между тѣмъ курфирстъ бранденбургскій, ободренный безпорядками томившими рѣчьпосполитую, приказалъ своему резиденту въ Варшавѣ поймать дезертера Калькстейна и доставить его къ себѣ *). Поступокъ этотъ, нарушавшій международное право, остался безнаказаннымъ, ибо въ минуту

*) Калькстейнъ Столинскій, польскій и бранденбургскій шляхтичъ, проживая въ земляхъ курфирста и считаясь его подданнымъ, былъ обвиненъ въ важномъ преступленіи и приговоренъ къ смерти. Курфирстъ замѣнилъ казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, но впослѣдствіи онъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ, съ тѣмъ чтобы Калькстейнъ не смѣлъ отлучаться изъ своего бранденбургскаго имѣнія. Вопреки этому, Калькстейнъ скрылся въ Варшавѣ и подъ покровительствомъ польскихъ законовъ, напечаталъ нѣсколько статей противъ курфирста, въ которыхъ именемъ прусской шляхты, приглашалъ рѣчьпосполитую содѣйствовать ей къ низверженію курфирста. Фридрихъ Вильгельмъ потребовалъ тотчасъ чрезъ своего резидента Брандта выдачи дезертера. Требованіе это осталось безъ удовлетворенія, такъ какъ Калькстейнъ, принявъ католическую вѣру, нашелъ покровительство у примаса и у духовныхъ сановниковъ. Брандтъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ сманилъ Калькстейна въ глухую улицу, связалъ его, посадилъ въ экипажъ и отправилъ въ Пруссію. Рѣчьпосполитая потребовала возвращенія Калькстейна, но Фридрихъ Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ не давалъ своему резиденту никакихъ приказаній и что самовольный его поступокъ будетъ наказанъ. Дѣйствительно Брандтъ былъ арестованъ для формы, но въ скоромъ времени возвращенъ ко всѣмъ должностямъ. Калькстейнъ между тѣмъ отвезенъ въ Мемель и казненъ смертью. *Прим. перевод.*

угрожавшей войны съ Турціей, не было бы никакой возможности начинать спора съ курфирстомъ. Все дѣло ограничилось довольно рѣзкою нотою, на которую ловкій герцогъ отвѣтилъ, что не давалъ своему резиденту никакихъ приказаній, но имѣя уже въ рукахъ дезертера, не считаетъ себя вправѣ не наказать его за совершенныя преступленія.

Король созвалъ (26 января 1672) сеймъ въ Варшаву, съ цѣлью пріискать средства для успокоенія казаковъ и сдѣлать соотвѣтственныя приготовленія къ защитѣ противъ турокъ, а равно и для удовлетворенія другимъ нуждамъ рѣчипосполитой. Но антикоролевская партія во главѣ примаса и Собѣскаго, желавшая непремѣнно принудить Михаила отказаться отъ короны и дѣйствовавшая сообразно съ этимъ какъ въ краѣ, такъ и заграницею, рѣшилась парализировать всѣ его намѣренія. Имѣя уже за собой французскій дворъ, партія эта старалась получить разрѣшеніе германскаго императора Леопольда I на расторженіе брака Елеоноры, обѣщая что преемникъ Михаила женится на ней. Переговоры эти, веденные братьями примаса въ Парижѣ и въ Вѣнѣ созрѣли уже до такой степени, что Леопольдъ соглашался уже на разводъ сестры и сверженіе Михаила съ престола, но съ условіемъ, чтобы на его мѣсто возведенъ былъ герцогъ лотарингскій, а отнюдь не одинъ изъ французскихъ принцевъ. Кромѣ тайныхъ договоровъ заключаемыхъ съ иностранцами противъ короля, избраннаго всѣмъ народомъ, старались еще въ самомъ краѣ сдѣлать управленіе его ненавистнымъ, ловко искажая все то, что только онъ предпринималъ хорошаго и поддерживали страшнѣйшій хаосъ. Нерѣдко примасъ старался навлечь на короля ненависть народа за такія дѣла, предпринять которыя, незадолго передъ тѣмъ, самъ совѣтовалъ съ прочими сторонниками. И теперь, когда долженъ былъ собраться сеймъ, противники Михаила хотѣли провести на сеймикахъ избраніе своихъ сторонниковъ, но это имъ удалось только въ нѣкоторыхъ воеводствахъ. Не будучи въ силахъ управлять сеймомъ по своей волѣ, примасъ, Собѣскій и нѣкоторые другіе лица, хотѣли, возбужденіемъ пустыхъ споровъ, занять время, предназначенное для совѣ-

щаній, а если послѣдовало соглашеніе на отсрочку сейма, то расторгнуть оный, хотя защита края требовала, чтобы сеймъ этотъ состоялся непремѣнно.

Послѣ трехдневныхъ споровъ, маршаломъ сейма избранъ Мартинъ Оборскій въ пользу котораго объявилъ себя дворъ. Когда однакожъ должны были начаться совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ рѣчипосполитой, сандомирскіе послы возстали противъ нѣмецкаго покроя платья короля и требовали, чтобы палата постановленіемъ своимъ принудила его носить польское платье. Едва маршалъ успокоилъ ихъ обѣщаніемъ, что лично передастъ королю ихъ желаніе, оба великіе канцлеры выступили съ жалобой на короннаго вицеканцлера, что онъ оскорбляетъ ихъ и письменно и словесно, называли его нарушителемъ спокойстія и требовали назначенія надъ нимъ суда. Это вызвало страшную бурю. Когда маршалъ обѣщалъ, что палата, разобравъ ихъ жалобу, употребитъ все зависящее отъ нея вліяніе для востановленія между ними согласія, а калишскій подкоморій совѣтовалъ ему возложить это дѣло на короля, равскій подкоморій Александръ Залускій сталъ защищать родственника своего вицеканцлера и въ пылу гнѣва назвалъ жалобу литовскаго канцлера литовской клеветой. Часть литовскихъ пословъ, принявъ это за безчестіе для всего народа, удалилась, оставивъ протестъ и угрожала, что до тѣхъ поръ не вернется, пока Залускій не будетъ отданъ подъ судъ. Переговоры продолжались три дня, наконецъ послы отказались отъ суда и довольствовались извиненіемъ со стороны Залускаго. Подобные мелочные вопросы заняли три недѣли, послѣ чего посольская палата соединилась съ сенатомъ. Многіе требовали прочтенія пактовъ и королевской присяги. Тронный отвѣтъ удовлетворилъ не всѣхъ; пактовъ не читали за неимѣніемъ времени, а по прочтеніи присяги началъ рѣчь примасъ. Въ пространной рѣчи своей, онъ упрекалъ короля, что не имѣя привязанности къ подданнымъ, самъ возбуждаетъ въ нихъ недовѣріе и руководясь мнѣніемъ злонамѣренныхъ людей, клевещущихъ на первыхъ сановниковъ рѣчипосполитой, былъ причиною расторженія двухъ сеймовъ; что на третьемъ сеймѣ состоялись совершенно противуза-

конныя рѣшенія, или постоновленія его были самовольно измѣнены въ печати. Совѣтуя быть менѣе подозрительнымъ и не ввѣряться злымъ людямъ, примасъ требовалъ исполненія пактовъ, обезпеченія вольностей и правъ народа и прекращенія всякихъ правительственныхъ злоупотребленій. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что до послѣдняго издыханія будетъ всегда возставать противъ вредныхъ стремленій правительства. Вицеканцлеръ, въ отвѣтѣ своемъ, оправдывая поведеніе короля, опровергалъ, въ тоже время, и упреки, сдѣланные ему обоими великими канцлерами. Раздраженный этимъ великій канцлеръ литовскій Пацъ, возсталъ противъ него еще рѣзче, говоря, что онъ возбуждаетъ и внутреннія и внѣшнія затрудненія, просилъ короля или отдать его подъ судъ, или разрѣшить лично ему отомстить. Вскорѣ общее смятеніе усилилъ поморскій подкоморій Михаилъ Дзялынскій, который, запасшись, предварительно, трибунальскимъ приговоромъ, направленнымъ противъ надворнаго маршала Браницкаго, потребовалъ немедленнаго удаленія послѣдняго отъ должности, лишенія его староства и права голоса на сеймѣ. Король помирилъ канцлеровъ, даже Дзялынскій прекратилъ на время свой споръ съ маршаломъ, чтобы не препятсвовавать обсужденію мѣръ къ защитѣ противъ Турціи.

Между тѣмъ прошло шесть недѣль въ подобныхъ спорахъ, не принесшихъ ни малѣйшей пользы отечеству; съ истеченіемъ сего времени, согласно уставамъ, кончался и срокъ сейма. Вслѣдствіе усиленныхъ настояній короля, сеймъ былъ продолженъ на нѣсколько дней, которые предполагалось посвятить исключительно составленію плана обороны края. Вдругъ подольскій посолъ Казиміръ Грудзинскій поссорился съ кѣмъ то, оставилъ засѣданіе, предъявивъ протестъ, и выѣхалъ тотчасъ изъ Варшавы. Три дня ждали его возвращенія и хотя сеймовый маршалъ доказывалъ, что избраніе Грудзинскаго было неправильное, а потому протестъ его и не могъ прекращать дѣятельности сейма, но доводы эти ни къ чему не повели, ибо остальные подольскіе послы объявили означенный протестъ дѣйствительнымъ. Всѣ старанія и мольбы чтобы не оставлять отечества безъ защиты въ столь опасную минуту, были тщетны. Предубѣжденіе

что сеймъ, расторгнутый однимъ посломъ, не можетъ сохранить законности дѣйствій, одержало верхъ.

Противники короля достигли своей цѣли. Сеймъ кончился (14 марта) ничѣмъ, рѣчьпосполитая оставлена безъ защиты, когда получено было изъ Стамбула грозное посланіе. Султанъ, считая вступленіе коронныхъ гетмановъ въ Украину нарушеніемъ мира, требовалъ рѣшительно, чтобы король не трогалъ казаковъ, вызвалъ изъ Украины свои войска, а за совершившееся просилъ извиненія, угрожая, въ противномъ случаѣ дать почувствовать всѣ послѣдствія своего гнѣва. Ему отвѣтили (27 марта), что казаки подданные рѣчипосполитой, что Украина польская провинція, а потому король имѣетъ право прибѣгать къ соотвѣтственнымъ мѣрамъ, чтобы удержать народъ въ повиновеніи; что король, желая возобновленія прежнихъ дружественныхъ сношеній съ султаномъ, снарядитъ къ нему посольство, казаковъ же, впредь до миролюбиваго разрѣшенія спора, оставитъ въ теперешнемъ положеніи. Отвѣтъ этотъ не измѣнилъ настроенія султана, который рѣшился объявить Польшѣ войну. Дворъ былъ увѣренъ, что война неизбѣжна. Примасъ и Собѣскій предвидѣли войну съ Турціею, но убѣждали всѣхъ, что именно неизбѣжность этой войны должна бы склонить рѣчьпосполитую посадить на престолѣ болѣе дѣльнаго человѣка, ибо Михаилъ не съумѣетъ справиться съ обстоятельствами. Въ тоже время партія недовольныхъ получила отвѣтъ императора Леопольда I, который соглашался на разводъ сестры и сверженіе короля съ престола, если корона вмѣстѣ съ рукой Елеоноры будетъ передана герцогу лотарингскому.

Послѣ совѣщанія съ сенатомъ, король созвалъ (18 мая) чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ въ Варшаву. Въ универсалахъ объявлено воеводствамъ, что на немъ будетъ рѣчь только о защитѣ отечества и чтобы онѣ поручили своимъ депутатамъ обдумать средства, какимъ образомъ, при совершенной свободѣ голоса, избѣжать злоупотребленій ею легкомысленнаго расторганія сеймовъ. Кромѣ того король издалъ два воззванія къ войску, третье же должно было быть объявлено во время сейма. Дворъ и его противники

прибѣгали къ возможнымъ проискамъ на сеймикахъ, лишь бы обезпечить за собой побѣду. Въ великопольскихъ воеводствахъ дворъ одержалъ верхъ и мѣстная шляхта хотѣла тотчасъ завязать конфедерацію для защиты отечества, королевскаго достоинства и для усмиренія внутреннихъ несогласій. Въ Литвѣ перевѣсъ былъ также на сторонѣ двора. На Руси однако и въ нѣкоторыхъ малопольскихъ воеводствахъ превозмогло вліяніе Собѣскаго и примаса. При этомъ было намѣреніе составить войсковую конфедерацію противъ двора и по внушеніямъ Собѣскаго нѣкто Стоковскій началъ ее уже въ гетманскомъ полку; но прочія хоругви воспротивились, а потому все дѣло и не состоялось.

Еще до собранія сейма король хотѣлъ примириться, по крайней мѣрѣ, съ Собѣскимъ, чтобы его отвлечь отъ примаса Пражмовскаго и другихъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ просить его совѣта, какимъ бы путемъ положить конецъ внутреннимъ раздорамъ. Въ надменномъ отвѣтѣ гетмана, вина всѣхъ бѣдствій въ рѣчипосполитой приписывалась королю и его клевретамъ а совѣты, предложенные въ запискѣ, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, еще усилили взаимное раздраженіе. По рукамъ ходило множество сочиненій въ защиту и противъ короля. Недовольные старались убѣдить народъ, что единственнымъ средствомъ спасенія отечества было бы отреченіе Михаила отъ престола. Противъ этого высказался рѣшительно куявскій епископъ Чарторыскій, въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „*Слѣдуетъ ли совѣтовать королю Михаилу отречься отъ престола?*“ Онъ доказывалъ, что объявленіе междуцарствія, когда краю угрожаетъ опасность войны съ Турціею, было бы гибельно, что подобный совѣтъ и исполненіе его приводитъ прямо къ клятвопреступничеству, и что наконецъ дозволеніе нѣсколькимъ вельможамъ, принудить короля, избраннаго цѣлымъ народомъ, сложить корону и навязать рѣчипосполитой другаго короля, было бы равнозначащимъ упраздненію права свободнаго избранія короля. Далѣе епископъ безпощадно осуждаетъ партію мальконтентовъ за то, что расторганіемъ сеймовъ и принужденіемъ короля отречься отъ престола, она готовитъ отечеству самую ужасную

междоусобную войну. Слова Чарторыскаго совпали съ убѣжденіями шляхты, которая и рѣшилась энергически защищать однажды избраннаго короля, противъ происковъ примаса, Собѣскаго и всей ихъ партіи. Найболѣе усердно, но и найболѣе рѣзко высказывались въ этомъ смыслѣ великополяне. Въ виду такого разногласія въ мнѣніяхъ, трудно было расчитывать на успѣшный исходъ сейма.

Правда, тотчасъ по прибытіи пословъ, сдѣлано было предложеніе, чтобы всѣ обязались присягой, ради частныхъ интересовъ, не расторгать сейма, но предложеніе это не было принято. Маршаломъ былъ избранъ единогласно Сокольницкій изъ литовской провинціи. Совѣщанія велись однако очень вяло. Много было потрачено времени на рѣшеніе вопроса, какой срокъ назначить сейму. Наконецъ согласились ограничить этотъ срокъ тремя недѣлями и приняли предложеніе двора, на счетъ того, чтобы сеймъ занялся исключительно обсужденіемъ мѣръ къ оборонѣ края. Отсутствіе примаса и Собѣскаго ослабляло упорство противниковъ короля. Но они живо ободрились, какъ скоро получено было извѣстіе, что примасъ не медля прибудетъ и что Собѣскій, стянувъ произвольно коронныя войска ко Львову изъ Украины, которую тѣмъ самымъ оставилъ безъ всякой защиты, съ частью тѣхъ же войскъ и съ значительной вооруженной дружиной пріѣдетъ въ Варшаву. Партія недовольныхъ сопротивлялась также соединенію посольской палаты съ сенатомъ, причемъ брацлавскій староста Лясечинскій былъ тяжело оскорбленъ публикой. Когда маршалъ съ великопольскими и литовскими послами отправился въ сенатъ, въ посольской палатѣ осталось 84 человѣка, что и было поводомъ недѣйствительности совѣщаній. Депутаціи прибывшей за ними объявили, что соединятся съ сословіями лишь тогда, когда маршалъ явится за ними съ значительнымъ числомъ пословъ. Великополяне противились этому, но король, желавшій непремѣнно довести сеймъ до конца, достигъ того, что маршалъ привелъ оставшихся въ палатѣ. Этою уступкою ничего не достигли, ибо по прибытіи примаса, недовольные придумывали новыя средства для пріостановленія сеймовыхъ совѣщаній. Примасъ потребовалъ (17 іюня) продолженія сейма, чтобы разсмо-

трѣвъ сперва всѣ злоупотребленія власти и прекративъ ихъ, приступить тогда только къ изысканію средствъ защиты края, когда пріѣдетъ великій гетманъ коронный. Послѣ этого онъ вышелъ изъ залы, повторяя: „я, я одинъ окончу этотъ сеймъ.“

Всѣ видѣли, что недовольные хотятъ непремѣнно расторгнуть сеймъ. Это дало великополянамъ поводъ завязать (11 іюня) конфедерацію для защиты отечества и королевскаго достоинства и для *возстановленія примирительными мѣрами* согласія въ рѣчипосполитой. Актъ конфедераціи былъ врученъ кульскому епископу, съ оговоркою, что актъ сей, въ случаѣ расторженія сейма долженъ быть внесенъ въ гродскія книги. Литовцы завязали подобную же конфедерацію и представили актъ ея великому канцлеру литовскому Пацу. Эти рѣшенія шляхты были вызваны необходимостью, ибо дѣйствительно приходилось защищать короля и народныя льготы отъ посягательства надменныхъ притязаній горсти вельможъ. Сенаторы собирались на засѣданія въ весьма маломъ числѣ, иногда присутствовало ихъ не болѣе восьми человѣкъ, а однажды не явился ни одинъ министръ, за что послы упрекали ихъ, говоря, что они явно пренебрегаютъ королемъ и не исполняютъ своихъ обязанностей.

Вдругъ пришло извѣстіе что Собѣскій, окруженный многочисленнымъ войскомъ приближается къ Варшавѣ. Партіи двора вовсе не было по сердцу это извѣстіе. Во время засѣданія говорили прямо, что гетманъ, отозвавъ произвольно полки отъ границъ, которые онъ обязанъ былъ оберегать, ведетъ войско на погибель королю и собственному отечеству. Къ нему послали депутацію, предваряя чтобы онъ не предпринималъ ничего противъ короля. Хотя Собѣскій и отвѣтилъ, что онъ всегда зналъ и знаетъ какое подобаетъ благоговѣніе королевскому сану, тѣмъ не менѣе, когда послѣ торжественнаго въѣзда въ столицу, онъ расположилъ свои полки какъ въ ней, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ, — всѣмъ сторонникамъ двора пришлось испытать всевозможныя притѣсненія, со стороны его жолнеровъ. Являясь на засѣданія пьяными, они нерѣдко, прерывали рѣчи сторонниковъ короля самымъ неприличнымъ образомъ.

Все это заставляло принимать мѣры предосторожности и потому караулъ въ королевскомъ замкѣ былъ усиленъ. Собѣскій же устраивалъ съ примасомъ и остальными своими партизанами особыя совѣщанія, привѣтствуя короля только для формы. Подобныя выходки раздражали великополянъ, которые рѣшительнымъ шагомъ хотѣли покончить все дѣло. Король же, напротивъ того, при содѣйствіи умѣренной партіи, желалъ порѣшить споръ миролюбиво. По настоянію сей партіи составлена была депутація для переговоровъ съ противниками. Но такъ какъ послѣдніе требовали, чтобы правительственныя злоупотребленія (или такъ называемыя эксорбитанціи) были сдѣланы предметомъ обсужденія прежде, нежели предполагаемыя мѣры къ оборонѣ страны, на что громадное большинство не хотѣло согласиться, — то переговоры, понятное дѣло, не повели ни къ какому положительному результату. Не смотря на то, записка объ помянутыхъ злоупотребленіяхъ была внесена въ засѣданіе и непремѣнно хотѣли приступить къ ея чтенію. Тогда Гомулинскій и другіе послы обратились къ королю съ просьбою, чтобы онъ не дозволилъ примасу долѣе шутить надъ собою, требуя при этомъ обнародованія третьяго воззванія на счетъ посполитаго рушенія. Среди начавшагося шума, многіе послы вышли, но объявили тотчасъ готовность воротиться, если сеймъ займется исключительно обсужденіемъ мѣръ къ оборонѣ края и король не подвергнется болѣе подобнымъ оскорбленіямъ. Противная сторона не хотѣла уступить, тогда великополяне и литовцы простились съ королемъ, который, по совѣту нѣкоторыхъ сенаторовъ, обѣщалъ разослать третье воззваніе. Актъ конфедераціи былъ внесенъ въ варшавскія гродскія книги, а противники завладѣли арсеналомъ.

Недовольные приписали расторженіе сейма королю. По ихъ мнѣнію онъ сдѣлалъ это для того, чтобы, вызвавъ конфедерацію землевладѣльцевъ, легче было притѣснить противниковъ. Дворъ же съ своей стороны обвинялъ ихъ въ томъ, что они расторгаютъ сеймы, чтобы отнять у короля возможность защиты отечества, надѣясь, что тогда народъ его возненавидитъ и заставитъ отказаться отъ престола. Безпристрастное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ

заставляетъ думать, что противники короля были причиной расторженія сейма, и подвергли край послѣдовавшимъ бѣдствіямъ. Ихъ обвиняли даже, хотя вѣроятно безъ всякаго основанія, въ томъ, что они сами вызвали нашествіе турокъ. Это говорилъ нѣкто Высоцкій, который вмѣстѣ съ Родзѣіовскимъ былъ посланъ въ Турцію еще при Янѣ-Казимірѣ и въ началѣ сейма представлялъ отчетъ о своемъ посольствѣ, присягнувъ предварительно, что скажетъ одну только истину. Разсказавъ съ какимъ презрѣніемъ съ нимъ обращались турки, какъ заключили его въ тюрьму, какъ потомъ освободивъ его по ходатайству иностранныхъ государствъ, отослали въ Каменецъ безъ всякаго отвѣта, онъ доказывалъ всю опасность угрожающей войны. Но все зло, по его мнѣнію, состояло въ томъ, что нѣкоторые изъ гражданъ рѣчипосполитой находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками и когда отъ него потребовали болѣе положительныхъ свѣдѣній, Высоцкій назвалъ прямо подскарбія Морштина, указывая на какой то неудачный переводъ его письма, писаннаго въ Константинополѣ по французски. Кромѣ того во время сейма пришло грозное посланіе отъ великаго визиря, но недовольные говорили что это только пустая угроза, лишь бы помѣшать рѣчипосполитой предпринять рѣшительныя мѣры противъ Дорошенки. На этомъ же сеймѣ послы ѣздившіе въ Москву, представили свой отчетъ и просили подтвердить договоръ, заключенный съ царемъ (4 апрѣля), договоръ довольно выгодный, если взять во вниманіе обстоятельства, въ какихъ находилась рѣчьпосполитая, такъ какъ Кіевъ долженъ былъ возвратиться къ Польшѣ, да кромѣ того обѣщана была помощь противъ турокъ. Но расторженіе сейма воспрепятствовало подтвержденію договора.

По расторженіи сейма, король созвалъ (6 іюля) совѣтъ сената, для разсмотрѣнія вопроса, слѣдуетъ ли принять посредничество трансильванскаго князя въ спорѣ съ султаномъ, или войти въ переговоры съ Дорошенкой, или же наконецъ созвать посполитое рушенье. На совѣтѣ присутствовали примасъ и Собѣскій. Оба хотѣли помѣшать посполитому рушенію, Собѣскій доказывалъ необходимость примиренія съ Дорошенкой, если бы даже пришлось признать

временно его независимость. Однако большинство объявило себя въ пользу посполитаго рушенія. Тогда примасъ Пражмовскій и Собѣскій представили въ городской варшавскій судъ манифестъ, въ которомъ упрекали короля, что онъ причиной расторженія сейма, что благонамѣренные послы подвергались, во время сейма, разнымъ оскорбленіямъ; что онъ усилилъ стражъ въ замкѣ, чтобы возбудить подозрѣніе въ какомъ то никогда не существовавшемъ покушеніи на особу короля; что наконецъ не будучи причиной неуспѣшнаго исхода сейма, они не принимаютъ на себя отвѣтственности за бѣдствія, могущія постигнуть отечество. Къ манифесту приложено было 50 статей, доказывающихъ что король нарушилъ условія, заключенныя съ народомъ. Король отвѣтилъ подобнымъ же манифестомъ, оправдывающимъ его поведеніе и доказывающимъ навѣты примаса, Собѣскаго и другихъ недовольныхъ. Что же касается обвиненій въ нарушеніи обязательствъ, принятыхъ на себя королемъ, то онѣ опровергались положительно. Все было выдумкою, составленною лишь для того, чтобы отвлечь народъ отъ короля, заставить его отказаться отъ престола и навязать потомъ рѣчипосполитой своего кандидата. Послѣ этихъ объявленій, обѣ партіи приготовились къ открытой борьбѣ. Король, разославъ воззванія, предписывающія посполитому рушенію собраться подъ Люблиномъ, хотѣлъ положиться на весь народъ, тогда какъ противники его расчитывали только на иностранную помощь.

Во время этихъ внутреннихъ раздоровъ, надъ рѣчьюпосполитою повисла страшная туча. Вслѣдствіе вызова полковъ изъ Украины, частью по распоряженію гетмана, частью по приказанію короля, Дорошенко при содѣйствіи татаръ усилился до того, что прогналъ не только Ханенку *), но и польскіе гарнизоны, и завладѣлъ всѣмъ

*) Ханенко былъ избранъ въ гетманы въ 1671 г. по проискамъ короля Михаила и принялъ титулъ—его королевскаго величества гетманъ войскъ запорожскихъ и всея Малороссіи по Случъ. Такимъ образомъ, во время описываемыхъ г. Шмиттомъ событій, Украина была раздѣлена на три гетманства: въ восточной Батуринъ былъ столицею Многогрѣшнаго, преданнаго царю; юго-западная признавала Дорошенку, жившаго въ Чигиринѣ и признавшаго покровительство султана; сѣверо-западная, гдѣ былъ гетманъ польскато короля Ханенко, основалась въ Умани. *Прим. перевод.*

краемъ. Часть короннаго войска, находившагося подъ командою подляскаго каштеляна Лужецкаго, претерпѣла пораженіе подъ Ладижиномъ (18 іюля) и только остатки ея добрались до Грубѣшова. Правда, что Ханенко привелъ къ Люблину оставшіеся вѣрными полки, но сила эта, соединенная даже съ военной свитой короля, была слишкомъ слаба, чтобы дать отпоръ.

Еще во время сейма пришло извѣстіе, что султанъ, во главѣ многочисленнаго войска, двинулся къ Дунаю. Татарскій ханъ совѣтовалъ отправить немедленно пословъ къ султану. Прерваніе сейма помѣшало этому и только послѣ совѣщанія сената (28 іюля) снарядили Вѣнявскаго и Злотницкаго, когда турки перешли уже черезъ Днѣстръ. Вѣнявскій, остановившись въ Ягельницѣ, потребовалъ свободнаго и безопаснаго проѣзда къ турецкому лагерю, что и было ему дозволено. Пріѣздъ его не остановилъ войны. Турки, подступивъ къ Каменцу, принудили его (26 августа), послѣ кратковременнаго сопротивленія, къ сдачѣ *). Султанъ двинулся къ Бучачу, а казаковъ, татаръ и часть турецкаго войска отправилъ къ Львову. Тщетно Вѣнявскій старался умилостивить турокъ. Не имѣя безусловнаго полномочія для веденія переговоровъ, въ особенности къ уступкѣ Турціи земель рѣчипосполитой и къ уплатѣ дани, онъ добился только того, что при его отъѣздѣ великій визирь обѣщалъ именемъ султана (5 сентября) приступить къ пере-

*) Султанъ сталъ подъ Каменцемъ 2 августа, когда жители не успѣли еще ввести въ городъ припасовъ, закупленныхъ Собѣскимъ. Два первые штурма были отражены. Когда гарнизонъ принужденъ былъ перейти въ верхній замокъ, турки направили туда двѣсти орудій; полетѣли бомбы одна за другою, что продолжалось десять дней сряду; стѣны распадались грудами; явная невозможность защищаться, заставила коменданта просить капитуляціи. Во время переговоровъ, одинъ маіоръ польской артиллеріи, нѣмецъ по происхожденію, фамилія котораго къ сожалѣнію до насъ не дошла, подложилъ двѣсти боченковъ пороху подъ замокъ и взорвалъ его; съ нимъ погибла тысяча человѣкъ. По взятіи Каменца могилы христіанъ были разрыты, гробы вынуты изъ земли и увезены далеко за городъ; почти изъ всѣхъ церквей взяты были образа и изъ нихъ устроена мостовая; потомъ всѣ храмы обращены въ мечети. Жителямъ сперва разрѣшено было удалиться изъ города, но потомъ ихъ отыскивали въ лѣсахъ и ущельяхъ: кого не лишали жизни, того увлекали въ рабство.

Прим. перевод.

говорамъ о мирѣ, если польскіе коммисары, надлежащимъ образомъ уполномоченные рѣчьюпосполитою, явятся не позже девяти дней. Когда Венявскій спѣшилъ съ этимъ печальнымъ ультиматумомъ къ королю, турки и татары начали осаду Львова (20 сентября), который не могъ долго защищаться. Только переговоры о мирѣ спасли городъ отъ судьбы, постигшей Каменецъ, но не спасли отъ выкупа въ 80,000 талеровъ. Во всемъ городѣ господствало тогда такое безденежье, что едва нашли 10,000 тал., а взамѣнъ остальной суммы должны были представить заложниковъ.

Въ минуту столь тяжкихъ для рѣчипосполитой испытаній, у нее не доставало соотвѣтственныхъ военныхъ силъ для защиты, да и тѣ силы, которыя удалось собрать, были разбросаны. Король съ дворомъ своимъ остановился въ Яновцѣ, откуда разослалъ вторичное воззваніе къ воеводствамъ, чтобы онѣ собирались скорѣе въ Голембѣ, а самъ намѣренъ былъ отправиться въ Замость. Предостереженный однако, что не только его поджидаютъ снующіе повсюду отряды татаръ, но что даже онъ не можетъ быть безопасенъ въ лагерѣ великаго гетмана короннаго, наполненномъ личными его противниками, Михаилъ отказался отъ своего намѣренія. У Собѣскаго подъ Белзомъ было не болѣе 5.000 солдатъ, тогда какъ казаки Ханенки и другіе меньшіе польскіе отряды стояли особо, не довѣряя другъ другу. Посполитое рушеніе собиралось весьма медленно, сандомирское и сѣрадзкое воеводства прибыли въ Вонвольницу едва въ половинѣ сентября. Среди такихъ обстоятельствъ, можно было предохранить край отъ дальнѣйшихъ бѣдствій и страшнѣйшаго опустошенія, только заключеніемъ мира. Но тяжелыя условія, о которыхъ говорилъ Вѣнявскій, принудили короля обратиться за совѣтомъ къ Собѣскому, чтобы впослѣдствіи не довольные не свалили на него всей вины. Гетманъ отвѣтилъ письменно, что въ такой крайности слѣдуетъ заключить миръ даже на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, лишь бы избавиться отъ врага и обезпечить въ будущемъ возможность вознагражденія понесенныхъ потерь. Письмо это было прочитано въ засѣданіи сената и такъ какъ времени оставалось немного, то и назначены тотчасъ уполномоченные

для переговоровъ. Печальная обязанность эта возложена на волынскаго каштеляна Любовицкаго и надворнаго короннаго подскарбія Шуковскаго. Оба прибыли въ непріятельскій лагерь подъ Львовомъ въ ту минуту, когда городъ находился уже въ отчаянномъ положеніи. Открытіе переговоровъ при посредничествѣ татарскаго хана, пріостановило дальнѣйшія непріятельскія дѣйствія противъ города. Положивъ условія мира, польскіе уполномоченные должны были отправиться въ лагерь султана подъ Бучачъ*) (13 октября), гдѣ послѣ четырехдневныхъ преній, заключили (17 окт.) постыдный бучацкій договоръ. Условія его были слѣдующія:

1) татары липки, поселившіеся въ земляхъ рѣчипосполитой, если пожелаютъ, могутъ перейти въ Турцію съ семействами и имуществомъ;

2) начиная съ 5 ноября 1673 г. рѣчьпосполитая должна уплачивать султану дань въ 22.000 червонцевъ, Турція же воспретитъ татарамъ и казакамъ дѣлать наѣзды на польскія земли;

3) вся Подолія переходитъ во власть султана, который предоставляетъ жителямъ полную свободу совѣсти, а гарнизонамъ и землевладѣльцамъ свободный переходъ въ Польшу;

4) Украина въ прежнихъ границахъ поступаетъ въ полное распоряженіе казаковъ и польскій гарнизонъ долженъ выйти изъ Бѣлой Церкви. Ханенкѣ воспрещается пребываніе въ Украинѣ, казаки же вышедшіе съ нимъ имѣютъ право возвратиться.

Когда переговоры приближались къ концу, татары бросились во всѣ стороны, чтобы до заключенія мира опустошить несчастную

---

*) Бучачъ, городъ въ станиславскомъ округѣ, въ Галиціи, съ великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ на берегахъ рѣки Стрыпы, впадающей въ Днѣстръ, нѣкогда хорошо укрѣпленное мѣсто, принадлежитъ Потоцкимъ. Во времена Августа III и Станислава-Августа здѣсь жилъ каніовскій староста Николай Потоцкій, извѣстный своимъ звѣрствомъ и странностями, наполнившій страхомъ всю окрестность. Сарницкій свидѣтельствуетъ, что бучацкіе крестьяне добывали золотоносный песокъ въ одномъ изъ ручьевъ спадающихъ съ горъ. Въ XVI вѣкѣ Бучачъ славился извѣстными во всей Польшѣ лошадьми, откуда пошла даже пословица: *equus Buczacziorum gregis*. Нынѣ Бучачъ замѣчателенъ великолѣпными, громадными развалинами замка каніовскаго старосты и почти баснословнымъ плодородіемъ почвы. *Прим. перевод.*

страну. Одинъ изъ такихъ отрядовъ двинулся подъ предводительствомъ Нуредина къ Люблину. У Красноброда на него ударили (5 октября) съ одной стороны Ханенко, съ другой Собѣскій. Татары были разбиты на голову и потеряли всю добычу. Гетманъ погнался еще за ними и разбилъ вторично подъ Наролемъ. Отсюда онъ перешелъ въ Комарну, гдѣ находился главный лагерь Нуредина и одержалъ снова (9 октября) рѣшительную побѣду, вслѣдствіе которой уволилъ отъ рабства болѣе 20.000 плѣнныхъ. Не теряя времени, Собѣскій переправился черезъ Днѣстръ, напалъ близъ Колугна на другаго татарскаго предводителя Аджи-Гирея, разбилъ совершенно его отрядъ и освободилъ вторично значительное число плѣнныхъ.

Между тѣмъ, въ концѣ сентября, у Голембя собралось посполитое рушеніе изъ Велико- и Малопольши. Король прибылъ въ лагерь въ первыхъ числахъ октября. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ короннымъ войскомъ и двинуться противъ враговъ, начали разбирать причины бѣдствій, постигшихъ отечество. Шляхта сваливала всю вину на недовольныхъ, которыхъ обвиняли даже въ сношеніяхъ съ турками. Но въ лагерѣ были и такіе, которые приписывали несчастія рѣчипосполитой дурному, или, по крайней мѣрѣ, слабому управленію короля. Такъ какъ число ихъ было очень ограничено, то они не смѣли заявлять этого громко, но тѣмъ не менѣе дѣятельнѣе работали втайнѣ. Впрочемъ старанія ихъ были напрасны. Шляхта, раздраженная противъ партіи примаса и Собѣскаго, желавшей расторгнуть бракъ короля и лишить его престола, видѣла въ генеральной конфедераціи единственное средство успокоенія отечества и разрушенія плановъ партіи противной королю. Изъ сенаторовъ первые заговорили въ этомъ духѣ познанской епископъ Вержбовскій, хелмскій епископъ Загурскій и сѣрадзскій воевода Феликсъ Потоцкій, шляхта же поддержала ихъ единодушно. Интересы вѣры, благо отечества, неприкосновенность особы короля, охраненіе закона и національныхъ льготъ и умиротвореніе рѣчипосполитой—вотъ цѣль союза, который могъ быть уничтоженъ только по возстановленіи внутренняго и внѣшняго мира. Маршаломъ кон-

федераціи избранъ (11 октября) писарь польный коронный Степанъ Чарнецкій, въ помощь ему назначены изъ каждаго воеводства по одному совѣтнику. Когда конфедерація состоялась, ко всѣмъ отсутствующимъ разослано приглашеніе къ ней присоединиться, въ томъ числѣ и къ литовцамъ, знатнѣйшимъ же городамъ объявлено особо, чтобы они удаляли изъ среды своей каждаго, кто не примкнулъ къ конфедераціи. Шляхтѣ, которая не прибыла съ посполитымъ рушеніемъ, приказано явиться въ лагерь не позже 28 октября, подъ опасеніемъ наказанія, опредѣленнаго закономъ. Тѣхъ кто будетъ дѣйствовать противъ конфедераціи или представитъ въ судъ протестъ, положено считать врагами отечества. Назначенъ чрезвычайный судъ надъ тѣми, кто провинился противъ отечества. Судъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, назначенныхъ королемъ и депутатовъ отъ шляхты; маршалъ союза былъ маршаломъ чрезвычайнаго суда. Преданы суду не только тѣ, которые расторгали прежніе сеймы, но и генералъ коронной артиллеріи Концкій, коронный подскарбій, подольскій генералъ и другіе; каждому назначенъ срокъ явки. Съ примасомъ и его братьями, плоцкимъ воеводою и короннымъ хорунжимъ, поступлено строже чѣмъ съ другими: они были приговорены заочно къ лишенію правъ состоянія и имущества. Примаса приказано запереть въ монастырь, имѣнія архіепископства передать въ управленіе трехъ духовныхъ лицъ, весь годовой доходъ съ нихъ употребить на выкупъ польскихъ плѣнныхъ изъ турецкаго рабства. Постановлено просить у папы разрѣшенія наказать примаса. Коронному войску послано воззваніе присоединиться къ союзу, въ противномъ случаѣ съ нимъ будетъ поступлено какъ съ бунтовщиками. Наконецъ закономъ постановлено, что всѣ знатнѣйшія коронныя должности будутъ раздаваемы только на два года, исключая лицъ, которыя ихъ занимали въ то именно время. Всѣ засѣданія происходили тихо и въ большомъ порядкѣ, исключая перваго, на которомъ былъ изрубленъ въ куски нѣкто Броневскій, выступившій съ протестаціей въ пьяномъ видѣ.

По составленіи акта конфедераціи, заключавшаго въ себѣ 14 пунктовъ, вкратцѣ нами изложенныхъ, предположено было вмѣстѣ

съ казаками Ханенки двинуться противъ турокъ, когда вдругъ пришло извѣстіе о заключеніи бучацкаго мира. Походъ не имѣлъ уже цѣли, и потому посполитое рушеніе, стоявшее подъ Люблиномъ, могло разойтись по домамъ, тѣмъ болѣе что вся окрестность, не смотря на строгія постановленія, много пострадала отъ разнаго рода притѣсненій. Къ тому же бѣдная шляхта, истощивъ запасы, привезенные изъ дому, уже сама разъѣхалась. Когда затѣмъ король присягнулъ въ лагерѣ подъ Люблиномъ (2 ноября) на конфедерацію, и далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что она не причиняетъ ущерба правамъ и вольностямъ рѣчипосполитой, всѣ подписали такъ названный люблинскій рецесъ (10 ноября). Въ немъ назначенъ общій съѣздъ конфедераціи въ Варшавѣ 4 янв. 1673 г., для приведенія начатаго дѣла къ окончанію. При королѣ оставлено двадцать депутатовъ и маршала, назначенъ верховный судъ для государственныхъ преступленій. Къ суду этому воеводства должны были привлекать каждаго изъ жителей, враждебно настроеннаго къ королю или рѣчипосполитой. Каждое воеводство должно было вооружить извѣстное число людей. Познанское изъявило на все свое согласіе, остальныя воеводства отложили дѣло до сеймиковъ. Сеймики должны были собраться въ декабрѣ, при чемъ постановлено, что каждый, кто бы расторгнулъ сеймикъ, будетъ наказанъ какъ измѣнникъ отечества. Наконецъ 16 ноября всѣ разъѣхались по домамъ, а король съ своей стражей и казаками Ханенки отправился въ Варшаву.

Столь рѣшительныя дѣйствія шляхты, по отношенію къ врагамъ короля, а равно и всѣ постановленія конфедераціи, могли справедливо встревожить всѣхъ тѣхъ, противъ кого они были направлены. Но и противники короля не бездѣйствовали. Сперва страхъ овладѣлъ примасомъ и его сторонниками, но замѣтивъ, что шляхта болѣе угрожаетъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и что въ лагерѣ противниковъ есть ихъ тайные друзья, они успокоились. По окончаніи преслѣдованія татаръ, Собѣскій безъ труда склонилъ коронное войско, собранное въ лагерѣ подъ Щебржещиномъ, завязать особый союзъ (24 ноября). И здѣсь говорили о защитѣ вѣры, достоинства

короля, правъ и вольностей коронныхъ, но кромѣ того выговорили себѣ уплату жалованья и изъявили готовность противодѣйствовать каждому, кто бы возсталъ противъ великаго короннаго гетмана. Вновь же завербованныхъ солдатъ, которые не состояли бы подъ его приказаніями, объявили врагами отечества. Въ такомъ положеніи были дѣла въ лагерѣ Собѣскаго, когда явилась депутація отъ голембской конфедераціи, приглашавшая войско къ ней присоединиться. Членовъ депутаціи не признали однако послами короля и рѣчипосполитой, но назвали эмиссарами мятежнаго съѣзда, угрожая, что войско сотретъ оружіемъ все то, что подъ Голембемъ и Люблиномъ было написано перомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто умиротворенія, возникъ еще большій раздоръ. Повсюду разбросано было множество писемъ, въ которыхъ говорилось, что голембская конфедерація и люблинскій рецесъ нарушаютъ коронныя права и вольности, и подрываютъ даже фундаментъ рѣчипосполитой. Кромѣ того примасъ опубликовалъ записку, въ которой доказывалъ свою невинность, говоря, что въ качествѣ перваго духовнаго сановника Польши, онъ подлежитъ только суду папы и что не нарушивъ ни въ чемъ закона, не имѣетъ надобности являться въ судъ. Въ оправданія своемъ онъ обвинялъ короля во всѣхъ бѣдствіяхъ, несчастіяхъ и волненіяхъ, постигшихъ рѣчьпосполитую. Недовольные дѣлали всевозможныя усилія лишь бы не допустить Литву и Пруссію присоединиться къ конфедераціи. Даже Собѣскій самъ тайно отправился въ Пруссію, гдѣ имѣлъ обширныя связи, а другіе сновали по Литвѣ, доказывая тамошней шляхтѣ, что конфедерація нарушаетъ основный законъ ихъ союза съ короной.

Не подлежитъ сомнѣнію, что голембская конфедерація, остановивъ на время законодательную, исполнительную и судебную власть, была мѣрою черезъ чуръ рѣзкою, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ была допущена излишняя строгость. Но въ оправданіе конфедераціи слѣдуетъ сказать, что имѣя дѣло съ могущественными противниками, она вынуждена была прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ скоро обыкновенныя оказывались безуспѣшными. На приведенные выше листки и оправданіе примаса, никто не отвѣ-

чалъ, но за то коронные и литовскіе сеймики признали конфедерацію. Пруссія къ ней не присоединилась и отправила пословъ къ королю съ объясненіемъ причинъ своего отказа. Они прибыли въ то время, когда съѣздъ, назначенный люблинскимъ рецесомъ, собрался въ Варшавѣ. Посламъ отвѣтили, что если поляки и литовцы явились на это чрезвычайное собраніе, то и Пруссія не можетъ отъ него уклоняться. Тѣмъ не менѣе отсутствіе прусскихъ пословъ, не воспрепятствовало открытію совѣщаній.

Съѣздъ этотъ былъ первымъ сеймомъ, состоявшимся подъ знаменемъ конфедераціи. Онъ отличался отъ обыкновеннаго тѣмъ, что не могъ быть расторгнутъ и что послы не избирали маршала, но подъ предсѣдательствомъ маршала союза прямо соединялись съ сенатомъ. Литовцы не хотѣли признать маршала подъ тѣмъ предлогомъ, что они не участвовали въ его избраніи, и потому требовали, чтобы воеводства, новою подачею голосовъ, подтвердили его выборъ. Когда однако имъ отвѣтили отъ имени короля, что маршалъ союза и безъ подобной подачи голосовъ, имѣетъ право руководить совѣщаніями, литовцы отказались отъ своего требованія, съ условіемъ, что поляки поблагодарятъ ихъ за это снисхожденіе, что и было исполнено маршаломъ отъ имени палаты въ обычной привѣтственной рѣчи. Послѣ этого возникло новое затрудненіе. Когда актъ конфедераціи и люблинскій рецесъ, а равно и другія постановленія были прочитаны, краковскій епископъ потребовалъ уничтоженія конфедераціи, какъ противной благу отечества и всѣхъ ея постановленій, направленныхъ противъ недовольныхъ, съ тѣмъ что общій сеймъ прибѣгнетъ къ средствамъ примиренія болѣе умѣреннымъ. Послы на это не согласились и объявили, что пока виновные не подвергнутся должному наказанію, нельзя и думать о распущеніи конфедераціи.

Противная партія совѣщалась въ Ловичѣ и хотя войсковая конфедерація была на ея сторонѣ, но она все таки не чувствовала себя совершенно безопасною. Зная однако, что въ Варшавѣ не думали о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, которыя вызвали бы только междоусобную войну, она храбрилась болѣе чѣмъ бы слѣдовало.

Недовольныхъ ободряло еще и то обстоятельство, что конфедерація не спѣшила начать обѣщанный судъ и отвлекала его подъ разными предлогами. Въ Варшавѣ также одержало верхъ мнѣніе людей, которые, для умиротворенія отечества, совѣтовали прибѣгнуть къ кроткимъ мѣрамъ. Вслѣдствіе ихъ усиленныхъ стараній краковскій епископъ и витебскій воевода были отправлены (8 января) въ Ловичъ, съ вопросомъ, желаютъ ли собравшіеся тамъ—мира или войны. Ловичское собраніе было не прочь отъ мировой, но требовало чтобы конфедерація прекратилась и варшавскій съѣздъ преобразовался въ общій сеймъ, чтобы обвиненіе, взведенное Феликсомъ Потоцкимъ на примаса, Собѣскаго и краковскаго воеводу, будто бы они вызвали вторженіе турокъ въ Польшу, было строго изслѣдовано, и если оно окажется ложнымъ, то чтобы обвинитель былъ подвергнутъ строгой отвѣтственности, чтобы король впредь лучше оберегалъ край, чтобы были приняты самыя соотвѣтственныя мѣры для возвращенія потерянныхъ провинцій и т. п. Въ засѣданіи сейма поднялся страшный шумъ, когда условія эти были прочитаны (24 января). Ихъ назвали пасквилемъ противъ короля и рѣчипосполитой, требовали сожженія рукою палача и вооруженія всей шляхты противъ ловичскаго сборища. Умѣренные поляки усмирили бурю и добились того, что ловичскому собранію дано время сдѣлать новыя предложенія. Послѣ многихъ стараній сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ. Ловичскій съѣздъ требовалъ уже только прекращенія конфедераціи и общаго сейма и хотѣлъ мириться при посредничествѣ королевы. Съ этими предложеніями возвратились въ Варшаву (3 февраля) краковскій епископъ и витебскій воевода, и вслѣдъ за ними явились два депутата изъ Ловича, которые были тотчасъ приняты въ тайной аудіенціи королемъ и королевою. Сеймъ назначилъ нѣсколькихъ сенаторовъ и пословъ для переговоровъ съ помянутыми депутатами. Переговоры происходили въ присутствіи королевы и продолжались четыре дня. Договоръ долженъ былъ быть подтвержденъ присягой ловичскаго собранія и витебскаго воеводу послали вторично въ Ловичъ, для окончанія дѣла. Здѣсь всѣ возстали противъ присяги и требовали измѣненія нѣкоторыхъ пунк-

товъ договора, что̀ вызвало опять волненіе между послами. Имъ казалось неприличнымъ чтобы тѣ, которые провинились противъ отечества, предлагали рѣчипосполитой условіе, вмѣсто того чтобы самимъ смириться. Казалось, что переговоры будутъ прерваны. Но старанія тѣхъ, которые дѣйствительно желали успокоенія отечества, одержали верхъ. Смягченный въ нѣкоторыхъ пунктахъ договоръ, былъ снова отправленъ въ Ловичъ, и вскорѣ послѣ того коронный вицеканцлеръ Ольшовскій самъ туда поѣхалъ, приглашая собраніе явиться въ Варшаву для братскаго соглашенія. Не найдя уже никого въ Ловичѣ, вицеканцлеръ послѣдовалъ за противниками въ Уяздовъ*). Здѣсь договоръ былъ подписанъ 10 марта. Конфедерація преобразовалась въ общій сеймъ, маршалъ ея переименованъ въ маршала посольской палаты, всѣ постановленія конфедераціи отмѣнены, преступленія обвиненныхъ лицъ преданы забвенію.

Кромѣ примаса опасно больнаго, всѣ отправились въ Варшаву. Представляясь королю, противники его только поклономъ изъявили свою покорность, но ни одинъ не цѣловалъ его руки и не проговорилъ ни слова. Глаза всѣхъ были обращены къ Собѣскому, который съ видимою холодностью подошелъ къ королю и тотчасъ отодвинулся назадъ. Когда же король черезъ нунція Бонфини про-

---

*) Многимъ изъ нашихъ читателей бывшихъ въ Варшавѣ, хорошо знакомъ уяздовскій госпиталь, находящійся нынѣ въ городской чертѣ. Это и есть упоминаемый въ польской исторіи Уяздовъ, находившійся въ то время въ 2 верстахъ отъ города. Первыя свѣдѣнія о деревнѣ Уяздовѣ мы встрѣчаемъ въ 1262 году, во время борьбы Мендога съ мазовецкимъ княземъ Земовитомъ; «отсюда, говоритъ Залуцкій, мазовецкіе князья въѣзжали обыкновенно въ Варшаву, здѣсь завтракали отправляясь на охоту». Уяздовъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Сигизмунда I; здѣсь вѣнчался Янъ Замойскій, жили долго Сигизмундъ III и Владиславъ IV. Адамъ Яржемскій, посѣщавшій уяздовскій дворецъ въ 1643 году, говоритъ: «прошло много времени пока я разсмотрѣлъ всѣ комнаты и большое число великолѣпныхъ картинъ; вездѣ золотые нидерландскіе обои; на каждомъ углу дворца бѣчевка, откуда видъ на Вислу, поля и лѣса. Возлѣ самаго дворца звѣринецъ; въ немъ множество оленей, кроликовъ, зайцевъ, сернъ; во многихъ мѣстахъ рыбные пруды, мѣстность роскошная разнообразіемъ богатыхъ луговъ, лѣсовъ, рощъ, пригорковъ; глазъ живописца, видѣвшій многое, рѣдко встрѣтитъ мѣстность болѣе красивую». (Pamiętniki o dawnéj Polsce). Въ 1659 году въ Уяздовѣ устроенъ монетный дворъ. Станиславъ-Августъ перестроилъ дворецъ въ 1766 г. и впослѣдствіи подарилъ весь Уяздовъ городу. *Прим. перев.*

силъ его приблизиться, онъ отвѣтилъ послѣднему по французски: „Мнѣ и здѣсь хорошо.“ Когда далѣе король самъ обратился къ Собѣскому, прося его выйти изъ толпы и стать впереди, какъ подобаетъ маршалу, и присовокупилъ: „вы здѣсь хозяинъ;“ гетманъ отвѣтилъ холодно: „я не болѣе какъ гость.“ Послѣ аудіенціи у короля, всѣ отправились къ королевѣ, и по окончаніи этихъ церемоній послѣдовало открытіе общаго сейма.

По умиротвореніи края, приходилось прежде всего думать о вооруженіяхъ, если только было желаніе уклониться отъ уплаты постыдной дани туркамъ, а равно возвратить отнятыя земли. Этимъ и начались совѣщанія, какъ вдругъ литовцы, по внушеніямъ великаго канцлера литовскаго Паца, потребовали, чтобы каждый третій сеймъ происходилъ въ Гроднѣ. Начались бурныя пренія, продолжавшіяся до 2 часовъ полуночи. Коронные послы сопротивлялись этому, по неимѣнію отъ избирателей никакой инструкціи. Начатыя пренія затруднили и послѣдующее засѣданіе и когда одинъ изъ коронныхъ пословъ выразился весьма невѣжливо, литовцы удалились и открыли отдѣльныя совѣщанія у іезуитовъ. Послѣ многихъ усилій они возвратились, съ условіемъ, что посолъ этотъ будетъ наказанъ. Король, по просьбѣ сословій, простилъ виновнаго, довольствуясь публичнымъ извиненіемъ. Между тѣмъ споръ о третьемъ сеймѣ продолжался. Пришлось наконецъ согласиться съ требованіемъ литовцевъ, которые за то обѣщали вооружить и содержать въ теченіи года 12,000 войска противъ турокъ и принять надлежащія мѣры для обезпеченія Литвы. Потомъ перешли къ возбужденному конфедераціей вопросу объ уничтоженіи пожизненныхъ великихъ коронныхъ должностей. Правда, состоялся законъ согласно постановленію конфедераціи, но прежнее обыкновеніе не утратило своей силы. Сеймъ принялъ соотвѣтственныя мѣры защиты и закрылъ свои засѣданія 13 апрѣля въ 5 часовъ утра. Шляхта достигла своей цѣли, принудивъ недовольныхъ къ должному повиновенію королю и умѣривъ гордость нѣсколькихъ магнатовъ, но не предупредила излишняго перевѣса аристократіи въ будущемъ, а потому не оберегла рѣчипосполитой отъ

послѣдовавшихъ волненій. Два дня спустя, по закрытіи сейма, скончался примасъ, именно въ ту минуту, когда король пріѣхалъ его навѣстить.

Сеймъ назначилъ значительныя подати для вербовки войскъ, и хотя, слѣдуя мнѣнію Собѣскаго, не объявилъ Турціи прямо войны, но рѣшился начать таковую *). Однако рѣшеніе и исполненіе, двѣ вещи совершенно разныя. Приготовленія производились весьма медленно, хотя получено было извѣстіе, что значительное турецкое войско, подъ начальствомъ сераскира Гуссейна, приближается къ границѣ, и другое, болѣе еще многочисленное, должно за нимъ слѣдовать. На совѣтѣ сената, собранномъ въ Варшавѣ (въ іюлѣ), рѣшено было, что коронное войско соберется подъ Глинянами, литовское подъ Берестечкомъ, король же, подтвердивъ воеводствамъ объ ускореніи вооруженій, двинется во главѣ всѣхъ силъ къ Днѣстру. Совѣтъ этотъ данъ былъ тѣми лицами, которыя, завидуя славѣ Собѣскаго, увѣряли короля, что онъ только этимъ путемъ можетъ пріобрѣсти значеніе въ глазахъ народа и помѣшать дурнымъ послѣдствіямъ, которыя повлекутъ за собой неминуемо соперничество короннаго и литовскаго гетмановъ.

Собѣскій, простившись съ королемъ (5 августа), отправился въ лагерь, чтобы приготовить все для войны. Онъ получилъ вскорѣ

---

*) Вотъ слова, произнесенныя Собѣскимъ во время преній о турецкой войнѣ: «Знаю, и очень знаю какъ слабы наши силы, какъ недостаточна наша казна, но можно все исправить. Каждый землевладѣлецъ, чувствуя себя свободнымъ, можетъ оставить нивы свои, взяться за оружіе, сдѣлаться добрымъ воиномъ, если у него искусный полководецъ. Мнѣ не нужно больше шестидесяти тысячъ человѣкъ, и я васъ освобожу отъ рабства. Не спрашивайте откуда денегъ взять на содержаніе такого войска. Еслибы даже я совѣтовалъ вамъ перелить церковныя серебряныя и золотыя утвари въ деньги для воиновъ, то и на эту мѣру вы должны бы согласиться. Защищая отечество сосудами религіозныхъ обрядовъ, мы вѣру защищаемъ. Но нѣтъ, рѣчьпосполитая имѣетъ сокровища въ Краковѣ. Не ждать же намъ, чтобъ магометъ разграбилъ ихъ. Употребимъ ихъ на сокрушеніе оковъ, на насъ положенныхъ. Не ждете ли добрыхъ послѣдствій отъ мирныхъ переговоровъ? Не надѣетесь ли на войска вспомогательныя? Но переговоры всегда идутъ медленно. Будущность невѣрна, настоящее не въ нашихъ рукахъ; а наши предки скорѣе соглашались обречь себя на смерть, чѣмъ на одну минуту рабства.» (*Маркевичъ*, Ист. Молорос. т. II).

Прим. перевод.

(10 сентября) извѣстіе, что султанъ приказалъ строить на Дунаѣ мостъ, а татарамъ и Дорошенкѣ собраться подъ Каменцемъ. Въ тоже время валахскій и молдаванскій воеводы*) сообщили, что они готовы свергнуть турецкое иго. Собѣскій обратился съ вопросомъ къ королю, слѣдуетъ ли ему начинать столь страшную войну, не смотря на то, что назначенныя подати недостаточны, что нѣкоторыя воеводства и этихъ не платятъ и что полки, не получившіе жалованья, не хотятъ вступать въ лагерь. Его безпокоило также двусмысленное поведеніе Ханенки, который, казалось, измѣнялъ рѣчипосполитой. Король выѣхалъ въ Львовъ 16 сентября, и отправился тотчасъ (5 октября) въ лагерь подъ Глиняны, произвелъ смотръ короннымъ войскамъ, и потомъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали оба литовскіе гетманы. Рѣшено было двинуться противъ врага. Король, уже больной, возвратился въ Львовъ и передалъ Собѣскому главное начальство надъ польско-литовскимъ войскомъ.

Собѣскій, переправивъ войска черезъ Днѣстръ (21 октября), пошелъ прямо къ Хотиму**), гдѣ Гуссейнъ заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ съ 20,000 турокъ 10,000 молдаванцевъ и казаковъ***). Разсмотрѣвъ положеніе непріятельскаго лагеря, гетманъ рѣшился, не смотря на малочисленность своего войска, ударить на врага тотчасъ и побѣдить его прежде, чѣмъ подоспѣетъ шедшій въ помощь отрядъ. Сперва дѣло завязалось съ молдаванцами, которые сдались послѣ кратковременной мнимой защиты. Тогда Собѣ-

*) Молдаванскій — Стефанъ Петречейко и валахскій — Григорій Гико. *Прим. перевод.*

**) Хотимъ, по турецки Хутинъ, городъ и крѣпость въ Бессарабіи, противъ мѣстечка Званца, въ 21 верстѣ отъ Каменца, на правомъ берегу Днѣстра, какъ пограничная крѣпость, былъ важнымъ пунктомъ въ войнахъ Польши противъ мусульманъ. Турки укрѣпили Хотимъ въ 1718 г., при помощи французскихъ инженеровъ, не смотря на то русскіе брали крѣпость два раза: въ 1739 и 1769 г., а австрійцы въ 1788 г. *Прим. перевод.*

***) *Г. Маркевичъ*, въ своей «Исторіи Малороссіи» (т. II стр. 217), говоритъ, что въ хотимскомъ сраженіи участвовало 80,000 турокъ, что изъ нихъ 10,000 погибло въ волнахъ Днѣстра, 20,000 легло въ укрѣпленіяхъ, остальные спаслись въ стѣнахъ Каменца. Не понимаемъ откуда взяты эти цифры, мы ихъ не нашли ни въ одномъ изъ польскихъ писателей. *Прим. перевод.*

скій обратилъ всѣ силы противъ турокъ и одержалъ блестящую побѣду (11 ноября), не смотря на мужественную ихъ защиту. Почти все турецкое войско было истреблено, весь лагерь, сто орудій, множество военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. *) Собѣскій, желая воспользоваться побѣдой, хотѣлъ двинуться прямо къ Дунаю, когда получилъ изъ Львова донесеніе, что король скончался 10 ноября въ 9 часовъ утра**). Собѣскій перемѣнилъ намѣреніе. Раз-

*) Съ разсвѣтомъ генералъ артиллеріи Концкій открылъ огонь изъ орудій по турецкому лагерю. Польный гетманъ князь Димитрій Вишневецкій, командовалъ правымъ крыломъ, въ серединѣ стоялъ русскій воевода Яблоновскій, лѣвое крыло вели литовскіе гетманы. Собѣскій шелъ впереди пѣхоты, съ саблей въ рукахъ пѣшкомъ. «Впередъ на окопы! восклицалъ онъ громкимъ голосомъ, пробилъ рѣшительный часъ, мы должны побѣдить этого разбойника. Впередъ! мы задушимъ волка въ его ямѣ. Ручаюсь вамъ, что черезъ часъ, весь лагерь наполненый провіантомъ и богатой добычей будетъ въ нашихъ рукахъ. Впередъ!» Побѣда долго колебалась, потому что турки защищались съ ожесточеніемъ. Весь день продолжалась битва и къ вечеру взята была только часть окоповъ. Захожденіе солнца прервало сраженіе. Не смотря на рѣзкій вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ, польское войско простояло всю ночь подъ ружьемъ. На слѣдующій день пѣхота разбила часть шанцовъ и дала возможность конницѣ двинуться впередъ; Яблоновскій съ 15 хоругвами вломился въ самую середину янычаръ. Началась страшная рѣзня; поляки не брали въ плѣнъ; турки не устояли: Гуссейнъ побѣжалъ первый. Собѣскій въ палаткѣ Гуссейна, на его бумагѣ и его перомъ донесъ коронному вицеканцлеру о побѣдѣ.

Прим. перевод.

**) Король Михаилъ вовсе не былъ способенъ управлять государствомъ, особенно такимъ, какова была Польша и въ такое бурное, несчастное для нея время. Онъ не имѣлъ тѣхъ качествъ, той силы души, которыя необходимы были, чтобы преодолѣть возстававшую противъ него гордость, зависть, чтобы исправить недостатки разстроеннаго государства. Слѣдующій разсказъ, сохранившійся у нѣкоторыхъ историковъ, въ томъ числѣ у Коховскаго, хорошо характизируетъ характеръ Михаила. Въ день избранія, прежде чѣмъ отправиться на сеймъ, Михаилъ пошелъ къ обѣднѣ въ церковь піаровъ. Сначала онъ молился очень усердно на колѣняхъ, но когда священникъ сталъ читать евангеліе, будущій король такъ крѣпко заснулъ, что стоило большаго труда разбудить его.—«Польскій Лѣтописецъ» (изд. въ С. Петербургѣ, въ 1782 г.), даетъ слѣдующую характеристику Михаила: «Король Михаилъ Вишневецкій, какъ духомъ, такъ и тѣломъ былъ слабъ. Онъ имѣлъ знаніе посредственное, и разумъ его недостаточенъ въ политикѣ, которой тогдашнее критическое время требовало, и по сей причинѣ и самый санъ его оставался безъ уваженія и должнаго отъ подданныхъ не имѣлъ онъ послушанія, что и было хорошимъ наставленіемъ для всѣхъ Пястовъ, домогающихся получить корону. Сей государь безъ богатства и власти управлялъ королевствомъ мало надежду полагающимъ, разсуждая, что

мѣстивъ полки въ удобныхъ мѣстностяхъ, онъ передалъ начальство опытнымъ полководцамъ, а самъ поспѣшилъ въ Львовъ.

II.

Янъ III Собѣскій.

(1673 — 1696).

Конвокаціонный сеймъ (25 янв. 1674). Искатели престола. — Избирательный сеймъ (20 апрѣля). Борьба поляковъ и литовцевъ. — Отсрочка избирательнаго сейма. — Избраніе Яна Собѣскаго (21 мая). — Приготовленіе къ войнѣ съ Турціей. — Взятіе Бара (12 ноября). — Сдача Могилева. — Пацъ покидаетъ Собѣскаго. — Пораженіе Нуреддина (24 авг. 1675). — Защита Трембовли. — Коронація Собѣскаго и Маріи-Казиміры (2 февр. 1676). — Коронаціонный сеймъ.— Лагерь въ Журавнѣ. — Злочовскій миръ (17 окт.). — Сеймъ 14 янв. 1677 — Волненіе въ Данцигѣ. — Переговоры съ Россіей и Турціей. — Сеймъ въ Гроднѣ (15 дек. 1678 г.). — Процессъ Даровскаго. — Епископъ Вержбовскій. — Сеймъ 14 января 1681 г. — Посолъ Пржіемскій. — Расторженіе сейма (24 мая). — Религіозныя волненія въ Торнѣ. — Партіи французская и австрійская. — Сеймъ 27 янв. 1683 г. — Измѣна Морштина. Союзъ съ Австріей (31 марта). — Приготовленія къ войнѣ. — Походъ. — Спасеніе Вѣны. — Неблагодарность императора. — Пораженіе и побѣда подъ Парканами. — Взятіе Язловца (сент. 1684).— Сеймъ 16 февр. 1685 г. — Споры съ литовскими послами. — Судъ надъ Морштиномъ. — Буковинское отступленіе. — Вѣчный миръ съ Россіей. — Походъ короля къ берегамъ Прута (сент. 1686). — Распря съ папой. — Новый походъ противъ Турціи (сент. 1687).—Продажность королевы.—Сеймъ 27 янв. 1688 г.— Расторженіе сейма. — Распря хелминскаго епископа съ Торномъ. — Сеймъ 17 дек. 1688 г. — Лещинскій и обвиненіе его въ атеизмѣ. — Казнь его. — Сеймъ 16 янв. 1690. — Бракъ королевича Якова. — Раздоръ въ семействѣ короля. — Походъ въ Молдавію. — Сеймъ 31 дек. 1692 г. — Распря въ Литвѣ. — Сеймъ 12 янв. 1695 г. — Защита Львова. — Смерть Яна III (17 іюня 1696).

Хотимская побѣда, освободившая рѣчьпосполитую отъ постыдной дани, могла быть принята за хорошее предзнаменованіе начи-

---

если легко вступилъ онъ на престолъ, то столь же легко и сверженъ быть могъ съ онаго. Наконецъ можно о немъ сказать такъ, какъ Тацитъ сказалъ объ императорѣ Гальбѣ, Паллавициній, о папѣ Адріанѣ VI, а президентъ Генольтъ о Генрихѣ III королѣ французскомъ и польскомъ, то есть онъ до тѣхъ поръ казался быть достойнымъ королевскаго престола, пока не взошелъ на оный» — Тѣло короля Михаила погребено въ соборной церкви въ Краковѣ, а сердце перенесено къ пустынникамъ камедуламъ въ Бѣлянахъ, близъ Варшавы.

Прим. перевод.

навшаго междуцарствія. Примасъ Чарторискій, изнемогавшій отъ болѣзни, поручилъ краковскому епископу Тржебицкому созвать совѣтъ сената въ Варшаву, гдѣ рѣшено было собрать поспѣшнѣе конвокаціонный сеймъ, чтобы удовлетворить главнѣйшимъ нуждамъ рѣчипосполитой. Сеймъ назначенъ на 25 января 1674. г.

На всѣхъ сеймикахъ началась борьба двухъ главныхъ партій, которыя сражались съ такимъ ожесточеніемъ въ царствованіе Михаила. Французская партія имѣла рѣшительный перевѣсъ въ Польшѣ, когда съ ней соединились всѣ остальныя. Въ Литвѣ господствовала австрійская партія, подъ руководствомъ Пацовъ и примаса рѣчипосполитой, собиравшаяся вокругъ вдовствующей королевы, на которой хотѣли женить будущаго короля. Французскимъ лагеремъ предводительствовалъ великій гетманъ коронный Собѣскій, пріобрѣвшій блестящую популярность недавнею побѣдою и даже помышлявшій тайно о коронѣ. Постоянные противники его Пацы, догадываясь о его планахъ, рѣшились воспрепятствовать имъ, устраненіемъ Пяста отъ престола, къ чему легко склонили всю Литву, которою управляли самовластно.

Не смотря на соперничество двухъ партій, сеймъ прошелъ благополучно подъ предсѣдательствомъ мечника короннаго и мальборгскаго старосты Франциска Бѣлинскаго. Правда, Пацы хотѣли провести проектъ закона, устраняющій Пяста отъ престола, но вицеканцлеръ Ольшовскій уничтожилъ ихъ старанія, объявивъ, что такое постановленіе обезчеститъ рѣчьпосполитую. Затѣмъ начались пренія по поводу диссидентовъ, такъ какъ нѣкоторые требовали отмѣны правъ, обезпеченныхъ за ними во время прежнихъ междуцарствій. Но вслѣдствіе мнѣнія Ольшовскаго, полагавшаго, что, признавъ однажды иновѣрцевъ братьями, нельзя отмѣнять въ отношеніи къ нимъ закона, статья послѣдняго междуцарствія, относившаяся къ этому предмету, оставлена въ своей силѣ. Наконецъ, по разсмотрѣніи текущихъ дѣлъ, сеймъ занялся дѣломъ защиты рѣчипосполитой, и поручая ее гетманамъ, назначилъ новыя подати для найма войска. Такъ какъ можно было разсчитывать положительно на продолженіе войны съ Турціей, то рѣшено было ускорить

избраніемъ короля, назначивъ собраться трехнедѣльному избирательному сейму 20 апрѣля, въ обыкновенномъ мѣстѣ подъ Варшавой, причемъ воеводствамъ предоставлено явиться цѣлымъ обществомъ, или только прислать пословъ.

Изъ иностранныхъ принцевъ старались получить корону—Карлъ герцогъ лотарингскій, поддерживаемый австрійскимъ дворомъ, Іоаннъ-Вильгельмъ, сынъ рейнскаго пфальцъ-графа, рекомендованный Франціей, Карлъ-Емилій сынъ курфирста бранденбургскаго, Георгій королевичъ датскій, царь московскій, герцоги савойскій и мантуанскій. Трое изъ нихъ — сынъ курфирста бранденбургскаго, королевичъ датскій и царь московскій были исключены изъ числа кандидатовъ, такъ какъ они не исповѣдывали католической вѣры, а кандидатура герцоговъ савойскаго и мантуанскаго не заслуживала никакого вниманія. Остались слѣдовательно герцогъ лотарингскій, котораго поддерживала вдовствующая королева и Литва, и сынъ рейнскаго пфальцъ-графа, имѣвшій многихъ приверженцевъ между коронными землевладѣльцами. Кандидатура Собѣскаго имѣла многихъ жаркихъ сторонниковъ. Но они, скрывая свои намѣренія, выжидали благопріятной минуты, чтобы выступить открыто, когда противники ихъ исчерпаютъ всѣ средства подкупа и интригъ, къ какимъ прибѣгали обыкновенно при каждомъ избраніи короля.

Избирательный сеймъ начался въ назначенное время, не смотря на отсутствіе примаса. Коронныя воеводства явились на избирательное поле въ полномъ составѣ. Изъ Пруссіи прибыло 119 пословъ, Литва довольствовалась также присылкою пословъ. За то Пацы привели съ собой большую часть литовскаго войска и собственныя вооруженныя дружины, которыя они размѣстили въ Варшавѣ. Литовскій подскарбій Венедиктъ Сапѣга, избранный маршаломъ посольской избы, не въ силахъ былъ предотвратить споровъ, занявшихъ время предназначенное на сеймъ. Литовцы требовали и теперь устраненія Пяста отъ престола, и не достигнувъ этого, хотѣли, по крайней мѣрѣ, чтобы каждое воеводство обязалось не подавать голоса въ пользу Пяста. Такъ какъ и тутъ ихъ встрѣтила неудача, то они объявили, что провинція ихъ не приметъ Пяста,

избраннаго Польшей и требовали, чтобы примасъ и великій маршалъ коронный до тѣхъ поръ не вручали избранному избирательнаго диплома, пока они не пригласятъ своихъ земляковъ, оставшихся дома. Всѣ эти происки не привели ни къ чему. Послѣ того учреждены были двѣ коммисіи, одна — для приведенія въ извѣстность такъ называемыхъ экзорбитанцій*), которыя новый король долженъ былъ устранить, другая — для составленія условій, на основаніи которыхъ будетъ ему вручена корона. Обѣ коммисіи должны были окончить свои труды до воспослѣдованія выбора, но ни одна, ни другая этого не исполнили.

Никто не могъ сказать навѣрное, въ чью пользу будетъ большинство голосовъ, такъ какъ мнѣнія были весьма различны. Знали только, что тотъ получитъ корону, на чьей сторонѣ будетъ Собѣскій, и потому каждая партія старалась пріобрѣсти его для себя. Но Собѣскій, предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій, не выражалъ своего мнѣнія, почему литовцы и предположили, что онъ самъ помышляетъ о коронѣ. Во время конвокаціоннаго сейма Собѣскій оставался на Руси, занятый приготовленіями на случай могущихъ возникнуть непріязненныхъ дѣйствій со стороны Турціи, и обратился письменно ко всѣмъ сеймикамъ, совѣтуя, во вниманіе къ затруднительному положенію рѣчипосполитой, избрать такого короля, который будетъ въ силахъ бороться съ обстоятельствами. На избирательный сеймъ онъ не спѣшилъ также и прибылъ въ Варшаву только 2 мая, во главѣ значительной свиты. Многіе сенаторы выѣхали къ нему на встрѣчу. Теперь только друзья Собѣскаго начали совѣщаться, къ какимъ прибѣгнуть мѣрамъ, чтобы привести въ дѣйствіе тайныя доселѣ намѣренія. Самою дѣятельною была въ этомъ отношеніи жена Собѣскаго, урожденная француженка, а также и посланникъ французскаго короля Людовика XIV, епископъ марсельскій Жансонъ Форбинъ**) помогалъ имъ по-

*) Смотри *Примѣчаніе*, на стр. 238 въ II Томѣ.

**) Жансонъ Форбинъ родился въ 1625 г. При содѣйствіи короля Собѣскаго, онъ пожалованъ въ 1690 г. папою Александромъ VIII въ кардиналы и былъ впослѣдствіи посланникомъ Франціи въ Римѣ. Въ 1706 г. получилъ званіе великаго милостынедержателя. *Прим. перевод.*

чти явно. Во время публичной аудіенціи, рекомендуя сына рейнскаго пфалцъ-графа, онъ прибавилъ тотчасъ, что и въ рѣчипосполитой есть люди, которые съумѣютъ съ достоинствомъ носить корону. Самъ Собѣскій объявлялъ себя въ пользу одного изъ французскихъ принцевъ, хотя ни одинъ изъ нихъ, на этотъ разъ, не былъ кандидатомъ, и совѣтовалъ избрать такого, который бы могъ сопротивляться напору турокъ. Собѣскій отозвался въ этомъ смыслѣ во время тайнаго совѣщанія сенаторовъ во дворцѣ краковскаго епископа. Многіе полагали, что гетманъ намекаетъ на принца кондейскаго и сторонники его утверждали, что такъ именно слѣдуетъ толковать его слова. Краковскій епископъ соглашался съ мнѣніемъ Собѣскаго, что принцъ кондейскій былъ достоенъ короны, замѣтивъ только, что такъ какъ онъ уже женатъ, то можетъ вступить въ бракъ съ вдовствующей королевой Елеонорой. Собѣскій полагалъ, что и это препятствіе могло бы быть устранено. Совѣщаніе было прервано прибытіемъ депутаціи отъ шляхты, которая жаловалась, что сенаторы участвуютъ въ какихъ то тайныхъ сходкахъ, вмѣсто того, чтобы совѣщаться подъ навѣсомъ на избирательномъ полѣ.

Такимъ образомъ истекъ трехнедѣльный срокъ, опредѣленный для сейма. Вслѣдствіе согласія сословій, сеймъ былъ отсроченъ до 19 мая, съ оговоркой, что нельзя болѣе откладывать выбора. По выслушаніи иностранныхъ посланниковъ, рѣшено было приступить къ выбору. Этому противились прусскіе послы, подъ предлогомъ, что учрежденныя коммиссіи не окончили еще своихъ трудовъ. Но когда поляки и литовцы отправились на избирательное поле, то и пруссаки послѣдовали ихъ примѣру. И теперь еще не было извѣстно, кто будетъ королемъ, такъ какъ поляки стояли за сына пфальцъ-графа, а литовцы за герцога лотарингскаго. О Собѣскомъ же могли думать развѣ только его друзья. Опасаясь раздѣленія голосовъ, сенатъ и посольская палата отправили депутацію къ вдовствующей королевѣ Елеонорѣ, прося ее содѣйствовать избранію Іоанна-Вильгельма, на сторонѣ котораго находилась уже почти вся Польша. Отрицательный отвѣтъ королевы доказалъ, что она надѣялась еще,

при содѣйствіи своей партіи, провести выборъ герцога лотарингскаго, къ которому влекло ее собственное сердце.

Въ полдень, 19 мая, рѣшено было приступить къ выбору. Литовцы требовали непремѣнно отсрочки, но коронные землевладѣльцы отказали въ томъ окончательно и тотчасъ направились къ своимъ воеводствамъ. Разсерженные литовскіе послы удалились въ Варшаву, но прусскіе остались на своихъ мѣстахъ и начали совѣщаться съ своими сенаторами. Варминскій епископъ объяснилъ имъ, чего можетъ ожидать рѣчьпосполитая отъ каждаго изъ кандидатовъ, и подалъ голосъ въ пользу Собѣскаго. Другіе сенаторы или послѣдовали его примѣру, или подавали голоса то въ пользу сына пфальцъграфа, то въ пользу герцога лотарингскаго. Послы же, за исключеніемъ одного, провозглашали Собѣскаго. Между тѣмъ въ полѣ совѣщались коронныя воеводства. Въ русскомъ воеводствѣ, гдѣ находился и Собѣскій, воевода Станиславъ Яблоновскій *) превоз-

*) Станиславъ-Янъ Яблоновскій родился въ 1634 г. и началъ военную службу подъ руководствомъ Чарнецкаго. Онъ отличился уже въ 1655 г. во время шведской войны; ему поручено было пробраться въ Краковъ, окруженный врагами, и спасти королевскія регаліи. Яблоновскій прошелъ весь шведскій лагерь и когда городъ сдавался, вывезъ тайно короны и скипетръ, чтобы не дать Карлу-Густаву возможности короноваться. Послѣ того отличался въ Курляндіи, побилъ Дугляса, осаждалъ Ригу; въ то время говорили въ Польшѣ, что еслибъ у Яблоновскаго была артиллерія, онъ взялъ бы Стокгольмъ; разумѣется это было преувеличено, но доказываетъ, какія надежды подавалъ молодой полководецъ. Въ 1664 г. на 30-мъ году жизни, назначенъ русскимъ воеводою. Съ 1667 г. начинается его дружба съ Собѣскимъ, съ тѣхъ поръ они неразлучны, вмѣстѣ совѣщаются, вмѣстѣ сражаются. Яблоновскій сохранялъ свято старинные польскіе обычаи и былъ очень набоженъ; ежедневно ходилъ къ обѣднѣ, приготовлялся къ войнѣ какъ къ смерти, служилъ панихиды послѣ убитыхъ, даже послѣ своихъ враговъ; много жертвовалъ на церкви и монастыри, и по обыкновенію того времени любилъ іезуитовъ и покровительствовалъ имъ. Обиженный — никогда не мстилъ; наказывалъ такъ, что наказанный дѣлался его другомъ; принималъ постоянное участіе въ преніяхъ сената, предлагая всегда спасительныя мѣры; былъ сенаторомъ безъ гордости, гетманомъ безъ жестокостей (sine simulatione), набоженъ безъ шума и блеска (sine futor et vitæ). Жена Яблоновскаго, урожденная Казановская, имѣла на него большое вліяніе; современники называли ее святою и есть преданіе, будто въ минуту ея рожденія въ деревнѣ Традѣ, колокола сами звонили; она скончалась въ 1687 г. на рукахъ королевича Якова, а королева Марія-Казиміра цѣловала ноги покойной. Яблоновскій много содѣйствовалъ избранію въ короли Фридриха-Августа. Въ 1700 г., во время сви-

носилъ герцоговъ кондейскаго и лотарингскаго, но ставилъ Собѣскаго выше ихъ обоихъ. Его поддерживали львовскій каштелянъ Фредро и хелмскій епископъ. Собѣскій говорилъ съ жаромъ въ пользу Конде. Выслушавъ своихъ сенаторовъ, все воеводство провозгласило Собѣскаго королемъ, за нимъ послѣдовало подляское и всѣ остальныя. Были правда противники, но ихъ заставили молчать, и вечеромъ, между 9 и 10 часами, по всему избирательному полю раздавались возгласы: да здравствуетъ король Янъ Собѣскій. Многіе потребовали, чтобы провозглашеніе избранника послѣдовало тотчасъ; но другіе находили неприличнымъ и опаснымъ избрать короля за отсутствіемъ литовцевъ, и дѣло было отложено до 8 часовъ слѣдующаго утра, чтобы дать литовцамъ время одуматься.

Пацы, въ особенности великіе литовскіе канцлеръ и гетманъ, затрогивали въ теченіе ночи всѣ пружины, лишь бы отмѣнить выборъ. Подъ ихъ вліяніемъ, литовцы не хотѣли на слѣдующее утро отправиться въ поле, не смотря на прибывшее къ нимъ оттуда торжественное посольство. Но когда съ одной стороны литовскій вицеканцлеръ Радзивиллъ и Сапѣга не жалѣли убѣжденій, чтобы сломить ихъ упрямство, а съ другой — получено было въ Варшавѣ извѣстіе, что коронные землевладѣльцы намѣрены и безъ ихъ участія провозгласить короля, то вечеромъ (20 мая) литовцы явились на избирательномъ полѣ, за исключеніемъ двухъ Пацовъ, то есть великаго канцлера и великаго гетмана. Виленскій епископъ старался оправдать ихъ отсутствіе, ручаясь, что они согласятся на избраніе Яна Собѣскаго, лишь бы выборъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня. На эту рѣчь отвѣтили восклицаніями: „Да здравствуетъ“ и закрыли засѣданіе. На слѣдующій день (21 мая) всѣ чины собрались въ полномъ составѣ. Послѣ рѣчи краковскаго епи-

---

данія въ Равѣ, царь Петръ I очень полюбилъ Яблоновскаго; говорятъ будто онъ ему сказалъ: «еслибъ ты былъ моимъ подданнымъ, я бы тебя слушался и почиталъ какъ отца.» Гетманъ скончался въ Львовѣ въ 1702 г.; на надгробномъ памятникѣ его сказано, что онъ былъ 49 лѣтъ солдатомъ, 38 сенаторомъ, 26 полководцемъ. (*Załuski* — Epistolae, T. II; *Niesiecki*; *Bartoszewicz* — Encykl. powsz. T. XII. *Прим. перевод.*

скопа, совѣтовавшаго покончить скорѣе съ избраніемъ короля и заняться изысканіемъ мѣръ для обезпеченія рѣчипосполитой, отвѣчалъ виленскій епископъ, что литовцы избрали единогласно Яна Собѣскаго въ короли и желаютъ ему всякаго счастія и побѣдъ надъ врагами. Немедленно литовскія воеводства подали свои голоса, послѣ чего краковскій епископъ провозгласилъ единогласно избраннаго короля *).

Янъ Собѣскій родился въ 1629 г. въ Олескѣ **), былъ сынъ краковскаго каштеляна Якова и Феофилы Даниловичъ, дочери русскаго воеводы, внучки великаго гетмана короннаго Станислава Жолкевскаго. Отецъ его, который самъ былъ всегда готовъ служить отечеству какъ совѣтомъ, такъ и съ оружіемъ въ рукахъ, приготовлялъ сыновей къ обоимъ поприщамъ, а семейныя преданія питали съ колыбели сердца ихъ ненавистью къ мусульманамъ, бывшихъ причиною гибели многихъ ихъ родственниковъ. Родъ Собѣскихъ, обогащенный милостями двора и наслѣдствами послѣ Жолкевскихъ и Даниловичей, пріобрѣлъ огромное вліяніе. Дѣйствуя постоянно въ видахъ королевскаго двора, онъ прокладывалъ себѣ дорогу къ новымъ почестямъ и къ тѣмъ большему еще богатству. Янъ Собѣскій посѣтивъ съ братомъ Маркомъ западъ и востокъ Европы, по возвращеніи домой въ 1648 г. не нашелъ уже отца въ живыхъ. Оте-

---

*) Когда коронные чины явились поздравлять Собѣскаго, онъ имъ сказалъ между прочимъ: «Богъ свидѣтель, что я не старался получить короны; но коль скоро, господа, вы возлагаете ее на меня силой, то пусть будетъ такъ». Первый визитъ Собѣскій сдѣлалъ вдовствующей королевѣ Елеонорѣ; она приняла его со слезами, едва проговорила нѣсколько словъ и тотчасъ выѣхала изъ Варшавы въ Бѣляны. Ей назначено было содержаніе въ размѣрѣ 200,000 черв. зл.
Прим. перевод.

**) Олеско лежитъ въ львовской землѣ, на берегахъ рѣки Штира. Первыя свѣдѣнія о замкѣ встрѣчаемъ въ 1327 г., когда, съ частью Руси, его получилъ въ наслѣдство мазовецкій князь Болеславъ Тройденовичъ. Мѣсто это принадлежало постоянно къ знаменитымъ богатствами и извѣстнымъ доблестными дѣлами родамъ: Жолкевскимъ, Даниловичамъ, Собѣскимъ; замокъ же былъ колыбелью двухъ польскихъ королей: Яна Собѣскаго и Михаила Вишневецкаго. Янъ Собѣскій говоритъ въ своей рукописи: «Natus sum in Olescensi arce, in edito monte, ubi etiam rex Michæl natus est». (Залускій, томъ III, 863). Въ послѣдствіи Олеско перешло въ собственность Ржевускихъ и въ 1790 г. взято ихъ кредиторами.
Прим. перевод.

чество изнемогало въ войнѣ съ козаками. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно сражался съ врагами рѣчипосполитой и, поддерживая планы Яна-Казиміра и Маріи-Людовики, относительно назначенія наслѣдника престола при жизни короля, получалъ въ награду богатыя староства и королевщизны. Военное поприще онъ началъ въ качествѣ короннаго хорунжаго, послѣ опалы, постигшей Станислава Любомирскаго назначенъ великимъ маршаломъ короннымъ, со смертью Чарнецкаго получилъ малую, а со смертью Потоцкаго большую коронную булаву. Будучи великимъ короннымъ маршаломъ, Собѣскій женился (1665 г.) на вдовѣ Замойскаго, Маріи-Казимірѣ-де-ла Грантъ, маркизѣ д'Аркинъ, которая, имѣя 11 лѣтъ отъ роду, прибыла въ Польшу съ Маріей-Людовикой и принадлежала къ числу ея любимицъ. Вскорѣ француженка эта завладѣла мужемъ совершенно также, такъ Марія-Людовика Яномъ-Казиміромъ. Собѣскій былъ краснорѣчивъ, доступенъ, даже ласковъ, любилъ науку и военное искусство. Въ войскѣ и у шляхты пользовался большимъ почетомъ, еще болѣе усилившимся послѣ хотимской побѣды.

Когда выборъ короля былъ оффиціально объявленъ, занялись составленіемъ условій (pacta conventa). Собѣскій обѣщалъ сначала болѣе, чѣмъ могъ исполнить, между прочимъ, что онъ уплатитъ войску жалованіе за три трети года. Когда пришлось помѣстить этотъ пунктъ въ договорѣ, онъ сказалъ прямо, что сообразивъ ближе свои обстоятельства, принужденъ взять назадъ обѣщаніе, котораго не въ силахъ исполнить. Кромѣ этого встрѣтилось еще одно затрудненіе. Австрійская партія, будучи не въ силахъ воспрепятствовать избранію Собѣскаго, хотѣла теперь заставить его развестись съ Маріей-Казимірой и жениться на Елеонорѣ. Но рѣшительный отвѣтъ короля Яна, что онъ скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ приметъ подобное условіе, уничтожилъ происки этой партіи. Янъ III присягнулъ (5 іюня) на pacta conventa, послѣ чего ему былъ поднесенъ дипломъ избранія. Тогда начались пренія относительно коронаціи. Большая часть пословъ, желая ускорить ее по возможности, составила уже постановленіе, что коронація будетъ происходить 22, а двухнедѣльный коронаціонный сеймъ 24 іюля.

Но Янъ III былъ того мнѣнія, что сперва слѣдуетъ уволить рѣчьпосполитую отъ угрожающей ей со стороны турокъ опасности, а потомъ уже думать о коронаціи. Мнѣніе это одержало верхъ и сословія согласились отсрочить коронацію до 1 января 1675 г. Они не только уполномочили Яна III собирать шляхту на посполитое рушеніе, но разрѣшили ему даже сноситься съ иностранными дворами; онъ не имѣлъ однако права пользоваться остальными королевскими преимуществамм впредь до коронаціи. Не смотря на это, на мѣсто скончавшагося (16 мая) примаса Чарторискаго, король назначилъ вицеканцлера Ольшовскаго.

Главнымъ занятіемъ Яна было теперь приготовленіе обороны противъ турокъ. Пригласивъ воеводства доставлять поспѣшнѣе назначенную подать, онъ приказалъ гетманамъ пополнить войска и, получивъ извѣстіе о приближеніи турокъ, отправился (22 августа) въ лагерь подъ Бускомъ *). Татарскими и турецкими войсками предводительствовалъ самъ султанъ, который легко завладѣлъ не только Хотимомъ, но и другими мѣстами въ Подоліи, оставленными польскими гарнизонами. Янъ справедливо опасался, что турки направятся къ Львову и завладѣвъ этимъ городомъ, двинутся въ глубь Польши. На этомъ основаніи, онъ разослалъ третье воззваніе къ посполитому рушенію, но отмѣнилъ его тотчасъ, узнавъ что султанъ со всѣмъ своимъ войскомъ началъ воевать Украину, намѣреваясь частѣ ея отдать Дорошенкѣ, а остальную часть оставить въ непосредственномъ своемъ владѣніи. Турки взяли силой нѣкоторыя крѣпости, въ томъ числѣ Умань, которую сожгли. Приближеніе зимы принудило султана пріостановить военныя дѣйствія. Оставивъ часть войска въ занятыхъ городахъ и подкрѣпивъ гарнизонъ Каменца, онъ возвратился съ великимъ визиремъ домой.

Малыя силы которыми располагалъ Собѣскій, не дозволяли ему

---

*) Бускъ, городъ бывшаго белзскаго воеводства, нынѣ въ Галиціи, въ злочовскомъ округѣ, въ 1097 г. въ немъ выдерживалъ осаду владимірскій князь Давидъ Игоревичъ. Въ настоящее время Бускъ извѣстенъ исключительно обширными рыбными ловлями. Въ польскомъ лагерѣ командовалъ русскій воевода Станиславъ Яблоновскій. *Прим. перевод.*

итти на встрѣчу турокъ въ Украину. Онъ принужденъ былъ ожидать прибытія литовскихъ войскъ съ обоими гетманами и вспомогательнаго бранденбургскаго отряда изъ 1,200 человѣкъ. Янъ прибылъ со всѣмъ войскомъ только 22 октября подъ Злочовъ *). На военномъ совѣтѣ рѣшено было еще отсрочить коронацію, послѣ чего онъ направился къ Бару **) и взялъ его вмѣстѣ съ замкомъ (12 ноября). Турецкій гарнизонъ попалъ въ плѣнъ, а татары перешли въ польскую службу. Затѣмъ обложили Могилевъ, гдѣ командовалъ козацкій полковникъ Хохолъ. Онъ вмѣстѣ съ своими людьми перешелъ также къ полякамъ. Его примѣру послѣдовали и прочіе мѣстные козаки, съ одной стороны возбужденные противъ турокъ ихъ звѣрствомъ, съ другой — привлеченные великодушіемъ Собѣскаго, который все предавалъ забвенію. Отъ этой кампаніи можно было ожидать блестящихъ успѣховъ. Но нерасположенный къ Собѣскому великій литовскій гетманъ Пацъ, не хотѣлъ далѣе принимать въ ней участія и не смотря на просьбы Яна III, удалился съ большею частью литовскаго войска. Не смотря на это обстоятельство, король продолжалъ воевать далѣе — занялъ Печары, Немировъ, Брацлавъ, въ Рожковѣ предалъ мечу весь турецкій гарнизонъ. Изнуренное войско нуждалось въ отдыхѣ. Король назначилъ имъ зимнія квартиры въ Украйнѣ, и для воодушевленія солдатъ остался самъ въ Брацлавѣ, раздѣляя съ ними всѣ лишенія. Тутъ начались переговоры съ Дорошенкой, который притворился,

---

*) Городъ Злочовъ принадлежалъ Собѣскому и во время описываемой кампаніи служилъ мѣстопребываніемъ супруги его и турецкихъ и татарскихъ плѣнниковъ. Послѣ смерти королевича Якова Собѣскаго богатое помѣстье это перешло къ Радзивилламъ и въ настоящее время нѣтъ слѣдовъ прежней зажиточности жителей. *Прим. перевод.*

**) Баръ — городъ бывшаго подольскаго воеводства, носилъ первоначально названіе Ровъ, принадлежалъ нѣкоторое время Любомирскимъ, а въ послѣдствіи пріобрѣтенъ великимъ коронным подскарбіемъ княземъ Адамомъ Понинскимъ. Здѣсь завязалась въ 1768 г. знаменитая въ дѣяніяхъ Польши барская конфедерація. Замокъ основанъ королевой Боной Сфордца женой *Сигизмунда I* и названъ Баромъ въ память наслѣдственнаго ея княжества въ Италіи. До сихъ поръ торчатъ еще развалины замка и остатки громадныхъ валовъ.

Прим. перевод.

будто бы готовъ сдаться на нѣкоторыхъ условiяхъ. Вскорѣ однако надежды эти оказались тщетными. Чтобы поколебать его положенiе, король назначилъ Сѣрко атаманомъ и надеждою значительныхъ льготъ, сманилъ на свою сторону многихъ козаковъ.

Войско, изнуренное недостаткомъ и постоянными стычками въ зимнее время, падало духомъ. Не смотря на присутствiе короля, многiе тайно возвращались домой. Курфирстъ отозвалъ также свой отрядъ (въ февралѣ 1675). Собѣскiй, жалуясь въ письмахъ къ сенату на столь затруднительное положенiе, требовалъ постоянно подкрѣпленiй и присылки налоговъ, назначенныхъ сеймомъ. Не смотря на уменьшенiе численности войска, борьба съ татарами не прекращалась. Польный гетманъ Радзивиллъ взялъ штурмомъ Паволочи, замокъ принудилъ къ капитуляцiи и прислалъ королю весь гарнизонъ, состоявшiй изъ 800 козаковъ. Когда однако ожидаемыя подкрѣпленiя не пришли и кавалерiя, потерявъ лошадей, не могла продолжать службы, король сосредоточилъ всѣ войска въ Волыни, самъ же возвратился въ Злочовъ (25 апрѣля).

Вскорѣ явился въ Злочовъ татарскiй посолъ, съ предложенiемъ мира. Король отправилъ съ нимъ къ хану полковника нѣмецкой пѣхоты, для предварительныхъ переговоровъ, самъ же переѣхалъ въ Яворовъ. Ханъ не принялъ полковника, требуя пословъ болѣе знаменитыхъ, на что король долженъ былъ согласиться. Мажду тѣмъ татары опустошали страну, одинъ изъ ихъ отрядовъ дошелъ даже до Злочова, но настигнутый Сѣркой потерпѣлъ пораженiе. Переговоры съ ханомъ не привели ни къ чему, такъ какъ турки не хотѣли слышать о возвращенiи какой либо части Подолiи или Украины, а Собѣскiй не могъ иначе заключить мира. Татары, соединившись съ 30,000 турокъ, вторглись (въ iюлѣ) въ польскiя границы, подъ предводительствомъ Ибрагима-паши. Собѣскiй былъ увѣренъ, что турецкiй военачальникъ всѣми силами ударитъ на Львовъ, и потому съ частью войска сталъ подъ этимъ городомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, а остальное войско размѣстилъ въ разныхъ пунктахъ подъ начальствомъ Вишневскаго, Станислава Яблоновскаго и Сѣнявскаго. Но Ибрагимъ ограничился осадой Зба-

ража и другихъ незначительныхъ городовъ, а татарамъ приказалъ только опустошать край. Яблоновскій отогналъ ихъ отъ Злочова, а Ржевускій разбилъ другой отрядъ, возвращавшійся въ Каменецъ и отнялъ у него всю добычу. Султанъ Нуреддинъ, одинъ изъ татарскихъ предводителей, приблизился (24 августа) съ 20,000 вооруженныхъ къ Львову. Король, которому именно въ это время литовскій польный гетманъ привелъ 11 хоругвей, размѣстилъ пѣхоту въ лагерѣ и въ городѣ, а съ конницей ударилъ на враговъ, разбилъ ихъ и преслѣдовалъ до поздней ночи. Когда подошла остальная часть литовскаго войска подъ предводительствомъ Паца (8 сентября), король отправилъ часть своихъ хоругвей къ Яблоновскому въ Злочовъ, а съ остальными поспѣшилъ на помощь къ Подчайцамъ, которыя осаждалъ Ибрагимъ. Въ дорогѣ получилъ извѣстіе о взятіи Подчаецъ и объ осадѣ Трембовли. *) Тамъ защищался Хржановскій. Доведенный до крайности, онъ не хотѣлъ сдаться туркамъ, объявивъ что скорѣе ляжетъ подъ развалинами замка. Въ этой твердости поддерживала неустрашимая жена его, угрожавшая самоубійствомъ, если бы онъ отдалъ замокъ туркамъ**).

---

*) Трембовля, по русски Теребовль, одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Червоной Руси, нѣкогда столица удѣльнаго княжества. Въ 1090 г. здѣсь княжилъ уже Василько Ростиславичъ. Положеніе Теребовля среди горъ, на равнинѣ, весьма красивое. Въ окрестностяхъ добывается сѣрый и красный камень, очень твердый. Замокъ былъ выстроенъ на высокой горѣ съ трехъ сторонъ почти недоступной; до сихъ поръ видны слѣды узкой дороги, ведшей къ замку, а равно и остатки турецкихъ валовъ. *Прим. перевод.*

**) Маіоръ Янъ-Самуилъ Хржановскій, комендантъ Теребовля, не былъ шляхтичомъ, хотя и пользовался въ кругу военныхъ людей большею извѣстностью. За геройскую защиту замка, сеймъ 1676 г. пожаловалъ ему дворянское достоинство и 5,000 зл. единовременно въ награду (Volumina leg., T. V, p. 186 изд. 1860 г.).—Жена Хржановскаго, Анна-Доротея, урожденная *Ферзенъ*, памятна своей геройской храбростью. Ибрагимъ прислалъ съ военно плѣннымъ Маркомъ Маковецкимъ письмо, требуя сдачи крѣпости; Хржановскій отвѣтилъ съ презрѣніемъ и отбилъ нѣсколько страшныхъ штурмовъ. Но между защитниками нашлось до 30 такихъ людей, которые начали секретно совѣщаться о сдачи крѣпости. Комендантъ узнавъ объ этомъ отъ жены, арестовалъ измѣнниковъ и строго ихъ наказалъ. Когда при послѣдовательныхъ штурмахъ, ядра разбили часть стѣнъ и повредили валы, онъ самъ пришелъ въ отчаяніе, началъ колебаться и помышлять о сдачѣ. Въ столь рѣшительную минуту Хржа-

Ибрагимъ приказалъ дѣлать приготовленія къ штурму, когда получилъ извѣстіе о приближеніи польскаго войска подъ начальствомъ самаго короля. Турки отступили въ безпорядкѣ къ Каменцу. Отправленные за ними въ погоню отряды, отняли 500 повозокъ и всѣхъ плѣнныхъ и принудили отступить поспѣшно въ Валахію. Одинъ изъ отрядовъ переправился черезъ Днѣстръ, сжегъ Сочаву и разграбилъ часть Молдавіи. Этимъ кончилась кампанія. Король распредѣлилъ войска на зимнихъ квартирахъ, и по возвращеніи въ Жолкевъ (10 ноября) созвалъ совѣтъ сената, на которомъ постановлено короновать Собѣскаго 2, и открыть коронаціонный сеймъ 4 февраля 1676 г.

На сеймикахъ, въ особенности на главномъ прусскомъ сеймѣ, королевскіе послы старались склонить обывателей назначить бо̀льшія подати. Король хотѣлъ чтобы вмѣсто лановой подати, падавшей всею тяжестью на крестьянъ, придумать болѣе справедливый налогъ. Недостатокъ въ казнѣ былъ ощутителенъ. Войску слѣдовали огромныя суммы, нѣкоторые полки не получали жалованья за три года. Король выплатилъ изъ собственной кассы 1,500,000 зл. и кромѣ того пожертвовалъ на артиллерію 100,000 зл.

Собѣскій совершилъ торжественный въѣздъ въ Краковъ (30 января 1676 г.) и 2 февраля послѣдовала коронація его и Маріи-Кази-

---

новская явилась къ мужу съ двумя ножами въ рукахъ и воскликнула: «Этимъ оружьемъ убью тебя и себя, если ты только подумаешь о сдачѣ замка; клянись, что будешь защищать его до нельзя. Молю тебя именемъ Бога, именемъ отечества, именемъ моей любви! Ты обязанъ оставить дѣтямъ ничѣмъ незапятнанное имя!» Хржановскій пораженный ея взглядомъ, рѣшительностью ея движеній, тронутый храбростью молодой и красивой жены, поклялся умереть на развалинахъ крѣпости. Какъ будто вдохновенный новымъ мужествомъ, онъ отбилъ уже врывавшихся въ замокъ турокъ и нанесъ имъ страшное пораженіе. Вскорѣ явился Янъ Собѣскій. Геройскій подвигъ Хржановской живо сокранился въ народныхъ преданіяхъ: Выбицкій написалъ оперу, въ которой она является главнымъ лицомъ, а польскій живописецъ Лессеръ изобразилъ въ прекрасной картинѣ именно ту минуту, когда Хржановская воодушевляетъ мужа къ защитѣ полуразвалившейся крѣпости. Благодарные жители города воздвигли вблизи замка красивый памятникъ, который теперь впрочемъ уже не существуетъ. (Starożytna Polska, T. II; Encyklopedya powszechna, T. V; Pamiątki historyczne krajowe).

Прим. перевод.

міры. Сеймъ начался тотчасъ, но прошло два дня, пока согласились избрать маршаломъ короннаго хорунжаго Сѣнявскаго. Нѣкорыя засѣданія были очень бурны, вслѣдствіе религіозныхъ столкновеній. Познанскій епископъ хотѣлъ между прочимъ, чтобы въ статьѣ касающейся разновѣрцевъ, упомянутъ былъ законъ дѣйствующій въ Мазовіи, на основаніи котораго иновѣрцы не имѣли права совершать публично своихъ обрядовъ. Этому, а равно и другому требованію епископа, чтобы иновѣрцевъ, пребывающихъ, вопреки существующихъ постановленій, въ Мазовіи и въ самой Варшавѣ, исключить изъ подъ покровительства законовъ, воспротивился прусскій посолъ Пребендавскій. Разсерженный епископъ воскликнулъ, что Пребендавскаго слѣдуетъ выкинуть за окно, чѣмъ вооружилъ противъ себя всѣхъ болѣе умѣренныхъ и, разумѣется, не достигнулъ цѣли. Послѣ того зашла рѣчь, что сдѣлать со староствами, находившимися въ рукахъ Собѣскаго до избранія его въ короли. Нѣкоторые хотѣли, чтобы онѣ, какъ вакантныя, были розданы; другіе находили болѣе справедливымъ оставить ихъ въ пользованіи короля, такъ какъ онъ издержалъ уже значительныя суммы на содержаніе войска. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Краковскій епископъ просилъ короля не назначать никого великимъ короннымъ гетманомъ. Но когда мысль эта была дурно принята посольской палатой, король передалъ большую булаву Вишневецкому, а польную— Станиславу Яблоновскому. Послѣ долгихъ преній сеймъ согласился на новыя подати и на созваніе посполитаго рушенія, если въ томъ окажется надобность. Сеймъ кончился благополучно 5 апрѣля.

Послѣ сейма король отправился въ Яворовъ, чтобы своимъ присутствіемъ ускорить военныя приготовленія, которыя, за недостаткомъ денегъ, шли очень вяло. Къ счастію и турки ничего не предпринимали по случаю смерти Ибрагима-паши и могли выступить въ поле только по прибытіи новаго главнокомандующаго Шейтанъ-Ибрагима-паши, извѣстнаго на востокѣ своими военными подвигами. Правда, татары, не ожидая турокъ, появлялись въ юго-восточныхъ провинціяхъ рѣчипосполитой, но преслѣдуемые, должны были уходить безъ плѣнныхъ и безъ добычи. Болѣзнь

жены задержала короля въ Яворѣ. Она должна была послѣ того ѣхать къ французскимъ минеральнымъ водамъ, но когда пришло извѣстіе, что Людовикъ XIV, не намѣренъ принять прежней своей подданной съ тѣми почестями, какихъ она ожидала, королева перемѣнила намѣреніе и отправилась, въ концѣ іюля, къ другимъ водамъ.

Между тѣмъ новый турецкій военачальникъ открылъ военныя дѣйствія опустошеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей галицкой земли. Не смотря на это, онъ согласился начать переговоры въ Злочевѣ, куда король отправилъ брацлавскаго воеводу Константина Вишневецкаго и нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ. Самъ же направился въ Журавно, гдѣ съ 7,000 короннаго и 3,000 литовскаго войска, занялъ укрѣпленный лагерь. Послѣ того къ нему прибыло еще 3,000 человѣкъ. Съ этой горстью король долженъ былъ сражаться съ 150,000 турокъ и татаръ. Шейтанъ былъ увѣренъ, что раздавитъ поляковъ и потому старался окружить ихъ со всѣхъ сторонъ; но въ ежедневныхъ стычкахъ онъ убѣдился, какую силу представляетъ даже малочисленный отрядъ храбрыхъ воиновъ, подъ командой доблестнаго и неустрашимаго начальника *). Однако въ польскомъ лагерѣ вскорѣ почувствовали недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и пороха; и одна надежда, что немедленно явится на помощь посполитое рѣшеніе, созванное сенатомъ по требованію королевы, не поддержала бы въ войскѣ упадающаго духа, если бы не личное присутствіе короля. Наконецъ Собѣскій съумѣлъ привлечь на свою сторону татарскаго хана и возбудить въ немъ мысль о переговорахъ о мирѣ. Требованія турокъ были сначала такъ преувеличены, что королъ отвергнулъ ихъ съ презрѣніемъ; и желая показать, что не боится ихъ числительности, Янъ рѣшился выступить изъ стана

---

*) Маркевичъ въ своей «исторіи Малороссіи» говоритъ (Т. II, стр. 243), что тылъ обоза Собѣскаго защищалъ Днѣстръ, а передовую линію шанцы. По взятіи Язловца, Черткова и Галицкаго замка, турки приблизились и окружили станъ королевскій. Пудовыя ядра летали туда ежеминутно; одно изъ нихъ упало въ ставку Собѣскаго но онъ не перемѣнилъ для ней мѣста и даже не укрѣпилъ ее. *Прим. перевод.*

въ боевомъ порядкѣ. Эта неустрашимось имѣла хорошее вліяніе, такъ какъ Шейтанъ самъ предложилъ перемиріе, чтобы тѣмъ легче было условиться о мирѣ, который наконецъ состоялся 17 октября *). Двѣ части Украины возвращены рѣчипосполитой, а третья оставлена казакамъ. Вопросъ о Подоліи предположено разрѣшить въ Стамбулѣ, при назначеніи польскаго посланника. Турки обязались возвратить львовскихъ заложниковъ (1672 г.) и другихъ плѣнныхъ. Татары должны были, въ случаѣ надобности, помогать рѣчипосполитой, которая, въ свою очередь, обязалась не препятствовать, въ теченіи года, татарамъ липкамъ, переселяться въ турецкія владѣнія, если они того потребуютъ. Король сдѣлалъ большіе подарки хану, за оказанное имъ содѣйствіе при заключеніи мира, а равно и другимъ татарскимъ старшинамъ. Эта щедрость такъ прельстила татаръ, что они, противъ своего обыкновенія, воротились домой вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ и нигдѣ не грабили по дорогѣ. Въ Константинополь король послалъ временно Андрея Морджевскаго, пока сеймъ не назначитъ туда посланника.

Ратификація мира, заключеннаго въ Журавнѣ и уплата войску жалованья, требовали созванія сейма. Онъ собрался въ Варшавѣ 14 января 1677 г., но открылъ свои дѣйствія собственно только 23 числа, то есть когда послѣдовало соглашеніе на счетъ выбора маршала—познанскаго хорунжаго Скорашевскаго. Посольская палата соединилась съ сенатомъ 7 февраля, къ чему король долженъ былъ понуждать ее частыми посланіями. Главнымъ вопросомъ былъ журавинскій миръ, къ которому и приступлено тотчасъ по разсмо-

---

*) Кажется, что одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ турокъ предложить перемиріе, былъ слухъ, распространившійся въ турецкомъ лагерѣ, будто бы Радзивиллъ приближается къ королю съ литовскимъ войскомъ. Слухъ этотъ нашелъ себѣ какъ будто подтвержденіе въ слѣдующемъ случайномъ обстоятельствѣ: артиллерійскій генералъ Концкій, разсматривая погреба журавинскаго замка, нашелъ въ нихъ мортиру и бросилъ изъ нея нѣсколько бомбъ. Такъ какъ у поляковъ прежде не было бомбъ, то турки и предположили, что въ лагерь ихъ пришла уже ожидаемая помощь. За особенныя услуги, оказанныя рѣчипосполитой, сеймъ 1677 г. пожаловалъ Концкому деревню Дроздовице, близъ Перемышля, въ вѣчное и потомственное владѣніе. (Volumina leg. T. V).

Прим. перевод.

треніи сенатскихъ рѣшеній, состоявшихся послѣ послѣдняго сейма. Прочитанъ журналъ всей кампаніи и выслушано донесеніе лицъ, участвовавшихъ въ переговорахъ. Всѣ согласились на миръ, исключая каменецкаго каштеляна, который утверждалъ, что туркамъ нельзя вѣрить, что нужно потребовать чрезъ пословъ возвращенія всей Украины и Подоліи, а между тѣмъ собирать къ веснѣ войско, соединиться съ Москвой, двинуть шляхту и ударить на врага всѣми силами. Ему доказали однако, что для сбора войска нѣтъ денегъ и что въ наступательной войнѣ посполитое рушеніе ни къ чему не годится. Тогда миръ былъ подтвержденъ, но встрѣтилось затрудненіе, кого послать въ Стамбулъ, такъ какъ всѣ отказывались отъ этой чести. Наконецъ посольство принялъ на себя хелмскій воевода Гнинскій, за что король и сословія намѣрены были его благодарить, но ихъ остановилъ примасъ Ольшовскій, говоря, что посланника слѣдуетъ благодарить тогда только, когда онъ съ успѣхомъ исполнитъ возложенное на него порученіе. Потомъ сеймъ разсматривалъ состояніе финансовъ. Оказалось что войску слѣдовало жалованія 9,180,000 зл., всѣ же долги рѣчипосполитой превышали сумму 12,000,000. На покрытіе этихъ расходовъ, назначены подати поголовная, лановая и другія, обязательныя равно и для прусскаго воеводства. Сеймъ уполномочилъ короля, однако не безъ сопротивленія, возобновить мирные договоры съ австрійскимъ домомъ и курфирстомъ бранденбургскимъ. Сеймъ былъ закрытъ благополучно 17 апрѣля. Совѣщанія продолжались иногда безпрерывно въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Однажды, во время ночнаго засѣданія, всѣ такъ тихо вышли изъ залы, что задремавшій отъ изнеможенія король, остался почти одинъ, въ другой же разъ Собѣскій ждалъ полтора часа, пока соберутся сословія.

Тотчасъ послѣ сейма (24 апрѣля), король возобновилъ прежній договоръ съ вѣнскимъ дворомъ и 17 мая подтвердилъ велявскій миръ, послѣ чего отправился въ Пруссію (20 числа). Сначала онъ хотѣлъ склонить тамошнія воеводства внести подати, опредѣленныя сеймомъ. Было много затрудненій, такъ какъ пруссаки утверждали, что сеймъ не имѣетъ права навязывать имъ податей. Нако-

нецъ, король достигъ своей цѣли. Вторымъ дѣломъ были данцигскія волненія, продолжавшіяся уже нѣсколько лѣтъ сряду. Между магистратомъ города и цѣхами были серьезныя столкновенія. Первымъ поводомъ былъ протестантскій проповѣдникъ Страухъ, имѣвшій большое вліяніе на народъ. Отличаясь излишнимъ усердіемъ, а также честолюбіемъ, человѣкъ этотъ пользовался неудовольствіемъ цѣховъ противъ данцигскихъ патриціевъ, которые, засѣдая исключительно въ магистратѣ, распоряжались всѣми дѣлами богатаго города. При этомъ дѣло не обходилось, разумѣется, безъ многихъ злоупотребленій, даже безъ притѣсненія цѣховъ. Обѣ стороны обращались къ королю, который, занятый другими дѣлами, давалъ только приказанія, чтобы до его прибытія, городъ воздержался отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Правда, магистратъ устранилъ Страуха отъ его должности, но тотчасъ же принужденъ былъ возвратить его снова. Такъ какъ Страухъ оскорбилъ также и курфирста бранденбургскаго, то онъ приказалъ схватить его и посадить въ тюрьму, и отказался выпустить, не смотря на предстательство короля. Магистратъ былъ очень доволенъ этимъ происшествіемъ, но волненіе между цѣхами не прекращалось. Они нашли другихъ представителей, имѣя уже сильнаго защитника въ мальборгскомъ воеводѣ Банковскомъ *). Король прибылъ въ Данцигъ (1 августа) со всѣмъ

---

*) Староста Кишпорскій и Бродницкій, воевода мальборгскій Янъ Банковскій, принадлежалъ къ числу дѣятельнѣйшихъ людей древней Польши — служилъ отечеству и на военномъ и на гражданскомъ поприщахъ. Во время шведской войны сражался подъ Варшавой, Калишемъ, Торномъ, Хойницами и защитилъ Эльбингенъ; въ царствованіе Яна-Казиміра, Михаила и Яна III, былъ постоянно посломъ; въ 1656 и 1678 г. участвовалъ въ посольствахъ въ Москву, подписывалъ отреченіе Яна-Казиміра отъ престола и актъ объ избраніи короля Михаила, содержалъ на свой счетъ двѣ хоругви и основалъ два монастыря. Слѣдующій эпизодъ изъ жизни Банковскаго, ясно изображаетъ характеристику преній во время польскихъ сеймовъ. Въ 1653 г., когда дѣло шло о назначеніи королемъ гетмановъ, Банковскій, будучи посломъ хелмскаго воеводства, замѣтилъ, что дѣлая предложенія королю, слѣдовало бы облекать ихъ въ форму просьбы, а не въ форму приказанія; противъ чего возстали многіе послы въ особенности люблинскій стольникъ Слугоцкій. Когда затѣмъ хотѣли принудить Яна-Казиміра назначить маршаловъ, Банковскій совѣтовалъ ему не выпускать изъ рукъ этого права, назвавъ шляхту посольской палаты *самымъ низкимъ со-*

своимъ дворомъ. Магистратъ былъ очень недоволенъ этимъ пріѣздомъ, но цѣхи приняли короля съ большею радостію. Въ Польшѣ смотрѣли весьма подозрительно на пребываніе короля въ Данцигѣ, опасаясь, что онъ оставитъ тамъ гарнизонъ и потомъ при содѣйствіи иностранной помощи, захочетъ управлять неограниченно и предоставить престолъ своимъ наслѣдникамъ. Предположенія эти имѣли нѣкоторыя основанія, такъ какъ Людовикъ XIV, въ замѣнъ союза противъ вѣнскаго двора, предлагалъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ.

По прибытіи въ Данцигъ, Янъ III приказалъ представить себѣ все дѣло и, разсмотрѣвъ его подробно, сдѣлалъ въ городскомъ уставѣ нѣкоторыя измѣненія въ пользу цѣховъ. За это онъ получилъ пуцское староство и 200,000 зл., а королевѣ городъ поднесъ въ подарокъ 10,000 черв. Приговоръ короля не понравился ни одной, ни другой сторонѣ. Поручивъ коммиссарамъ примирить враждующихъ, Янъ III выѣхалъ изъ города (8 февраля 1678 г.). Послѣ его отъѣзда начались новыя волненія. Изъ монастыря кармелитовъ, 3 мая, вышелъ крестный ходъ въ Оливу и сопутствовавшіе ему католики начали сбрасывать шапки съ попадавшихся на встрѣчу кальвинистовъ. Послѣдніе собрались за городомъ, чтобы отомстить за обиду, во время возвращенія шествія. Католики вооруженные палашами, разогнали кальвинистовъ, бросавшихъ въ нихъ каменьями и добрались благополучно до монастыря. Тутъ собралась еще большая толпа, а когда разнесся слухъ, будто бы католики поймали трехъ лютеранъ и держатъ ихъ въ монастырѣ, толпа потребовала ихъ выдачи.

Тщетны были увѣренія, что никто никого не ловилъ. Разъяренная толпа, сломивъ ворота, ворвалась въ монастырь и въ церковь, не только избила монаховъ и публику но и осквернила святыню. Магистратъ прислалъ слишкомъ поздно городскую стражу пѣшую и конную. Началось слѣдствіе, но виновные не были наказаны.

словіемъ. Послы рѣшили, что Банковскій лишается посольскаго характера и не имѣетъ права засѣдать въ палатѣ. Его защищали только прусскіе послы, и такъ какъ онъ не соглашался просидѣть въ замковой тюрьмѣ шесть недѣль, то сеймъ былъ расторгнутъ. (Encyklop. powsz. T. II). *Прим. перевод.*

Пруссія и вся Польша возстали противъ подобныхъ происшествій. Мальборгскій воевода предложилъ магистрату вооруженную помощь, но ея не приняли. Тогда король приказалъ отправить въ распоряженіе магистрата 2,000 человѣкъ, требуя чтобы виновные были наказаны. Магистратъ оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ, что такъ какъ и католики были виноваты, то излишнею строгостью онъ можетъ окончательно взволновать народъ. Въ тоже время увольненіе Страуха и возвращеніе его въ Данцигъ, увеличивало опасеніе на счетъ новыхъ безпорядовъ.

Король старался между тѣмъ упрочить сношенія съ иностранными государствами. Когда съ одной стороны дѣла польскаго посланника въ Стамбулѣ шли очень вяло, съ другой — воеводы волынскій Михаилъ Чарторыскій и полоцкій Сапѣга, вели переговоры въ Москвѣ о мирѣ или объ отсрочкѣ перемирія. Послѣ многихъ затрудненій рѣшено было андрусовское перемиріе отстрочить до 1693 г., а въ теченіе этого времени заключить вѣчный миръ. Съ Турціей долженъ былъ быть заключенъ вѣчный миръ, болѣе или менѣе на журавинскихъ основаніяхъ. Вся Подолія оставалась за султаномъ, на Украинѣ рѣчьпосполитая получала только Бѣлую Церковь и Паволочи съ округомъ. Татарскому хану король обязанъ былъ послать обычные подарки, за что онъ обѣщался давать помощь противъ всѣхъ враговъ рѣчипосполитой. Король воспрещалъ врагамъ Турціи вербовать войска въ Польшѣ. Данцигскимъ кораблямъ обезпеченю свободное плаваніе въ Средиземномъ морѣ.

Хотя переговоры съ Россіей и Турціей не были очень благопріятны для рѣчипосполитой, рождался однако вопросъ, не слѣдуетъ ли принять и менѣе выгодныя условія, лишь бы дать странѣ возможность отдохнуть послѣ столькихъ войнъ. Притомъ у короля были и другіе планы. Вслѣдствіе борьбы между Людовикомъ XIV и Леопольдомъ I, каждый изъ нихъ хотѣлъ привлечь Польшу на свою сторону. Въ это же время посланникъ Людовика XIV маркизъ Бетюнь, родственникъ Яна III, имѣлъ на него большое вліяніе. А такъ какъ курфирстъ бранденбургскій, поддерживавшій императора Леопольда I, воевалъ съ Швеціей, союзницей Людовика

XIV, и занялъ уже почти всю Померанію, то Бетюнь получилъ отъ короля разрѣшеніе, не только вербовать войска въ польской Пруссіи, но и на свободный проходъ шведскихъ войскъ черезъ земли рѣчипосполитой. Посланникъ обнадеживалъ короля, что Швеція завладѣетъ его именемъ курфирстскою Пруссіею. Планы эти немедленно разстроились. Курфистъ разбилъ шведскія войска, а коронныя сословія, не сочувствуя вербовкѣ войскъ въ Пруссіи, склонили короля воспретить оную.

Расположеніе короля къ Франціи раздражало сторонниковъ австрійской политики, въ особенности Пацовъ, которые кромѣ того были недовольны покровительствомъ, оказываемымъ постоянно *Сапѣгамъ*. А потому когда король, приводя въ дѣйствіе уставъ 1673 г. о третьихъ сеймахъ въ Литвѣ, назначилъ Гродно для собранія сейма и объявилъ въ универсалахъ о главныхъ предметахъ совѣщаній, борьба двухъ партій началась тотчасъ на сеймикахъ. На главномъ прусскомъ сеймѣ было много шуму по случаю выше объясненной вербовки и хотя королевскій посолъ объявилъ, что король собралъ эти отряды на случай войны и содержитъ ихъ на собственный счетъ, рѣшено однакожъ, на будущее время, считать врагомъ отечества каждаго, кто будетъ собирать войско безъ явнаго разрѣшенія рѣчипосполитой и великаго короннаго гетмана. Относительно нападенія на данцигскихъ кармелитовъ, прусскимъ посламъ поручено стараться, чтобы дѣло это не было разсматриваемо сеймовымъ судомъ, но предоставлено личному разбирательству короля.

Гродненскій сеймъ начался (15 декабря) жалобами на неудобныя помѣщенія для пословъ. Споры между коронными и литовскими послами были столь рѣзки, что слѣдовало опасаться расторженія сейма и король едва успѣлъ примирить враждующихъ. Три дня спустя избранъ маршаломъ литовскій конюшій Францискъ Сапѣга, послѣ чего снова потрачено много времени на споры о второстепенныхъ предметахъ. Когда наконецъ сеймъ занялся болѣе важными дѣлами, король спросилъ сословія, не слѣдовало ли бы воспользоваться благопріятными обстоятельствами, для присоединенія

курфирстской Пруссіи къ коронѣ, тѣмъ болѣе что Швеція предлагаетъ дѣятельную помощь? Въ сенатѣ всѣ утверждали, что на шведовъ нельзя полагаться, а потому лучше не дозволять имъ прохода черезъ Ливонію. Одинъ только хелмскій епископъ полагалъ, что должно воспользоваться благопріятной минутой. Интриги эмиссаровъ Леопольда I и курфирста, въ особенности же извѣстіе что шведы, потерпѣвъ совершенное пораженіе, принуждены отступить изъ Пруссіи, разрушили планы короля. Затѣмъ послѣдовало скрѣпленіе присягой андрусовскаго перемирія и послѣдняго договора съ царемъ, въ присутствіи его пословъ, которые притомъ объявили, что они уполномочены заключить вѣчный союзъ противъ Турціи. Переговоры съ ними возобновлялись два раза, но не привели ни къ чему и царскіе послы уѣхали (23 марта 1679). Посолъ Гнинскій представилъ отчетъ по возложенному на него порученію *). Потери, вслѣдствіе мира заключеннаго съ Турціей, были столь

*) Нѣкоторыя подробности о пребываніи Гнинскаго въ Константинополѣ, не лишены интереса. Въ то время когда Гнинскій собирался въ путь, французскій посланникъ поссорился съ великимъ визиремъ и содержался подъ карауломъ въ Пера. Польша находилась тогда въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ Франціей, а потому австрійская партія пользуясь этимъ, взяла верхъ и возбуждала диванъ противъ Польши. Затрудненія встрѣтили Гнинскаго у самыхъ воротъ Константинополя: цѣлые семь мѣсяцевъ онъ былъ остановленъ въ предмѣстіи Даусъ-паши, потому что не могло послѣдовать соглашенія на счетъ церемоніала его въѣзда и принужденъ былъ просить съѣстныхъ припасовъ для своей свиты, состоявшей первоначально изъ 300 до 400 человѣкъ, увеличившейся на пути многочисленными караванами купцовъ, такъ что при немъ находилось около 800 лошадей. Визирь узнавъ какая свита окружаетъ польскаго посланника, сказалъ: «Ежели онъ ведетъ съ собой столько человѣкъ для завоеванія Константинополя, то этого слишкомъ мало, ежели для пышности — то слишкомъ много.» Впрочемъ прибавилъ: «Намъ легко будетъ прокормить въ Даусъ-пашѣ 700 поляковъ, султанъ кормитъ ихъ 700 на своихъ галерахъ.» Наконецъ Гнинскій въѣхалъ въ Константинополь (13 января 1678). Когда визирю принесли серебрянныя подковы, потерянныя польскими лошадьми, онъ сказалъ: «У этихъ невѣрныхъ серебряныя подковы, но свинцовыя головы; будучи послами бѣдной рѣчипосполитой, не знаютъ какъ лучше употребить серебро.» По возвращеніи изъ посольства, послѣ смерти жены Гнинскій поступилъ въ духовное званіе; въ 1681 г. назначенъ коронымъ вицеканцлеромъ; находился при Янѣ III подъ Вѣной и для этой кампаніи вооружилъ на собственный счетъ цѣлый полкъ. Умеръ въ 1685 г. (*Hubert*. Encyklop. powsz., T. X.). *Прим. перевод.*

чувствительны, что король справедливо спросилъ сословія, не лучше ли продолжать войну, чѣмъ жертвовать такими богатыми провинціями. Большинство хотѣло предоставить королю разрѣшеніе этого вопроса, но когда дѣло коснулось мѣръ необходимыхъ для дальнѣйшаго веденія войны, все кончилось установленіемъ совѣта, которому поручено окончательно дать мнѣніе о войнѣ или мирѣ.

Сеймъ продолжался 11 недѣль. Совѣщались много, но главный предметъ остался безъ разрѣшенія, такъ какъ королю не предоставлено средствъ къ дальнѣйшей войнѣ съ Турціей. Соперничество австрійской и французской партій портило все и дорогое время проходило въ безплодныхъ преніяхъ. Совѣщанія были часто бурныя. Однажды чуть не дошло до расторженія сейма, когда Выджга, только что назначенный гнѣзненскимъ архіепископомъ, не хотѣлъ сложить съ себя должности канцлера. Одинъ изъ пословъ, Сарбевскій, выѣхалъ даже изъ Гродна, но воротился когда Выджга представилъ канцлерскую печать. На этомъ же сеймѣ преданъ суду нѣкто Даровскій, обвиненный въ государственномъ преступленіи: онъ, говорятъ, написалъ въ Москву письмо оскорбительное для короля и изрубилъ палашомъ портретъ Яна III. Сеймовый судъ приговорилъ Даровскаго къ смертной казни и конфискаціи имущества, притомъ палачь долженъ былъ сжечь публично руку преступника, писавшую письмо. Король пріостановилъ исполненіе столь строгаго приговора, и приказалъ заключить виновнаго въ мальборгскую тюрьму, откуда выпустилъ его даже черезъ нѣсколько времени. Такъ какъ послы прибывшіе въ Гродно, принуждены были переносить большія неудобства, то многіе изъ нихъ разъѣхались до окончанія сейма. Въ теченіи совѣщаній происходили иногда неприличныя сцены. На засѣданія собирались обыкновенно только вечеромъ, а такъ какъ воспрещено было совѣщаться при свѣчахъ (именно потому чтобы препятствовать ночнымъ сборищамъ), то засѣданія происходили въ потьмахъ. Однажды двое пьяныхъ пословъ схватились за оружье, въ другой разъ кто то получилъ пощечину; обиженный не зналъ даже кто его ударилъ. Послы просили короля, чтобы засѣданія назначались утромъ, такъ какъ послѣ обѣда мно-

гіе являлись въ нетрезвомъ видѣ; но король оправдывался тѣмъ, что въ теченіи дня онъ долженъ устранять препятствія, которыя бы могли прервать или даже расторгнуть сеймъ.

Послѣ сейма главнымъ усиліемъ короля было получить отъ воеводствъ подати, опредѣленныя на уплату войску жалованія. Въ прусскихъ воеводствахъ онъ долженъ былъ собирать нѣсколько съѣздовъ, чтобы вытребовать слѣдующія деньги. Окончивъ это дѣло, король снарядилъ посольства къ разнымъ европейскимъ державамъ, чтобы склонить ихъ ко всеобщей войнѣ противъ Турціи. Когда отъ пословъ получены были донесенія, Янъ III созвалъ (16 января 1680 г.) совѣтъ, опредѣленный предыдущимъ сеймомъ. Засѣданія были секретныя. По прочтеніи донесеній пословъ, начали собирать голоса, начинать ли съ Турціей войну, согласно плану, предложенному королемъ. Познанскій епископъ Вержбовскій произнесъ рѣзкую рѣчь противъ короля, упрекая его, что подъ предлогомъ вооруженій для турецкой войны, онъ хочетъ собрать достаточныя силы, чтобы обезпечить за своимъ домомъ престолонаслѣдіе и ввести самодержавный образъ правленія, что одно снаряженіе посольствъ, безъ явнаго разрѣшенія рѣчипосполитой, уже доказываетъ это неудержимое влеченіе къ самовластію. Рѣчь эта привела въ негодованіе всѣхъ членовъ совѣта и задѣла короля за живое. Одни потребовали, чтобы епископъ, стоя подъ жезломъ великаго короннаго маршала, просилъ публично у короля прощенія; другіе — чтобы онъ былъ преданъ суду сената. Король не принялъ ни одного, ни другаго рѣшенія, но объявилъ черезъ великаго короннаго канцлера, что обвиненіе епископа—низкая ложь и клевета, что оно тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманія, что этотъ же епископъ оказался виновнымъ въ симоніи (то есть подкупѣ для пріобрѣтенія духовной должности), предложивъ королю 100.000 зл. за краковское епископство. Эта сцена была причиною отсрочки засѣданія совѣта, котораго король впрочемъ болѣе не сзывалъ.

Посольства, снаряженныя къ иностраннымъ дворамъ, не привезли никакихъ рѣшительныхъ обѣщаній относительно всеобщей войны съ Турціей. Папа и герцогъ савойскій обѣщали денежныя

субсидіи. Въ Венеціи не приняли польскаго посла. Царь вызвался на будущемъ сеймѣ предложить болѣе выгодныя условія. Изъ Константинополя пришло извѣстіе, что турки желаютъ сохранить миръ и разграничить Подолію, а съ будущей весной приняться за разграниченіе Украйны. Пользуясь этой проволочкой, король хотѣлъ объясниться съ сословіями, относительно мира или войны съ Турціей. При этомъ возникло еще слѣдующее важное обстоятельство. Богуславъ Радзивиллъ, отказавшійся отъ своего отечества и проведшій остатокъ жизни въ службѣ курфирста бранденбургскаго, оставилъ послѣ своей смерти единственную дочь Людовику, наслѣдницу огромнаго состоянія въ Литвѣ. Малолѣтняя Людовика, воспитывавшаяся въ Кролевцѣ, была лютеранскаго вѣроисповѣданія и находилась подъ попечительствомъ курфирста. Король былъ также ея попечителемъ, и желая утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, предполагалъ женить на Людовикѣ старшаго сына своего Якова. Курфирстъ, предугадывая его намѣренія, поспѣшилъ (7 января 1681 г.) сочетать бракомъ Людовику съ меньшимъ своимъ сыномъ, чѣмъ разумѣется сильно оскорбилъ короля.

Сеймъ, созванный въ Варшавѣ (14 января), начался благополучно единогласнымъ выборомъ маршала — Іеронима Любомирскаго. По случаю раздачи должностей были споры, такъ какъ пруссаки сопротивлялись по обыкновенію, если король жаловалъ кому либо изъ коронныхъ сановниковъ одну изъ должностей въ прусскихъ воеводствахъ. Имъ доказывали, что какъ скоро пруссаки занимаютъ разныя должности въ коронѣ, то они не могутъ считать нарушеніемъ своихъ правъ, если одну изъ прусскихъ должностей отдадутъ коронному гражданину. Споръ дошелъ до того, что пруссаки угрожали расторженіемъ сейма, но наконецъ успокоились.

Послѣ того начались пренія съ Литвой. Со смертью Михаила Радзивилла пришлось замѣстить двѣ должности—польскаго гетмана и литовскаго канцлера. Король вручилъ булаву Казиміру Сапѣгѣ, съ назначеніемъ же канцлера предполагалъ повременить. Литовцы требовали непремѣнно, чтобы канцлерская печать была вручена

кому либо изъ свѣтскихъ сановниковъ, и поставили на своемъ, хотя король предназначалъ ее для духовнаго лица. По разрѣшеніи этихъ дѣлъ, которыя заняли много времени, разсматривались отчеты пословъ, бывшихъ заграницею. Когда очередь дошла до короннаго подскарбія Морштина, бывшаго посломъ во Франціи, его обвинили въ недобросовѣстномъ служеніи отечеству. Причиной подозрѣнія было пріобрѣтеніе имъ значительнаго имѣнія во Франціи и назначеніе въ должность секретаря французскаго короля. Морштинъ оправдывался, но не устранилъ тяготѣвшаго надъ нимъ подозрѣнія. Прибытіе московскихъ пословъ, отвлекло отъ этото дѣла всеобщее вниманіе. Въ мартѣ назначена коммиссія для составленія условій общей войны съ Турціей. Поляки требовали, чтобы царь занялъ Крымъ и прислалъ кромѣ того 20,000 пѣхоты. Русскіе требовали въ замѣнъ 10,000 польской конницы. Такъ какъ поляки соглашались только на половину этой цифры, да кромѣ того родились другія затрудненія, то переговоры были прерваны. Прерваніе переговоровъ было тѣмъ вреднѣе, что сословія, расчитывая на русскій вспомогательный корпусъ, разрѣшили войну съ Турціей, для которой корона должна была доставить 36,000, а Литва 12,000 войска. Такимъ образомъ все разстроилось, а постоянное отсрочиваніе совѣщаній привело наконецъ къ окончательному расторженію сейма. Послѣ 19 недѣльныхъ преній король сообщилъ сословіямъ (22 мая) вечеромъ, что прибывшій изъ Москвы курьеръ прявезъ извѣстіе объ окончаніи переговоровъ, относительно оборонительно-наступательнаго союза, что потому слѣдуетъ отстрочить сеймъ. Калишскій посолъ Пржыйемскій не соглашался, чтобы совѣщаніе продолжалось долѣе, какъ до слѣдующаго утра, и притомъ безъ свѣчей, и когда королевская стража остановила его при дверяхъ, маршалъ же съ нѣсколькими послами привелъ его обратно въ залу, онъ протестовалъ противъ насилія и стѣсненія свободы голоса, послѣ чего опять вышелъ изъ залы. Поднялся такой шумъ, что даже король былъ въ опасности. Правда, бурю усмирили, даже склонили Пржыйемскаго воротиться въ залу; но ничего отъ этого не выиграли, такъ какъ Пржыйем-

скій согласился отстрочить сеймъ только на однѣ сутки. Начались снова совѣщанія надъ разными дѣлами, но сейма не закрывали; тогда Пржыйемскій выѣхалъ вторично изъ Варшавы, чѣмъ расторгнулъ его окончательно (24 мая). По предложенію маршала сословія рѣшили, за исключеніемъ нѣсколькихъ литовскихъ пословъ, что постановленія сейма, послѣдовавшія до вторичнаго отъѣзда Пржыйемскаго, имѣютъ законную силу. Но когда литовцы настаивали на своемъ, маршалъ произнесъ прощальную рѣчь, сожалѣя о потерѣ столь драгоцѣннаго времени.

Расторженіе сейма слѣдуетъ приписать курфирсту бранденбургскому, который опасался королевской мести за бракъ сына своего съ Людовикой Радзивиллъ. Объ этомъ происшествіи была рѣчь во время сейма и послы обмѣнялись съ сенаторами весьма рѣзкими выраженіями. Курфирстъ могъ опасаться какого либо постановленія во вредъ себѣ и даже обращенія противъ его владѣній войскъ, предназначенныхъ для турецкой компаніи. Познанскій воевода говорилъ объ этомъ весьма громко во время обсужденія проекта короля о сформированіи 48,000 войска, заявивъ убѣжденіе, что арміей, собираемой противъ турокъ, можно покорить не только курфирста, но и польскую вольность. Король принялъ какъ нельзя хуже слова воеводы, и отвѣчая чрезъ посредство короннаго вицеканцлера, объявилъ, что какъ скоро самыя лучшія его намѣренія толкуются такъ ложно, онъ готовъ предоставить на произволъ судьбы всѣ дѣла общественныя. Что касается курфирста, король откровенно присовокупилъ, что какъ по поводу брака, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, курфирстъ не оказалъ ему должнаго уваженія, но что онъ мстить не намѣренъ, пока сословіямъ будетъ угодно переносить обиды этого сосѣда. Послѣ этого объясненія сеймъ разрѣшилъ немедленно собрать противъ Турціи 48,000 войска. Курфирстъ однако, не довѣряя королю, склонилъ, говорятъ Пржыйемскаго, расторгнуть сеймъ.

Это было новое и тяжкое разочарованіе, въ виду надежды возвратить турецкія завоеванія. Король созвалъ тотчасъ совѣтъ, чтобы принять какія либо мѣры на случай вторженія турокъ или

татаръ, тѣмъ болѣе что въ окрестностяхъ Хотима уже появлялись татарскіе отряды. Согласно постановленію сената, Янъ III пригласилъ на сеймикахъ воеводства вносить подати и приготовиться къ посполитому рушенію, такъ какъ въ случаѣ надобности онъ разошлетъ единовременно два воззванія. На сеймикахъ всѣ признали необходимость податей, даже прусскія воеводства согласились на нихъ послѣ незначительнаго сопротивленія.

Опасеніе татарскаго нашествія оказалось излишнимъ и какъ въ текущемъ, такъ и въ послѣдующемъ году (1682), Польша наслаждалась совершеннымъ миромъ. Только въ Пруссіи начались религіозныя столкновенія въ Торнѣ. Въ одной изъ деревень, принадлежавшихъ къ этому городу, хелмскій епископъ освятилъ лютеранскую церковь и назначилъ при ней католическаго священника. Толпа народа вышла изъ города и силой завладѣла церковью. Разсерженный епископъ написалъ строгое посланіе къ городу, къ хелминской шляхтѣ и къ королю, кромѣ того приказалъ захватить суда и городскіе товары и призвалъ магистратъ къ своему епископскому суду. Когда магистратъ отказался явиться, епископъ предалъ городъ проклятію, подалъ на него жалобу въ трибуналъ и просилъ короля назначить судъ на ближайшемъ сеймѣ. Это неумѣстное рвеніе разсердило короля, который справедливо опасался, чтобы лютеранскіе князья, не приняли сихъ происшествій за нарушеніе оливскаго мира и не вмѣшались въ дѣло. Поэтому король воспретилъ трибуналу принимать жалобу епископа, а его самаго заставилъ безъ посторонняго вмѣшательства примириться съ городомъ.

Въ то время Европа раздѣлена была на два большіе лагеря. Людовикъ XIV хотѣлъ имѣть перевѣсъ во всѣхъ дѣлахъ и стремился, главнымъ образомъ, къ униженію австрійскаго дома. Составленная имъ коалиція угрожала дѣйствительно Леопольду I, противъ котораго возстали также и венгры, поддерживаемые почти явно Турціей. Обѣ боровшіяся партіи хотѣли привлечь къ себѣ Польшу и ни одна изъ нихъ не жалѣла интригъ и денегъ, лишь бы внутри рѣчипосполитой пріобрѣсть болѣе сторонниковъ. Король

склонялся къ Франціи, но Марія-Казиміра, раздраженная противъ Людовика XIV за то, что онъ не признавалъ ее равною другимъ государынямъ и отказалъ отцу ея въ званіи герцога, употребила все свое вліяніе, чтобы отвлечь мужа отъ дружескихъ сношеній съ французскимъ дворомъ и склонить къ союзу съ Леопольдомъ I. Такимъ образомъ при польскомъ дворѣ австрійская партія одерживала верхъ, тогда какъ въ сенатѣ и въ краѣ Людовикъ XIV, могъ насчитать многихъ сильныхъ сторонниковъ, въ томъ числѣ Станислава Яблоновскаго, короннаго подскарбія Морштина, Сапѣговъ и другихъ, которые усердно содѣйствовали французскому посланнику, лишь бы не допускать рѣчипосполитой къ заключенію наступательно-оборонительнаго союза съ Леопольдомъ противъ Турціи.

Въ такомъ положеніи были обстоятельства, когда громадныя вооруженія султана, равно и другія дѣла, заставили короля созвать сеймъ (27 января 1683). Маршаломъ избранъ коронный крайчій Рафаилъ Лещинскій. Сначала явилось очень немного пословъ и сенаторовъ, а въ Пруссіи, вслѣдствіе расторженія до-сеймовыхъ сеймиковъ, король былъ принужденъ созвать новые сеймики (13 февраля). По прочтеніи королевскихъ проектовъ, имѣвшихъ быть предметомъ королевскихъ совѣщаній и изъ коихъ главнѣйшимъ была необходимость вооруженій противъ Турціи, великій коронный канцлеръ сказалъ, что многіе не понимаютъ и дурно толкуютъ намѣренія короля, имѣющія въ виду одно только общественное благо. Онъ доказалъ неоснавательность упрековъ, дѣлаемыхъ королю, что онъ, будто бы, безъ вѣдома сословій, заключилъ союзы съ германскимъ императоромъ и шведскимъ королемъ, не раздаетъ должностей и старостъ, чтобы пользоваться доходами съ нихъ, пріобрѣтаетъ недвижимыя имущества для своего семейства, взялъ коронные брилліанты изъ хранилища рѣчипосполитой, и проч. Первое и второе канцлеръ опровергнулъ рѣшительно, по остальнымъ же обвиненіямъ объяснилъ откровенно справедливыя и честныя причины, побудившія его дѣйствовать такъ, а не иначе. Всѣ эти объясненія не ослабили нерасположенія тѣхъ, которые были

противны союзу съ австрійскимъ дворомъ и старались ему препятствовать. Чтобы немного успокоить умы, король роздалъ (8 февр.) вакантныя должности: большую коронную булаву Станиславу Яблоновскому, польную коронную Шанявскому, большую литовскую Сапѣгѣ, польную Огинскому, назначилъ Любомирскаго надворнымъ маршаломъ, Залускаго—кіевскимъ епископомъ, Эрнста Денгофа—виленскимъ каштеляномъ. Послѣднимъ назначеніемъ обидѣлись литовцы, не желавшіе имѣть на этой должности короннаго сановника, угрожали расторгнуть сеймъ, но наконецъ покорились. Усилія двора пошатнули вліяніе и значеніе французской партіи, чему усердно содѣйствовали нунцій Иннокентія XI и императорскій посланникъ графъ Вальденстетъ.

Главнымъ предметомъ сеймовыхъ совѣщаній была война съ Турціей. Къ ней поощрялъ рѣчьпосполитую папа, а императорскій посланникъ доказывалъ, что если турки покорятъ наслѣдственныя земли австрійскаго дома, Польша не въ силахъ будетъ противиться мусульманскому игу, и потому для общей защиты должна теперь соединиться съ императотомъ. Французская партія не вѣрила такой опасности, утверждая напротивъ, что взявшись легкомысленно за оружіе, рѣьчпосполитая навлечетъ на себя величайшія бѣдствія. Отклоняя всякую мысль о союзѣ въ Леопольдомъ, она желала сохранить добросовѣстно миръ съ Турціей. Король, котораго постоянно занимала мысль о борьбѣ съ врагомъ христіанства, подстрекаемый женой, склонялся къ австрійскому союзу. Неизвѣстно какъ сложились бы обстоятельства, если бы случай не помогъ Яну III. Перехваченныя письма Морштина и французскаго посланника де Витри, писанныя цифрами, изобличили ихъ тайные происки. Изъ писемъ узнали, что французская партія, предвидя скорое междуцарствіе, предполагала посадить на престолъ Яблоновскаго, усерднаго приверженца Франціи. Въ нихъ упоминалось еще о многихъ сенаторахъ, которыхъ голоса посланникъ Людовика XIV пріобрѣлъ подарками или обѣщаніями. Король приказалъ сообщить сословіямъ только часть перехваченныхъ писемъ. Негодованіе было всеобщее, и даже тѣ, которые не принадлежа къ французскому за-

говору, противились союзу съ австрійскимъ домомъ по убѣжденію, теперь замолчали. Весь гнѣвъ сословій обрушился на Морштина. Многіе требовали суда. Тщетно онъ старался оправдываться, умоляя, чтобы о немъ судили по цѣлымъ письмамъ, а не по извлеченіямъ изъ нихъ. Король отсрочилъ его дѣло до слѣдующаго сейма, какъ только Морштинъ обѣщалъ, что не расторгнетъ его, въ теченіи 8 недѣль представитъ ключъ для чтенія шифрованныхъ писемъ, вооружитъ на собственный счетъ нѣсколько сотъ солдатъ, выкупитъ коронные бриліанты, заложенные безъ разрѣшенія сословій, представитъ отчетъ по своему управленію финансами и сдастъ должность. Извернувшись такимъ образомъ, Морштинъ вскорѣ бѣжалъ во Францію, гдѣ и оставался до своей смерти. Дѣло Морштина вызвало бурныя пренія относительно иностранныхъ посланниковъ, пребывающихъ въ Польшѣ и производящихъ въ ней только волненія и безпорядки. Были пересмотрѣны прежніе обязательные для нихъ законы и потребовано вновь отъ Людовика XIV отозваніе его посланника де Витри. Правда посланникъ этотъ жаловался, что перехватываніе его писемъ нарушаетъ международныя права, но ему отвѣчали, что международное право не уполномачиваетъ его волновать рѣчьпосполитую.

Открытіе французскихъ козней ускорило заключеніе союза съ Леопольдомъ I, которому теперь никто не смѣлъ противиться. Вѣчный союзъ этотъ подписанъ (31 марта) уполномоченными сената и посольской палаты. Императоръ отказался отъ суммъ, слѣдующихъ ему со временъ шведской войны, обезпеченныхъ соляными величскими копями, возвратилъ письменное обязательство, обезпечивающее за нимъ наслѣдство польскаго престола въ случаѣ смерти Яна-Казиміра и обѣщалъ уплатить на военные расходы 1,200,000 злот. Ни одна изъ сторонъ не имѣла права заключить миръ особо. Императоръ обязался содержать въ Венгріи противъ турокъ 60,000 человѣкъ, а король долженъ былъ въ Подоліи и Украинѣ начать военныя дѣйствія съ 40,000 корпусомъ. Еслибы турки осадили Вѣну или Краковъ, обѣ стороны обязаны соединить свои войска. Для спасенія столицъ войска переходятъ подъ

главное начальство того изъ монарховъ, который будетъ лично находиться въ лагерѣ. Договоръ на этихъ условіяхъ подтвержденный сеймомъ, имѣлъ неминуемымъ послѣдствіемъ объявленіе войны Турціи. Сеймъ принялъ необходимыя мѣры для военныхъ приготовленій и закрылъ благополучно свои засѣданія.

Яна III упрекаютъ въ томъ, что не обращая вниманія на представленія Франціи, которая обѣщаніемъ исходатайствовать у султана выгодныя условія, хотѣла отклонить его отъ союза съ вѣнскимъ дворомъ, онъ впуталъ себя и отечество въ продолжительную войну, вся выгода которой была на сторонѣ императора, вся же тяжесть ея пала всѣмъ бременемъ на рѣчьпосполитую. Его упрекаютъ далѣе, что вмѣсто того, чтобы руководствоваться здравой политикой, онъ находился подъ вліяніемъ раздраженной жены, которая хотѣла отомстить Людовику XIV за личное оскорбленіе. Въ оправданіе короля можно сказать, что громадныя военныя приготовленія султана, цѣль которыхъ была неизвѣстна, возбуждали справедливое опасеніе, что вся буря обрушится на Польшу. Поэтому слѣдовало, на всякій случай, быть готовымъ. Надежда же возвратить утраченныя провинціи, вела прямо къ союзу съ Леопольдомъ I, которому угрожала подобная же опасность, хотя съ другой стороны преувеличенная строгость императора въ Венгріи возмущала противъ него всю рѣчьпосполитую и дѣлала непопулярнымъ договоръ съ подобнымъ монархомъ.

По закрытіи сейма, все вниманіе короля было сосредоточено на военныхъ приготовленіяхъ, которыя шли впрочемъ очень медленно, потому что приходилось требовать на сеймикахъ уплаты податей, бывшую въ Польшѣ дѣломъ всегда весьма затруднительнымъ. Пріѣздъ (въ іюлѣ) австрійскаго посланника графа де-ла-Торре, который просилъ о скорѣйшей помощи противъ турокъ, уже двигавшихся на Вѣну, заставили короля быть болѣе поспѣшнымъ. Самъ онъ отправился тотчасъ въ Краковъ, куда приказалъ собираться короннымъ и литовскимъ полкамъ и пригласилъ курфирста прислать вспомогательный отрядъ, согласно быдгощскому договору. Не смотря на всѣ усилія, не было никакой возможности выступить тотчасъ

въ походъ, хотя турки начали уже осаду Вѣны и отъ главнокомандующаго австрійскими войсками герцога Карла лотарингскаго, являлся курьеръ за курьеромъ съ просьбою объ ускореніи прибытіемъ войскъ, такъ какъ турки, въ числѣ 300,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, могли ежеминутно взять Вѣну, защищаемую графомъ Старембергомъ, располагавшимъ всего 14,000 войскомъ и небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ горожанъ. Герцогъ лотарингскій стоялъ съ кавалеріей въ укрѣпленномъ лагерѣ и не могъ оказать никакой помощи осажденной столицѣ. Просьбы императорскаго посла и мольбы папскаго пунція о спасеніи Вѣны и всего христіанства, съ другой же стороны толки французскихъ газетъ, будто бы Янъ III сталъ уже слишкомъ тяжелъ на подъемъ, чтобы отправиться къ Вѣнѣ въ главѣ польскихъ войскъ, заставили короля ускорить отъѣздомъ. Не ожидая прибытія литовскихъ войскъ и бранденбургскаго отряда, король послалъ впередъ (11 августа) польнаго короннаго гетмана, вслѣдъ за нимъ (15 числа) двинулся самъ, тогда какъ великій коронный гетманъ долженъ былъ слѣдовать съ тяжелой кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей. Переходъ черезъ Моравію совершенъ былъ безпрепятственно, такъ какъ король склонилъ Текели, предводителя венгерскихъ инсургентовъ, занимавшаго часть Венгріи на границѣ Моравіи, пощадить эту провинцію Леопольда I. На границѣ собственной Австріи, въ Гольбрюнѣ, король соединился (31 августа) съ польнымъ гетманомъ, куда вскорѣ прибылъ также и великій коронный гетманъ. Здѣсь получено было извѣстіе, что герцогъ лотарингскій разбилъ 20,000 турокъ и что въ этомъ дѣлѣ отличился въ особенности полкъ Любомирскаго, захватившій у непріятеля 19 знаменъ. Вскорѣ въ лагерь прибылъ и самъ герцогъ лотарингскій для свиданія съ королемъ и составленія плана кампаніи. 3 сентября войско двинулось къ Дунаю и послѣ большаго военнаго совѣта, король принялъ главное начальство надъ всей арміей, состоявшей изъ 80,000 человѣкъ польскихъ и императорскихъ войскъ, а равно вспомогательныхъ отрядовъ князей германскаго союза. Король сообразивъ все, что ему было передано о движеніяхъ великаго визиря, увѣрилъ

всѣхъ, что соединенныя христіанскія войска одержатъ неминуемо побѣду. Переправившись черезъ Дунай (7 сентября), король пошелъ черезъ Винервальдъ и Каленбергъ. Переходъ этотъ былъ очень труденъ. Еслибы Мустафа умѣлъ воспользоваться числительностью своей арміи онъ могъ бы легко остановить христіанское войско и взять между тѣмъ Вѣну, доведенную уже до крайности. Войско стало благополучно на Лысой горѣ, откуда дано знать городу ракетами и большими огнями о приближеніи помощи. Король самъ выстроилъ войско. Правымъ флангомъ, составленнымъ изъ поляковъ, онъ командовалъ самъ, на лѣвомъ поставилъ герцога лотарингскаго, въ серединѣ курфирста баварскаго и князя Вальдека. Сраженіе началось (12 сент.) въ 6 ч. утра, на лѣвомъ флангѣ, когда правый не успѣлъ еще выстроиться. Вскорѣ битва сдѣлалась всеобщею, такъ какъ Мустафа приказалъ одновременно штурмовать городъ. Правое крыло, выдержавъ три страшныя аттаки, двинулось впередъ и къ вечеру, по пятамъ турокъ, ворвалось въ лагерь. Замѣшательство было неописанное. Огромное турецкое войско разбѣжалось во всѣ стороны *). Король опасаясь измѣны, при-

---

*) У турецкаго историка Решидъ-Эффенди мы находимъ вѣрное описаніе вѣнскаго пораженія. Это лучшій вѣнецъ для польскаго героя, свитый рукой врага. Приводимъ изъ него слѣдующее извлеченіе: «Первый король ляховъ, собравъ войско, поспѣшилъ на помощь императору, котораго и другіе христіанскіе повелители не оставили по возможности людьми и деньгами. Когда союзные соединили свои силы, въ 12 часахъ разстоянія отъ Вѣны, тамъ гдѣ черезъ Дунай перекинутъ каменный мостъ, императоръ остался въ Линцѣ, а король ляховъ принялъ начальство надъ войскомъ. Въ 20 день рамазана, а въ 60 день осады, врагъ появился около полудня на возвышенностяхъ, лежащихъ противъ становія мусульманъ. Пѣхота его идетъ впереди, за ней подвигается конница и сильными колоннами бросается въ ряды мусульманъ. Битва продолжалась два часа. Сперва крыло, которымъ командовалъ Беглербей, не будучи въ состояніи выдержать стремительнаго натиска непріятеля, смѣшалось и побѣжало, суматоха сообщается другимъ отрядамъ, и все войско, пораженное страхомъ, ищетъ спасенія въ лагерѣ. Великій визирь съ недоумѣніемъ видитъ критическое положеніе, съ отчаяніемъ бросается въ свою палатку, стоящую передъ городомъ, когда между тѣмъ непріятельская пѣхота, пользуясь нашимъ ужасомъ, врывается въ Вѣну и подкрѣпляетъ ея гарнизонъ. Такимъ образомъ христіане, при первомъ натискѣ, достигли цѣли своихъ желаній. Мусульманское войско, не имѣя надежды удержаться въ шанцахъ, оставляетъ ихъ толпами, а непріятельская конница врывается въ лагерь. Бѣгущіе воины, не желая оставить врагу

казалъ войску стоять всю ночь подъ ружьемъ и только на слѣдующій день были разграблены огромныя богатства, оставшіяся въ турецкомъ лагерѣ. Вѣна встрѣтила своего спасителя съ неописанной радостью, но придворные смотрѣли на него очень недружелюбно. Нѣсколько дней спустя Леопольдъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ полѣ за городомъ. Хотя онъ былъ ему обязанъ спасеніемъ столицы, но не съумѣлъ произнести и нѣсколькихъ искреннихъ словъ *).

военной кассы, въ его почти присутствіи грабятъ палатку казначея и оставляютъ невѣрнымъ пустую ставку. Но гораздо большія сокровища достались въ руки побѣдителей. Какъ извѣстно, ни для одной кампаніи не собиралось такъ много войска, никогда не дѣлали такихъ громадныхъ запасовъ. Въ лагерѣ осталось множество пушекъ, мортиръ, оружія, знаменъ, разной утвари, палатокъ, съѣстныхъ припасовъ и драгоцѣнностей, все послужило къ утоленію алчности непріятеля, а для мусульманъ пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе. Одинъ только аллахъ владѣетъ судьбами и раздаетъ побѣды». (*Графъ Рачинскій*, T. II). Польскій писатель, *Нѣмцевичъ*, говоритъ: «Союзное войско, когда король принялъ надъ нимъ начальство, состояло изъ: 30,000 поляковъ, 10,000 австрійцевъ подъ предводительствомъ храбраго герцога лотарингскаго, 10,000 саксонцевъ подъ командой курфирста Іоанна-Георгія III, 10,000 баварцевъ и 8,000 германскаго союза. Съ разсвѣтомъ король приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ въ ставку великаго визиря; это былъ сигналъ начать сраженіе. Австрійцы, сбитые на лѣвомъ флангѣ, смѣшались; ихъ поддержали саксонцы и храбро остановили напоръ турокъ. Тогда король направилъ польскихъ гусаръ противъ обоза визиря: полки королевича Александра и люблинскаго воеводы Шарлы, первые сломали турецкіе ряды; ихъ поддержали польный гетманъ Сѣнявскій и генералъ артиллеріи Концкій. Станиславъ Потоцкій, сражаясь во главѣ отца своего краковскаго каштеляна, былъ убитъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ памятномъ сраженіи. *Прим. перевод.*

*) Три дня спустя послѣ сраженія, императоръ прибылъ изъ Линца. Онъ долго совѣщался съ своими приближенными, слѣдуетъ ли и какъ слѣдуетъ привѣтствовать монарха, который спасъ его государство. Одинъ великодушный герцогъ лотарингскій, который по причинѣ Яна III лишился и жены, и короны, воскликнулъ, что спасителя своего нельзя принять иначе, какъ съ распростертыми объятіями. Монархи съѣхались въ полутора миляхъ отъ Вѣны и послѣ вѣжливаго привѣтствія, императоръ сказалъ что то очень тихо королю. Янъ III отвѣтилъ громко: «Братъ мой, я очень радъ, что могъ оказать вамъ эту маленькую услугу», и представляя королевича Якова прибавилъ: «Вотъ сынъ мой, я воспитываю въ немъ защитника христіанства». Леопольдъ не отвѣтилъ ни слова. Задѣтый за живое такой гордостью, король повернулся къ своей лошади, говоря: «Ѣду къ войску, я приказалъ гетманамъ показать вамъ мои полки, если пожелаете ихъ видѣть». Императоръ замѣтилъ, что оскорбилъ короля, и два дня спустя, когда кромѣ герцога лотарингскаго, остальные князья германскаго союза оставили его лагерь, когда помощь поляковъ оказалась еще необходимою, написалъ извинительное письмо къ королевичу. (*Нѣмцевичъ*).

Неблагодарное поведеніе Леопольда I возмущало поляковъ. Королю совѣтовали, по освобожденіи Вѣны, возвратиться въ отечество, на чемъ настаивала въ своихъ письмахъ и королева. Условія договора не обязывали его къ дальнѣйшей войнѣ. Но начавъ ее столь памятной побѣдой, Янъ III не хотѣлъ вдругъ прекратить. 17 сентября онъ двинулся въ Венгрію преслѣдуя врага, 20 прибылъ въ Пресбургъ и, переправившись черезъ Дунай, сталъ (6 октября) лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ Коморна, куда направлялся и герцогъ лотарингскій. Здѣсь предположено было отдохнуть день, чтобы дождаться пѣхоты. Получивъ вдругъ ложное извѣстіе, что подъ Парканами собрался незначительный турецкій отрядъ, король съ 4,000 конницы направился туда, чтобы потревожить непріятеля. Но у турокъ было 15,000 отборной конницы, которая, разбивъ передовую стражъ короля, бросилась на него съ ожесточеніемъ. Поляки три раза останавливали напоръ врага, но когда правый флангъ ихъ дрогнулъ и турки старались зайти имъ тылъ, всѣ въ безпорядкѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, преслѣдуемые торжествующими турками. Самъ король былъ въ большой опасности, и когда наконецъ показалась пѣхота и турки остановились, Янъ III былъ такъ изнуренъ, что нѣсколько минутъ не могъ выговорить ни слова. По-

---

Не смотря на изліянія благодарности спасенныхъ жителей Вѣны, не смотря на многочисленныя посланія папы Иннокентія XI, поздравленія разныхъ христіанскихъ монарховъ, въ томъ числѣ и шведской королевы Христины, которая писала между прочимъ: «не завидую вашему величеству ни королевства, ни сокровищъ, ни торжества побѣды, но завидую вамъ того Божьяго къ вамъ благоволенія, вслѣдствіе котораго вы имѣете право называться спасителемъ и защитникомъ христіанства»; не смотря на все это, въ спасенныхъ видно явное желаніе уничтожить въ потомствѣ память о великой побѣдѣ Яна Собѣскаго. Изъ четырехъ медалей, вычеканенныхъ въ Германіи по случаю освобожденія Вѣны, ни на одной не упоминается о польскомъ королѣ. Въ нихъ, правда, говорится, что поляки сражались подъ Вѣной: Polonia bellat, но побѣду приписываютъ то императору Леопольду, то графу Старенбергу, то саксонцамъ: Starenberg vincit, Saxonia vincit. Тогда какъ Янъ III, осматривая съ графомъ Старенбергомъ крѣпость, разрушенные валы и бастіоны города, не скрывалъ своего удивленія, говорилъ прямо, что еслибъ не графъ, врядъ ли бы всѣ усилія поляковъ увѣнчались успѣхомъ, причемъ обнялъ его какъ товарища по оружію и поцѣловалъ какъ друга. (Графъ Рачинскій: Gabinet medalów polskich; Милевскій: Pamiątki historyczne krajowe). *Прим. перевод.*

ляки потеряли слишкомъ 1,000 человѣкъ, въ томъ числѣ многихъ замѣчательныхъ людей*). Пораженіе это было вознаграждено (9 числа) подъ Парканами же, гдѣ въ кровопролитной битвѣ турки лишились до 30,000 человѣкъ; Парканы были взяты, а вслѣдъ за тѣмъ и Гранъ.

По занятіи Грана, союзная армія раздѣлилась. Король направился съ своимъ войскомъ въ сѣверную Венгрію на зимнія квартиры. Еслибы вѣнскій дворъ обратилъ вполнѣ вниманіе на доводы Яна III, который, взявъ на себя посредничество между нимъ и венгерцами, желалъ успокоить Венгрію, польское войско могло бы, послѣ столькихъ трудовъ, отдохнуть на зимнихъ квартирахъ. Но Леопольдъ и его совѣтники желали только мести надъ венгерцами, доведенными до отчаянія и подвергли своего спасителя всѣмъ опасностямъ и трудамъ зимней кампаніи, въ странѣ занятой непріятелемъ. Съ начала Текели берегъ поляковъ, но когда онъ убѣдился, что, не смотря на посредничество короля, переговоры съ Вѣной прерваны, то соединился съ турками и нигдѣ не давалъ отдыха полякамъ. Каждый зàмокъ, каждое укрѣпленное мѣсто приходилось брать силой, и когда притомъ императоръ не доставлялъ провіанта и не удовлетворялъ другимъ нуждамъ войска, положеніе его сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Хотя съ королемъ соединились литовскіе полки и вспомогательный отрядъ курфирста бранденбургскаго, но послѣ двухмѣсячной постоянной борьбы, во время которой онъ потерялъ немало народа, Янъ III принужденъ былъ перевести свое войско въ Польшу и самъ прибылъ въ Краковъ (23 декабря). Во время кампаніи умеръ отъ ранъ коронный польный гетманъ Сѣнявскій. Король отдалъ польную булаву краковскому каштеляну Андрею Потоцкому, который, воюя благополучно на подольской границѣ, завладѣлъ нѣкоторыми мѣстностями, истребилъ часть каменецкаго гарнизона, разбилъ отрядъ татаръ и, вторгшись въ

---

*) Пораженіе подъ Парканами такъ огорчило Яна Собѣскаго, что онъ заперся въ палаткѣ и два дня не видѣлъ никого и не принималъ пищи.

Прим. перевод.

Молдавію, занялъ Яссы. Вскорѣ однако перевѣсъ былъ снова на сторонѣ турокъ и поляки должны были уступить.

Послѣ двухмѣсячнаго отдыха, король выступилъ въ походъ (въ мартѣ 1684), чтобы заблаговременно заняться приготовленіями къ дальнѣйшей войнѣ съ турками. Польско-австрійскій союзъ получилъ большую силу, такъ какъ къ нему примкнула Венеція (5 марта). Король хотѣлъ вовлечь въ этотъ союзъ также русскихъ и послы его начали даже на границѣ переговоры съ уполномоченными царя; но они кончились ничѣмъ, такъ какъ русскіе соглашались приступить къ союзу противъ турокъ не прежде, какъ по заключеніи съ рѣчьюпосполитою вѣчнаго мира. Между тѣмъ король приказалъ коронному войску собираться въ Бускѣ, откуда (въ августѣ) двинулся къ Вишніовцу, для соединенія съ литовскимъ войскомъ. Немного ранѣе надворный подскарбій Ржевускій напалъ (7 іюля) на 6,000 отрядъ татаръ, шедшихъ съ провіантомъ въ Каменецъ, разбилъ ихъ и отнялъ весь обозъ. Эта побѣда остановила другіе отряды татаръ, готовые вступить въ волынскую землю. По соединеніи короннаго войска съ литовскимъ, былъ взятъ Язловецъ *) и польный коронный гетманъ отправленъ къ Каменцу, чтобы замѣнить гарнизонъ и отрѣзать его отъ крѣпости. Но гарнизонъ не двинулся и дозволилъ полякамъ опустошить всю окрестность. Въ сентябрѣ король подошелъ къ Жванцу и приказалъ строить мостъ черезъ Днѣстръ, для переправы войска въ Молдавію, чтобы такимъ образомъ совершенно отрѣзать Каменецъ. Послѣ трехнедѣльной ра-

---

*) Язловецъ находился въ рукахъ турокъ съ 1672 г., король прибылъ сюда съ королевой, сыновьями и многочисленнымъ дворомъ. Противъ обыкновенія въ польскомъ лагерѣ были женщины, раздавалась музыка, смѣхъ и говоръ веселія; тутъ присутствовали князья Фердинандъ и Александръ курляндскіе, посланники: испанскій — Монтекукулли, австрійскій — Валленштейнъ, венеціанскій — Анджело Морозини, множество французской молодежи и волонтеровъ. «Тотчасъ по прибытіи къ Язловцу, говоритъ Рубинковскій (Janina zwycięzkich truymfów Jana III), король приказалъ обложить крѣпость, палить изъ пушекъ и брать приступомъ. Турки замѣтили, что нѣтъ возможности защищаться, къ вечеру просили о помилованіи, вышли на слѣдующее утро, положили оружіе къ ногамъ королевы и были отправлены подъ конвоемъ въ Каменецъ, исключая 90 человѣкъ, оставленныхъ при польскомъ лагерѣ. *Прим. перевод.*

боты поднявшаяся вдругъ вода сломила мостъ, и король долженъ былъ переправить обратно хоругви драгуновъ и казаковъ, перешедшихъ уже рѣку. Тогда онъ направился къ Каменцу и послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ татарами и гарнизономъ, возвратился въ Язловецъ. Этимъ и окончилась кампанія.

Безуспѣшность кампаніи слѣдуетъ приписать преимущественно французской партіи, которой благопріятствовали всѣ гетманы и коронные и литовскіе. Одинъ вѣнскій дворъ извлекъ изъ нея пользу, такъ какъ турки, озабоченные Польшей не могли направить всѣхъ силъ своихъ въ Венгрію, въ особенности когда и Венеція начала съ ними борьбу.

Чѣмъ болѣе обстоятельства благопріятствовали Леопольду, тѣмъ усерднѣе старался Людовикъ XIV разстроить союзъ его съ Польшей. Будучи не въ силахъ склонить къ своимъ видамъ короля, онъ рѣшился волновать рѣчьпосполитую внутри. Такъ какъ посланника его де-Витри принудили уѣхать, даже оскорбили, а друзей же Франціи называли злонамѣренными людьми, то ему не приходилось дѣлать перваго шага, хотя онъ пламенно желалъ сохранить дружескія сношенія съ Польшей. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ Польшу маркиза Бетюня, родственника короля, который, въ качествѣ частнаго лица, долженъ былъ оставаться при дворѣ Яна III, подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ. Ловкій дипломатъ началъ дѣйствовать изъ подтишка; французскіе приверженцы все смѣлѣе и смѣлѣе подымали голову. Вѣнскій дворъ началъ безпокоиться не на шутку о томъ, что Польша, подъ вліяніемъ Франціи, заключитъ особый миръ съ Турціей. Это было тѣмъ правдоподобнѣе, что султанъ почти соглашался возвратить Подолію. А потому и со стороны австрійскаго правительства начались интриги, лишь бы разстроить французскіе планы.

При такихъ обстоятельствахъ, послѣ совѣта сената, происходившаго въ Жолкви (въ концѣ ноября 1684), король созвалъ въ Варшаву обыкновенный сеймъ (16 февраля 1685). На основаніи устава 1673 г. очередь была за Литвой. Правда, король объяснилъ въ универсалахъ, что вслѣдствіе турецкихъ дѣлъ, желая

быть ближе къ театру войны, онъ принужденъ былъ измѣнить порядокъ и собрать сеймъ въ Варшавѣ, но литовцы, не обративъ вниманія на такія объясненія, собрались отдѣльно въ Гроднѣ. Опасались что по этой причинѣ сеймъ будетъ расторгнутъ, но вслѣдствіе усилій короля, литовцы прибыли наконецъ въ Варшаву. Здѣсь начались однако новые споры, такъ какъ литовскіе послы, еще до избранія маршала, требовали перенесенія сейма въ Гродно. Тщетны были доводы польскихъ пословъ, что только турецкая война заставила обойти очередь и что слѣдующій сеймъ соберется въ Гроднѣ. При посредничествѣ сената, литовцы дали наконецъ согласіе на сеймъ въ Варшавѣ, но съ условіемъ, что предсѣдательствовать будетъ маршалъ предпослѣдняго сейма, вслѣдствіе чего это было бы только продолженіе предъидущаго, и что король отправитъ депутацію изъ сената, для приглашенія въ Варшаву оставшихся въ Гроднѣ литовскихъ пословъ. Требованіе это вызвало страшнѣйшій споръ. Малополяне не соглашались, чтобы великополянинъ былъ маршаломъ на двухъ сеймахъ. Прусскій посолъ хелминскій подкоморій Банковскій угрожалъ литовцамъ, что такъ какъ уставъ о третихъ сеймахъ въ Литвѣ принятъ въ отсутствіи пословъ прусскихъ воеводствъ, то онъ и его товарищи не согласятся на приведеніе его въ дѣйствіе, если литовцы будутъ затруднять этимъ рѣчьпосполитую. Когда и это не подѣйствовало, Банковскій удалился, представивъ протестъ, и литовскій посолъ Униковскій объявилъ письменно маршалу прежняго сейма, что онъ протестуетъ противъ созванія сейма въ Варшавѣ, противъ великаго литовскаго канцлера Огинскаго, назначеннаго послѣ смерти Паца 11 іюня 1684 г., то есть не во время сейма и противъ всего того, чтобы было постановлено на варшавскомъ сеймѣ. Вмѣстѣ съ нимъ удалились еще трое изъ литовскихъ пословъ. Банковскій воротился на слѣдующій день, но литовцы только на четвертый. Споры о выборѣ маршала не прекращались. Тогда депутація, состоявшая изъ трехъ сенаторовъ и присланная королемъ, пригласила посольскую палату приступить немедленно къ выбору маршала. Литовцы согласились, но съ условіемъ, что слѣдующіе два сейма будутъ происходить въ

Гроднѣ и что палата дозволитъ прочитать ихъ предложеніе по этому дѣлу. Поляки рѣшительно отказали, согласившись единственно, что по избраніи маршала, послѣдуетъ подтвержденіе устава относительно очереди сеймовъ. Наконецъ обѣщаніе Яна III, что король и сенатъ подтвердятъ будущій законъ относительно третьихъ сеймовъ въ Гроднѣ, лишь бы литовцы не задерживали выбора маршала, устранило всѣ препятствія. Потерявъ въ пустыхъ спорахъ четыре недѣли, послы выбрали единогласно маршаломъ литовскаго писаря Андрея Гелгуда. Подобные же споры заняли сеймъ еще впослѣдствіи. Французскіе приверженцы поспорили съ австрійскими, кому вручить послѣ смерти Гнинскаго малую коронную печать. Французская партія требовала ея для варминскаго епископа, австрійская — для луцкаго епископа Витвицкаго. Послѣ долгихъ споровъ король передалъ ее варминскому епископу. Дѣло бывшаго подскарбія Морштина заняло также много времени. Многіе послы не хотѣли ничѣмъ заняться, до разрѣшенія этого дѣла. Назначенный сеймовый судъ открылъ свои засѣданія 3 апрѣля. Относительно обвиненія въ дурномъ управленіи финансами, король отсрочилъ приговоръ и предоставилъ себѣ разрѣшеніе его дѣла по обвиненію его въ покупкѣ имѣнія во Франціи и въ принятіи званія секретаря Людовика XIV. Многіе противились подобному рѣшенію, требуя суда надъ Морштиномъ по обвиненію въ преступленіи противъ короля и отечества. Вскорѣ прибавилось новое обвиненіе, такъ какъ подсудимый бѣжалъ безъ вѣдома короля и сословій, но благодаря усиліямъ маркиза Бетюня, и это обстоятельство осталось безъ разрѣшенія. Нѣсколько дней спустя, коронный референдарій объявилъ слѣдующій приговоръ: Морштинъ лишается должности подскарбія, обязанъ возвратить коронные бриллианты и уплатить извѣстную сумму денегъ. Познанскій воевода протестовалъ противъ этого приговора, во-первыхъ потому, что онъ объявленъ не короннымъ стряпчимъ, во-вторыхъ, что Морштина слѣдовало судить какъ преступника противъ короля и отечества. Польскіе послы поддержали воеводу, угрожая отвергнуть уставъ, относительно очереди сеймовъ, если наказаніе не будетъ увеличено. Дворъ однако ихъ успо-

копдъ и приговоръ остался безъ измѣненій. Наконецъ происходили пренія относительно податей и постоя, то есть взноса денежной платы вмѣсто отвода войскамъ зимнихъ квартиръ. Пруссаки хотѣли отказаться отъ податей и отъ постоя, не смотря на просьбы польскихъ пословъ, чтобы взносъ денегъ они увеличили на $^1/_3$ всей суммы. Когда просьбы не подѣйствовали, денежный взносъ былъ опредѣленъ согласно закону и сеймъ закрылъ свои засѣданія 30 мая.

Не смотря на то, что сеймъ назначилъ подати для дальнѣйшаго веденія войны съ Турціей, не было никакой возможности начать кампанію тотчасъ. Приверженцы Франціи, противные политикѣ двора, придумывали разныя затрудненія. Однимъ откладываніемъ совѣщаній сейма, они помѣшали раннему открытію военныхъ дѣйствій. Король передалъ начальство надъ войскомъ великому коронному гетману, но вскорѣ и самъ переѣхалъ ближе къ театру войны (въ августѣ). Великій гетманъ переправился (въ концѣ августа) черезъ Днѣстръ, польнаго же оставилъ по сю сторону рѣки, для прикрытія червонной Руси отъ татарскихъ наѣздовъ. Намѣреваясь завладѣть Молдавіей, онъ хотѣлъ отрѣзать каменецкій гарнизонъ, чтобы потомъ тѣмъ легче взять эту крѣпость. Польскія войска прошли благополучно большую часть буковинскаго лѣса, какъ вдругъ были окружены превосходящими силами турокъ и татаръ. Опасность была серьезная. Не было никакой возможности думать о томъ, чтобы завязать бой съ противниками и недостатокъ провіанта не позволялъ стать укрѣпленнымъ лагеремъ. Приходилось отступать среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Концкій, командовавшій пѣхотой и артиллеріей, доказалъ при этомъ случаѣ свои истинно великія познанія въ воинскомъ дѣлѣ. Онъ такъ ловко прикрывалъ отступленіе, что не смотря на безпрерывныя аттаки врага, спасъ все войско. На берегахъ Прута отступающихъ встрѣтилъ польный гетманъ и облегчилъ имъ переправу. Получивъ извѣстіе объ опасности, угрожавшей коронному войску, король разослалъ воззваніе къ посполитому рушенію и хотѣлъ самъ отправиться съ помощью. Экспедиція Яблоновскаго кон-

чилась (въ октябрѣ) неудачно, турки снабдили Каменецъ людьми и провіантомъ, но не предпринимали ничего болѣе.

Въ декабрѣ король собралъ совѣтъ сената, который совершенно положился на него относительно войны съ Турціей. Вскорѣ (въ январѣ 1686) воротился изъ Франціи коронный великій канцлеръ Вельепольскій и привезъ увѣреніе, что Людовикъ XIV желаетъ сохранить дружелюбныя сношенія съ Польшей, не смотря на союзъ ея съ Леопольдомъ. Эта дружба двухъ дворовъ не уменьшила интригъ Франціи противъ политики Яна III, которая дѣйствительно причиняла много вреда рѣчипосполитой. Тайныя ручательства Австріи, обѣщавшія ему то Валахію, то всевозможное содѣйствіе, еслибъ онъ хотѣлъ обезпечить за своимъ домомъ престолъ, были главнымъ поводомъ, почему онъ такъ упорно придерживался условій союза и не хотѣлъ заключить съ султаномъ особаго мира. По этой же причинѣ, онъ старался привлечь Россію къ общей войнѣ съ Турціей, а какъ этого нельзя было достигнуть иначе, какъ по заключеніи вѣчнаго мира между Россіей и рѣчьюпосполитой, то король склонилъ послѣдній сеймъ отправить посольство, состоящее изъ познанскаго воеводы Пржимултовскаго, литовскаго великаго канцлера Огинскаго и трехъ пословъ, которымъ дано обширную инструкцію для принятія окончальныхъ предложеній Россіи. Тамъ царствовали въ то время два малолѣтніе брата, Иванъ и Петръ Алексѣевичи, или, говоря вѣрнѣе, ихъ именемъ управляла старшая ихъ сестра Софія. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ (6 мая) вѣчный миръ, а равно и союзъ противъ Турціи. Андрусовское перемиріе служило основаніемъ мира. Москва сохранила всѣ свои прежнія земли въ томъ числѣ и Кіевъ, временно отошедшій къ Польшѣ, за что обязалась уплатить 1,500,000 злот. Великіе князья приступили къ союзу, заключенному уже между императоромъ, Польшей и Венеціей и обязались не заключать особаго мира съ Турціей. Договоръ былъ скрѣпленъ въ Москвѣ присягой уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, а потомъ и самихъ великихъ князей, какъ равно и короля польскаго (въ августѣ). Русское правительство вручило тот-

часъ посламъ 900,000 злот., остальные же обязалось уплатить въ январѣ слѣдующаго года. Извѣстіе о заключенномъ мирѣ сперва обрадовало весь королевскій дворъ и король приказалъ даже служить повсюду благодарственные молебны и палить изъ пушекъ.

Но еще до утвержденія мира пришлось выступить въ поле. Польское войско стояло лагеремъ подъ Тлумачомъ. Когда король съ нимъ соединился (19 іюля), войска двинулись къ Снятыну *), и опустошивъ окрестности Каменца, захватили обозъ, шедшій въ эту крѣпость, послѣ чего переправились (2 августа) черезъ Прутъ. Король занялъ Яссы, столицу Молдавіи, гдѣ нашелъ большіе запасы провіанта, но господарь, войско и зажиточные жители успѣли скрыться. Намѣреніемъ короля было занять весь берегъ Чернаго моря, тогда какъ въ тоже время русскіе вступили бы въ Крымъ, а Австрія въ Валахію со стороны Трансильваніи. Оставивъ гарнизонъ въ Яссахъ, онъ двинулся къ Буджатскимъ степямъ. Тамъ было нѣсколько тысячь турокъ и значительный отрядъ татаръ, съ которыми происходили постоянныя стычки, но врагъ тщательно избѣгалъ генеральнаго сраженія. Непріятельскіе отряды незамѣтно умножились, опустошили всю окрестность и пользуясь большой засухой, зажгли траву въ степяхъ, отнявъ у поляковъ возможность кормить лошадей. Король, видя невозможность дальнѣйшаго похода, тѣмъ болѣе что болѣзни истощали его войско и что слѣдовало опасаться голода, придвинулся къ берегамъ Прута и воротился (въ октябрѣ) къ польскимъ границамъ. Походъ не удался, главнымъ образомъ, потому, что ни Россія, ни Австрія не открыли одновременно военныхъ дѣйствій.

По возвращеніи въ Львовъ, король собралъ (въ декабрѣ) большой совѣтъ сената, для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли сзывать сеймъ и подтвердить ли миръ съ Россіей, по которому, столько завоеваній отпадаетъ отъ рѣчипосполитой. Сенатъ рѣшилъ, что хотя на основаніи закона, сеймъ долженъ собираться каждые два

---

*) Тлумачъ и Снятынь — города бывшей галицкой земли.

Прим. перевод.

года, но теперь слѣдуетъ созваніе его отсрочить, чтобы начать раньше обыкновеннаго кампанію условленную съ союзниками, что было бы невозможнымъ въ случаѣ собранія сейма. Рѣшено также было подтвердить миръ съ Россіею, чтобы не подвергать рѣчь-посполитую случайностямъ новой войны, потерю же нѣкоторыхъ русскихъ провинцій, сенатъ надѣялся вознаградить въ войнѣ съ Турціей. Русскіе послы были приняты въ публичномъ засѣданіи сената. Принося присягу на договоръ, король не могъ воздержаться отъ слезъ. Во время этой аудіенціи, королевичъ Яковъ сидѣлъ по лѣвой сторонѣ трона, что повторялось также и на засѣданіяхъ сената. Это нововведеніе поразило всѣхъ въ рѣчипосполитой, всѣ начали догадываться, что это первый шагъ къ уничтоженію свободнаго выбора королей. Это была продѣлка королевы, которая принудила прибѣгнуть къ ней своего мужа. Сенатъ однако устранилъ подобное нововведеніе.

Въ тоже время произошло недоразумѣніе съ папой. Король ходатайствовалъ о пожалованіи кардинальскаго званія французскому епископу Жансону Форбинъ, бывшему посланникомъ во время междуцарствія, послѣ смерти короля Михаила. Но папа обошелъ его, чѣмъ очень оскорбилъ короля. Чтобы загладить ошибку, папа пожаловалъ въ кардиналы варминскаго епископа Дангофа и Радзѣіовскаго, а равно и нунція своего въ Польшѣ Паллявичини, но король объявилъ, что до тѣхъ поръ не дастъ аудіенціи нунцію, пока епископъ Форбинъ не будетъ кардиналомъ, что вскорѣ и послѣдовало.

Коммиссія въ Радомѣ была виновницей страшнаго спора съ прусскими воеводствами. Когда ей пришлось произнести приговоръ противъ прусскаго подскарбія, обвиненнаго въ утайкѣ казенныхъ денегъ, прусскіе ассесоры воспротивились этому утверждая, что ихъ подскарбій обязанъ давать отчетъ только прусскимъ сословіямъ. Не смотря на сопротивленіе ассесоровъ, приговоръ былъ произнесенъ, что заставило одного изъ нихъ Эльжановскаго подать протестъ въ ковальскій судъ противъ самаго приговора и незаконности дѣйствій радомскаго трибунала. Коммисія назвала

протестъ Эльжановскаго пасквилемъ и приказала палачу сжечь его публично, самого же Эльжановскаго и гродскаго ковальскаго писаря присудила, какъ клеветниковъ къ наказанію, установленному законами. Дѣло это вызвало страшную бурю на генеральномъ прусскомъ сеймѣ (28 іюня 1687). Тамъ принято рѣшеніе, что прусскія сословія обязаны защищать своего подскарбія и Эльжановскаго, строжайше запрещено въ цѣлой провинціи исполненіе приговора радомской коммисіи и приказано воеводамъ употребить даже вооруженную силу противъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы непремѣнно привести въ дѣйствіе помянутый приговоръ. Кромѣ того отправлена депутація къ королю съ жалобой на радомскій трибуналъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что вслѣдствіе вмѣшательства короля, трибуналъ взялъ приговоръ свой назадъ.

Между тѣмъ дѣлались приготовленія къ новой кампаніи, отъ которой ожидали важныхъ послѣдствій, такъ какъ царь въ Крыму, Леопольдъ въ Венгріи и Венеція въ Мореи должны были открыть одновременно военныя дѣйствія. Пока однако поляки выступили въ поле, татары два раза опустошили червонную Русь. Одинъ разъ (въ мартѣ) дошли до Жолкви, другой разъ (въ маѣ) захватили двѣ польскія хоругви. Коронный великій гетманъ собралъ (въ іюнѣ) войско въ лагерѣ подъ Язловцомъ, но не могъ помѣшать снабженію Каменца провіантомъ и другими запасами, шедшими подъ прикрытіемъ 35,000 турокъ и татаръ. Онъ ограничился опустошеніемъ окрестностей крѣпости и нѣсколькими стычками съ гарнизономъ. По прибытіи короля въ лагерь (въ августѣ) собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено бомбардировать Каменецъ и поручено это королевичу Якову. Но королевичъ, бросивъ нѣсколько бомбъ, не причинившихъ крѣпости никакого вреда, воротился ни съ чѣмъ *). Такъ кончилась кампанія, безъ

---

*) Главною причиною бездѣйствія королевича Якова, было соперничество и зависть гетмановъ. Они негодовали за то, что королевичъ получилъ надъ ними первенство, будучи увѣрены, что по закону главное начальство надъ войскомъ, за отсутствіемъ короля, должно находиться въ ихъ рукахъ.

Прим. перевод.

всякой пользы для Польши, но спасительная для ея союзника, потому что разъединяла турецкія силы.

Продолжительная война съ Турціей была слишкомъ тягостна для рѣчипосполитой. Вѣнскій дворъ зналъ объ этомъ, и потому прибѣгалъ къ разнымъ мѣрамъ лишь бы не допустить Яна III къ заключенію отдѣльнаго мира съ султаномъ, предлагавшимъ выгодныя условія. То намекали королю, что императоръ намѣренъ выдать одну изъ эрцгерцогинь за мужъ за королевича Якова, то поговаривали о Валахіи и наслѣдственности польскаго престола. Всѣмъ этимъ вовлекали Яна III въ сѣть дипломатическихъ интригъ, изъ которыхъ онъ не умѣлъ выбраться. Главнѣйшею пружиною была Марія-Казиміра, которая желала сохранить за своимъ потомствомъ престолъ или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти Валахію какъ наслѣдственное княжество. Но постоянное ея вмѣшательство въ управленіе и во всѣ общественныя дѣла, притомъ же покорность Яна III, который почти никогда не умѣлъ ей противиться, возмущали народъ въ высшей степени. Всѣ громко жаловались на продажность двора, такъ какъ никто не получалъ должности, королевщизны или какого либо званія, не заплативъ богатой дани королевѣ. Тоже происходило и въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, на сколько они зависѣли отъ короля.

Среди постепенно увеличивавшагося нерасположенія къ двору, король собралъ сеймъ въ Гроднѣ (27 января 1688). Многіе сеймики были расторгнуты, что не предвѣщало благополучнаго окончанія сейма. Недостатокъ помѣщенія и съѣстныхъ припасовъ въ Гроднѣ былъ причиною, что многіе потребовали тотчасъ перенесенія сейма въ Варшаву. Другіе хотѣли сперва избрать маршала. Уже готовились собирать голоса, когда вдругъ кто то объявилъ, что подольскій посолъ Домбровскій не имѣетъ права подавать голоса, такъ какъ онъ получилъ отъ виленскихъ пословъ и польнаго гетмана Слушки повѣстку явиться на сеймъ. Домбровскій началъ увѣрять, что повѣстка вручена ему послѣ избранія его въ послы, что слѣдовательно не лишается голоса. Во время преній по этому дѣлу, въ палату вошелъ самъ гетманъ, чтобы не допустить Дом-

бровскаго къ подачѣ голоса. Поступокъ гетмана вызвалъ страшный шумъ и Домбровскій удалился, подавъ протестъ. Его сторону приняли поляки и рѣшились ни къ чему не приступать, пока онъ не возвратится. Противъ этого протестовалъ одинъ изъ литовскихъ пословъ Токаржевскій и также вышелъ изъ палаты. Польскіе послы хотѣли уже разъѣзжаться по домамъ, но по просьбѣ литовцевъ согласились пригласить Токаржевскаго возвратиться, съ тѣмъ, что Домбровскій вернется также и только послѣ выбора маршала будетъ законно рѣшено, имѣетъ ли онъ право засѣдать въ палатѣ или нѣтъ. Послѣднее не понравилось литовцамъ и выборъ маршала былъ снова отсроченъ, хотя король чрезъ депутацію изъ сената приглашалъ палату ускорить этимъ дѣломъ. Нѣсколько дней спустя, литовцы согласились, чтобы товарищи пригласили Токаржевскаго воротиться, но тотъ потребовалъ сперва приговора короля о законности или незаконности повѣстки Домбровскаго. Это вызвало новыя пренія, слѣдуетъ ли, среди подобныхъ обстоятельствъ, избирать маршала, и страсти до того розыгрались, что многіе схватились за палаши, но къ счастію все кончилось безъ пролитія крови. Послѣ четырехнедѣльныхъ преній сендомирскіе послы объявили, что они возвращаются домой, чтобы на мѣстѣ съ своими совоеводичами придумать иныя средства помочь отечеству. Они просили даже маршала распустить палату, въ чемъ ихъ поддержала большая часть коронныхъ пословъ. Они пріостановились еще нѣсколько дней, но когда и это не помогло, перестали ходить на засѣданія. Король желалъ непремѣнно сохранить сеймъ. При содѣйствіи короля и сенаторовъ, литовскій польный гетманъ отказался отъ своей повѣстки, послѣ чего (5 марта) Домбровскій и Токаржевскій возвратились въ палату. Большинство однакожъ требовало распущенія пословъ и подольскій посолъ Маковскій представилъ даже протестъ противъ дальнѣйшаго существованія собранія. Маршалъ принужденъ былъ распустить палату, 5 недѣль и 3 дня спустя послѣ ея открытія. Это былъ первый примѣръ расторженія сейма до избранія маршала.

Главною причиною расторженія сейма были слухи, что король

намѣренъ сдѣлать предложеніе, о назначеніи старшаго сына его наслѣдникомъ престола. Чтобы этому воспрепятствовать, нѣкоторые сенаторы рѣшились скорѣе расторгнуть сеймъ, чѣмъ согласиться на что либо подобное. Даже въ посольской палатѣ люблинскій староста сказалъ, что какіе то эмиссары распространяютъ въ краѣ ложный слухъ, будто бы король хочетъ на этомъ сеймѣ провести законъ о престолонаслѣдіи, что по мнѣнію старосты было выдумкой. Онъ совѣтовалъ затѣмъ оградить себя новымъ закономъ отъ подобнаго покушенія и не парализировать дѣятельности сейма. Всѣ согласились съ этимъ прибавивъ, что тотъ будетъ считаться врагомъ отечества, кто при жизни короля вспомнитъ о наслѣдникѣ престола. Король, замѣтивъ что подозрѣнія относительно престолонаслѣдія могутъ быть причиною расторженія сейма, удалилъ изъ Гродна королевича Якова, причемъ объявилъ, что онъ не думаетъ ни о чемъ подобномъ и предоставляетъ сословіямъ полную свободу обезпечить себя какимъ угодно закономъ. Расторженіе сейма очень огорчило короля, потому что отняло у него возможность дальнѣйшаго веденія войны съ Турціей. Не смотря на то многіе предполагали, что сеймъ расторгнутъ по приказанію королевы. Появилась даже брошюра, обвинявшая дворъ въ расторженіи многихъ сеймиковъ и сейма, съ цѣлью безъ труда проложить Якову путь къ престолу. Брошюру палачъ сжегъ публично, но автора не открыли, хотя догадывались, что онъ долженъ принадлежать къ французской партіи.

Король собралъ совѣтъ сената, чтобы разрѣшить важнѣйшія дѣла рѣчипосполитой. Сѣрадзкій воевода Пѣніонжекъ страшно оскорбилъ короля, сказавъ въ своей рѣчи между прочимъ, что теперь начинаютъ развивать ложное ученіе, будто бы присяга, исполненная передъ Богомъ, не есть присяга, будто бы pacta conventa — не pacta, что теперь пытаются разъединить тѣсно связанныя между собой права короля и народныя вольности, отдѣлить короля отъ народа. Предсказывая опасность, которая возникнетъ изъ подобнаго порядка вещей, онъ требовалъ скорѣйшаго созванія сейма, дабы возстановить поколебавшееся согласіе сосло-

вій и просилъ короля о сохраненіи нарушенныхъ народныхъ вольностей. Король, найдя рѣчь Пѣніонжка оскорбительною, отвѣтилъ ему рѣзко на слѣдующій день, требуя доказательствъ сказаннаго. Воевода не находилъ нужнымъ выполнить требованіе, замѣчанія же короля считалъ обидными для чести сенатора. Многіе сенаторы порицали рѣчь Пѣніонжка, въ особенности съ усердіемъ защищалъ короля белзскій воевода Матчинскій. По окончаніи же засѣданія, король самъ произнесъ рѣчь для оправданія себя. Онъ говорилъ между прочимъ: „я далъ присягу и не жалѣю ея. Помню о пактахъ и о томъ, къ чему я обязался, помню что̀ я долженъ отечеству и вольностямъ, среди которыхъ я родился и воспитывался, въ защиту которыхъ я столько разъ жертвовалъ своею жизнью“. Напомнивъ о своихъ предкахъ и объ отцѣ, который четыре раза былъ маршаломъ посольской палаты, король увѣрялъ, что примѣръ ихъ еще въ дѣтствѣ поощрялъ его защищать свободу народа. Онъ указалъ на поведеніе свое въ царствованіе Михаила и во время примирительнаго сейма, ссылаясь на Бога, совѣсть, потомство и всю корону, что онъ не думаетъ нарушать народныхъ вольностей, хочетъ ихъ оставить въ такомъ же положеніи, въ какомъ нашелъ, что онъ готовъ ради нихъ положить свою голову. Король былъ такъ взволнованъ, что почти у всѣхъ присутствующихъ показались слезы. Онъ хотѣлъ говорить далѣе, но его остановилъ примасъ. Именемъ всего сената онъ осудилъ рѣчь Пѣніонжка, просилъ короля пренебречь завистью и необдуманными словами одного сенатора и не лишать отечество, въ критическую минуту, своего совѣта и помощи. Сенатъ постановилъ обратиться къ сеймикамъ для утвержденія новыхъ налоговъ.

Король назначилъ (26 мая) съѣздъ прусскихъ воеводствъ въ Мальборгѣ, но съѣздъ былъ отсроченъ, не опредѣливъ податей. Между тѣмъ возникли новыя недоразумѣнія между хелминскимъ епископомъ и Торномъ. Епископъ прибылъ въ этотъ городъ на праздникъ Божьяго тѣла, не державъ въ повиновеніи своей прислуги, которая позволила себѣ дѣлать разныя безчинства. Народъ столпился вокругъ его дома и епископъ долженъ былъ почти вы-

держать осаду. Оскорбленный такимъ поступкомъ, онъ назвалъ его преступленіемъ противъ религіи, короля и всего польскаго народа, и поскакалъ въ Варшаву, требуя примѣрнаго наказанія виновныхъ. Король составилъ (6 іюля) совѣтъ изъ находившихся въ столицѣ сенаторовъ, которые нашли, что все дѣло слѣдуетъ передать въ надворный судъ, тогда какъ епископъ хотѣлъ призвать городъ къ трибуналу. Не добившись ничего въ Варшавѣ, недовольный епископъ отправился на прусскій съѣздъ въ Грудзіонжѣ (нынѣ Грауденцъ), гдѣ возмущалъ шляхту противъ Торна. Тщетно примасъ, въ особомъ посланіи, предупреждалъ собраніе, что дѣла этого, какъ подлежащаго суду короля, не слѣдуетъ затрогивать, а должно заняться нуждами отечества, тщетно данцигскіе послы замѣчали, что собраніе не имѣетъ судебной власти и должно, относительно этого дѣла, довольствоваться постановленіемъ сената, — расходившаяся шляхта не слушала ни голоса примаса, ни замѣчаній своихъ воеводъ и требовала строгаго приговора надъ городомъ. Но такъ какъ многіе послы этому воспротивились, то и съѣздъ былъ расторгнутъ.

Послѣ смерти курфирста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма, принялъ правленіе старшій сынъ его Фридрихъ III (29 апрѣля). Король утвердилъ за нимъ ленное владѣніе Лембургомъ, какъ только посланникъ его принесъ ленную присягу, а самъ курфирстъ присягнулъ также на бромбергскій и велявскій договоры. Вскорѣ однако отношенія ихъ сдѣлались очень натянутыми. Когда скончался младшій братъ курфирста, женатый на дочери Радзивилла, королевичъ Яковъ отправился (въ іюлѣ) въ Берлинъ, откуда воротился по заключеніи свадебнаго договора съ молодой вдовой. Она положительно обѣщала ему свою руку и должна была пріѣхать (въ октябрѣ) въ Пруссію для совершенія брака. Но едва королевичъ выѣхалъ изъ Берлина, вдова маркграфа вышла за герцога нейбургскаго Карла, брата императрицы. Извѣстіе это оскорбило польскій дворъ, въ особенности короля, такъ какъ всѣ утверждали, что главной пружиной этого брака былъ самъ императоръ. Онъ подозрѣвалъ также, что нѣкоторые польскіе магнаты помѣшали

браку Якова съ вдовой маркграфа, чтобы воспрепятствовать могуществу дома Собѣскихъ въ Литвѣ.

Между тѣмъ война съ Турціей продолжалась. Каменецкій гарнизонъ, подкрѣпленный сильнымъ отрядомъ татаръ, вторгнулся (въ февралѣ) въ червонную Русь и, опустошивъ значительную часть края до самаго Львова, захватилъ множество плѣнныхъ и большую добычу. Собравшіеся съ зимнихъ квартиръ полки разгромили, правда, малые отряды татаръ, но главной добычи не могли отнять. Король, находившійся тогда на гродненскомъ сеймѣ, рѣшилъ ускорить походомъ и приказалъ войскамъ собраться (8 мая) подъ Львовомъ. Полки собирались медленно. Турки осадили теребовльскій замокъ, но не могли его взять, сожгли городъ и увели жителей съ собой. Кромѣ того былъ разбитъ (въ началѣ іюня) отрядъ поляковъ изъ 20 хоругвей, подъ предводительствомъ Смаржевскаго. Наконецъ коронный великій гетманъ прибылъ къ Монастырищамъ, откуда двинулся къ Язловцу, для соединенія съ 30 литовскими хоругвями. Опустошивъ окрестности Каменца, онъ сильно потревожилъ (26 іюля) гарнизонъ крѣпости, который, сдѣлавъ вылазку, хотѣлъ захватить польскихъ лошадей, бывшихъ на подножномъ корму. Получивъ извѣстіе, что татары идутъ съ значительными силами, Яблоновскій сталъ на берегахъ Днѣстра, чтобы прервать сообщеніе съ Каменцомъ. Проливные дожди принудили его отодвинуть лагерь отъ береговъ рѣки. Татары тотчасъ этимъ воспользовались, и переправились въ числѣ 70,000. Гетманъ разставилъ свои войска у Жванца и двинулся противъ непріятеля по сю сторону Смотричи. Татары ударили на правое крыло, находившееся подъ командой короннаго польнаго гетмана, другой же отрядъ ихъ столкнулся съ лѣвымъ крыломъ, гдѣ предводительствовалъ самъ коронный великій гетманъ. Въ обоихъ пунктахъ они были отбиты съ урономъ, но вслѣдствіе недостатка аммуниціи и провіанта, поляки отступили къ Крживцу, гдѣ литовскій польный гетманъ, разбивъ отрядъ татаръ, соединился съ короннымъ войскомъ. Опять стали лагеремъ на берегахъ Днѣстра и потомъ повернули къ Серету. Непріятель не смѣлъ препятствовать этимъ передвиженіямъ. Когда

подошелъ Концкій съ орудіями и провіантомъ, великій гетманъ коронный хотѣлъ двинуться къ Каменцу. Но позднее время года, изнеможеніе и уменьшеніе войска вслѣдствіе болѣзней, заставили его прекратить кампанію, не принесшую снова никакой выгоды рѣчипосполитой. Гетманъ размѣстилъ войска на зимнихъ квартирахъ такъ, чтобы они могли сдерживать татаръ.

Король собралъ сеймъ въ Варшавѣ (17 декабря). Такъ какъ многіе сеймики были расторгнуты, то въ началѣ явилось не болѣе 30 пословъ. Изъ Пруссіи не было никого, такъ какъ и тамъ споръ хелминскаго епископа съ Торномъ вызвалъ сперва страшныя пренія, а потомъ и расторженіе съѣзда. Король упрекалъ прусскія воеводства въ томъ, что онѣ, дававшія нѣкогда примѣръ усердной общественной дѣятельности, теперь изъ личныхъ выгодъ нѣсколькихъ человѣкъ, оставляютъ отечество. Главною причиною расторженія сеймиковъ, было глубоко вкоренившееся недовѣріе ко двору, который постоянно подозрѣвали въ стремленіи уничтожить свободу выборовъ. Партія называвшаяся французской поддерживала это недовѣріе, лишь бы уничтожать всѣ планы короля. У двора были также свои приверженцы, отсюда проистекали страшные споры на сеймикахъ, которые расторгала одна или другая партія, если замѣчала, что противники берутъ верхъ. Но недовольные приписывали двору расторженіе всѣхъ сеймиковъ и увѣряли, что онъ хочетъ провести на сеймѣ мысль о наслѣдственности престола.

Главной задачей сейма было принять мѣры для дальнѣйшей войны съ Турціей и рѣшить, слѣдуетъ-ли и какъ слѣдуетъ заключать съ султаномъ миръ, о которомъ онъ началъ переговоры въ Вѣнѣ. Въ такомъ духѣ были составлены королевскія предложенія, а папскій нунцій Кантельми*) поощрялъ сословіе къ продолже-

*) Архіепископъ Кессареи нунцій Яковъ Кантельми, прибылъ въ Польшу къ самому открытію сейма; это былъ другъ и горячій сторонникъ австрійскаго дома. Въ публичной аудіенціи, 13 января 1689 г., Кантельми умолялъ сословія рѣчипосполитой содѣйствовать примиренію императора съ Франціей, чтобы тогда всѣ силы христіанства обратить противъ турокъ. На слѣдующій день нунцій дѣлалъ визиты сенаторамъ и посламъ, стараясь склонить умы ихъ

нію войны съ врагами христіанства. Сеймъ однако переходилъ постоянно къ постороннимъ вопросамъ. Сперва просили короля раздать обѣ коронныя печати. Послѣ продолжительнаго колебанія, король назначилъ, съ согласія сословій, великимъ канцлеромъ каменецкаго епископа Юрія Денгофа*), а малую печать отдалъ люблинскому воеводѣ Тарлѣ. Едва покончили съ этими назначеніями, какъ былъ затронутъ вопросъ о дочери Радзивилла, вступившей во вторичный бракъ съ герцогомъ нейбургскимъ. Нѣкоторые послы находили поведеніе герцогини оскорбительнымъ для королевскаго дома и посольская палата, для отмщенія короля, предложила жертвовать своею жизнью и своимъ достояніемъ. Король благодарилъ сословія, предоставлялъ все ихъ усмотрѣнію, присовокупляя, что если герцогиню придется наказать отнятіемъ имѣнія, то доходъ съ него можетъ быть употребленъ на продолженіе войны съ Турціей. Маршалъ составилъ тотчасъ проектъ закона, присуждающій герцогиню къ конфискаціи имущества ея въ Литвѣ, но законъ не былъ принятъ. Нѣкоторые изъ литовскихъ пословъ объявили, что на основаніи литовскихъ уставовъ, незамужнія женщины имѣютъ право владѣть и распоряжаться имѣніемъ, и что безъ предварительнаго вызова и судебнаго приговора, нельзя никого присуждать къ лишенію имущества. На это отвѣчали, что для рѣчипосполитой можетъ быть весьма опаснымъ, если иностранный принцъ будетъ владѣть въ ней столь громаднымъ помѣстьемъ, въ особенно-

---

въ пользу императора; но когда во время преній о турецкой войнѣ, послы обратились къ нунцію съ просьбой о присылкѣ изъ Рима денежныхъ субсидій, давно обѣщанныхъ папой, Кантельми отказалъ въ нихъ на отрѣзъ. Нунцій вмѣшивался во все, принималъ участіе въ грустномъ дѣлѣ Лещинскаго, о которомъ г. Шмиттъ говоритъ ниже, требовалъ надъ нимъ духовнаго суда и виноватъ во многомъ, если дѣло несчастнаго философа приняло такой трагическій оборотъ (Залускій, Ю. Бартошевичъ). *Прим. перевод.*

*) Юрій Денгофъ, впослѣдствіи краковскій епископъ, пользовался въ свое время репутаціей знаменитаго оратора и проповѣдника. Король и королева обращались къ нему при каждомъ торжествѣ, какъ свадебномъ такъ и погребальномъ, а шляхта вѣрила и повторяла, что проповѣди его писаны не чернилами, называя Денгофа польскимъ Златоустомъ (Залускій, письма. Т. I).

Прим. перевод.

сти укрѣпленными замками. Споръ объ этомъ взволновалъ въ высшей степени обѣ партіи, такъ что королю напоминали даже о присягѣ, которой онъ обязался сохранить права каждаго своего подданнаго. Маршалъ хотѣлъ прочесть составленную конституцію, но противъ этого протестовалъ одинъ изъ виленскихъ пословъ и удалился, а когда не смотря на это конституція была прочтена, родились новыя жалобы на нарушеніе свободы голоса. Король старался всѣхъ помирить, просилъ отложить это дѣло объявивъ, что жертвуетъ личнымъ оскорбленіемъ для блага рѣчипосполитой. Составлена была новая конституція, но придворной партіи она показалась слишкомъ умѣренною, что̀ снова вызвало продолжительныя пренія. Вдругъ русскій воевода донесъ сословіямъ, что въ рукахъ короля находятся разныя секретныя письма, писанныя цифрами и просилъ о представленіи ихъ, чтобы сеймъ могъ знать, чего ему держаться. Всѣ стали требовать того же, въ особенности тѣ, о которыхъ говорили, что и ихъ письма были перехвачены, какъ напр. литовскій подскарбій съ братьями, коронный великій маршалъ и познанскій воевода. Сеймовый маршалъ, желая усмирить волненіе, прочелъ статью конституціи о довѣріи между сословіями, воспрещавшую всякую переписку съ подозрительными лицами, въ особенности составленную изъ цифръ. Многіе противились этому, а равно и назначенію коммиссіи, которая должна была занятъся разсмотрѣніемъ означенныхъ писемъ. Когда коммиссія не нашла ничего особеннаго въ этихъ письмахъ, вторично была прочитана статья конституціи о довѣріи сословій. Тутъ кто-то заговорилъ объ актѣ союза, касающемся будущаго междуцарствія, подписанномъ виленскимъ воеводою, литовскими великимъ канцлеромъ, подскарбіемъ и другими. По просьбѣ примаса литовскій подскарбій прочиталъ актъ. Это была конфедерація, для сохраненія свободы выборовъ при жизни и послѣ смерти короля. Члены оной обѣщали себѣ взаимное содѣйствіе, чтобы препятствовать избранію Пяста и сохранить неприкосновенными права и вольности рѣчипосполитой. Многіе возстали противъ союза. Литовскій подскарбій оправдывалъ его необходимостью защиты правъ и свободы, которымъ угрожала

опасность, чѣмъ разумѣется испортилъ дѣло. Всѣ возстали противъ литовцевъ и многіе послы потребовали, чтобы тѣ, которые подписали конфедерацію, извинились передъ королемъ и вручили ему актъ ея. Вслѣдствіе отказа съ ихъ стороны, дошло до неистовыхъ споровъ и наконецъ до расторженія сейма. Одинъ изъ литовскихъ пословъ Шулковскій представилъ протестъ подъ тѣмъ предлогомъ, что съ его соотечественниками поступаютъ неприлично и невѣжливо. Его воротили, но согласились отсрочить сеймъ только на одинъ день. Онъ не пришелъ на слѣдующее засѣданіе. Покуда его ожидали до вечера, виленскій епископъ поссорился съ виленскимъ подкоморіемъ, такъ что послѣдній обнажилъ палашъ. Король, видя невозможность сохранить сеймъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, закрытіе его отсрочить до слѣдующаго дня, но великополяне потребовали, вслѣдствіе отсутствія Шулковскаго, чтобы посольскій маршалъ произнесъ тотчасъ прощальную рѣчь. Маршалъ отправился самъ за нимъ, но воротился съ запиской, въ которой Шулковскій соглашался отсрочить сеймъ на один день, съ условіемъ, чтобы приняты были мѣры, для сохраненія чести литовскаго народа. Это вызвало страшную бурю, а когда и на слѣдующій день литовскій подскарбій отказался выдать актъ конфедераціи, сеймъ былъ распущенъ послѣ 15-ти-недѣльныхъ безплодныхъ споровъ.

Сеймъ этотъ не принялъ ни одной мѣры для удовлетворенія общественнымъ нуждамъ, но совершилъ страшную несправедливость относительно человѣка совершенно невиннаго. Еще во время гродненскаго сейма виленскій епископъ приказалъ арестовать брестълитовскаго подсудка Лищинскаго, котораго нѣкто Бржоска обвинилъ въ атеизмѣ. У него нашли двѣ книги, заключавшія въ себѣ доказательства о существованіи Бога, на поляхъ же были писаны его рукой разныя примѣчанія, какъ напр. ошибается, вретъ, нѣтъ смысла, слишкомъ легковѣренъ, слѣдовательно нѣтъ Бога и т. п. Въ одномъ мѣстѣ употреблено даже выраженіе: мы, отрицатели Бога. На основаніи этихъ примѣчаній, Лищинскаго обвинили въ атеизмѣ. Изъ произведеннаго слѣдствія оказалось, что Лищинскій велъ нравственную жизнь, ходилъ въ церковь, отличался благотвори-

тельностью и набожностью и за два дня до арестованія причащался, что онъ хорошо обходился съ прислугой и училъ ее главнымъ основаніямъ католической вѣры, что завѣщаніе свое начиналъ сознаніемъ существованія св. Троицы и душу свою поручалъ Богу и т. п. Шляхта, собравшаяся на брестъ-литовскій сеймикъ, считала арестованіе подсудка, по приказанію духовной власти, нарушеніемъ правъ шляхетскаго сословія и поручила своимъ посламъ ни къ чему не приступать, пока Лищинскому не будетъ разрѣшено защищаться на свободѣ. Послы, исполняя возложенную на нихъ обязанность, требовали тотчасъ при открытіи сейма освобожденія Лищинскаго, угрожая воротиться домой, если предложеніе ихъ не будетъ принято. Посольская палата отвѣчала, что арестованный, совершивъ подобное преступленіе, лишился своихъ шляхетскихъ правъ и что никто не долженъ защищать человѣка, который не вѣритъ въ Бога. Одинъ изъ брестъ-литовскихъ пословъ настаивалъ однако на освобожденіи Лищинскаго, доказывая, что онъ арестованъ за примѣчанія, написанныя много лѣтъ тому назадъ и что нѣтъ слѣда, чтобы онъ старался убѣдить кого нибудь въ несуществованіи Бога. Посолъ обращалъ вниманіе палаты и на то обстоятельство, что Бржоска тогда только обвинилъ бывшаго своего друга, когда тотъ потребовалъ настоятельно возвращенія занятыхъ у него денегъ. Палата рѣшила просить короля чрезъ депутацію изъ трехъ пословъ, чтобы онъ приказалъ привезти Лищинскаго въ Варшаву, для преданія сеймовому суду. Судъ начался (15 февраля 1689) чтеніемъ отчета ливонскаго епископа, который производилъ слѣдствіе, и найдя Лищинскаго виновнымъ, просилъ короля и сословія наказать его, но полагалъ справедливымъ сохранить ему жизнь. Свѣтскіе сенаторы обидѣлись, что духовенство, осудивъ обвиненнаго, навязываетъ имъ свое окончательное рѣшеніе, а потому, не смотря на сопротивленіе епископовъ въ сеймовомъ судѣ, все дѣло начато снова. И такъ литовскій инстигаторъ предъявилъ обвиненіе въ атеизмѣ, прибавивъ, что обвиненный считалъ бракъ простымъ договоромъ, на столько же обязательнымъ, какъ и каждый другой договоръ и не допускалъ род-

ства, которое могло бы препятствовать заключенію супружества. Лищинскій доказывалъ, что въ настоящемъ случаѣ обвиненіе въ атеизмѣ не можетъ имѣть мѣста, что онъ всегда вѣрилъ въ Бога, примѣчанія найденныя въ его книгахъ, не суть выраженіями его мысли, но указываютъ только на то, что авторъ прибѣгалъ къ несоотвѣтствующимъ доводамъ. Онъ говорилъ далѣе, что намѣренъ былъ собрать гораздо лучшія и болѣе сильныя доказательства о существованіи Бога, онъ просилъ короля, чтобы съ нимъ поступили безпристрастно, не такъ какъ въ духовномъ судѣ, гдѣ утаили данные; которыми онъ хотѣлъ доказать свою вѣру въ Бога. Наконецъ онъ просилъ дать ему защитника, что съ трудомъ было разрѣшено. Защитникъ, потребовавъ представленія какихъ то религіозныхъ размышленій, которыя были захвачены у Лищинскаго и лучше всего могли доказать его правовѣрность, окончилъ свою рѣчь просьбою облегчить наказаніе, еслибы не смотря на всѣ доказательства, подсудимый былъ признанъ виновнымъ. Судъ приказалъ Бржоскѣ и шести другимъ свидѣтелямъ дать присягу, что они не нашли у подсудимаго никакихъ другихъ книгъ, кромѣ имѣющихся въ судѣ. По принесеніи этой присяги, Лищинскаго приговорили, какъ уличеннаго, будто бы въ атеизмѣ, отказаться публично въ церкви св. Яна отъ лжеученія своего. Послѣ того литовскій великій маршалъ объявилъ (28 марта) окончательный приговоръ. Палачъ долженъ былъ сжечь, на варшавскомъ рынкѣ, книги Лищинскаго вмѣстѣ съ его рукой. Затѣмъ должна была послѣдовать, за городомъ, смертная казнь Лищинскаго чрезъ сожженіе. Половина его имущества поступала въ казну, другая половина въ пользу Бржоски, а домъ его приказано разрушить. Бржоскѣ выданъ охранительный листъ, устраняющій отъ него всякое преслѣдованіе по поводу этого дѣла. Вслѣдствіе ходатайства познанскаго и ливонскаго епископовъ, король замѣнилъ казнь сожженія казнію чрезъ отсѣченіе головы. Какъ сеймъ, такъ равно и король запятнали себя этимъ осужденіемъ на страданія и смерть, совершенно невиннаго человѣка.

Расторженіе сейма было тѣмъ пагубнѣе, что въ казнѣ не было денегъ для уплаты войску жалованья и продолженія войны. Блес-

нула, правда, надежда на миръ, когда турецкій посланникъ прибылъ въ Вѣну и король послалъ туда поморскаго воеводу въ качествѣ уполномоченнаго, но переговоры не осуществились, такъ какъ не было возможности принять условій султана. Приходилось помышлять о войнѣ. Король пригласилъ сеймики назначить подати и уплатилъ войску часть жалованья изъ собственныхъ денегъ. Коронный великій гетманъ, соединившись съ литовцами, двинулся (13 августа) къ Каменцу, на который хотѣлъ напасть неожиданно, но планъ этотъ разстроился, такъ какъ отдѣльные отряды заблудились ночью и не подоспѣли къ крѣпости во время. Пришлось начать правильную осаду. 5 сентября поляки придвинулись къ окопамъ, а на слѣдующій день предположенъ былъ общій штурмъ, но турки, въ удачной вылазкѣ, заклепали у литовцевъ 7 пушекъ и 3 мортиры, убили 50 человѣкъ и возвратились въ крѣпость безъ всякой потери. Духъ въ войскѣ упалъ. Недостатокъ въ провіантѣ сдѣлался ощутителенъ и когда пришло извѣстіе о приближеніи значительныхъ татарскихъ полчищъ, гетманъ снялъ осаду и кончилъ этимъ кампанію.

Король собралъ (16 января 1690) сеймъ въ Варшавѣ. Уже на сеймикахъ правительственные коммисары говорили о его заслугахъ для отечества, совѣтуя всѣмъ поддерживать его спасительные планы и думать о деньгахъ для войска. Была рѣчь также объ окончаніи сейма въ теченіи шести недѣль и о выдачѣ маршалу послѣдняго сейма свидѣтельства, въ добросовѣстномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Сеймъ прошелъ благополучно подъ предсѣдательствомъ Томаша Дзялынскаго. Почти всѣ предложенія короля были приняты. Рѣчь папскаго нунція, должность котораго исполнялъ краковскій епископъ, увѣнчаласъ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ нужныя подати были назначены. Сеймъ былъ закрытъ благополучно (7 мая), не смотря на послѣднее засѣданіе весьма бурное, продолжавшееся всю ночь, безъ свѣчей.

Вскорѣ послѣ закрытія сейма, въ Варшаву прибылъ посолъ татарскаго хана, предлагавшій рѣчипосполитой весьма выгодный миръ, если она откажется отъ союза съ Леопольдомъ I. Король

отказался входить въ переговоры отдѣльно отъ императора. Возымѣвъ намѣреніе овладѣть Молдавіей и Бессарабіей, онъ просилъ императора разрѣшить вывозъ изъ Трансильваніи съѣстныхъ припасовъ и присылку условленнаго отряда пѣхоты. Между тѣмъ получено изъ Вѣны донесеніе, что турки готовы заключить миръ, условія котораго были также доставлены. Король не согласился, объявивъ, что пока султанъ не отдастъ Молдавіи, Валахіи, Трансильваніи и всѣхъ польскихъ провинцій, нельзя заключать постояннаго мира. Онъ послалъ съ этимъ объявленіемъ въ Вѣну Самуила Прускаго, поручивъ ему въ случаѣ продолженія мирныхъ переговоровъ, прислать уполномоченнаго, а равно предупредить о томъ московскаго царя. Переговоры не состоялись, но за то татары два раза вторгались (въ іюнѣ) въ земли рѣчипосполитой и изрубили 15 польскихъ хоругвей. Король побуждалъ шляхту на сеймикахъ къ скорѣйшей уплатѣ податей, для удовлетворенія войска жалованьемъ, гетмановъ же къ поспѣшнѣйшему сбору хоругвей. Едва въ началѣ сентября гетманъ могъ прибыть къ Снятыну, откуда отправилъ отрядъ въ Молдавію для осады Сучавы. Тѣмъ кончилась кампанія, потому что голодъ и значительная убыль въ лошадяхъ не дозволили войску держаться долѣе въ полѣ.

Вѣнскій дворъ манилъ долгое время Яна III надеждой сочетать бракомъ сына его Якова съ одной изъ эрцъ-герцогинь. Кончилось тѣмъ, что при содѣйствіи этого двора, Яковъ женился на герцогинѣ нейбургской, сестрѣ императрицы *). Свадьба совершилась съ большою роскошью въ Варшавѣ. Съ этой минуты увеличились въ королевскомъ семействѣ несогласія, отравившія послѣдніе годы жизни Яна III. Королева, не любившая Якова, оказывала нерасположеніе и женѣ его, что̀ вызывало раздражительныя сцены. Любимымъ сыномъ ея былъ Александръ, и она желала обезпечить за нимъ престолъ; отсюда проистекала ненависть между обоими братьями, душевно огорчившая короля.

---

*) Гедвига, дочь Филиппа-Вильгельма рейнскаго пфальцъ-графа.

Прим. перев.

Татарскій набѣгъ и извѣстіе (въ маѣ 1691), что ханъ готовится вступить съ огромнымъ войскомъ въ предѣлы рѣчипосполитой, ускорили военныя приготовленія. Коронныя войска собрались подъ Глинянами, откуда коронный великій гетманъ повелъ ихъ (4 августа) къ Вишневцу, для соединенія съ литовскимъ войскомъ. Нѣсколько дней спустя, на военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Злочовѣ, на которомъ кромѣ всѣхъ гетмановъ, присутствовали многіе сенаторы, рѣшено было вступить въ Молдавію, куда должно было прибыть 5,000 австрійской пѣхоты, какъ это обѣщалъ королю Леопольдъ I чрезъ своего посланника *). Послѣ военнаго совѣта король отправился съ двумя сыновьями Яковомъ и Александромъ къ войску, стоявшему подъ Снятыномъ, оттуда перешелъ въ Молдавію, а съ другой стороны казаки, по приказанію короля, вошли въ Бессарабію. Король пригласилъ господаря расторгнуть союзъ съ Турціей, но онъ не только отъ этого отказался, но даже запретилъ жителямъ давать полякамъ провіантъ. Австрійскихъ подкрѣпленій тоже не было видно, и даже пріостановленъ былъ вывозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Трансильваніи. Среди такихъ обстоятельствъ кампанія не могла имѣть никакого успѣха. Молдаване вездѣ скрывались. Страшный голодъ принудилъ поляковъ отступить. Единственнымъ успѣхомъ было взятіе какой то крѣпостцы, тогда какъ казаки завладѣли Сорокой. Войско потерпѣло большія потери, ибо во время похода пало до 20,000 лошадей. Когда король приближался къ границамъ (въ концѣ октября) его встрѣтилъ новый татарскій посолъ, но Янъ III отвѣчалъ, что такъ какъ отдѣльный миръ не можетъ состояться, то пусть ханъ склонитъ султана къ заключенію общаго мира.

Во время кампаніи, король спросилъ письменно сенатъ, слѣ-

---

*) Посланникомъ этимъ былъ графъ Тунъ. Говорятъ, что когда онъ обѣщалъ королю, отъ имени своего монарха, прислать вспомогательный корпусъ для завоеванія Молдавіи и Валахіи, маркизъ Бетюнь сказалъ громко, что подобныя обѣщанія Австрія исполняетъ весьма рѣдко. Графъ Тунъ, разумѣется, оскорбился и для защиты австрійской чести вызвалъ маркиза на дуэль, но потомъ, по настоянію друзей, счелъ за лучшее помириться. Предсказаніе маркиза сбылось вполнѣ. *Прим. перев.*

дуетъ ли сзывать сеймъ. Всѣ совѣтовали подождать еще. Тогда король подтвердилъ воеводствамъ о скорѣйшемъ внесеніи податей, опредѣленныхъ на послѣднемъ сеймѣ, чтобы была возможность начать ранѣе военныя дѣйствія. Прежде однако чѣмъ польскія войска успѣли собраться, татары опустошили часть червонной Руси и Волыни, послѣ чего ханъ снова предложилъ свое посредничество для заключенія отдѣльнаго мира. Вмѣсто отвѣта, король приказалъ (15 мая 1692) коронному войску собираться подъ Львовомъ. Но все шло такъ вяло, что къ концу іюля едва нашлось 8,000 человѣкъ въ лагерѣ подъ Глинянами. Мѣсяцъ спустя поляки двинулись къ Вишневчику и соединившись съ литовцами, заняли лагерь подъ Жванцомъ. Король имѣлъ намѣреніе начать осаду Каменца, но позднее время года тому препятствовало. Чтобы сдерживать каменецкій гарнизонъ и препятствовать подвозу въ крѣпость провіанта, поляки выстроили при устьѣ Сбручи въ Днѣстръ окопъ, назвавъ его Троицкою крѣпостью и помѣстили въ ней довольно сильный гарнизонъ *). Въ это же время турки хотѣли возвратить Сороку, но встрѣтивъ со стороны поляковъ мужественный отпоръ и потерявъ до 2.000 человѣкъ, отступили ночью (9 октября).

Король созвалъ (31 декабря) сеймъ въ Гроднѣ. Предполагалось, главнымъ образомъ, совѣщаться о томъ, начинать ли переговоры о мирѣ при посредничествѣ хана, или продолжать войну, но сеймъ, занимался совершенно другими дѣлами, возбужденными, въ большомъ числѣ, противниками двора. Сперва обвинили еврея Якова Бецаля, любимца короля, арендатора пошлинъ, будто бы онъ обращался неприлично съ распятіемъ, передъ которымъ присягали

*) Мѣсто для крѣпости выбралъ гетманъ Яблоновскій между рукавами двухъ рѣкъ. Все войско работало шесть недѣль, не смотря на постоянныя помѣхи со стороны турокъ. Въ концѣ октября крѣпость была готова, и названа, Окопъ горы св. Троицы, блокада Каменца Подольскаго. За этотъ подвигъ рѣчьпосполитая объявила гетману благодарность, но не дала никакой награды за неусыпный трудъ и значительныя суммы, издержанныя изъ собственнаго кармана. Августъ II переименовалъ въ 1700 г. крѣпость въ городъ св. Троицы, но укрѣпленія постоянно поддерживались. Послѣ 1773 г. австрійское правительство разрушило часть окоповъ, городъ опустѣлъ и теперь это не болѣе какъ деревушка (Starożytna Polska. T. II). *Прим. перевод.*

купцы, обкрадывалъ казну и т. п. Этой жалобой хотѣли задѣть короля; ее преимущественно поддерживали хелминскій епископъ и сѣрадзкій воевода. Послѣ сильныхъ споровъ, король настоялъ на томъ, что Бецалю позволили очиститься присягой отъ обвиненія въ святотатствѣ, въ другихъ же обвиненіяхъ его оправдалъ коронный подскарбій. Въ подобныхъ пререканіяхъ прошло время, опредѣленное для совѣщаній посольской палаты, а когда она должна была соединиться съ сенатомъ, ленчицкіе послы протестовали противъ продленія сейма, который и кончился (11 февраля 1693), ничего не разрѣшивъ по дѣламъ общественнымъ.

Къ концу сейма прибылъ посланникъ императора графъ Ностицъ. Послѣ тайной аудіенціи у короля, предполагалось принять (13 февраля) его въ публичной аудіенціи на сеймѣ, но какъ сеймъ былъ расторгнутъ, его принималъ сенатъ. Посланникъ совѣтовалъ воевать съ Турціей до тѣхъ поръ, пока она не предложитъ выгоднаго и честнаго мира. Въ этомъ духѣ отвѣчалъ отъ имени короля коронный великій канцлеръ. Война, такимъ образомъ, продолжалась, но эта кампанія, подобно предшествовавшимъ, не принесла никакой пользы, и ее прекратили (въ концѣ октября), вслѣдствіе появившихся въ войскѣ болѣзней и падежа лошадей.

Неотложныя дѣла потребовали созванія сейма въ Варшавѣ (22 декабря). Едва собрались сословія получено извѣстіе, что по случаю болѣзни короля, сеймъ отсрочивается до его выздоровленія. Литовскіе послы протестовали, такъ что въ посольской палатѣ дѣло едва не дошло до драки. Въ Литвѣ между тѣмъ спокойствіе было тоже нарушено. Сапѣги, которыхъ Янъ III со времени своего воцаренія возвышалъ постоянно, чтобы уровновѣсить вліяніе Пацовъ, личныхъ своихъ недоброжелателей, стали теперь во главѣ противниковъ двора, въ особенности виленскій воевода и литовскій великій гетманъ Казиміръ и литовскій подскарбій Венедиктъ. Противъ нихъ составилась другая партія, подъ предводительствомъ виленскаго епископа Константина Бржостовскаго *). Литовскій великій

*) Бржостовскій сперва смоленскій, потомъ виленскій епископъ, тотчасъ по вступленіи на епископскую каѳедру, началъ борьбу съ Сапѣгами. Бржостовскій

гетманъ, разсерженный на епископа, началъ тревожить его, размѣщая постоянно войска въ епископскихъ имѣніяхъ, за что Бржостовскій хотѣлъ жаловаться сейму. Французскій посланникъ По-

---

былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, и если бы онъ умѣлъ пользоваться своей энергіей въ мѣру и во время, былъ бы замѣчательною историческою личностью. Онъ вооружилъ шляхту противъ себя, настаивая на осужденіи Лищинскаго. Никто не обращалъ вниманія на труды и пастырскія заслуги епископа, потому что общественное мнѣніе Литвы было противъ него. Тамъ, въ то время, два человѣка стали другъ противъ друга, гетманъ и епископъ; они раздули огромное пламя и начали междоусобную борьбу, волновавшую послѣдніе годы царствованія Яна III и первые Августа II. На основаніи привиллегій Ягеллоновъ, духовныя имѣнія были освобождены отъ военнаго постоя, но въ случаяхъ крайней надобности, могущественные гетманы умѣли обходить эти привиллегіи. Бржостовскій потребовалъ однажды отъ Сапѣги отчета въ деньгахъ, пожертвованыхъ духовенствомъ въ пользу войска; гетманъ вмѣсто отвѣта, поставилъ нѣсколько хоругвей въ столовыхъ имѣніяхъ епископа. Начались жалобы епископа, нареканія крестьянъ раззоряемыхъ, распущенными солдатами. Гетманъ отвѣчалъ, что шляхетскія имѣнія уже раззорены, что ему негдѣ помѣстить войска и согласился вывести хоругви, если епископъ и капитулъ уплатятъ ему 14,000 злот. Деньги были внесены, но двѣ татарскія хоругви остались на зиму въ столовыхъ имѣніяхъ. На слѣдующій годъ епископъ вмѣсто денегъ представилъ гетману счетъ убыткамъ, причиненнымъ татарскими хоругвями. Сапѣга приказалъ разстрѣлять двухъ солдатъ виновныхъ въ грабежѣ, но послалъ все войско въ духовныя имѣнія на зимнія и лѣтнія квартиры; солдаты до того своевольствовали, что крестьяне разбѣжались. Тогда епископъ послалъ гетману такъ называемый monitoriales, т. е. увѣщевательное и угрожающее проклятіемъ письмо, повторивъ это въ разное время три раза, жаловался королю, сенату; ничего не дѣйствовало. По совѣщаніи съ капитуломъ 18 апрѣля 1694 г., въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ произнесено было слѣдующее проклятіе: «такъ какъ виленскій воевода, литовскій гетманъ Казиміръ Сапѣга, по собственной волѣ, сдѣлался виновникомъ такого опустошенія церковныхъ имѣній, что въ многихъ мѣстахъ богослуженіе было прекращено; такъ какъ онъ нарушаетъ привиллегіи, данныя столькими королями и князьями; такъ какъ ни просьбы, ни угрозы не могли прекратить вреда, причиняемаго имъ церкви: то мы на основаніи церковныхъ постановленій предаемъ его проклятію, исключаемъ изъ числа вѣрныхъ, пока онъ не образумится и не обратится, на основаніи словъ Христа: кто не повинуется церкви, тотъ да будетъ явнымъ грѣшникомъ и язычникомъ.» Но гетманъ, въ день произнесенія проклятія, пировалъ въ своемъ дворцѣ на Антоколѣ, принималъ друзей, музыка гремѣла, полупьяная шляхта палила изъ пушекъ и оглашала весь городъ криками: да здравствуетъ! какъ будто послѣ блистательной побѣды. Послѣ произнесенія проклятія наступило разъединеніе въ церкви: одни слушаются епископа, другіе нѣтъ. Примасъ Радзѣіовскій пріостановилъ отлученіе Сапѣги отъ церкви и пригласилъ епископа къ себѣ; епископъ не явился; тогда примасъ снялъ проклятіе. Нунцій Санта-Кроче уни-

линьякъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ, въ особенности у королевы, ловко поддерживалъ этотъ споръ въ Литвѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ средствомъ парализировать столь непріятныя для Людовика XIV кампаніи противъ турокъ, въ союзѣ съ Леопольдомъ I.

Король трудился усердно надъ успокоеніемъ Литвы, но тщетно. Въ январѣ 1694 г. къ нему явилась депутація отъ партіи Сапѣги, требующая скораго созванія сейма. Король отвѣтилъ, по совѣщаніи съ сенатомъ, что сеймъ соберется только 12 января 1695 г. Пока дворъ былъ занятъ приготовленіями къ браку дочери короля Терезіи-Кунигунды съ баварскимъ курфирстомъ Максимиліаномъ Еммануиломъ, волненія въ Литвѣ усилились. Бржостовскій отлучилъ отъ церкви великаго литовскаго гетмана, чѣмъ окончательно вооружилъ всю партію Сапѣги.

Война съ Турціей не прекращалась. Татары, въ числѣ 40,000, дошли (въ концѣ мая 1694) до Злочова; но когда со всѣхъ сторонъ начала собираться конница, а въ замкѣ былъ сильный гарнизонъ, они повернули къ Поморянамъ *). Встрѣтивъ и здѣсь неудачу, воротились въ Каменецъ безъ добычи. Поляки, собравшись въ лагерѣ подъ Монастырищами, ожидали до сентября прибытія литовцевъ. По соединеніи съ ними, они двинулись къ Каменцу, желая неожиданно захватить крѣпость. Планъ былъ прекрасный, но какой то

чтожилъ приговоръ примаса. Споръ пережилъ короля и возобновился со всей силой во время междуцарствія. Между тѣмъ Бржостовскій отправился въ Римъ, а Сапѣги начали борьбу съ Огинскимъ. По возвращеніи изъ Рима, Бржостовскій посвятилъ себя исключительно духовнымъ дѣламъ: предсѣдательствовалъ въ эпархіальномъ синодѣ, основалъ монастыри тринитаріевъ, визитокъ, расширилъ монастырь доминиканцевъ, строилъ и освящалъ церкви. Иннокентій XII пожаловалъ его графомъ св. церковной области, Климентъ VI домашнимъ папскимъ прелатомъ. Бржостовскій скончался въ 1722 г., на 78 году жизни. (Żywoty biskupów wileńskich; Encyklopedya powszechna, T. IV).

Прим. перевод.

*) Поморяны, городъ въ Галиціи, въ злочовскомъ округѣ, съ древнимъ, нѣкогда укрѣпленнымъ, теперь жилымъ замкомъ, перешелъ въ 1740 г. по наслѣдству отъ Собѣскихъ къ Радзивилламъ. Въ 1476 г. горсть храбрецовъ подъ предводительствомъ Свинки, выдержала здѣсь страшную осаду турокъ.

Прим. перевод.

перебѣжчикъ открылъ его туркамъ. За то (4 октября) поляки разбили 22,000 татаръ и турокъ, захватили 5,000 возовъ съ провіантомъ и иными припасами, шедшихъ въ Каменецъ. Этимъ кончилась кампанія, во время которой турки предлагали начать переговоры о всеобщемъ мирѣ въ Снятынѣ или Стрынѣ, но отказались послать своихъ уполномоченныхъ, въ какой бы то ни было городъ, принадлежащій Леопольду I. Но союзные государи не согласились ни на одинъ изъ этихъ городовъ.

Раздоръ въ Литвѣ между виленскимъ епископомъ и Сапѣгами принялъ большіе размѣры, когда литовское войско, не получая съ нѣкотораго времени жалованья, соединилось съ своимъ гетманомъ. Отправлена къ королю депутація съ угрозой, что войско само возьметъ себѣ жалованье, если ему его не заплатятъ, что оно требуетъ наказанія за оскорбленіе, нанесенное виленскимъ епископомъ гетману, отлученіемъ его отъ церкви, что оно готово гибнуть вмѣстѣ съ гетманомъ. Депутація оскорбила еще короля намекомъ, будто бы гетманъ пострадалъ по его наущенію. Въ засѣданіи сената подобный же упрекъ встрѣтилъ короля со стороны литовскаго подскарбія Сапѣги. Сенатъ нашелъ созваніе сейма необходимымъ, но не ожидалъ благополучнаго его исхода, пока волненіе въ Литвѣ не будетъ прекращено. Примасъ взялъ на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь нельзя было ожидать благополучнаго исхода, такъ какъ были подозрѣнія, что примасъ болѣе благопріятствовалъ одной сторонѣ, нежели другой. Въ своихъ универсалахъ, король поручалъ сословіямъ употребить всѣ усилія для нерасторженія сейма, который долженъ былъ непремѣнно принять мѣры къ удовлетворенію войска жалованьемъ.

Всѣ эти усилія не привели ни къ чему. Разъединеніе продолжалось, что̀ проявилось уже на сеймикахъ. Нѣкоторые были расторгнуты, другіе отличались оживленностію совѣщаній. Виленскій епископъ не только отказался снять проклятіе съ гетмана, но даже рѣшился подать на него жалобу въ сеймъ. Приверженцы Сапѣговъ угрожали, что скорѣе расторгнутъ сеймъ, чѣмъ согласятся на что либо подобное. Когда сословія собрались въ Варшавѣ (12 января

1695), сеймъ былъ открытъ религіознымъ торжествомъ, въ теченіи котораго всѣ обязались присягою не расторгать сейма. Послѣ этого вступленія послы перешли въ свою палату. По принятому съ давняго времени обычаю, преніями палаты, до избранія новаго маршала, руководилъ маршалъ прежняго сейма. Маршаломъ послѣдняго сейма былъ литовскій писарь Криспинъ. Такъ какъ его считали сторонникомъ виленскаго епископа, то нигдѣ не выбрали посломъ. Онъ долженъ былъ даже спасаться бѣгствомъ съ одного изъ литовскихъ сеймиковъ, гдѣ его чуть чуть не изрубили въ куски. Литовцы объявили, что Криспинъ, не будучи посломъ, не можетъ быть маршаломъ, и что они выбросятъ его за окно, если онъ только появится въ палатѣ. Поляки, стоя за Криспина, не соглашались принять виленскаго подкоморія Домбровскаго, которому литовцы хотѣли вручить жезлъ, до избранія маршала. Взаимное раздраженіе дошло до того, что то одинъ посолъ, то другой открывалъ засѣданія, причемъ противники обыкновенно удалялись, если же находились вмѣстѣ, то называли другъ друга нарушителемъ уставовъ рѣчипосполитой. Тщетны были усилія короля и сената успокоить спорившихъ, такъ какъ ни епископъ, ни гетманъ не хотѣли помириться. Прошло шесть недѣль. Послы перестали собираться на засѣданія и наконецъ выѣхали изъ Варшавы (23 февраля). Ни одна изъ сторонъ не принимала на себя вины въ томъ, что сеймъ не состоялся. Это былъ первый примѣръ, что въ теченіи шести недѣль не согласились даже, кто будетъ руководить преніями посольской палаты, впредь до избранія маршала.

Во время этихъ споровъ 60,000 татаръ вторгнулось въ червонную Русь и дошло (11 февраля) до Львова. При первомъ извѣстіи объ этомъ, коронный великій гетманъ собралъ 3,500 человѣкъ для защиты города. Непріятель долженъ былъ отступить, на всѣхъ пунктахъ, причемъ стычки были постоянныя. Въ одной изъ нихъ самъ гетманъ сражался въ теченіи трехъ часовъ противъ татаръ, имѣя подъ рукою всего 25 хоругвей. Опасаясь быть отрѣзаннымъ, онъ отступилъ къ предмѣстьямъ. Тогда татары окружили другой польскій отрядъ, бывшій подъ командою короннаго под-

скарбія. Но поляки храбро пробились сквозь густыя толпы враговъ и соединившись у города, нанесли имъ страшное пораженіе. Татары выступили изъ Руси, но обѣщались возвратиться съ первой весеннею травкой. Опасеніе новаго вторженія, заставило короля собрать сенатъ. Рѣшено было созвать сеймики, чтобы пригласить всѣхъ къ защитѣ отечества. Но почти, ни на одномъ сеймикѣ, не были назначены подати, защита границъ предоставлена гетманамъ, хотя войско не получало жалованья. Коронное войско, правда, собралось въ лагерѣ подъ Монастырищами, и по соединеніи съ литовцами, двинулось даже въ октябрѣ къ Каменцу, но какъ бо̀льшая часть литовской конницы не хотѣла итти дальше, то войска возвратились къ Язловцу. Кампанія принесла лишь ту пользу, что татары не смѣли вторгаться въ земли рѣчипосполитой.

Почти всѣ неудачи проистекали единственно вслѣдствіе раздоровъ въ Литвѣ и въ самой королевской семьѣ*). Марія-Казиміра оказывала явное нерасположеніе къ старшему сыну, тогда какъ отецъ любилъ его болѣе другихъ, но не имѣлъ достаточнаго авторитета въ семьѣ для сохраненія мира или для противодѣйствія вліянію французскаго посланника Полиньяка. Что касается раздоровъ въ Литвѣ,

*) Послѣдніе дни жизни Собѣскаго дѣйствительно были преисполнены горечью. Нельзя однако во всемъ обвинять поляковъ; они часто, по своему безчинству, употребляли во зло свои вольности, но часто также и король давалъ поводъ къ нареканіямъ. Побѣдитель турокъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ гордой женщины. Войны, дѣла рѣчипосполитой и семейства, все зависѣло отъ Маріи-Казиміры—она всѣмъ управляла. Въ теченіи 24 лѣтъ, она поддерживала короля въ вредномъ для Польши союзѣ съ вѣнскимъ дворомъ; для завоеванія Валахіи продолжала безполезныя кампаніи. Ей помогалъ во всемъ присланный изъ Вѣны іезуитъ Вота. Ловкій, ученый, знающій въ совершенствѣ латинскихъ писателей, онъ такъ съумѣлъ завладѣть королемъ, любившимъ науки, что Янъ III предпочиталъ его общество всякому другому. Преданный совершенно Австріи, Вота пользовался для нея слабостью Собѣскаго. Впослѣдствіи королевой овладѣла жажда собирать сокровища. Тогда духовныя и первыя свѣтскія должности получалъ тотъ, кто лучше платилъ. Два еврея Іона и Бецаль, изъ которыхъ первый былъ докторомъ, второй арендаторомъ пошлинъ, госпожа Трё, іезуитъ Вота, венеціанскій посланникъ Альберти, были орудіями и посредниками королевы во всѣхъ грязныхъ дѣлахъ. До ушей короля доходили многочисленныя жалобы, но онъ не имѣлъ твердости остановить гордой и вспыльчивой жены.

Прим. перевод.

король всячески старался примирить виленскаго епископа съ Сапѣгами, чтобы сдѣлать возможнымъ созваніе сейма, который назначилъ бы деньги на уплату войску громадныхъ суммъ и принялъ мѣры для продолженія войны. Но всѣ усилія Яна III были тщетны. Эти огорченія, въ особенности раздоры въ собственномъ семействѣ, имѣли вредное вліяніе на здоровье короля. Страдая уже нѣсколько лѣтъ подагрой и каменной болѣзнью, онъ пользовался исключительно совѣтами доктора Іоны, итальянскаго еврея, который употреблялъ самыя сильныя средства. Страданія короля увеличивались съ каждымъ днемъ и наконецъ 17 іюня 1696 г., между 8 и 9 часами утра, онъ кончилъ исполненную славы жизнь. Блестящее царствованіе его сильно омрачилось вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, возбужденныхъ иностранными государствами и истощавшихъ силы рѣчипосполитой. Даже обожаемая имъ жена разрушала лучшіе его планы. Онъ жалѣлъ часто о томъ, что принялъ корону и готовъ былъ отказаться отъ нея, еслибъ его не остановилъ познанскій епископъ. Янъ III любилъ правосудіе, былъ доступенъ и ласковъ, въ засѣданіяхъ сената и сеймовъ, слушалъ со вниманіемъ мнѣнія другихъ. Какъ Собѣскаго его любили, а какъ короля — ни мало не опасались. Многіе обвиняютъ его въ скупости, указывая на суммы, оставшіяся послѣ его смерти *).

---

*) Сальванди въ сочиненіи своемъ: «Histoire de Jean Sobicski», говоритъ, между прочимъ, что въ эпоху которая произвела столькихъ великихъ полководцевъ, Собѣскій отличался геройскимъ постоянствомъ, съ которымъ онъ, во главѣ малочисленной, буйной и полуодѣтой арміи, боролся съ препятствіями народной борьбы, вознаграждая все счастливымъ выборомъ позицій и ловкостью движеній. Его побѣды покрыли Польшу славой, но только отсрочили ея паденіе: Польша нуждалась въ законодателѣ. Собѣскій былъ только героемъ.

Польскія лѣтописи изображаютъ Собѣскаго человѣкомъ красивой и привлекательной наружности, милымъ, ученымъ, любившимъ общество ученыхъ. Нѣмцевичъ говоритъ, что онъ много сдѣлалъ для славы народа, ничего — для его пользы; что онъ доказалъ, что въ Польшѣ легче быть великимъ полководцемъ, чѣмъ королемъ. — Польскій лѣтописецъ (изд. въ С. Петербургѣ, въ 1782 г.) сравниваетъ Собѣскаго съ «Веспасіаномъ, какъ по недостаткамъ, такъ и по достоинствамъ и корону получилъ такъ какъ и онъ, своею на войнѣ службою. Онъ говорилъ на многихъ языкахъ, любилъ науки, увеселенія, и былъ великимъ героемъ въ свое время, и подобно Веспасіану, былъ не корыстолюбивъ и мало заботился о приращеніи своего богатства». *Прим. перевод.*

III.

Фридрихъ-Августъ II и Станиславъ Лещинскій.

(1696 — 1733).

Междуцарствіе. — Конвокаціонный сеймъ (29 авг. 1696). — Раздоры пословъ и сената. — Расторженіе сейма. — Конфедерація 2 окт. — Литовская конфедерація. — Избирательный сеймъ (15 мая 1697). — кандидатура Фридриха-Августа. — Избранія двухъ королей (27 іюня). — Переговоры двухъ партій. — Прибытіе Фридриха-Августа въ Польшу. Коронація и коронаціонный сеймъ (17 сент.) —Прибытіе Конти въ Данцигъ. — Отъѣздъ его. — Сеймъ 16 апр. 1697 г.— Расторженіе сейма 28 апр. —Характеристика короля.—Переговоры съ Турціей.— Свиданіе съ Петромъ В. въ Равѣ. — Сраженіе подъ Подчайцами. — Ненавистъ къ саксонскому войску. — Карловицкій миръ 26 янв. 1699 г. — Сеймъ 16 іюня.— Договоръ съ курфирстомъ бранденбургскимъ. — Рейнгольдъ Паткуль. — Нападеніе на Ригу (25 февр. 1700). — Междоусобная война въ Литвѣ. — Прусскій король. — Свиданіе съ Петромъ В. въ Биржѣ. — Сеймъ 30 марта 1701 г. — Карлъ XII. — Появленіе его въ Литвѣ. — Сеймъ 22 декабря. — Расторженіе сейма. — Карлъ XII занимаетъ Вильно и Варшаву. — Сраженіе подъ Клишовомъ. — Взятіе Кракова. — Переговоры съ Карломъ XII. — Измѣна примаса. — Пораженіе подъ Пултускомъ. — Генеральный сеймъ 19 іюня 1703 г. — Взятіе Торна. — Великопольская конфедерація. — Объявленіе междуцарствія (19 іюня 1704). — Избраніе Станислава Лещинскаго. — Наступательно-оборонительный союзъ съ Петромъ В. (20 авг.). — Коронація Лещинскаго (4 окт. 1705). — Совѣщаніе въ Гроднѣ (24 ноября). — Сраженіе подъ Всховой (13 февр. 1706).— Альтранштатскій миръ. — Полтавское сраженіе (8 іюля 1709). — Экстраординарный сеймъ 5 апр. 1712 г. — Расторженіе сейма. — Конфедерація противъ саксонскихъ войскъ. — Нѣмой сеймъ (1 фев. 1717). — Сеймъ въ Гроднѣ 3 окт. 1718 г. — Смерть Карла XII. — Сеймъ 5 окт. 1722 г. — Волненіе въ Торнѣ. — Сеймъ 2 окт. 1724 г. — Дѣло Курляндіи и сеймъ 28 сент. 1726 г. — Сеймъ 22 авг. 1729 г. — Вѣчный миръ съ Швеціей. — Смерть Фридриха-Августа 1 февр. 1733 г.

Разъединеніе и раздоръ, достигшіе крайнихъ предѣловъ въ последніе годы царствованія Яна III, заставляли опасаться, что междуцарствіе будетъ очень бурное. Еще при жизни короля мнѣнія о выборѣ преемника были совершенно различны. Одни, слѣдуя прежнему обычаю, хотѣли передать корону одному изъ королевичей, тогда какъ другіе находили, что каждый иностранный принцъ, избранный въ короли, подкрѣпитъ силы рѣчипосполитой союзами съ другими государствами. Не смотря на эту разность

мнѣній, не смотря на могущество партіи противной двору, королевичъ Яковъ могъ бы получить корону, еслибы семейство его поступило единодушно. Но нерасположеніе къ нему матери и взаимное ихъ недовѣріе испортили все. Тотчасъ послѣ смерти отца Яковъ завладѣлъ королевскимъ замкомъ въ Варшавѣ и опечаталъ казну, движимость и всю утварь. Когда мать прибыла изъ Вилянова съ смертными останками отца, онъ не хотѣлъ впустить ее въ замокъ и уступилъ только, вслѣдствіе вмѣшательства духовенства. Сообразивъ впослѣдствіи все неприличіе своего поведенія, королевичъ хотѣлъ извиниться передъ матерью. Но Марія-Казиміра не приняла его и сердилась на сына почти до конца междуцарствія. Она хотѣла съ своими друзьями предоставить престолъ второму сыну Александру или возвести на него курфирста баварскаго Максимиліяна-Эмануила, расчитывая притомъ на содѣйствіе французскаго посланника Полиньяка. Послѣдній получилъ однако отъ своего двора совершенно другое порученіе, и старался усердно проложить путь къ престолу одному изъ французскихъ принцевъ, по преимуществу герцогу Конти *), въ чемъ его поддерживала партія Сапѣгъ и примасъ Радзѣіовскій.

Недѣлю спустя послѣ смерти Яна III, примасъ прибылъ въ Варшаву и собралъ совѣтъ сената, на которомъ постановлено, что конвокаціонный сеймъ будетъ происходить 29 августа, а сеймики 27 іюля. На главномъ прусскомъ съѣздѣ произошли столкновенія между шляхтой и послами Данцига и Эльбинга, которыхъ не впустили въ засѣданіе, даже оскорбили. Это было причиной расторженія съѣзда, и только на вторичномъ съѣздѣ (17 августа) послѣдовало примиреніе, когда оскорбленные города, въ особенности Данцигъ, были удовлетворены. Съѣздъ этотъ былъ весьма бурный, но окончился благополучно: назначены подати для уплаты

---

*) Францискъ-Людовикъ Конти, воспитанникъ великаго Конде, родился въ Парижѣ въ 1664 г. Любя до страсти военное искуство и военную славу, онъ принималъ участіе во всѣхъ кампаніяхъ, пользуясь въ особенности дружбой и довѣріемъ маршала Люксембургскаго; скончался въ 1709 въ должности правителя Лангедока. *Прим. перевод.*

войску жалованья и составлена инструкція для пословъ. Въ ней, главнымъ образомъ, выражалось, что выборъ короля будетъ отложенъ до мая слѣдующаго года, что во время выбора всѣ будутъ пользоваться полной свободой голоса, что великій гетманъ не имѣетъ права являться съ войскомъ на мѣсто выборовъ, что за исключеніемъ сыновей умершаго короля, ни одинъ изъ пястовъ не будетъ кандидатомъ, что кандидатъ не можетъ присутствовать на выборахъ и т. п.

Примасъ вызвалъ ропотъ сословій въ самомъ началѣ сейма, занявъ мѣсто подъ балдахиномъ. Послы такъ рѣзко выразились на счетъ этого неприличнаго нововведенія, что балдахинъ былъ тотчасъ прибранъ. Послѣ того три дня продолжались пренія, изъ какой провинціи слѣдуетъ избрать маршала и когда всѣ указали на Малопольшу, единогласный выборъ палъ на Степана Гумницкаго. По соединеніи посольской палаты съ сенатомъ, маршалъ хотѣлъ прочитать актъ конфедераціи, какъ это дѣлалось обыкновенно во время междуцарствія, но его остановили внесеніемъ совершенно посторонняго дѣла. Одни требовали, чтобы вдовствующую королеву заставить выѣхать изъ Варшавы, другіе противились этому. Иные требовали начать слѣдствіе противъ тѣхъ, кто составилъ конфедерацію войска. Были и такіе, которые желали устраненія пяста и всего королевскаго дома отъ престола и возвращенія всего того, что слѣдовало рѣчипосполитой отъ покойнаго короля. Среди этихъ споровъ прошли двѣ недѣли, назначенныя для сейма. Когда рѣшено было сеймъ отсрочить (12 сентября), брацлавскій посолъ Кордышъ представилъ протестъ и вышелъ изъ залы. Онъ воротился на третій день, но требовалъ, чтобы королева немедленно выѣхала изъ Варшавы. Тщетны были обѣщанія примаса, что Марія-Казиміра выѣдетъ изъ столицы тотчасъ послѣ сейма и не возвратится до избранія новаго короля. Многіе послы требовали немедленнаго ея удаленія, прибѣгая иногда къ обиднымъ для нея выраженіямъ. Другіе также рѣзко защищали королеву и споръ продлился до полудня. Послѣ полудня маршалъ хотѣлъ указать на средство, могущее примирить всѣхъ и началъ свою рѣчь со словъ Тацита: „*избираю*

средній путь, равно далекій отъ безсмысленнаго упрямства, какъ и отъ низкаго повиновенія"; но примасъ Радзѣіовскій вскочилъ съ своего мѣста и, погрозивъ ему рукой, потребовалъ съ гнѣвомъ объясненія, ибо Польша не попала еще въ такую неволю, какъ римляне во времена императоровъ, чтобы къ ней можно было примѣнять подобныя слова. Оскорбленный маршалъ отвѣтилъ рѣзко примасу и кромѣ нѣсколькихъ великополянъ, вся посольская палата приняла его сторону, изъявляя готовность пролить кровь для защиты своего маршала. Кончилось тѣмъ, что послы обратились съ просьбою къ куявскому епископу руководить преніями, такъ какъ они не намѣрены дозволить это впредь примасу, и удалились въ свою палату. Продолжая совѣщаться подъ руководствомъ куявскаго епископа, послы отправили депутацію къ великому коронному маршалу Любомирскому, прося его воспретить совѣщаться въ сенатѣ. Дѣйствительно маршалъ не дозволилъ говорить примасу и когда послѣдній отвѣтилъ, что онъ не нуждается въ его разрѣшеніи, великій маршалъ протестовалъ противъ этого, доказывая, что по прекращеніи дѣятельности сейма, никто не имѣетъ права голоса. Когда же примасъ отсрочилъ собраніе до слѣдующаго дня, назначивъ порядокъ преній, великій маршалъ протестовалъ вторично и отправился съ многими сенаторами въ посольскую палату. Сословія раздѣлились совершенно. Примасъ съ частью сената и нѣсколькими послами собирался въ сенатѣ, а всѣ остальные въ посольской палатѣ. Примиреніе сдѣлалось возможнымъ, когда королева, бывшая главной причиной прекращенія сеймовыхъ совѣщаній, неожиданно выѣхала изъ Варшавы (18 сентября). Стараніемъ ливонскаго епископа Поплавскаго всѣ примирились и сословія собрались снова 20 числа. Начались пренія объ уплатѣ войску жалованья. Тогда потребовали, чтобы всѣ дали присягу, что никто не принималъ участія въ конфедераціи войска и не давалъ никому обязательства относительно будущаго избранія короля. На слѣдующій день стали дѣлать въ формѣ присяги разныя измѣненія; тогда двое изъ пословъ представили протестъ относительно присяги о выборѣ короля, утверждая, что прежде ея не было и что она введена только въ междуцар-

ствіе послѣ Яна-Казиміра. Дѣло о присягѣ отложено къ позднѣйшему времени и начались снова пренія объ уплатѣ войску жалованья и о конфедераціи сословій на время междуцарствія. Споръ, о чемъ прежде совѣщаться, продолжался такъ долго, что истекъ и вторичный срокъ, опредѣленный для сейма. Когда его хотѣли вторично отсрочить, черниговскій посолъ Городыскій протестовалъ и удалился, чѣмъ расторгнулъ сеймъ. Это былъ первый примѣръ расторженія конвокаціоннаго сейма. Всѣ говорили, что вдовствующая королева и великій литовскій гетманъ Сапѣга подкупили Городыскаго. На слѣдующій день по полудни собрались сословія, чтобы рѣшить, что дальше дѣлать. Засѣданіе было до того бурное, что многіе схватились за палаши. Посольскій маршалъ объявилъ, что по представленіи протеста, обязанности его прекращаются, но для безопасности рѣчипосполитой совѣтовалъ созвать конфедерацію. Примасъ хотѣлъ отложить это до слѣдующаго дня, тогда какъ многіе требовали съ крикомъ тотчасъ составить конфедерацію. Не смотря на то, онъ поспѣшно удалился съ частью сенаторовъ, хотя ему кричали въ слѣдъ, что за свое нерадѣніе къ общественнымъ дѣламъ, онъ будетъ отвѣчать передъ Богомъ и рѣчьюпосполитой. Хотѣли даже подать на него жалобу въ судъ, но ея тамъ не приняли. Послѣ многихъ споровъ конфедерація завязалась 2 октября. Семейство Собѣскихъ не было исключено изъ кандидатуры. Двое литовскихъ пословъ хотѣло протестовать противъ конфедераціи, но когда на нихъ не обратили вниманія, они отказались отъ своего намѣренія. При подписываніи акта конфедераціи, сѣрадзкій воевода Пѣніонжекъ доказывалъ ея незаконность, и удалился изъ собранія съ нѣсколькими другими лицами, не подписавъ акта. Не смотря на это конфедерація состоялась когда воеводства утвердили ее на сеймикахъ, хотя въ Пруссіи представлено было нѣсколько протестовъ.

Избраніе короля должно было происходить въ маѣ 1697 г. Между тѣмъ старались усердно удовлетворить конфедерацію короннаго войска. Начатые переговоры (въ октябрѣ 1696) были прерваны (3 ноября), такъ какъ войско объявило, что до избра-

нія короля оно не уничтожитъ конфедераціи и не перейдетъ подъ начальство гетмана. Коммисары представили противъ этого протестъ въ львовскій каптурный судъ*), примасъ же, сообщивъ воеводствамъ о неповиновеніи войска, воспретилъ уплачивать деньги за постой иначе, какъ по квитанціямъ гетмана. Это помогло не много, такъ какъ конфедераты брали постойныя деньги по квитанціямъ своего маршала, принуждая къ тому силой тѣхъ, кто сопротивлялся. Составили (21 января 1697) въ Львовѣ коммисію для расчета съ войскомъ. Плоцкій епископъ Залускій отправился съ нѣсколькими членами въ Самборъ, гдѣ жилъ маршалъ конфедераціи Барановскій**). Переговоры продолжались съ 4 по 14 фе-

---

*) Трибунальные, земскіе, старостскіе, гродскіе, ассесоріальные и реляціонные суды производили дѣла свои отъ имени короля, а потому по объявленіи междуцарствія дѣйствія ихъ прекращались. Вмѣсто нихъ учреждались такъ называемые каптурные суды, отъ польскаго слова каптуръ, т. е. шапка или головное покрывало; въ аллегорическомъ смыслѣ оно означало союзъ, который сословія заключали между собой во время междуцарствія. Въ объявленіяхъ, возвѣщавшихъ смерть короля, примасъ обыкновенно приглашалъ шляхту учреждать тотчасъ каптурные суды; судьи избирались на сеймикахъ по большинству голосовъ и приводились къ присягѣ въ трибунальномъ судѣ. Дѣла рѣшались также по большинству голосовъ и приговоры исполнялись немедленно и со всею строгостью. Каптурные суды вѣдали всѣми уголовными дѣлами, смертоубійствами, поджигательствами, разбоями и другими важными преступленіями.
Прим. перевод.

**) Петръ-Богуславъ Барановскій, уроженецъ мазовецкаго воеводства, пріобрѣлъ послѣ смерти Собѣскаго, во время междуцарствія, грустную славу въ дѣяніяхъ Польши. Смѣлый, надменный, краснорѣчивый, жадный и безчеловѣчный, онъ считалъ бѣдность Божьимъ наказаніемъ, выработалъ въ себѣ убѣжденіе, что лучше погибнуть безчестно, чѣмъ жить въ нуждѣ и безъ сильныхъ ощущеній. Растративъ небольшое имѣніе отца, Барановскій женился богато, но расточительность и развратъ поглотили приданое жены. Онъ приходилъ въ отчаяніе, когда вдругъ войско потребовало у рѣчипосполитой давно слѣдующаго жалованья. Барановскій сталъ во главѣ движенія, кричалъ громче другихъ и былъ избранъ маршаломъ конфедераціи. Отправивъ депутатовъ на сеймъ, онъ между тѣмъ налагалъ контрибуціи, грабилъ деревни и города, опустошалъ Русь; съ одного Львова взялъ 32,000 злот., евреевъ заставилъ заплатить еще 40,000 злот., угрожая, въ противномъ случаѣ, назначить постой въ ихъ домахъ. Послѣ того подвинулся къ Варшавѣ, опустошая окрестности столицы; наконецъ великопольская шляхта предупредила Барановскаго, что если онъ не остановится, она встрѣтитъ его въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Желая грабить, но не сражаться, Барановскій началъ переговоры и когда рѣчь-

враля. Войску предложили двѣ зимнія квартиры въ королевскихъ имѣніяхъ и три — въ духовныхъ, но съ условіемъ, что конфедерація будетъ тотчасъ распущена и что въ пользованіи квартирами приметъ участіе и та часть войска, которая не принадлежала къ конфедераціи. Касательно жалованья было обѣщано, что по сведеніи счетовъ, уплата будетъ произведена въ разные сроки. Маршалъ потребовалъ трехъ недѣль времени, чтобы спросить мнѣнія всѣхъ полковъ. По истеченіи этого срока онъ объявилъ, что конфедерація не разойдется, если войско не получитъ 1 мая всего жалованья за истекшія трети года и половины за текущую треть. Коммисары возвратились въ Львовъ, и за ними прибыли два депутата съ требованіемъ, чтобы на вышеизложенныхъ условіяхъ конфедерація продолжалась до 1 мая и чтобы ей разрѣшено было получать квартирныя деньги, такъ какъ въ противномъ случаѣ она прибѣгнетъ къ силѣ. Депутатамъ отвѣтили, что силу отразятъ силой и отправили ихъ къ примасу. По совѣщаніи съ сенатомъ, примасъ послалъ новое полномочіе львовской коммисіи и предупредилъ воеводства, что для отраженія конфедераціи, можетъ быть всѣмъ придется сѣсть на лошадь. Коммисары отправились вторично въ Самборъ и 30 апрѣля подписали договоръ. Войску обѣщано было прощеніе и уплата жалованья частью тотчасъ, частью послѣ избирательнаго сейма. Маршалъ конфедераціи сложилъ (10 мая) къ ногамъ гетмана свой бунчукъ въ церкви бернардиновъ въ Львовѣ и бумаги союза были уничтожены *).

посполитая предложила дѣйствительно выгодныя условія, онъ согласился распустить конфедерацію. Въ львовскомъ соборѣ гетманъ Яблоновскій сѣлъ подъ балдахиномъ, Барановскій всталъ передъ нимъ на колѣни, поцѣловалъ ножку его кресла, просилъ прощенія и разорвалъ актъ конфедераціи о назначеніи его маршаломъ, сохранивъ богатства, пріобрѣтенныя грабежемъ въ своемъ отечествѣ. Такъ кончилъ Барановскій свою общественную дѣятельность. (Wójcicki; Encyklopedya powszechna, T. II). *Прим. перевод.*

*) Сговорчивость Барановскаго проистекала преимущественно изъ того обстоятельства, что когда первыя предложенія коммисіи не были приняты, епископъ Залускій объявилъ конфедератовъ врагами отечества. Этотъ смѣлый шагъ сильно подѣйствовалъ — сорокъ хоругвей тотчасъ отказалось отъ конфедераціи и Барановскій могъ опасаться, что и остальныя покинутъ его.

Прим. перевод.

Литовское войско составило также конфедерацію, но немного позже и по другимъ причинамъ. Кромѣ слѣдующаго ему жалованья, оно приняло сторону притѣсненной шляхты. Григорій Огинскій, избранный маршаломъ, объяснилъ это въ циркулярѣ своемъ (17 октября) ко всѣмъ воеводствамъ. Конфедерація была собственно направлена противъ Сапѣги, и многіе подозрѣвали вдовствующую королеву въ томъ, что она дала, на этотъ предметъ, Огинскому 20,000 тал. Но литовскій великій гетманъ Казиміръ Сапѣга, располагая еще значительнымъ войскомъ, оставшемся при немъ, осадилъ конфедератовъ въ Брестѣ Литовскѣ. Недостатокъ провіанта и аммуниціи, принудилъ ихъ начать переговоры при посредничествѣ сѣрадзкаго воеводы и другихъ лицъ. Гетманъ обѣщалъ прощеніе и выдачу жалованья за двѣ трети; конфедераты согласились (26 ноября 1696). Во время этихъ столкновеній съ войсками рѣчипосполитой, татары причинили (въ октябрѣ) много убытку въ Червонной Руси и на Волыни. Въ февр. 1697 г. опасались вторичнаго ихъ нашествія, но вмѣсто того прибыло посольство отъ хана, предлагавшее выгодныя условія, для заключенія мира съ Турціей, если рѣчьпосполитая заключитъ союзъ съ ханомъ противъ Россіи. До избранія однако короля, не хотѣли рѣшать столь важнаго вопроса.

Во всѣхъ воеводствахъ происходила борьба партій, изъ которыхъ каждая хотѣла возвести на престолъ своего кандидата. Раздоръ въ королевскомъ семействѣ былъ главной причиной, что ни одинъ изъ сыновей Яна III не имѣлъ значенія въ народѣ. Сперва королева мѣшала Якову во всемъ и примирилась съ нимъ только тогда, когда было уже поздно дѣйствовать. Партія Якова уменьшалась ежедневно, за то возрастала французская партія, объявившая себя въ пользу герцога Конти. Были еще и другіе кандидаты — баденскій маркграфъ Людовикъ, герцогъ нейбургскій Карлъ, но приверженцы ихъ были малочисленны и безъ вліянія. Примасъ, Сапѣга и многіе другіе магнаты, придерживались французской партіи. Куявскій епископъ Домбскій *) и хелмскій каштелянъ Прже-

*) Станиславъ Домбскій, сперва куявскій, потомъ краковскій епископъ, обязанъ былъ своимъ блестящимъ положеніемъ до котораго дошелъ, не столько

бендовскій собирали особую партію, не называя имени кандидата, котораго намѣрены были поддерживать. Королева хотѣла оставаться въ Варшавѣ во время выборовъ, но принуждена была ѣхать въ Данцигъ, такъ какъ примасъ объявилъ рѣшительно, что онъ не пріѣдетъ пока она будетъ находиться въ столицѣ.

При такомъ расположеніи умовъ начался избирательный сеймъ (15 мая). Прошелъ мѣсяцъ, пока согласились на выборъ маршала. Совѣщанія поэтому производились безъ всякаго порядка, иногда даже доходило до кровопролитія, такъ какъ шляхта, противъ обыкновенія, въѣзжала въ кругъ верхомъ и съ оружіемъ. Разсужденія о конфедераціи короннаго войска, вызывали самыя бурныя сцены. Обвиняли въ особенности королеву, что она вызвала конфедерацію и когда пало подозрѣніе на ленчицкаго воеводу Рафаила Лещинскаго *), что онъ получилъ отъ нея на этотъ предметъ 100,000 т.,

заслугамъ, сколько непомѣрному честолюбію и низкому искательству. Подобные люди не возбуждаютъ къ себѣ сочувствія, а къ несчастію ихъ встрѣчается много среди народа, находящагося уже на краю гибели. Домбскій былъ человѣкъ безпокойнаго и буйнаго характера, вспыльчивый, наглый. Для него всѣ средства были хороши, даже клевета; съ другой стороны — онъ унижался передъ тѣмъ, кто ему обѣщалъ что нибудь и могъ дать мѣсто. На словахъ пылкій, въ дѣлахъ осторожный, онъ дѣйствовалъ скрытно, и проявлялъ себя, когда былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Во время междуцарствія Домбскій поддерживалъ сначала кандидатуру королевича Якова, который обѣщалъ ему краковское епископство; онъ отправился однажды съ нимъ на Бѣляны, чтобы мирить его съ матерью и встрѣтивъ на дорогѣ Марію-Казиміру, вышелъ изъ кареты чтобы съ ней поговорить. На королевѣ была маска, и она нарочно, или по разсѣянности, не сняла ея съ лица отвѣчая на его вопросы. Домбскій замѣтилъ это королевѣ самымъ неприличнымъ образомъ и «гнѣвъ этотъ изъ-за маски, далъ потомъ Августу корону». Онъ ненавидѣлъ Конти, потому что тамъ отказались купить его услуги Когда часть шляхты провозгласила Августа II королемъ, Домбскій отправился въ соборъ св. Яна пѣть *Te Deum*, хотя за часъ передъ тѣмъ примасъ отслужилъ уже благодарственный молебенъ, по случаю избранія герцога Конти. Приверженцы послѣдняго протестовали; сторонники курфирста схватились за оружіе. а Домбскій стоя у алтаря, въ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, кричалъ: «бей, рѣжь!» — (Łętowski) — *Katalog;* Zaemiczki — *Epistolae;* L. Rogalski — *Dzieje Jana Sobieskiego;* Bartoszłus. *Прим. перевод.*

*) Коронный великій подскарбій, великопольскій генералъ Рафаилъ Лещинскій, отецъ короля Станислава, былъ сперва придворнымъ маршаломъ королевы Маріи-Казиміры; впослѣдствіи посланникомъ въ Константинополѣ и содержалъ все посольство, съ большою роскошью, на собственный счетъ; онъ

шляхта едва не изрубила его въ куски. Литовцы, которые страдали подъ гнетомъ магнатовъ, въ особенности Сапѣги, требовали уравненія своихъ уставовъ съ коронными, или такъ называемой коеквацiи. Послѣ самыхъ бурныхъ четырехнедѣльныхъ преній, избрали наконецъ маршаломъ короннаго подкоморія Казиміра Бѣлинскаго, приверженца французской партіи. Литовцы добились требуемой коеквацiи, и подозрѣніе, тяготѣвшее надъ королевой, что она вызвала конфедерацію войска, такъ уронило въ общественномъ мнѣніи все семейство Яна III, что ни одинъ изъ его сыновей, не могъ расчитывать на избраніе въ короли.

Французская партія, усиливаясь ежедневно, окончательно взяла верхъ, тогда какъ противники ея не знали кому предоставить свои голоса. Вдругъ явился новый кандидатъ — саксонскій курфирстъ Фридрихъ-Августъ, который, желая устранить главное препятствіе къ польскому престолу, принялъ католическое вѣроисповѣданіе. При открытіи избирательнаго сейма, прибылъ въ Польшу любимецъ его полковникъ Флемингъ и при содѣйствіи хелминскаго каштеляна Пржебендовскаго, родственника своего, составилъ себѣ немедленно партію изъ противниковъ французскаго кандидата. Обѣщанія, сдѣланныя имъ отъ имени своего государя, дѣйствительно заслуживали вниманія. Фридрихъ-Августъ обязывался внести въ казначейство рѣчипосполитой 10,000,000 злот., отнять у турокъ Каменецъ на собственный счетъ, содержать во время каждой войны 6,000 войска, основать для шляхетской молодежи военную академію, возвратить отнятыя у рѣчипосполитой провинціи и т. п. Кромѣ этихъ обѣщаній, Флемингъ не жалѣлъ денегъ, лишь бы увеличить число сторонниковъ своего государя.

Въ послѣдній день сейма (26 іюня) примасъ составилъ списокъ кандидатамъ, пропѣлъ пѣснь о св. Духѣ и сѣвъ на лошадь, выѣ-

---

сымъ человѣкомъ ученымъ, остроумнымъ; скончался въ 1703 г. Онъ издалъ: *Хотимская викторія или побѣда одержанная въ 1673 г. на поляхъ Хотима*, стихами, *Sermo post ratificationem pacis Carloviciensis*, и оставилъ въ рукописи *Дневникъ посольства въ Турцію въ 1699 г.*, находящійся въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. *Прим. перевод.*

халъ въ поле. Онъ направился сперва къ краковскому воеводству. Здѣсь произносили имена герцога Конти, Фридриха-Августа, Якова Собѣскаго. У послѣдняго впрочемъ было мало голосовъ. Познанское и калишское воеводства требовали сперва удостовѣренія, католикъ ли курфирстъ саксонскій и когда папскій нунцій успокоилъ ихъ въ этомъ отношеніи, они подали голоса въ его пользу. Объѣхавъ поочередно всѣ воеводства, примасъ воротился, чтобы собирать голоса. Между тѣмъ въ полѣ партія Конти стала отдѣльно отъ партіи саксонской и Якова Собѣскаго. Примасъ направился къ первой, здѣсь встрѣтили его восклицаніями: да здравствуетъ Конти, тогда какъ напротивъ кричали: да здравствуетъ Августъ, да здравствуетъ Яковъ. Многіе настаивали, чтобы примасъ провозгласилъ тотчасъ Конти королемъ, на сторонѣ котораго было большинство: но примасъ не хотѣлъ этого сдѣлать, главное потому, что противники не соглашались. Между тѣмъ наступила ночь. Воеводства провели ее въ полѣ верхомъ, а примасъ въ палаткѣ короннаго подскарбія. Ночью саксонская партія старалась увеличить число своихъ приверженцевъ и сманила не только партію Якова, но и многихъ изъ партіи Конти. На слѣдующій день были только двѣ партіи: французская и саксонская. На сторонѣ французской партіи былъ примасъ Радзѣіовскій, на сторонѣ саксонской — куявскій епископъ Домбскій, провозглашающій обыкновенно короля въ случаѣ отсутствія примаса. Обѣ партіи высылали другъ къ другу депутатовъ. Составленъ даже изъ депутатовъ всѣхъ воеводствъ совѣтъ, который кончился тѣмъ, что каждый говорилъ съ жаромъ о своемъ кандидатѣ. Партія Конти требовала настойчиво, чтобы примасъ провозгласилъ тотчасъ ихъ избранника королемъ. Саксонская партія угрожала сдѣлать тоже самое, если противники не соединятся съ ней до 4-хъ часовъ по полудни. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Примасъ, уступая передъ напоромъ своей партіи, провозгласилъ Конти королемъ въ 6 часовъ по полудни и отправился въ Варшаву пѣть *Te Deum laudamus* въ соборѣ св. Яна. Такъ какъ главныя двери были заперты, то въ церковь вошли черезъ закристію. Изъ магнатовъ при немъ находилось всего четыре

человѣка, но за то на его сторонѣ была бо̀льшая часть шляхты. Саксонская партія отправила тотчасъ къ примасу депутацію изъ 600 человѣкъ съ протестомъ, тогда какъ куявскій епископъ Домбскій провозглашалъ также съ своей стороны короля Фридриха-Августа, и отправился также въ соборъ св. Яна, гдѣ все духовенство встрѣтило его на паперти.

Такимъ образомъ выборы кончились (27 іюня) избраніемъ двухъ королей. На слѣдующій день саксонская партія отправилась на избирательное поле. За отсутствіемъ куявскаго епископа преніями руководилъ краковскій каштелянъ и великій коронный гетманъ Станиславъ Яблоновскій. Отправлены три депутата за Флемингомъ, чтобы услышать изъ устъ его удостовѣреніе о вѣроисповѣданіи курфирста и повтореніе обѣщаній, сдѣланныхъ до выбора, и назначена коммиссія, которая должна была составить pacta conventa. Флемингъ явился, предъявилъ полномочіе своего государя и повторилъ всѣ сдѣланныя обѣщанія. Послѣ двухнедѣльныхъ совѣщаній составлены pacta conventa и Флемингъ принесъ на нихъ присягу (13 іюля) въ церкви св. Яна. Французская партія, желая этому воспрепятствовать, отправила кого-то съ протестомъ, но саксонцы упросили его воздержаться. Къ курфирсту снаряжено посольство съ увѣдомленіемъ объ избраніи его въ короли и съ просьбой чтобы онъ, до вступленія въ палату, высказалъ познанскому епископу свою confession de foi. Коронацію назначено совершить 15 сентября, а коронаціонный сеймъ 17 числа.

Партія Конти тоже не бездѣйствовала. Вслѣдствіе ея стараній оба лагеря назначили по 6 уполномоченныхъ, которые собрались (1 іюля) подъ руководствомъ великаго литовскаго гетмана Сапѣги и короннаго польнаго писаря Чарнецкаго. Французская партія выставляла на видъ вѣроисповѣданіе курфирста, но когда ее убѣдили что она ошибается, тогда она предложила отступиться отъ обоихъ избранниковъ и на первомъ сеймѣ въ Ендржеевѣ избрать третьяго. Саксонская партія однако не хотѣла отступиться отъ курфирста, упрекая противниковъ, что они еще при жизни Яна III прибѣгали къ разнымъ коварнымъ и незаконнымъ мѣрамъ, лишь

бы завладѣть короной для одного изъ французскихъ принцевъ. Между тѣмъ начали поступать постепенно деньги для уплаты войску жалованья, нѣкоторые приверженцы Франціи переходили въ саксонскій лагерь: тогда партія Конти стала разсѣвать самые ложные слухи о курфирстѣ, присовокупляя что Конти идетъ къ Кракову съ 60,000 татаръ, что 40 французскихъ военныхъ кораблей вышло изъ своихъ портовъ и что 15,000 французовъ высадилось въ Пруссіи. Шатонѣвъ, присланный во время избирательнаго сейма въ помощь Полиньяку, отправился въ Данцигъ, чтобы склонить вдовствующую королеву на свою сторону. Распустили тогчасъ слухъ, что онъ поѣхалъ уже встрѣчать Конти. Когда и это не помогало, примасъ обратился къ императору и курфирсту бранденбургскому, прося ихъ не оказывать помощи саксонскому курфирсту, какъ незаконно избранному, и написалъ письмо къ самому Фридриху-Августу, доказывая, что онъ не долженъ принимать короны предлагаемой меньшинствомъ избирателей, но признать королемъ Конти, избраннаго большинствомъ народа. Письмо было возвращено нераспечатаннымъ. Приверженцы Конти окончили свои совѣщанія назначеніемъ новаго съѣзда (26 августа) подъ Варшавой, для подтвержденія произведеннаго выбора.

Фридрихъ Августъ, получивъ увѣдомленіе объ избраніи его въ короли, явился (23 іюля) съ 9 тысячнымъ отборнымъ отрядомъ въ Тарновицѣ въ Силезіи. Послѣ аудіенціи, данной польскому посольству, онъ двинулся къ Пекарамъ, взявъ съ собой половину отряда, тогда какъ вторая половина должна была ожидать на границѣ дальнѣйшихъ его приказаній. Въ Пекарахъ, слѣдовательно уже на польской землѣ, онъ исповѣдалъ свою вѣру передъ жмудскимъ епископомъ и учинилъ въ соборѣ присягу на pacta conventa. Получивъ отъ посольства избирательный дипломъ, онъ переѣхалъ въ Лобзовъ, а оттуда въ краковскій замокъ (8 августа*). Такимъ образомъ Августъ обезпечилъ за собой корону.

---

*) Краковскій замокъ былъ занятъ партизанами герцога Конти; староста Францискъ Вельепольскій, прельщенный подарками, открылъ Августу II ворота замка. (Bartoszewicz). *Прим. перев.*

Противная партія, выжидая пріѣзда Конти, падала духомъ. Примасъ упрекалъ Полиньяка въ медлительности французскаго двора, но ловкій посланникъ умѣлъ поддерживать ослабѣвавшія надежды, обѣщалъ скорый пріѣздъ Конти, совѣтовалъ употреблять всевозможныя средства, лишь бы препятствовать коронаціи Фридриха-Августа. Съ этою цѣлью начаты были переговоры при посредничествѣ курфирста бранденбургскаго. Фридрихъ-Августъ отправилъ Пржебендовскаго и Флеминга въ Варшаву въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ. Они воротились съ отвѣтомъ, что примасъ и его партія до собранія предположеннаго съѣзда, не предпримутъ ничего во вредъ Августу. Варшавскій съѣздъ (26 августа) былъ малочисленный, но совѣщанія были оживленныя. Многіе полагали самымъ благоразумнымъ признать Фридриха-Августа королемъ, чтобы избѣжать междоусобной войны. Имъ отвѣчали угрозами, даже хватались за оружье. Другіе находили что на избраніе курфирста нельзя согласиться собственно потому, что самъ выборъ произведенъ незаконно, приведеніе же иностранныхъ войскъ можетъ угрожать свободѣ. Потомъ сдѣлано предложеніе объявить рокошъ для защиты вольностей. Маршаломъ избранъ Гумницкій, маршалъ конвокаціоннаго сейма, а главное начальство надъ вооруженной силой принялъ литовскій великій гетманъ Сапѣга. Въ помощь маршалу даны по два совѣтника изъ каждаго воеводства. Въ актѣ рокоша всѣ обязались защищать вѣру и вольности до послѣдней капли крови, тѣхъ же которые бы къ нему не присоединились или содѣйствовали бы коронаціи Фридриха-Августа, приказано считать врагами отечества. Коеквація коронныхъ и литовскихъ уставовъ уничтожена. Но и рокошъ не много помогъ. Конти медлилъ пріѣздомъ, партія его таяла постепенно. Въ нѣкоторыхъ воеводствахъ, въ особенности въ поморскомъ, составилась конфедерація противъ рокоша и противъ всѣхъ постановленій варшавскаго съѣзда.

Между тѣмъ переговоры съ саксонской партіей продолжались. Примасъ соглашался признать Фридриха-Августа королемъ, ежели коронація будетъ отложена до собранія новаго съѣзда въ Вар-

шавѣ, куда прiѣдутъ и новые послы. Онъ обѣщалъ что на этомъ съѣздѣ Фридрихъ-Августъ получитъ корону единогласно. Съ этимъ предложенiемъ Пржебендовскiй прибылъ въ Краковъ передъ самой коронацiей и хотя онъ былъ первый приверженецъ Фридриха-Августа, но совѣтовалъ принять предложенiе примаса. Другiе сенаторы были противнаго мнѣнiя, обвиняя французскую партiю, что она требуетъ отсрочки потому только, чтобы собраться съ силами и тѣмъ легче достигнуть своей цѣли. И дѣйствительно, когда пришло извѣстiе, что Конти выѣхалъ (1 сентября) изъ Парижа, взявъ съ собой 7,000,000 злот., приверженцы его рѣшились прибѣгнуть даже къ насильственнымъ мѣрамъ, если бы коронацiя, не смотря на ихъ сопротивленiе, совершилась. Съ этою цѣлью они назначили (26 сентября) съѣздъ въ Варшавѣ. Коронацiя Фридриха-Августа происходила однако 15 сентября и 17 числа былъ открытъ коронацiонный сеймъ. Съ начала было много шума, когда нѣкоторые потребовали представленiя въ подлинникѣ пактовъ конвентовъ, которые остались въ варшавскомъ замкѣ. Буря утихла только тогда, когда хелминскiй каштелянъ Пржебендовскiй поклялся, что они дѣйствительно находятся въ Варшавѣ. Сеймъ разрѣшилъ королю, въ случаѣ надобности, созвать посполитое рушенiе и утвердилъ коеквацiю литовскихъ уставовъ съ коронными. Остальныя дѣла отложены до будущаго сейма, для того только, чтобы, въ случаѣ признанiя рокошанами Фридриха-Августа королемъ, можно было вмѣстѣ съ ними совѣщаться о благѣ рѣчипосполитой.

Когда пришло извѣстiе о коронацiи Фридриха-Августа, примасъ совмѣстно съ маршаломъ рокоша созвалъ съѣздъ въ Варшаву, приказавъ шляхтѣ явиться вооруженною. Великополяне должны были собраться подъ Ленчицей, малополяне подъ Завихостомъ, а литовцы подъ Слонимомъ. Примасъ и маршалъ отправились въ Ловичъ, ожидая съ нетерпѣнiемъ прибытiя герцога Конти, который съ 16 фрегатами вышелъ (7 сентября) изъ Дюнкирхена и 26 числа сталъ въ виду Данцига. Обрадованные приверженцы его подняли голову и нѣкоторые поспѣшили съ французскимъ посланникомъ привѣтствовать его и переговорить на счетъ дальнѣйшихъ

дѣйствій. Примасъ назначилъ новый съѣздъ (къ 17 октября), а руководители рокоша расчитывали больше всего на посполитое рушеніе. Но когда шляхта собралась въ весьма маломъ числѣ, да и та скоро разъѣхалась, надежды французской партіи снова рушились. Варшавскій съѣздъ былъ также малочисленный. Изъ сенаторовъ, кромѣ примаса, явились два епископа, три каштеляна и нѣсколько сотъ шляхты изъ великопольскихъ воеводствъ. Эта горсть утвердила избраніе Конти и отправила отъ каждой провинціи по шести пословъ съ предложеніемъ ему короны, хотя отъ Малопольши и Литвы не было пословъ. Кромѣ того назначено посольство къ французскому королю, чтобы благодарить его за прибытіе герцога и просить оказать ему содѣйствіе. Наконецъ избрана коммисія, которая должна была въ теченіе четырехъ недѣль составить pacta conventa и уполномочены нѣкоторыя лица получить отъ Конти привезенныя имъ деньги. Герцогъ между тѣмъ пребывалъ на своихъ корабляхъ вблизи Данцига. Плоцкій епископъ Залускій и другіе, поспѣшившіе въ Данцигъ при полученіи перваго извѣстія о его прибытіи, съ начала совѣщались съ нимъ очень часто. Вскорѣ однако начались взаимныя жалобы. Герцогъ говорилъ что его обманули, такъ какъ онъ не нашелъ готовыхъ войскъ, которыя помогли бы ему удержаться на престолѣ. Поляки жаловались, что онъ не уплачиваетъ обѣщанныхъ суммъ и что не обнаруживаетъ довѣрія къ народу, не проводя даже ночи на сушѣ, а постоянно возвращаясь къ себѣ на корабль. Тщетно посольство, отправленное отъ варшавскаго съѣзда, уговаривало его переѣхать въ Мальборгъ, Ловичъ или Каменецъ. Конти, который съ сожалѣніемъ оставилъ Францію, рѣшилъ возвратиться въ отечество, какъ только замѣтилъ, что для достиженія польскаго престола, придется бороться съ Фридрихомъ-Августомъ и подвергать себя большой опасности *).

---

*) Очень можетъ быть, что герцогъ Конти оставилъ Францію съ сожалѣніемъ, что онъ не желалъ принимать престола, для полученія котораго ему приходилось бороться съ половиною націи. Но намъ кажется что г. Шмиттъ совершенно неосновательно приписываетъ возвращеніе Конти въ отечество

Какъ только Фридрихъ-Августъ получилъ извѣстіе о высадкѣ Конти на прусскихъ берегахъ, то отправилъ тотчасъ противъ него польскія и саксонскія войска, подъ предводительствомъ иновроцлавскаго воеводы Галецкаго. Онъ прибылъ (въ концѣ октября) въ Торнъ, а генералъ Брандъ, командовавшій авангардомъ, двинулся впередъ, напалъ (9 ноября) неожиданно на Оливу и прогналъ изъ нея поляковъ и французовъ Конти, причемъ едва не захватилъ обоихъ французскихъ посланниковъ. Конти принялъ своихъ сторонниковъ на корабли, захватилъ четыре суда изъ данцигскаго порта и поплылъ обратно во Францію. Послѣ его отъѣзда, Пруссія признала Фридриха-Августа, какъ равно и литовскій подскарбій, королевичи Собѣскіе и другіе. 12 января 1698 г. совершенъ былъ торжественный въѣздъ въ Варшаву, гдѣ признали его королемъ литовскій великій гетманъ, люблинскій воевода и маршалъ избирательнаго сейма Бѣлинскій. Явилась также депутація отъ литовскаго войска съ изъявленіемъ покорности. Хотя такимъ образомъ число рокошанъ убавлялось ежедневно, но рокошъ всетаки продолжался и до прекращенія его нельзя было помышлять о внутреннемъ успокоеніи. Дѣло это было весьма трудное, потому что не только французскій король поддерживалъ польскіе раздоры, но и вдовствующая королева сносилась тайно съ рокошанами и хотѣла составить новую конфедерацію войска. Приходилось непремѣнно примириться съ примасомъ, чтобы окончательно уничтожить рокошъ. Начались съ нимъ переговоры. Ловко сдѣланные во время дорогіе подарки облегчали путь къ примиренію. Примасъ изъявилъ письменно готовность покориться, но желалъ собрать прежде (18 февраля) рокошовый съѣздъ въ Ловичѣ, куда должны были явиться

мысли объ ожидавшихъ его опасностяхъ. Конти имѣлъ уже возможность доказать свою храбрость и рыцарскій характеръ: принималъ участіе въ венгерской войнѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ и отличился во многихъ дѣлахъ, совершилъ всѣ побѣдоносныя кампаніи маршала Люксенбургскаго и покрылся славой въ памятныхъ битвахъ подъ Штейнкирке и Нервинденъ; въ 1709 г. Людовикъ XIV хотѣлъ поручить ему главное начальство во время фландрской кампаніи, но преждевременная смерть пресѣкла жизнь молодого героя.

Прим. перевод.

и уполномоченные короля. Фридрихъ-Августъ согласился, но не достигъ цѣли вполнѣ, хотя примасъ и сенаторы уже ему благопріятствовали. Калишское и познанское воеводства хотѣли отложить окончательное рѣшеніе дѣла до слѣдующаго съѣзда, тогда какъ три воеводства — ленчицкое, сѣрадзкое и равское, отдѣлились отъ нихъ, собрались въ Блонѣ и послѣ кратковременныхъ переговоровъ, покорились (4 марта) королю. Рокошъ ограниченный только двумя воеводствами, не могъ долго существовать.

По возвращеніи изъ Пруссіи, гдѣ его принимали съ большою торжественностью, въ особенности въ Данцигѣ, король созвалъ (16 апрѣля) сеймъ въ Варшавѣ. Расторженіе многихъ сеймиковъ не предвѣщало ничего хорошаго. Глубокіе раздоры между литовской шляхтой и Сапѣгами угрожали расторженіемъ сейма. Эта же шляхта обратилась къ королю съ просьбою о защитѣ ихъ отъ произвола Сапѣгъ и о созваніи коннаго сейма. Когда поэтому маршалъ прежняго жезла Завиша хотѣлъ открыть засѣданіе, витебскій посолъ Чаплицъ потребовалъ созванія вторичнаго коннаго сейма, угрожая въ противномъ случаѣ расторгнуть настоящій. Онъ ссылался на данную ему избирателями инструкцію, которую поклялся исполнить. Его поддержалъ ошмянскій посолъ, послѣ чего оба, съ четырьмя еще литовскими послами, представили протестацію. Тщетны были усилія короля и сената возвратить протестующихъ: сеймъ былъ расторгнуть (28 апрѣля).

Дѣло съ рокошомъ пошло благополучнѣе. Фридрихъ-Августъ не только получилъ отъ апостольской столицы признаніе законности его выбора, но добился даже того, что герцогъ Конти отказался отъ королевскаго титула. Папа прислалъ въ Польшу экстраординарнаго нунція Паулюччи, чтобы склонить примаса къ примиренію. Когда новый рокошовый союзъ собрался (5 мая) въ Ловичѣ, примасъ сообщилъ присутствующимъ, что французскій король не хочетъ принимать болѣе участія во внутреннихъ дѣлахъ рѣчипосполитой и что Конти отказался добровольно отъ короны. Тоже самое подтвердилъ маршалъ рокоша и оба доказывали собранію, что дальнѣйшее сопротивленіе королю, вредно и опасно для рѣчи-

посполитой. При посредничествѣ нунція послѣдовали соглашеніе и примасъ отправился (23 мая) съ маршаломъ въ Варшаву, гдѣ король принялъ ихъ съ распростертыми объятьями.

Примиреніе Сапѣгъ со шляхтою было гораздо труднѣе, такъ какъ обѣ партіи схватились за оружіе. Предводителемъ шляхты былъ жмудскій староста Огинскій. Потерпѣвъ (22 іюля) совершенное пораженіе подъ Юрборгомъ, онъ принужденъ былъ, избѣгая мести Сапѣгъ, скрыться въ Пруссіи. Король трудился вмѣстѣ съ сенаторами надъ умиротвореніемъ Литвы. Послѣ шестинедѣльныхъ совѣщаній состоялся (22 іюля) въ Варшавѣ договоръ, въ которомъ король былъ поручителемъ. Такъ какъ договоръ состоялся въ пользу Сапѣгъ, то литовская шляхта не считала его для себя обязательнымъ, потому что депутаты ея не имѣли полномочія соглашаться на всѣ условія. Послѣднее пораженіе однако имѣло своимъ послѣдствіемъ временное успокоеніе Литвы.

Съ этого времени Фридрихъ-Августъ управлялъ уже какъ всѣми признанный король. Онъ родился 12 мая 1670 г., былъ вторымъ сыномъ саксонскаго курфирста Іоанна-Георгія III и датской принцессы Анны-Софіи. Храбрый, сильный, расточительный и доступный, онъ любилъ изящное и военное искуства, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, любилъ и уважалъ ученыхъ людей, много путешествовалъ, долго оставался при дворѣ Людовика XIV, котораго деспотическое правленіе ему очень понравилось и потому охотно подражалъ ему. Видъ всего того, что совершалось на французскомъ дворѣ, родилъ въ немъ любовь къ роскоши и волокитству, которая впослѣдствіи отразилась на лицахъ составлявшихъ его дворъ. Получивъ послѣ смерти брата (1694) саксонское курфиршество, Августъ командовалъ войсками Леопольда I въ Венгріи противъ турокъ. Когда скончался Янъ III, хелминскій каштелянъ Пржебендовскій, подалъ ему черезъ родственника своего Флеминга мысль, стараться о полученіи польской короны. Фридрихъ-Августъ не колебался ни минуты и чтобы устранить главное препятствіе, перемѣнилъ вѣроисповѣданіе. Онъ ласкалъ себя надеждой, что, получивъ польской престолъ, не только сдѣлаетъ

его наслѣдственнымъ, но даже введетъ въ рѣчипосполитой неограниченное правленіе. Поэтому, хотя онъ поклялся исполнить pacta conventa и по примѣру своихъ предшественниковъ подтвердилъ на коронаціонномъ сеймѣ всѣ права и привиллегіи народа, но, какъ мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго разсказа, имѣлъ сильное желаніе утвердить въ Польшѣ самодержавіе. Онъ вошелъ тотчасъ въ близкія связи съ курфирстомъ бранденбургскимъ и вѣнскимъ дворомъ, и впослѣдствіи подружился съ русскимъ царемъ Петромъ. Подъ предлогомъ исполненія одного изъ обязательствъ, возложенныхъ на него рѣчьюпосполитой, то есть освобожденія Каменца изъ рукъ турокъ, Фридрихъ-Августъ привелъ въ Польшу 20,000 саксонскаго войска, чтобы имѣть его подъ рукой для содѣйствія своимъ тайнымъ намѣреніямъ*).

Со смертью Яна III война съ Турціей пріостановилась. Начались переговоры о мирѣ между султаномъ, Леопольдомъ I и его союзниками, при посредничествѣ Англіи и Голландіи. Фридрихъ-Августъ отправилъ въ Вѣну кіевскаго номината Гомолинскаго, для составленія предварительныхъ условій и познанскій воевода дол-

---

*) Выборъ, который Польша сдѣлала послѣ смерти Яна III, былъ самый несчастный. Страна эта нуждалась въ сильномъ монархѣ, который остановилъ бы ее на краю гибели, тогда какъ Августъ, легкомысленный и романическій, сѣялъ щедрою рукою вокругъ себя развратъ. Онъ не обращалъ вниманія на опасности, и потому въ строгомъ смыслѣ, всю жизнь свою былъ просто удальцомъ. Онъ любилъ представительность, роскошь и великолѣпіе, бросалъ деньги безъ счета и дѣйствительно дворъ его былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ тогдашней Европѣ. Доброе и впечатлительное сердце короля никогда не бездѣйствовало. До того времени въ польскихъ домахъ женская добродѣтель сохранялась безпорочною: но глазъ короля проникалъ всюду и въ его царствованіе даже замужнія женщины стали хвастаться связями съ королемъ, какъ бы гордясь своимъ безпутствомъ. Августъ остался влюбчивымъ волокитой до поздней старости. Доказательствомъ этому могутъ служить и нынѣ еще дрезденскія галлереи, гдѣ мы найдемъ много портретовъ прежнихъ красавицъ польскихъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что король любилъ пить и угощалъ шляхту такъ, что саксонскія времена слывутъ въ исторіи пьянствомъ. Хорошія качества Августа не уравновѣшивали этихъ громадныхъ въ монархѣ недостатковъ: онъ былъ храбръ и до того силенъ, что ломалъ въ рукахъ желѣзныя подковы; не помнилъ обидъ, прощалъ многое и часто руководился сердцемъ, но весьма рѣдко умомъ.

Прим. перевод.

женъ былъ ѣхать уже собственно для переговоровъ, когда назначенъ будетъ городъ, гдѣ должны собраться уполномоченные. Между тѣмъ король рѣшился двинуться противъ Каменца. Получивъ благословеніе нунція Давіи, онъ выѣхалъ (22 іюля) изъ Варшавы въ лагерь подъ Львовомъ, гдѣ собирались польскія и саксонскія войска. По дорогѣ король встрѣтился въ Равѣ съ царемъ Петромъ I, который возвращался изъ Вѣны черезъ Польшу. Нѣсколько дней продолжались взаимныя чествованія и въ тоже время между обоими государями происходили совѣщанія, не приведшія однако къ положительному результату *). Прибывъ въ Львовъ (16 августа), король отправился (въ сентябрѣ) къ соединеннымъ войскамъ, изъ которыхъ каждое занимало отдѣльный лагерь. Саксонцы, въ теченіи годоваго пребыванія своего въ Польшѣ, заслужили всеобщую ненависть. Во избѣжаніе ежедневныхъ кровавыхъ стычекъ съ коронными и литовскими войсками, ихъ пришлось держать въ отдѣльномъ лагерѣ. Коронный польный гетманъ, съ частью коронныхъ хоругвей, составлявшей до 8,000 человѣкъ, стоялъ около Подгаецъ. На его напали татары въ числѣ 50,000, но, послѣ четырехчасоваго сраженія, онъ отбилъ ихъ съ такимъ урономъ, что татары поспѣшно отступили къ Каменцу. Получивъ извѣстіе объ этой битвѣ, король хотѣлъ двинуть все войско, стоявшее подъ Бржежанами, въ помощь польному гетману, когда пришло донесеніе о побѣдѣ. Недостатокъ денегъ и провіанта, притомъ же ежедневно увеличивавшаяся ненависть польскихъ солдатъ къ саксонскимъ, склонили короля закрыть кампанію. Прежде чѣмъ распустить хоругви, онъ сдѣлалъ смотръ литовскимъ войскамъ и послѣ того весело пировалъ въ ставкѣ великаго литовскаго гетмана. Вдругъ дано знать о волненіяхъ въ лагерѣ короннаго войска.

*) Устряловъ (т. III, стр. 185), говоритъ, что Петръ I и Фридрихъ-Августъ были очень рады увидѣвъ другъ друга и провели вмѣстѣ трое сутокъ, днемъ занимаясь войскомъ и проводя вечера въ веселой, дружеской бесѣдѣ. Въ Равѣ Петръ I открылся королю въ намѣреніи объявить Швеціи войну и просилъ его содѣйствія. Оба государя разстались искренними друзьями, даже обмѣнялись своими кафтанами и шпагами. Король проводилъ Петра I до г. Томашева.

Прим. перевод.

Ненависть къ саксонцамъ были причиной волненій. Короля подозрѣвали, что онъ привелъ въ Польшу столько саксонскихъ полковъ только потому, чтобы съ ихъ помощью упрочить въ рѣчипосполитой самодержавіе и уничтожить ея вольности. Пржебендовскій, вновь назначенный мальборгскимъ воеводою, былъ главнымъ наушникомъ и потому его вообще ненавидѣли и считали подкупленнымъ королемъ. Красноставскій староста Потоцкій, сынъ короннаго польнаго гетмана, подгулявъ съ товарищами, бросился въ палатку воеводы, чтобы его изрубить. Пржебендовскій успѣлъ скрыться, но во всемъ лагерѣ поднялся страшный шумъ. Говорили громко о необходимости составить противъ саксонцевъ конфедерацію. Узнавъ обо всемъ, король переѣхалъ тотчасъ въ саксонскій лагерь и считая себя обиженнымъ въ особѣ своего любимца, поставилъ войска въ боевой порядокъ и хотѣлъ ударить на коронный лагерь. Сенаторы едва могли разувѣрить короля, что войско не принимало никакого участія въ поступкѣ Потоцкаго, который будетъ преданъ за то военному суду. Когда прошелъ гнѣвъ Фридриха-Августа, онъ распустилъ войска на зимнія квартиры; кромѣ того десять саксонскихъ полковъ отправилъ въ Литву, два — въ Пруссію, а остальные оставилъ въ Польшѣ.

Король хотѣлъ изъ Львова отправиться прямо въ Литву, чтобы своимъ присутствіемъ умиротворить страну; но вмѣсто того поспѣшилъ въ Варшаву, получивъ извѣщеніе, что курфирстъ бранденбургскій послалъ войска для занятія Эльбинга. Сенатъ созванный на засѣданіе (12 ноября), полагалъ что не слѣдуетъ браться тотчасъ за оружіе, но прибѣгнуть прежде къ кроткимъ мѣрамъ. Съ этою цѣлью иновроцлавскій воевода Галецкій былъ отправленъ къ курфирсту и къ государямъ, подписавшимъ оливскій миръ. На всякій же случай, еслибы этимъ путемъ нельзя было достигнуть удовлетворенія, разослано воззваніе къ посполитому рушенію. Такъ какъ дѣло объ Эльбингѣ вступило на путь переговоровъ, то король отправился (18 ноября) въ Брестъ Литовскъ, для прекращенія споровъ литовской шляхты съ Сапѣгами. Еще до его пріѣзда начались между обоими партіями, стоявшими подъ ружьемъ

подъ Брестомъ, переговоры, при посредничествѣ виленскаго епископа Бржостовскаго. Предводителемъ шляхты былъ витебскій каштелянъ Коцелъ, Сапѣги же собрали литовское войско подъ командой литовскаго великаго гетмана. Шляхта предлагала весьма тяжелыя условія, но противники должны были ихъ принять, такъ какъ Флемингъ объявилъ, что въ противномъ случаѣ присоединитъ къ шляхтѣ 15,000 саксонцевъ. Встревоженные Сапѣги начали (17 декабря) переговоры. Они согласились на коеквацію уставовъ и распущеніе $^2/_3$ литовскаго войска, число котораго долженъ былъ опредѣлить будущій сеймъ. Шляхта была убѣждена, что такими мѣрами она уничтожитъ на всегда перевѣсъ Сапѣгъ. Но такъ какъ условія были навязаны Сапѣгамъ силою, противъ чего начали уже громко кричать друзья ихъ въ коронѣ, то нельзя было ожидать продолжительнаго мира.

Во время этихъ раздоровъ въ Польшѣ, въ Карловицахъ происходили переговоры между Турціей и ея противниками. Со стороны Польши былъ уполномоченнымъ познанскій воевода. Послѣ долгихъ споровъ, послѣдовало наконецъ (26 января 1699) заключеніе мира, на столько выгоднаго для Польши, что султанъ возвращалъ рѣчипосполитой не только всѣ провинціи, отнятыя при королѣ Михаилѣ, въ томъ числѣ и Каменецъ, но кромѣ того обязался воздержать татаръ отъ вторженій въ Польшу, которая освобождалась также отъ платежа обыкновенной донативы. Прежде чѣмъ польскій посолъ успѣлъ подписать этотъ миръ, татары вторглись въ Русь и опустошивъ ее, ушли съ значительной добычей. Турецкое правительство приказало возвратить добычу и обѣщало наказать виновниковъ набѣга.

Пребываніе въ земляхъ рѣчипосполитой многочисленныхъ саксонскихъ полковъ, вызвало всеобщее негодованіе. Съ одной стороны можно было опасаться какого либо покушенія противъ народныхъ вольностей, съ другой — саксонцы раззоряли жителей до того, что во многихъ мѣстахъ народъ былъ не въ силахъ вносить государственныя подати. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ выхода ихъ изъ Польши. Обстоятельство это было затронуто на всѣхъ сей-

микахъ, и хотя послы короля увѣряли, что войска, какъ приведенныя только для возвращенія отторгнутыхъ отъ рѣчипосполитой земель, будутъ выведены тотчасъ, если пребываніе ихъ окажется неудобнымъ, но въ инструкціяхъ всѣхъ пословъ поручено было не приступать на сеймѣ ни къ чему, пока король не отправитъ своихъ саксонскихъ войскъ домой. Сеймъ начался 16 іюня. Прошло двѣ недѣли пока выбрали маршала посольской палаты, потому что требовали предварительно удаленія саксонцевъ и предъявленія въ подлинникѣ пактовъ конвентовъ. Кромѣ того происходили споры, слѣдуетъ ли избрать маршала изъ Малопольши или изъ Великопольши. Завиша, руководившій преніями какъ маршалъ прежняго сейма, донесъ посольской палатѣ, что король сообщилъ ему о выходѣ саксонцевъ. Не смотря на это, его вторично отправили къ королю, отъ котораго онъ принесъ тотъ же отвѣтъ, съ присовокупленіемъ, что за исключеніемъ полковъ, выговоренныхъ въ пактахъ конвентахъ, все остальное войско выйдетъ изъ коронныхъ земель. Такъ какъ въ отвѣтѣ не было рѣчи, ни о числительности полковъ, которые останутся въ самой Польшѣ, ни о выходѣ ихъ изъ Литвы, то Завишу послали въ третій разъ къ королю. Принесенный отвѣтъ, что король оставитъ только одинъ полкъ гвардіи подъ командой польскаго генерала Денгофа, въ Литвѣ же останутся всѣ нынѣ тамъ находящіяся войска, вслѣдствіе просьбы многихъ литовцевъ, вызвалъ страшную бурю. Литовскіе послы объявили, что не примутъ въ совѣщаніяхъ участія, пока саксонскія войска не выступятъ и изъ Литвы, и пока не будутъ названы тѣ, кто просилъ короля объ оставленіи войкъ. Король желая успокоить бурю, обѣщалъ отозвать свои войска и изъ Литвы. Успокоенная этимъ палата, которой кромѣ того гродскій варшавскій писарь представилъ въ подлинникѣ pacta conventa, получивъ отъ нея предварительно удостовѣреніе, что она будетъ защищать его противъ короля и сената, занялась (1 іюля) избраніемъ маршала—короннаго референдарія Станислава Щуки. Маршалъ, увѣдомляя короля о своемъ выборѣ, просилъ о немедленномъ отозваніи саксонцевъ. Отвѣтъ былъ снова неопредѣленный, что саксонскія войска уже находятся

за границей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя оговорены въ пактахъ конвентахъ, но что имъ дано будетъ приказаніе къ выходу, когда поляки и литовцы согласятся на это. Неудовлетворенные этимъ послы потребовали чрезъ своего маршала совершеннаго удаленія саксонцевъ. Король обѣщалъ все, но спросилъ, какія мѣры приметъ рѣчьпосполитая для его безопасности въ случаѣ расторженія сейма, когда онъ останется совершенно безъ войска. Тотчасъ начались пренія надъ проектомъ закона о безопасности особы короля и о выходѣ саксонцевъ. Во время этихъ совѣщаній въ столицѣ произошла драка между польскими и саксонскими солдатами, и одинъ изъ поляковъ былъ убитъ. Трупъ отнесли тотчасъ въ замокъ, подъ самое королевское окно, а потомъ въ посольскую палату. Послы были раздражены до такой степени, что хотѣли тотчасъ оставить засѣданіе, чтобы прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ саксонцевъ. Маршалъ очень ловко ихъ успокоилъ и не прерывалъ засѣданія. Четыре недѣли спустя посольская палата соединилась съ сенатомъ и хотя умы были очень взволнованы, сеймъ кончился (31 іюля) благополучно. Главнѣйшія дѣла были рѣшены и назначены уполномоченные для переговоровъ съ курфирстомъ относительно Эльбинга.

Тотчасъ послѣ сейма король сообщилъ сенату, что онъ отправляется на нѣсколько недѣль къ минеральнымъ водамъ, о чемъ были немедленно оповѣщены всѣ воеводства. Во время его отсутствія, примасъ долженъ былъ управлять государствомъ. Переговоры съ курфирстомъ, начатые послѣ сейма, были прерваны, вслѣдствіе непомѣрныхъ съ его стороны требованій. Они возобновились снова (въ концѣ октября) и послѣ жаркихъ споровъ, постановлены (12 декабря) слѣдующія условія: три мѣсяца спустя послѣ ближайшаго сейма, будетъ ли онъ расторгнутъ или нѣтъ, рѣчьпосполитая уплатитъ курфирсту 300,000 тал., въ обезпеченіе же этой суммы, дастъ ему часть коронныхъ бриллiантовъ, такой же стоимости. Курфирстъ, отказываясь отъ всякихъ новыхъ требованій, возвратитъ (1 февраля 1700) Эльбингъ. Если бы обѣщанная уплата не послѣдовала, курфирстъ имѣетъ право занять весь эльбингскій округъ и возвратить

его только, когда получитъ помянутыя деньги. Вслѣдствіе этого договора польскіе коммиссары вручили (1 февраля 1700) уполномоченнымъ курфирста брилліанты и около полуночи бранденбургскій гарнизонъ выступилъ, при факелахъ, изъ Эльбинга.

Поведеніе сословій во время послѣдняго сейма, должно было убѣдить Фридриха-Августа, что Польшею трудно управлять самодержавно. Пріученный однако къ слѣпому и безусловному повиновенію своихъ саксонцевъ, мечтая о неограниченномъ правленіи Людовика XIV, онъ не смутился первой неудачей. Подъ напоромъ народной воли, проявившейся на сеймикахъ и на сеймѣ, король выслалъ, правда, большую часть своихъ войскъ изъ земель рѣчипосполитой, но не терялъ надежды, что вскорѣ явится предлогъ возвратить ихъ снова и уже на болѣе продолжительное время. Онъ расчитывалъ также и на то, что располагая должностями, раздачею высокихъ чиновъ, староствъ и королевщизнъ, онъ съумѣетъ со временемъ расположить къ себѣ магнатовъ; ловкое употребленіе денегъ могло бы не мало содѣйствовать его планамъ. Король слѣдовательно намѣревался, какъ по всему видно, развратить сперва сильнѣйшее сословіе въ рѣчипосполитой, то есть землевладѣльцевъ, чтобы впослѣдствіи легче осѣдлать всѣхъ. Располагая уже нѣсколькими совершенно преданными ему орудіями, какъ напр. мальборгскій воевода Пржебендовскій и другіе, онъ ласкалъ себя ошибочнымъ мнѣніемъ, что съумѣетъ склонить къ своимъ видамъ и остальную часть народа. Впрочемъ, наглый цинизмъ и отсутствіе простыхъ правилъ приличія, совершенный недостатокъ нравственнаго основанія, проявлявшіеся почти повсемѣстно въ тогдашней Европѣ, родили въ Фридрихѣ-Августѣ убѣжденіе, что и Польша подвергнется вліянію времени.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Фридрихъ-Августъ вошелъ въ тайныя сношенія съ курфирстомъ бранденбургскимъ, царемъ русскимъ и другими монархами, съ цѣлью преобразовать образъ правленія въ рѣчипосполитой. Съ этою же цѣлью, онъ привелъ столь значительное число саксонскихъ войскъ, которыя, завися исключительно отъ его воли, могли служить орудіемъ для каж-

даго насильственнаго шага. Принужденный постановленіемъ сейма отправить часть саксонскихъ полковъ, онъ оставилъ кромѣ разрѣшенныхъ 1,200 человѣкъ гвардіи, еще нѣсколько тысячъ подъ предлогомъ устройства гавани въ Полангенѣ и постройки тамъ шанцевъ. Вскорѣ нашелся предлогъ для вторичнаго появленія саксонскихъ войскъ. Объяснимъ дѣло подробнѣе.

Подобно каждому изъ предшествовавшихъ королей, Фридрихъ-Августъ обязался въ условіи своемъ съ народомъ, возвратить, безъ содѣйствія рѣчипосполитой, всѣ земли и провинціи, отторгнутыя отъ Польши. Такою провинціею была въ числѣ прочихъ Ливонія, занятая шведами и оставшаяся въ ихъ владѣніи на основаніи оливскаго мира. Шведское правительство вооружило противъ себя ливонское дворянство, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы всѣ пожалованныя имѣнія, которыя прежде принадлежали казнѣ, были возвращены ей же. Это послужило поводомъ ко многимъ насиліямъ и злоупотребленіямъ, въ особенности въ послѣдніе годы царствованія Карла XI. Ливонское дворянство дѣлало всевозможныя старанія, чтобы отмѣнить помянутое распоряженіе; оно отправило даже съ этою цѣлью особую депутацію въ Стокгольмъ. Между депутатами находился Іоаннъ-Рейнгольдъ Паткуль, капитанъ шведскаго полка, стоявшаго въ Ригѣ, человѣкъ способный и съ обширными познаніями. Паткуль выражался слишкомъ рѣзко при исполненіи возложеннаго на него порученія, попалъ въ немилость короля и заслужилъ ненависть многихъ сановниковъ; когда же по возвращеніи онъ написалъ нѣсколько брошюръ въ защиту правъ ливонскаго дворянства, его обвинили въ государственномъ преступленіи. Опасаясь послѣдствій такого обвиненія, онъ бѣжалъ въ Курляндію и получивъ охранный листъ, отправился въ Стокгольмъ, для оправданія. Тщетно Паткуль старался умилостивить короля. Опасаясь послѣдствій приговора, онъ бѣжалъ за границу. Его приговорили заочно къ лишенію чести, имѣнія, правой руки и жизни, послѣ чего палачъ долженъ былъ сжечь всѣ его сочиненія. Паткуль между тѣмъ жилъ подъ фамиліей Фитеринга въ Швейцаріи. Путешествуя по Франціи и Италіи, онъ познакомился съ Флемингомъ, любимцемъ

Фридриха-Августа, и при его содѣйствіи поступилъ въ саксонскую службу. Одновременно съ избраніемъ Фридриха-Августа въ польскіе короли, скончался (1697) шведскій король Карлъ XI, оставивъ 16 лѣтняго наслѣдника Карла XII. Юность и неопытность новаго короля, бѣдность шведской казны, повсемѣстный голодъ вслѣдствіе страшныхъ неурожаевъ и другія неблагопріятныя обстоятельства подавали надежду, что очень легко будетъ возвратить Ливонію. Паткуль, съ своей стороны, увѣрялъ короля, что при нерасположеніи ливонскаго дворянства къ шведамъ, войско вступающее въ Ливонію будетъ увеличиваться на каждомъ шагу, что имѣя обширныя связи въ краѣ, онъ смѣло принимаетъ на себя отвѣтственность за благополучный исходъ предпріятія.

Фридрихъ-Августъ, жаждавшій военной славы, а болѣе всего самодержавія въ Польшѣ, позволилъ легко убѣдить себя. Во время свиданія въ Равѣ, онъ составилъ общій планъ дѣйствія противъ Швеціи съ царемъ Петромъ I, который желалъ распространить свои владѣнія на берегахъ Балтійскаго моря. По заключеніи карловицкаго мира, король вошелъ въ тайныя сношенія съ датскимъ королемъ, который помышлялъ о пріобрѣтеніи Голштиніи. Незамѣтно саксонскіе полки, стоявшіе въ Литвѣ, стали собираться (осенью 1699) на Жмуди. Кромѣ того король отправилъ три полка саксонцевъ изъ Польши черезъ Данцигъ моремъ въ Полангенъ, гдѣ вскорѣ собралось 9,000 войска. Ихъ расположили черезъ Курляндію до Двины, подъ начальствомъ Флеминга, при которомъ находился и Паткуль, въ чинѣ полковника. Предположено было напасть на Ригу неожиданно, что облегчило бы занятіе Ливоніи. Въ февралѣ 1700 г. отправлены были нѣсколько саней съ оружіемъ, порохомъ и гранатами подъ предлогомъ, что это багажъ посланника, ѣдущаго въ Москву. Переодѣтымъ солдатамъ, конвоировавшимъ сани, приказано было, тотчасъ по въѣздѣ въ городъ, завладѣть воротами и держаться въ нихъ пока не подойдутъ войска. Но транспортъ сбился съ дороги, попалъ на шведскій отрядъ, который открылъ подлогъ. Тогда Флемингъ двинулся (25 февраля) со всѣмъ войскомъ противъ Риги. Отправленный впередъ генералъ Карловицъ завладѣлъ од-

нимъ изъ шанцевъ, но комендантъ Риги графъ Дальбергъ сжегъ предмѣстья и Флемингъ, не имѣя осадныхъ орудій, долженъ былъ отказаться отъ предпріятія.

По возвращеніи изъ Дрездена, король хотѣлъ привлечь рѣчьпосполитую къ участію въ войнѣ съ Швеціей, начатой саксонскими войсками, и выписалъ датскаго посланника, который на основаніи союза, заключеннаго Яномъ-Казиміромъ съ Даніей, долженъ былъ пригласить рѣчьпосполитую дѣйствовать противъ Карла XII. Король созвалъ (24 мая) совѣтъ сената, представилъ ему необходимость обезпеченія границъ рѣчипосполитой и спросилъ мнѣнія, когда слѣдуетъ созвать сеймъ, для рѣшенія дѣла о возвращеніи Ливоніи. Сенатъ предоставилъ волѣ короля созваніе сейма, полагая что безопасность границъ лежитъ на обязанности гетмановъ рѣчипосполитой; съ датскимъ посломъ отказался входить въ переговоры, отсрочивая ихъ до сейма. Эти постановленія сената могли убѣдить короля, что сеймъ будетъ противиться войнѣ, начатой безъ вѣдома и разрѣшенія рѣчипосполитой. Желая какъ можно лучше расположить умы шляхты, король объявилъ въ универсалахъ, что онъ предпринялъ войну единственно для возвращенія Ливоніи и присоединенія ея къ коронѣ, въ чемъ готовъ дать письменное удостовѣреніе и что онъ будетъ вести ее на свой счетъ до тѣхъ поръ, пока сеймъ не приметъ соотвѣтственныхъ мѣръ.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени, на берегахъ Двины появилось 11 новыхъ полковъ подъ предводительствомъ фельдмаршала Стейнау, а въ іюлѣ самъ король отправился въ лагерь. Все войско перешло Двину. Шведскій генералъ Велингъ, будучи не въ силахъ сопротивляться, увеличилъ гарнизонъ Риги и отступилъ въ глубь страны, чтобы прикрыть ее отъ казаковъ и другой легкой конницы. Король началъ осаду Риги, но отступилъ (9 сентября) послѣ безплоднаго бомбардированія, получивъ извѣстіе, что датскій король заключилъ съ Голштиніей миръ, въ которомъ и Карлъ XII принялъ участіе, и опасаясь теперь вторженія шведскихъ войскъ въ Саксонію черезъ Поморье, не хотѣлъ изнурять солдатъ безцѣльной осадой Риги. Стейнау взялъ (7 окт.) Кокенгаузенъ и этимъ

подвигомъ кончилъ кампанію. Войска были расположены на зимнихъ квартирахъ въ Курляндіи и Литвѣ, а король возвратился въ Варшаву.

Фридрихъ-Августъ былъ увѣренъ, что начавъ серьезную войну, онъ вовлечетъ въ нее рѣчьпосполитую, принужденную уже тогда защищать свои границы. Вслѣдствіе этого онъ обратилъ вниманіе литовской шляхты на необходимость заблаговременнаго обезпеченія границъ. Шляхта, желая окончательно обезсилить Сапѣгъ, которые не смотря на послѣдній договоръ, продолжали угнетать своихъ противниковъ, рѣшилась воспользоваться обстоятельствами и сѣвъ на лошадь, не только приготовиться къ отпору врага, но и принять мѣры, которыя бы обезпечили вольность, правосудіе и внутренное спокойствіе въ Литвѣ. Для сохраненія между собой какъ можно большаго порядка, шляхта избрала своимъ предводителемъ Михаила Вишневецкаго. Считая Сапѣгъ нарушителями уставовъ и общественной свободы, приходилось обратить вниманіе на то, чтобы отнять у нихъ возможность притѣсненія согражданъ. Сапѣги, для личной безопасности, собрали подъ Вильно 8,000 войска. Такъ какъ шляхта двинулась также прямо къ Вильнѣ, то Литвѣ угрожала новая междоусобная война. Король узнавъ обо всемъ, происходившемъ въ Литвѣ, отправилъ туда тотчасъ короннаго референдарія Яна Шембека, чтобы онъ воспретилъ обоимъ партіямъ именемъ короля, прибѣгать къ какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣрамъ. Посолъ исполнилъ возложенное на него порученіе сперва въ лагерѣ шляхты подъ Липнишками, потомъ отправился въ лагерь Сапѣгъ. Но взаимное раздраженіе было такъ сильно, что никто не обратилъ вниманія на подобное воспрещеніе. Вишневецкій, остановившись лагеремъ въ 8 миляхъ отъ Вильна, усилилъ свое войско людьми, пришедшими съ жмудскимъ старостою Огинскимъ. Въ это время явился въ видѣ посредника виленскій епископъ Бржостовскій. Шляхта, подчиняясь его увѣщеваніямъ, оказала готовность начать переговоры и представила условія, которыя епископъ отправилъ тотчасъ къ Сапѣгамъ съ двумя духовными лицами. Сапѣги, находившіеся только въ одной милѣ отъ лагеря

шляхты, не приняли условій и, что хуже всего, ударили (17 ноября) на отрядъ фуражировъ шляхты, не ожидавшей ничего подобнаго во время происходившихъ переговоровъ. Оскорбленная шляхта двинулась впередъ и нанесла противникамъ совершенное пораженіе. Михаилъ Сапѣга, сынъ литовскаго великаго гетмана, защищавшійся долѣе другихъ, сдался на честное слово Огинскаго, что съ нимъ не приключится ничего дурнаго. Но шляхта, помнившая какъ Сапѣги приказали недавно разстрѣлять безъ суда Бялозора, изрубила плѣнника (19 ноября). Послѣ этой побѣды подъ Олькенишками, шляхта объявила Сапѣгъ врагами отечества, исключенными изъ подъ покровительства закона и приговорила ихъ съ потомствомъ къ лишенію чести, имѣнія и должностей *).

Въ то время когда Фридрихъ-Августъ вовлекъ умышленно въ войну со Швеціей рѣчьпосполитую, прежній ея вассалъ, курфирстъ прусскій, вознамѣрился принятъ титулъ короля. Опасаясь протеста со стороны рѣчипосполитой, онъ сообщилъ ей (30 ноября),

---

*) Олькенишки или вѣрнѣе Ольконики, деревянный городокъ, на берегахъ рѣки Меречи, въ 8 миляхъ отъ Вильна, съ обширнымъ королевскимъ дворцомъ, посѣщавшимся часто обоими Сигизмундами. Приглашеніе короля принять мѣры, на случай вторженія шведовъ въ Литву, было только предлогомъ къ сбору шляхты. Въ 1700 г. двое Вишневецкихъ были ранены на улицѣ въ Вильнѣ слугами гетмана, и хотя молодой Сапѣга, ни въ чемъ не участвовавшій, оказалъ помощь раненымъ и соболѣзновалъ объ этомъ происшествіи, но Вишневецкіе пылая местью выѣхали изъ города и легко склонили шляхту къ новому союзу. Подъ предлогомъ королевскаго универсала, она собралась въ числѣ не менѣе 20,000 и встрѣтилась въ Лейпунахъ съ 9,000 войскомъ Сапѣгъ, которое разбила на голову. Ольконики, куда отправились побѣдители, сдѣлались мѣстомъ кровавой драмы. Пойманный въ битвѣ великій литовскій конюшій Михаилъ Сапѣга, не смотря на всѣ старанія епископа Бржостовскаго, былъ вытащенъ изъ постели и изрубленъ въ куски по наущеніямъ виленскаго каноника Бялозора. Подобная же судьба встрѣтила брацлавскаго старосту Война и многихъ другихъ. Какъ обыкновенно бываетъ, такъ было и въ этомъ случаѣ: жертвою народной мести палъ человѣкъ совершенно невинный. Молодой Сапѣга, человѣкъ благородный, ученый, храбрый, рыцарской честности, долго старался умѣрить гнѣвъ и гордость отца и дяди, долго боролся въ душѣ между обязанностями сына и гражданина, пока не исчерпалъ всѣхъ средствъ къ примиренію враждующихъ. Когда отрядъ Сапѣги былъ окончательно разбитъ, Михаилъ, командуя аррiергардомъ прикрывалъ отступленіе отца, сдерживая весь напоръ шляхты и сдался, когда видѣлъ что отцу не угрожаетъ болѣе никакая опасность. (Narbutt Baliński — *Starożytna Polska*). *Прим. перевод.*

что новый титулъ не нарушитъ ни въ чемъ правъ короны къ польской Пруссіи, въ случаѣ прекращенія линіи, предусмотрѣннаго велявскимъ договоромъ. Вскорѣ послѣ того онъ отправился (18 января 1701) въ Кенигсбергъ, гдѣ придворный капелланъ короновалъ его вмѣстѣ съ супругой. Въ тотъ же день въ Варшавѣ происходилъ совѣтъ сената, на которомъ всѣ присутствующіе раздѣляли мнѣніе, что шагъ этотъ угрожаетъ опасностью рѣчипосполитой, и предположено было поручить сейму принять мѣры, для предохраненія правъ рѣчипосполитой. Послѣ засѣданія сената прибылъ (2 февраля) въ Варшаву, графъ Валленродъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника новаго короля. Во время пріемной и прощальной аудіенцій, Фридрихъ-Августъ былъ окруженъ одними только саксонцами; передъ аудіенціей же онъ отправилъ въ Кенигсбергъ Христофора Товьянскаго, чтобъ поздравить курфирста и узнать, какое ручательство будетъ имѣть король и рѣчьпосполитая въ томъ, что новый титулъ не принесетъ имъ ущерба. Какъ новый прусскій король, такъ и посланникъ его, торжественно ручались, что рѣчьпосполитая не должна ничего опасаться, что постояннымъ стараніемъ прусскаго короля будетъ сохранить въ цѣлости велявскій договоръ и ненарушимую дружбу со сосѣдомъ. Когда Товьянскій ѣхалъ въ Пруссію, кредитивныя письма были выданы ему изъ саксонской канцеляріи, что было нарушеніемъ условій, заключенныхъ съ Фридрихомъ-Августомъ при вступленіи его на престолъ; но король нарушалъ эти условія поминутно, заключая союзы съ разными монархами безъ вѣдома рѣчипосполитой.

Едва покончилось дѣло съ прусскимъ королемъ, царь Петръ I прибылъ (26 ферваля) въ Биржи, въ Жмуди, для свиданія съ Фридрихомъ-Августомъ относительно продолженія войны съ Швеціей. Петръ I объявилъ войну Карлу XII еще въ прошломъ году и осадилъ Нарву во главѣ 80 тысячнаго войска *). Карлъ поспѣ-

*) Г. Шмиттъ ошибается показывая русскій осадный корпусъ подъ Нарвой въ 80,000 человѣкъ. Русская армія была раздѣлена на три генеральства: въ первомъ — Головина было до 15 тысячь, во второмъ — Вейде, до 12, а въ третьемъ — Репнина до 11 тысячь человѣкъ; кромѣ другихъ мелкихъ отрядовъ

шилъ въ помощь городу, ударилъ на русскихъ и разбилъ ихъ совершенно. Петръ болѣе раздраженный нежели встревоженный пораженіемъ, рѣшился продолжать войну при содѣйствіи польскаго короля, который, съ своей стороны, только и желалъ этого, собралъ 20,000 саксонцевъ на берегахъ Двины и хотѣлъ вовлечь въ войну рѣчьпосполитую. По прибытіи царя въ Биржи, Фридрихъ-Августъ явился туда немедленно съ нѣсколькими сенаторами. Въ дѣйствительности между ними не было заключено до сихъ поръ формальнаго союза, потому что для этого нужно было разрѣшеніе рѣчипосполитой, но происходили главнѣйшія совѣщанія о томъ, какъ привлечь коронныя сословія къ войнѣ. Вещь казалась трудною, тѣмъ болѣе, что и находившіеся при королѣ сенаторы, избѣгали давать положительное мнѣніе. Царь заговорилъ однажды съ литовскимъ канцлеромъ, намекая, что теперь представляется для рѣчипосполитой возможность возвратить Ливонію. Канцлеръ отвѣтилъ, что свободныя рѣчипосполитыя какъ Польша, не жертвуютъ вѣрнымъ миромъ для невѣрныхъ пріобрѣтеній, и что еслибы царь возвратилъ Польшѣ Кіевъ съ его округомъ, то можетъ быть рѣчьпосполитая приняла бы участіе въ предлагаемой ей войнѣ. Царь назвалъ несправедливымъ требованіе, чтобы за помощь, оказанную имъ польскому королю для возвращенія Ливоніи, онъ долженъ былъ жертвовать частью своихъ собственныхъ владѣній. Этимъ кончился разговоръ съ канцлеромъ *). Дѣло съ королемъ было гораздо легче. Онъ заключилъ тайно съ царемъ союзъ и сообщилъ тотчасъ сословіямъ, что: Петръ I, предлагая рѣчипосполитой союзъ противъ всѣхъ враговъ, объявилъ, что заключитъ миръ со Швеціей лишь въ томъ случаѣ, когда Инфлянты и Эстонія отойдутъ къ Польшѣ и что на все время войны выставитъ вспомогательный

въ осадномъ лагерѣ находился еще гетманъ Обидовскій съ 12 или 11 тысячами козаковъ, всего же было до 50 или 55 тысячь человѣкъ. *Прим. перевод.*

*) Г. Устряловъ (Т. IV. ч. I. стр. 91) передаетъ буквальный разговоръ Петра I съ литовскимъ вицеканцлеромъ Станиславомъ Щукою. Кромѣ оборота фразъ, нѣтъ никакой разницы ни въ самомъ смыслѣ разговора по показаніямъ гг. Устрялова и Шмитта. *Прим. перевод.*

корпусъ изъ 20,000 человѣкъ, съ 40 орудіями. Эти явныя статьи договора, по видимому весьма выгодныя для Польши, были лишь прикрытіемъ для другихъ секретныхъ условій, которыми Петръ I пробивалъ путь для русскаго господства. И такъ царь обязался тайно содѣйствовать Фридриху-Августу въ дѣлѣ переустройства Польши, но за это долженъ былъ получить значительное вознагражденіе землями рѣчипосполитой *), Конечно это былъ не болѣе какъ слабый эскизъ того, что зарождалось уже въ умѣ великаго преобразователя Россіи.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, монархи разъѣхались (10 марта) и по возвращеніи въ Варшаву, король созвалъ сеймъ (30 марта). Въ универсалахъ своихъ онъ говорилъ о союзѣ предложенномъ царемъ, объясняя, что такъ какъ его собственное войско простирается до 20,000, то нельзя сомнѣваться въ благополучномъ исходѣ войны, если рѣчьпосполитая приметъ въ ней участіе. Король объявлялъ торжественно, что всѣ отнятыя у врага земли, будутъ присоединены къ Польшѣ. Кромѣ того сеймъ долженъ былъ принять мѣры къ умиротворенію Литвы, такъ какъ усилія короля успокоить и примирить взволнованные умы, были совершенно тщетны. Упоминая въ универсалахъ и о новомъ прусскомъ королѣ, Фридрихъ-Августъ поручалъ сословіямъ обдумать заблаговременно, чтобы Польша не испытала по сему случаю какого либо убытка.

Едва сеймъ былъ открытъ, мазовецкій посолъ Пржилускій объявилъ, что на основаніи данной ему инструкціи онъ требуетъ прежде всего удаленія саксонскихъ войскъ изъ земель рѣчипосполитой. Всѣ желали избавиться отъ саксонцевъ, но происходили разногласія, какъ этого достигнуть. Одни требовали, чтобы сеймъ былъ распущенъ не рѣшивъ ничего, чтобы чрезъ три или четыре мѣсяца король созвалъ новый, а между тѣмъ освободилъ рѣчьпоспо-

*) Г. Шмиттъ умалчиваетъ еще объ одной секретной статьѣ биржонскаго договора, по которой Петръ I обязался прислать Фридриху-Августу въ половинѣ іюня, 20,000 руб., для награжденія тѣхъ изъ польскихъ сенаторовъ, которые бутутъ содѣйствовать къ участію рѣчипосполитой въ союзѣ противъ Швеціи. (Устряловъ, Т. IV, ч. I, стр. 92). *Прим. перевод.*

литую отъ саксонскихъ войскъ. Другіе полагали, что саксонцы могутъ удалиться въ теченіи двухъ недѣль, а потому сеймъ можетъ продолжать свои занятія. Кромѣ того одинъ изъ литовскихъ пословъ потребовалъ вознагражденія за убытки, причиненные саксонцами въ Литвѣ, которые, по его мнѣнію, простирались до 40,000,000 злот. Король отвѣтилъ, что такъ какъ саксонцы пришли по случаю начатой войны со шведами, то онъ прикажетъ возвратиться имъ домой и отдастъ врагу замки, взятые уже въ Ливоніи, если рѣчьпосполитая не одобритъ этой войны; но требовалъ удостовѣренія, что въ случаѣ непринятія шведами мира, таже рѣчьпосполитая приметъ на себя защиту какъ собственныхъ земель, такъ и Саксоніи. Это объявленіе короля не понравилось посольской палатѣ, которая потребовала яснаго опредѣленія времени выхода войскъ. Король предоставилъ распорядиться въ этомъ отношеніи сословіямъ, согласно съ его честью. Относительно убытковъ, причиненныхъ въ Литвѣ, онъ обѣщалъ вознаградить ихъ тотчасъ, когда назначенные коммисары сдѣлаютъ оцѣнку. Кончилось тѣмъ, что король назначилъ 22 декабря собраніе новаго сейма, а между тѣмъ долженъ былъ вывести саксонцевъ изъ земель рѣчипосполитой. Еще до закрытія сейма литовцы предъявили жалобу на какое-то клевещущее сочиненіе, въ которомъ говорилось о предложеніи королю великаго княжества литовскаго съ наслѣдственной и неограниченной властью; они заявляли готовность жертвовать всѣмъ для защиты своихъ вольностей и просили наказать автора сего сочиненія. Когда король объявилъ, что никто не подносилъ ему ничего подобнаго, приказано было сочиненіе это сжечь рукой палача. Затронутъ былъ также вопросъ о литовскихъ волненіяхъ. Для рѣшенія спора, король назначилъ примаса и нѣсколькихъ сенаторовъ. Но и они ничего не добились, потому что литовская шляхта требовала рѣшительно, чтобы оба Сапѣги, то есть великій литовскій гетманъ и подскарбій отказались отъ своихъ должностей, послѣ чего только будутъ имѣть право возвратиться въ свои имѣнія. И это дѣло было отложено до позднѣйшаго времени.

Пока все это происходило въ Варшавѣ, пока сеймъ при-

нуждалъ короля вывести изъ Польши саксонцевъ, Карлъ XII дѣлалъ приготовленія выгнать ихъ силой изъ Ливоніи. Получивъ подкрѣпленія изъ Швеціи, онъ двинулся (27 іюня) къ Ригѣ. Саксонцы занимали два лагеря, одинъ близъ Кокенгаузена, другой по сю сторону Двины. Когда Штейнау убѣдился, что Карлъ намѣренъ переправиться черезъ Двину, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы препятствовать переправѣ. Не смотря на огонь двухъ саксонскихъ баттарей, Карлъ переправилъ свои войска въ числѣ 7600 человѣкъ. Саксонцевъ было 4 полка кирасировъ и 14 боталіоновъ пѣхоты, въ резервѣ находилось 24 баталіона русскихъ. При такомъ числительномъ перевѣсѣ противниковъ, Карлъ одержалъ совершенную побѣду, захватилъ ихъ обозъ съ орудіями и багажомъ. Послѣ того взялъ Аугустенбургъ и Кокенгаузенъ, и одной побѣдой уничтожилъ двухлѣтнія усилія Фридриха-Августа, тѣмъ болѣе, что и обѣщанія Паткуля, относительно ливонскаго дворянства, не осуществились. Саксонское войско отступило въ Пруссію, а оттуда перешло немедленно въ Саксонію. Карлъ занялъ Курляндію и часть Жмуди и перенесъ такимъ образомъ театръ войны въ земли рѣчипосполитой. Отряды его появились даже въ Литвѣ, подъ предлогомъ защиты имѣній Сапѣгъ отъ наѣздовъ Огинскаго. Шведы брали вездѣ съ жителей огромныя контрибуціи, какъ деньгами, такъ и провіантомъ. Тщетно сперва примасъ, потомъ оба вицеканцлера, просили Карла именемъ сената и министровъ, не вторгаться въ польскія провинціи, такъ какъ рѣчьпосполитая не принимала никакого участія въ войнѣ; примасъ предложилъ ему даже миръ именемъ короля. Въ отвѣтѣ своемъ Карлъ упрекалъ Фридриха-Августа не только въ нарушеніи мира, но и въ желаніи ввести въ рѣчипосполитой самодержавіе, за что долженъ быть свергнутъ съ престола. Онъ обратился ко всей рѣчипосполитой съ манифестомъ въ этомъ же духѣ, угрожая вторженіемъ въ самое сердце ея владѣній, ежели Фридрихъ-Августъ, котораго онъ будетъ вездѣ преслѣдовать какъ врага, не отречется отъ престола.

Среди такихъ угрожающихъ обстоятельствъ, король открылъ (22 декабря) сеймъ въ Варшавѣ. Посольская палата потребовала

прежде всего успокоенія Литвы, такъ какъ справедливо можно было опасаться, что Сапѣги, выведенные изъ терпѣнія, перейдутъ на шведскую сторону, въ чемъ даже многіе ихъ уже подозрѣвали. Назначенная по этому поводу коммиссія, составила проектъ мировой, который посольская палата утвердила. Сапѣгамъ возвращались — честь, имѣнія и должности, взаимныя жалобы предавались забвенію, кромѣ производившагося въ судахъ дѣла объ убійствѣ Михаила Сапѣги. Тотъ кто бы имѣлъ записи на имѣніяхъ или чувствовалъ себя обиженнымъ, долженъ былъ искать правосудія въ судахъ. Мировая была объявлена при пушечныхъ выстрѣлахъ, и на короля, сенатъ и короннаго гетмана возложена обязанность наблюсти за ея исполненіемъ. По окончаніи этого дѣла, начались совѣщанія надъ разрѣшеніемъ шведскаго вопроса. Король совѣтовалъ войну, но сословіе хотѣло сперва испытать, нельзя ли покончить дѣло путемъ переговоровъ. Рѣшено было снарядить къ Карлу посольство; въ королевской канцеляріи составлена тайная для него инструкція, утвержденная примасомъ и маршаломъ палаты. Въ такихъ занятіяхъ прошло шесть недѣль. Когда должны были начаться совѣщанія о самомъ важномъ вопросѣ, то есть оборона рѣчипосполитой, одни потребовали, чтобы палатѣ было сообщено письмо Карла XII къ примасу, другіе раздачи вакантныхъ должностей. Споры объ этомъ заняли сеймъ исключительно и наконецъ довели его до расторженія (8 февраля 1702). Ковенскій посолъ Пацъ, которому король обѣщалъ должность литовскаго надворнаго маршала, сильно оскорбился, когда мѣсто это получилъ Сангушко. Упрекнувъ короля, въ присутствіи всѣхъ сословій, въ нарушеніи пактовъ, онъ вышелъ, представивъ протестъ. Фридрихъ-Августъ объявилъ, что готовъ простить нанесенную королю обиду, если Пацъ возвратится и будетъ вести себя приличнѣе, но посолъ удалился изъ Варшавы.

Король созвалъ (16 февраля) совѣтъ сената, чтобы хотя частью разрѣшить нѣкоторыя общественныя дѣла. Въ совѣтѣ онъ сказалъ, что такъ какъ рѣчьпосполитая потребовала удаленія саксонскихъ войскъ и приняла на себя защиту его особы, то должна это исполнить,

въ противномъ случаѣ онъ самъ о себѣ подумаетъ. Король обѣщалъ заплатить коронному войску жалованье за двѣ трети, когда оно займетъ мѣста для него назначенныя. Сенатъ рѣшилъ отправить, какъ можно поспѣшнѣе, посольство къ Карлу XII и разослать къ посполитому рушенію два воззванія вмѣсто одного, по возвращеніи же посольства созвать экстраординарный сеймъ. Кромѣ того предположено было, просить посредничества государствъ, подписавшихъ оливскій миръ. Еще до отправленія посольства къ Карлу XII, Фридрихъ-Августъ старался войти непосредственно въ переговоры съ своимъ противникомъ. Онъ отправилъ къ нему сперва свою любовницу, графиню Кёнигсмаркъ *), которая воротилась ни съ чѣмъ, не получивъ аудіенціи ни у Карла, ни у канцлера его графа Пипера. Съ этою же цѣлью поѣхалъ впослѣдствіи Викдумъ, но былъ арестованъ, явившись въ главную квартиру безъ испрошенія на то предварительно разрѣшенія. Эти тайныя дѣйствія короля, возбуждали справедливыя подозрѣнія, что онъ готовъ мириться съ своимъ врагомъ въ ущербъ рѣчипосполитой.

Карлъ XII рѣшилъ между тѣмъ привлечь на свою сторону часть польскаго народа, чтобы тѣмъ скорѣе достигнуть сверженія Фридриха-Августа съ престола. Пользуясь неудовольствіемъ Са-

---

*) Графиня Марія-Аврора Кёнигсмаркъ родилась въ 1670 г., была внучкой шведскаго фельдмаршала Іоанна-Кристофора Кёнигсмаркъ; мать молодой Авроры, умная и образованная женщина, была также дочерью знаменитаго шведскаго фельдмаршала Врангеля. Аврора, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, оказывала необыкновенныя способности и сдѣлалась извѣстною своей красотою; блестящее образованіе развивало одно и другое, она знакомилась съ придворною и свѣтскою жизнью въ Стокгольмѣ, Гановерѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и т. д. Извѣстіе о внезапномъ исчезновеніи ея брата, служившаго генераломъ въ саксонскомъ войскѣ, принудило ее въ 1694 году, отправиться въ Дрезденъ, искать содѣйствія молодаго курфирста Фридриха-Августа. Сдѣлавшись его любовницей, она родила въ 1696 г. сына, извѣстнаго впослѣдствіи французскаго маршала Маврикія Саксонскаго; въ тоже время прекратилась связь ея съ курфирстомъ, но Аврора съумѣла сохранить его дружбу и уваженіе. Красотой, разсудкомъ, остроуміемъ и многими талантами, графиня Кёнигсмаркъ пріобрѣла извѣстность во всей Европѣ, такъ что Вольтеръ называлъ ее самою знаменитою женщиною двухъ столѣтій. Въ 1698 г. она избрана настоятельницей княжескаго аббатства въ Кведлинбургѣ и скончалась въ 1728 г.; тѣло ея, прекрасно сохранившееся, находится въ гробницѣ того же аббатства. *Прим. перевод.*

пѣгъ, онъ поймалъ ихъ первыхъ въ свои сѣти. Литовская шляхта не хотѣла подчиняться варшавскому договору, хотя король, примасъ и коронный великій гетманъ угрожали даже, что будутъ преслѣдовать, какъ нарушителей общественнаго спокойствія всѣхъ тѣхъ, кто не подчинится помянутому договору; тогда какъ Сапѣги подозрѣвали короля, что онъ благопріятствуетъ противной партіи. Они подали (6 марта) манифестъ въ гродскій судъ въ Брянскѣ, въ которомъ объявили, что постоянно испытываемыя ими насилія, принудятъ ихъ наконецъ прибѣгнуть къ соотвѣтственнымъ мѣрамъ, чтобы спасти жизнь и состояніе свое. Манифестъ этотъ былъ какъ бы предисловіемъ къ явному переходу ихъ на сторону Карла XII, въ чемъ впрочемъ ихъ подозрѣвали уже давно. Получивъ отъ него увѣреніе въ его покровительствѣ, они помогли шведамъ разогнать литовское войско, бывшее подъ командой польскаго гетмана Вишневецкаго и жмудскаго старосты Огинскаго. Шведы заняли Вильно и были по ту сторону Гродна, когда къ Карлу XII прибыло посольство, высланное сеймомъ. Карлъ принялъ его (4 мая) въ палаткѣ въ Долгойвси. Послы требовали, чтобы Карлъ XII удалился изъ земель рѣчипосполитой, которая не только съ нимъ не воюетъ, но напротивъ того желаетъ сохранить прежній миръ и прочную дружбу; ежели же онъ требуетъ вознагражденія за причиненные ему убытки, то пусть обратится съ этимъ къ саксонскому курфирсту. Карлъ не хотѣлъ входить въ какіе либо переговоры, пока Фридрихъ-Августъ не будетъ свергнутъ съ престола. Когда послы отвѣтили, что подобное условіе, какъ совершенно противное основнымъ законамъ рѣчипосполитой, не можетъ быть принято, Карлъ двинулся съ войскомъ къ Варшавѣ, не принявъ посольства въ прощальной аудіенціи.

Можно было заранѣе предвидѣть безуспѣшность этого посольства, и потому король созвалъ (2 мая) совѣтъ сената. Коронныя войска были двинуты, саксонскія должны были соединиться съ ними; послѣднія оставались на жалованьи короля, но были подчинены коронному великому гетману и по заключеніи мира, должны были немедленно удалиться изъ Польши. Воеводствамъ, кромѣ внесенія

податей, приказано приготовиться къ посполитому рушенію. Рѣшено было признать за прусскимъ королемъ новый титулъ, ежели онъ пришлетъ вспомогательный корпусъ противъ шведовъ. Наконецъ, было принято въ торжественной аудіенціи посольство русскаго царя, предлагавшаго рѣчипосполитой наступательно-оборонительный союзъ. Такимъ образомъ Фридрихъ-Августъ вовлекалъ незамѣтно рѣчьпосполитую въ войну, совершенно противную ея интересамъ.

Когда посольство возвратилось отъ Карла XII, король находился въ Виляновѣ; онъ выслушалъ (16 мая) ихъ отчетъ и узналъ о походѣ шведовъ. Фридрихъ-Августъ переѣхалъ въ Краковъ, чтобы ожидать тамъ прибытія саксонскихъ и коронныхъ войскъ. Карлъ шелъ между тѣмъ прямо на Варшаву. До вступленія въ собственную Польшу онъ издалъ манифестъ, въ которомъ объяснилъ, что спѣшитъ на защиту вольностей и правъ рѣчипосполитой, желая предоставить ей провинціи, несправедливо, будто бы, возвращенныя Россіи; приказывалъ жителямъ приготовлять вездѣ провіантъ для шведскаго войска и соединяться съ нимъ. Въ другомъ манифестѣ доказывалъ, что Фридрихъ-Августъ нарушалъ основные законы рѣчипосполитой, увѣрялъ, что самъ вовсе не помышляетъ о завоеваніи, какой либо польской провинціи но напротивъ того, хочетъ только помочь Польшѣ низвергнуть вѣроломнаго короля и избрать себѣ другаго, болѣе достойнаго. Къ примасу, который хотѣлъ остановить его походъ и уговорить принять еще разъ польское посольство, Карлъ писалъ рѣшительно, что не начнетъ переговоровъ о мирѣ, пока Фридрихъ-Августъ будетъ королемъ и что впрочемъ по прибытіи въ Варшаву приметъ мѣры для устраненія зла, причиненнаго рѣчипосполитой. Вскорѣ Карлъ занялъ (22 мая) Варшаву, откуда сообщилъ примасу, что лучшимъ средствомъ для успокоенія рѣчипосполитой считаетъ созваніе избирательнаго сейма и чтобы лучше объясниться по этому дѣлу, приглашаетъ примаса въ Варшаву. Карлъ долженъ былъ однако три раза повторять приглашеніе, пока примасъ Радзѣіовскій отправился (8 іюня) въ Варшаву. Здѣсь начались совѣщанія, въ которыхъ принималъ участіе и коронный

подскарбій Рафаилъ Лещинскій. Карлъ требовалъ непремѣнно низверженія съ престола и просилъ ихъ оказать ему содѣйствіе. Оба доказывали невозможность подобнаго разрѣшенія дѣла и полагали ограниченіе власти Фридриха-Августа гораздо болѣе соотвѣтственнымъ цѣли, такъ какъ съ этимъ согласится весь народъ. Но Карлъ настаивалъ на низверженіи съ престола, совѣщанія кончились ничѣмъ и шведскія войска двинулись (28-го іюня) къ Кракову.

Фридрихъ-Августъ также не терялъ времени. Собравъ 15,000 саксонцевъ, за которыми должны были слѣдовать еще 10,000 пѣхоты, онъ ожидалъ прибытія короннаго великаго гетмана Любомирскаго съ коронным войскомъ; между тѣмъ принималъ пословъ отъ разныхъ воеводствъ съ изъявленіемъ преданности и готовности жертвовать за короля жизнью и состояніемъ и разослалъ третье воззваніе, приглашавшее шляхту (къ 13 іюля) въ Корчинъ. Когда пришло извѣстіе о приближеніи шведовъ, король, получивъ благословеніе папскаго нунція, двинулся (9 іюля) противъ нихъ. Ставъ у Клишова, онъ ожидалъ прибытія коронныхъ войскъ, которыя заняли (18 іюля) лагерь близь Пинчова. На слѣдующій день гетманъ отправился съ нѣсколькими хоругвями въ королевскій лагерь, куда должны были прибыть и остальныя коронныя войска. Вдругъ получено было извѣстіе что шведы, въ числѣ 12,000, приближаются. Фридрихъ-Августъ поставилъ на скоро своихъ саксонцевъ въ боевой порядокъ. Около полудня началась битва, въ которой коронное войско не принимало участія; она продолжалась нѣсколько часовъ и кончилась пораженіемъ саксонцевъ. Потери въ людяхъ были не велики, потому не превышали 2,000 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. У шведовъ убито 300, ранено 800 человѣкъ, но они захватили весь саксонскій обозъ, съ артиллеріей и военной кассой *).

---

*) Клишовъ или Клисовъ, городъ на берегахъ р. Ниды, въ бывшемъ Сандомирскомъ воеводствѣ. Въ окрестныхъ поляхъ находятъ до сихъ поръ обломки оружій, а владѣтель графъ Ланцкоронскій, сохраняетъ столъ, за которымъ обѣдалъ шведскій король съ своими генералами. — Августъ три раза собиралъ разсѣянныя свои войска и водилъ ихъ противъ непріятеля, но три раза былъ от-

Фридрихъ-Августъ отступилъ къ Кракову, собирая свои разбѣжавшіяся хоругви, съ которыми соединился свѣжій 10-ти тысячный отрядъ саксонцевъ. Здѣсь онъ хотѣлъ сосредоточить коронное войско и посполитое рушеніе, а между тѣмъ укрѣпить лагерь на случай нападенія саксонцевъ. Для облегченія сообщеній выстроилъ второй мостъ черезъ Вислу. Карлъ, осадивъ Пинчовъ, двинулся также къ Кракову, тогда какъ Гилленштіернъ велъ черезъ Великопольшу свѣжее шведское войско въ числѣ 12,000 человѣкъ. Фридрихъ-Августъ, опасаясь чтобъ его не окружили со всѣхъ сторонъ, истребилъ (3 августа) оба моста и направился къ Сандоміру. Карлъ занялъ (10 августа) Краковъ безъ выстрѣла, оставилъ въ немъ гарнизонъ изъ шести полковъ подъ начальствомъ Стейнбока и взялъ съ жителей значительную контрибуцію деньгами и провіантомъ для прокормленія незванныхъ гостей.

Занявъ укрѣпленный лагерь между Вислою и Саномъ, Фридрихъ-Августъ собралъ въ немъ посполитое рушеніе воеводствъ малопольскихъ и нѣкоторыхъ великопольскихъ, которыя составили (22 августа) конфедерацію, для защиты короля, вольностей и религіи. Король далъ письменное удостовѣреніе, что сохранитъ въ цѣлости всѣ уставы, вольности и привиллегіи польскаго народа, не будетъ нарушать союзовъ и договоровъ съ сосѣдями, безъ вѣдома и разрѣшенія рѣчипосполитой не заключитъ новыхъ и не объявитъ никому войны, удалитъ отъ себя иностранныхъ совѣтниковъ и по заключеніи мира съ Карломъ XII соберетъ конный сеймъ, постановленія котораго сенатъ не вправѣ отмѣнять, пре-

---

битъ. Оба короля, храбрые, неустрашимые, долго спорили о побѣдѣ, но счастіе улыбалось шведамъ. Поляки, поставленные неудобно, не принимали участія въ битвѣ, и наконецъ начали отступать скорѣе по недовѣрію къ саксонцамъ, чѣмъ принужденные къ тому силой. Въ числѣ шведовъ былъ убитъ храбрый герцогъ Голштейнъ-Готторпскій; узнавъ о его смерти, Карлъ заплакалъ: говорятъ это были единственныя слезы, которыя онъ пролилъ въ своей жизни. Побѣду Карла сравнивали съ побѣдой Александра В. надъ Даріемъ: Дарій привелъ войско покрытое золотомъ, Александръ — полу-нагихъ солдатъ; такъ и саксонцы, въ кафтанахъ шитыхъ золотомъ, обложенныхъ галунами, казалось, скорѣе приготовились къ свадьбѣ, чѣмъ къ битвѣ (Nielnbrwict, Lipiński i Baliński, Starożytna Polska). *Прим. перевод.*

доставитъ въ распоряженіе рѣчипосполитой свои саксонскія войска и т. п. Сконфедерованныя воеводства назначили пословъ къ Карлу, постановивъ, что если бы и это посольство не добилось мира, тогда король, въ присутствіи назначенной депутаціи, утвердитъ присягой вышеизложенное удостовѣреніе, которая съ своей стороны, именемъ всѣхъ воеводствъ, принесетъ королю присягу по приготовленной теперь же формѣ. Къ Карлу отправили мазовецкаго воеводу Станислава Морштына, Андрея Жидовскаго, Степана Лещинскаго и Христофора Коморовскаго. Въ составъ депутаціи назначены по 2 представителя отъ каждаго воеводства, которые должны были собраться (22 сентября) въ Варшавѣ или въ другомъ мѣстѣ, и рѣшить окончательно вопросъ о мирѣ или войнѣ; но депутація не имѣла права уступать ни одной изъ польскихъ провинцій. Кромѣ того приказано всѣмъ тѣмъ, кто принялъ сторону Швеціи, прервать всѣ свои сношенія съ непріятелемъ, подъ опасеніемъ лишенія чести и жизни. Къ воеводствамъ, которыя не находились въ лагерѣ, послано приглашеніе присоединиться къ конфедераціи. Какъ велико было негодованіе противъ тѣхъ, которые дружились съ шведами, можно судить уже по тому обстоятельству, что воеводу Феликса Липскаго*) шляхта изрубила въ куски, единственно по подозрѣнію въ содѣйствіи, оказанномъ имъ шведамъ при переходѣ ихъ изъ Литвы въ Польшу. Ему не позволили оправдываться, даже покровительство короля не могло его спасти.

Когда воеводства разъѣхались, король отправился (7 сентября) въ Варшаву, гдѣ собирались саксонскія войска. Здѣсь мало по малу,

*) Сѣрадзкій каштелянъ, впослѣдствіи калишскій воевода, Александръ-Феликсъ Липскій, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ латинскихъ ораторовъ своего времени, занималъ разныя общественныя должности и, между прочимъ, былъ два раза маршаломъ короннаго трибунала. Послѣ смерти Яна III, онъ принадлежалъ къ французской партіи и привѣтствовалъ въ Данцигѣ герцога Конти великолѣпною рѣчью. Липскій былъ отправленъ въ качествѣ посла къ Карлу XII и старался остановить молодаго короля-завоевателя; рѣчь, которую онъ произнесъ при этомъ случаѣ, возбудила въ шляхтѣ подозрѣніе на счетъ чистоты его дѣйствій и была причиной смерти воеводы. (Sobiesczański — Encykl. powsz., T. XVII). *Прим. перевод.*

на основанiи сандомирскаго постановленiя, должны были начаться переговоры о мирѣ. Примасъ прiѣхалъ съ нѣсколькими сенаторами, явились также уполномоченные изъ Малопольши. Совѣщанiя продолжались нѣсколько дней. Всѣ находили опаснымъ для рѣчипосполитой, что Великопольша не приняла сандомирскаго постановленiя. Кончилось тѣмъ, что совѣщанiя были отсрочены (до 23 октября). Король долженъ былъ между тѣмъ созвать сеймики въ Великопольшѣ, избранные же въ Сандомiрѣ послы отправиться къ Карлу XII. Не принимая пословъ въ аудiенцiи, Карлъ отвѣтилъ письменно, что не приметъ посредничества рѣчипосполитой, пока она не оправдается въ его глазахъ, наказавъ нарушителей спокойствiя и враговъ его. Посольство обратилось къ Пиперу, но онъ далъ такой же отвѣтъ, присовокупивъ еще, что онъ не можетъ его считать посольствомъ рѣчипосполитой, такъ какъ оно назначено только нѣсколькими воеводствами. Такъ изчезла послѣдняя надежда на переговоры.

Отсроченныя совѣщанiя возобновились (17 ноября) въ Варшавѣ, куда прибыли уполномоченные Литвы и Великопольши, такъ какъ великополяне, собравшись (30 октября) въ Колѣ, составили также противъ шведовъ конфедерацiю, для защиты вѣры, вольностей и короля. Совѣщанiя въ Варшавѣ продолжались мѣсяцъ. Рѣшено окончательно, если Карлъ не заключитъ мира, взяться за оружiе. Воеводства должны были ассигновать на сеймикахъ деньги и опредѣлить цифру выставляемаго ими войска; короля же уполномочили входитъ съ иностранными государями въ переговоры о заключенiи союзовъ, окончательное утвержденiе которыхъ предоставлялось однако сеймамъ. Шведы между тѣмъ хозяйничали по своему. Штейнбокъ раззорялъ Русь контрибуцiями, а Карлъ шелъ на Варшаву, куда его приглашалъ примасъ Радзѣiовскiй подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ, но въ сущности для сверженiя съ престола Фридриха-Августа, въ чемъ ему оказывалъ дѣятельное содѣйствiе французскiй посланникъ Геронъ. Происки послѣдняго, открытые изъ перехваченныхъ писемъ, заставили короля, находившагося въ Торнѣ, приказать схватить его и вывести подъ кон-

воемъ заграницу. Король помѣстилъ въ Торнѣ гарнизонъ и приказалъ исправить его укрѣпленія.

Примасъ, дѣйствовавшій уже по соглашенію съ Карломъ, пригласилъ универсалами сенаторовъ и пословъ на совѣщанія (15 февраля 1703) въ Варшаву, по случаю опасности, угрожавшей отечеству. Это было нарушеніемъ правъ короля. Фридрихъ-Августъ жаловался сенату, но оправдывалъ примаса тѣмъ, что онъ принужденъ былъ шведами прибѣгнуть къ этому противузаконному шагу и увѣщевалъ сенаторовъ ѣхать не въ Варшаву, а къ нему въ Мальборгъ. Кромѣ того онъ пригласилъ и шляхту прислать своихъ представителей, для составленія плана защиты края, такъ какъ и послѣдняя надежда на миръ изчезла.

Король особымъ письмомъ пригласилъ также и примаса, но онъ не прибылъ, предсѣдательствуя въ это время въ варшавскомъ съѣздѣ, въ которомъ столь немногія лица приняли участіе, что пришлось назначить новый съѣздъ (къ 27 марта). Примасъ сбросилъ съ себя личину. Въ универсалахъ, сзывающихъ новый съѣздъ, онъ назвалъ его прямо сеймомъ, какъ будто Фридрихъ-Августъ уже былъ свергнутъ съ престола.

Въ Мальборгъ прибыли (16 марта) кромѣ сенаторовъ, послы изъ Польши и Литвы, гдѣ также составилась (7 марта) конфедерація для защиты вѣры, вольностей и короля, шведскіе же приверженцы объявлены врагами отечества. Прусскія воеводства одни только не завязывали еще конфедераціи, а потому и пословъ ихъ не было въ Мальборгѣ. Это большое мальборгское совѣщаніе, бывшее продолженіемъ варшавскаго и послѣдствіемъ сандомірской конфедераціи, продолжалось, съ небольшими промежутками, до 4 мая. Такъ какъ не было никакой надежды на миръ, то шляхтѣ разослано третье воззваніе, и коронnымъ и литовскимъ войскамъ приказано соединиться съ саксонскими противъ шведовъ. Съ приверженцами шведовъ рѣшено поступить по всей строгости законовъ, а тѣхъ, которые вооруженной рукой поддерживали бы Карла XII, считать измѣнниками. Съѣздъ, назначенный примасомъ, признанъ противозаконнымъ. Король, отсрочивая совѣщаніе, назначилъ двух-

недѣльный генеральный сеймъ, который долженъ былъ собраться (19 іюня) въ Люблинѣ.

Карлъ согласившись (въ апрѣлѣ) съ примасомъ въ Виляновѣ, который успокоилъ его на счетъ расположенія умовъ въ калишскомъ и познанскомъ воеводствахъ, оставилъ Реншильда для защиты этихъ двухъ воеводствъ, а самъ двинулся дальше. Во время пребыванія въ Прагѣ, онъ принялъ (26 апрѣля) польскихъ пословъ, которые изъявили готовность возобновить оливскій миръ, но безъ нарушенія вѣрности Фридриху-Августу. Такъ какъ послы просили Карла назначить уполномоченныхъ для переговоровъ, то онъ приказалъ имъ отвѣтить, что сословія должны прежде подать свое мнѣніе о запискѣ, отправленной имъ къ примасу. Въ запискѣ этой сваливали всю вину на Фридриха-Августа. Онъ называлъ сандомирскія и мальборгскія постановленія противозаконными, такъ какъ нѣсколько воеводствъ не составляютъ еще рѣчипосполитой и не могутъ никого уполномочивать вести переговоры, что когда однако, созванное примасомъ собраніе, объявитъ ему справедливыя требованія рѣчипосполитой, онъ согласится на все, что будетъ необходимо для утвержденія поколебавшейся дружбы двухъ государствъ. Послѣ такого отвѣта, нечего было думать о переговорахъ.

Саксонскія войска, съ которыми соединилась часть литовскихъ хоругвей, стояли подъ начальствомъ фельдмаршала Стейнау возлѣ Пултуска. Карлъ ударилъ на нихъ. Результатомъ боя было—1,300 убитыхъ, 700 плѣнныхъ и отступленіе остальныхъ саксонцевъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе отъ собранія, совѣщавшагося въ Варшавѣ подъ руководствомъ примаса Радзѣіовскаго. Примасъ изъявлялъ готовность возобновить оливскій миръ, но безъ низложенія короля, такъ какъ большинство воеводствъ было противъ этой мѣры. Карлъ, недовольный рѣшеніемъ, отвѣтилъ, что когда рѣчьпосполитая укажетъ ему на возможность постояннаго и вѣчнаго мира, онъ объявитъ свое мнѣніе и назначитъ уполномоченныхъ. Послѣ того Карлъ XII двинулся далѣе, перешелъ Дрвенцу и осадилъ Торнъ.

Между тѣмъ былъ открытъ въ Люблинѣ сеймъ подъ руковод-

ствомъ польнаго гетмана Михаила Вишневецкаго. Изъ посольской палаты были удалены калишскіе и познанскіе послы, избранные не смотря на протесты, представленные на сеймикахъ. Совѣщанія бывали очень бурныя. Возставали противъ Сапѣгъ и потребовали отъ примаса, прибывшаго также на сеймъ, доказательствъ, что онъ не держалъ за одно со шведами. Онъ принужденъ былъ присягнуть, что не приглашалъ шведовъ въ Польшу, не удерживаетъ ихъ, ничего не предпринималъ и не предприметъ противъ короля. Послѣ него сенаторы и послы повторили туже присягу, отсутствующіе должны были исполнить ее на сеймикахъ, въ судѣ, или передъ старшимъ чиновникомъ своего уѣзда. Назначены подати на уплату войску жалованья и на другія нужды рѣчипосполитой. Короля уполномочили входить въ переговоры съ разными государствами для заключенія союзовъ противъ Карла XII, если бы онъ не хотѣлъ заключить мира. Сеймъ кончился благополучно 11 іюля.

Пока въ Люблинѣ совѣщались, шведы распоряжались по своему въ Пруссіи, налагая огромныя контрибуціи на города и волости. Фридрихъ-Августъ послалъ Стейнау къ Торну, чтобы дать помощь осажденному гарнизону. Но намѣреніе это не удалось, такъ какъ Карлъ принудилъ уже (13 октября) саксонцевъ сдать городъ. Весь гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ, а укрѣпленія города, не смотря на просьбы магистрата и собственныхъ генераловъ, Карлъ приказалъ разрушить до основанія. Послѣ того онъ взялъ Эльбингъ, гдѣ нашелъ 180 орудій и расположилъ войска въ Пруссіи на зимнихъ квартирахъ.

Между тѣмъ въ Великопольшѣ начали проявляться опасныя стремленія. Познанское и калишское воеводства, обидѣвшись удаленіемъ своихъ пословъ съ сейма, составили въ Сродѣ отдѣльную конфедерацію для защиты вѣры, вольностей и короля. Принявъ pacta conventa за основаніе, они объявили, что прольютъ свою кровь за Фридриха-Августа, если права и вольности не будутъ нарушены, что они не соединяются съ цѣлью производить волненія, но единственно для защиты своихъ воеводствъ и всей рѣчипосполитой. Маршаломъ конфедераціи избранъ пыздрскій староста Петръ

Бронишъ. Ее назвали великопольской, а впослѣдствіи варшавской. Она была орудіемъ примаса и съ самаго начала ея существованія было извѣстно о тайныхъ ея сношеніяхъ съ Карломъ XII, который приказалъ стоявшему въ Великопольшѣ генералу Реншильду защищать ее въ случаѣ надобности.

Посольство, отправленное люблинскимъ сеймомъ къ Карлу, домогалось переговоровъ, чего требовалъ также и примасъ. Пиперъ не отказывался, но говоря объ убыткахъ, понесенныхъ Швеціей вслѣдствіе ливонской войны, жаловался на непріязнь рѣчипосполитой, доказательствомъ чего служили мальборгскія и люблинскія постановленія. Онъ потребовалъ, чтобы послы представили свои условія, по которымъ ему можно будетъ судить о возможности переговоровъ. Удовлетворяя этому требованію, посольство представило (31 августа) слѣдующія условія: оливскій миръ и другіе договоры съ Швеціей возобновляются, король и сенатъ утверждаютъ ихъ присягой; тотчасъ по заключеніи мира саксонскія войска выйдутъ изъ земель рѣчипосполитой и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ возвращаться; Фридрихъ-Августъ не можетъ, безъ согласія сословій, заключать договоровъ съ иностранными государями, тѣ же, которые уже заключилъ, считаются недѣйствительными; ему воспрещается вторгаться въ шведскія провинціи или разрѣшать врагамъ Швеціи проходъ черезъ польскія земли, а тѣмъ менѣе оказывать имъ дѣятельную помощь; граждане рѣчипосполитой, которые дѣйствовали бы противъ Швеціи, будутъ наказаны, и сословія не дозволятъ никому нарушить настоящій договоръ, расчитывая на подобныя же дѣйствія со стороны Швеціи. Карлъ отвергнулъ эти предложенія, не находя въ нихъ основанія къ прочному миру, такъ какъ на люблинскомъ сеймѣ не присутствовали всѣ сословія и рѣчьпосполитая не въ силахъ исполнить обязательствъ, данныхъ отъ имени короля, который всегда найдетъ возможность ихъ нарушить. Онъ объявилъ кромѣ того, что переговоры немыслимы, пока не послѣдуетъ возвращеніе Сапѣгамъ прежнихъ правъ. Послѣ этого отвѣта, Карлъ обратился (21 сентября) циркулярно ко всѣмъ польскимъ и литовскимъ воеводствамъ, объявивъ, что постановле-

нія люблинскаго сейма преградили путь къ переговорамъ и пригласивъ всѣхъ соединиться съ великопольской конфедераціей, для защиты своихъ правъ и привиллегій, такъ какъ противниковъ ея онъ будетъ преслѣдовать какъ враговъ.

Теперь явно было для всѣхъ направленіе этой конфедераціи, съ разрѣшенія которой Реншильдъ занялъ (17 сентября) Познань. Изъ унѣіовскаго съѣзда она направила двухъ пословъ въ шведскій лагерь подъ Торномъ, чтобы выслушать предложенія Карла XII и сообщить ему свои. Мнимые переговоры кончились тѣмъ, что послѣ взятія Торна, послы объявили готовность отказаться отъ послушанія Фридриху-Августу, лишь бы шведскіе уполномоченные удостовѣрили конфедерацію, что подъ иными условіями миръ невозможенъ. Шведы колебались, но наконецъ согласились, и Карлъ написалъ маршалу конфедераціи, что миръ не можетъ состояться, пока Фридрихъ-Августъ не будетъ свергнутъ съ престола. Вслѣдствіе такихъ объясненій, поддерживаемыхъ оружіемъ, великопольская конфедерація получила заявленія изъ Пруссіи, Куявъ, Добржина и плоцкаго воеводства на счетъ присоединенія къ ней. Всѣ надѣялись избавить себя этимъ отъ страшныхъ контрибуцій, но ошиблись.

Фридрихъ-Августъ, замѣтивъ къ чему направлена великопольская конфедерація, воспретилъ ей (29 сентября) дѣлать съѣзды и приказалъ принять на сеймикѣ постановленія люблинскаго сейма. Конфедерація отправила къ нему двухъ пословъ, которые осмѣлились въ его присутствіи утверждать, что они составили союзъ только для защиты короля и для ускоренія заключеніемъ мира, а для достиженія этого хотятъ помогать примасу и посольству, назначенному сеймомъ. Имъ отвѣтили, чтобы они, не вмѣшиваясь въ дѣла порученныя уже другимъ, не дѣлали никакихъ особенныхъ съѣздовъ, ни совѣщаній. Но конфедераты, собранные въ Унѣіовѣ не обратили вниманія на приказаніе Фридриха-Августа. Къ нимъ прибылъ вскорѣ шведскій уполномоченный Вахшлягеръ, который однако не входилъ съ ними въ переговоры, по случаю малаго числа присутствовавшихъ въ собраніи. Послѣ его отъѣзда конфеде-

раты разъѣхались (14 нояб.), постановивъ собраться съ оружіемъ въ рукахъ тамъ, гдѣ примасъ и маршалъ прикажутъ. Но въ тоже время назначили двухъ пословъ къ Фридриху-Августу, прося его воздержаться до слѣдующаго сейма съ отправкою уполномоченныхъ къ русскому царю и къ другимъ государямъ а также поручили своему маршалу войти въ сношенія съ воеводствами, объявившими себя въ пользу конфедераціи и увѣрить Сапѣгъ, что конфедерація не забудетъ объ нихъ при заключеніи мира. Однако большая часть познанскаго и калишскаго воеводствъ, отдѣлившись отъ этой конфедераціи, составили контрконфедерацію подъ руководствомъ великопольскаго генерала Матвѣя Радоминскаго, для возстановленія внутренняго мира. Собравшись въ Гостынѣ, контрконфедерація отправила (въ ноябрѣ) посольство къ королю, которое должно было просить помощи въ случаѣ если переговоры о мирѣ не состоятся и увѣрить Фридриха-Августа, что новая конфедерація будетъ стоять неотступно за вѣру, отечество и короля, и принимаетъ вполнѣ люблинскія постановленія. Кромѣ того депутація ходатайствовала о созваніи сеймиковъ и о воспрещеніи отдѣльнымъ воеводствамъ составлять конфедераціи *).

*) Скажемъ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ, какое значеніе имѣла въ Польшѣ конфедерація. Она не была ни формой правленія, ни взаимнымъ союзомъ для защиты; ее слѣдуетъ считать возстаніемъ гражданъ соединявшихся вмѣстѣ, или для удовлетворенія необходимымъ нуждамъ рѣчипосполитой, или, что случалось всего чаще, для защиты шляхетскихъ вольностей, или для устраненія насилій правительства, а иногда для его обороны, или наконецъ для какихъ нибудь всеобщихъ, либо частныхъ цѣлей. Въ такомъ краѣ, гдѣ никто не имѣлъ понятія о настоящихъ основныхъ законахъ правленія, гдѣ не было ни постоянной конституціи, ни пониманія истинной свободы, гдѣ привиллегіи, составляя разницу между сословіями, подчиняли однихъ неограниченной власти другихъ, конфедераціи должны были возникать часто, но обыкновенно не приносили никакой пользы, дѣйствуя даже во вредъ, потому что исходили отъ привиллегированныхъ сословій. Каждое междуцарствіе влекло за собой конфедерацію, и чѣмъ болѣе увеличивалась анархія, тѣмъ болѣе было подобныхъ союзовъ. Они начинались на сеймикахъ, въ судахъ или на частныхъ съѣздахъ, созванныхъ тѣми, кто хотѣлъ составить конфедерацію; потомъ переходили въ воеводства, повѣты и провинціи; наконецъ воеводскіе, повѣтовые и провинціональные союзы соединялись въ одну, такъ сказать генеральную конфедерацію. Конфедерація, слѣдовательно, была обществомъ составленнымъ

Когда ни уполномоченные люблинскаго сейма, ни посланники австрійскій, англійскій и голландскій, предлагавшіе свое посредничество, ничего не добились, Фридрихъ-Августъ рѣшился искать союзниковъ противъ своего врага. Сенаторамъ, собраннымъ въ Уяздовѣ, онъ представилъ сперва необходимость привлеченія на свою сторону новаго прусскаго короля, отъ котораго онъ надѣялся, за признаніе королевскаго титула, получить не только вооруженную помощь, но и отреченіе отъ суммъ, слѣдующихъ ему отъ рѣчипосполитой и отъ правъ на драгимское староство. Надежды эти не сбылись, ибо по занятіи прусскимъ королемъ эльбингскаго округа и по объявленіи имъ, что онъ возвратитъ его не иначе, какъ по полученіи слѣдующихъ ему 300,000 тал., не было уже основанія вести переговоры о заключеніи союза. Гораздо важнѣе было дѣло съ царемъ Петромъ I, который, продолжая воевать со шведами въ Инфлянтахъ, былъ готовъ заключить союзъ съ рѣчьюпосполитой. Король желалъ этого союза, но рѣчьпосполитая усматривала въ заключеніи его новую преграду къ миру со Швеціей. Не смотря на это, мнѣніе короля было принято въ Уяздовѣ и хелминскій воевода отправленъ въ Москву. Посланникъ направился тотчасъ къ Львову, гдѣ долженъ былъ ожидать окончанія большаго совѣта, собраннаго королемъ въ Яворовѣ. Собранные здѣсь сенаторы и послы полагали, что король потребуетъ ихъ мнѣнія, нуженъ ли союзъ съ россійскимъ царемъ или нѣтъ. Но Фридрихъ-Августъ думалъ иначе. Онъ полагалъ, что достаточно уже уяздовскаго рѣшенія и что совѣтъ долженъ былъ только уполномочить подскарбія выплатить посланнику на путевыя издержки 50,000 тал. Пренія

съ извѣстною цѣлью, подъ присягой и обязательствомъ, что никто отъ него не отступится, пока цѣль не будетъ достигнута. Почти каждая конфедерація имѣла свою исключительную форму, какую ей угодно было избрать; но настоящая конфедерація отличалась отъ другихъ совѣщательныхъ собраній тѣмъ, что дѣла рѣшались въ ней не единогласно, а по большинству голосовъ. Если конфедерація не пріобрѣтала достаточнаго числа приверженцевъ, или была причиной составленія контрконфедераціи, которая одерживала верхъ, то первая получала названіе рокоша. Рокошане считались измѣнниками и подвергались всей строгости закона, но обыкновенно примирительный сеймъ миловалъ и прощалъ всѣхъ.

Прим. перевод.

объ этомъ продолжались всю недѣлю и сенаторы написали даже къ хелминскому воеводѣ Дзялынскому, чтобы вмѣсто Москвы онъ ѣхалъ въ Яворовъ, гдѣ должно сперва рѣшить, будетъ ли полезенъ для рѣчипосполитой союзъ съ русскимъ царемъ. Король сдѣлалъ рѣзкій выговоръ тѣмъ, кто осмѣлился писать къ воеводѣ, но успокоившись немного объявилъ черезъ литовскаго вицеканцлера, что во вниманіе къ тѣмъ, которые еще вѣрятъ въ возможность мира, хелминскій воевода пріостановитъ свой отъѣздъ до праздниковъ Рождества; если же къ тому времени не будетъ достовѣрнаго извѣстія о мирѣ, онъ отправится въ путь. Затѣмъ король отсрочилъ собраніе совѣта на неопредѣленное время. Столь неожиданное прерваніе совѣщаній, вызвало громкія жалобы, въ особенности въ средѣ пословъ; говорили, что это уже первыя проявленія самодержавія, предсказывающія конецъ польской вольности. Король, не понимавшій словъ, но догадавшійся въ чемъ дѣло, остановился на серединѣ залы и окинувъ собраніе гнѣвнымъ взглядомъ, сослался на свои преимущества, которыя ему, а не сословіямъ предоставляютъ право собирать и отсрочивать собранія. Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ (18 декабря) въ Краковъ, а оттуда въ Саксонію. Сенаторы отправились большею частью въ Львовъ, гдѣ составили протестъ противъ посольства въ Москву, подписанный, между прочимъ, обоими коронными гетманами и краковскимъ воеводою.

Подъ предлогомъ ускоренія совѣщаній о мирѣ, примасъ назначилъ (14 января 1704) съѣздъ въ Варшавѣ. По случаю малаго числа собравшихся, совѣщанія были отсрочены до 30 янв. Когда изъ десяти воеводствъ собралось немного шляхты и сенаторовъ, Бронишъ былъ избранъ маршаломъ генеральной конфедераціи, хотя Малопольша, Литва и Пруссія къ ней не присоединились. При содѣйствіи этой конфедераціи, въ особенности примаса Радзѣіовскаго, Карлъ намѣревался провести сверженіе съ престола Фридриха-Августа, о чемъ даже не знала большая часть конфедератовъ. И такъ, когда составилась генеральная конфедерація, Карлъ прислалъ (5 февраля) двухъ уполномоченныхъ, которые должны были не только условиться о мирѣ, но помогать совѣтомъ рѣчипосполи-

той для водворенія прежняго порядка вещей. Маршалъ, доказывая конфедератамъ необходимость какъ внутренняго, такъ и внѣшняго мира, объявилъ прямо, что этого можно достигнуть не иначе, какъ отказавъ въ повиновеніи Фридриху-Августу. Послѣ того составлено было формальное обвиненіе, въ которомъ доказывалось, что Фридрихъ-Августъ былъ причиной всѣхъ общественныхъ несчастій, что онъ нарушалъ права и вольности рѣчипосполитой. Обвиненіе было принято большинствомъ голосовъ и внесено въ актъ конфедераціи. До объявленія междуцарствія, отъ шведскихъ коммисаровъ, потребовали, чтобы Карлъ XII освободилъ весь край отъ какихъ бы то ни было контрибуцій и приказалъ войскамъ своимъ выступить изъ земель рѣчипосполитой. Коммисары отвѣтили, что одно и другое будетъ возможно только тогда, когда всѣ воеводства присоединятся къ конфедераціи и постановленія ея войдутъ въ силу. Обратились къ примасу, прося его объявить междуцарствіе; онъ соглашался это сдѣлать, когда актъ конфедераціи будетъ утвержденъ присягой. Въ этомъ актѣ, отказывающемъ въ повиновенія Фридриху-Августу, приверженцы его названы нарушителями спокойствія, а саксонскія войска — непріятельскими. Вдругъ въ мартѣ пришло извѣстіе, что Фридрихъ-Августъ приказалъ поймать между Олавой и Бреславлемъ въ Силезіи королевичей Якова и Константина Собѣскихъ и заключилъ ихъ въ плейссенбургскомъ замкѣ. Поводомъ къ этому насилію было подозрѣніе, будто бы Яковъ намѣренъ при помощи шведовъ завладѣть польскимъ престоломъ. Это происшествіе вызвало страшное негодованіе въ Варшавѣ, такъ что всѣ дали торжественный обѣтъ отомстить за оскорбленіе. Для собственной безопасности конфедерація получила отъ Карла нѣсколько шведскихъ хоругвей. Кромѣ того прибылъ (11 марта) краковскій каштелянъ и коронный великій гетманъ Любомирскій съ девятью хоругвями короннаго войска, тогда какъ остальное осталось вѣрно Фридриху-Августу и завязало конфедерацію для его защиты. Тогда обратились къ Карлу съ новой просьбой, чтобы онъ подкупилъ коронное войско и утвердивъ оливскій миръ, освободилъ рѣчьпосполитую отъ контрибуцій. Отвѣтъ состоялъ въ томъ,

что миръ будетъ заключенъ безъ отторженія отъ рѣчипосполитой какой бы то ни было провинціи, что Карлъ поможетъ новому королю изгнать саксонцевъ и уплатитъ войску, по объявленіи междуцарствія, 2.000,000 злот., если оно примкнетъ къ варшавской конфедераціи. Вслѣдствіе этого примасъ объявилъ формально междуцарствіе и назначилъ 19 іюня днемъ избранія новаго короля. Варшавская конфедерація назначила коммисаровъ для переговоровъ съ шведскими уполномоченными, но переговоры были отсрочены до избранія новаго короля.

Когда это происходило въ Варшавѣ, сандомірское воеводство составило на сеймикѣ въ Опатовѣ конфедерацію для защиты вольностей, вѣры и короля, принося клятву никогда не согласиться на сверженіе Фридриха-Августа съ престола, пролить въ его защиту кровь до послѣдней капли, но не нарушать ни въ чемъ правъ и преимуществъ народа. Маршаломъ избранъ литовскій ловчій Станиславъ Денгофъ, посланы приглашенія ко всѣмъ гражданамъ короны и Литвы присоединиться къ конфедераціи и сообщено о ней королю, который, получивъ извѣстіе о варшавскихъ проискахъ, только что прибылъ изъ Саксоніи въ Краковъ. Воззванія сандомірскаго воеводства были приняты хорошо, потому что почти вездѣ гнушались низверженіемъ короля съ престола, даже являлась шляхта изъ воеводствъ, подписавшихъ варшавскую конфедерацію. Въ одномъ Гостынѣ 600 человѣкъ шляхты объявило себя противъ варшавской конфедераціи. Коронное войско составило также при королѣ конфедерацію подъ руководствомъ Станислава Хоментовскаго.

Все это пролагало путь къ генеральной конфедераціи, которая и завязалась (24 марта) въ Сандомірѣ, подъ руководствомъ Денгофа, когда Фридрихъ-Августъ прибылъ въ этотъ городъ и собралъ вокругъ себя какъ воеводства, такъ и войска. Варшавскія рѣшенія и постановленія признаны клятво-преступничествомъ и нарушеніемъ правъ и уставовъ, король оправданъ относительно ливонской войны и упрекъ, будто бы онъ ищетъ самодержавія, названъ неосновательнымъ. Составляя въ присутствіи короля союзъ

для защиты вѣры, вольностей, правъ и цѣлости границъ рѣчипосполитой, противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, конфедерація протестовала противъ объявленія междуцарствія и новыхъ выборовъ и объявляла врагомъ отечества каждаго, кто бы позволилъ избрать себя въ короли. Всѣхъ кто подъ вліяніемъ угрозы или наущеній принималъ участіе въ варшавскихъ козняхъ, пригласили присоединиться, въ теченіи четырехъ недѣль, къ сандомірской конфедераціи, подъ опасеніемъ быть принятымъ за враговъ отечества вмѣстѣ съ шведскими приверженцами. Города обязаны были также въ теченіи четырехъ недѣль присоединиться къ конфедераціи. Противъ Карла XII и его приверженцевъ назначено посполитое рушеніе. Виновники варшавской конфедераціи преданы суду. Примасъ, познанскій епископъ, Сапѣга и маршалъ конфедераціи Бронишъ лишены чести, должностей и состоянія, сверхъ того Бронишъ и состоявшіе при немъ совѣтники изъяты изъ подъ покровительства законовъ и обѣщана награда каждому кто бы ихъ казнилъ. Назначенъ конфедерацкій судъ, который подъ предсѣдательствомъ короля, долженъ былъ судить государственныя преступленія по примѣру сеймоваго суда. По составленіи акта конфедераціи, Фридрихъ-Августъ принесъ присягу, что сохранитъ въ цѣлости pacta conventa и люблинскія обязательства, никогда не оставитъ рѣчипосполитой, будетъ защищать вольности и католическую вѣру, не употребитъ конфедераціи и союзовъ съ иностранными государями во вредъ рѣчипосполитой, не согласится на отторженіе земель рѣчипосполитой, безъ ея вѣдома не заключитъ мира, наконецъ, что онъ никогда не помышлялъ и помышлять не будетъ о самодержавномъ правленіи. Маршалъ принесъ присягу въ вѣрности рѣчипосполитой. утверждая, что только отъ нея будетъ находиться въ зависимости, что въ защитѣ правъ короля, вѣры, уставовъ и вольностей отечества будетъ жертвовать своимъ достояніемъ и жизнью, будетъ произносить приговоры согласно существующимъ законамъ, безъ разрѣшенія рѣчипосполитой ничего не сдѣлаетъ и не напишетъ, будетъ сопротивляться отторженію земель рѣчипосполитой и

т. п. Всѣ присутствующіе поклялись сохранить союзъ до совершеннаго успокоенія рѣчипосполитой внутри и извнѣ.

Только прусскія провинціи не принадлежали ни къ одной изъ двухъ конфедерацій, стоявшихъ другъ противъ друга и объявлявшихъ себя взаимно врагами отечества. Интриги примаса, но болѣе всего присутствіе въ Пруссіи шведскихъ войскъ, заставили сперва часть прусской шляхты, а потомъ и Данцигъ присоединиться къ варшавской конфедераціи; Штейнбокъ угрожалъ Данцигу вооруженной силой и далъ ему (27 мая) три дни времени, чтобы примкнуть къ варшавской конфедераціи, послѣ чего за каждый просроченный часъ приказалъ уплачивать себѣ по 1,000 тал. Двѣ недѣли спустя примасъ назначилъ въ Пруссіи сеймики, гдѣ варшавская конфедерація была принята и назначены послы на избирательный сеймъ.

Во время этихъ съѣздовъ, на театрѣ войны не произошло ни одного сколько нибудь важнаго событія. Съ января мѣсяца было нѣсколько мелкихъ стычекъ, а Фридрихъ-Августъ, проѣздомъ изъ Кракова въ Сандоміръ, едва не попалъ въ руки Рёншильда. Послѣ того обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ. Съ приближеніемъ срока выборовъ, Карлъ XII двинулся съ войскомъ къ Варшавѣ, чтобы отдать корону тому, кто для него будетъ удобнѣе, но все таки избирательная комедія должна была розыграться. Сперва онъ предназначалъ корону Якову Собѣскому, но когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, очутился въ саксонской тюрьмѣ, Карлъ рѣшился отдать корону Александру Собѣскому и съ этою цѣлью выписалъ его въ Варшаву. Но младшій изъ сыновей Яна III былъ слишкомъ тяжелъ, слишкомъ изнѣженъ, чтобы принять корону, изъ-за которой приходилось еще сражаться, и потому онъ отказалъ на отрѣзъ. Карлъ былъ въ затрудненіи. Примасъ вспомнилъ герцога Конти, но Карлъ не хотѣлъ раздражать вѣнскаго двора возведеніемъ на польскій престолъ французскаго принца. Тогда примасъ потребовалъ непремѣнно короны для одного изъ иностранныхъ принцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ни одинъ изъ туземцевъ не въ состояніи удержаться на пре-

столѣ. Карлъ однако рѣшительно взялъ сторону пяста и предложилъ познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго, сына подскарбія Рафаила. Краснорѣчивый, образованный, храбрый и благородный, Станиславъ Лещинскій обладалъ всѣми качествами ума и сердца. По вступленіи шведовъ въ Польшу, его и отца его заподозрили въ приверженности къ нимъ и въ содѣйствіи великопольской и варшавской конфедераціямъ. Послѣдняя отправила его вмѣстѣ съ другими депутатами къ Карлу XII, который зналъ его уже прежде. Познанскій воевода до того снискалъ себѣ расположеніе и дружбу монарха, что тотъ поручилъ посланнику своему Горну поддерживать его выборъ, не смотря на доводы примаса, который находилъ, что литовскій канцлеръ Радзивиллъ или коронный великій гетманъ Любомирскій *) болѣе достойны короны.

---

*) Коронный великій гетманъ краковскій каштелянъ Іеронимъ-Августинъ Любомирскій, искалъ для себя вездѣ перваго мѣста. Въ 1660 г. былъ тынецкимъ аббатомъ; когда прекратилась линія заславскихъ князей, онъ потребовалъ для себя острогской ординаціи, на томъ основаніи, что онъ членъ мальтійскаго ордена. Дѣло это волновало рѣчьпосполитую нѣсколько лѣтъ; Любомирскій не получилъ ни тынецкаго аббатства, ни острогской ординаціи. Въ 1678 г. назначенъ великимъ короннымъ хорунжимъ, въ 1682 г. надворнымъ короннымъ маршаломъ. Онъ былъ до того гордъ, что хотѣлъ первенствовать всегда и во всемъ, все что ни дѣлалъ, каждый шагъ его жизни, носилъ на себѣ этотъ отпечатокъ; рѣчьпосполитую считалъ только средствомъ для достиженія власти. Любомирскій никогда не отвергалъ предложеній, потому что принимая на себя какое бы то ни было обязательство, измѣнялъ ему безсовѣстно, если того требовалъ его личный интересъ. Чѣмъ привѣтливѣе было его лицо, тѣмъ чернѣе душа; когда хотѣлъ, умѣлъ плакать, сочувствовать несчастіямъ отечества проклинать военныя конфедераціи, но все это было притворство: онъ поддерживалъ конфедераціи для личной своей пользы. Любомирскій имѣлъ однажды дѣло, которое доказывало его пренебреженіе къ законамь: ленчицкій подкоморій упрекалъ на сеймѣ гетмана въ разныхъ злоупотребленіяхъ и ни на чемъ не основанныхъ притязаніяхъ; нѣсколько дней спустя, вооруженная толпа напала на подкоморія въ собственномъ его домѣ и убила его. Это была месть вельможи, который не считалъ равнымъ себѣ шляхтича, хотя и богатаго, и всѣми уважаемаго. Въ междуцарствіе Любомирскій поддерживалъ сперва французскую партію и депеши Полиньяка заключаютъ въ себѣ много грустныхъ подробностей объ этомъ сановникѣ; потомъ онъ перешелъ на сторону курфирста саксонскаго: назначенъ сперва польнымъ гетманомъ, потомъ краковскимъ каштеляномъ, наконецъ великимъ гетманомъ; желая получить корону, присоединился къ шведамъ, послѣ провозглашенія Лещинскаго, возвратился къ Фридриху-Августу. Лю-

На избирательный сеймъ собралось немного сенаторовъ и шляхты, но немедленно возникли недоразумѣнія и споры. Одни предлагали познанскаго воеводу, другіе краковскаго каштеляна, третіе короннаго великаго гетмана. Примасъ, не сочувствуя Лещинскому, медлилъ выборомъ до тѣхъ поръ, пока Карлъ не приблизился (7 іюля) съ войскомъ къ Варшавѣ; онъ надѣялся, что, по полученіи аудіенціи, которой прежде не могъ добиться, съумѣетъ убѣдить Карла въ невозможности кандидатуры познанскаго воеводы. Но примасъ ошибся, потому что Карлъ, не обращая вниманія на его увѣренія, объявилъ рѣшительно, что онъ обѣщалъ корону Лещинскому и сдержитъ слово; что онъ обѣщалъ письменно поддержать его всѣмъ своимъ могуществомъ, если онъ будетъ избранъ въ короли. Это послѣднее обстоятельство увеличило число приверженцевъ Лещинскаго, которые настаивали немедленно приступить къ выбору. Тщетно примасъ и многіе другіе требовали двухъ дней отсрочки. Шляхта съ своимъ маршаломъ и шестью сенаторами отправилась (12 іюля) на избирательное поле, куда Горнъ, привелъ подъ предлогомъ прикрытія, 800 шведовъ. Подляскій посолъ Іерузальскій, увидѣвъ этотъ вооруженный отрядъ, спросилъ Сапѣгу, можно ли назвать свободнымъ выборъ, произведенный въ присутствіи иностраннаго войска и удержится ли онъ? Когда кромѣ того примасъ, краковскій каштелянъ и воевода ленчицкій, сѣрадзкій и подляскій остались въ Варшавѣ не смотря на отправленную къ нимъ депутацію, и самъ даже маршалъ совѣтовалъ принять двухнедѣльную отсрочку, подляскіе послы представили протестъ противъ тѣхъ, которые, не смотря на отсутствіе примаса, настаивали, чтобы познанскій епископъ провозгласилъ кандидата. На угрозы Горна отвѣчали рѣшительно, что они готовы умереть за народныя вольности. Не смотря на протестъ пословъ, Станиславъ Лещинскій былъ избранъ подъ напоромъ шведскаго оружія. Познанскій епископъ провозгласилъ его и пропѣлъ въ соборѣ св. Яна Te Deum. Избирательная комедія была розы-

---

бомирскій скончался въ 1706 г. вооруживъ противъ себя всѣхъ въ рѣчипосполитой. (*Załuski* — Epistolæ *Bartoszewicz* — Encykl. powsz. T. XVII.

Прим. перевод.

грана въ точности. Протестующіе, находясь въ рукахъ шведовъ, принуждены были признать Лещинскаго королемъ. Карлъ оставилъ новоизбранному королю для защиты отрядъ шведскихъ солдатъ и назначилъ коммиссаровъ для возобновленія оливскаго мира и для заключенія наступательно-оборонительнаго союза противъ Фридриха-Августа, что впрочемъ было отложено до коронаціи.

Противъ этого избранія сандомирская конфедерація протестовала торжественно (28 іюля), объявивъ, какъ избраннаго, такъ и избирателей врагами отечества и заявивъ твердую рѣшимость не покидать короля. Кромѣ того она обратилась ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ съ просьбой, не признавать Лещинскаго королемъ. Въ тоже время папа взывалъ сенаторовъ и все шляхетское сословіе къ защитѣ вѣры и короля, примаса же и познанскаго епископа потребовалъ къ себѣ въ Римъ.

Карлъ XII рѣшился принудить своихъ противниковъ при содѣйствіи оружія, признать Лещинскаго. Изъ Блоня (подъ Варшавой), гдѣ онъ стоялъ лагеремъ *), онъ двинулся къ Сандоміру, вблизи котораго его ожидалъ Рёншильдъ. Но Фридрихъ-Августъ отступилъ къ Ярославю **), потомъ къ Люблину, откуда неожиданно повернулъ къ Варшавѣ, надѣясь захватить Лещинскаго и его приверженцевъ. Брандъ, шедшій по другой сторонѣ Вислы, остановился (31 августа) въ Прагѣ и соединился съ Фридрихомъ-Августомъ. Прежде однако чѣмъ успѣли окружить Варшаву, Лещинскій скрылся съ своимъ семействомъ, съ королевичемъ Александромъ и съ примасомъ въ лагерѣ Карла XII. Горнъ, оставшись въ Варшавѣ съ 800 человѣкъ, принужденъ былъ сдаться. Фридрихъ-Августъ захватилъ только познанскаго епископа, котораго

---

*) На слѣдующій день послѣ мнимаго выбора, Лещинскій посѣтилъ Карла XII въ лагерѣ подъ Блонемъ и былъ принятъ шведскимъ королемъ со всевозможными королевскими почестями. Шанцы шведскагѣ лагеря со стороны Варшавы существуютъ въ Блонѣ до сего времени; народъ называетъ ихъ шведскими баттареями. *Прим. перев.*

**) Ярославь — городъ на берегахъ рѣки Сана, въ бывшемъ русскомъ воеводствѣ. Въ 1703 и 1704 г; почти всѣ жители его вымерли отъ голода, нищеты и заразительныхъ болѣзней. *Прим. перевод.*

отправилъ въ Римъ. Краковскій каштелянъ и коронный великій гетманъ отступились отъ Лещинскаго и протестовали противъ его избранія. Между тѣмъ Карлъ (4 сентября) послѣ краткаго сопротивленія взялъ Львовъ, взыскалъ съ города контрибуцію въ 125,000 тал. и принудилъ присягнуть на вѣрность Лещинскому. Сенаторовъ же и шляхту русской земли заставлялъ признавать Станислава, угрожая въ противномъ случаѣ истребить край огнемъ и мечемъ.

Между тѣмъ Шуленбергъ, во главѣ 12-ти тысячнаго отряда саксонцевъ, вступилъ въ Великопольшу и соединившись съ иновроцлавскимъ воеводою Радомицкимъ и Смигельскимъ *), который по-

*) Гнѣзненскій староста Адамъ Смигельскій родился во второй половинѣ царствованія Яна-Казиміра и былъ еще юношей, когда рѣчьпосполитая заключила бучацкій миръ, на основаніи котораго Украина и Каменецъ уступлены туркамъ. Извѣстіе это поразило Смигельскаго. Взявъ хорошую лошадь и вѣрнаго слугу, онъ поклялся не оставлять оружія до тѣхъ поръ, пока Каменецъ не будетъ возвращенъ, поступилъ въ хоругвь Собѣскаго и былъ неотступнымъ его товарищемъ, принимая участіе въ хотимской битвѣ и въ вѣнскомъ походѣ. Послѣ смерти Яна III, Смигельскій, расчитывая на обѣщаніе саксонскаго курфирста возвратить Каменецъ, поддерживалъ его кандидатуру и находился неотступно при своей хоругви до заключенія карловицкаго мира въ 1699 г. Онъ первый въѣхалъ верхомъ на стѣны Каменца, съ обнаженнымъ палашомъ. Послѣ столькихъ трудовъ, Смигельскій возвратился въ свое имѣніе, намѣреваясь отдохнуть. Но король началъ ливонскую войну. Извѣстіе о пораженіи саксонцевъ, о побѣдоносномъ шествіи Карла XII, задѣло за живое Смигельскаго, тогда уже короннаго чесника. Не теряя присутствія духа, среди шведовъ, занимавшихъ даже его собственную деревушку, онъ бросаетъ свою усадьбу, вооружаетъ тайно 24 всадника, нападаетъ съ ними ночью на шведовъ, однихъ убиваетъ, другихъ топитъ и распространяетъ ужасъ по всей окрестности. Съ этого дня началась партизанская война Смигельскаго. Шляхта толпами собиралась вокругъ него. Основывая все на быстротѣ, смѣлости и тайнѣ, онъ появлялся вездѣ неожиданно, ударялъ на шведовъ прежде, чѣмъ они успѣвали подняться и скрывался, когда враги еще не пришли въ себя, не знали кто и кого колотитъ. Въ скоромъ времени онъ собралъ до 20-ти хоругвей. Фридрихъ-Августъ приказалъ саксонскимъ войскамъ, по каждому требованію Смигельскаго, доставлять ему конные отряды; но тяжелая кавалерія не поспѣвала за нимъ, и потому саксонцы принуждены были заводить быстрыхъ скакуновъ, которыхъ и назвали лошадьми Смигельскаго. Иногда онъ самъ подвергалъ себя страшной опасности, красилъ усы, переодѣвался, пробирался въ шведскіе лагери и высмотрѣвъ все, нападалъ ночью. Имя его гремѣло во всей рѣчипосполитой, объ немъ разсказывали тысячи анекдотовъ. Онъ наказывалъ строго каждое насиліе. Однажды ему передали о безчеловѣчномъ поведеніи саксонскаго генерала

стоянно нападалъ на шведовъ и причинялъ имъ много вреда, — двинулся къ Познани. Майерфельдъ поспѣшилъ изъ Пруссіи на защиту шведскихъ приверженцевъ въ Великопольшѣ, но послѣ кровопролитнаго боя подъ Познанью, долженъ былъ отступить, и Шуленбергъ осадилъ городъ. Не имѣя осадной артиллеріи, онъ отступилъ отъ Познани (14 сентября) для соединенія съ Фридрихомъ-Августомъ, который впослѣдствіи (въ октябрѣ) послалъ противъ Познани Бранда съ 6-ти тысячнымъ вспомогательнымъ отрядомъ русскихъ войскъ. Послѣ трехнедѣльной осады лагерь былъ снятъ (4 ноября), когда пришло извѣстіе о приближеніи Карла. Онъ двинулся (24 сентября) изъ подъ Львова, съ оружіемъ въ рукахъ переправился черезъ Вислу, принудилъ Фридриха-Августа отступить къ Унѣіову, причемъ захватилъ у него часть обоза и взялъ много плѣнныхъ, догналъ потомъ (8 ноября) Шуленберга, высланнаго съ пѣхотой въ Саксонію, имѣлъ съ нимъ небольшую стычку на силезской границѣ, близь деревни Пуницe и разбилъ отрядъ изъ 2,000 козаковъ, подъ командой Бранда. Петръ въ это время осаждалъ Нарву. Здѣсь въ лагерѣ былъ заключенъ (20 августа) наступательно-оборонительный союзъ противъ Карла XII, на все время продолженія войны. Ни одна изъ договаривавшихся сторонъ, не имѣла права заключать съ врагомъ отдѣльнаго мира. Царь обѣщалъ склонить казацкаго атамана Палея къ возвращенію тѣхъ пунктовъ въ Украинѣ, которые временно были во владѣніи Польши, а равно отдать Польшѣ нѣкоторыя мѣста въ Инфлянтахъ, которыя будутъ отняты у шведовъ. Сверхъ того царь обязался содержать въ Польшѣ, въ теченіе войны, 12000 своего войска и уплачивать войску рѣчипосполитой ежегодно по 200,000 руб., если оно будетъ находиться въ полномъ своемъ составѣ. Посланникъ обѣщалъ име-

---

Шульца, который грабилъ шляхту и крестьянъ; Смигельскій схватилъ его, заковалъ въ кандалы и отправилъ къ Петру В. Послѣ заключенія альтранштатскаго мира, Смигельскій перешелъ на сторону Лещинскаго; привязанность его къ Софіи Потоцкой, дочери кіевскаго воеводы, имѣла много вліянія на эту перемѣну. Послѣ изгнанія шведовъ, Смигельскій прибѣгнулъ къ великодушію Фридриха-Августа, получилъ прощеніе и поселился въ имѣніи, гдѣ и окончилъ жизнь. (Otwinowski, Wójcicki). *Прим. перевод.*

немъ рѣчипосполитой, что сословія, по изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Польши, будутъ воевать съ нимъ въ его собственномъ краѣ, впредь до заключенія мира*).

Фридрихъ-Августъ удалился (26 ноября) въ Саксонію, чтобы приготовиться къ продолженію войны и сверхъ ожиданія провелъ тамъ почти цѣлый годъ. Пользуясь его отсутствіемъ, Карлъ рѣшился подкрѣпить партію Лещинскаго, короновать его и по возобновленіи съ рѣчьюпосполитой оливскаго мира, заключить съ нимъ союзъ противъ Фридриха-Августа и россійскаго царя. Для этого необходимо было содѣйствіе примаса и маршала конфедераціи, которые пребывали въ Данцигѣ. Чтобы съ ними условиться, Лещинскій отправился самъ въ Пруссію. Карлъ требовалъ напоминанія воеводствамъ, на счетъ присоединенія ихъ къ конфедераціи и созванія съѣзда, чтобы ускорить переговоры о мирѣ. Примасъ и Бронишъ долго колебались. Первый сознался даже прямо въ письмѣ къ Лещинскому (7 апрѣля 1705), что какъ избраніе его, такъ и сверженіе съ престола Фридриха-Августа, были силой навязаны рѣчипосполитой, что Лещинскій, принявъ корону, вооружилъ противъ себя рѣчьпосполитую, а онъ самъ, лишившись чести и состоянія, убѣдился какія горькія послѣдствія принесло для его несчастнаго отечества покровительство шведовъ. Это объясненіе очень не понравилось Лещинскому и Карлу. Первый напомнилъ (7 мая) всѣмъ въ универсалахъ о необходимости согласія и довѣрія, и взывалъ къ совокупному дѣйствію противъ саксонцевъ и русскихъ. Второй заставилъ примаса созвать сеймъ въ Варшаву для окончанія переговоровъ со Швеціей и для успокоенія рѣчипосполитой. Примасъ, указывая въ своихъ универсалахъ на опустошеніе и нищету края, предвѣщалъ близкій ихъ конецъ и заключалъ изъ продолжительнаго отсутствія Фридриха-Августа, что онъ, не заботясь о благѣ рѣчипосполитой, готовъ подвергнуть ее окончательному раззоренію и вѣроятно уже не возвратится изъ Саксоніи. Онъ присовокупилъ

---

*) Трактатъ этотъ состоялъ изъ осьми пунктовъ и находится цѣликомъ въ собраніи польскихъ законовъ, Volumina legum, Томъ VI, стр. 82 (изд. 1860 г.).
Прим. перевод.

кромѣ того, что прусскій король призналъ уже Лещинскаго королемъ. Послѣднее обстоятельство вызвало впослѣдствіи протестацію со стороны прусскаго короля, который объявилъ публично, что никогда не признавалъ познанскаго воеводы королемъ и не уполномочивалъ къ этому ни одного изъ своихъ посланниковъ.

Въ письмѣ къ сенату (18 іюня) Фридрихъ-Августъ возсталъ рѣзко противъ подобнаго поведенія примаса, и свидѣтельствуя о своей преданности для рѣчипосполитой, обѣщалъ скорое возвращеніе. Въ то же время онъ воспрещалъ всякіе противузаконные съѣзды, приказывалъ вооружаться и строго предписывалъ старостамъ и гродскимъ судамъ, не принимать никакихъ бумагъ, оскорбительныхъ для королевскаго сана. По представленію Фридриха-Августа папа лишилъ примаса, впредь до особаго распоряженія, всѣхъ правъ званію его присвоенныхъ, въ особенности же права короновать короля и воспрещалъ всему польскому духовенству принимать участіе въ короновані незаконно избраннаго Станислава. Царь, желая лично помочь Фридриху-Августу, открыто объявилъ себя противъ каждаго поляка, принимающаго участіе въ сеймикахъ или сеймѣ назначенномъ примасомъ. Не смотря на эти угрозы, въ разныхъ мѣстахъ, собирались съѣзды, и между прочимъ въ Пруссіи, гдѣ обѣщано было отправить на сеймъ 120 человѣкъ пословъ, но за неимѣніемъ денегъ ограничились и меньшимъ числомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сеймики были разогнаны, какъ напр. въ Опатовѣ, гдѣ Смигельскій захватилъ нѣсколькихъ депутатовъ, а остальные бѣжали. Хотя для такихъ воеводствъ примасъ назначилъ вторичные сеймики, но посламъ трудно было добраться до Варшавы, потому что сандомирскіе конфедераты караулили почти всѣ дороги. Кромѣ того придвинулась къ Варшавѣ часть короннаго и литовскаго войска съ нѣсколькими полками саксонской кавалеріи, чтобы препятствовать совѣщаніямъ сейма. Карлъ же для защиты сеймующихъ, послалъ генерала Нирота съ сильнымъ отрядомъ войска.

Сеймъ долженъ былъ начаться 11 іюля, но какъ пословъ явилось очень мало, то маршалъ долженъ былъ отсрочить совѣщанія.

Рѣшено было только пригласить на сеймъ примаса Радзѣіовскаго, остававшагося въ Данцигѣ, отъ Карла же требовать присылки уполномоченныхъ для окончанія переговоровъ и войскъ противъ сандомірской конфедераціи. Послѣ этого постановленія всѣ разошлись, а маршалъ скрылся даже въ лагерѣ Нирота, такъ какъ отрядъ сандомірскихъ конфедератовъ остановился на Прагѣ, переправился черезъ Вислу и разбилъ шведскій эскадронъ. Немедленно все войско, въ числѣ 10,000 перешло Вислу подъ предводительствомъ Хоментовскаго, Вишневецкаго и Паткуля и ударило (31 іюля) на Нирота подъ Уяздовомъ. Шведы остались побѣдителями и принудили противниковъ отступить за Вислу. Карлъ, оставивъ въ Великопольшѣ Рёншильда съ 13 полками, остановился самъ (9 августа) въ лагерѣ подъ Блонемъ возлѣ Варшавы, вслѣдствіе чего могли быть открыты совѣщанія въ столицѣ. Вскорѣ прибылъ (21 августа) Лещинскій съ шведскими коммисарами, но переговоры, начатые въ монастырѣ кармелитовъ, были отложены до коронаціи. За отсутствіемъ примаса, Лещинскаго а потомъ и его жену (4 октября) короновалъ львовскій архіепископъ Константинъ Зелинскій. Такъ какъ Фридрихъ-Августъ вывезъ изъ Кракова въ безопасное мѣсто всѣ королевскія регаліи, то Карлъ приказалъ приготовить на собственный счетъ все, что было необходимо для совершенія этого обряда. Станиславъ увѣдомилъ циркулярами всю рѣчьпосполитую о своей коронаціи, обѣщая строго сохранить всѣ права, преимущества и вольности. Послѣ коронаціи начались (8 октября) переговоры съ шведскими уполномоченными, кончившіеся (28 ноября) договоромъ, ратификованнымъ впослѣдствіи обоими королями (5 декабря). Договоръ состоялъ изъ 30 пунктовъ, основаніемъ которыхъ былъ оливскій миръ. Обѣщано было взаимное забвеніе всѣхъ обидъ, даже не подвергались наказанію тѣ, которые, находясь до сего времени при Фридрихѣ-Августѣ, просили бы, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, прощенія у Карла и признали Станислава королемъ. Съ Фридрихомъ-Августомъ не будетъ ни мира ни перемирія, пока онъ не откажется отъ престола и не вознаградитъ Карлу и рѣчипосполитой, причиненныхъ убытковъ; всѣ союзы рѣчипосполитой,

вредные для Карла, считаются недѣйствительными; союзъ противъ русскаго царя будетъ продолжаться и ни одна изъ договаривавшихся сторонъ не заключитъ съ нимъ отдѣльно ни мира, ни перемирія, и т. п.

Сандомомірская конфедерація протестовала на съѣздѣ въ Брестѣ Литовскѣ противъ варшавскаго сейма и всѣхъ его постановленій, а на вторичномъ съѣздѣ въ Тыкоцинѣ объявила Станислава и всѣхъ принимавшихъ участіе въ коронаціи, врагами отечества. Послѣ годичнаго почти отсутствія Фридрихъ-Августъ прибылъ въ Тыкоцинъ, откуда обратился съ воззваніемъ къ народу для защиты отечества, правъ и вольностей, обѣщая прощеніе тѣмъ, которые возвратятся къ нему, какъ къ законному своему государю, до собранія большаго совѣта. Въ Тыкоцинѣ Фридрихъ-Августъ роздалъ присутствовавшимъ золотыя медали, на которыхъ съ одной стороны былъ бѣлый орелъ съ надписью: pro fide, rege et lege, а съ другой A. R. Въ Тыкоцинѣ начались уже переговоры съ русскимъ царемъ, который находился съ войскомъ въ Гроднѣ. Вскорѣ и Фридрихъ-Августъ прибылъ въ этотъ городъ *) и собралъ въ немъ большой совѣтъ (24 ноября). Здѣсь былъ ратификованъ союзъ съ царемъ, назначены подати на уплату войска и кромѣ того поручено подскарбію открыть монетный дворъ. Многіе, не принадлежавшіе къ сандомірской конфедераціи, теперь приступили къ ней, надъ тѣми же, которые измѣнили королю, предполагалось назначить (15 марта 1706) особый судъ. По закрытіи совѣта (16 декабря) русскій царь уѣхалъ въ Москву, оставивъ Фридриху-Августу свое войско подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви. Въ это время скончался въ Данцигѣ (13 октября) примасъ Радзѣіовскій отъ огорченія, что онъ былъ виновникомъ

*) Г. Устряловъ разсказываетъ (Т. IV, ч. I, стр. 385), что Фридрихъ-Августъ пробрался въ Тыкоцинъ подъ чужимъ именемъ, черезъ Венгрію, и цѣлую ночь провелъ среди шведскихъ солдатъ изъ отряда генерала Реншильда. Петръ I встрѣтилъ короля за милю отъ Тыкоцина и положилъ передъ нимъ на пути шесть знаменъ Станислава Лещинскаго, взятыхъ незадолго передъ тѣмъ близь самой Варшавы. *Прим. перевод.*

столькихъ бѣдствій отечества. Фридрихъ-Августъ назначилъ его преемникомъ куявкаго епископа Станислава Шембека, Лещинскій же пожаловалъ это званіе львовскому архіепископу Зелинскому. Вслѣдствіе павшихъ наварминскаго епископа короннаго канцлера Залускаго подозрѣній, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Станиславомъ Лещинскимъ, король приказалъ его арестовать и потомъ (19 апрѣля 1706) отправилъ въ Римъ, откуда онъ воротился только черезъ годъ.

Въ теченіи нѣкотораго времени военныя дѣйствія шли очень вяло. Смигельскій и Хоментовскій вторглись (въ сентябрѣ 1705) въ Пруссію, разбивали тамъ мелкіе отряды шведовъ, заняли Мальборгъ и налагали контрибуціи. Въ другихъ мѣстахъ не было сраженій. Только по закрытіи варшавскаго сейма Карлъ рѣшился двинуться (9 января 1706) съ 17 полками противъ русскихъ и саксонцевъ, стоявшихъ подъ Гродномъ. Онъ избралъ зимнее время, чтобы легче было переходить болота и рѣки. Фридрихъ-Августъ узналъ заранѣе объ этомъ неожиданномъ походѣ, сопряженномъ съ значительной потерей людей и лошадей и собралъ свои отряды внѣ окоповъ Гродно. Карлъ не рѣшился на него ударить и повернулъ въ Литву. Тогда Фридрихъ-Августъ, оставивъ въ окопахъ фельдмаршала Огильви, самъ двинулся (25 января) съ саксонской конницей и четырьмя полками русскихъ драгунъ, для соединенія съ своимъ генераломъ Браусомъ, стоявшимъ подъ Краковомъ, чтобы потомъ ударить на Реншильда въ Великопольшѣ. Въ тоже время Шуленбергъ долженъ былъ войти въ эту провинцію изъ Саксоніи, чтобы взять шведовъ въ перекрестный огонь. Реншильдъ, узнавъ о походѣ Шуленберга, ведшаго съ собой 20,000 человѣкъ, остановился подъ Всховой съ 13 полками, гдѣ и завязалась битва (13 февраля). Саксонское войско, имѣвшее многочисленную артилерію, но состоявшее большею частью изъ рекрутъ, было совершенно разбито. Шведы захватили всю артилерію, сто знаменъ, взяли 8,000 въ плѣнъ и убили 4,000 человѣкъ. Фридрихъ-Августъ находился съ 12 тысячнымъ отрядомъ подъ Ловичемъ, когда получилъ извѣ-

стіе объ этомъ пораженіи. Вмѣсто Великопольши онъ двинулся къ Кракову, для соединенія съ остатками корпуса Шуленберга.

Карлъ между тѣмъ вошелъ въ Литву и въ прокламаціи къ тамошнимъ жителямъ, изобразилъ Фридриха-Августа и его управленіе въ самыхъ дурныхъ краскахъ, уговаривалъ всѣхъ соединиться съ королемъ Станиславомъ, для водворенія прежней свободы, обѣщая никого не преслѣдовать за прежнія сношенія съ Фридрихомъ-Августомъ; въ противномъ случаѣ каждый будетъ самъ виновникомъ своего несчастія. Многіе литовцы, опасаясь насилій шведовъ, перешли на сторону Станислава.

Когда морозы стали менѣе чувствительны, Огильви выступилъ (5 апрѣля) къ русской границѣ на соединеніе съ Меньшиковымъ, шедшимъ съ свѣжими войсками. Карлъ же двинулся въ Полѣсье, оттуда (въ іюнѣ) на Волынь, принуждая вездѣ шляхту угрозами переходить на сторону Станислава. Когда войско его отдохнуло, онъ перешелъ (17 іюля) Бугъ около Городла, переправился черезъ Вислу подъ Пулавами и Казиміромъ, и остановился (16 августа) лагеремъ подъ Стрыйковицами, въ одной милѣ отъ лагеря Реншильда. Онъ намѣревался вступить въ Саксонію и тамъ принудить Фридриха-Августа къ миру. Вслѣдствіе этого Карлъ двинулся съ 30,000 войска черезъ Силезію, а для защиты Станислава въ Великопольшѣ оставилъ Мерфельда съ кіевскимъ воеводою Потоцкимъ. Переправившись черезъ Одеръ близь Стейнау, онъ вступилъ безъ сопротивленія въ Саксонію и началъ въ ней тотчасъ хозяйничать по своему. Фридрихъ-Августъ, стоявшій нѣкоторое время въ Краковѣ и потомъ, для избѣжанія встрѣчи съ Реншильдомъ, направившійся чрезъ Тыкоцинъ въ Гродно, для соединенія съ русскими, былъ пораженъ нападеніемъ на Саксонію. Онъ рѣшился заключить миръ и отправилъ тотчасъ Имгофа и Пфингстейна въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ; но во вниманіе къ союзу съ россійскимъ царемъ и къ обязательствамъ въ отношеніи рѣчипосполитой, онъ поручилъ имъ будто бы условиться о военной контрибуціи, но въ сущности переговорить о мирѣ. Главная квартира Карла была въ Альтранштатѣ близъ Лейпцига, гдѣ немедленно

начались (24 сентября) переговоры. Пиперъ предлагалъ именемъ Карла весьма тяжелыя условія. Онъ требовалъ, чтобы Фридрихъ-Августъ, отказавшись отъ польской короны, не употреблялъ ни герба, ни титула польскаго короля; чтобы онъ расторгнулъ всѣ вредные для Швеціи союзы, уничтожилъ постановленія люблинскаго сейма, возвратилъ вывезенныя въ Саксонію бриллiанты и коронный архивъ, освободилъ Якова Собѣскаго и другихъ плѣнныхъ поляковъ, отпустилъ безъ выкупа шведскихъ плѣнныхъ и чтобы выдалъ Паткуля и другихъ шведскихъ дезертировъ, а равно русскихъ генераловъ и солдатъ въ качествѣ военно-плѣнныхъ. Кромѣ того шведскія войска должны были остаться въ Саксоніи, а саксонскія въ Польшѣ, до ратификаціи мира, непріязненныя дѣйствія должны прекратиться въ Саксоніи со дня подписанія договора, а въ Литвѣ и Польшѣ со дня опубликованія онаго. Уполномоченные Фридриха-Августа согласились на все, послѣ чего тотчасъ было объявлено въ Саксоніи 10 недѣльное перемиріе, но самъ миръ сохранялся въ величайшей тайнѣ. Пфингстейнъ повезъ Фридриху-Августу вышеизложенныя условія мира для ратификаціи и письма къ Мерфельду и Потоцкому о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ саксонцевъ. Фридрихъ-Августъ, соединившись съ Меньшиковымъ, у котораго было 20,000 человѣкъ, а равно съ коронным и литовскимъ войскомъ, стоялъ въ Піотрковѣ, откуда предполагалось именно ударить на Мерфельда. Не желая возбуждать въ русскихъ и полякахъ какого нибудь подозрѣнія, Фридрихъ-Августъ долженъ былъ двинуться противъ шведовъ, но предостерегъ тайно Мерфельда, чтобы онъ не принималъ сраженія. Послѣдній, не зная еще ничего о заключеніи мира, принялъ предостереженіе за военную хитрость, и будучи увѣренъ въ побѣдѣ, завязалъ (20 октября) бой подъ Калишомъ, который кончился совершеннымъ его пораженіемъ. Почти все его войско пало или было взято въ плѣнъ, за исключеніемъ части кавалеріи, успѣвшей скрыться *).

*) Когда Фридрихъ-Августъ и Меньшиковъ приблизились къ Калишу, они поставили войска въ три линіи: на правомъ крылѣ сталъ Меньшиковъ съ русскими, на лѣвомъ король съ саксонцами, позади польный гетманъ Ржевускій,

Послѣ побѣды, Фридрихъ-Августъ уѣхалъ въ Варшаву и для лучшаго сохраненія въ тайнѣ переговоровъ о мирѣ, объявилъ (2 ноября) универсалами всей рѣчипосполитой объ одержанной имъ побѣдѣ, приказывая всѣмъ приверженцамъ Станислава присоединиться въ теченіи шести недѣль къ сандомирской конфедераціи. Потомъ онъ переѣхалъ въ Краковъ и размѣстивъ войска въ краковскомъ воеводствѣ, поспѣшилъ въ Саксонію. Едва онъ прибылъ (17 декабря) въ Лейпцигъ, какъ тотчасъ ко всеобщему удивленію, объявленъ былъ миръ и послѣдовали многократныя посѣщенія и тайныя совѣщанія между нимъ и Карломъ. Альтранштатскій миръ былъ противенъ основнымъ законамъ рѣчипосполитой, безъ разрѣшенія которой, король не могъ заключать мира, уничтожать сеймовыя постановленія, отказываться отъ короны или передавать ее кому либо другому. По этой причинѣ рѣчьпосполитая никогда не признавала этого мира.

Сандомірская конфедерація не хотѣла сперва вѣрить въ существованіе мира. Убѣдившись въ его дѣйствительности, примасъ и маршалъ конфедераціи назначили (7 февраля 1707) съѣздъ въ Львовѣ. Всѣ поклялись не отступать отъ конфедераціи, пока не вступитъ на престолъ король, законно избранный всею рѣчьюпосполитой. Предостережено Пруссію поступать во всемъ согласно со всей рѣчьюпосполитой и независимо отъ нея ничего не предпринимать; приказано солдатамъ, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній,

---

за саксонцами великій гетманъ Сѣнявскій. Съ непріятельской стороны было 7000 шведовъ подъ начальствомъ генерала Мерфельда и 20,000 поляковъ подъ командой кіевскаго воеводы Потоцкаго. Въ 2 часа по полудни началась пушечная пальба; оба фронта сблизились и вступили въ бой. При напорѣ шведской пѣхоты, русскіе драгуны не много пожались; тогда Меньшиковъ приказалъ нѣсколькимъ эскадронамъ спѣшиться, а съ праваго крыла ударить конницѣ во флангъ шведовъ. Бой продолжался около трехъ часовъ, непріятель былъ разбитъ и союзники одержали полную побѣду. На мѣстѣ сраженія пало 4,000 шведовъ и до 1,000 поляковъ. Генералъ Мерфельдъ былъ взятъ въ плѣнъ. Битва происходила между Калишемъ и деревней Завядой. Калишъ потерпѣлъ много во время сраженія, три четверти города съ церковью св. Николая, сдѣлались жертвою пламени (Устряловъ, Т. IV, ч. I. стр. 824; Starożytna Polska).

Прим. перевод.

явиться въ свои полки; воеводствамъ предписано собраться (24 марта) на сеймики, для принятія мѣръ къ защитѣ отечества и сохраненія свободы выборовъ, а равно для назначенія пословъ на сеймъ, который, смотря по обстоятельствамъ, будетъ созванъ примасомъ и маршаломъ. Лещинскій протестовалъ рѣзко въ своихъ универсалахъ противъ этого съѣзда и его постановленій, назвавъ участниковъ его бунтовщиками и предназначая имущества ихъ въ награду тѣмъ лицамъ, которыя пострадали во время войны. Не смотря не эти угрозы, собрался (23 мая) новый съѣздъ въ Люблинѣ. Начались пренія. Одни требовали объявленія междуцарствія, другіе утверждали что для этого нѣтъ достаточнаго основанія, такъ какъ Фридрихъ-Августъ не имѣлъ права отказываться отъ короны и передавать ее другому. Петръ, находившійся въ Люблинѣ, желалъ чтобы въ короли было избрано лице, благопріятствующее ему, а потому склонилъ наконецъ (1 іюля) конфедерацію объявить междуцарствіе. Объ этомъ впрочемъ долженъ былъ рѣшить окончательно другой съѣздъ (11 августа), который однако не собрался, по случаю возвращенія Карла и Станислава съ шведскими войсками.

Положеніе Польши въ то время было отчаянное. Двѣ партіи, собранныя въ двухъ конфедераціяхъ, боролись при помощи иностранныхъ войскъ не изъ за принциповъ, а изъ за личностей. Обѣ партіи преслѣдовали другъ друга, объявляя себя взаимно измѣнниками и врагами отечества. Иностранныя войска, исполняя рѣшенія конфедерацій, грабили и опустошали весь край, а шведы преслѣдовали огнемъ и мечемъ сторонниковъ Фридриха-Августа. Никто не былъ безопасенъ. Карлъ, посадивъ силой на престолъ Станислава, употреблялъ его и его приверженцевъ какъ орудія, а подъ предлогомъ союза съ рѣчьюпосполитой и заботливости о ея благѣ, содержалъ также на ея счетъ 42,000 войска, пополняя его насильной вербовкой мѣстныхъ жителей. Станиславъ Лещинскій былъ безъ сомнѣнія достойнѣе власти, чѣмъ Фридрихъ-Августъ, но былъ виноватъ въ глазахъ отечества, сдѣлавшись орудіемъ Карла. Онъ вѣроятно болѣе благопріятствовалъ рѣчипосполитой,

чѣмъ Фридрихъ-Августъ, который пожертвовалъ ею въ альтранштатскомъ мирѣ также безсовѣстно, какъ безсовѣстно выдалъ Карлу несчастнаго Паткуля, приговореннаго впослѣдствіи (10 октября) къ ломанію колесомъ, четвертованію и отсѣченію головы.

Карлъ, по возвращеніи (въ концѣ сентября) изъ Саксоніи, пополнилъ въ Польшѣ свое войско до 42,450 человѣкъ. Изъ нихъ онъ рѣшился оставить Станиславу 8,000 человѣкъ, а съ остальными двинуться къ русской границѣ, какъ только морозы сдѣлаютъ походъ возможнымъ. Перейдя (10 января 1708) Вислу по льду, онъ двинулся по слѣдамъ русскаго войска. Во время этого зимняго похода, войско его потерпѣло большія потери въ людяхъ и въ лошадяхъ. Въ Литвѣ шведы отдохнули 11 недѣль, послѣ чего переправились (въ концѣ іюня) черезъ Березину и затѣмъ (16 августа) черезъ Днѣпръ. Среди почти постоянныхъ стычекъ Карлъ подвигался къ Смоленску. Не будучи увѣренъ—примутъ ли русскіе генеральное сраженіе, онъ переправилъ свое войско черезъ Сязь и вступилъ (въ октябрѣ) въ сѣверскую землю, куда шелъ также генералъ Лёвенгауптъ, ведшій значительную артиллерію и 700 возовъ съ провіантомъ и аммуниціей, подъ прикрытіемъ 11 тысячнаго отряда. Карлъ не дождавшись его двинулся далѣе. Лёвенгауптъ былъ (4 сентября) около Полоцка и обойдя Шкловъ, переправился (въ октябрѣ) черезъ Днѣпръ. Петръ I, увѣдомленный заранѣе о его походѣ, завязалъ съ нимъ (10 октября) бой близъ деревни Лизны въ мстиславскомъ воеводствѣ. Правда, шведы отбились, но Лёвенгауптъ, оставивъ орудія и возы съ провіантомъ на полѣ сраженія, ночью пошелъ далѣе и только этимъ поспѣшнымъ походомъ спасъ свой отрядъ, состоявшій уже только изъ 6,000 человѣкъ. По прибытіи Лёвенгаупта Карлъ двинулся въ Украину, гдѣ съ нимъ долженъ былъ соединиться казацкій гетманъ Мазепа, отказа́вшій въ повиновеніи русскому царю и обѣщавшій со всѣмъ своимъ войскомъ перейти на сторону шведовъ и Польши. Мазепа сдержалъ слово, но когда большая часть казаковъ отъ него отступилась, онъ привелъ (8 ноября) въ шведскій лагерь всего 7,000 человѣкъ.

Царь, замѣтивъ куда направляется Карлъ, послалъ вслѣдъ за нимъ часть своего войска. Войска эти заняли Стародубъ и Новгородъ сѣверскій и тревожили шведовъ, слѣдуя за ними по пятамъ. Съ остальнымъ войскомъ Петръ двинулся по тому же направленію. Недостатокъ провіанта, суровая зима и постоянные стычки съ русскими, страшно изнуряли шведовъ. Съ наступленіемъ теплаго времени, Карлъ собралъ (въ мартѣ 1709) свои войска и началъ осаду Полтавы надъ Ворсклой, которую кромѣ казаковъ защищало 3,000 русскихъ. Мужественная защита и близость русскихъ войскъ сдѣлали осаду весьма продолжительною. Въ одной изъ стычекъ (28 іюня) Карлъ былъ такъ тяжело раненъ ружейной пулей въ лѣвую ногу, что принужденъ былъ лечь въ постель. Царь, узнавъ объ этомъ, переправилъ все свое войско черезъ Ворсклу и окопался въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ бокомъ шведовъ. Рёншильдъ, заступавшій Карла въ начальствованіи надъ войскомъ, не воспрепятствовалъ этому и подвергнулъ шведское войско величайшей опасности. Оно принуждено было или приготовиться къ голодной смерти, или принять генеральное сраженіе. Карлъ приказалъ (8 іюля) Рёншильду ударить на русскіе окопы, самъ же присутствовалъ въ носилкахъ. Съ начала успѣхъ, какъ будто склонялся на сторону шведовъ; но когда Рёншильдъ не подоспѣлъ съ кавалеріей и когда Петръ I взялъ въ плѣнъ, послѣ отчаянной защиты, шесть шведскихъ баталіоновъ, положеніе вещей измѣнилось. Теперь уже русскіе аттаковали шведовъ и принудили ихъ отступить. Карлъ былъ въ величайшей опасности, такъ какъ ядро раздробило носилки, въ которыхъ онъ находился. Пораженіе было совершенное. Рёншильдъ, Пиперъ и многіе знаменитые шведы взяты въ плѣнъ. Карлъ съ остатками своего войска, состоявшаго вмѣстѣ съ раненными и больными изъ 16,000 человѣкъ, остановился (12 числа) на берегахъ Днѣпра при устьѣ Ворсклы. Онъ намѣревался сжечь багажъ и возы и переправиться черезъ Ворсклу, а еслибы русскіе его преслѣдовали, скрыться между татарами въ Крыму. По настоянію своихъ генераловъ, Карлъ измѣнилъ планъ. Отобравъ 1,000 человѣкъ и нѣсколько генераловъ, въ томъ числѣ Станислава По-

нятовскаго, онъ отправился въ Турцію, куда до границы его долженъ былъ провожать Мазепа. Остальное войско онъ оставилъ подъ начальствомъ Лёвенгаупта, приказавъ ему сжечь обозъ, затопить орудія и двинуться въ Крымъ. Едва Карлъ переправился черезъ Днѣпръ, подошелъ Меньшиковъ съ 15,000 кавалеріи. Не имѣя возможности защищаться, шведы сдались русскимъ.

Между тѣмъ Лещинскій, подъ защитой 7,000 шведовъ, начальствуемыхъ генераломъ Крассау, принуждалъ воеводства признавать его королемъ. Многіе, ради страха, удовлетворяли этому требованію, въ особенности по удаленіи изъ рѣчипосполитой саксонцевъ и русскихъ. Лещинскій, по природѣ кроткій, прибѣгалъ однако и къ строгимъ мѣрамъ, наказывалъ сопротивляющихся лишеніемъ должностей и состоянія, тогда какъ Крассау раззорялъ ихъ контрибуціями. Не смотря на это, сандомірская конфедерація не уступала, надѣясь, что Станиславъ не удержится на престолѣ. Послѣдній же, примиривъ въ Литвѣ Сапѣгъ съ Огинскимъ, Вишневецкимъ и другими ихъ врагами, и увеличивъ тамъ число своихъ сторонниковъ, хотѣлъ также склонить на свою сторону Сѣнявскаго, у котораго, по приказанію Карла, онъ отнялъ великую коронную булаву. Но Сѣнявскій, ожидая послѣдствій похода шведовъ въ Украину, не обращалъ вниманія, ни на угрозы Крассау, ни на просьбы французскаго посланника Бонака.

Надежды сандомірской конфедераціи значительно усилились, когда по приказанію русскаго царя явился генералъ Гольцъ съ 15,000 русскихъ и когда пронесся слухъ о возвращеніи Фридриха-Августа. Станиславъ, находившійся до того времени въ Люблинѣ, пошелъ осаждать Львовъ, а Крассау поспѣшилъ въ западныя воеводства, для соединенія съ новыми полками, шедшими изъ шведской Помераніи. Извѣстіе о полтавскомъ пораженіи и возвращеніе Фридриха-Августа измѣнили все. Станиславъ и шведы принуждены были думать о собственной безопасности, которую приходилось искать за границами Польши.

До отъѣзда изъ Саксоніи, Фридрихъ-Августъ издалъ манифестъ, въ которомъ, упоминая о принесенной имъ рѣчипосполитой

присягѣ, на основаніи которой онъ не имѣлъ права слагать съ себя корону, доказывалъ недѣйствительность альтранштатскаго мира. Увѣдомляя о скоромъ своемъ пріѣздѣ, обѣщалъ всѣмъ полное прощеніе, ежели въ теченіи трехъ мѣсяцевъ будетъ возстановлено должное къ нему повиновеніе. Въ концѣ августа, съ войскомъ собраннымъ подъ Губенъ, король вступилъ въ познанское воеводство, гдѣ къ нему тотчасъ присоединились многіе приверженцы Станислава. Лещинскій, видя невозможность удержаться на престолѣ, перешелъ со шведами за границу. Главный его сторонникъ— кіевскій воевода Потоцкій, располагалъ еще 6 тысячнымъ отрядомъ; но аттакованный Гольцомъ былъ разбитъ и скрылся въ Венгріи. Фридрихъ-Августъ встрѣтился (8 октября) съ русскимъ царемъ въ Торнѣ, гдѣ послѣдовало возобновленіе союза, а на съѣздѣ съ королемъ прусскимъ (22 числа), принявшимъ на себя роль посредника, рѣшено было заключить миръ съ Карломъ, если онъ предложитъ выгодныя условія.

Теперь главною задачею Фридриха-Августа было успокоеніе рѣчипосполитой внутри. Этимъ долженъ былъ заняться большой совѣтъ, созванный (4 февраля 1710) въ Варшаву. Уничтожено все то, что сдѣлалъ Лещинскій, назначенные имъ сановники, уступили мѣста прежнимъ; Фридрихъ-Августъ утвержденъ на престолѣ вслѣдствіе недѣйствительности отреченія, положеннаго условіемъ альтранштатскаго мира; возобновленъ союзъ съ русскимъ царемъ, котораго уполномоченный князь Долгоруковъ обязался исполнить въ точности всѣ условія договоровъ 1686 и 1705 г., назначены наконецъ подати въ количествѣ 15,000,000 на удовлетвореніе войска, послѣ чего большой совѣтъ закрылъ (16 апрѣля) свои засѣданія. Во время происходившихъ совѣщаній, русскіе отняли (7 февраля) у шведовъ Эльбингъ, которые, такимъ образомъ, были уже совершенно изгнаны изъ земель рѣчипосполитой. Приходилось затѣмъ склонять воеводства къ принятію рѣшеній варшавскаго совѣта. Они были утверждены вездѣ, исключая прусскихъ воеводствъ, ссылавшихся на свои исключительныя права и сопротивлявшихся, не смотря на военную экзекуцію. Дѣло затянулось, такъ какъ со-

бравшіеся тамъ провинціональные съѣзды были постоянно расторгаемы.

Карлъ между тѣмъ проживая въ Бендерахъ, старался склонить Турцію объявить войну русскому царю, чего онъ наконецъ и достигнулъ. Царь, не желая ожидать врага въ своихъ предѣлахъ, рѣшился самъ на него ударить. Войска его начали собираться на турецкой границѣ въ Подоліи, а онъ самъ пытался (въ іюнѣ 1711) склонить Фридриха-Августа принять участіе въ этой войнѣ. Король соглашался, но сенаторы, напуганные недавнимъ нашествіемъ татаръ на Украину, которыхъ уговорилъ къ тому проживающій между ними кіевскій воевода Потоцкій, не хотѣли ничего слышать объ этой войнѣ. Такимъ образомъ Петръ I двинулся противъ турокъ одинъ и занялъ на берегахъ Прута укрѣпленный лагерь. Великій визирь переправился немедленно черезъ рѣку съ 150,000 турокъ и 80,000 татаръ, и окружилъ Петра со всѣхъ сторонъ. Русскіе отбили нѣсколько непріятельскихъ приступовъ, но недостатокъ провіанта могъ бы принудить ихъ сдаться. Въ столь крайнемъ положеніи, Петру удалось склонить визиря, не смотря на дѣятельное сопротивленіе Карла XII, заключить миръ на выгодныхъ для Турціи условіяхъ. Этимъ миромъ (въ іюлѣ) царь разрѣшилъ затрудненіе и разстроилъ планы Карла.

Фридрихъ-Августъ, исправлявшій, послѣ смерти германскаго императора Іосифа I, должность викарія германской имперіи, рѣшился перенести войну въ шведскія провинціи. Съ 20,000 саксонцевъ онъ вступилъ (въ августѣ) въ шведскую Померанію. Шведы, не сопротивляясь ему нигдѣ, отступили къ Штетину, Стральзунду и на островъ Рюгенъ. Фридрихъ-Августъ, соединившись съ датскимъ королемъ, осадилъ Стральзундъ. Вслѣдствіе недостатка амуниціи и орудій, пришлось прекратить осаду.

Окончательное успокоеніе рѣчипосполитой требовало сейма. По совѣту сената, Фридрихъ-Августъ созвалъ (5 апрѣля 1712) чрезвычайный сеймъ въ Варшаву. Прежде всего слѣдовало обезпечить границы рѣчипосполитой на случай новой войны Турціи съ русскимъ царемъ. Король хотѣлъ увеличить число войскъ, улучшить

состояніе крѣпостей и арсеналовъ, снабдить казну наличными деньгами для удовлетворенія войска и выкупа эльбингскаго округа. Въ тотъ же день маршалъ сандомірской конфедераціи литовскій польный гетманъ Денгофъ былъ избранъ маршаломъ. Одни потребовали предварительнаго расторженія конфедераціи, другіе выхода русскихъ войскъ, иные полагали отсрочить сеймъ до означеннаго выступленія. Король полагалъ просить царя черезъ посольство о вызовѣ его войскъ изъ Польши, но обѣщалъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ рѣшатъ сословія. Коронный вицеканцлеръ совѣтовалъ сословіямъ озаботиться прежде всего увеличеніемъ числа войскъ рѣчипосполитой и снабженіемъ казны деньгами, увѣряя что и шведовъ можно будетъ принудить къ миру. Сеймъ отправилъ къ царю посольство, настаивая на скоромъ выступленіи его войскъ, назначилъ подати для удовлетворенія войска, приказалъ воеводствамъ быть въ готовности. Въ то же время сеймъ былъ отсроченъ до 31 декабря. Это былъ первый примѣръ, что рѣшенія еще не закрытаго сейма имѣли силу закона. Во время этого сейма послѣдовала (15 апрѣля) въ Константинополѣ ратификація мира, заключеннаго на берегахъ Прута между Россіей и Турціей, при посредничествѣ Англіи и Голландіи. Царь согласился вывести свои войска изъ земель рѣчипосполитой, но выговорилъ себѣ право ввести ихъ туда снова, если шведы захотятъ вступить въ его владѣнія черезъ провинціи рѣчипосполитой. Исполняя это условіе, Петръ I приказалъ своимъ войскамъ выступить изъ Польши, частью въ шведскую Померанію, частью въ Россію.

Внутреннее успокоеніе рѣчипосполитой шло очень медленно, такъ какъ противники Фридриха-Августа не теряли надежды удержать Станислава на престолѣ. Одинъ изъ нихъ равскій староста Янъ Грудчинскій вторгся (въ мартѣ) изъ Молдавіи въ Подолію но отрядный начальникъ Калиновскій прогналъ его тотчасъ. Не смотря на это Грудчинскій появился вторично (въ маѣ) и добравшись до Познани, увеличилъ число своихъ товарищей до 6,000. Послѣ встрѣчи съ русскимъ полкомъ, онъ принужденъ былъ отступить, но вслѣдъ за нимъ двинулся русскій генералъ Бауэръ. Ловкимъ

маневромъ, Грудчинскій избѣжалъ столкновенія, но наткнулся на сильный отрядъ короннаго войска подъ начальствомъ Бржуховскаго, который совершенно разбилъ его.

Отсроченный сеймъ собрался въ назначенное время. Тотчасъ подана жалоба на гетмановъ, по случаю убытковъ причиняемыхъ солдатами въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ. Литовцы въ особенности были до того разсержены на своего великаго гетмана, что не хотѣли ни къ чему приступать, пока не будетъ утвержденъ законъ, подвергающій гетмановъ отвѣтственности передъ судомъ, за убытки причиняемые войскомъ. Маршалъ сейма, личный врагъ литовскаго великаго гетмана, поддерживалъ литовцевъ; но и у великаго гетмана были свои приверженцы, которые не соглашались ни на что, что было бы ему во вредъ, а потому нельзя было ожидать согласнаго рѣшенія дѣла. Послѣ продолжительныхъ споровъ, упицкій староста Пузына, приверженецъ великаго литовскаго гетмана, расторгъ (18 февраля 1713) сеймъ. Почти въ тоже время (25 февр.) скончался Фридрихъ I, первый прусскій король. Послѣ него вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

Пока Карлъ XII находился въ Турціи, Фридрихъ-Августъ могъ справедливо опасаться, что Турція объявитъ Польшѣ войну. Чтобы этого избѣжать, онъ отправилъ мазовецкаго воеводу Хоментовскаго посланникомъ въ Константинополь. Послѣ многихъ затрудненій посолъ добился (22 апрѣля 1714) возобновленія карловицкаго мира, съ условіемъ, что рѣчьпосполитая дозволитъ Карлу свободно проѣхать черезъ свои владѣнія въ Швецію и потребуетъ удаленія россійскихъ войскъ. Возобновленіе мира лишило поляковъ, находившихся въ Турціи, всякой надежды на турецкую помощь. Они должны были просить помилованія у Фридриха-Августа, который дѣйствительно не дѣлалъ въ этомъ отношеніи никакихъ затрудненій. Карлъ, перевезенный въ Адріанополь силой изъ Бендеръ, гдѣ онъ защищался съ отчаяніемъ, отправился въ путь верхомъ въ сопутствіи одного только драбанта, и проѣхавъ въ теченіи двухъ недѣль 286 миль, прибылъ 11 ноября въ Стральзундъ.

До возобновленія мира съ Турціей, Фридрихъ-Августъ, въ

ожиданіи войны, привелъ саксонскія войска въ Польшу. Послѣ того они остались подъ предлогомъ, что Карлъ склоняетъ татаръ къ нападенію. Когда же Карлъ былъ уже въ Помераніи, рѣчьпосполитую стали увѣрять, что саксонцевъ необходимо оставить, потому что получены вѣрныя свѣдѣнія, будто бы шведы хотятъ снова перенести войну въ польскія провинціи. Жители, раззоряемые уже слишкомъ 15 лѣтъ контрибуціями саксонцевъ, шведовъ, и собственныхъ войскъ, принуждены были опять кормить толпу незванныхъ защитниковъ и покровителей, бравшихъ у нихъ послѣднюю кроху. Отовсюду примасъ получалъ жалобы, даже угрозы, что ежели король не выведетъ своихъ войскъ, воеводства сядутъ на лошадь. Нерасположеніе и раздраженіе противъ саксонцевъ увеличивались съ каждымъ днемъ. Прибытіе Августа въ Варшаву (24 сентября) успокоило бурю, но только на время. Такъ какъ выходъ саксонцевъ былъ снова отложенъ, то сандомірское воеводство взялось за оружіе. Посланные противъ воеводства саксонскіе полки возстановили спокойствіе, съ условіемъ, что король приметъ тотчасъ надлежащія мѣры для удовлетворенія жителей. Неисполненіе этого обѣщанія, вызвало возстаніе. Первый сигналъ подало краковское воеводство, умертвивъ саксонцевъ, отправленныхъ для сбора контрибуціи и принудивъ (въ сентябрѣ 1715) полкъ кирасиръ положить оружіе. Другіе саксонскіе полки, расположенные въ этомъ воеводствѣ, отступили къ Кракову. Вслѣдъ затѣмъ (1 октября) коронное войско составило въ Горжицѣ *) конфедерацію противъ саксонцевъ, подъ руководствомъ Владислава Горжинскаго, а немного позже (26 ноября) завязалась конфедерація малопольскихъ воеводствъ въ Тарногродѣ, и генеральнымъ маршаломъ ея избранъ Станиславъ Ледуховскій.

Увидя столь угрожающее настроеніе умовъ, саксонскій фельдмаршалъ Флемингъ рѣшился сразиться съ коронным войскомъ.

---

*) Деревня Горжица, въ бывшемъ сандомірскомъ воеводствѣ, на берегахъ рѣчки Фантазіи, памятна еще убійствомъ калишскаго воеводы Липскаго, изрубленнаго 21 августа 1702 г. сандомірскими конфедератами, по подозрѣнію въ приверженности къ шведамъ. *Прим. перевод.*

Выступивъ (15 ноября) изъ лагеря подъ Варкой, онъ двинулся на Опатовъ и переправился (8 декабря) черезъ Вислу подъ Сандоміромъ, тогда какъ поляки отступили къ Замостю. Предупреждая пролитіе крови, подольскій и черниговскій воеводы, заключили отъ имени воеводствъ и сконфедерованнаго войска трехдневное перемиріе, потомъ еще отсроченное, чтобы начать переговоры въ Равѣ. При посредничествѣ обоихъ воеводъ и Флеминга, здѣсь состоялся (18 января 1716) договоръ. Непріятельскія дѣйствія должны были прекратиться, все предавалось забвенію, король долженъ былъ опредѣлить время для выхода саксонскихъ войскъ, на содержаніе которыхъ опредѣлялось по 17 тимфовъ съ каждой избы. Конфедераты не признали этого договора, такъ какъ уполномеченные ихъ поступили противъ инструкціи. Маршалъ Ледуховскій объявилъ (27 января) циркулярно, что уполномоченные не имѣли права предоставлять королю время выхода саксонцевъ и опредѣлять на ихъ содержаніе подати, приглашая всѣхъ присоединиться въ теченіи шести недѣль къ конфедераціи. Въ заключеніе онъ присовокупилъ, что конфедерація, не будучи противна миру, приметъ предложенное уже посредничество русскаго царя и другихъ монарховъ. Вслѣдствіе этого тарногродская конфедерація была признана въ Польшѣ и въ Литвѣ, и Петръ I пріобрѣлъ юридическое право вліять на внутреннія дѣла рѣчипосполититой.

Король вмѣстѣ съ сенатомъ хотѣлъ склонить конфедерацію или принять равскій договоръ, или заключить новый. Первое было отвергнуто рѣшительно, на второе соглашались съ условіемъ, ежели саксонцы выйдутъ изъ польскихъ земель до 15 мая. Такъ какъ конфедерація приняла посредничество царя, то русскія войска вступили снова въ земли рѣчипосполитой и самъ Петръ I прибылъ (28 февраля) въ Данцигъ. Фридрихъ-Августъ пріѣхалъ (5 апрѣля) туда также для совѣщаній съ Петромъ I. Его уполномоченный Долгоруковъ, потребовалъ отъ Данцига вооруженія четырехъ кораблей, прекращенія торговыхъ сношеній съ Швеціей и помѣщенія нѣсколькихъ россійскихъ солдатъ въ Мундѣ. Городъ хотѣлъ отъ этого отказаться, но когда царь уѣхалъ (1 мая), Долгоруковъ сдѣлался на-

стойчивѣе, и угрожалъ даже, не смотря на присутствіе въ городѣ Фридриха-Августа, прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, если требованія его не будутъ удовлетворены. Правда, Фридрихъ-Августъ объявилъ магистрату, что онъ не выѣдетъ изъ города и будетъ его защищать, но когда генералъ Шереметевъ началъ не на шутку приготовляться къ штурму, городъ согласился выполнить всѣ требованія. Когда кромѣ того Шереметевъ объявилъ (15 мая) письменно Данцигу, что послѣ столькихъ доказательствъ ненависти, царь не можетъ остановиться, пока не получитъ полнаго удовлетворенія, городъ отправилъ депутацію къ царю, находившемуся въ Германіи. Но депутація эта ничего не добилась.

Во время пребыванія царя въ Данцигѣ, явились два депутата отъ конфедераціи, которой Петръ I сообщилъ условія, составленныя совмѣстно съ Фридрихомъ-Августомъ. Всѣ согласились на съѣздъ въ Люблинѣ. Переговоры эти не препятствовали постояннымъ стычкамъ поляковъ съ саксонцами, иногда очень кровавымъ. Между тѣмъ собрался (13 іюня) съѣздъ въ Люблинѣ. Посредникомъ былъ царскій посланникъ Долгоруковъ. Со стороны короля прибыли Флемингъ и куявскій епископъ Шанявскій, со стороны конфедераціи нѣсколько человѣкъ уполномоченныхъ. Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ споровъ согласились наконецъ (4 іюля) заключить перемиріе на все время, пока будутъ продолжаться переговоры о мирѣ. Во время перемирія, должны были прекратиться требованія контрибуцій и войска питаться на свой собственный счетъ; кромѣ того саксонцы, въ день объявленія перемирія, должны были выступить изъ Замостя и Львова. Теперь только начались собственно переговоры. Обѣ стороны представили Долгорукову свои условія, взаимно противорѣчащія. Конфедераты требовали созванія коннаго сейма, утвержденія королемъ тарногродской конфедераціи, удаленія саксонцевъ въ теченіи двухъ недѣль и вознагражденія причиненныхъ ими убытковъ. Во время переговоровъ получено было извѣстіе, что саксонскій генералъ Фризе приказалъ повѣсить въ Сандомірѣ передъ ратушей безъ всякаго суда, сохачевскаго каштелянича Ласцишевскаго. Уполномоченные конфеде-

раціи приняли это за оскорбленіе шляхетскаго сословія, прекратили переговоры и объявили, что не возобновятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Фризе не будетъ отданъ подъ судъ конфедераціи. Фридрихъ-Августъ былъ самъ оскорбленъ поступкомъ своего генерала, но не могъ удовлетворить требованію конфедераціи, такъ какъ Фризе бѣжалъ тайно за границу.

По расторженіи переговоровъ, началась снова борьба на всемъ пространствѣ рѣчипосполитой. Гняздовскій*), соединившись съ маршаломъ великопольской конфедераціи, отнялъ (25 іюля) Познань у саксонцевъ силой и хотѣлъ принудить прусскія воеводства присоединиться къ конфедераціи. Генералъ Бозе собралъ саксонцевъ и завязалъ съ Гняздовскимъ бой подъ Ковалевомъ (2 октября), окончившійся весьма неблагополучно для поляковъ. Гняздовскій потерялъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до 2,000 человѣкъ и принужденъ былъ отступить въ Великопольшу.

Фридрихъ-Августъ старался рѣшительно объ успокоеніи рѣчипосполитой. Когда прибыли послы конфедераціи (11 августа) заключено было двухнедѣльное перемиріе, а переговоры должны были начаться снова въ Люблинѣ. Это однако не состоялось, хотя король увѣдомилъ, что саксонскія войска уже выступаютъ. Съѣздъ въ Казимірѣ кончился также ничѣмъ и только въ Варшавѣ начались (26 сентября) дѣйствительно переговоры. Въ договорѣ, заключенномъ 3 ноября, сказано, что саксонцы выйдутъ совершенно изъ Польши, король уменьшитъ число саксонскихъ придворныхъ, въ польскихъ дѣлахъ не будетъ употреблять саксонцевъ, а въ саксонскихъ — поляковъ, не имѣетъ права никого арестовать, какъ только на основаніи судебнаго приговора, войско будетъ хорошо организовано и получать жалованье, будутъ возстановлены прежніе уставы, права и принятыя обыкновенія, нарушители общественнаго спокойствія, а равно и настоящаго договора, будутъ судимы

*) Янъ Гняздовскій былъ отряднымъ начальникомъ въ коронномъ войскѣ. Главная причина пораженія поляковъ — споры о верховномъ начальствѣ надъ войскомъ.

Прим. перевод.

верховнымъ судомъ, который долженъ существовать постоянно до перваго сейма послѣ заключенія мира съ Швеціей, гетманы принесутъ присягу, новыя церкви иновѣрцевъ будутъ разрушены, а равно воспрещается иновѣрцамъ собираться въ молельняхъ и слушать проповѣди тамъ, гдѣ до шведской войны этого не было въ обыкновеніи, иностранные послы не имѣютъ права впускать въ свои домашнія церкви никого болѣе, кромѣ состоявшихъ при нихъ лицъ, саксонцы ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ возвратиться въ Польшу, и теперешній выходъ ихъ, кромѣ 1,200 человѣкъ королевской гвардіи, долженъ быть произведенъ на собственный счетъ, безъ малѣйшаго отягощенія жителей, воеводства расторгнутъ тотчасъ конфедерацію, но войско сохранитъ ее до ратификаціи договора, все что произошло со времени вторженія шведовъ будетъ предано забвенію, исключая Лещинскаго и его приверженцевъ, которые подвергнутся всей строгости закона, если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не будутъ просить о помилованія у рѣчипосполитой. Договоръ этотъ долженъ былъ имѣть силу основнаго закона рѣчипосполитой, протесты противъ него считаться недѣйствительными, а ослушники же наказаны, какъ враги отечества и нарушители общественнаго спокойствія *).

Еще нужна была ратификація короля, конфедераціи и сейма, чтобы договоръ получилъ законную силу. Правда, что генеральный маршалъ конфедераціи Ледуховскій и совѣтники его, разсмотрѣвъ статьи договора, сообщили королю свое мнѣніе и требовали измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ; но когда саксонцы дѣйствительно вышли изъ рѣчипосполитой, то при посредничествѣ Долгорукова послѣдовала ратификація договора (30 января 1717). Воеводства и войско подписали его на Прагѣ: король подписывалъ отдѣльно для короны и отдѣльно для Литвы, съ приложеніемъ соотвѣтствующихъ печатей. На слѣдующій день Ледуховскій и его совѣтники прибыли въ Варшаву, а 1 февраля собрался сеймъ, который

*) Любопытный этотъ договоръ, напечатанъ весь на польскомъ и латинскомъ языкахъ, въ собраніи польскихъ законовъ, Volumina legum, T. VI, стр. 112 (изд. 1860 г.). *Прим. перевод.*

не былъ заранѣе объявленъ и которому не предшествовали сеймики. Маршалъ конфедераціи былъ маршаломъ палаты, а его совѣтники заняли мѣсто пословъ. Это былъ сеймъ особеннаго рода, названный впослѣдствіи очень справедливо нѣмымъ. Тотчасъ послѣ открытія засѣданія, началось чтеніе проекта закона, составленнаго на основаніи заключеннаго дововора. Чтеніе продолжалось пять часовъ, никому не дозволено было говорить, приказано утвердить законъ безъ измѣненій. Тщетны были жалобы примаса, короннаго польнаго гетмана, даже протесты нѣсколькихъ литовцевъ противъ этого нововведенія. Въ тотъ же день послѣдовало утвержденіе закона, и сеймъ былъ закрытъ. Число коронныхъ и литовскихъ войскъ сокращено до двадцати съ чѣмъ то тысячъ, но на содержаніе его опредѣлены постоянныя подати съ каждаго воеводства *).

---

*) Въ то время когда въ Польшѣ появились военныя конфедераціи, постояннаго войска въ ней было очень мало, но оно получало извѣстный доходъ изъ такъ называемой кварты. Во время войны, даже безъ посполитаго рушенія войско увеличивали, нанимая вооруженныхъ людей, на одну или нѣсколько третей года, назначая жалованье съ каждой лошади; составлялись кадры новыхъ хоругвей, назначались ротмистры, уполномоченные набирать людей. Къ ротмистрамъ являлась шляхта, для которой война была ремесломъ, безземельная, проживающая у родныхъ или при дворахъ богатыхъ вельможъ. Каждый приводилъ нѣсколькихъ лошадей и прислугу, а потому долженъ былъ кормить нѣсколько человѣкъ, не получая провіанта. Пока война продолжалась въ непріятельской странѣ, каждый промышлялъ какъ могъ, но по возвращеніи въ отечество, приходилось отвѣтствовать передъ судомъ и поплатиться или карманомъ или тюрьмой за каждаго взятаго барана, за каждую мѣру овса. Ежели третное жалованье не уплачивалось, войско бывало дѣйствительно въ затруднительномъ положеніи. Тогда составлялся такъ называемый кругъ (koło), въ рукахъ котораго, во время военной конфедераціи, находилась высочайшая власть. Являлись ораторы: одни требовали составленія конфедераціи, другіе доказывали, что рѣчьпосполитая - нѣжная мать, что она не забудетъ своихъ сыновей; иные говорили, что здѣсь дѣло не съ рѣчьюпосполитой, но съ вельможами, стоящими высоко, набивающими свои карманы, но не думающими о бѣдномъ солдатѣ, который проливаетъ свою кровь, а потомъ умираетъ съ голоду, или что здѣсь дѣло съ королемъ, который осыпаетъ деньгами придворныхъ и своихъ кудрявыхъ нѣмцевъ, не безпокоясь о защитникахъ рѣчипосполитой. Наконецъ конфедерація избирала маршала и нѣсколькихъ депутатовъ, войска вступали въ королевскія имѣнія и любили по преимуществу занимать города. Ежели во время конфедераціи собирался сеймъ, войско отправляло депутатовъ,

Принудивъ короля удалить саксонцевъ, рѣчьпосполитая хотѣла также освободиться отъ русскихъ, стоявшихъ частью въ Великопольшѣ, частью въ Данцигѣ. Въ засѣданіи сената (22 марта) рѣшено было отправить къ царю Понинскаго, съ просьбою удалить изъ рѣчипосполитой русскія войска. Петръ I, находившійся тогда въ Парижѣ, вручилъ польскому посланнику (18 мая) письменное приказаніе на имя Шереметева, выступить изъ Польши съ соблюденіемъ въ войскѣ строжайшей дисциплины.

Фридрихъ-Августъ, проживая почти постоянно въ Саксоніи, мало заботился о рѣчипосполитой. Прибывъ на короткое время на польскую границу (въ декабрѣ), онъ собралъ сенатъ во Всховѣ, послѣ чего тотчасъ воротился въ Дрезденъ (4 января 1718). Понинскій былъ вторично отправленъ къ Петру, такъ какъ генералы его постоянно находили предлоги для отстрочки выступленія войскъ Дѣла потребовали созванія сейма, который былъ открытъ (3 октября) въ Гроднѣ.

Сеймъ этотъ былъ доказательствомъ грустнаго настроенія умовъ въ Польшѣ. Виленскій каноникъ Жебровскій доказывалъ въ пространной сеймовой проповѣди, что всѣ несчастія, испытываемыя рѣчьюпосполитой — наказаніе Божье за потворство иновѣрцамъ и что тогда только отечество будетъ благоденствовать, когда они не будутъ участвовать въ совѣтахъ и находиться въ краѣ. Онъ почти явно поощрялъ сословія къ ихъ истребленію. Подобное воззваніе послужило поводомъ къ страшнымъ сценамъ. Когда пришлось избирать маршала, велюнскій посолъ Піотровскій кальвинъ, просилъ голоса. Противъ этого протестовалъ какой-то священникъ, не имѣющій на то даже никакого права, такъ какъ онъ не засѣдалъ даже въ палатѣ; не смотря на то большинство пословъ похвалило протестъ, что вызвало страшный шумъ. Мно-

---

которые требовали жалованья; обыкновенно сеймъ назначалъ коммисаровъ для сведенія счетовъ съ войскомъ, опредѣлялъ подати и обѣщалъ прощеніе всѣмъ участникамъ конфедераціи. Кварцяное войско возвращалось въ повиновеніе гетмановъ, а третное или расходилось по домамъ, или заключало новыя условія для дальнѣйшей службы. *Прим. перевод.*

гіе опровергали законъ, требующій будто бы, чтобы посолъ былъ не только шляхтичемъ, но и католическаго исповѣданія. Ничего не помогло. Послы, дошедшіе до высшей степени фанатизма, принудили Піотровскаго выйти изъ палаты и протестъ его считали недѣйствительнымъ. Это былъ первый примѣръ, что законно избраннаго посла не допустили къ совѣщаніямъ, вслѣдствіе различія вѣры. Краковскій воевода справедливо обвинялъ духовенство, что несвоевременнымъ усердіемъ, оно разрушаетъ довѣріе и взаимную любовь гражданъ рѣчипосполитой и подвергаетъ отечество величайшей опасности.

Главной задачей сейма было разрѣшеніе вопроса о выступленіи русскихъ войскъ изъ земель рѣчипосполитой, послы же не хотѣли ничѣмъ заняться, пока король не обѣщаетъ принять этого дѣла на себя. Коронный великій канцлеръ, доказавъ старанія короля въ этомъ отношеніи, приглашалъ сословія продолжать совѣщанія. Рѣшено было отправить Хоментовскаго къ русскому царю, на всякій же случай назначено посполитое рушеніе. Утверждены постановленія предъидущаго сейма, но оговорена въ будущемъ полная свобода голоса. По случаю постановленія о посполитомъ рушеніи, которое назначалось также и съ духовныхъ имѣній, дошло до споровъ съ примасомъ, но не смотря на это законъ состоялся. Сеймъ былъ отсроченъ (15 ноября) до полученія отвѣта отъ русскаго царя, а принятыя постановленія получили законную силу, какъ будто сеймъ былъ уже закрытъ.

Между тѣмъ Петръ I началъ переговоры съ Карломъ XII на островѣ Аландѣ. Король шведскій требовалъ, чтобы царь вооружилъ 80,000 человѣкъ и принудилъ Фридриха-Августа къ выполненію альтранштатскаго мира. Но смерть Карла подъ крѣпостью Фридрихсгалль въ Норвегіи, гдѣ онъ погибъ (11 декабря) отъ пушечнаго ядра, прервала переговоры. Сестра его и наслѣдница престола Ульриха-Елеонора, заключила съ Фридримомъ-Августомъ перемиріе, который, безъ вѣдома рѣчипосполитой, входилъ уже въ переговоры съ Англіею и вѣнскимъ дворомъ о заключеніи наступательно-оборонительнаго союза.

Въ Курляндіи владѣлъ, въ качествѣ польскаго ленника, Фердинандъ, послѣдній изъ мужскихъ потомковъ Кетлера. Герцогъ былъ старъ и холостъ, и когда племянникъ его Фридрихъ-Вильгельмъ, женатый на племянницѣ русскаго царя Аннѣ Іоанновнѣ, скончался 14 дней спустя послѣ свадьбы (1710), рѣчьпосполитая намѣревалась присоединить Курляндію къ польскимъ владѣніямъ, не передавая ея болѣе никому въ видѣ лена. Петръ I имѣлъ однако другіе планы. Во время свиданія съ прусскимъ королемъ, онъ согласился обвѣнчать овдовѣвшую Анну съ бранденбургскимъ маркграфомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, склонилъ курляндскія сословія, признать маркграфа преемникомъ еще при жизни Фердинанда и просить Фридриха-Августа черезъ посольство, во время гродненскаго сейма объ утвержденіи этихъ предположеній. Король принялъ посольство очень холодно, сенатъ же протестовалъ противъ подобнаго распоряженія.

Письменный отвѣтъ царя на посольство сейма, полученъ былъ въ Варшавѣ 28 декабря. Петръ I соглашался отозвать свои войска, когда Данцигъ исполнитъ принятыя на себя обязательства. Долгоруковъ далъ (3 января 1719) отвѣтъ такого же содержанія, требуя кромѣ того курляндскаго герцогства для Фридриха-Вильгельма. Сенатъ отложилъ дѣло до собранія будущаго сейма, между тѣмъ русскіе, получивъ послѣдній денежный платежъ съ Данцига, выступили изъ Польши.

Фридрихъ-Августъ, проживая большую часть времени въ Саксоніи, пріѣзжалъ только на засѣданія сената и во время сеймовъ. Въ августѣ онъ женилъ сына своего, также Фридриха-Августа на дочери германскаго императора Іосифа. Отсроченный сеймъ собрался снова (30 декабря). Союзъ, заключенный безъ вѣдома рѣчипосполитой (5 января) съ Англіей и Австріей, вызвалъ бурныя пренія. Нѣкоторые требовали чтобы Флеминга, дѣйствовавшаго отъ имени рѣчипосполитой безъ всякаго на то полномочія, судить какъ измѣнника. Другіе противились этому на томъ основаніи, что союзъ не подвергаетъ рѣчипосполитой никакой опасности. Противъ Флеминга, который былъ саксонскимъ фельдмаршаломъ и полков-

никомъ королевской гвардіи въ Польшѣ, были еще и другія обвиненія. Король поручилъ ему командованіе частію коронпаго войска, состоящей изъ нѣмецкихъ солдатъ. Коронные гетманы сперва этому не противились, но шляхтѣ показалось опаснымъ, чтобы иностранецъ располагалъ частью войскъ рѣчипосполитой. Такъ какъ кромѣ того Флемингъ, пользовавшійся полнѣйшимъ довѣріемъ короля, не обращалъ вниманія на распоряженія гетмановъ, то многимъ посламъ поручено было въ инструкціяхъ ни къ чему на сеймѣ не приступать, пока гетманская власть не будетъ возстановлена въ точности. Палата отправила своего маршала къ королю, для представленія ему желаній пословъ въ этомъ отношеніи. Отрицательный отвѣтъ короля, будто гетманская власть не претерпѣваетъ никакого стѣсненія, былъ причиной прекращенія совѣщаній. Тогда король началъ жаловаться, что многіе для того только возбуждаютъ споры о власти гетмановъ, чтобы поколебать довѣріе между нимъ и сословіями, но обѣщалъ все исправить, что̀ согласно съ честью его и рѣчипосполитой, лишь бы ему было указано, въ чемъ собственно была нарушена гетманская власть. Палата потребовала рѣшительно, чтобы король отнялъ у Флеминга начальство, на что Фридрихъ-Августъ не согласился и сеймъ былъ расторгнутъ (23 февраля). Дѣло это было причиной, что и слѣдующій обыкновенный сеймъ (30 сентября) въ Варшавѣ, кончился ничѣмъ (5 ноября). Посольская палата не хотѣла даже избирать маршала, пока король не возвратитъ гетманской власти прежней силы. Расторженіе двухъ сеймовъ убѣдило Фридриха-Августа, что любимецъ его не можетъ сохранить начальства надъ отрядомъ и въ засѣданіи сената (15 ноября) рѣшено было войти въ переговоры съ гетманомъ. Покончено было тѣмъ, что Флемингъ сохранитъ командованіе, но подчинится великому гетману, который въ случаѣ отъѣзда его изъ края, передаетъ командованіе кому захочетъ; при производствѣ офицеровъ въ полкахъ этого отряда, король будетъ по преимуществу обращать вниманіе на представленіе гетмана. Договоръ этотъ былъ разосланъ въ реляціонные сеймики, въ той надеждѣ, что онъ устранитъ въ будущемъ всякія недоразумѣнія.

По случаю расторженія двухъ сеймовъ, не могло состояться окончательное соглашеніе съ русскимъ царемъ. Польскіе уполномоченные требовали, правда, во время переговоровъ съ княземъ Долгоруковымъ, выступленія русскихъ войскъ изъ Курляндіи и присоединенія къ Волыни Инфлянтовъ, но царскій посолъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта. Между тѣмъ 10 сентября 1721 года послѣдовало заключеніе мира съ Швеціей, въ который была включена и Польша. При посредничествѣ царя, шведы должны были заключить съ рѣчьюпосполитой вѣчный миръ, когда будетъ опредѣлено время и мѣсто, гдѣ соберутся ихъ уполномоченные. По заключеніи мира, Петръ I принялъ титулъ Россійскаго Императора.

Сеймъ, открытый 5 октября 1722 года, долженъ былъ разрѣшить многіе вопросы: возвратить Ливонію, очистить Курляндію отъ россійскихъ войскъ, выкупить эльбингскій округъ, удовлетворить войско и въ особенности принять мѣры для улучшенія состоянія городовъ, пришедшихъ въ совершенный упадокъ. Вмѣсто того, цѣлыя шесть недѣль спорили о Флемингѣ и гетманской власти. Даже объявленіе Флеминга, что онъ откажется отъ всякаго начальства надъ коронным войскомъ, ежели сеймъ займется предложенными ему вопросами, ничего не помогло. Опять начались споры, потому что одни требовали немедленнаго возвращенія гетманамъ всей прежней власти, другіе же хотѣли ее ограничить новымъ закономъ. Эти споры заняли все остальное время сейма, послѣ чего послы разъѣхались.

Пришлось отложить всѣ дѣла до будущаго сейма, который долженъ былъ собраться только черезъ два года. Къ счастію вездѣ былъ миръ, даже внутри рѣчипосполитой не доходило до опасныхъ сотрясеній. Король жилъ большею частію въ Саксоніи, куда отправлялись многіе, искавшіе его милостей и высшихъ должностей. Блескъ и роскошь двора производили очень дурное вліяніе на высшіе слои польскаго общества, которые, въ свою очередь, развращали большинство шляхты. Начались пиры и попойки, характеристическія черты царствованія саксонской династіи *). Народное образованіе,

*) Дѣйствительно, послѣ изгнанія шведовъ и успокоенія рѣчипосполитой отъ междоусобной войны, возбужденной Карломъ XII и Станиславомъ Лещин-

попавшее въ руки іезуитовъ, подрыло настоящее просвѣщеніе, а съ нимъ вмѣстѣ гражданскія добродѣтели и уничтожило благоразумную вѣротерпимость, нѣкогда отличительную черту польскаго народа. За то умножились предразсудки, увеличилось суевѣріе, чѣмъ ниже было просвѣщеніе, тѣмъ яростнѣе возставали противъ иновѣрцевъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ торунское дѣло. Во время крестнаго хода (16 іюля 1724) ученикъ іезуитовъ побилъ лютеранина, который не снялъ шапки. Когда тотъ ученикъ и послѣ крестнаго хода, далъ поводъ къ дракѣ, торунскій магистратъ приказалъ арестовать его. Товарищи арестованнаго, желая его освободить, подняли шумъ; зачинщикъ тоже попалъ въ тюрьму. Раздраженные еще болѣе, ученики схватили какого-то гимназиста лютеранина, угрожая, что его не отпустятъ, пока ихъ товарищи не будутъ освобождены. Это вызвало сборище народа передъ школой іезуитовъ. Бургомистръ Янъ Рёснеръ, желая усмирить волненіе, требовалъ, но напрасно, освобожденія гимназиста. Народъ раздраженный отказомъ, ворвался въ училищный домъ и не довольствуясь освобожденіемъ арестованнаго, прибѣгнулъ къ многимъ злоупотребленіямъ и только прибытіе вооруженной силы успокоило волненіе. Іезуиты подали жалобу противъ города въ ассесоріальный судъ за оскверненіе святыни и разграбленіе школы. Магистратъ оправдывался тѣмъ, что іезуитскіе ученики первые подали поводъ къ дракѣ и что кромѣ того, изъ оконъ школы, стрѣляли. Прибывшая на мѣсто коммиссія изъ 21 членовъ, должна была разсмотрѣть

кимъ, на всемъ пространствѣ Польши начались парады, пиры, привѣтствія, угощенія. Край веселый, счастливый, упивался настоящимъ, не думая о будущности, народный голосъ молчалъ. Вельможи мотали страшно. Это была эпоха блестящихъ въѣздовъ въ воеводства, каштелянiи, староства и епископства; вездѣ пушечные выстрѣлы при привѣтствіяхъ и при прощаніяхъ. Король придумывалъ военныя забавы; на маневры, или какъ тогда называли кампаменты, собиралась почти вся Европа въ Мильбергѣ въ Саксоніи и въ Вилановѣ подъ Варшавой. Незаконная дочь короля, госпожа Оржельская, знаменитая красавица, царила и на этихъ блестящихъ военныхъ забавахъ. Любознательный читатель найдетъ много подробностей о приключеніяхъ короля и о его незаконныхъ дѣтяхъ, въ рѣдкомъ, но интересномъ сочиненіи: La Saxe galante.

Прим. перевод.

все дѣло. Почти всѣ сеймики въ Коронѣ и Литвѣ, управляемые іезуитами и другимъ духовенствомъ, требовали мести за мнимое святотатское посягательство на честь Бога, и судъ, подъ вліяніемъ такихъ мнѣній, долженъ былъ произнести строжайшій приговоръ. Бургомистръ Рёснеръ и девять человѣкъ горожанъ приговорены къ смерти, многія другія лица посажены въ тюрьму. Сеймъ утвердилъ приговоръ, который и исполненъ (5 декабря) въ Торнѣ, не смотря на представленія россійскаго и прусскаго посланниковъ *).

Сеймъ собранный (2 октября) въ Варшавѣ, начался довольно благополучно, когда маршалъ прежняго сейма донесъ, что Флемингъ отказался добровольно отъ порученнаго ему отряда. Неожиданно приказъ великаго гетмана ко всѣмъ офицерамъ иностранныхъ полковъ, далъ поводъ къ 20-дневнымъ спорамъ. Въ приказѣ этомъ офицерамъ воспрещалось подъ опасеніемъ казни, повиноваться кому бы то ни было кромѣ гетмановъ и представлять отчеты кому нибудь другому. Многіе послы полагали, что подобное распоряженіе, уничтожающее верховную власть короля и рѣчипосполитой надъ войскомъ, ставитъ всѣхъ въ зависимость отъ произвола гетмановъ. Одни, требовали затѣмъ отмѣны приказа и предоставленія королю права распоряжаться коронной гвардіей, безъ чего онъ былъ бы просто узникомъ гетмановъ; другіе же — сохраненія неприкосновенною всей власти гетмановъ. Когда ни одна изъ спорящихъ сторонъ не хотѣла уступить, дѣло было отложено до позднѣйшаго времени. Пренія о торунскихъ смутахъ заняли также не мало времени; они кончились утвержденіемъ приговора. Много важныхъ дѣлъ было отложено. Разрѣшивъ только нѣкоторыя изъ нихъ, сеймъ отсрочился (14 ноября) до будущаго собранія въ Гроднѣ.

Торунское дѣло вызвало рѣзкія заявленія со стороны некатолическихъ государствъ, подписавшихъ оливскій миръ. Англія, Данія, Швеція, Пруссія и Голландія приняли сторону диссидентовъ, тогда

---

*) Кромѣ россійскаго и прусскаго посланниковъ, даже папскій нунцій дѣлалъ представленіе въ пользу приговоренныхъ. Городъ принужденъ былъ уплатить еще іезуитамъ, за причиненные имъ убытки, 22,000 злот., зданіе лютеранской гимназіи отдано бернардинамъ на монастырь. *Прим. перевод.*

какъ Петръ I ходатайствовалъ о лицахъ, отступившихъ отъ уніи. Неизвѣстно какъ кончилось бы это послѣднее дѣло, если бы императоръ Петръ I не скончался 8 февраля 1725 года. Рѣзче всѣхъ возставалъ противъ приговора въ торунскомъ дѣлѣ англійскій посланникъ, не только въ собраніи германскихъ чиновъ, но и во время аудіенціи у Фридриха-Августа въ Дрезденѣ, такъ что когда король прибылъ (22 августа) въ Варшаву, этому посланнику было отказано въ публичной аудіенціи въ сенатѣ. Окончательный отвѣтъ на представленія помянутыхъ государствъ въ дѣлѣ иновѣрцевъ, былъ отложенъ до собранія сейма, а теперь послано всѣмъ увѣреніе въ неизмѣнной дружбѣ. Такъ какъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, защищая Торнъ и иновѣрцевъ въ Польшѣ, упрекалъ рѣчьпосполитую въ нарушеніи велявскаго договора и условій оливскаго мира, то примасъ представилъ королю записку, объясняющую до какой степени прусскій король нарушалъ постоянно велявскій договоръ. Онъ доказывалъ, что король преслѣдуетъ католиковъ, даже обижаетъ лютеранъ, предоставляя кальвинамъ самыя лучшія должности, что занявъ эльбингскій округъ только въ видѣ залога, парализируетъ тамъ верховную власть рѣчипосполитой, вербуетъ поляковъ силою въ свои войска, и что въ присягѣ, учиненной ему жителями восточной Пруссіи, не было оговорено, что Пруссія переходитъ во владѣніе рѣчипосполитой, въ случаѣ прекращенія мужской линіи и т. п. Фридрихъ-Августъ отправилъ записку примаса, при собственноручномъ письмѣ, къ прусскому королю. Въ отвѣтѣ своемъ Фридрихъ - Вильгельмъ старался опровергнуть часть сдѣланныхъ ему упрековъ, предлагая для разсмотрѣнія ихъ составить коммиссію при посредничествѣ Англіи и Франціи, и присовокупляя въ концѣ, что по поводу торунскаго или какого бы то ни было другаго дѣла, никто не думаетъ угрожать рѣчипосполитой войной, но всѣ желали бы только видѣть обезпеченными права польскихъ диссидентовъ.

Большой совѣтъ сената, собранный (15 января 1726) въ Варшавѣ, нашелъ необходимымъ назначить сеймики, прежде чѣмъ соберется отсроченный сеймъ. Онъ постановилъ также увеличить гарнизоны въ Торнѣ, Эльбингѣ и Познани, заключить съ вѣнскимъ

дворомъ договоръ относительно опредѣленія границъ и просить императрицу Екатерину I, вступившую на престолъ послѣ смерти Петра В., отозвать изъ Курляндіи россійскія войска и возвратить Ливонію. Относительно прусскаго короля рѣшено было продолжать съ нимъ переговоры, и дѣлать военныя приготовленія противъ шведовъ, еслибъ они не соглашались заключить миръ. Въ секретной запискѣ сенатъ совѣтовалъ королю собрать войска на прусской границѣ и выгнать пруссаковъ силой изъ предмѣстій Эльбинга, еслибъ они не хотѣли уступить добровольно. Но Фридрихъ-Августъ отвергъ этотъ совѣтъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ надѣется кончить все путемъ переговоровъ.

Между тѣмъ въ Курляндіи, которая послѣ смерти герцога Фердинанда, должна была перейти въ непосредственное распоряженіе рѣчипосполитой, собрался противозаконный съѣздъ, для избранія наслѣдника. Россійская императрица желала предоставить курляндское герцогство Меньшикову или герцогу голштейнскому, а польскій король — незаконному своему сыну графу Маврикію Саксонскому. Старанія короля увѣнчались успѣхомъ. Маврикій былъ избранъ единогласно (28 іюня). Когда собрался сеймъ въ Гроднѣ (28 сентября), всѣ возстали противъ съѣзда и незаконнаго выбора. Король, который чрезъ своихъ агентовъ, самъ былъ главной пружиной съѣзда, долженъ былъ теперь дать увѣреніе, что онъ не дозволитъ ни въ чемъ нарушить прежнихъ постановленій относительно Курляндіи, приказать сыну тотчасъ выѣхать изъ герцогства и прислать ему всѣ бумаги, относящіяся до происходившаго выбора. Сеймъ не довольствовался еще этимъ: онъ обезпечилъ новымъ закономъ права рѣчипосполитой на Курляндію. Сеймъ окончился благополучно 10 ноября. Въ томъ же году скончался въ Жолкви (22 іюля), не оставивъ потомства, королевичъ Константинъ Собѣскій.

Назначенная во время сейма курляндская коммисія, открыла свои дѣйствія 26 августа 1727 г. Разсмотрѣвъ все дѣло о незаконномъ выборѣ герцога, она назначила курляндскимъ сословіямъ новый съѣздъ, которые торжественно объявили, что послѣ смерти

герцога Фердинанда, Курляндія переходитъ подъ непосредственное управленіе короля и рѣчипосполитой. Составленъ былъ соотвѣтственный актъ, который долженъ былъ утвердить сеймъ рѣчипосполитой. Маврикій, все еще расчитывая на помощь отца, хотѣлъ защищаться, но принужденъ былъ русскими отступить и потомъ бѣжалъ въ Данцигъ. Всѣхъ захваченныхъ его солдатъ русское войско выдало польскимъ коммисарамъ.

Король, жившій постоянно въ Саксоніи, пріѣзжалъ въ Польшу на короткое время, когда собирался сенатъ или сеймъ. Болѣзнь короля (осенью 1728) помѣшала обыкновенному сейму собраться въ Гроднѣ, такъ какъ сеймъ безъ короля не могъ ничего рѣшать. Выздоровѣвъ, Фридрихъ-Августъ прибылъ (3 мая 1729) въ Варшаву, и послѣ совѣщанія съ сенатомъ, созвалъ новый сеймъ въ Гродно (23 августа). Еще до выбора маршала возникъ споръ, считать ли этотъ сеймъ обыкновеннымъ или экстраординарнымъ. Во время спора, какой то шляхтичъ не бывшій посломъ, упрекнулъ одного изъ литовскихъ пословъ, въ томъ, что онъ избранъ противозаконно. Оскорбленный посолъ представилъ протестъ и удалился. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе и сеймъ былъ расторгнутъ.

Расторженіе сейма было весьма вредно, потому что отъ этого страдали общественныя дѣла. Необходимо было привести къ окончанію переговоры съ Россіей, прусскимъ королемъ и Швеціей, а равно и съ другими государствами относительно правъ польскихъ диссидентовъ. Все это могъ сдѣлать только сеймъ, а потому король созвалъ снова обыкновенный сеймъ въ Гродно (2 октября 1730). Нѣкоторые вельможи изъ личныхъ видовъ, хотѣли расторгать сеймики. И такъ люблинскій воевода Тарло отправилъ своихъ агентовъ въ Пруссію нарочно затѣмъ, чтобы расторгнуть съѣздъ. Это ему не удалось, потому что одинъ изъ его эмиссаровъ едва спасъ свою жизнь и сознался во всемъ; но подобные происки не предвѣщали благополучнаго исхода сейма. Въ самомъ началѣ пруссаки представили жалобу на радомскій трибуналъ, который приговорилъ поморскаго воеводу заочно къ строгому наказанію. Едва ихъ успо-

коили, какъ литовцы потребовали удовлетворенія за оскорбленіе нанесенное послу на прошломъ сеймѣ. Когда и это препятствіе было устранено, уницкій посолъ Марцинкевичъ потребовалъ предъявленія диплома курляндскаго избранія и не добившись этого, остановилъ дѣйствія сейма (16 октября). По случаю расторженія сейма, король не могъ раздать гетманскихъ булавъ, такъ что оба войска остались безъ гетмановъ.

Фридрихъ-Августъ, любившій пышность и великолѣпіе, окружалъ себя блестящимъ дворомъ и собиралъ ежегодно въ Саксоніи войска свои для большихъ упражненій, во время которыхъ при дворѣ его пиры и забавы не прекращались. Прибывъ въ Варшаву (5 марта 1732), онъ собралъ польскіе иностранные полки въ лагерь подъ Виллановымъ, пируя безпрерывно, какъ и въ Саксоніи, во все время маневровъ. По случаю этихъ военныхъ забавъ, въ столицѣ рѣчипосполитой, собралось множество польскихъ и иностранныхъ вельможъ. Когда одновременно съ открытіемъ лагеря долженъ былъ собраться въ Варшавѣ экстраординарный сеймъ, всѣ начали громко жаловаться, что король, подъ предлогомъ маневровъ, собралъ нѣмецкіе полки близь Виллянова, чтобы управлять преніями сейма по своему усмотрѣнію. Опасенія эти были неосновательны, такъ какъ маневры кончились до открытія сейма. Сеймъ былъ открытъ 18 сентября при бурныхъ предзнаменованіяхъ. Литовцы считали его незаконнымъ, такъ какъ онъ былъ собранъ не въ Гроднѣ, какъ того требовала очередь. Тщетны были старанія всѣхъ пословъ, даже короля, который доказывалъ необходимость разрѣшенія многихъ вопросовъ. Протесты слѣдовали одинъ за другимъ, и когда не смотря на это, король хотѣлъ роздать булавы, посолъ Липскій выступилъ съ новымъ протестомъ, умоляя всѣхъ не продолжать сейма, нарушеннаго уже столькими протестами. Такимъ образомъ сеймъ былъ расторгнутъ 2 октября.

Между тѣмъ польскіе уполномоченные кончили переговоры съ шведскимъ посланникомъ генераломъ Цюллихомъ. Оливскій договоръ былъ возобновленъ на вѣчныя времена. Оба государства должны были соблюдать миръ и помогать другъ другу; послѣднія событія

преданы забвенію. Противъ этого мира протестовалъ русскій посланникъ графъ Левенвальдъ (15 сентября), на томъ основаніи, что переговоры были кончены безъ участія Россіи. Почти въ тоже время (3 ноября) возобновленъ былъ союзъ съ австрійскимъ дворомъ и посланникъ его графъ Вильчекъ обѣщалъ рѣчипосполитой содѣйствіе Австріи во всемъ.

Король созвалъ (16 января 1733) экстраординарный сеймъ въ Варшаву, для ратификаціи мира со Швеціей и разрѣшенія многихъ другихъ дѣлъ. Совѣщанія начались совершенно благополучно и была надежда, что сеймъ окончится точно также. Неожиданная смерть короля (1 февраля) все разстроила. Фридрихъ-Августъ въ прежнее время раздробилъ себѣ палецъ на ногѣ и часто страдалъ отъ этой раны, дурно залеченной. Вслѣдствіе путешествія зимой, страданія увеличились, сдѣлался антоновъ огонь и не было никакой возможности спасти короля*).

---

*) Хотя Фридрихъ-Августъ скончался 1 февраля, но тѣло его оставалось въ Варшавѣ до 11 августа. Въ этотъ день только происходило торжественное перенесеніе его въ гробницы королей въ Краковѣ. Шествіе состояло изъ трехъ похоронныхъ колесницъ: на первой везли смертные останки королевы Маріи-Казиміры, жены Яна Собѣскаго, на второй — тѣло этого короля, которое до сего времени оставалось въ Варшавѣ, на третьей — Августа II. Смертные останки королей привезены были въ Краковъ 20 августа. Вездѣ по дорогѣ видны были слѣды продолжительной междоусобный войны; города и деревни опустѣли, а на развалинахъ стѣнъ, воздвигнутыхъ когда-то Казиміромъ В. и Сигизмундомъ, росла трава. Плодоносныя равнины обратились въ пустые лѣса, торговля и промышленность упала, общественной безопасности, не существовало. Отсутствіе образованія, пренебреженіе къ наукѣ и къ людямъ, занимавшимся наукой, сдѣлались какъ бы отличительной чертой высшаго сословія, какъ-то справедливо замѣтилъ г. Шмиттъ. Отсюда зародились во всѣхъ сословіяхъ безнравственность, и необузданное своеволіе, возбуждаемыя еще отвратительнымъ пьянствомъ. Въ управленіи не было никакого порядка и Польша походила на шумную корчму, въ которой драки, споры и всякаго рода безчинства давали людямъ значеніе. Все сдѣлалось продажнымъ, все унижалось. Мелкая шляхта снимала шапки передъ вельможами, воспитываясь при ихъ дворахъ и получая впослѣдствіи въ пожизненное владѣніе мызы и деревни, она поддерживала ихъ на сеймахъ и сеймикахъ, потому что ей такъ приказывали. Вельможи, въ свою очередь, выманивали у короля доходныя должности и богатыя староства. Добродѣтель, честность, любовь къ отечеству можно было найти развѣ гдѣ нибудь подъ соломенной крышей, и всѣ повторяли:

Царствованіе Фридриха-Августа вовлекло рѣчьпосполитую въ обременительныя войны и, что хуже этого, поколебало ея могущество. Вліяніе двора вредно дѣйствовало на народную нравственность. Постоянныя сношенія короля, стремившагося къ единодержавію, съ сосѣдними монархами, давали имъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла рѣчипосполитой. Во времена Августа II созрѣли зародыши зла, бывшаго причиной паденія Польши. Въ этомъ отношеніи царствованіе Фридриха Августа можно справедливо назвать дурнымъ предзнаменованіемъ для рѣчипосполитой.

Za Króla Sasa
Pij, hulaj i popuszczaj pasa.

т. е. при королѣ Саксонцѣ, пей, кути и распускай кушакъ.

Прим. перевод.

КОНЕЦЪ.